
КУЗНЕЦК В ВОСПОМИНАНИЯХ БРАТЬЕВ БУЛГАКОВЫХ

НОВОКУЗНЕЦК 400

НОВОКУЗНЕЦК 400

УДК 94(571.17)
ББК 63.3(2Рос-4Кем)
К89

Братья Валентин и Вениамин Булгаковы

Проект реализован при финансировании Министерства культуры Российской Федерации, Администрации Кемеровской области и Администрации города Новокузнецка.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА НОВОКУЗНЕЦКА
НОВОКУЗНЕЦКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

КУЗНЕЦК В ВОСПОМИНАНИЯХ БРАТЬЕВ БУЛГАКОВЫХ

К89 **Кузнецк в воспоминаниях братьев Булгаковых** : [сборник] / Муниципальное автономное учреждение культуры «Новокузнецкий краеведческий музей» ; [сост., вступ. ст., комм. : П. П. Лизогуб]. – Новокузнецк : ООО «ДЕАЛ», 2018. – 816 с. : ил.

6+

В книге впервые публикуются воспоминания последнего секретаря Л.Н.Толстого, выдающегося деятеля культуры, литератора Валентина Фёдоровича Булгакова (1886-1966), уроженца г. Кузнецка (ныне Новокузнецка), о детстве, проведённом в родном городе, и охватывают период конца XIX – начала XX вв. Здесь же публикуются воспоминания о детских годах в Кузнецке и его младшего брата Вениамина Фёдоровича Булгакова (1889-1976), известного толстоведа, педагога, музейного деятеля. В мемуарах братьев Булгаковых приводятся важные сведения по истории, культуре и повседневной жизни старинного сибирского города, изложенные от имени участников и очевидцев многих событий. Воспоминания отличаются высокой степенью внутреннего психологизма, написаны ярким живым языком.

Дополняет издание обширная переписка братьев Булгаковых с сотрудниками Новокузнецкого краеведческого музея. Издание комментировано, содержит богатый, зачастую уникальный фотоматериал по истории города Кузнецка и семьи Булгаковых. Книга будет интересна и полезна как специалистам – историкам, литературоведам, культурологам, так и самому широкому кругу читателей, раскрывая новые страницы прошлого города Новокузнецка.

УДК 94(571.17)
ББК 63.3(2Рос-4Кем)

© МАУК «Новокузнецкий краеведческий музей», 2018
© Российский государственный архив литературы и искусства, 2018
© POWER CS, вёрстка, дизайн, 2018

ISBN

2018 г.

*Книга издана в рамках празднования
на федеральном уровне памятной даты
400-летия основания г. Новокузнецка Кемеровской области*

Дорогие друзья!

2018 год для Новокузнецка – год особенный, юбилейный. Вот уже четыре века он удачно совмещает исторические и современные черты, что делает его местом, где бережно относятся к своему прошлому.

В современном быстро развивающемся и меняющемся мире особенно важна для каждого человека память о прошлом своего города, о людях и событиях, о традициях и обычаях. Именно это обеспечивает ту преемственность поколений, без которой невозможно движение вперёд. Поэтому изучение и сохранение исторического наследия нашего Отечества являются необходимым условием для полноценной жизни как отдельного человека, так и общества в целом.

Благодаря выходу в свет книги «Воспоминаний», у нас появляется уникальная возможность прикоснуться к «живому» прошлому нашего города и узнать из первоисточников, как жил уездный городок Кузнецк на рубеже XIX и XX веков.

Мемуары наших выдающихся земляков – братьев Валентина и Вениамина Булгаковых – о детстве, проведённом в Кузнецке. Яркое, искреннее, местами пронзительное в своей детской впечатлительности повествование, начинаясь с небольших эпизодов-воспоминаний, в дальнейшем переходит в развёрнутое описание жизни города, насыщенное красочными подробностями и уникальными фактами. Мастерски созданное литературным талантом Булгаковых широкое полотно жизни города даёт нам возможность почувствовать атмосферу того времени, уловить психологию людей той эпохи и понять, как небольшой и неспешный правобережный Кузнецк сумел в итоге вдохнуть жизненную энергию в нарождавшийся новый город на левом берегу реки Томи.

Дорогие друзья, надеюсь, что знакомство с книгой оставит у вас яркие впечатления, вызовет интерес к богатому историко-культурному наследию Земли Кузнецкой и вновь откроет неизведанные страницы, казалось бы, уже давно известной истории!

Убеждён, хорошее знание истории и особенностей своего родного города необходимо каждому человеку!

С уважением,
Глава города Новокузнецка

С. Н. Кузнецов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемый читатель!

Город Новокузнецк, один из старейших в Сибири, насчитывает уже целых четыре века своей истории. При этом неумолимое течение времени всё дальше и дальше отделяет нас от истоков его зарождения, от той давно ушедшей эпохи, когда на правом берегу Томи у подножия живописной крутой горы раскинулся небольшой сибирский городок с тремя тысячами жителей под названием Кузнецк. Усилиями историков и краеведов о кузнецком периоде нашего прошлого ныне накоплен богатый материал: вышли несколько книг, десятки исследований, сотни статей... Но подлинный, живой голос эпохи, сотканный из рассказов самих кузнецчан, среди этих печатных строк встречается не часто. Он всегда был в дефиците. Не хватало его и раньше, и тем более на вес золота он и сейчас. И каждая новая находка, несущая в себе слог очевидца «кузнецкой юности» нашего города, сродни чуду.

И всё же такие чудеса случаются! Несколько лет назад в недрах одного из столичных архивов – Российского государственного архива литературы и искусства – были обнаружены воспоминания уроженца Кузнецка знаменитого литератора и толстоведа Валентина Фёдоровича Булгакова (1886–1966) о детских годах, проведённых в родном городе. И сегодня на страницах этого издания у нас с вами появилась уникальная возможность впервые познакомиться с этим непревзойдённым первоисточником о жизни Кузнецка конца XIX – начала XX веков, увидеть яркие портреты людей того времени, разглядеть за толщей времён дыхание провинциального города, сумевшего спустя немного времени вдохнуть жизнь в стремительно нарождавшийся индустриальный Но-

*Кузнецк.
Фото конца XIX в.*

вокузнецк.

Здесь же под одной обложкой опубликованы воспоминания о Кузнецке и младшего брата Валентина – Вениамина Фёдоровича Булгакова (1889—1976). В своё время (в 1991 г.) они уже выходили в свет тысячным тиражом, но в несколько урезанном виде, и уже давно стали библиографической редкостью. И вот теперь впервые представлен полный вариант воспоминаний в авторской редакции вместе с мемуарами его старшего брата.

Кто же эти замечательный люди, авторы публикуемых воспоминаний о старом Кузнецке – братья Валентин и Вениамин Булгаковы?

Ещё лет двадцать назад фамилия Булгаковых была известна в городе достаточно узкому кругу специалистов и краеведов. За прошедшее время ситуация заметно изменилась: в филиале Новокузнецкого краеведческого музея развёрнута экспозиция, посвящённая семье Булгаковых, рядом с этим зданием появился большой красивый памятник работы заслуженного бурятского скульптора А.М.Миронова, запечатлевший Валентина Булгакова и его духовного учителя Льва Толстого, плюс публикации в прессе и глобализация информационного пространства привели к тому, что ныне эта фамилия – Булгаковы – всё больше «на слуху».

И тем явственнее вырисовывается значимость братьев Булгаковых, в особенности, старшего – Валентина – в общероссийской культуре. Приходит понимание того, что в его лице город приобрёл не просто знаменитого земляка, последнего личного секретаря Льва Николаевича Толстого, благодаря которому Кузнецк оказался причастен к этому колоссу мировой литературы, что, впрочем, само по себе уже может являться предметом гордости для новокузнецчан, но и то, что наш город стал родиной для настоящего мыслителя, литератора, преданного и чуткого хранителя толстовского наследия, верного проводника его идей на протяжении всей своей жизни. Прошли десятилетия со дня смерти Вал.Ф.Булгакова, но его вклад в толстоведение, его самодостаточность как талантливого литератора, активного деятеля русской культуры, сумевшего даже в изгнании за границей создать крупный музейный центр,

тем самым сохранив для потомков многие произведения искусства русской эмиграции, лишь укрепляет высочайшую оценку результатов его деятельности у самого строгого и бесстрастного судьи – времени. Таких выдающихся личностей порождает и продолжает порождать кузнецкая земля, щедрая на таланты. И пусть Вениамин Булгаков, младший брат Валентина, тоже толстовед и учёный-педагог, не оставил на своём жизненном пути столь ярких вех, но и он – из этой же плеяды кузнецких самородков.

Братья Булгаковы прожили интересные насыщенные жизни. Судьба зачастую разбрасывала их по разным странам и даже частям света, но никогда не прерывала между ними прочную внутреннюю связь. При этом братьев Булгаковых объединяло многое – кровное родство, служение Толстому и его духовному наследию и, вероятно, немало другого, но не последнее, а, может, и одно из первых в этом ряду занимала их любовь к своей малой родине – к Сибири, к родному Кузнецку. На протяжении всей своей долгой жизни и Валентин, и Вениамин будут постоянно в своих мыслях, рассуждениях, воспоминаниях возвращаться к небольшому сибирскому городку на берегу реки Томи, затерянному у подножия алтайских гор. Длительная оторванность от родных мест с годами становилась всё более тягостной, порождая жгучее желание посетить родные пенаты, поклониться праху отца, воочию увидеть свой город и вновь пережить давно прошедшие, но на всю жизнь сохранённые детские впечатления.

Это желание, эта мечта в итоге реализовалась их поездкой в Новокузнецк (тогда ещё носившего название Сталинск) в 1959 году. Поездка оказалась судьбоносной по своим последствиям. Знакомство с новым городом (от старого Кузнецка остались к тому времени только небольшие «островки» прежней застройки да отдельные атрибуты прошлой жизни, грозившие окончательно исчезнуть с лица земли в ближайшее будущее), встреча с новыми людьми, а, главное, тесное общение со своим бывшим товарищем по томской гимназии, а на тот момент сотрудником Новокузнецкого (Сталинского) краеведческого музея Константином Ворониным привели к тому, что Булгаковы, покинув родной город, теперь уже

.....

до конца жизни связали себя с ним прочными нитями. Завязалась переписка К.А.Воронина с Вениамином и, особенно тесная, с Валентином Булгаковыми. Константин Александрович, как истинный музейный работник, как человек, одним из первых оценивший масштаб личностей Булгаковых для города, начал сподвигать братьев на передачу в музей их наследия – документов, личных вещей, воспоминаний.

Надо отметить, что Валентин Булгаков начал писать мемуары о своей жизни ещё задолго до поездки в Новокузнецк – уже вскоре после войны в 1946 г. появляются его наброски первой главы, посвящённой детству в Кузнецке из огромной жизненной саги под названием «Как прожита жизнь». К 1959 г. эта часть была уже закончена, и после поездки на родину старший Булгаков предпринимет попытку издать эту часть рукописи, переслав машинописную копию в кемеровское издательство. Рукопись получила положительную редакторскую оценку, но дальше этого дело не пошло. По не совсем ясным причинам издание воспоминаний Вал.Ф.Булгакова о кузнецком детстве так и не было осуществлено.

Можно лишь предположить, что повествование о старом Кузнецке, насыщенное прелюбопытнейшими, но «мещанскими» подробностями, с обширными религиозными экскурсами о переживаниях юного героя, от имени которого и вёлся рассказ, не сохранил в себе «правильной», с позиции того времени, диалектики развития события, несло мало критики и сатиры на существовавший некогда царский режим. Надеясь на публикацию, Валентин Фёдорович не отослал свою рукопись в новокузнецкий музей, зато отправил туда богатейший семейный архив: уникальные документы, связанные с его отцом, матерью и им самим, фотоматериалы, свои книги с автографами и многое другое. Публикуемое эпистолярное наследие документально и весьма наглядно освещает этот аспект сотрудничества писателя с музеем.

В отличие от брата Вениамин Булгаков приступил к написанию мемуаров по прямой просьбе К.А.Воронина уже после поездки в 1959 г. в Кузнецк. К 1964-1965 годам обширная рукопись о детстве, проведённом в Кузнецке, была создана и отправлена в

.....

.....

Новокузнецкий музей. С лёгкой руки М.М.Кушниковой, известного кузбасского литератора и журналиста, редактора первого издания мемуаров Вениамина Булгакова, они получили общее название «В том давнем Кузнецке...», и именно под таким заголовком публикуются в данной книге.

Зачастую в своих воспоминаниях братья Булгаковы по вполне понятным причинам пишут об одних и тех же вещах, об одних и тех же событиях. Но пишут по-разному. И здесь дело не только в «прочности» памяти, в способности воспроизвести спустя много лет всё так, «как это было на самом деле». Во многом это различие обусловлено самим подходом к изложению материала. Старший Булгаков пишет, ориентируясь, главным образом, на взрослую аудиторию. Его повествование изобилует подробностями, иногда до мельчайших деталей, тонкими наблюдениями и меткими характеристиками персонажей повседневной кузнецкой жизни. Нередко со страниц его мемуаров срываются восторженные реплики по тем или иным моментам навсегда ушедшей эпохи, далёкого детства, но нигде мы не встретим ненужного пафоса, не встретим неискренности, столь заметной и недопустимой в такого рода вещах.

Столь же откровенны в своих детских переживаниях и воспоминания Вениамина Булгакова. Однако его воспоминания рассчитаны, в первую очередь, на подростковую, юношескую аудиторию. Иногда автор несколько дидактичен в своём желании привлечь внимание юного читателя на ту или иную особенность прежнего времени. Вместе с тем не будем забывать, что те и другие воспоминания писались в специфичную эпоху, когда ещё были свежи в памяти времена недавнего «культа», так крепко задевшие семью Булгаковых.

И это касается не столько высылки Валентина Булгакова за границу в 1923 г., сколько судьбы их старшего сводного брата Николая Фёдоровича Булгакова, русского офицера, «засветившегося» в белогвардейском движении, вследствие этого дважды арестованного и осуждённого в советское время и, наконец, расстрелянного в 1937 г. Как показали недавние изыскания, оба Булгаковых были прекрасно осведомлены об участии своего сводного брата, но никто

.....

.....

из них в воспоминаниях даже словом не упомянул о подлинной судьбе Николая. Более того, Вениамин в своих мемуарах и вовсе заменил реального брата Колю на мифического Костю.

Но несмотря на известные особенности в воспоминаниях братьев Булгаковых это придаёт им лишь дополнительный «аромат» эпохи, из которой мы черпаем своё прошлое, переживаем и сопереживаем маленьким героям этих повестей, находим в них живые черты настоящих (во всех смыслах этого слова) людей. Панорама провинциального (но не захолустного!) Кузнецка разворачивается на наших глазах. Вчитываясь в эти строки, мы открываем для себя заново свой город, узнаём доселе скрытые, зачастую судьбоносные эпизоды его истории.

Публикуемые воспоминания братьев Булгаковых о Кузнецке призваны не только доставить читателю истинное удовольствие от соприкосновения с настоящей литературой, честно и метко передавшей ощущение давно ушедшей, но по-прежнему для нас родной и близкой эпохи, но и внести свой посильный вклад в пополнение наших исторических сведений о жизни Кузнецка на рубеже веков, придать этим знаниям в значительной степени документальную основу.

В связи с этим данное издание включает в себя обширный научно-вспомогательный материал, состоящий из исторических комментариев к основному тексту, эпистолярного наследия братьев Булгаковых – их переписки с Новокузнецким краеведческим музеем и его сотрудником К.А.Ворониным, где зачастую затрагиваются важные проблемы кузнецкого краеведения, музейной жизни и другие вопросы. В приложении также приводятся ранние публикации Валентина Булгакова в сибирской прессе, имеющие отношение к Кузнецку и его истории.

Отдельным блоком даётся документальный материал, связанный с семьёй Булгаковых. Из этого массива документов особый интерес представляют материалы, повествующие об отце братьев Булгаковых – смотрителе (директоре) Кузнецкого уездного училища Фёдоре Алексеевиче Булгакове.

Издание богато иллюстрировано. Подлинные фотографии

.....

.....

конца XIX – начала XX вв. дают наглядное представление о Кузнецке того времени, показывают его здания, жилую и общественную застройку. Многие снимки уникальны и публикуются впервые, что также придаёт определённую познавательную ценность данному изданию. Не меньший интерес представляют фотоснимки, запечатлевшие самих братьев Булгаковых, их родных и близких.

Выражаем признательность всем, кто на разных этапах работы помогал в создании этой книги. Благодарим сотрудников Российского государственного архива литературы и искусства (директор – Т.М.Горяева), где хранится личный фонд Вал.Ф.Булгакова, за возможность публикации его литературного и эпистолярного наследия, особая благодарность за дружескую помощь сотрудникам Новокузнецкого краеведческого музея.

Книга издана в рамках целевого издательского проекта (с привлечением средств федерального, областного и муниципального бюджетов), приуроченного к 400-летию города Новокузнецка.

.....

ВАЛЕНТИН ФЁДОРОВИЧ БУЛГАКОВ

.....

КАК ПРОЖИТА
ЖИЗНЬ.
ДЕТСТВО
В КУЗНЕЦКЕ

.....

*Вид на собор и район «Подкамень».
Начало XX в.*

ГЛАВА I ОТЕЦ И МАТЬ

Кто были мои родители? Сватовство отца. Прохождение им службы. Склонность отца к позитивизму наряду с наружным почтением к православной церкви. Когда можно трясти орденами? Личность и личный мирок матери. Гостеприимство родителей. Нечто о «сверхкалорийном» питании. Губернские судьи и Макарий, будущий митрополит московский, гостями в нашем доме. Мать в качестве покровительницы «свихнувшегося» интеллигента. Книжки Л.Н.Толстого – моё детское чтение. Демократические взгляды родителей на воспитание.

Как сон или как воспоминание носил я всю жизнь в голове одну картину, не зная сам: сон ли это или воспоминание? И только выросши, услышал я от своей матери, что картина, представлявшая моему воображению, была действительно ничем иным, как точным отображением в памяти моей одного эпизода моего детства, – и даже не детства, а младенчества. Именно, мать уверяла, что в ту пору мне могло быть не более полутора-двух лет.

Картина – такая.

Продолговатая, изящная комната. Вечернее, прихотливо-неравномерное и привлекательное в своей неравномерности освещение: то яркий блик, то огонь. У одной стены перед столом на диване сидит моя мать (я отлично знаю, что это моя мать): молодая, некрасивая, но с милой, выразительной улыбкой. Высокая причёска, какую я потом видел на одной из её фотографий. Парадное, стянутое в талии голубое шёлковое платье. Мать держится очень прямо, руки чинно сложены на коленях, в ушах и на руках поблёскивает золото серёг, колец и браслетов. Кроме неё за столом, в креслах чьё-то собранное присутствие (не помню ни одного лица), очевидно, гости...

А посреди комнаты, перед столом, отражаясь в продолговатом зеркале, висящем над диваном, стоит в длинном тёмном домашнем халате мой отец – высокий, бритый старик, и на руках у него – ребёнок: маленький мальчик в малиновой кашемировой русской рубашке с выправленным наружу белым воротником нижней рубашки. Мальчик этот – я. Отец, весело улыбаясь широким старческим ртом и что-то приговаривая при этом, игриво подкидывает и поворачивает меня на руках то направо, то налево. Он, видно, любит меня и гордится, что у него, старого, такой сыночек... А я гляжу на себя и на отца, вернее, на отражения наши в наддиванном зеркале: большие, широко раскрытые детские глаза нарядного мальчика внимательно устремлены на меня из глубины этого зеркала, то освещаясь огнями, то пропадая в тени... Я как бы впервые в это мгновение увидел своими глазами внешний мир и понял свою отдельность от него, понял, что я – это я.

Вот в этом первом, почти первом детском воспоминании (было ещё одно – о пожаре родного город за полгода или за год до этого, но мать отказывалась верить, что я мог это помнить), – в этом воспоминании дано было почти всё моё детство: родной дом и его благополучие, отец, мать с их характерными чертами и я сам, любимец родителей, в сорочке родившийся, облагодетельствованный судьбой, себя испытующий, но пока ещё спокойный и блаженный...

Между прочим, кроме свидетельства матери сохранилось ещё одно и притом вещественное доказательство того, что сцена в гостиной не была мною выдумана. Это было как раз то пышное, голубое шёлковое платье, в которое одета была мать в тот далёкий вечер приёма гостей. Платье это, правда, в распоротом виде я потом не раз видел в огромном, в человеческий рост длиною, тёмном материнском сундуке, со всякой рухлядью, стоявшем у нас в детской и заменявшем кровать для няни.

Отец мой, Фёдор Алексеевич Булгаков, женился на моей матери Татьяне Никифоровне, рождённой Исаковой, третьим браком, когда ему исполнилось 60 лет, а матери 20¹. Это было в городе Кузнецке, Томской губернии, служившем местопребыванием

Фёдор Алексеевич
Булгаков.
Фото 1880-х гг.

отца по должности его штатного смотрителя училищ Кузнецкого и Бийского округов. В год женитьбы на моей матери отец, впрочем, состоял уже в отставке. Мать же, дочь крестьянина, служителя провиантских магазинов в г. Томске и бывшая питомица томской гимназии (прошедшая, впрочем, в ней лишь четыре класса), служила тогда учительницей Кузнецкого приходского училища.

Она сама позже, уже в годы вдовства, рассказывала мне, гимназисту-старшекласснику, что на службу в Кузнецк она приехала из Томска бедным-беднехонька, родители жили скудно и ничего не могли ей дать. У девушки-учительницы имелись только две ценные вещи: новомодная бархатная шляпка с высокой тульей и нарядная чёрная летняя мантилья с бахромой по краям. В них она и щеголяла по Кузнецку.

Однажды летним вечером, вскоре по приезду, проходила молодая учительница с одной из знакомых кузнецких гражданок по Соборной улице² мимо вновь выстроенного очаровательного барского особняка: шесть больших окон, окруженных белыми деревянными наличниками с резьбой в сибирском духе, глядят на широкую, тихую, поросшую вдоль заборов травкою, улицу; красный, тоже затейливой резьбы, палисадник с набитыми белыми крестиками на балясинках и с подобием деревянных чаш на столбах; довольно пышное парадное крыльцо с двумя большими рамами из разноцветных стёкол по бокам; на крыше – резной деревянный парапет с тумбочками; в палисаднике – деревья и кусты малины; к широким воротам, направо от дома, примыкает небольшой флигель... И всё это ново, свежепокрашено, всё выглядит так весело и радостно...

– Чей это такой красивый дом? – спрашивает девушка.

– Фёдора Алексеевича Булгакова, – отвечает знакомая и добавляет. – Да вон, кстати, и сам хозяин идёт нам навстречу.

И на самом деле, девушка видит, как из спустившихся уже сумерек надвигается на неё большое, белое пятно: это и был мой будущий отец в белом, летнем костюме. Высокий рост. Круглое,

Татьяна Никифоровна
Булгакова
(1866-1922) – мать
братьев Валентина
и Вениамина
Булгаковых. Фото
1890-х гг.

бритое лицо шестидесятилетнего старика.

Знакомая представляет старику молоденькую учительницу, рассказывает ей о том, что, де, и Фёдор Алексеевич чуть ли не тридцать пять лет служил по министерству народного просвещения. Фёдор Алексеевич любезно осведомляется, давно ли Татьяна Никифоровна прибыла в Кузнецк, как ей город понравился... Так состоялось первое знакомство...

– А потом отец твой стал заходить ко мне, – рассказывала мать. – Сваты и свахи нашлись. Он сделал предложение... Страшные сомнения были у меня! Выходить или нет замуж? Написала родителям, просила совета: жених, мол, старый, но богатый, – как быть? Те отвечали очень осторожно: «смотри, дескать, сама... тебе видней...» Ну, что ж, я согласилась...

– Так, значит, ты не любила его? – Осведомился я у матери.

У той слёзы брызнули из глаз:

– Да ведь я же тебе говорила, – воскликнула она, – что у меня ничего, ничего кроме шляпы и мантильи не было!.. И шубёнки-то никакой не было, а уже зима приближалась... Да, потом злые кумушки говорили про меня, что я «продалась»... Побыли бы они на моём месте!..

Рассказывала ещё мать, как отец незадолго до свадьбы, когда дело уже считалось решённым и когда она получила уже от жениха богатые подарки – золотые часы, золотую старинную брошь, браслет (с этими украшениями изображены на старых фотографиях и первые две жены отца), осторожненько так спрашивал её однажды:

– А правду ли говорят, что Вы вышиваете?

У девушки вся злоба подступила к сердцу. Гордость её была ранена: «скажите, ещё рядится, требования какие-то предъявляет!»

– Да, вышиваю! – Сказала она вызывающе и прямо посмотрела в глаза старику-жениху.

Он опустил взор и ничего не ответил.

Тут надо сказать, что отец мой всю жизнь был строгим

Валентин Булгаков.
Фото 1890 г.

трезвенником. Отчего и как это случилось, я не знаю, но только он никогда ничего, даже лёгкого вина, не пил, хотя в доме у нас вино – для гостей – не переводилось. Он и не курил совершенно, абсолютно не курил. Мать, напротив, и курила, и, действительно, при случае выпивала.

Так состоялось сватовство. Так состоялась женитьба.

Прочные были люди в старину! Отец прожил с матерью, своей третьей женой, одиннадцать лет. За это время у них родилось шестеро детей: пять сыновей – я, Вячеслав, Владимир, Вениамин, Сергей (в порядке старшинства) и дочь Надежда³. Из детей выжили только я, брат Вена и сестра. Я ещё помню грустный-грустный, но такой умный, такой осмысленный взгляд своего маленького братца Володи, которого нянька однажды поднесла ко мне на руках и приспустила немного, чтобы я, сам трёх-четырёхлетний ребёнок, мог заглянуть в личико братцу, со словами:

– Погляди, Валенька! Володенька-то умирает. Наклонись, поцелуй его!

С серьёзным, благоговейным, но спокойным чувством, понимая, что совершается что-то важное, но неизбежное, я склонился к бледному личику, заглянул в последний раз в близкие, родные голубые глазки и поцеловал братца Володю, провожая его в вечную разлуку.

Помню также, как хоронили самого младшего братца Серёжу. Он умер от кори⁴. Корью в то время болели и мы, остальные дети, иначе говоря, – я, брат Вена, а также дети отца от второго брака Лена и Коля. Когда похоронная процессия проходила по нашей улице от собора к кладбищу, сторожившая нас в детской старушка-няня вышла из дома, чтобы посмотреть «как понесут» Серёженьку и, может быть, перекрестить его гробик. Родители шли за гробом, а кухарка с горничной находились в отдельно стоявшей на дворе кухне. Воспользовавшись отсутствием взрослых, мы, больные корью дети, выскочили из своих постелей и, прикрывшись чуть ли только не одними одеялами, побежали в холодные сени, чтобы тоже взглянуть на процессию. Нас, главное, занимало то, что в этот день, как мы слышали, хоронили сразу троих детей⁵, умерших от

Ф.А.Булгаков в
парадном мундире.
Фото 1880-х гг.

эпидемии кори, и нам хотелось видеть, как понесут мимо дома три гробика один за другим, а также, какого цвета будут гробики. У нас в Кузнецке гробы обычно оббивались яркими и часто дорогими материями, и наблюдать, как снарядили того или иного покойника в вечное странствие, являлось одним из главных развлечений для нас, детей. Ёжась от холода (была ранняя весна)⁶, мы украдкой выглядывали из полуотворённых дверей парадного крыльца: большая толпа народу... вот один гробик... вот – другой... а вот и третий, Серёженькин, за которым идут наши родители, – розовый гробик-коротышка, бледная круглая детская головка с закрытыми глазками на белой, обшитой рюшками по краям подушечке...

Процессия прошла, улица опустела. Любопытство наше было удовлетворено. Продрогшие спешим назад в детскую, прыгаем в постели. Никто не заметил нашей проделки. Рисковали мы здорово: могли застудить корь. Ничего, сошло с рук, выдержали, не померли.

Отец мой был сыном дьячка (потом ставшего священником) села Большая Оржевка Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Дед его и брат Дмитрий были также священниками. Один из его ближайший родственников был архиерей. Мать отца была дочь протоиерея. Происхождение отца, таким образом, было сугубо «духовное». Меня потом спрашивали иногда, не прихожусь ли я родней известному учёному и философу, одному из первых провозвестников марксизма в России, профессору, а позднее протоиерею Сергею Николаевичу Булгакову, сыну священника Орловской губернии. В Москве некоторые товарищи-студенты утверждали, что моя манера говорить публично напоминает манеру Сергея Николаевича. Мне, конечно, было бы приятно сознавать себя связанным родственной близостью с Сергеем Николаевичем, к личности которого я тогда относился с уважением и интересом, однако, непосредственного родства между нами, кажется, нет. По крайней мере, когда мы сами с Сергеем Николаевичем однажды попытались его установить, попытка эта окончилась ничем. Отдалённое родство лишь возможно, поскольку мы оба исходим из старых «духовных» семей одного имени, гнездившихся в соседних – Орловской и

Тамбовской – губерниях.

Отец родился в 1824 году... на три года позже Достоевского и за четыре года до рождения Толстого. (В гимназии это был мой мнемонический приём для удержания в памяти годов рождения великих людей). Таким образом, он годился мне в деды. Окончив в молодости Тамбовскую духовную семинарию, отец отправился искать счастья в Сибирь. Приехав в большой город Томск, он находился сначала буквально в таком же положении, в каком находилась моя мать-учительница по приезду в Кузнецк: на нём был щёгольской костюм, а в кармане – пятак, медный пятак денег и... всё!

Юноша поступил сначала писцом в Томское губернское правление, оттуда перевёлся на службу по министерству народного просвещения, учительствовал в Томске и Кузнецке, пока, наконец, не дослужился до своей должности смотрителя училищ двух уездов Томской губернии. Крепко осел в Кузнецке, построился, обзавёлся семьёй. При мне – получал пенсию, ездил в клуб играть в карты, принимал гостей у себя, слыл видным чиновным лицом и хлебосолом. Мать рассказывала мне позже, что, когда в Кузнецк приезжало из губернского города какое-нибудь начальство – губернатор, архиерей, – и у городского старосты устраивался торжественный обед, то отец всегда не только бывал в числе приглашённых, но выполнял ещё особую функцию: «заговаривать» прибывшее «лицо». Чиновники трепетали и боялись рот раскрыть. Отцу бояться было нечего, так как он уже числился в отставке. Между тем он располагал мундиром с шитым серебром воротником и при шпаге, а грудь его украшали три ордена, до Владимира 4-й степени включительно, и медаль в память Севастопольской войны. Всё это вместе с возрастом давало ему право выступать, не особенно стесняясь «начальства».

Самой оригинальной чертой отца, выделявшей его среди кузнецчан, было его позитивистическое и, по-видимому, даже атеистическое мировоззрение или, по крайней мере, умонастроение. По словам одного кузнецкого старожила, отец верил только в то, что мог ощупать руками. Всё остальное подвергалось сомнению. Цер-

*Вера Архиповна
Булгакова –
первая жена
Ф.А.Булгакова.
Фото 1870-х гг.*

ковь он жестоко критиковал. Это как будто неожиданно у бывшего семинариста и поповского сына, но... сколько таких случаев известно в старой русской жизни! Чтобы не вспоминать о других именах, назовём хотя бы Чернышевского. «Удачная» постановка преподавания в семинариях прививала будущим «отцам духовным» атеизм уже на школьной скамье. Я потерял отца 9-ти лет от роду и до тех пор не мог по личному впечатлению определить и оценить образ его мыслей, но помню, что у матери, в том самом огромном сундуке со всякой рухлядью, где она хранила и остатки своего пышного голубого шёлкового платья, на самом дне, под юбками, кофтами, под пропахнувшими камфарой и табачным листом старыми меховыми воротниками и прочим барахлом покоились, тщательно припрятанные, отцовские книги: «Происхождение видов» Дарвина, «История цивилизации в Англии» Бокля и чья-то «История инквизиции» с множеством отметок рукою отца на полях.

Я, бывало, глядел на толстые тома с почтительным интересом, а лет в 10-12 просил их у матери «почитать», но та с несколько таинственным и важным видом отвечала обычно, что книги эти не для детского понимания и что «почитаю» я их только тогда, когда вырасту...

Религиозное, а, может быть, и тайное политическое вольнодумство отца не мешало ему, как педагогу, придерживаться школьной рутины и, между прочим, согласно школьным установлениям и обычаям того времени применять телесное наказание, т.е. порку учеников в уездном училище. Это я слышал от матери, упоминавшей об этом всегда со смущённым и сконфуженным видом: она отвергала целиком этот пережиток бескультуры – телесное наказание в школе.

Вольнодумство не исключало также лояльности отца по отношению к существующему режиму. В царские дни он в мундире, в треуголке, в орденах и при шпаге всегда посещал обедню и торжественный молебен в соборе и потом в шеренге остальных чиновников подходил к кресту. Я иногда сопровождал его в этих поездках в церковь.

Своими орденами, из которых «Владимир» давал права по-

Анастасия Яковлевна
Булгакова – вторая
жена Ф.А.Булгакова.
Фото начала
1880-х гг

томственного дворянства, отец откровенно гордился. В дворянском звании он, впрочем, утверждаться не хотел, считая, что детям оно было ни к чему, а между тем хлопоты по делу об утверждении поглотили бы много денег.

У отца был старый товарищ, чиновник не то контрольного, не то акцизного ведомства Николай Иванович Казанцев⁷. Этот носил мундир с воротником, шитым золотом (а не серебром, как у отца), но не имел, несмотря на свои почтенные лета, ни одного знака отличия. Они были на «ты» с отцом, и орденам последнего Казанцев немного завидовал.

На одном парадном собрании, где все были в мундирах, отец не сидел, а прохаживался по комнате взад-вперёд. Казанцеву это почему-то не понравилось:

– Чего ты всё ходишь, орденами трясешь?! – Обратился он, наконец, с раздражением к отцу.

Отец остановился перед приятелем и тоже, не без задора, отпарировал:

– А ты бы потрёс, да нечем!..

Общий смех покрыл эту реплику.

Кстати сказать, за родным братом Казанцева Михаилом Ивановичем Казанцевым, уездным начальником Устькаменогорского уезда Семипалатинской области, была дочь моего отца от первого брака Аграфена (Агриппина). Я никогда не видал ни её, ни её мужа⁸. Да это и немудрено. Имея одного со мной отца, Аграфена Фёдоровна принадлежала, тем не менее, как бы к другой, предшествующей эпохе. В самом деле, эта сестра моя была намного лет старше моей матери, тоже никогда с ней не встречавшейся⁹.

Аграфена Фёдоровна, или Груша, была полная, красивая, черноглазая женщина. Фотография её среди других висела у нас в гостиной.

– Это – не «груша», а целая тыква! – Будто бы в старые времена ещё отзывался о ней отец.

Никакого церковного или «постного» духа в доме у нас никогда не было. Однако в зале в переднем углу висела большая,

.....

хорошего письма икона с изображением Христа в серебряной, позолоченной ризе и в дорогом, резном и позолоченном, кивоте. В торжественные дни перед иконой зажигалась лампада. Мы, дети, находились в кое-каких, внутренних, отношениях с этой иконой: почитали и немножко побаивались её. Дело в том, что глаза Христа, впрочем, добрые и прекрасные, следовали за вами, в какой бы угол комнаты вы ни перемещались: от них, так сказать, скрыться было нельзя, и это исполняло наши детские сердца мистическим трепетом. Просить мы ничего не просили у Христа: чего нам было просить? – у нас всё было...

В детской у нас тоже висела небольшая икона Богоматери с младенцем, в серебряной ризе, и несколько отпечатанных предприимчивым Афонским монастырем на шелку и рассылавшихся с просьбой о пожертвованиях по всей России иконок святых. На меня производила впечатление иконка св. Игнатия, пожираемого львами.

На Рождество и на Пасху у нас «принимали» не только духовенство с крестом, но и соборный хор, обходивший дома зажиточных граждан и кое-что, таким образом, зарабатывавший. Словом, снаружи у отставного коллежского асессора Фёдора Алексеевича Булгакова всё обстояло благополучно.

Я всегда жалел о том, что рано потерял отца и что его духовный мир остался, таким образом, для меня закрытым, утаённым, а мне почему-то кажется, что этот мир был довольно сложный и что у нас в Кузнецке отец во внутренней своей жизни был одинок. Интересно, между прочим, что явившись в Сибирь, в Томск, с пятаком в кармане и без всякого «движимого и недвижимого» имущества, наш тамбовец сохранил всё-таки и вывез с собой старые, толстые, по-книжному переплетённые семинарские свои записки по логике и философии. Они сохранялись у нас долго и после его смерти. В детстве, собирая гербарий, я в них засушивал цветы. У отца в молодости был другой, незнакомый мне плавный и красивый почерк, и, вглядываясь уже юношей в ровно бегущие строчки его записок, я всё вдумывался в вопрос о том: кто и что был внутренне мой отец? Увы, тайну эту я никогда не мог раскрыть до конца. Я тосковал, «не

.....

.....

имея» отца. Чувства «подростка» в одноимённом романе Достоевского мне потом казались сродни.

Настоящего единства между отцом и матерью, по-видимому, не было, да и не могло быть вследствие разницы их возрастов. Будучи душевно тонким и чутким человеком, обладая недюжинным развитием и интеллигентностью («я всех русских писателей перечитала!» – говаривала она сама о себе), моя мать всё же особого, специального интереса ни к вопросам религиозно-философским, ни к вопросам общественно-политическим не питала.

В браке она счастлива не была, хотя с внешней стороны и тут протекало всё благополучно: дом – полная чаша, неразлучное сожителство супругов, дети, знакомства, гости, почёт и уважение в городе. Но мать не изжила ещё своей молодости, и в мечтах представлялся ей, может быть, иной «герой», чем 60–70-летний отставной, хотя и заслуженный чиновник, монотонность уездной жизни раздражала. Мать часто и тогда, и после выражала скромное пожелание, чтобы Кузнецк, посещаемый иногда землетрясениями, провалился однажды под землю со всем и со всеми. Я в качестве зяждлого кузнецкого патриота всегда, бывало, горячо возражал против такого пожелания.

У матери всегда был свой мирок: молодые приятельницы, кое-кто из младших и более содержательных и интересных мужчин, гитара, пение, зимой – маскарады, на масленице – катание в изукрашенных кошевах по городу, конечно, – и вино. Отец у себя в доме гостей принимал охотно, и их всегда бывало у нас очень много, но его на старости лет привлекали больше люди, умевшие перекинуться в картишки, и в карты он помногу играл и дома, и в гостях у знакомых, и в клубе. Мать говорила мне, что он играл, в общем, счастливо и что иногда его обвиняли партнёры и сердились на него за то, что он, выигравши, вставал и уходил. Мать тоже иногда участвовала в домашнем преферансе...

На гостеприимстве сходились и отец, и мать. В большие, именинные дни у нас бывало множество гостей, устраивались торжественный обед, вечером – карты, танцы, причём стол с закусками и винами не убирался, наконец – ужин. Праздновались и

.....

именины взрослых, и детские именины. Гостей, бывало, обносили подносами с конфетами и орехами, – как мне было этого не запомнить! На Пасхе и на Рождество дом посещало множество визитёров, которые тоже находили в доме настоящую сказочную скатерть–самобранку. На святках дом был полон масок, и тут опять – угощение, танцы, дым коромыслом. Иногда и мой отец, бывший в молодости, видно, весёлым человеком и сохранивший кое–что из этого запаса веселья и в старости, делал выходку, с платочком в руке, приплясывая посреди зала, широко улыбаясь старческим, беззубым ртом, и припевал:

«Э–эх! Все кости болят, все суставы говорят!...»

На деле гости обычно собирались два–три раза – для карт. Без ужина их никогда не отпускали, не говоря уже о закуске и выпивке. На другой день после вечера с гостями взрослые спали долго, в зале бывало ещё не прибрано – и вот тогда мы, дети, пробирались туда и доедали остатки маринованных рябчиков, грибков, сыра, колбас, а из рюмок допивали остатки недопитого вина. Приключение – довольно приятное, которого мы не пропускали.

Разумеется, не надо думать, что к этим утренним детским экскурсиям в зал нас побуждали голод или недостаточное питание. Нет, просто озорство. Ели же в нашем доме не только гости, но и хозяйева сами хорошо. Правда, пища была простая и, может даже несколько однообразная и тяжёлая, но уж, во всяком случае, сытная. Слишком много было мяса, варёного, жареного. Жирные сычуги с гечневой кашей подавались. Пельмени. Говядина, телятина, дичь. Обед состоял, по большей части, только из двух блюд: супа и мясного с добавлением стакана молока. Но два–три раза в неделю подавалось сладкое, обычно кисель из урюка (шепталь) и изюма.

О молоке к чаю, конечно, говорить нечего – мы могли иметь его всегда и в любом количестве.

А вот белого хлеба почти не употребляли! Сдобное печенье из белой, крупчатной муки подавалось только гостям. Мы же ели серые пшеничные калачи. Сибирские шаньги с начинкой (круглые булки, намазанные сверху перед посадкой в печь маслом со сметаной) готовились, впрочем, и из пшеничной, и из крупчатной муки.

.....

Не довольствуясь обычными гостями, отец раз в год оказывал ещё гостеприимство чрезвычайное – членам сессии Томского Окружного суда, наезжавшей в Кузнецк для разбора накопившихся дел. Участники этой сессии: председатель, члены суда, прокурор, секретарь, обычно четыре – пять человек, останавливались на время сессии у нас в доме и жили на полном нашем иждивении, как в гостинице, ничего за это не платя. В мои дни председатель суда, грузный толстяк Юркевич¹⁰, приезжал обычно со своей женой, очень милой и привлекательной молодой дамой. Судейским отдавались лучшие комнаты в доме, для приготовления обеда и ужина собственной кухарки было уже недостаточно, приглашалась специалистка повара, готовились тонкие блюда, бульон с пирожками, дичь, мороженое – для гостей. Спрашивается: ради чего это? Что выигрывал от этого отец? Раньше ничего, кроме чести и славы гостеприимства.

Мать, утомлённая ролью хозяйки, однажды задала вопрос отцу: чего ради он, собственно, старается, тратит и силы, и время, и средства для томских судейских?

– погоди, вот будешь определять детей в томскую гимназию, – ответил отец, – так эти судейские тебе пригодятся!

Мать отложила этот ответ «в сердце своём». И когда по смерти отца ей пришлось, действительно, устраивать нас в Томске в пансионе при гимназии, то словечко влиятельных знакомых у попечителя учебного округа, на самом деле, понадобилось и могло иметь большое значение. Но только знакомых этих в Томске уже не оказалось: кто помер, кто был переведён в другие города. Мать в довольно наивной форме выражала свою искреннюю досаду по этому поводу:

– Взять хотя бы этого толстяка Юркевича, ездил, ездил, жену свою привозил, а как понадобилась его протекция, так он, видите ли, вдруг взял и помер!...

Нечестно, что и говорить!

Я лично, бывало, очень гордился, что вследствие приезда судейских наш дом на какое-то время становился важным центром в

.....

.....

Кузнецке: местные чиновники делали визиты гостям, приходили и приезжали по делам, около парадного происходило движение... А мы, ребята, сидя с товарищами на травке, на противоположной стороне улицы, с интересом наблюдали эту картину. Я был горд, но... помню, как меня разочаровал однажды кто-то из бойких кузнецких ребят.

– Это что! – заявил он. – Судьи... Вот если бы архиерей у вас остановился!...

«Да, он – прав, – подумал я, – архиерей, конечно, важнее». И я представил себе, как встречали архиерея в городе. В день приезда навстречу ему в село Монастырь¹¹, Христорожественское тож, за 3 версты от города, за северной горой, у подошвы которой приютился городок, высылалась прекрасная коляска городского старосты золотопромышленника Попова, запряжённая рысаками, – почти единственными кровными лошадьми в городе. Когда затем архиерей в коляске показывался на горе из-за старинной крепости из серого камня и начинал по длинной, отлогой дороге медленно спускаться к городу, то во всех городских церквах, а их было четыре, начинался торжественный трезвон.

Рысаки подвозили архиерея к соборной ограде. Тут встречали его духовенство, представители города, толпы народа. Громко хором пелись молитвы. После молебна архиерей в той же коляске следовал в дом городского старосты, где ему и приготавлилась квартира. Затем в одной или двух церквах совершались торжественные богослужения, обедни и всенощные. Народ ломился на эти богослужения, чтобы полюбоваться на необычайный, сложный и красивый обряд (достаточно вспомнить о церемонии облачения архиерея за обедней!) и послушать пение архиерейского хора, который обычно привозился владыкой, «епископом томским и семипалатинским», с собой. У городского старосты – торжественный обед, с непременно участием папаши, церемония представления гостю, потом – визиты епископа почётным гражданам города – визиты всё в той же шикарной коляске городского старосты...

Да, это, конечно, не то, что судьи! Спесь моя была сбита.

Архиерей останавливался не у нас, но он всё же посещал

.....

.....

наш дом. Это был один из его обязательных визитов. Но не только формально обязательных. Дело в том, что епископ Томский и Семипалатинский Макарий, в миру Михаил Александрович Невский, был до некоторой степени сослуживцем и старым приятелем отца. Они подвизались вместе в г. Бийске, на подступах к горному Алтаю, когда епископ Макарий был всего лишь иеромонахом или архимандритом и увлекался миссионерской деятельностью среди алтайских калмыков, а отец или учительствовал в Бийске, или уже в качестве смотрителя ревизовал школы в Бийском уезде.

О времени посещения архиереем нашего дома всегда было известно заранее. Коляска, запряжённая парой рысаков, подкачивала к парадному подъезду. Отец выходил почётному гостю навстречу и через зал проводил его в гостиную, где на преддиванном столе уже приготовлено было угощение, всегда одно и то же: свежий содовый мёд с собственной пасеки и ломти пузатого, спелого, сахаристого с ярко розовым «мясом» арбуза из собственного огорода. Преосвященный, маленький, подсушенный, седой, но с острым и смышлёным личиком, с быстро мигавшими добрыми глазками и с неизменной улыбкой на узких бескровных монашеских губах, усаживался на диване и лакомился арбузом и медом. Нарядная, тёмно-синяя ряса, чёрный клобук, бриллиантовая панягия на груди... Отец помещался сбоку в кресле и занимал гостя разговорами.

Беседовали они, сколько помню, всегда вдвоем. Мать с детьми ожидала в зале. Когда архиерей собирался уезжать и снова выходил из гостиной в зал, мать подходила к нему под благословение сама и затем подводила выстроенных по возрасту, гуськом, всех детей: падчерицу Лену, пасынка Колю, меня и Вену. (Сестра Надя была ещё совсем мала). Нас, конечно, прилежно обучали перед этим, как становиться друг за другом, как подходить к архиерею, как складывать руки для получения благословения – ладонь на ладонь, крест-накрест.

О Макарии томском, впоследствии (кажется, с 1911 года)¹² митрополите Московском и Коломенском, известно было, что по взглядам своим он был убеждённый монархист. В 1905 году его

.....

.....

обвиняли в закулисной подстрекательстве черносотенцев, учинивших в Томске еврейский погром и поджог здания Управления Сибирской железной дороги, где скрывались революционеры. После Февральской революции 1917 года он был удалён, чтобы не сказать, прогнан с поста московского митрополита, причём печатно, письмом в редакцию «Русского Слова» жаловался на тогдашнего обер-прокурора Св. Синода В.Н.Львова (запутанного в деле корниловского мятежа), будто бы крайне грубо обошедшегося с ним, махавшего кулаками и кричавшего: «распутинец!» – и т.д. Существовало мнение, что в митрополиты архиепископа Макария выдвинул Распутин, но сам Макарий это отрицал. В детстве я в оценку его взглядов, конечно, не вдавался, и для меня сухонький, почти бесплотный томский архиерей, с аскетическим и сиявшим каким-то внутренним светом лицом был фигурой почти недостижимо высокой. Когда же я видел его, скажем, за всенощной в прекрасном бело-золотом кузнецком соборе, на высокой кафедре, застланной красным сукном, среди кадильного дыма и множества горящих свечей в полном облачении и в сверкавшей бриллиантами митре, вслед за ним переносился душой и воображением в какой-то другой, фантастический и не по-здешнему прекрасный мир.

Отец и мать воспитатели. Их отношение к детям.

О каких-либо сознательных принципах воспитания у них – не только у матери, но и у отца – говорить, пожалуй, трудно. Отец был более образован, больше думал и читал, но что в то время вообще значила педагогика для провинциального, да ещё сибирского русского чиновника? Я думаю, ничего. Правда, отец в прошлом сам был учителем. Но говорю именно не о школьном учении, а о воспитании и, в частности, о воспитании собственных детей. Никаких принципов в этом отношении тогда, я думаю, не существовало. Где-то глубоко в сознании или в подсознании жили отголоски состарившихся истин «Домостроя», а Руссо и Песталоцци до монгольской границы (ибо Кузнецк стоял недалеко от монгольской границы) ещё не докатились. Едва ли слышали там и о сравнительно недавних педагогических опытах Л.Н.Толстого. Таким образом, можно говорить лишь о бессознательных воспитательных линиях и

.....

.....

уклонах у моих родителей.

Часто бывает, что в семье задаёт тон мать, особенно в вопросах детского воспитания. Её голос звучит твёрже, авторитетнее отцовского. Не потому, чтобы отец был менее значительной личностью, а просто в силу удавшегося почему-либо захвата этого авторитета. Так, приблизительно, было и у нас. Мать была более горячим, настойчивым человеком. Отец был мягче и уступчивее. Старик и не мог не уступать молодой жене. В этом всё. Поэтому отца мы, дети, не чувствовали как силу, как авторитет. Он просто был спокойный, хороший, добрый, хотя и поддававшийся случайным припадкам гнева старик, да при том же и стоял довольно далеко от нашей детской жизни, между тем как мать всегда была при нас, и мы её чувствовали, воля её деятельно вмешивалась в нашу жизнь, решала и направляла. Мать была нежнее и вместе с тем строже, чем отец. Большого стеснения мы ни со стороны отца, ни со стороны матери не испытывали, но всё же из известных рамок не выходили. Лгать, ругаться, воровать, обижать младших нам, конечно, запрещалось, но шуметь, смеяться, веселиться – нет. Нельзя было только излишней вознёй и шумом будить позже нас встававших родителей по утрам – возмездие, именно с материнской стороны, следовало обычно быстрое и решительное. Оно постигало, к сожалению, чаще всего моего младшего братишку, даже тогда, когда мы одинаково оба были виноваты: на меня мать почему-то как бы стеснялась поднимать руку. Должен сказать, что я был любимцем матери, но это лишь в отношении внутренней, душевной связи между нами, в остальном права других детей уважались, в сущности, одинаково. Не могла только мать воспитать в себе чувства подлинной любви и привязанности к детям отца от предшествующего брака – сестре Лене и брату Коле. Они ей не нравилось, были чужды и по сравнению с нами, детьми собственными, родными, жили как бы невольно отодвинутыми на задний план. И отец, видимо, не в силах был изменить такое положение. Мне кажется, что отец, старея и теряя авторитет и влияние, как бы не находил дороги к нам, детям. Какая-то жертва своими отцовскими правами чувствовалась мне у него. Любил нас, старался быть полезным и в то же время

.....

.....

ни на что уже, ни на какую особую привязанность к себе с нашей стороны не рассчитывал. Мне дорого вспоминать, что, уезжая иногда, – в собственном тарантасе, на тройке – по делам в Томск, отец никогда не возвращался оттуда без ценных и прекрасных детских игрушек. Точно также отправляясь раза два в год на званый вечер к городскому старосте, он обычно приносил нам оттуда по несколько ягод винограда – величайшая редкость в Кузнецке! Только у широко жившего, богатого старосты и бывал этот для Кузнецка вполне экзотический плод. Дети – эгоисты. Игрушкам и зелёным прозрачным шарикам-ягодкам мы радовались, но принимали их как должное и едва ли даже когда-нибудь как следует поблагодарили старика-отца, так трогательно заботившегося о нас.

Один раз отец привёз нам – мне и старшему брату Коле – несколько маленьких книжек из Томска: «Где любовь, там и Бог», «Кавказский пленник», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Сигнал», «Христос в гостях у мужика» и др. Это были первые издания «Посредника», знаменитого народного издательства, основанного Л.Н.Толстым и его последователями. В детстве я, кажется, не всё освоил, но вот, например, рассказ «Бог правду видит, да не скоро скажет» о купце Аксёнове и о трагедии его жизни, как засел тогда, лет в 7-8, в мою голову и душу, так с тех пор в ней, крепко и незыблемо, и остался. Впечатление было огромное, потрясшее, расшевелившее даже детскую душу, жившую ещё естественной инерцией цветка, зверька... Таким образом, впервые я со Л.Н.Толстым как писателем познакомился и первое его влияние испытал ещё в раннем детстве в нашем отдалённом, отстоявшем за 400 вёрст от железной дороги сибирском Кузнецке.

Вместе с тем надо сказать, что последовательно за нашим детским чтением никто не следил. Мать приносила мне детские книги из библиотеки, от знакомых и, конечно, выбирала не плохие. Я всё поглощал. Но этого не хватало, и мы, дети, сами, сэкономив копейки, покупали в кузнецких лавчонках, в частности, в лавке Фамильцевых¹², что под руку попадётся, преимущественно ту макулатуру, которую в качестве народного чтения и вытеснил потом понемногу «Посредник». Именно в Кузнецке перебивали в моих

.....

.....

руках «Сказка о Бове Королевиче», «Еруслан Лазаревич», «Францель Венециан», «Приключение английского лорда Милорда», «Кабардинка, умирающая на гробе своего мужа». Детскую фантазию они, во всяком случае, питали. Заберёшься, бывало, летом с такой книжкой и с карманом, полным кедровых орехов, куда-нибудь на верхнюю ступеньку лестницы, ведущей на сеновал, читаешь, тут же ловко, по-сибирски, автоматически разгрызаешь орешки с маслянистыми, вкусными ядрышками и – забываешь весь мир!

Матери, собственно, тоже некогда было особенно пристально заниматься нами: хозяйство, общение с молодыми подругами, гости, карты, посещение знакомых и другие развлечения поглощали у неё значительную долю времени. И это несмотря на то, что все материальные заботы о детях выполнялись прислугой – было кому нас одеть, накормить, повести погулять, уложить спать. Но всё же мать стояла к нам достаточно близко. Благополучию и душевному росту нашему радовалась, слабостями и проступками искренно огорчалась. В самом раннем моём детстве мать иногда водила меня в церковь, в собор. Меня очень поражала красота храма, так не походившего на обыкновенную, жилую квартиру, но ни следить за богослужением, ни молиться я не умел и, если это бывала всенощная, то утомлённый иногда незаметно для себя самого и для матери, стоявшей у стенки, опускался на пол и засыпал.

Позже между нами начались религиозные разговоры. Мать, как могла, излагала мне истины православия. С раннего же детства начала она мне читать вслух. Помню до сих пор, какое сильное впечатление производила на меня повесть о злоключениях какого-то Саши. Сидя по вечерам у матери в спальне и слушая её чтение, я, бывало, заливался слезами. Отец несколько раз протестовал, что мне читаются книги, излишне волнующие меня, но мать находила, что в этом нет ничего плохого, и что раз книга вызывает интерес, то её можно читать.

Мать вообще радовалась всякому пробуждению духовности, чувства у ребёнка и поощряла ход этого пробуждения. Очень рано стала она водить меня на спектакли кузнецких любителей драматического искусства, ставившиеся время от времени в Обществен-

.....

.....

ном собрании. Спектакли эти, вроде «Бедность не порок» Островского, например, производили на меня огромное впечатление. Без них я не мог себе представить моего детства. Если я шёл на спектакль отдельно от матери (например, с детьми других семей), то она потом заставляла меня рассказывать ей содержание виденной пьесы, причём я наивно удивлялся, что, когда я запинаясь, то мать сама подсказывала мне, что было дальше. Она, конечно, знала большинство пьес и своей задачей, очевидно, ставила только развитие у меня способности рассказа. Когда семи лет я поступил в школу, мать дала согласие на то, чтобы я, по просьбе священника-законучителя, ходил в церковь «подавать кадило». Это некоторым из её приятельниц-барынь не нравилось как нечто, не соответствующее достоинству привилегированной семьи, но на мать такие возражения повлиять не могли. Она отвечала обыкновенно на дружеские упрёки, что мне в будущем всё равно придётся учить «закон Божий», а тут я, по крайней мере, без труда научусь всем молитвам и порядку богослужения. Но дело-то было не в этом или не только в этом – мать без сомнения считалась с тем, что посещение богослужений, присутствие в алтаре и общение со священником расширит, углубит мой духовный мир. Оно так, действительно, и было, и когда мать заметила это, то ещё более укрепила в мысли, что поступила правильно. С бесконечным терпением и с живейшим интересом выслушивала она потом все мои рассказы об обстоятельствах моей церковно-служительской «карьеры», которой я ещё коснусь здесь подробнее.

Мать преклонялась перед образованием и образованностью. В ней вообще жили высшие, хоть и не развитые, не по её вине, потребности. Человек она была недюжинный, впечатлительный и с горячей душой.

О помощнике городского старосты Быстрове¹³ она позже, когда я немного подрос, почти с благоговейным уважением говорила:

– Знаешь, Валя, он был студентом петербургского университета! Только курса не кончил...

И я сам заражался её благоговейным уважением к универси-

.....

тету и старался представить себе, как это Быстров, чернобородый, но уже сгорбленный, примятый жизнью пожилой человек в длинном, тёмном, скромном пальто был когда-то молодым студентом, разговаривал с профессорами и расхаживал по пыльным улицам и площадям столицы России.

Так же в этом же тоне сообщила мне мать об одном из соборных священников, о Николае¹⁴, смешившем нас, детей, своим глумом, раздававшимся как из пустой бочки басом и беспорядочными зычными вскрикиваниями при богослужении:

– Вот ты над ним смеёшься, а ведь он в духовной академии учился. Его, говорят, за какую-то провинность к нам послали. Евангелие-то на Пасхе он по-гречески читал!..

И опять – фигура басистого и крикливого о. Николая начала вырисовываться передо мной в ином свете.

Однажды на сонных и пыльных по середине, а по бокам заросших травой улочках нашего города объявилась новая, незнакомая фигура. (Иначе ведь тут все были наперечёт.) Человек лет 30-35, с круглой чёрной бородой, с правильными чертами преждевременно утомлённого, пожелтевшего интеллигентного лица. Особенно хорош был высокий лоб. Бедняк: синяя, сатиновая вылинявшая на спине рубашка, потулые плечи, грубые запылённые сапоги, дешёвые брючки со вздутиями на коленях. Субъекта этого можно было видеть обычно среди подонков кузнецкого общества, пьянчужек-завсегдатаев наших простонародных кабачков. Он пил. Дети раньше взрослых узнавали его фамилию – Борман¹⁵. И вдруг выяснилось, что Борман – уроженец Петербурга и питомец Петербургского университета.

Интеллигенция наша заволновалась – новый человек. И в таком бедственном положении – несчастный!.. Как и почему Борман попал в Кузнецк, никто не знал. Этого и потом не удалось выяснить. Ну, поговорили-поговорили, а потом махнули рукой. Отщепенец, пьяница, босяк. Что с ним делать? Не звать же в гости!..

Так думали и решили все, кроме моей матери. Судьба Бормана тронула её. Ей захотелось поднять его, протянуть ему руку

участия и помощи. Отец уже не жил (он скончался, приблизительно, за год до появления Бормана в городе), и мать могла действовать совершенно самостоятельно. Меня как раз надо было готовить в гимназию, и мать решила просить Бормана взять на себя эту подготовку. Она поручила кому-то из знакомых привести Бормана в дом и тут сговорилась с ним об уроках по русскому языку, арифметике и латыни. Борман держался прекрасно: скромно, непринуждённо и вполне корректно. Помню, в зале у ломберного карточного столика начали мы после этого свои занятия, которые шли вполне удачно. Учителю всегда подавали чай. Мать иногда выходила и беседовала с ним.

Но этого матери показалась мало. Её захотелось ввести Бормана в общество. С этой целью она устроила однажды званый чай, пригласив человек семь-восемь знакомых, преимущественно учителей уездного училища с их жёнами. Явился и Борман, таким же бедняком, как всегда, в той же вылинявшей на плечах синей рубашке. Со всеми корректно поздоровался, сел. Мать была по отношению к нему исключительно радушна. В разговоре Борман оказался не умнее и не глупее остальных присутствующих. Натянутость, однако, царил страшная. Мне было тогда лет 10, но я отлично помню этот чай. Наши «интеллигенты», и мужчины, и дамы, едва цедили слова сквозь зубы. Исподлобья и вкось поглядывали они на низкопробного, «павшего» чужака, с которым вздумали их свести, как равных. Равными с ним они себя, однако, не считали. Это отношение к Борману они сохранили и в будущем. Затея матери не удалась.

Подготовленный Борманом приёмные экзамены в гимназию я успешно сдал. После этого я уже не видал своего бедного учителя с милой, тихой улыбкой на безвременно увядшем, но красивом, породистым лице.

Надо сказать, что у детей фамилия Бормана возбуждала очень приятную ассоциацию с одноимённым названием знаменитой тогда петербургской фабрики шоколада. В Кузнецке поговаривали даже, что наш Борман является чуть ли не отпрыском петербургской фабрикантской фамилии. Могло быть и это. Поче-

.....

му нет? Кого-кого только не заносили «западные» ветры в нашу далёкую Сибирь! Имелась же среди могил на нашем кладбище могила местного воинского начальника графа Ростопчина¹⁶, прямого потомка московского главнокомандующего. Должен же был почему-то в 1857 году венчаться в Кузнецке первым браком Ф.М. Достоевский!.. Подымались же на нашем кладбище высокие-высокие кресты – католические кресты на могилах польских повстанцев, сосланных в Сибирь после краха восстания 1862 года!.. Чего проще было и фабрикантскому сынку или родственничку угодить в глухую Сибирь.

Как я уже говорил, ни в чём не стесняла детской свободы. Летом, бывало, скитались мы, босые, загорелые, в широкополых соломенных шляпах местного изделия, похожих на мексиканские и отлично приспособленных к потребностям жаркого сибирского лета, по городу и его окрестностям где, как и сколько хотели. Много купались в быстрой, глубокой, прозрачной Томи, не раз почти все тонули. Но как-то выбирались из воды сами или при посторонней помощи. Лично со мной это произошло трижды. Не все, правда, были так счастливы. На нашем кладбище стоял среди других также памятный мне своей красотой белый мраморный памятник с изображением коленапреклонённого ангела и с надписью:

«Его смерть была ужасна,
Его волны поглотили,
Но, как Божие творенье,
Снова в землю возвратили».

Тут похоронен был мальчик Саша из дружественной нам семьи Пановых, также, вот, по полдня проводивший на реке и утонувший в её быстрой, подвижной, всё и вся принимающей и засасывающей стеклянно-прозрачной и жидкой массе.

Разделения между нами, детьми из зажиточной чиновничьей семьи и детьми из бедных и ниже на социальной лестнице стоящих семей, не существовало. Такая неразборчивость, её допущение были, может быть, несколько неосторожны со стороны родителей. У иных ребят можно научиться бог весть чему – пар-

.....

.....

шивым, так называемым «русским» ругательствам прежде всего. И зараза, конечно, шла. Одни подпадали ей, другие выдерживали испытание. Допустим, что выдержали и дети моих отца и матери. Но ведь могли и не выдержать.

И всё-таки кузнецкая свобода, кузнецкое раздолье на всю жизнь очаровали, покорили и воспитали мою душу, угнездились в ней крепко и сами потом были причиной то сладких, то горьких испытаний в моей судьбе.

ГЛАВА II РОДНОЙ ДОМ

Наши предки-староверы. Разговор с прадедом. Переищёптывающиеся «молчальники». Бабушка, дед, тётка Марья. «Николаевский» солдат. Няня Акулина Митревна и её сказки. Описание родного дома. Можно ли извлечь воду из дыма? Наша усадьба. Вечера за чтением с матерью в гостиной. Кухонный мирок. Гвидо Рени в Кузнецке. Переезд из большого дома во флигель. Чахотка в качестве «интересной» болезни. Дыни и арбузы в Сибири. Квартиранты за огородом. Отцовская пасека в городе и за городом.

Из лиц, неразрывно связанных для меня с воспоминаниями о родном доме, я должен, кроме отца, матери, братьев и сестёр, упомянуть ещё о своей бабушке, о тёте Мане и о няне.

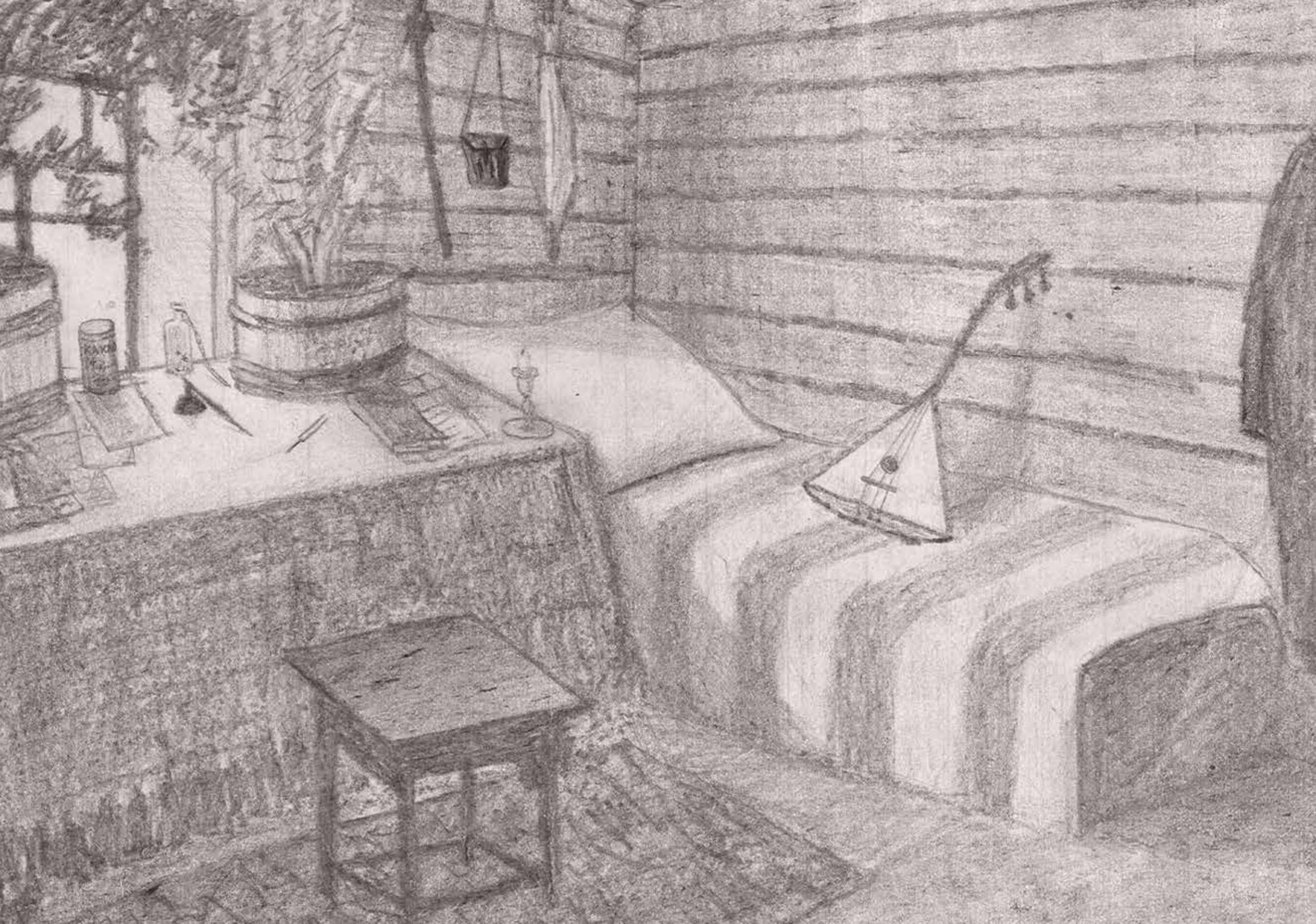
Под бабушкой разумею мать моей матери Марфу Михайловну Исакову, рождённую Сизёву. Крестьянка с. Коурака¹⁷ Томской губернии, расположенного в 200 верстах от Кузнецка (как раз на полдороге в Томск), бабушка Марфа Михайловна не жила в нашем доле, а только наезжала к нам изредка погостить из Коурака. Приезды её были праздниками для нас, детей. Тут «сердце сердцу весть подавало»: старое – детскому, и наоборот. Бабушка – тихая, милая, скромная и тактичная старушка – полна была любви к детям. Что-то истинно благородное, аристократическое сквозило в лице, в манерах, в поведении этой доброй старушки, жившей, правда, и в Томске, но всё же старушки деревенской. Лицо её как-то всегда светилось изнутри. Есть, есть такие прекрасные натуры в нашем народе, особенно в крестьянской среде.

Предки бабушкины были, собственно, крестьяне новгородские, крепкие, сильные волей люди, староверы, «беспоповцы», приверженцы «поморского согласия», переселившиеся в Сибирь

Марфа Михайловна Исакова (Сизёва) – бабушка братьев Булгаковых. Фото конца XIX в.

Рисунок Вал. Булгакова: моя комната в селе Коурак. Рисунок с натуры. 1903 год. ➔

.....

– не знаю точно при каких обстоятельствах – лет 200-250 тому назад. Своих «предков» я мог после подростки видеть в Коураке живыми. Так, проводя в Коураке лето 1906 года после окончания гимназии, я имел возможность беседовать по вопросам веры и истории со своим собственным прадедом, отцом бабушки Марфы – Михаилом Осиповичем Сизёвым. Ему было тогда 100 лет. Немного сгорбленная фигура, гладко причёсанные серебристые волосы на голове, седая борода – и то же тихое, потайное, глубокое изнутри сияние в добром лице, как у дочери – старушки. Прадед был ещё очень бодр, обладал прекрасной памятью, сыпал датами и цифрами, только слух его несколько ослабел. У своих единоверцев, «беспоповцев», М.О.Сизёв слыл чем-то вроде наставника-начётчика и даже священника. Я присутствовал однажды на совершавшемся им в чистой, большой горнице богослужении. Одетый в чёрный кафтан, сгорбившись, 100-летний прадедунка читал старые священные книги, дребезжащим, старческим голосом пел молитвы и даже кадил. Рядом стоял один из многочисленных его правнуков 17-летний Исачек (Исаак) Сизёв и подпевал прадеду на правах псаломщика, женщины в белых платочках и мужчины в чёрных кафтанах истово крестились – двумя, а не тремя перстами, конечно, – и низко кланялись. Божница была заполнена образами старого письма...

Жене Михаила Осиповича, моей прабабушке, было тогда 90 лет – это была совсем бойкая старушка, выглядевшая не на много старше своей дочери, моей бабки. Мой прапрадед, отец старого Михаила Осиповича, жил что-то, кажется, 103 года. Дядя Михаила Осиповича – брат отца – жил 104 года. Вот корень-то был крепкий!

Один из рассказов прадеда. Отец и дядя его в старости были молчальники: ушли как бы в схиму, заперлись вместе в одной клетке и ни с кем не разговаривали. Но как-то вечером Михаил Осипович подошёл к двери их комнаты и к удивлению своему услышал, что старики шепчутся между собой. Обет молчания, таким образом, не вполне соблюдался.

Жили мои «предки» в Коураке в полном довольстве. Семья Сизёвых была зажиточная. И однако ж не кулацкая: наёмных ра-

.....

.....

бочих у них не было, члены многочисленного сизёвского гнезда справлялись со всей крестьянской работой сами...

Бабушка, приезжая в Кузнецк, всегда привозила нам, детям, подарочки. И хоть подарочки эти были скромны, например, по маленькой кругленькой коробочке монпансье каждому, но из рук бабушки они были как-то особенно дороги. Спрячешь, бывало, жестяную коробку с наклеенной на верхней крышке картинкой под подушку и, засыпая, сладко вспоминаешь о том, что бабушка приехала, а на другой день достаёшь по конфетке и сосёшь...

Бабушка привязана была к нам не меньше матери. Она сохранила, между прочим, разные воспоминания о нашем раннем детстве, которыми потом делилась с нами. Сохранила прядь моих светлых в детстве кудрей. Помнила многое, о чём забыла и сама мать. От неё я узнал, что первое произнесённое мною слово было: «голубок». А братом Веней, весьма позитивным крепышом-толстячком: «пуговка».

Тут мне хочется помянуть о другом курьёзе, относящимся к детским моим филологическим познаниям. Может быть, года три мне было. Поехали мы с матерью «кататься» на «дрогах» по улицам города. На одной лужайке мирно паслась семейка свиней.

– Валя, ты знаешь кто это? – спрашивает мать.

– Знаю, – отвечаю я, – гуси!

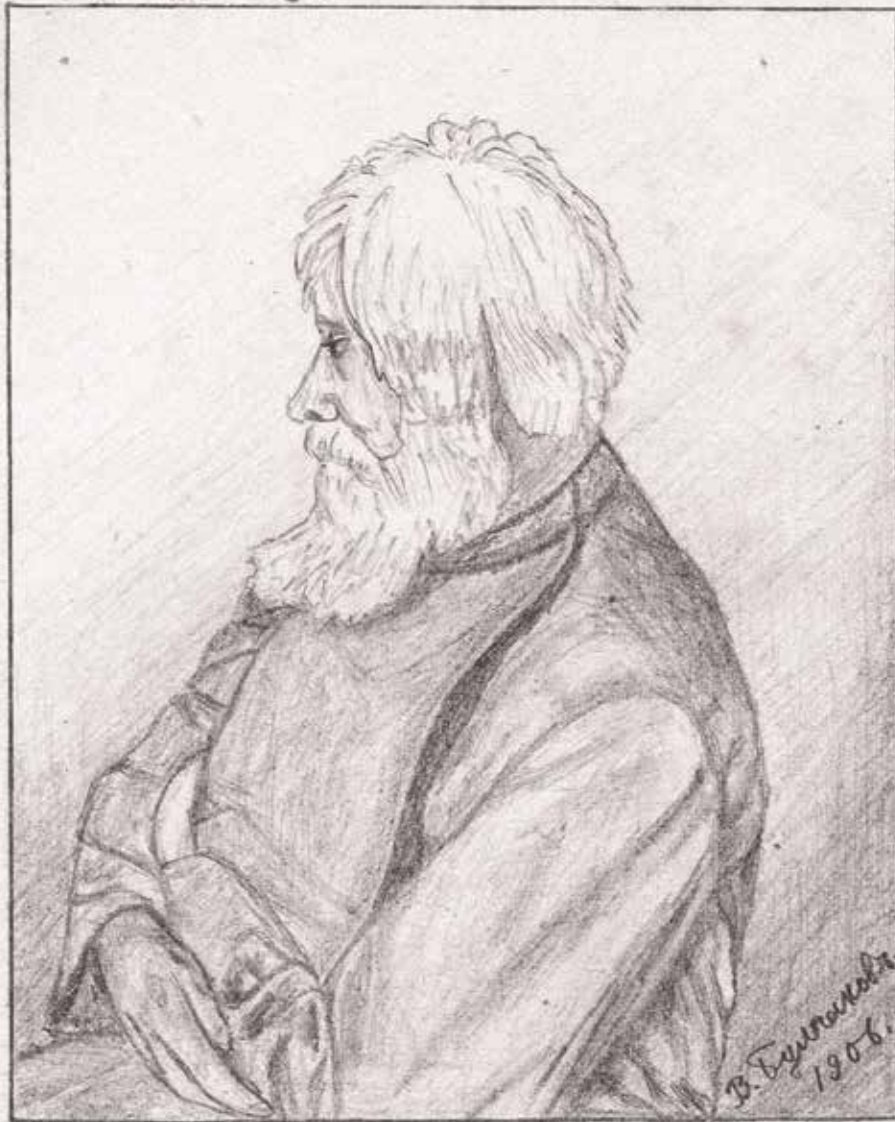
Когда бабушка, возвращаясь в Коурак, покидала наш дом, я ревел. Один раз зимой я устроил такой скандал, что она никак не могла отважиться уехать. Тогда решили меня обмануть и заявили, что я поеду вместе с бабушкой. Я тотчас успокоился. Меня одели по-зимнему: в шапку, медвежью шубку-барнаулку с кушаком, валенки. Бабушка тоже оделась, перекрестилась, со всеми простилась и вышла на улицу. Но только она села в одни сани, а я – в другие, с матерью. Забеспокоился было.

– Ничего, ничего, Валя! Мы за бабушкой поедем.

И действительно, бабушкины сани тронулись первыми, а за ними покатались и наши. Так мы и ехали некоторое время вместе. Бабушка часто оглядывалась и махала мне рукой, и я был доволен,

.....

Мой прадеду Михаил Иосифо-
вич Сизёв, род. в 1806 г. Нарисо-
ван с натуры в с. Коура-
кы, Кузн. у., Томск. г. 10 июня 1906 г.

Михаил Сизёв

10 июня 1906 года

что еду за ней в Коурак.

Ехали зимой из Кузнецка в Коурак до первого попутного села Монастыря (Христорождественского) не через северную гору, а низом, по льду реки Томи, огибавшей слева, с запада эту гору. Так мы поехали и теперь. Дорога по льду шла под огромными скалами, давшими название западной части города – «Под камнем». Мрачные тёмно-серые скалы да ещё опушённые по углублениям снегом из наших бегущих по низу саней казались такими необыкновенными и фантастическими, что я, как замороженный, загляделся на них, совершенно позабыв о бабушке. Тут-то кучер по данному матерью знаку и повернул лошадь назад. Скалы переместились справа налево, но не исчезли, и их опять можно было рассматривать... Бабушка между тем преспокойно ехала в Коурак, оглянувшись в последний раз на внука и утерев грубой вязаной рукавичкой последнюю слезинку...

С бабушкой приезжал иногда её муж, а наш дед Никифор Васильевич Исаков, в молодости служивший в гвардии в гренадерском полку и принимавший участие в освободительной русско-турецкой войне 1870–1871 гг. Брат Вена помнит рассказ деда о том, что, воюя он в Болгарии, он участвовал в боях на Шипке и под Плевной. В пору нашего детства это был славный, добродушный старик, тоже нас очень любивший, но, к сожалению, злоупотреблявший спиртными напитками. Значительную часть своего времени в городе он проводил на террасе одного из местных кабачков. Когда, бывало, мы, мальчики, проходили мимо, дед останавливал нас, сходил с террасы и, грозя нам указательным пальцем, увещевал нас никогда не пить водки.

Службу в Томске он в старости бросил и, как мне говорили, занимался в Коураке сапожным ремеслом.

Помню ещё старика – «николаевского солдата», привозившего к нам, бывало, бабушку из Коурака. Иногда летом вернёшься домой с купанья или с горы и видишь: распряжённая с оглоблями вверх посреди двора стоит плетёная тележка-коробок, наполненная свежескошенной, душистой травой, а возле – плотный, старый мерин, карий или синий, покачивает головой и усердно жуёт

.....

травку, разворачивая её мордой в кузове тележки... И тут же, смаывая вожжи или прилаживая что-нибудь, не торопясь, похаживает маленький, сухенький старичок в коротком кафтане и с седой бородкой клинышком...

Ну, тут уже мы безошибочно знаем – бабушка приехала! И новой радостью наполняется и без того уже радостный детский вечер в тихом, благодатном Кузнецке – бежим в дом, ищем бабушку, обнимаемся...

Старичок, бабушкин кучер и провожатый, действительно был отставным солдатом, начавшим отбывание воинской повинности ещё при Николае I и вытянувшим все 25 лет тогдашней бесконечной солдатской лямки. Он много видел и много знал. Кое-что и рассказывал. Именно от него впервые узнали мы о том, как прогоняли солдат сквозь строй и забивали их палками в ту неблагоприятную эпоху, подарившую и тогдашнего правителя России прозвищем Палкин.

Двести вёрст, разделявшие Коурак и Кузнецк, бабушка и преодолевала обыкновенно, сидя со своим спутником, «николаевским солдатом», в коробке без сиденья на подостланной травке и мелкой рысцой, а то так и шагком передвигаясь понемножку от деревни к деревне на своём меринке... Иной раз останутся в поле, спутают ноги меринку и пустят его кормиться, а сами разведут костёр, согреют воду в котелке и напьются... не чайку – храни бог! – а водички, потому что оба были кержаки-староверы и питьё чая считали грехом... Интересно, что, приезжая к нам, бабушка и чайную чашку привозила свою: как ни любила она нас, а всё же по своим религиозным понятиям считала грехом употребление посуды, принадлежащей приверженцам церкви государственной, склонившейся в схизму, церкви – «блудницы вавилонской».

Кроме деда и бабушки с материнской стороны, навещала нас и подолгу гасивала в нашем доме также их вторая дочь, младшая сестра моей матери Марья Никифоровна или Маня. Она, как и мать, начала учиться в Томской гимназии, но была взята оттуда родителями ещё раньше, чем её старшая сестра – по отсутствию материальной возможности содержать её в Томске. Между тем, как

.....

.....

мне рассказывала мать, тётя Маня была гораздо способнее её: получала прекрасные отметки, а, главное, всей душой стремилась к учёню. Вместо этого она должна была вернуться в деревню в Коурак, где занималась только крестьянским, физическим трудом. Потом вышла замуж за одного односельчанина, великана ростом и карлика умом, опустила, загрузила и в смысле духовного дарования, можно сказать, погибла. Дарование это, однако, время от времени вспыхивало в ней. Гости у нас в доме и освободившись ненадолго от тяжёлой, изнуряющей работы, тётя Маня вся оживала и всё оживляла. Я помню её весёлой и исключительно остроумной болтушкой с умными, полными жизни и выражения глазами. Она самозабвенно танцевала, плясала, на святках участвовала в маскарадах, потешала взрослых и без труда находила дорогу также к нашему детскому сердцу. Как выдумщица и затейница стояла впереди всех наших кузнецких дам. Потом приходил срок отъезда, бедная Маня со слезами прощалась со всеми, связывая в узелок свои скромные пожитки, и с каким-нибудь попутчиком, вроде старого николаевского солдата, уезжала опять в далёкую деревню коротать дни с тупым и скучным своим «благодарным».

Наша старая няня Акулина Митревна (фамилию её не то что не помню, а никогда не знал) была крестьянкой села Бунгура¹⁸, расположенного за рекой в верстах десяти от города. Это как раз тот район, где в сталинскую эпоху возник новый город, крупный металлургический центр – Сталинск, перед которым, как перед новой «столицей» здешних мест, склонился наш старый Кузнецк. Няня много лет прожила в нашей семье. Во всяком случае, она воспитала всех детей от третьего брака отца, начиная мною и кончая сестрой Надей. Любили ли мы её? Этого даже сказать нельзя. Такого отношения, как к бабушке Марфе Михайловне, к няне у нас не было. Она к тому же была и построже бабушки и слыла ворчуньей. Но няня была нам нужна несколько не меньше, чем кто бы то ни было другой в доме, начиная с родителей. Она была нам нужна как неперенный член семейства. Наше существование и наша жизнь в детстве слиты были с её существованием и её жизнью.

К няне, бывало, тоже приезжали её деревенские гости и

.....

тоже привозили ей и нам гостинчики – всё больше какую-нибудь вкусную сибирско-деревенскую снедь. Но больше всего любили мы или я, по крайней мере, нашу няню за её сказки. Бывало, вечером уляжется она на подостланном войлоке на своём огромном чёрном сундуке в детской, а я и маленький брат Вена пристроимся тоже рядышком с ней – один с одной, другой с другой стороны. Требование наше определённое: «сказку!»». И няня, поворчав немного для видимости, послушно начинает свои длинные-длинные бесхитростные повествования из мира чудесного. Проходят перед нами Иваны-царевичи, серые волки, Кашеи Бессмертные, козлятушки-ребятушки и прочие образы народной русской поэзии. Слушаем жадно, слова не пророним, но только... скоро я замечаю, что добродушный толстячок, мой маленький братец, начинает дышать глубже и ровней, посапывает-посапывает и окончательно засыпает. Няня доканчивает сказку уже для меня одного...

Бывала у нас в доме и другая прислуга – кучер, кухарка, горничная, но те все менялись, а няня оставалась до конца одна и та же. Кажется, она покинула нас со смертью отца и с переходом нашей семьи к более скромному и экономному образу жизни. Скончалась она в селе Бунгуре. Мальчиком лет 15-ти я посетил однажды её могилу и тогда уже с сознательной любовью и грустью думал и вспоминал о милой нашей старушке-няне. Выполнила своё дело в жизни, пронесла свой крест и – успокоилась навеки, безвестная, безответная – перед Жизнью и Судьбиной.

Родной мой дом, построенный приблизительно в 1884-85 гг., стоит до сих пор (1946). По отъезде нашем из Кузнецка в самом начале 900-х годов он был продан местному аптекарю Кохановскому¹⁹ и при нём уже был лишён флигелей, перестроен и обезображен. В детстве моём это был прекрасный, поместительный деревянный особняк, построенный не без затей. Один этаж. Шесть окон с резными, покрашенными в белую краску наличниками и двустворчатыми ставнями выходили на улицу. Направо – парадное крыльцо в 2-3 ступеньки. Над ним – шагёр, с двумя большими рамами направо и налево, с переплётами весьма затейливого рисунка и с разноцветными стёклами: зелёными, тёмно-красными, розовыми и жёлтыми... Как фантастически и прихотливо менялся мир для наших детских глаз, когда мы, взгромоздившись на какой-нибудь чурбачок или кирпич или подставив табуретку, заглядывали то в одно, то в

другое стекло на парадном подъезде! Источник настоящего, глубокого удовольствия для маленькой, свеженькой душонки...

По краю крыши дома с трёх его сторон (за исключением четвертой, выходящей во двор) тянулся решётчатый деревянный парапет, скреплённый местами на известном расстоянии друг от друга и украшенный по углам деревянными же тумбами с подобием точёных деревянных лаг на них. Парапет, помню, был розового цвета. Тесовая крыша – зелёная, как и большинство крыш в нашем городе. Две трубы наверху. Выходные отверстия труб защищены от снега и дождя железными навесиками – балдахинчиками – с железными же петушками-флюгерами наверху. Я очень любил в раннем детстве этих двух петушков на крыше родного дома, поворачивающихся с ветром.

Одно забавное воспоминание именно в связи с трубами. Мне было лет семь-восемь, когда при одном общем разговоре в банде сверстников-ребят я узнал, что, если прихлопнуть ладонями дым, выходящий из труб, то дым этот обратится в воду, и произойдёт наводнение, которое всё затопит. Должно быть, это были отголоски какого-нибудь случайно подслушанного и неверно понятого рассуждения взрослых не о дыме, а о паре. Мне, во всяком случае, сообщение ребят показалось совершенно неправдоподобным, о чём я тотчас же и заявил. Поднялся спор. Охотники верить в фантастическое стояли на своём. Тогда я предложил произвести опыт.

– Давайте, я залезу на крышу нашего дома, когда будут топить печи, и хлопну ладонями по дыму. Увидите, что ничего не будет!

– А ну, залезь, залезь! Хлопни! Увидишь, что будет!

– А вот увидим!

Опыт был произведён. Я добросовестно взобрался по примитивной лестнице на крышу. Оппоненты и судьи стояли кучкой внизу на нашем дворе и внимательно следили за моими действиями. Вот я подобрался к одной из больших, в мой детский рост, белых кирпичных труб с чёрным, вырезанным из железа петушком наверху – густой дым валил из неё.

– Ну, ну, ударь, ударь! – подзадоривали меня снизу.

Но меня не нужно было подзадоривать – я твёрдо решил довести опыт до конца. И, однако, если бы вы думали, что в этот момент у меня не было никакого сомнения в том, что манипуляции мои катастрофы не вызовут, то вы ошиблись бы. Где-то в глубине души такие сомнения ещё копошились. Хотя здравый разум говорил одно, незнание жизни и вера в то, что «всё возможно», немного путали детский ум. Сюда присоединялось ещё любопытство, стоявшее, странно сказать, почти на границе желания, чтобы произошло именно то, что предсказывали другие дети: чтобы от движения моих рук вдруг развернулись хляби небесные и хлынул поток, водопад, потоп, который снёс бы с лица земли и нас, и дом, увенчанный двумя трубами с петушками, и весь Кузнецк. Началось испытание жизни...

Тут вспоминается мне талантливая, монументальная поэма русского поэта Георгия Голохвастова о гибели Атлантиды, изданная в Америке. Верховный жрец с высокой башни – «зиггурата» произнёс роковое слово «аум!», и ... катастрофа совершилась – небо зарокотало, пучина морская разверзлась и поглотила цветущий остров со всем его населением.

В позе такого жреца с протянутыми вверх руками стоял я на крыше перед трубой с петушком... Вот погрузил ладони в чёрный дым и... хлопнул!

Ничего не последовало. Дым продолжал валить из трубы.

Раскрыв рты, стояли неподвижно и глазели на меня снизу ребята.

Я рассмеялся и слез с крыши.

Сквозной палисадник перед домом, окаймлявший его с улицы, тоже особой затейливой резьбы, покрашен был в красное. Рассаженные по нему в верхней части на известном расстоянии друг от друга крестики были белого цвета. Их кузнецкие ребята потом почти все поотковыривали – корысть небольшая и, главное, бесцельная, но зато лёгкая и доступная... Часть сада, примыкавшего к дому с левой стороны, отделялась от самого палисадника высо-

.....

ким, совсем не крашеным, тёмным деревянным забором с калиткой, а на самом этом заборе наверху стоял выгесанный из дерева в натуральную величину и раскрашенный в соответствующие цвета солдат с ружьём к ноге. Охранитель нашего дома. Нечто вроде пражского Брунсвика, чудной, древней готической бронзовой статуи молодого, закованного в латы рыцаря на высоком и узком каменном столпе близ древнего Карлова моста в столице Чехословакии – это охранитель Праги от наводнений... Наш деревянный кузнецкий «Брунsvик» являлся, кажется, единственной – весьма, конечно, примитивной – скульптурой в целом Кузнецке...

Перед домом и вокруг него, т.е. и с улицы, и справа, и слева большие, уже хорошо разросшиеся деревья – тополи, берёзы, ели, сосны, рябина, черёмуха, кедр, – всё, чем богата наша сибирская флора. Между стволами деревьев – кустарники бузины, жимолости, малины и красной смородины... Цветы у нас почему-то не сажались, а, если какие и вытягивались из-под земли среди травы, так исключительно по своей доброй воле...

Однако, каковы бы ни были цветы, никогда они не доставляли мне сколько наслаждения, сколько доставляла старая-старая, широкая и развесистая, как шатёр визиря, и буйно цветущая чудным, пышным, пахучим цветом черёмуха, осевшая всей своей кроной на крышу второго, обращённого во двор к флигелю крыльца нашего дома. Не могу сказать, как наслаждался я каждое лето красотой и терпким ароматом этого мощного узловатого дерева в пору цветения! Не довольствуясь любованием снизу, залезал на крышу крыльца и подолгу просиживал там на солнышке, любуясь чудными гроздьями белых мелких цветов, вдыхая их аромат и прислушиваясь к дружному жужжанию осаждавших старую черёмуху пчёл. В Троицын день шёл я с большим букетом черёмухи в церковь. И дома – в столовой и в спальне родителей – стояли у нас в эту пору на столах большие букеты черёмухи... Потом появлялась крупная сладкая, спелая ягода с косточками, которую мы усердно уничтожали. Осенью же из остатков своей, а также из покупной черёмухи, размолотой в сухом виде, пеклись превкусные пироги.

Входя в дом с улицы через парадное крыльцо, мы попадали

.....

.....

сначала в «коридор» – высокие и бревенчатые сени с очень широкой и короткой лестницей, покрашенной в жёлтую краску. Сени освещались двумя окнами. Внизу направо стоял «ларь» – огромный, тоже жёлтый ящик, запёртый на замок и, однако же, представлявший для нас, детей, самое привлекательное место в доме: тут хранились большие запасы изюма и урюка (шептгалы) для домашних киселей, мешки с кедровыми и грецкими орехами, а подчас и другие сладости. Все спешили мы из дому вниз в «коридор», когда мать шла с ключом к ларю, и, конечно, нам всегда удавалось что-нибудь урвать из хранившихся в нём запасов, преодолев слабое и, так сказать, только «формальное» сопротивление матери.

Наверху площадки большая, обитая войлоком и чёрной клеёнкой дверь налево вела в тёплую переднюю. Точёная жёлтая вешалка, сундук.

Из передней три двери вели: налево – в зал, прямо – в столовую, направо – в кабинет отца. (Находясь за рубежом, за тысячами километров от Кузнецка, так приятно восстанавливать в памяти всё, что покинуто навсегда!)²⁰. Войдём в зал. Большая высокая комната с тремя окнами. Стены и потолок побелены известью, пол сложен из небольших дощечек, расположенных «ёлочками», и покрашен масляной краской в светло-розовый цвет. И не паркет, а как бы некое уездно-сибирское подобие никогда не существовавших в нашем городе паркетов. Я всегда любил этот пол – он не похож был на полы обыкновенные, крытые охрой.

Нижние стёкла оконных рам – тоже розовые. В простенках между окнами – большие, тёмные, старинные зеркала: стекла тут столько же, сколько дерева. Под зеркалом – тонконогие жёлтые ломберные столики. Крышка на них распаивалась, поворачивалась, и узкие, продолговатые столики обращались в четырёхугольные, квадратные карточные столы, покрытые зелёным сукном. Днём столики покрывались вязаными скатертями. На каждом из них стояло по два изящных бронзовых подсвечника (три козлиные ножки с копытцами, соединённые наверху) со свечами. Вечером, когда играли в карты, подсвечники эти устанавливались по диагонали на углах карточных столов.

.....

Налево от входа из передней у стены стоял большой овальный стол, покрытый белой скатертью. Тут устанавливались для гостей закуски и вина. Над столом висели две большие картины – олеографии²¹ в узких золотых рамах. Почему-то одну из них – «Зимний закат» профессора Юлия Клевера²² (приложение к журналу «Нива») – помню, а другую – нет. Признаться, «Закат» с красным, опускающимся за горизонт солнцем, с носом полузасыпанной снегом лодки на замёрзшем озерке и с вороной, присевшей на борту лодки, мне нравился... Между этими картинами висела, тоже в золотой рамке, фотография отцовской пасеки близ города.

Рядом с дверью из передней стоял стол с «герофоном»²³ (оркестрионом). Мы накладывали на верхнюю доску с рубчиками «ноты», т.е. картонные круги с вырезанными отверстиями, вертели ручку «герофона» и наслаждались неприхотливыми звуками танцев или народных песен, вроде «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» и других.

Вдоль стен – жёлтые венские стулья с плетёными сиденьями (клеймо – «Братья Тонет»²⁴), тогда – редкость в Кузнецке. В самом деле, из Австрии стулья были доставлены в Москву или в Нижний Новгород на ярмарку, оттуда по железной дороге – в Сибирь, в Томск, а ведь из Томска надо было их подводами на лошадях доставить ещё в наш захолустный городишко!..

Упомяну ещё о двухсвечных медных канделябрах на стенах, о кисейных занавесках на окнах, о синих из довольно тонкой и дешёвой материи шторах на дверях. Вот и вся роскошь зала.

За залом следовала гостиная, небольшая, продолговатая, с двумя окнами в улицу – та самая гостиная, которую я помнил чуть ли не с 2-летнего возраста. Гарнитур тяжёлой и громоздкой, но удобной мягкой мебели, обшитой коричневым репсом. Полукруглые, широкие спинки кресел венчало нечто вроде дворянской короны с шишечками, вырезанными из дерева. В мягкой же обивке спинок и подлокотников имелись углубления, на дне которых прикреплены были круглые светлые металлические пуговицы-шарики, в раннем детстве нас очень занимавшие. Диван, зеркало над ним, преддиванный стол. Ковёр на полу. Это у стены

направо, а у стены налево – четырёхугольный продолговатый столик под шитой гарусом старинной скатертью, и над столиком – небольшие раскрашенные портреты царя Александра III и его жены, а также множество семейных фотографий в затейливых рамках, осыпанных ракушками разных форм. По углам комнаты – цветущие олеандры в кадках и одно лимонное дерево. Цветы и между ними так чудно зацветавший раз в году ярко-красными цветами алоэ, цветы имелись и на окнах. На стенах, кроме зеркала, и тут картины-олеографии в рамках: «Король-жених» Якоби²⁵, цыгане, просившие милостыню у крыльца боярских хором (тут мальчик – сын боярина – очень похож был на старшего брата Колю), ребёнок, играющий с собачкой: на одной картине он смеётся, на другой плачет – чудо чудное, диво дивное! Путешествуя через несколько десятков лет по Австрии, я увидел именно эти две небольшие олеографии – смеющегося и плачущего ребёнка с собачкой в одной лавчонке, торговавшей бумагой, табаком и видовыми открытками у Ледереровой башни в городе Вельс²⁶. Нельзя сказать, как я был тогда тронут!..

В общем, кузнецкая гостиная наша была довольно уютна. Иногда по вечерам мать и в этой гостиной читала мне при свете керосиновой лампы разные книжки... Летом через открытые окна доносились, бывало, среди наступившей тишины то отдалённый крик петуха, то едва слышные звуки гармошки и разудалой русской песни, которые неслись из так называемой Слободки, предместья, где жили мастеровые... Должно быть, эти звуки среди благодатной вечерней тишины, этот уют комнаты, эта полнота детского бытия в глубоком душевном общении с доброй, любящей матерью, вся эта патриархальность и покой и общегородской, и нашей семейной жизни производили на меня тогда сильное впечатление, потому что и теперь, стариком, я без малейшего усилия могу воспроизводить в себе это впечатление и, стирая годы, восстанавливать во всей силе настроения летних вечеров в гостиной родного дома...

Из гостиной дверь вела в спальню родителей, означенную на хранившемся у отца плане словом «будуар». Это, собственно, была комната моей матери. В ней одно окно выходило на улицу,

другое – в сад, и между этими двумя окнами в углу стоял стол, за которым мать читала, писала, шила. С улицы летом иногда доносился оглушительный стук колёс проезжавшей тележки, дрожек, в базарные дни – громыханье деревенских телег, тогда клубы пыли вздымались за окном, и его надо было прикрывать. Но зато из сада протягивались в другое окно ветви цветущей черёмухи... Чуть не четверть комнаты занимала большая тёмно-коричневая деревянная двуспальная кровать. Прямо против двери из гостиной направо от окна в сад на комод, покрытом вязаной скатертью, стоял «туалет» – квадратное зеркало в довольно изящной резной лакированной раме с выдвигаемыми шкафчиками и ящиками. Тут мать одевалась и пудрилась, собиралась в гости или на вечер в Общественное собрание, а я, взгромоздившись на стул и облокотившись на комод, внимательно наблюдал за её сборами.

С другой стороны к спальней примыкала детская – большая комната, разделённая ширмой надвое. Ширму поставили потому, что из детской одна дверь вела в сени и на третьё, так называемое «заднее» крыльцо, и зимой от этой двери дуло. Детские постели стояли, однако, по обе стороны ширмы, но... в то время, как на «тёплой» стороне комнаты спали я и брат Вена, на «холодной», обращённой к дверям стороне, помещались постели сестры Лены и брата Коли, т.е. детей от предыдущего, второго брака отца. Та сторона, где спали собственные дети матери, могла считаться тёплой уже потому, что в одном углу её стояла большая печь, зимой усердно топившаяся. На печь можно было залезать. Туда даже укладывали иной раз простудившихся...

На той же половине комнаты в противоположном от печи углу помещался чёрный нянин сундук-постель, о котором я уже упоминал, а перед сундуком стояла кроватка-зыбка для самого маленького из детей...

К детской примыкала «кладовка», которая, собственно, не была кладовой. Это был центр дома, вокруг которого располагались все остальные комнаты, – срединная комната, именно вследствие своего расположения лишённая окон, лишённая света. Там стояли один-два сундука, висели запасные пальто, шубы и платья по

.....

стенам. В «кладовке» мы прятались от родительского гнева, когда нам случалось набедокурить, например, разбить что-нибудь: вазу, чашку. Уткнёшься головой в складки старой одежды и, как страус, думаешь, что тебя уже не найдут, а сердчишко бьётся испуганно и неровно...

Обходим дом вокруг. Из детской переходим в столовую, тоже большую, просторную комнату с двумя окнами, обращёнными во двор. У окон – овальный обеденный стол. Кузнецкого изделия тёмные деревянные стулья. В стороне от стола у стен – два-три кресла: присаживаясь в них вечером, когда у нас бывали гости, мы частенько засыпали и потом чрезвычайно удивлялись, как это мы не заметили, что нас, спящих, на руках перенесли в постели, раздели и уложили. Буфет был самый простой, кузнецкого же изделия. Смутно помню олеографические портреты каких-то двух красавиц, блондинки и брюнетки, на стенах столовой.

Две двери из столовой вели: одна – в переднюю (из которой мы «вышли», начиная наш обзор комнат), другая – в зал, нам уже известный. Мне осталось только упомянуть о кабинете отца, дверь в который, как я уже раньше сказал, вела из передней и приходилась как раз против двери в зал.

Довольно почтенного вида письменный стол с решёткой и ящичками. Большое, обитое обветшавшей жёлтой материей кресло перед ним. Бумаги на столе, в том числе номера газеты «Свет», выписывавшейся отцом, в кажущемся большом беспорядке. «Кажущемся», ибо отец в нём, по-видимому, прекрасно разбирался. Он никогда не позволял матери «убирать» его стол, а нам перекладывать бумаги на нём. Когда, живя в Ясной Поляне, я услышал рассказ Софии Андреевны Толстой о том, что у Льва Николаевича в молодости письменный стол бывал в большом беспорядке, причём великий писатель этот «беспорядок» ревниво оберегал и жене своей не раз повторял: «В своём беспорядке я нахожу всё гораздо скорей, чем в твоём порядке», я не мог не вспомнить о своём отце. Почти буквально то же самое говорил он моей матери. Впрочем... это история, повторяющаяся, кажется, почти во всех семействах между всеми мужьями и жёнами.

.....

.....

Направо от стола – кровать, на которой отец лишь изредка спал ночью, но зато частенько и подолгу «отдыхал» днём. Меня интересовало в детстве, что в отличие от пуховиков в спальней матери и в детской на кровати отца в кабинете имелся довольно жёсткий кожаный матрац. И подушку отец любил твёрдую.

Налево от стола в углу стояла красивая, точёная и с резными украшениями жёлтая этажерка с книгами, а рядом с ней на особом столике помещалась в стеклянном ящике с выдвигаемым нижним отделением отцовская коллекция насекомых: жуки и бабочки, среди них – красивые, редкие, невиданные нами экземпляры. Отец ценил эту коллекцию и не позволял нам открывать ящик в своё отсутствие. (После его смерти мать пожертвовала эту коллекцию в Кузнецкое уездное училище).

В одном из ящиков стола у отца хранилась коробочка с фиштакми. Он любил фиштакковые орешки и иногда угощал ими нас. Помню ещё, как в детстве я с любопытством разглядывал большие, заклеенные бумажной звёздочкой печати на грамотах капитула орденов о пожаловании трёх крестов отцу, помню даже подпись председателя капитула: «Граф Гендриков»²⁷. С любопытством разглядывали мы также в детстве хранившиеся у отца старинные медные монеты: огромные сибирские гривенники с соболями, такие же большие и толстые пятаки, трешники и др.

К большому дому справа, отделённый от него воротами с украшенными резьбой столбами, примыкал флигель. В его старшей по времени и уже порядочно обветшавшей даже в то время части помещалась кухня. Все кушанья и самовары подавались в большой дом из кухни. Бедной горничной приходилось для этого то и дело бегать через двор взад-вперёд. Для сигнализации прислуге проведена была из большого дома в кухню толстая проволока с большим колокольцом на конце. В доме дёргали за рукоятку, прицепленную к проволоке, звонок звонил, и прислуга в кухне уже знала, что ей надо делать.

В кухне был совсем иной мирок: простота, грубоватость и откровенность прислуги, кучера, их гостей, веселье, всякого рода приманки для зубов, вроде пирожков с мясом или лепёшек прямо

.....

с шипящей сковороды, или огурцов, моркови и гороха в «неготовом», натуральном виде, или вкусной и сладкой, цвета шоколада, тонкой пенки с топлёного солода, заготовленного в двух больших чугунах для выделки домашнего кваса. Особо весёлое время было рубка капусты, в несколько сечек сразу – тут можно было без конца уничтожать вкусные кочерыжки. А что делалось в кухне в дни большой, чрезвычайной стряпни перед Рождеством и перед Пасхой, – этого и рассказать нельзя! Ведь и крашение яиц, и глазировка «баб» (высоких куличей) производились также на кухне, хотя и с участием матери.

Но не только в такие исключительного значения дни, а и в обычное время мы охотно, бывало, прохлаждались на кухне, пока, наконец, нас не вытребуют назад.

Что меня ещё таинственными узами связывало с кухней, это нахождение там в переднем углу большого изображения головы Христа: в терновом венце, с несколькими капельками крови от уколов на лбу и с полными муки очами, устремлёнными кверху. Какая-то внутренняя сила, значительность и правдивость чувствовались мне в этой картине, сделанной масляными красками, заключённой в оригинальную, изящной работы раму из плетёной соломы и уже значительно потемневшей от времени. Скажу прямо: я любил эту картину, а страдающего Христа не только жалел, но как бы чувствовал и себя в чём-то перед ним виноватым. Немного подросши, я узнал, что изображение Христа сделано было ссыльным польским художником Филипповичем²⁸, уже не жившим в годы моего детства, и приобретено у художника за небольшую сумму отцом. Филиппович будто бы писал и продавал картины ради куска хлеба. Уже молодым человеком лет 17 я выяснил, что картина Филипповича была ничем иным, как копией знаменитой картины Гвидо Рени «Се Человек!»²⁹. К сожалению, впоследствии при переезде матери из Кузнецка в Томск этот интересный холст затерялся.

В более новой части флигеля, примыкавшей к старой под прямым углом (она уже выходила на пересекавшую Соборную другую – Крепостную-улицу), имелись ещё четыре небольших комнаты и порядочных размеров зальце. В пору раннего моего дет-

ства флигель сдавался квартирантам, потом мы сами перешли во флигель, сдав под квартиру вследствие финансовых затруднений большой дом.

Дети иной раз подслушивают и твёрдо запоминают разговоры родителей, полагающих, что их либо не слышат, либо не понимают. Так, я подслушал и твёрдо запомнил разговор отца с матерью, касавшийся перехода нашего на житьё из большого дома во флигель.

Мать недовольна была новой квартирой во флигеле и с раздражением упрекала отца за сдачу дома, по 40 рублей в месяц (тогда – значительная сумма для Кузнецка), горному инженеру Чемолосову – петербуржцу, окружившему себя роскошью, какой ещё не знали до того в Кузнецке.

Горный инженер и его супруга не сделали нам визита по вселении своём в дом, и это оскорбляло и раздражало мать. Может быть, тут-то и таился корень её неудовольствия. Но отцу она говорила другое: во флигеле – низкие комнаты, плохие полы, мало свету, тут воздух какой-то дурной, спёртый, это вредно и для неё, она и так всё кашляет, и особенно для детей. Из-за каких-то сорока рублей, для какого-то приезжего хлыща и его семьи... и т.д., и т.д., и т.д.

– Да пойми же, – восклицал в ответ с видом отчаяния отец, – что я это для них же, для них же делаю! – И он указывал матери на нас, детей. – Для них, чтобы им больше осталось!

Но мать не успокаивалась. Она всегда и после выражала своё неудовольствие и огорчение, что приходится жить во флигеле, и приписывала этому обстоятельству ухудшение своего здоровья: вопрос шёл о кашле... кашле, может быть (по предположению матери), туберкулёзного происхождения.

Тут надо сказать, что в ту пору многие молодые кузнецкие дамы боялись заражения чахоткой, при том и в этой боязни, и в мнимой или действительной чахотке, чувствуя себя «интересными». Да, чахотка, грудная болезнь, лёгкое покашливание, неровные пятна на щеках считались болезнью «интересной». Сколько раз-

.....

говоров на эту тему бывало между дамами! Мать тоже боялась чахотки.

Лично я никогда в душе не верил, чтобы мать была больна чахоткой. Да она и сама этого не знала наверное. Только призрак чахотки пугал её всегда... Но что же? Когда через много лет по кончине матери было произведено вскрытие её тела, то среди следов разных болезней, которых никогда ни она и никто другой не подозревали, врачи нашли, между прочим, также и следы зарубцевавшегося туберкулёза. Выходит, что не напрасно всё-таки моя мать опасалась этой страшной болезни, не напрасно и жаловалась на переселение во флигель, хотя... если бы она меньше курила, то, может быть, и переселение это не принесло бы такого вреда здоровью.

Усадьба наша была огромная. Постройки на ней домом и флигелем не ограничились. В саду налево была большая, круглая, открытая белая беседка со скамьями вокруг стенок – излюбленное место наших детских игр, особенно в ненастную весеннюю или осеннюю погоду. В глубине двора за домом возвышалось огромное трёхэтажное здание амбара со многими отделениями: с сеновалом, «завозней» (каретником) и с помещением для ссыпки зерна или кедровых орехов. Помещение это, находившееся на самом верху, собственно, именно для орехов и предназначалось. При нас оно было пусто, но мать рассказывала, что у отца были какие-то неосуществлённые им торговые планы и что он чуть ли не собирался продавать или перепродавать оптом или же, наконец, только хранить кедровые орехи. Орехи однажды были даже насыпаны по всему чердаку, составлявшему 3-й этаж амбарного здания, и видимые следы этого предприятия оставались и при нас: именно – множество орешков, застрявших в пазах между досками пола. Это был наш детский постоянный и весьма увлекательный промысел – отправляться под крышу амбара с ножичками и проволочками и вытаскивать из щелей прекрасно сохранившиеся, вкусные, маслянистые кедровые орехи. Прямо поразительно – несколько лет мы занимались этим промыслом, а орехи всё не переводились!

В огромном помещении сеновала мы кувыркались, боролись, прыгали, прятались в сене.

.....

.....

В «завозне» стояли разные экипажи: тележка, дроги, сани, тарантас. Тарантас в Сибири – это огромная, нерессорная коляска с поднимающимся и опускающимся кожаным верхом для далёких поездок. У отца, который по должности своей смотрителя, т.е. инспектора народных училищ в двух уездах губернии, вынужден был много разъезжать, было два тарантаса: один – обычного типа и размера, запрягавшийся тройкой лошадей, – он то и стоял в завозне, другой – огромный, на четвёрку лошадей – тот помещался «под навесом», т.е. в открытом с одной стороны сарае. Все экипажи, в том числе и оба тарантаса, конечно, тоже служили для нас пособием, «базой» для всевозможных игр: воображаемых «поездок», прятков и т.д.

В других отделениях амбара хранились всевозможные продовольственные припасы: мука в закромах, зерно, кадушки с маслом, с солёными огурцами и грибами, окорока ветчины и пр. В двух погребах и подвале амбара лежали на льду мясо, дичь и другие скоропортящиеся продукты, тянулись ряды кринок с молоком и простоквашей на особых полочках – тут славно можно было полакомиться сметанкой, густыми пенками с варёного молока, когда по близости не было никого из взрослых.

К амбарам примыкали, кроме двух «навесов», коровник и конюшни, а также ещё один маленький амбар, предназначавшийся, соответственно, для жителей флигеля.

За линией этих построек ещё дальше в глубину усадьбы уходил «задний двор» с собственной баней (общественных бань, кстати сказать, в Кузнецке никогда не бывало), а ещё дальше за задним двором простирался до конца квартала и до следующей, параллельно нашей улицы, огород. Тут разводились: картофель, репа, свекла, огурцы, тыква, горох, бобы. Но не только это, а также дыни и арбузы – чудные, успевавшие вызреть в течение короткого, но жаркого сибирского лета. Сажались они в земляных лунках, на высоких, тёплых навозных грядках. Урожаи всегда были прекрасные. В нашей детской жизни огород играл, конечно, немалое значение. Всегда можно было пойти туда, пересекши задний двор, и полакомиться то сладким горохом, то бобами, то репкой, белой или жёл-

.....

той, то, наконец, самым заманчивым и вкусным – спелым розовым арбузом. Очень-то своевольничать нам в огороде не позволялось, но охулки на руку мы, во всяком случае, не клали и, следовательно, голодными никогда не были.

Осенью, когда гряды пустели, и огород зарастал бурьяном, коровником, конопляником, вздымавшимся выше человеческого роста, там хорошо было играть в казаков и разбойников, в русских и черкесов или просто в палочку-застукалочку.

За огородом налево, тоже на нашей земле, стоял полуразвалившийся старый двухэтажный домишко, принадлежавший отцу. В нём жило семейство Сарачёвых³⁰: усатый, грузный папаша, человек то совершенно праздный, то превращавшийся вдруг в городского со светлыми пуговицами и с шашкой на боку; старший взрослый сын Егор – хулиган, вор и разбойник, вечный герой кузнецкой уголовной хроники; следующий сын Николай (ровесник моего старшего брата Коли) – вполне благонамеренный парень, впоследствии учитель и даже священник; и ещё два сына – Пронька и Андрюшка Сарачёвы, хулиганистые, разнузданные, но не глупые ребята. Эти двое приходились, приблизительно, ровесниками мне и Вене – отсюда вечная тяга наша на «задний двор», в огород и затем через забор к Сарачёвым. Совместные прогулки, купанье с достойными друзьями, рыбалки, карты, бабки и т.п. Побаивалась всё-таки мать моя, и не без основания, Пронькиново общества для своих детей, но кроме лёгких словесных внушений ничего не предпринимала, и мы воспринимали понемногу Пронькину науку, а наука была «ва-ажная», ибо Пронька был всего лишь не доросшим ещё до своих лет Егором.

Конечно, и ребёнок не всякий поддаётся дурному влиянию. Мне кажется, что нравственная сила в той или иной степени заложена в каждом из нас от природы. Она-то и спасает мальчика, подростка, как спасает и взрослого, в то время как другие тут же рядом выбирают другой – дурной, порочный – путь. Воспитание может многое предупредить, от многого отвести и сохранить, многое доброе внушить, но собственное «я» человека и прирождённые его свойства играют здесь всё-таки решающую роль. Так и тут –

одни из нас и из других кузнецких ребят подпали Пронькиному влиянию более, другие – менее, а по третьим оно скользнуло, как с гуся вода.

Посреди огородного пространства был участок земли, отведённый стариком-отцом под пасеку. Омшаник, дюжины полторы-две ульев. Это были остатки большой отцовской пасеки, находившейся когда-то в 7-8 верстах за городом, за селом Монастырём. Я ещё помню её, хотя с нею и было покончено, когда мне могло быть не больше пяти-шести лет. Пасека расположена была на участке земли, арендовавшемся отцом за три рубля в год у соседней «инородческой» (как тогда говорили) деревушки Телеуты. На ровном поле красовалась тёмной кипой деревьев небольшая осиновая и берёзовая роща, посреди которой находилось глубокое, овальной формы озеро.

Дадановские ульи³¹, ящички на высоких кольях, разрисованные масляной краской как домики, с окнами, с дверями – белые, синие, красные тянулись правильными рядами между деревьями. Там и тут на этих улочках стояли между ульями деревянные солдаты с ружьями, думаю, что один из них и был привезён после в город и водружён на заборе нашего сада. Старая избушка, где постоянно жил наёмный сторож-пасечник. Амбаришко для хранения меда и для запасных ульев, где всегда так сладко пахло. На озере тихом, с цветущими кувшинками – мостки, и около них, как у пристани, большая, плоскодонная, раскрашенная белыми, красными и зелёными полосами лодка – для катаний хозяев и их гостей. А ездили родители с нами, детьми, и с гостями на пасеку частенько – почаевать и полакомиться свежим, душистым сотовым медом.

Старая и слабея силами, отец ликвидировал загородную пасеку, года через три-четыре и сам умер, но долго-долго ещё после того купа тёмных деревьев, которая так характерно выделялась на фоне зелёных полей вправо от дороги, если ехать из города к селу Ильинскому, слыла в народе «Булгаковской пасекой». Через Ильинское мы после ездили в Томск, в гимназию, и я всегда, бывало, вспоминал о недавних, но уже безвозвратно минувших счастливых поездках на пасеку (гераклитово Πάντα ῥεῖ уже начинало осу-

.....

ществляться³²), и вместе с грустью сердце моё наполняла тайная гордость, что имя отца в кузнецкой округе ещё не забыто.

ГЛАВА III РОДНОЙ ГОРОД

Местонахождение и внешний вид города. Кузнецкая липа. Наши реки. Нельзя безнаказанно дёргать лошадь за хвост. Палаты и красавица-жена городского старосты. Церкви. Крепость. Тюремный замок в праздник Вознесенья. Детские экскурсии в горы. Кузнецкие цветы. Патриархальность и монотонность жизни обывателей. О воре и разбойнике Егорке Сарачёве. Поручик – друг детей. Очарование солдатского рожка. Польские повстанцы в Сибири. Еврейка – вице-губернаторша. Опасность для 6-летнего мальчика стать «бабкой». Бродячие немецкие оркестры. «Ходя» на улицах Кузнецка.

Таково было наше гнездо. Рамки его, впрочем, были шире. В самом деле, за прямое продолжение родного дома можно было считать и весь городок в целом, включая и его ближайшие окрестности. Выходя за ворота нашей усадьбы, мы нисколько не переставали считать себя «дома». Всё нам было близкое, своё, родное, доступное. И к нам одинаково приветливое.

В Кузнецке той поры насчитывалось 3000 жителей³³. Городок разделялся на четыре главные части: нагорную, где жили мы; подгорную с «Форштатом» (да, да, у нас в Сибири так и говорили: «Форштат!»); Слободку и «Под камнем». Северной стороной город примыкал к довольно высокому, продолговатому горному гребню так, что последние городские домики уже забежали на южный склон этого гребня. Горный гребень охранял весь город от

.....

.....

северных ветров и, по-видимому, в значительной степени способствовал тому, что климат кузнецкий отличался сравнительно большой мягкостью. Наглядным проявлением особых свойств климата нашего городка является то обстоятельство, что изо всей Сибири только у нас в Кузнецке растёт или, по крайней мере, росла до Мичурина липа. Она, кажется, и ботаниками так и называлась – «кузнецкая липа». Солнца в сухой Сибири, вообще, много; в Кузнецке же с его горным щитом с севера наблюдается явление, называемое в горных странах (в Швейцарии или в горной Австрии, например) «инсоляцией» и состоящее в том, что солнечная энергия как бы задерживается, накапливается в защищённом с севера месте. В 90-х и 900-х годах в Сибири ещё мало занимались гигиеной и бальнеологией, и, однако, уже в то время за Кузнецком нашим была повесть места с исключительно здоровым и в особенности благоприятным для лёгочных больных климатом.

Примыкавшее к горному гребню пространство, в свою очередь, составляло большую террасу, на юге заканчивающуюся крутым обрывом. Вот на этой-то террасе и расположен был Кузнецк «нагорный», а внизу под обрывом – «подгорный». Слободка, отделённая глубоким рвом, через который перекинут был мост, составляла восточный край города и находилась на одном уровне с нагорным, а местность «под Камнем» на западе – с подгорным Кузнецком. Кварталы «под Горой» и «под Камнем» омывались уже рекою Томью, большим полукругом охватывавшей город с юга и запада. У самого города река образовывала рукав или «протоку», называющуюся Иванцевкой; слева же, с юго-запада, в Томь впадал довольно значительный приток её – река Кондома. За обеими этими реками далеко на востоке и на юге и совсем близко на западе подымались горы. Западные горы, особенно высокие и внушительные на вид, именовались Соколовыми горами. На самые вершины их я не подымался, но по другую сторону этих вершин – в деревнях Осиновке, Берёзовке – бывал.

Все названные мною части города, как и все его окрестности, наверное, существуют и теперь, но говоришь об этом невольно в прошедшем времени, потому что через несколько десятков лет и

.....

.....

из-за нескольких тысяч километров воспринимаешь родной Кузнецк как какой-то прекрасный и навсегда исчезнувший сон.

Улицы в городе были широкие и по краям заросшие травой. Под заборами подымался высокий бурьян: крапива, коровник, белена. Ни мостовых, ни тротуаров не существовало. Летом – пыль, и в безумной жаре свободно и бешено носящиеся по городу и жадно ищущие тени коровы и тёлки с задранными кверху хвостами. Для детей они были небезопасны, точно так же, как и вольно бродившие по городу пущенные «попасться» кони. Пяти- или шестилетним ребёнком мне вздумалось однажды подойти к табунку лошадей, спрятавшихся от жары в тени под окнами нашего флигеля, и дёрнуть ближайшую из них за хвост. Результат не замедлил последовать: сокрушительный удар копытом по голове – словно удар молнии. Я не почувствовал, однако, никакой боли, ибо в ту же секунду лежал уже без чувств на земле. Очнулся я только в своей постели под кисейным покрывалом, защищавшим меня от мух. Удар копытом оглушил меня, рассёк бровь, но, к счастью, не повредил глаза. Уже не помню, сколько я времени тогда провалялся.

Осенью в дождь город погружался в непролазную грязь. Зимой его заносило снегом. Но дома, одноэтажные и двухэтажные, были опрятны и уютны как снаружи, так и внутри. Дома за отдельными исключениями были все деревянные со ставнями, с резными наличниками окон, с украшенными резьбой воротами. Перед домом почти всегда имелась «лавочка» (и у нас такая была), т.е. скамья, на которой граждане и гражданки кузнецкие мирно посиживали в тихие летние вечера, глазели на редких проходящих и проезжающих и грызли семечки подсолнухов или кедровые орешки.

Особенно красив и импозантен был большой двухэтажный деревянный дом городского старосты Попова: весь в резьбе и прихотливо раскрашенный³⁴. И я, и другие дети всегда им любовались. Я знал, что дом и внутри обставлен прекрасно, по-барски. Достаточно сказать, что в числе многочисленных комнат поповской квартиры числилась бильярдная с собственным большим бильярдом. Ценных художественных произведений в доме, думаю, всё же

.....

.....

не было: мы, сибиряки, тогда не доросли ещё до этого. Дом городского старосты стоял «под Горой», у подошвы обрыва, отделяющего «нагорную» часть от «подгорной». Под обрывом протекал ручей с болотистыми берегами³⁵, а по обе стороны этого ручья Попов разбил большой с правильно расположенными дорожками живописный и полный цветов лучший в городе сад. В саду была беседка с золотой арфой на крыше³⁶ – явление для Кузнецка необыкновенное и нас, детей, исключительно привлекавшее и занимавшее.

Кроме хорошего дома, сада и рысаков, выславшихся на встречу посещавшему город архиерею, у Степана Егоровича Попова была ещё красавица-жена, Елена Васильевна³⁷. Сам Попов даже и в пору моего детства был уже весьма пожилым человеком, с длинной чёрной с проседью бородой. Жена же его Елена Васильевна, оправдывая своё имя (Елена!), была, действительно, так прекрасна, так стройна, отличалась таким нежным цветом и такими правильными чертами молодого, гордого и в то же время приветливого лица, что даже мы, восьми- и десятилетние ребята, невольно на неё заглядывались, как на картинку. И манеры у Елены Васильевны были полные достоинства и изящества. Из кузнецких барынь никто не осмеливался отрицать красоту Елены Васильевны Поповой, но, так как надо же было найти у кузнецкой «первой дамы» хоть какой-нибудь недостаток, то говорили, что всё-де в ней хорошо, но вот только рот она держит почти всегда открытым. А мне лично так всегда нравился этот иногда полуоткрытый, прелестный ротик с едва видными из-за алых уст правильными дужками белых, ровных зубов. Одевал городской староста свою жену, как куколку, нет – как королеву! По вечерам он сам катал её в двухместном рессорном шарабане на одном из своих рысаков по городу. Маршрут их захватывал и нашу улицу. По мягкому клёкоту рессор я всегда заранее знал о приближении поповского шарабана и, бывало, непременно выбегал за ворота, «на лавочку», чтобы полюбоваться и Еленой Кузнецкой, и внушительной лопатообразной бородой её мужа, и гордым рысаком.

На моё счастье Елена Васильевна была прихожанкой Богородской церкви, той самой, где я прислуживал в алтаре, и я мог

.....

.....

видеть её, пышно одетую, впереди всех богомольцев перед правым клиросом каждое воскресенье...

Детей у Поповых не было. В городе говорили, что Елена Васильевна не была счастлива в супружеской жизни. Увы, известно, что богатство счастья не заменяет!.. Но она была верной женой, а Попов был исключительно корректен, как муж. Позже стали, однако, называть лицо, будто бы обратившее на себя благосклонное внимание красавицы. Через много лет, когда Попов умер, я узнал, что Елена Васильевна соединила свою судьбу или остатки её с судьбой этого лица.

Кстати, на Елене Васильевне С.Е.Попов был женат вторым браком. Первая покойная жена его была в 1886 году моей крёстной матерью. Я иногда посещал её могилу с красивым памятником из изящной чугунной решёткой, составлявшей тоже редкость у нас в Кузнецке. Кладбище, вообще, служило для меня источником эстетических, столь немногочисленных и жалких в Кузнецке впечатлений: там был ряд более или менее примечательных мраморных или чугунных памятников на могилах богатых купцов и чиновников³⁸. И надписи попадались интересные, то стихотворные (как у Сани Панова), то с перечислением орденов и чинов. Красивый чугунный памятник стоял на могиле первой жены отца. Польские надменно-высокие кресты заполняли один ряд кладбища. В старой Успенской одноэтажной кладбищенской церкви иногда отпевали покойников, и тогда я не упускал случая заглянуть внутрь: приземистая, низкая она отличалась этим от других кузнецких церквей и создавала какое-то особенное настроение.

Красивы были в Кузнецке Спасо-Преображенский собор, построенный в некоем подобии классического стиля, и Богородская церковь, где с какими-то невнятными намёками на готику мешались элементы стиля древнерусского. В обоих храмах привлекала столько же их внешность, сколько и внутренняя отделка: красивые иконостасы, резные царские врата, старинные паникадила, живопись под куполами. Когда я теперь, созревши, хочу задним числом определить, что было абсолютно прекрасного в наших храмах, то мне в первую голову припоминаются царские врата в верх-

.....

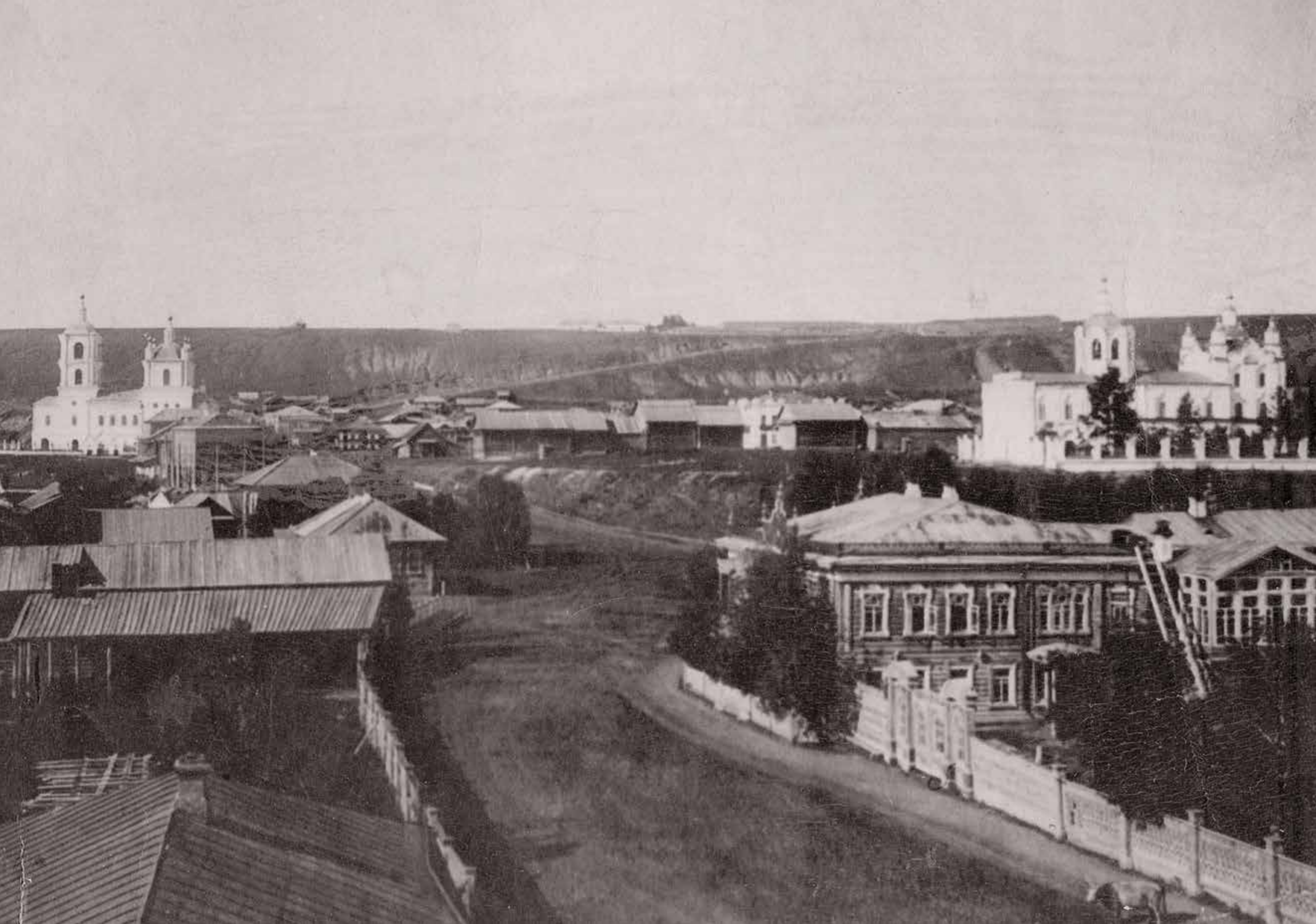
.....

нем этаже не существующей уже ныне Богородской церкви: отличная позолоченная резьба из дерева, изображающая виноградные гроздья и листья, в духе ренессанса. Красива была подчас и церковная утварь: роскошные переплёты Евангелия, дарохранительницы, ризы. Если иконная живопись, в общем, и не представляла из себя ничего выдающегося, то подчас поражали своим великолепием иконные ризы – серебряные, позолоченные, с драгоценными камнями, отличной чеканки. Нас, детей, занимали и колокола: мы точно знали, сколько пудов какой колокол весит (например, большой колокол в соборе весил 200 пудов), любовались литыми изображениями святых и причудливыми надписями славянской вязью по округлому краю колоколов. Форма крестов на церковных макушках тоже занимала нас, а, может быть, только меня одного, не знаю...

Наши кузнецкие церкви были по-сибирски двухэтажные. В нижнем, низком и отапливаемом этаже служили зимой, а в верхнем, высоком до купола и не отапливаемом, служили летом. Самый переход из летнего помещения в зимнее и обратно всегда овеян был для меня, как алтарного служки, своеобразной поэзией. Спуск поздней осенью из захламленного верхнего этажа церкви в более интимный и более уютный нижний, с потрескивающими в жарко натопленной печке дровами, обещал какую-то защиту, покой, уют, тепло душевное и телесное. А по весне переход из-под начинавшего уже прижимать низкого потолка в огромный, просторный, со стремящимися ввысь, под купол линиями, полный света и воздуха, и солнечных лучей верхний храмовый этаж тоже радовал бесконечно, точно взлёт, точно символ воскресения и обновления душевного.

Одна – четвёртая и последняя из церквей – стояла высоко на горе, ограничивавшей и заслонявшей город с севера³⁹. И стояла не сама по себе, а как бы выросши из грандиозного массива старинной, сложенной из дикого серого камня крепости с пушками. Эта крепость, воздвигнутая, как мне после говорил сибирский историк и археолог профессор Ст. Кир. Кузнецов⁴⁰, пленными шведами, сосланными в Сибирь Петром Великим после Полтав-

.....

ской победы, являлась несомненно главной достопримечательностью города⁴¹. Она занимала почти всю длинную верхнюю площадку горного гребня, возвышающегося над городом, оканчиваясь круглым бастионом далеко на западе, над рекой, но только противоположная, восточная её часть достигала высоты в несколько сажен и привлекала внимание монументальностью постройки. Острые, скошенные сверху вниз углы, арка высоких ворот, выходящих на дорогу из Кузнецка в Монастырь, заржавленные пушки начала века на низких колёсах, видневшиеся кое-где на стенах, приземистая церковка, перестроенная из старинной башни, – всё это вдруг вносило столько романтики в малокультурный, дикий сибирский пейзаж.

Кузнецкая крепость фигурирует в том первом сознательном младенческом впечатлении, в том воспоминании о пожаре города, о котором я мельком здесь упомянул. К этой крепости именно идёт пологий подъём для экипажей от города в гору, подъём, высеченный вдоль склона горы. Дорога заворачивает потом наверху за угол крепости и уходит дальше в Монастырь.

Первое же младенческое впечатление было такое. Ночь. Множество экипажей с кладью и людьми медленно подымается в гору. Глубоко внизу, направо – пожар. Налево – срез горы и высокая стена, стена крепости, освещенная неровным полыхающим заревом пожара. Я, укутанный с руками и ногами, сижу у кого-то на руках на одном из возов и наблюдаю всю эту необычайную, мрачную и фантастическую картину. Круп лошади, освещаемый порой вспышками ночного пламени, и чёрный силуэт дуги выделяются передо мной из общего, хаотического фона стихии...

Я родился в конце 1886 года. Кузнецк горел что-то не то в 87-м, не то в 88-м⁴². Имело ли место то, что я описываю, в действительности или это только игра моего воображения, не знаю.

В течение всей моей жизни крепость оставалась для меня главным историческим памятником и как бы символом, эмблемой Кузнецка. Приезжая после из Томска на летние каникулы, я, бывало, первый взгляд кидал всегда на крепость: «Ага, стоит! Ну, значит, и Кузнецк стоит, и всё благополучно!»

Елена Васильевна Попова, вторая жена городского старосты С.Е.Попова. Фото 1890-х гг.

Спасо-Преображенский собор. Фото начала XX в.

Рисунок Вал. Булгакова. Кузнецк. Рисунок с натуры. 1914 г. ➔

5 июня 1944.
Кызылсух. К.С.

...Мать любила иногда зимой прокатиться со мной по городу на санях. Запрягут нашего быстрого Воронко, усядемся рядом с милой, молодой ещё, свежей, весёлой и – чувствую – полной любви ко мне и счастливой этой любовью мамой в лёгкие сани, накроем ноги тёплой, отороченной медвежьим мехом полостью⁴³ и весело катим по улицам города: Воронко развивает всё большую и большую резвость, полозья скрипят по снегу...

...Мы – «под Горой». Уже возвращаемся. Снежок порошит. Воронко бодро пофыркивает. Гляжу перед собой – и там, высоко на горе сквозь красивую, лёгкую завесу медленно падающего снега вижу силуэт крепости. Отдельные звёздочки-снежинки падают на лицо, на рукава, на полость. Я чувствую присутствие матери, прижимаюсь к ней и ... хотел бы замереть, чтобы не нарушилось очарование действительности, прекрасной, как сон, чтобы не улетило счастье.

Наша крепость должна была защищать и, вероятно, защищала в старину город от монгольских набегов. В пору моего детства она была уже упразднена и сохранялась лишь как археологический памятник. Впрочем, внутри её, окружённая особым, высоким бревенчатым частоколом, помещалась городская тюрьма или, как в городе говорили, острог или «замок»: продолговатое, низкое одноэтажное здание. Рядом с «замком» стояла деревянная часовня с большим старинным, относящимся к эпохе Петра Великого деревянным распятием внутри⁴⁴. Раз в год, именно в праздник Вознесенья, ворота тюрьмы распахивались, открывалась и часовня, обычно запертая, из города совершался на Крепостную гору крестный ход, во дворе тюрьмы и в часовне служились молебны, причём все арестанты в белых, холщёвых штанах и коротких куртках выводились из тюрьмы, выстраивались в два ряда на дворе под присмотром часовых и с обнажёнными головами слушали молебен. Народ совал им булки, деньги и другие гостинцы, а двое или трое из арестантов занимались распродажей разложенных на столах тюремных изделий: плетёных корзин, сумочек, портсигаров, коробок, детских игрушек и т.д. Сколько раз, бывало, в день Вознесенья проникал я вместе с толпой богомольцев за тюремную ограду, взглядывался

в грубые, пожелтевшие от недостатка воздуха лица арестантов, разглядывал их изделия, пробирался в старинную часовню, чтобы взглянуть на петровский крест, вслушивался в молитвословия и пение священников... Создавалось какое-то особое настроение, будто мы, пришедшие, открывали какой-то новый мир, лежавший тут же около нас в нашем милом, старом Кузнецке, но до сих пор, однако, нам незнакомый.

Нам, детям, в обычное время вход закрыт был только в тюрьму, за бревенчатый частокол, вдоль стен которого похаживали молодые солдаты с ружьями на плечах, но в остальные части крепости и на каменные стены её мы проникали и забирались беспрепятственно: то через ворота, если они случайно были открыты, то через одну известную нам лазейку в том месте, где крепостная стена была пониже и где некоторая часть камней обвалилась. Мы любили бродить внутри крепости по травке вдоль старинных стен или сиживать верхом на пушках, на самых возвышенных частях укреплений и, побалтывая в воздухе босыми ногами, любоваться на открывавшийся перед нами редкой красоты и широты вид.

Весь городок лежал под ногами, чернея и зеленея крышами. Хотелось, прежде всего, найти свой родной дом, что нам тотчас и удавалось. Собор, Богородская и кладбищенская церкви, а также каменные здания училищ, казначейства и двух-трёх частных домов резко выделялись своей белизной и величиной из серой, однообразной массы низких деревянных, потемневших от солнца и дождей домиков и заборов. Далеко на юге, за городом, виднелась чёрная купа высоких деревьев: мы знали, что эта купа расположена у деревушки Обинцы с остатками туземного, инородческого населения племени «обинцев»⁴⁵. Налево на востоке за кладбищем маячили низкие холмы, за которыми лежала деревня Фиски⁴⁶. На западе же направо от нас за высокой белой башней собора расстилалась чудная картина сплетения трёх змей-рек: Томи, Кондомы и Иванцевки, с тополиной рощей – «Топольником» – на большом песчаном острове между главным руслом реки Томи и её «протокой», и с величественными, покрытыми лесом Соколовыми горами. Ах, как вольно и счастливо дышали мы наверху, созерцая родную картину!..

Полюбовавшись, мы углублялись в горы. Шли по косогору, по протоптанным козами и коровами тропинкам, вдоль журчащего ручья на болото за камышом. Собирали весной землянику, осенью – «боярку». Из ягод боярышника мы слепливали большие комья-шары и, разведя тут же в поле костёр, поджаривали эти комья и ели. Искали и выкапывали сараний, глубоко сидящий в земле, жёлтый, вкусный, мясистый корень, местонахождение которого легко было определить по красовавшемуся наверху изящному розовому цветочку. Наконец, собирали цветы, которых было множество в окрестностях Кузнецка, и о которых я никогда не могу вспоминать равнодушно. У нас цвели вольно, в диком виде огромные, хоть и не махровые, красные пионы («Марьины коренья»), прелестные оранжевые «огоньки», синие ирисы, шарообразные орхидеи – розовые и жёлтые («кукушкины сапожки»), белые и фиолетовые подснежники, жёлтые «ветреники», «травка-муравка» (красные примулы) и другие цветы, многих из которых я нигде потом ни в России, ни за границей не встречал, за исключением ... Швейцарии. Там, в окрестностях одного маленького города, кажется, Флавиля я вдруг совершенно неожиданно для себя наткнулся в мае месяце 1933 года на множество чудных, душистых, ярко оранжевых настоящих сибирских, кузнецких огоньков. Я просто обезумел от радости. Много лет не видал я огоньков, не вдыхал их аромата. Набрал огромный букет и, хотя в тот же день должен был покинуть городок, ибо находился в лекционной поездке, но расстаться с этим букетом всё-таки не хотел. Переезжая из города в город, я всюду возил его с собой: в вагоне железной дороги ставил его в стакане с водой на откидной столик у окошка, удивляя видом букета вновь входивших на промежуточных станциях пассажиров, а на местах остановок тоже держал его в своей комнате, пока, наконец, он не отцвёл и не завял.

Удивительную картину представляли собой южные склоны наших гор весной. Лиловые и белые подснежники, чудные, мохнатые, тёплые с нежными лепестками и с золотыми сердечками пахучие цветы, покрывали горы коврами: ковёр белый – ковёр лиловый, ковёр лиловый – ковёр белый... Заляжешь среди этих цветов:

Надератная церковь во имя Св. Ильи на Кузнецкой крепости. Фото конца 1920-х годов.

Праздничный молебен на Кузнецкой крепости. Фото начала XX в. ➔

пчёлы жужжат вокруг, солнце слепит, чистый воздух напоен медовым ароматом... Умирать не надо! И о чём угодно приходят мысли, только не о смерти...

А с гор в это время бегут бурные потоки от тающего снега. Бегут прямо в улицы города и образуют там сверкающие на солнце ручьи и озёра. Большое озеро возникало каждую весну в нескольких шагах от нашего дома по Крепостной улице (прямо против этой улицы стояла на горе Кузнецкая крепость). Тогда мы строили плоты, связывая вместе по несколько брёвен и досок, запасались длинными шестами и, храбро засучив штаны, отправлялись в «морские плавания» по озеру, пока ноги от холода не становились красными, как у гусей.

Почему-то всегда детьми встречали мы 1-е Мая. Уж не занёс ли кто-нибудь из политиков в наш захолустный городок отголосок о европейском рабочем празднике? Не знаю. Мы, во всяком случае, в свои 8-10 лет ознаменовывали не успехи рабочего движения, а наступление весны. Всё ещё серо. Чуть кое-где зеленеет трава. Но медуницы уже распускаются, хоть и несмело. В оврагах и углублениях почвы – снег. Воздух в горах – чудесный. Настроение у нас – первосортное. На ручье, ведущем к болоту, наш стан. Сложенная из дикого камня печурка. Чай в котелке. Печёная в золе картошка с солью... Ах, как хорошо жить на свете!

Есть и другие места в окрестностях Кузнецка, куда мы совершали специальные экскурсии. Если, например, в конце лета двинуться в те же горы по дороге, начинающейся за кладбищем, и отойти версты на три, то можно за самое короткое время набрать целые вёдра чудных груздей. За реку в расположение деревень Сосновки и Берёзовки ездили мы на телеге за полевой клубникой – на просторных полях среди густой травы росло такое множество этой ягоды, крупной, сладкой и сочной, что за день мы набирали не вёдра только, а целые кадушки, привезённые с собой на телеге. Езживали мы также за чёрной смородиной и за диким хмелем, из которого потом у нас варили домашнее пиво и чудный сладкий квасок с изюминками, называвшийся почему-то «кислые щи». На «Булгаковскую пасеку», упразднённую уже, ходили мы с товари-

Кузнецкий памятный крест 1717 г., хранившийся в Крестовоздвиженской часовне на Кузнецкой крепости. Сохранившийся фрагмент. Современное фото.

Крестовоздвиженская часовня на Крепостной (Вознесенской) горе. Фото конца XIX в.

Панорама Кузнецка. Вид с Крепостной горы. Фото конца XIX в. ➔

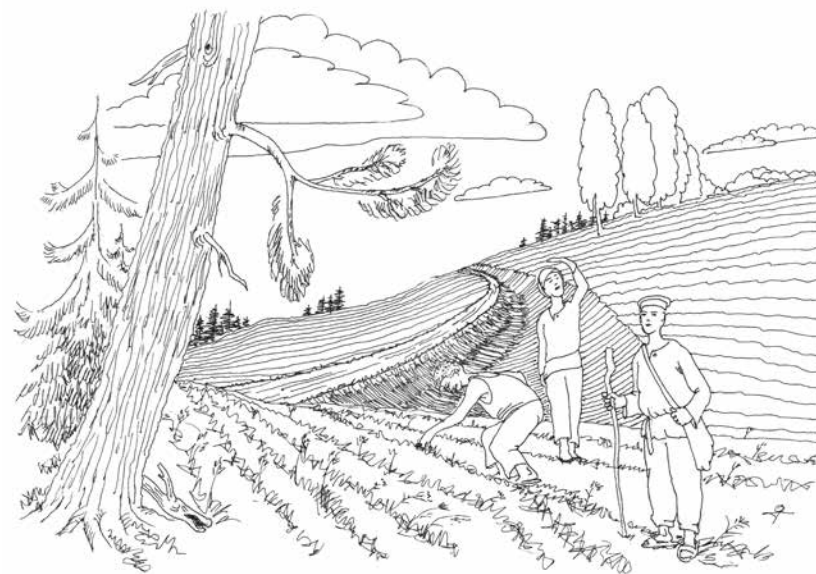

щами на ночь на рыбалку: спали у старого, глубокого озера, пригревая один бок у беспрерывно горящего костра, а из озера поутру извлекали удочками молодых карасиков. Не буду уже говорить подробно о пристрастии нашем к реке, к купанью. На песчаных или покрытых галькой берегах чудной, быстрой, глубокой и, как стекло, прозрачной Томи проводили мы летом едва ли не сплошь целые дни. Ловили окуней, ельцов, хайрузов⁴⁷, пескарей. Когда были сами совсем маленькими, плавали на «пузырях», смастерённых из подштанников, на «греблях», т.е. больших вёслах от плотов, которых всегда много стояло вдоль берегов, валялись голые в песке и потом, как дикари, все вымазанные песком с ног до головы бежали с диким рёвом в реку или же вылавливали из песка блестящие крупинки колчедана, который казался нам несколько не менее красивым, чем золото. В конце концов плечи и спины наши розовели, краснели, бурели, покрывались пузырями от лучей палящего солнца – ничего, переносили всё! Никаких кремов для смазывания кожи тогда ещё не знали...

Там же у реки искали мы, бывало, чайкины яйца в углубленицах-гнездах по песчаным насыпям, образованным на тополином острове весенним наводнением. Или же собирали в «Топольнике» с листов молодой прутьеобразной тополиной поросли зелёных испанских мушек в бутылочки и несли их продавать за копейки еврейю-аптекарю, так забавно улыбавшемуся и так смешно выговаривавшему русские слова...

«Под Камнем» в тихих и мелких водах Иванцевки бродили мы, засучив выше колен штаны, отворачивали потихоньку старые, заплесневелые речные камни и вилкой поражали прячущихся под камнями налимов. Жаль только, что фактически это в огромном большинстве случаев были не налимы, а лишь налимообразная мелкая, противная на вид, чёрная, скользкая рыбёшка с несоразмерно огромной головой, называвшаяся нами «широколобкой»⁴⁸.

«Под Камнем» же любовались мы вёснами огромным в несколько сажен вышиной водопадом, низвергавшимся с прибрежных скал и вливавшимся затем в реку. Водопад – тоже одна из достопримечательностей Кузнецка. Местные кавалеры и дамы часто

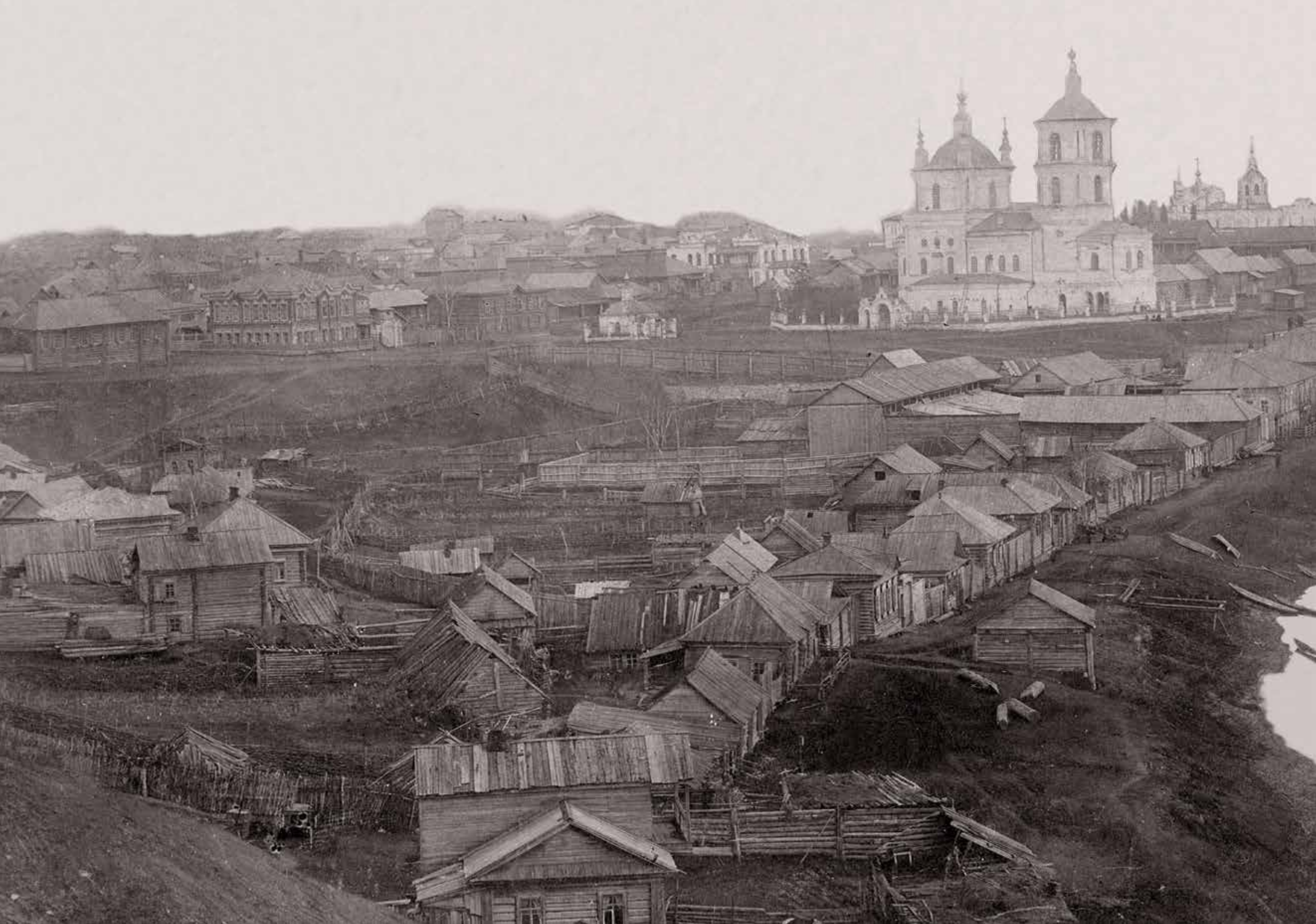

снимались на скалах под водопадом в «непринуждённо-живописных» позах.

Очень мы любили также прогулку к «святому колодцу» за кладбищем – роднику с холодной и чистой, как слеза, водой. Там росло много «кислицы» – так называли мы красную смородину. Я ещё помню времена, когда колодец, расположенный в глухом, заросшем кустарником углу у подножия высокой горы и заключённый в старый полусгнивший сруб, сверху был открыт. Позже над колодцем сооружена была часовня, и туда совершались крестные ходы с молениями о прекращении засухи, иногда посещающей наш край.

Собирал я в Кузнецке гербарий. Собирал насекомых. Собирал птичьи гнёзда и яйца.

За границей – в Германии, Чехии – никогда не верили, если я, бывало, рассказывал о раздолье сибирской жизни и, в частности, о богатстве и великолепии сибирской флоры. Сибирь... лёд...

снег... и вдруг – пионы и орхидеи, дыни и арбузы! Правда, я знал только алтайскую, юго-западную Сибирь, но ведь и в Забайкалье флора – чудесная, недаром знаменитый Паллас восхищался в своё время склонами забайкальских гор, покрытыми рощами цветущих рододендронов.

*Фотопортрет
Г.Н.Потанина,
подаренный им
Вал.Ф.Булгакову с
посвятельной
надписью.*

Сибирские цветы, между прочим, ярче европейских, в том числе и альпийских. Почему? Объяснение этому явлению дал однажды в беседе со мной в Томске знаменитый путешественник по Монголии, естествоиспытатель, географ и этнограф, а позже глава временного Сибирского правительства Григорий Николаевич Потанин. Воздух в Сибири с её континентальным климатом суше, яснее, он свободен от паров, поэтому лучи солнца гораздо сильнее прогревают землю и более мощно воздействуют на мир растений.

Когда я был совсем маленьким, лет четырёх-пяти, вероятно, старшая сестра Лена, уже гимназистка 3-го или 4-го класса, нередко с воодушевлением рассказывала нам, мальчикам, о красотах и чудесах цивилизации губернского города Томска, куда она ежегодно уезжала на учёбу:

– Окна у нас в гимназии – огромные! Больше, чем наши двери. Если я встану на подоконник и протяну кверху руку, то не достану верхнего косяка!

Мы были подавлены таким величием гимназического здания. Но мне хотелось ещё что-то узнать.

– А цветы у вас в Томске растут? – спросил я у Лены.

– Да, растут.

– Такие же, как у нас? Или больше, красивее наших?

Лене, видимо, не хотелось снижать впечатление от своих рассказов.

– Да, больше и красивее! – с азартом провозгласила она. – Вот такие!

И она показала что-то очень высоко от пола.

– И много их?

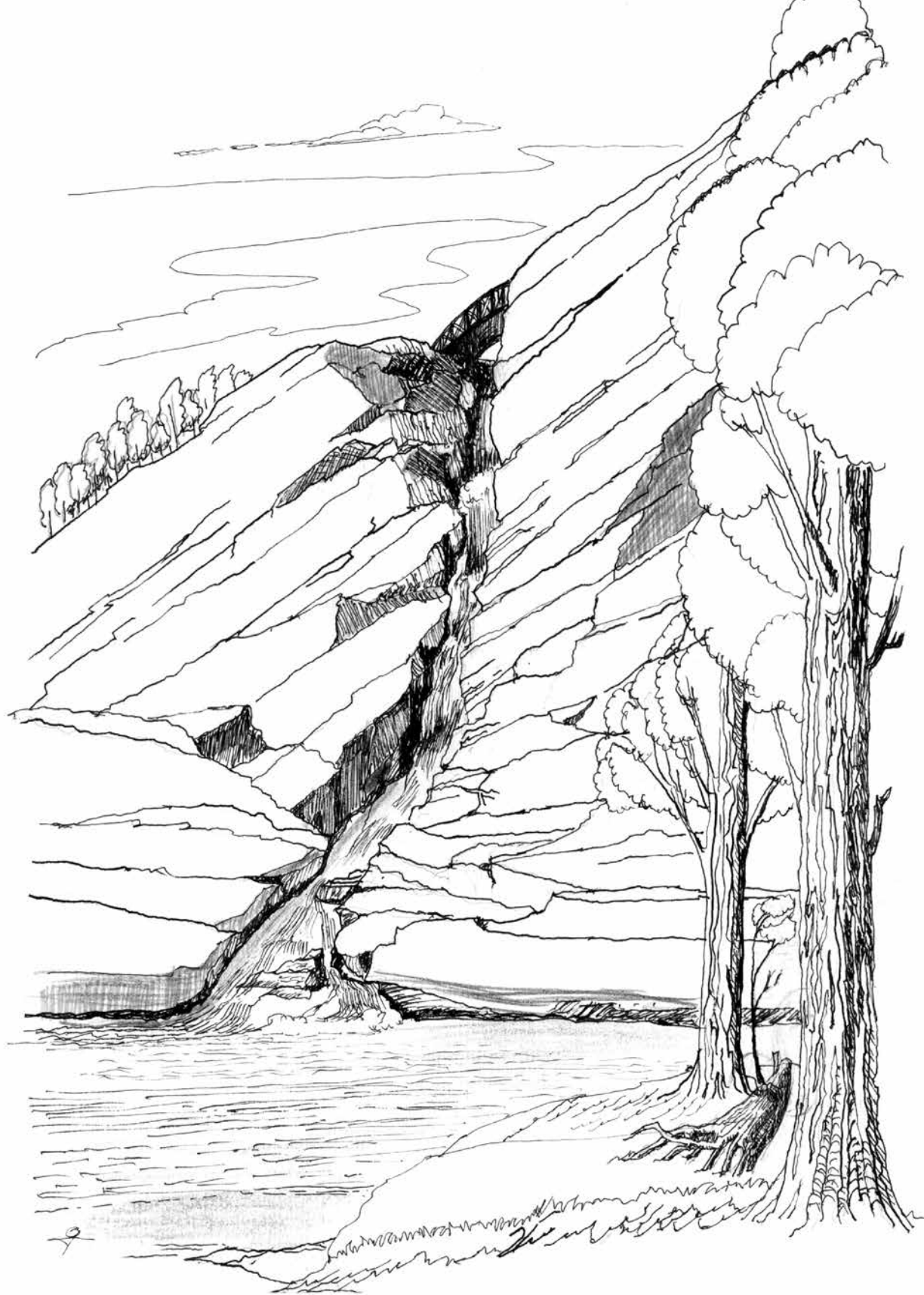
– Очень, очень много!..

Тут в моём уме сложилось такое представление, что наши, кузнецкие цветы – все эти «марьины коренья», «огоньки» и «кукушкины сапожки», которые мы с такой любовью собирали «на горе», – ничто по сравнению с томскими цветами. И вот я воображал, что когда едешь из Кузнецка в Томск, то цветы, растущие по бокам дороги, становятся всё выше и выше, всё крупнее и крупнее, достигая, в конце концов, чуть ли не высоты деревьев. Эту фантастическую картину я долго хранил в своей голове вплоть до того времени, как в 1898 году сам отправился с матерью в Томск для поступления в 1-й класс гимназии. И хоть мне тогда было уже 11 лет, и я, казалось, мог бы уже трезвее смотреть на жизнь, я, как это ни смешно сказать, всё же был искренно разочарован тем, что мир растений по мере приближения от Кузнецка к Томску решительно ни в чём не менялся, а если и менялся, то, скорее, к худшему.

До сих пор я говорил всё о кузнецких ребятах и о детской психологии. Конечно, детям не могло быть плохо в Кузнецке. Но им, пожалуй, не было бы плохо и в любом другом месте. В самом деле, дети, ребята никогда не пропадут и никогда не потеряются. Жизнь бьёт у них ключом, и в любых условиях они сумеют проявить себя. Что касается взрослого населения города, то жизнь его была на редкость однообразна и патриархальна. Купцы торговали, учителя проводили положенное время на уроках, судья судил, податной инспектор собирал налоги, полиция скрипела перьями, что-то разрешала, чего-то «не допускала», и ничто, казалось, не соединяло этого общества, ничему высшему оно не служило, каждый жил и действовал за свой страх и риск.

Ежедневно по утрам проходил мимо нас в одну сторону на базар, а по вечерам возвращался назад торговец Матвей Фёдорович Недорезов⁴⁹ с конторской книгой, завернутой в красный платок, под мышкой. Мы уже знали: вот он идёт в свою лавку, а теперь – домой, к «Недорезихе».

В положенный час, мягко постукивая рессорами, проезжал по улице шарabanчик Степана Егорыча Попова, тщетно пытавшегося спасти от скуки и медленного духовного и физического умирания свою красавицу-жену.

Вот проплывала, метя пыль шёлковыми юбками, дебая и круглолицая купчиха Емельянова или «Емельяниха»⁵⁰, как её звали это был её ежедневный короткий моцион. Бедная тоже почти умирала от скуки и бессмыслицы жизни и потому сильно пила втихомолку, запершись в своей комнате.

Так же в одиночестве и втихомолку пила другая пожилая купчиха – «Медничиха»⁵¹. У той, впрочем, была ещё одна страсть – лечиться. Время от времени она даже ездила то в Томск, а то так и в Москву – на осмотр к врачам-знаменитостям. А по натуре была, кажется, неплохим человеком. Бывало, когда я заходил к ней с матерью, она иногда вдруг ни с того ни с сего дарила мне серебряный рубль. Но погибала просто от пустоты жизни.

Вот – почти выживший из ума «дедушка» Лука Емельяныч Панов⁵², тоже купец, владелец ренского погреба, отец трёх мальчиков – Яши, Бори и Кешки Пановых, наших товарищей. Обросший седыми волосами, неряшливо одетый. У этого одна страсть – картишки. И так как долго и нестерпимо было ждать до вечера, когда можно было в клубе или у знакомых сразиться со взрослыми, то он бродил по городу в поисках партнёров-мальчишек: остановит каких-нибудь подростков, одного, двух и умоляет «перекинуться» с ним – в тёмную, в дурачки, в стуколку – во что угодно. И смотришь, присядут где-нибудь на крылечке, на «лавочке» у ворот – и играют.

Мой крёстный отец, старый холостяк, отставной крестьянский начальник Пеньков⁵³, сидел кикиморой, запершись в своей квартире, ни с кем не знался и даже рождественских и пасхальных визитов не делал.

Об одном из трёх-четырёх наших священников говорили, что он через забор лазил к своей любовнице.

О лучшем враче в городе известно было, что к нему надо попадать непременно до 11 часов утра, потому что после 11-ти он бывает уже безнадежно пьян.

По сравнению со всеми этими типами и характерами уже представителем прогресса казался молодой купец Суховольский⁵⁴ – единственный велосипедист в городе. В пенсне с подкрученными

кверху усиками, в поддѣвке тонкого сукна и с серебряной цепочкой часов он останавливался иногда около нашего дома, чтобы поболтать с сидевшими на «лавочке». Подставит велосипед к палисаднику и увлечётся разговором со взрослыми, а в это время мы, дети, осторожно и благоговейно ощупываем пальцами упругие резиновые шины с прилипшими к ним песчинками и тонкие, но прочные проволочные спицы волшебной машины.

Самым драматическим лицом в городе являлся, пожалуй, Егорка Сарачёв, уже упоминавшийся мною скандалист, вор, пьяница и разбойник, ражий детина лет 26-ти, никаким трудом не занимавшийся и половину своего времени проводивший по приговорам суда в кузнецком «замке». Этот жил безнравственно, но сильно. Одни спали в кузнецкой атмосфере застоя, другие бесчинствовали. О Егорке ходило много анекдотов. С особым удовольствием рассказывали некоторые из почтенных кузнецких граждан, как они избивали палками несчастного Егорку, подкарауливая его по ночам под окнами его любовниц: спугнут развратника, крепко постучав в дверь, тот кинется к окну, лезет и – попадает под удары целой толпы «блюстителей нравственности».

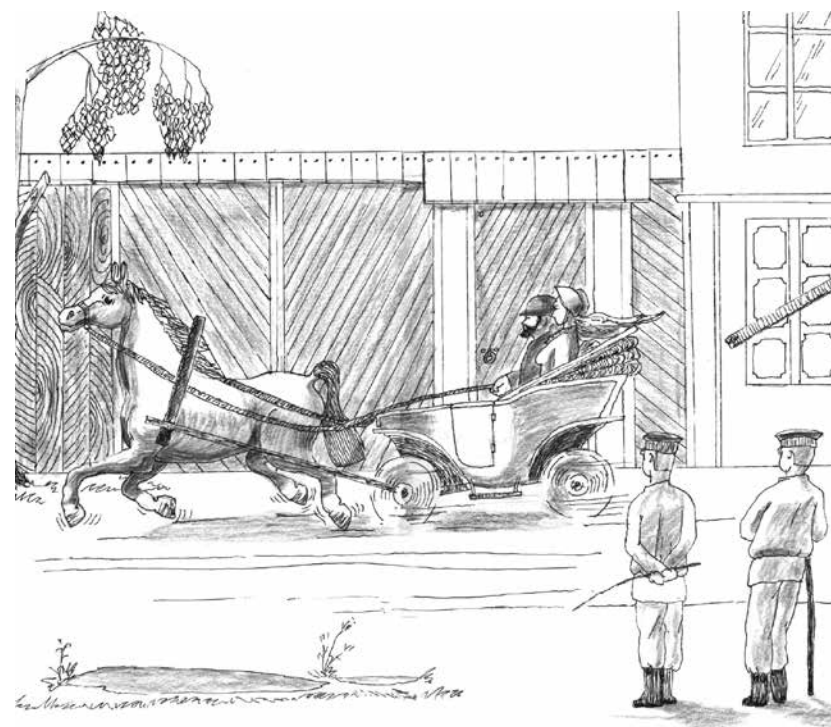
Один раз я видел Егорку Сарачёва на суде в нашем доме, по отъезде инженера Чемолосова снятом именно под камеру мирового судьи. Егора привели на суд из «замка», где он содержался в предварительном заключении, двое солдат. Обвинялся он в очередной краже. Зал суда – наш незабвенный зал с розовым полом «под паркет» – был совершенно пуст. Если, конечно, не считать за зрителя и слушателя 12-летнего гимназиста, сынка домохозяйки, забредшего из любопытства в первый раз на разбирательство дела в камере мирового судьи. Судьей в то время служил у нас в Кузнецке один только что окончивший университет молодой человек-идеалист, мечтавший, между прочим (как я это впоследствии случайно узнал), о том, чтобы сделаться писателем. Он и пробовал свои силы в писательстве, но ... далеко не пошёл.

Я помню, какой внимательный взгляд бросил судья на приутившегося на последней скамейке гимназистика. Подумал даже: «прогонит или не прогонит, как несовершеннолетнего?» Но не

прогнал. Напротив, ему, кажется, показалось нелишним всерьёз разыграть всю процедуру «судоговорения» перед «юным слушателем»: дескать, а вдруг да что-нибудь ценное из сегодняшних впечатлений западёт в «юную душу» и даст плод?!

Странное дело, был я юн, но и тогда так думал, и сегодня на 100% уверен, что молодой, неопытный судья разыгрывал передо мной комедию. Вполне искренно и убеждённо, впрочем. Он подробно допросил Егора, установил все факты, а факты были серьёзные, помнится, кража со взломом, да и ещё с угрозой насилием, и затем обратился к многоопытному подсудимому с увещательным словом на тему: необходимо сознаться и раскаяться.

Тут судья долго распространялся о нравственном значении раскаянья (а сам всё поглядывал на меня: вот, дескать, какой у нас

.....

в России суд замечательный!) и, наконец, о том, что сознавшегося и раскаявшегося суд карает гораздо снисходительнее, чем запирающегося в содеянном и не раскаивающегося. Он даже дал справку о предлагаемом размере наказания за Егорово преступление: вот, дескать, если вы раскаетесь, то закон определяет вам наказание в шесть месяцев, а если не раскаетесь, то в полтора года.

– Поняли? – спрашивал он Егора.

– Понял, – тупо отвечал Егор, видимо, уже очень хорошо сообразивший, какой тактики ему держаться с наивным судьёй.

– Так что же, вы раскаиваетесь? – продолжал допытываться судья милостивый.

– Раскаиваюсь, – так же тупо, равнодушно роняет Егор, склонив бледное лицо и исподлобья глядя на судью неподвижным, ничего не выражающим взглядом своих наглых, разбойничьих чёрных глаз. Долговязая фигура. Арестантская одежда. Вид покорности и какая-то скрытая сила тёмной, на всё способной души.

«И нисколько-то ты не раскаиваешься! – подумал я, глядя на Егора. – А просто предпочитаешь отсидеть в остроге шесть месяцев вместо восемнадцати».

Но зато судья торжествовал. Удалился с довольным видом, потом через несколько минут вернулся, преважно возложил на себя золотую цепь и изрёк свой «великодушный» приговор – тот самый, конечно, какой и нужен был Егору.

Отсидев шесть месяцев (частью покрытых предварительным заключением), Егорка вышел из острога и принялся за прежние свои штучки...

Но вот и на него пришла беда. Подравшись в Слободке с кем-то из своих соперников на любовной почве, Егорка был не только и не просто избит, но избит смертельно, и, кроме того, вкось и поперёк исполосован ножом. Его без чувств подняли на улице и привезли домой. Короче говоря, пришёл конец Егорке. Смерть, долго его подлавливавшая, наконец-то приступила к парню вплотную и плотоядно обняла его за плечи: «Теперь ты мой, голубчик! Не вырвешься!..»

.....

.....

Услыхав, что Егорку избили и почти убили, я кинулся на задний двор нашего дома, а оттуда через забор к Сарачёвым. Там собралась целая толпа народа, были и другие ребята. Всем дозволялось беспрепятственно входить в дом, где в первой же комнате лежало, вытянувшись на бедной постели, длинное и почти бездыханное тело несчастного Егора, всё в перевязках, с кровоподтёками, синяками и ранами на бледном лице. Вокруг не было уже ни особых слёз, ни суеты. Дело, видимо, считалось решённым.

Вдруг все расступились. Вошёл священник с «дарами» – исповедь.

– Прошу всех удалиться из комнаты! – раздался властный голос отца духовного.

Все, конечно, поспешили исполнить это приказание. Священник остался у Егора один, чтобы принять последние признания умирающего...

И что же бы вы думали? Что Егор умер? Ничего подобного! Исповедался, причастился, пролежал два или три месяца, а потом поднялся с одра болезни и зажил по-прежнему.

Так вот какая сила была в парне! А пропадала-то зря...

Не напрасно ли, однако, моя мать желала Кузнецку, чтобы он провалился в тартарары? В книге «Бытия» говорится, что Господь Бог готов был простить Содом и Гоморру ради пятидесяти, ради сорока пяти и затем в ответ на последовательные, униженные ходатайства Авраама ради сорока, тридцати, двадцати и, наконец, ради десяти праведников. Пятьдесят, тридцать или десять «праведников» должны же были, конечно, найтись и в Кузнецке! И они были там.

Об одном таком «праведнике» мне хочется здесь вспомнить. Это был друг всех кузнецких детей, добрейшая душа Виктор Иванович Михеев, поручик, вместе со своим командиром, стариком-подполковником, представлявший весь командный состав кузнецкого гарнизона, а именно – роты солдат. Виктор Иванович (имя его знали все, но фамилию далеко не все) был офицером глушайшей провинции, и потому производство его по службе шло шагами самой пре-

.....

старелой и самой неповоротливой из черепах. Поручиком он стал чуть ли уже не в 35 лет и задержался в этом чине и в своей должности тоже на неопределённое время. Бодрости, однако, не терял и в обществе кузнецком состоял на положении молодого офицера, причём сам себя признавал таковым и соответственным образом держался.

Он был довольно высок ростом, худ, в плечах узок, носил длинную, но не широкую, слегка раздвоенную на конце рыжеватую бороду и длинные, немного подкрученные кверху усы. Имел небольшой нехарактерный нос и очень добрые, спокойные, живо перебегавшие с предмета на предмет маленькие светло-карие глаза. Однако, как это ни удивительно, смеялся редко и сдержанно. Одевался исключительно в длинный, зимой – суконный, летом – холщёвый, военный сюртук с золотыми погонами. Шпагу прицеплял редко. Ходил лёгкой, быстрой походкой и был со всеми одинаково обходителен и любезен.

Хотя Виктор Иваныч любил общество барышень и молодёжи, но никогда ни о каком серьёзном или совершенно несерьёзном романе его я не слыхал. Никаких сплетен, никаких разговоров по этому поводу ни в мужском, ни в дамском кузнецком обществе не велось. Жил Виктор Иваныч холостяком, бобылём, как бы на биваках, с денщиком-солдатом в небольшой квартирке из полутора комнат в нижнем этаже каменного флигеля при доме Пановых неподалёку от Базарной площади. Принимал у себя только мужскую молодёжь и детей, хотя сам вечно толкся в гостях у своих знакомых, к которым принадлежал весь город.

Две самые ценные и характерные черты отличали нашего доброго и немного дон-кихотообразного поручика – это, во-первых, его любовь к детям и, во-вторых, пристрастие к фотографии.

Что касается фотографии, которой он занимался как любитель и при том совершенно бескорыстно, но в которой, однако, достиг значительного умения, то, надо сказать, что В.И.Михееву принадлежит большое количество очень интересных снимков тогдашнего Кузнецка и его достопримечательностей, как то: домика Ф.М. Достоевского (я позже коснусь пребывания Достоевского в

Кузнецке), крепости, водопада, церкви и других зданий, а также общих видов города – с крепости, «из-под горы» и пр⁵⁵.

Из этих снимков многие сохранились до сих пор. Некоторые из них были опубликованы⁵⁶, и это очень ценно, потому что в настоящее время часть старых кузнецких зданий и сооружений, например, таких как Богородская церковь, в которой венчался Достоевский, уже не существует. Между тем, не будь Виктора Иваныча, никто бы сделать снимки с этих зданий и сооружений не догадался.

Характерно, что Виктор Иваныч никогда своих снимков не продавал. Он переснимал множество кузнецких граждан, особенно в разных живописных группах, у водопада, на пикниках и т. д. и охотно всем дарил эти снимки, не требуя даже возмещения расходов на материал и отнюдь не рассчитывая на какой бы то ни было реванш вообще со стороны своих заказчиков. Ему просто нравилось доставлять людям удовольствие, поскольку это находилось в его возможностях.

Любовь к детям у Виктора Иваныча была исключительная. При этом и она не выражалась в каких-либо особо сентиментальных формах. Виктор Иваныч держал себя с детьми просто как добрый, старший товарищ. Непринуждённо разговаривал с ними о том, что их занимало. Гуляя с ними по городу, снимал их, поодиночке и группами, и потом одаривал своими фотографиями. И в результате вечно был окружён детворой и подростками, мальчиками и девочками, которые тоже относились к нему как к «своему», как к старшему другу.

У Виктора Иваныча была одна милая манера радовать детей, которая их к бородатому поручику особенно и привлекала. Бывало, увидят его на улице издали и уже бегут к нему: «Виктор Иваныч! Виктор Иваныч!»

А Виктор Иваныч спокойно приближается, потом останавливается, прячет обе руки за спину и спрашивает: «В которой руке?».

– В правой, в правой! – кричат дети.

Поручик вынимает из-за спины правую руку и разжимает пальцы: на ладони ничего нет.

– Пусто, – с разочарованием подтверждают дети.

Но поручик уже снова прячет руки за спину.

– Ну, а теперь – в которой руке?

И если отвечающий отгадывал правильно, то ему доставалась длинненькая мятная карамелька.

Этот фокус Виктор Иваныч повторял много раз в течение одного дня, воспроизводя его в любое время, при любой обстановке, при встрече с отдельными мальчиком или девочкой или группами их. Карманы его всегда были полны конфетами, и молодые сладостны радовались бесконечно. И, наоборот, никогда без этого «в которой руке?» Виктор Иваныч никого конфетами не оделял.

Говорят, что иной раз одна такая маленькая добродетель может на Страшном Суде помочь даже очень запутавшемуся в сетях мирских соблазнов грешнику и спасти его в последний момент. И вот я думаю, что Виктора Иваныча, который и без того был порядочным человеком, в случае нужды могла бы спасти эта «вседетская конфетка».

С Виктором Иванычем мы, мальчики, встречались ещё на солдатских учениях, на площади у старых, деревянных, барачной постройки казарм, налево от кладбища. Тут, конечно, мы не смели его беспокоить и, по большей части, только наблюдали за его действиями и за ходом ученья, собравшись кучкой невдалеке, но иногда всё же, веря в доброту Виктора Иваныча, подходили к нему совсем близко, а, бывало, и задавали вопросы.

Солдаты и солдатские ученья интересовали нас, конечно, и сами по себе, без Виктора Иваныча, и мы наблюдали за ними и тогда, когда офицера заменял фельдфебель. Нам нравились чёткие движения солдатской колонны, нравились примерные атаки – с криками «ура!» – на угол кладбища и особенно нравились дружные солдатские песни, с которыми солдаты по окончании ученья, раскрасневшиеся, вспотевшие и запыхлённые, уходили к себе в казармы.

Виктор Иванович Михеев, поручик Кузнецкой местной команды с местными дамами в постановочной фотографии. Фото 1901 г. Слева направо: Е.Поникаровская, М.Малеева, Е.Бородуха, В.Михеев.

«Вспомним, братцы, как стояли мы на Шипке в облаках» – пели они, или «За Уралом, за рекой казаки гуляли», или «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке сизый селезень плывёт»... А мы бежали вслед за ними, стараясь не отставать и заглядывая в лица поющих... Детскому воображению (а оно очень правдиво) солдат, вообще, представляется не человеком, не просто – человеком, а особым существом, членом одного, общего солдатского или военного тела. Это-то нас и интриговало...

И всё же однажды мы пожаловались Виктору Иванычу, когда стали свидетелями жестокого обращения с солдатами со стороны фельдфебеля, исполнительного, злого, «подобранного» рыжеусого ловкача и гимнаста. За малейшую провинность фельдфебель бил солдат «по морде», а те, краснея и тужась, всё же вытягивались перед ним.

Виктор Иваныч подробно расспросил нас о наших наблюдениях, но никак по поводу их не высказался, и не знаю, вообще, принял ли какие-нибудь меры. Не помню только, чтобы после этого поведение фельдфебеля заметным образом переменялось. Смещен он, во всяком случае, не был. Скорее всего, что побой и «добрейшим» Виктором Иванычем считались чем-то неизбежным в военном деле. Одно могу сказать: никогда мы не видели, чтобы сам Виктор Иваныч бил солдат.

Между прочим, не довольствуясь присутствием на обыкновенных солдатских «ученьях», мы неизменно присутствовали и на стрельбище, за кладбищем, когда солдаты учились стрелять в цель. Нравы в этом отношении были в Кузнецке настолько патриархальные (почти как в белогорской крепости у Василисы Егоровны)⁵⁷, что нас не отгоняли.

Любопытное зрелище представлял солдатский парад на площади перед собором в царские дни, когда после молебна в соборе появлялся перед строем старичок – воинский начальник в золотых эполетах и в орденах и громким голосом поздравлял «ребят» с праздником. Потом дудел рожок, гремел барабан, и солдаты под музыку этого «оркестра» стройно шествовали в казармы, а мы, мальчишки, опять бежали за ними. Мне, кстати, бывало по пути

– солдаты возвращались домой как раз по нашей Соборной улице.

Мне нравилось также, когда солдаты всем строем шли купаться на речку и, раздевшись на бережку, молодые, здоровые, мускулистые с разбегу кидались в воду и, весело перекликаясь, плавали они во всех направлениях, ныряли, брызгались водой, отфыркивались.

Однажды я стал тонуть и уже был под водой. Тогда один из купавшихся в это время случайно солдат, великан по фамилии Забродин⁵⁸, забрёл с берега в воду (там, где подо мной разверзлась «бездна», ему было всего по грудь) и, подхватив меня одной рукой, как щенка, вынес из воды на берег. С каким благодарным почтением я, бывало, потом поглядывал на молодого, добродушного вида, в сажень ростом парня, украшавшего правый фланг кузнецкой гарнизонной роты!..

Нечего и говорить, что мальчишками мы с товарищами много и усердно играли «в солдаты», проработав, как водится, подробно и систематически это подражание военному делу. Были у нас и командиры (особенно стройный и изящный мальчик – сын фельдшера Еня Токмаков⁵⁹, впоследствии певец, а после потери голоса талантливый артист драматической студии имени Комиссаржевской в Москве, также Яша Панов, впоследствии студент Петербургского университета, и другие), были и ордена, искусно вырезанные и склеенные из бумаги, развивалось преждевременно молодое тщеславие и соревнование, – словом, картина, знакомая из собственного опыта, наверное, почти каждому из тех, кто прочтёт эти строки.

Так или иначе своеобразие военной жизни очень сильно действовало на юнцов. Отдалённый, отчётливый бодрый звук солдатского рожка, разносящийся на заре в летнюю пору в чистом разрежённом горном кузнецком воздухе, памятен мне как одно из наиболее поэтических впечатлений детства и отрочества. Затаив дыхание, прислушивался я к нему с нашего тихого ещё в тот час большого двора...

Вернусь, однако, к общей массе кузнецких обывателей. Карты, конечно, играли огромную роль в жизни города. Водка – тоже.

Ими и забывались – и интеллигенты, и купечество.

Имелся клуб, но и там кроме водки и карт, да разве ещё бильярда, на котором и играть то мало кто действительно умел, ничего не было.

На моей памяти возникла в Кузнецке приблизительно в 1894-95 гг. общественная библиотека⁶⁰. Отец принимал какое-то участие в её учреждении – помню, как он собирал для неё книги, как возвращался с каких-то заседаний и рассказывал матери о том, насколько подвинулось вперёд дело с открытием библиотеки.

Два-три шкафа книг набрали. И подписчики нашлись. Позже гимназистом 3-го или 4-го класса я заменял иногда занятого чем-нибудь другим библиотекаря и выдавал книги. И сам брал и

*Дом Дмитриева, где бывал Ф.М. Достоевский.
Фото начала XX в.*

читал много книг из библиотеки. Постоянной подписчицей библиотеки была и моя мать, так что книги, и часто хорошие, прежде всего русские классики не переводились в нашем доме.

Было в Кузнецке кое-какое нерусское население.

Поляки, на вид как будто совершенно обрусевшие, пользовавшиеся всеми правами и привилегиями граждан Российской империи, на деле держались, однако, в стороне от русских. Материально они жили, впрочем, не только не хуже, но гораздо лучше большинства привилегированного русского населения городка. Они или отцы их когда-то пострадали и были сосланы в Сибирь за свои политические убеждения, за борьбу с правительством, угнетавшим Польшу, и, однако, в ссылке быстро нашлись – занялись торговлей спиртными напитками. В Кузнецке их было всего три-четыре семьи, и почти все они были обладателями «ренсковых погребов»⁶¹, а одна из этих семей открыла в городе и пивоваренный завод.

С Красимовичами, Янковскими⁶² дружила чуть ли не одна только русская семья – Пановых, но, может быть, потому лишь, что и купец Панов, тот самый страстный картёжник, о котором я рассказывал, был тоже обладателем «ренского погреба» – «распивочно и на вынос». У Красимовичей⁶³ был милый мальчик Буня с безразлично-вежливой улыбкой и с долгим, лошадиным «аристократическим» подбородком. Я и братья могли бы быть ему хорошими товарищами, но... нас никогда в элегантно и по-европейски обставленный особняк Красимовичей на Базарной площади⁶⁴ не звали. И объяснение этому факту, думаю, могло быть одно: мы являлись детьми русского чиновника, детьми врага. Лучше сойтись с купцом, но... не с чиновником: чиновники – представители государства, загубившего Польшу.

И надо сказать правду, что и русских не тянуло к полякам. Мой отец, например, презрительно называл кузнецких поляков: «водочники!»

И только гораздо позже, когда я состоял уже в старших классах гимназии и в связи с деятельностью моей по устройству театра молодёжи, двери особняков Красимовичей и Янковских приоткры-

*Солдаты Кузнецкой местной команды у крепостной стены.
Фото начала XX в. ➔*

лись для меня. Должен сознаться, что я, сибирский медведь, поражён был приятным, непринуждённым, культурным тоном жизни этих семей и той обворожительной любезностью, с которой встречали в них всех гостей. В том то и дело, что «водочники» в культурном отношении стояли гораздо выше местного городского населения. Коммерческая их деятельность, очевидно, была вынужденной. Основы их первоначального воспитания были другие, и готовились они, по-видимому, к другому, более ответственному призванию. Помню хозяйку дома Красимович, мать Буни, высокую, представительную даму с толстой тёмной косой, обвитой вокруг головы, – такой простоты и такого изящества манер я в Кузнецке ещё ни у кого не встречал. Подлинной красавицей была дочь Красимовичей – Зося⁶⁵: нежное, тонкое лицо, чудные тёмные глаза, осенённые длинными ресницами, коса до пят. Три красавицы-дочери – все, как и Зося Красимович, гораздо старше меня, – украшали также польскую семью Янковских. Старшая потом вышла замуж за молодого врача поляка Годомского⁶⁶. Четвертая, маленькая Ядвига⁶⁷, только обещала развернуться в красавицу...

Эти юные, прелестные, стройные, изящные и тонколицие польки, действительно, были какими-то экзотическими цветками в нашем захолустье. Но уввы! – красота эта, кажется, никому или почти никому из них не принесла счастья, хотя бы по причине отсутствия выбора... польских, непременно польских женихов. Другое дело – смешанная полупольская и полурусская (по матери) семья Адамовичей⁶⁸: эти жили и с поляками, и с русскими, как со своими, и двое барышень Адамович скоро и удачно устроили свою судьбу, повыходя за русских. Двое молодых людей Адамовичей, со своей стороны, тоже нашли себе русских подруг жизни.

Со всей семьёй Адамовичей и в особенности с барышнями Александрой и Надеждой, кстати сказать, особенно дружил поручик Виктор Иваныч Михеев, и предполагалось, что он женится на одной из них, но предположения эти не оправдались. Добавлю, наконец, что всеприемлемый и всеприемлющий Виктор Иваныч, единственный из служащих русских людей, охотно принимался и в чисто польских семьях Красимовичей, Янковских, Годомских. Но,

надо сказать, что и от этого знакомства он для себя лично ничего не приобрёл. Напротив, и в польских семьях, как и в русских, он неизменно и совершенно естественно играл роль общего слуги и угодника в самом лучшем смысле этих слов.

Не знаю, какая судьба постигла наших поляков – «водочников» и аристократов – в позднейшие бурные годы. С 1914 года, когда я в последний раз был в Кузнецке, я ничего о них не знаю. Вот о старшем из братьев Адамовичей, Михаиле, слышал, что в одном из эфемерных сибирских правительств (в каком именно – не различаю) он занимал пост министра почт⁶⁹.

Упомянул я, между прочим, об еврее-аптекаре. Евреев, как и поляков, у нас в городе было очень мало, тоже три-четыре семьи. Отношение к ним было такое же, как и к русским. Они были менее изолированы, чем поляки. Характерно, что в детстве я даже не знал, что Гудовичи, Уманские – евреи. Об одном только аптекаре знал это: его семитический тип был слишком ярко выражен, а, главное, познания в русском языке были чересчур ограничены⁷⁰.

Близкими приятельницами моей матери были сестры Эмилия и Глафира Марковны Гудович⁷¹, перезрелые девицы, дочери торговца, жившие дома за два от нас по нашей Соборной улице. Эмилия, черноокая, бледная красавица, была певицей. Мы, дети, любили в своей компании передразнивать Эмилию, как она, закатив очи и аккомпанируя сама себе на гитаре, пронзительным сопрано выводила: «Очи чёрные, очи страстные». Это был любимый её романс.

Судьба Эмилии была неожиданная. Её, еврейку, взял себе в жёны совершенно русский помощник кузнецкого уездного исправника Ващенко⁷². Он понравился кому-то из томских губернаторов и был повышен на исправника, а потом шагнул ещё выше и сделался ни более ни менее как якутским вице-губернатором. Таким образом, и Эмилия Марковна превратилась в важную губернскую (якутскую, впрочем) даму и вице-губернаторшу. Не знаю, певала ли она ещё в далёком, холодном Якутске «Очи чёрные, очи страстные».

Старшая сестра Эмилии Глафира вышла замуж ещё

Иван Матвеевич Красимович – кузнецкий 2-й гильдии купец. Фото начала XX в.

раньше её – не за администратора, а «нормально» за еврея-торговца из Томска. Глафира не пела и не располагала своими собственными чёрными очами. По типу она была совершенно русская женщина: небольшая кубышка с круглым лицом и с коротко остриженными русыми волосами. Вообще, она была гораздо менее претенциозна, чем её сестра. Свадьба – по еврейскому обряду, о котором у нас в доме что-то много рассказывали, но только я мало понял, – состоялась в нашем городе. Муж пожил некоторое время в Кузнецке, а потом по делам уехал надолго в Томск. Через год Глафира Марковна забеременела (это я знаю теперь – тогда в свои пять-шесть лет я не знал этого). Врачи порекомендовали ей перед приближением родов больше ходить, а именно: подыматься на Крепостную гору и гулять по её гребню. Глафира очень бы желала исполнить предписание врачей, но у неё не было кавалера для прогулок, а одной ей удалиться за черту города было как-то «неловко», «неудобно» или просто скучно. Тогда моя мать одолжила ей в качестве кавалера меня. Глафира обрадовалась, что «кавалерский кризис» разрешился, и в течение одного или двух месяцев мы ежедневно по утрам подымались с нею на Крепостную гору и, обойдя её, спускались для разнообразия другой дорожкой в город. Помнится, я даже какой-то подарок получил от Глафиры Марковны за своё кавалерство. А у нас в доме и свои, и чужие часто смеялись надо мной и говорили: «Смотри, Валя, как бы на ваших прогулках с Глафирой Марковной не стать тебе бабкой!» Я совершенно не мог оценить этой остроты: «Причём тут бабка?! Какая бабка?»⁷³.

У Глафиры Марковны, между тем, скоро родился ребёнок, и горные прогулки, должно быть, сыграли свою роль, потому что роды были нетрудные и вполне благополучные.

Заговорив о нерусском элементе в кузнецком населении, я не могу не упомянуть также о немногих немцах, заброшенных к нам судьбой. Эти, впрочем, «заброшены» бывали не слишком несчастливо для них. Помню уездного исправника толстяка фон Дитмара⁷⁴, державшегося, по меньшей мере, с губернаторской важностью и устроившего себе соответственный уровень⁷⁵ жизни. Зимой он разъезжал по городу в нарядных саях на паре рысаков, покры-

Сёстры Адамович Александра и Надежда. Фото 1903 г.

Дети кузнецкого купца И.С. Красимовича (слева направо) – Антонина, Зоя (София) и Буя (Альбин). Фото около 1900 г.

.....

тых голубыми сетками с кистями по краям. Концы очень широких и длинных сеток накидывались на передок саней – получалось очень шикарно. Даже у самого Степана Егорыча Попова такого заведения не было...

Помню немца – мирового судью, немца-ветеринара, добродушного и беспечального блондина, много пившего водки и вина, а ещё более пива. Трезвым я его никогда не видал.

И ещё представители одной странной немецкой корпорации посещали в годы моего детства Кузнецк. Это были бродячие музыканты, да не одиночки, а целые оркестры, и притом именно духовые оркестры. В один прекрасный летний, а иногда и зимний день к вам на двор вваливалась толпа человек из десяти, не очень молодых, краснолицых, красноносых и усатых людей, одетых в худые пиджачки или зимою в подбитые ветром зелёные широкие пальто и в зелёные поярковые шляпы с короткими полями и с пучками щетины сзади, выстраивалось полукругом, доставала из-под плащей флейты, корнет-а-пистоны и тромбоны и начинала «зажаривать» один за другим вальсы и польки, пока, наконец, не получала должную мзду и не переходила на соседний двор. Картина была поразительная, необычайная для Кузнецка! И опять-таки поразительно то, что баварцы, вюртембергцы или саксонцы доказывались в поисках куска хлеба через всю беспредельную Россию до нашего упрятого далеко от железной дороги в алтайских предгорьях городка. Очевидно, заработки в России и даже в Сибири были всё же выше, чем они могли быть в Баварии, Саксонии или Вюртемберге.

Иногда эти бродячие оркестры за плату по особому соглашению, разумеется, приглашались на танцевальные вечера в Общественное собрание и тогда дудели добросовестно целый вечер польки, кадрили и вальсы, а молодёжь кузнецкая проявляла двойное усердие, чтобы натанцеваться всласть под громкие, а подчас и не очень стройные звуки игры чужеземных музыкантов. Звуки становились нестройными обычно в конце вечера, когда странствующие музыканты позволяли себе чересчур уж нализаться русской водки. Виноваты, впрочем, были не они, а слишком гостеприимные хо-

.....

.....

зьева, как-то не отдававшие себе отчёта в том, что если музыкант будет пьян, то становится пьяной и музыка.

Эти сцены опьянения немецких музыкантов я отлично помню.

Наконец, бродили ещё иной раз по нашему городу восточные наши соседи – китайцы. Это были торговцы шёлковыми материями. Тоже с тяжёлыми тюками на плечах обходили они дом за домом, раскладывали перед хозяйками свои богатства, предлагали, мерили, рядились, доказывали, советовали на ломаном русском языке и... тоже делали хорошие барыши. О «китайцах» после стали говорить, что это были просто японские шпионы, собиравшие сведения и о военном, и о хозяйственном положении страны. Может быть. Тогда этим никто не интересовался: китаец так китаец, пусть себе торгует.

Нас, детей, конечно, всё занимало в китайце: и длинная, книзу искусственная нитяная коса – прежде всего, и узенькие глаза, и жёлтый цвет кожи, и юбка вместо штанов, и шишечка на маленькой круглой шапочке... «Хóдя, хóдя!» – кричали мы ему. Китаец не обижался.

И никогда-то, никогда никто у нас не попрекнул «куском хлеба» ни немца, ни поляка, ни еврея, ни китайца. Люди – значит, имеют право на труд и на хлеб рядом с нами. Россия-матушка всех прокормит!

ГЛАВА IV

КУЗНЕЦКИЕ КАРТИНКИ

*Девятая Пятница. Катанье на масленице. Говорящая машина.
Прибытие первого парохода. Землетрясение.*

Одним из самых ярких кузнецких воспоминаний является для меня воспоминание о праздновании так называемой Девятой Пятницы. В 9-ю после Пасхи пятницу происходила в городе ярмарка, на которую собирались во множестве крестьяне и так называемые «инородцы» изо всех окрестных деревень. Они привозили свои товары – зерно, муку, масло, дёготь, холстину, кур, гусей, уток, поросят, кедровые орехи, ягоды, а в городе закупали всё нужное для себя: хомуты, топоры, лопаты, посуду, головные платки, ситец, картузы, сапоги, ботинки, чай, сахар, соль, конфеты и многое другое до крючков, пуговиц и лубочных картинок включительно. Широкие русские бородатые лица и яркие бабьи наряды чередовались с калмыковатыми, жёлтыми и почти лишёнными растительности лицами сибирских «инородцев» и простыми, чёрными платьями-халатиками их тихих, покорных жён. Купечество кузнецкое подтягивалось, выкладывало на прилавки всё своё добро, все залежи и в течение нескольких дней работало в своих лавках и магазинах без усталости с утра до вечера. Так деревня и город менялись взаимно тем, что производили. И уж, конечно, дошлый город в накладе не оставался. Залежалое фабричное дерьмо втридорога сбывалось за масло, яйца, хлеб и другие драгоценные продукты, которые мужик добывал подлинно в поте лица и настоящей цены которым не знал.

Подросши я очень любил в эти дни толкаться по базару. Юношей, бывало, сообщал базарные цены редакции томской газеты «Сибирская жизнь», и она охотно печатала мои немудрящие корреспонденции⁷⁶.

Но не столько экономическая, сколько церковно-бытовая сторона отбывания Девятой Пятницы привлекала меня и других кузнецан, экономикой серьёзно не занимавшихся и в судьбе ярмарки непосредственно не заинтересованных. Дело в том, что в праздник Девятой Пятницы из довольно далёкого села Ильинского, лежавшего вниз по Томи за 18 вёрст от города, приносили на неделю или более (уж не помню) старую, чудотворную икону святого пророка Ильи. При этом принято было встречать икону.

С раннего утра в канун праздника десятки и сотни городских жителей, преимущественно женщин, выходили вперёд вёрст за 5, за 10, а то и больше, смотря по усердию, навстречу крестному ходу с иконой. Они встречали её и затем сопровождали в огромной толпе богомольцев на пути её к городу, причём по дороге икона задерживалась на ночь за 3 версты от города в селе Монастыре (Христорожественском), где и заночёвывала в церкви. И только на следующее утро, в самый день Девятой Пятницы, икону «подымали» снова и несли из Монастыря в город, и тут опять надо было уже версты за полторы – за две выходить ей навстречу.

Мальчишками мы всегда радовались предстоящему празднику и обязательно участвовали в обеих встречах иконы – и в первый, и во второй день её путешествия. И тут тоже нельзя было разобраться, что же больше привлекало: исполнение ли религиозного обряда и самая церковная церемония или же возможность опять очутиться в природе и в новых условиях, далеко от насиженного гнезда.

Лето в южной Сибири – чудесное, жаркое. Травы по лугам, вдоль дороги пахучи – уж и медом-то, и какими-то другими ароматами несёт от них. Цветов много, особенно если сенокоса ещё не было. Небо – высокое, безоблачное, синее. Птицы, будто тоже праздная свою какую-то «Пятницу», расппевают ничуть не менее усердно, чем богомольцы, встречающие и сопровождающие икону. А после Монастыря за горой влево от дороги в Ильинское вьётся ещё, то приближаясь, то отдаляясь, красавица Томь...

Осведомив родителей, что идём «встречать», мы, обычно кучкой человек в пять-шесть – я, брат Коля, Яша и Боря Пановы, Антончик Адамович, ещё кто-нибудь, может быть, даже Го-

рошница, бедняк-мальчонка из одной мещанской семьи, большой наш товарищ, которого, однако, никто не звал по имени, а только по забавному прозвищу, – в четверг выступали налегке без всяких припасов на Крепостную гору, бросали последний прощальный взгляд назад на раскинутый под нашими ногами город, потом оглядели угол крепости и шли сначала в Монастырь, а там дальше и дальше... Говорю «без припасов», потому что мы знали наперёд, что голодны не останемся и что добрые люди нас накормят и напоят.

По обе стороны дороги от Кузнецка до Монастыря растёт масса жимолости, и как раз в это время она бывает вся в цвету – розовая и белая. Так и тянутся ко мне сейчас из далёкого прошлого её нежные ветви... Переваливаем через гору, спускаемся к Монастырю. Скромная деревянная, двуглавая церковь «кораблём» – всё, что осталось от старого монастыря, который, действительно, когда-то был здесь расположен. Чистенькие сибирские одноэтажные и двухэтажные домики по обеим сторонам широкой улицы. Уже тут мы знаем, к кому зайти напиться квасу – каждый год какие-то знакомые наших знакомых охотно угощают нас в канун Девятой Пятницы прекрасным домашним квасом. Пьём и отдуваемся. Потом вытираем оборотной стороной ладони губы, благодарим и идём дальше...

Впрочем, в Монастыре мы задерживаемся ещё на несколько минут в большом и в этот день не запёртом сарае, построенном специально для хранения огромной лодки. Да, лодки, в которой плавают по воде. В этой лодке, очень широкой, длинной, снабжённой комфортабельными скамеечками и покрашенной масляной краской в белый, красный и зелёный цвета, когда-то лет двадцать пять или тридцать тому назад переплыл через Томь именно у села Монастыря какой-то великий князь, путешествовавший в молодости по Сибири⁷⁷. Лодка и сохранялась как историческая реликвия. И каждый год, отправляясь встречать Илию, мы наносили визит и лодке, уже несколько обветшавшей и сильно загрязнённой.

Из Монастыря мы идём потихоньку, срывая и уничтожая по дороге сочные «пучки», к инородческим селениям Баксану⁷⁸ и Телеутам. «Булгаковская пасека» – тёмная купа деревьев – маячит за полями вдали, направо от дороги... Деревня Телеуты названа так

по имени одного племени монголо-татарского происхождения⁷⁹, потомки которого и в наши дни в ней обитали. Как в Баксане, так и в Телеутах жили, однако, и русские крестьяне. Среди них опять-таки были знакомые наших знакомых или даже наших родителей. И стоило нам только назвать свои фамилии – «Пановы», «Булгаковы», как нас радушно приглашали в избу, а там угощали «чем Бог послал». Посылал же он в этот день всё великолепную, праздничную пищу: и суп, и жаркое, до сдобного печенья включительно. Как почётные гости сидели мы на стульях (не на скамьях! Сибирь!) под окошечками с кисейными занавесками вокруг стола, накрытого пёстрой скатертью, и угощались вовсю, по-молодому. Хозяева же держали себя так, как будто наше посещение и поведение доставляло им лишь величайшее удовольствие. Не знаю уж, получали ли они потом за это какой-нибудь эквивалент от наших родителей. Не думаю. Уж коли какая «корысть» тут и была, так разве что только религиозное усердие и надежда на возмездие в будущей жизни, т. е. опять-таки никакой корысти! В самом деле, не говоря уже о всеобщем, характерном для Сибири гостеприимстве, в этот день как бы считалось священным долгом принимать паломников, вышедших навстречу прославленной иконе, и угощать их совершенно безвозмездно. Я помню, как вместе с нами и после нас приходили к нашим знакомым крестьянам другие кузнецкие гости, и все их принимали с тем же удивительным, братским радушием.

Обыкновенно последний наш привал был в Телеутах, за 8 вёрст от города. Разморенным жарой и хорошо покушавшим, нам уже не хотелось двигаться дальше. Тут мы обычно купались в одной из заводей на Томи и смиРНёхонько, сидя где-нибудь на брёвнышках, дожидались иконы. Наконец раздавались крики: «Несут, несут!» На улице начиналась суета, и затем как-то вдруг она заполнялась крестным ходом. Хоругви, множество икон, в том числе наши, городские, «встречавшие» Илию, и, наконец, его икона – огромная, старая, в великолепном серебряном окладе. Посредине – почерневший от времени лик: узкое старческое лицо с седой козлиной бородой и строгие-строгие пронизательные, прожигающие тебя насквозь глаза. Да, этот не из нежных! Громовержец! С ним

.....

надо держать ухо востро. Вокруг же собственно портрета по краям иконы – небольшие квадратные деления с изображениями разных происшествий из жития святого. Но всё – в серебре. Так что видны только сквозь прорезы почерневшие головки и ручки. Лично я относился к иконе Илии Ильинского с уважением и долей страха, но всё же чувствовал в ней что-то родное и встречал её с теми же смешанными чувствами, с какими встречал бы, вероятно, юный внук своего грозного деда, приехавшего летом на неделю погостить к его родителям. Икона вставлена была в особый кивот, укреплённый на носилках, которые, постоянно сменяясь, несли шестеро людей. За иконой быстрым шагом и, спотыкаясь на неровной дороге, шли утомлённые и вспотевшие священники со свечами, кадилами, в тяжёлых парчовых ризах, а непосредственно за ними двигалась необозримая толпа народа... И всё это куда-то тоже спешило, спотыкалось, толкалось, не переставая оглушать воздух нестройным, но могучим и по-своему внушительным пением церковных молитв и прославлений «святого пророка божия Илии». Думается, что внутреннее состояние неудержимо стремившейся вперёд, подобно мощному весеннему потоку, толпы богомольцев было очень близко к определённому роду массового помешательства. Зато сам Илия величественно, покойно, как Бог, как деспот, плыл над толпой...

Картина крестных ходов, связанных с прославлением какой-нибудь одной, знаменитой иконы, в общем, была, по-видимому, одна и та же по всей России. Так, замечательное произведение Репина «Крестный ход в Курской губернии» как нельзя лучше выражает и общий характер наших кузнецких крестных ходов в дни встречи иконы пророка Илии. И у Репина вы чувствуете, что люди, у которых подлинный, горячий религиозный экстаз перемешивается с самым чёрным суеверием, близки к тяжёлому и опасному безумию «Христа ради».

На следующий день икону приносили в город. Первый молебен перед ней служился на горе, над городом у самых ворот обомшелой нашей крепости. Всё без исключения городское духовенство участвовало в этом молебне. И уже почти всё население выходило навстречу иконе.

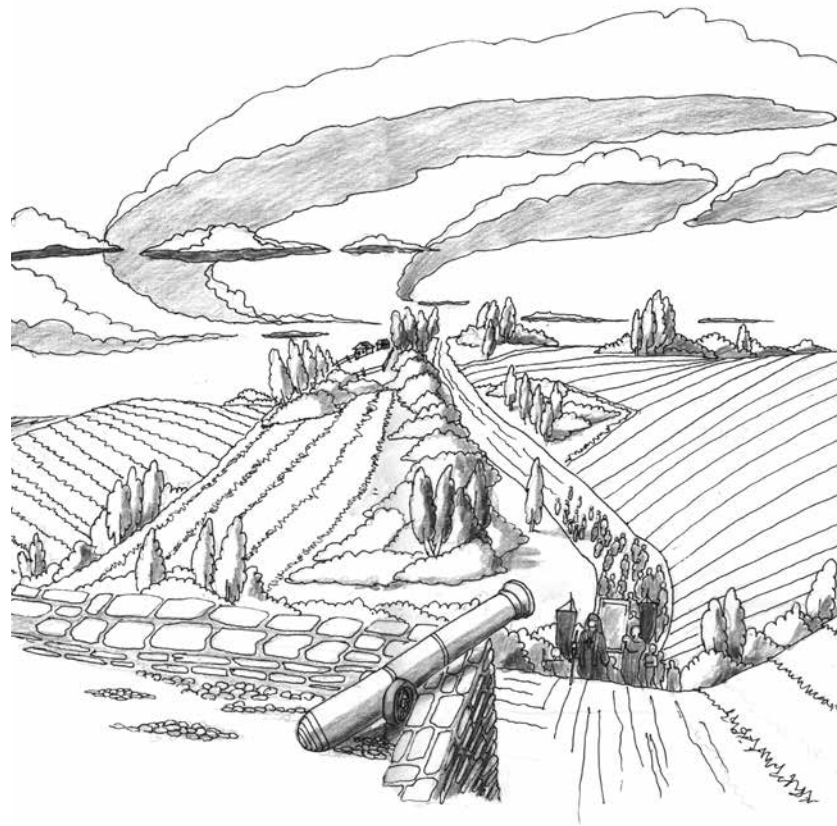
.....

.....

Удивительную, незабываемую картину представляла Крестная гора, когда молебен кончался, и крестный ход или, во всяком случае, икона и духовенство двигались по отлогой дороге вдоль склона горы вниз, а основная масса богомольцев для сокращения пути спускалась прямо по крутому склону без дороги по травке в город: белые, красные, синие, жёлтые платья деревенских баб, как горох, сотнями, если не тысячами, рассыпались по всей горе, и она вдруг оживала и казалась в этот момент сплошь покрытой внезапно распустившимися цветами... Золотые хоругви и ризы между тем удалялись понемногу своим путём по направлению налево из поля вашего зрения, а колокола всех кузнецких церквей подымали торжественный, радостный трезвон. Тут надо сказать, что у нас в Кузнецке звонари были замечательные, прямо артисты своего дела. Для них колокольня, действительно, являлась своего рода оркестром, и они, пользуясь этим оркестром, могли разыгрывать целые симфонии со всеми необходимыми оттенками: *adagio sostenuto*,⁸⁰ *largo*⁸¹ (Великий пост), *allegro ma non troppo*⁸² (обыкновенное воскресенье), *allegro maestoso*,⁸³ *presto*,⁸⁴ *fortissimo* (на Пасхе).⁸⁵ Я совершенно понимаю, что иной артист от природы, никогда бедного своего городка не покидавший и, действительно, никакого другого инструмента, кроме набора церковных колоколов под руками не имевший, мог и с помощью этого набора добиться высоких степеней музыкальной виртуозности. Считаю, что так оно и было в Кузнецке.

К характерным явлениям жизни старого Кузнецка принадлежало масленичное катанье по городу – катанье в санях и больших кошевах, т.е. санях-колоссах, приспособленных для дальнего многосотвёрстного пути. В сани и в кошевы насаживалось столько народу, сколько только входило, причём и экипажи, и лошади – кошевы запрягались непременно тройками – всячески украшались. Кошевы, например, обшивались с трёх сторон коврами, на ковры прикалывались ленты с бантами и цветами, на спины лошадей накидывались специально изготовленные короткие попоны из ярких материй – розовых, жёлтых, синих, в гривы же и чёлки вплетались разноцветные ленты... Каждый старался превзойти других в

.....

пышности и красоте убранства своих лошадей и экипажа... Кошевы, разумеется, с колокольцами на дуге, носились затем по всему городу по определённому, впрочем, маршруту, в который включались все главнейшие улицы, в том числе и наша, Соборная, так что нам, детям, на масленице доставляло огромное удовольствие целыми днями просиживать у окон и любоваться пролетавшими мимо дома разукрашенными кошевами и санями с весёлой публикой.

Изобретательность отдельных граждан шла так далеко, что, например, однажды мы к нашему восторгу увидели, как мимо нашего дома проплыл корабль – да, целый корабль с мачтами, флагами, парусами и матросами: всё это сооружение водружено было на

сани или на длинные полозья, и несколько лошадей бодро влекли его по городским улицам.

Обращаясь к кузнецкой жизни, как я её знал сам, не могу не упомянуть об обстоятельствах появления в городе первого фонографа, эдиссоновской говорящей машины с валиками – предшественницы нынешнего граммофона или патефона с пластинками.

Я учился тогда либо в 3-м отделении приходского, либо в 1-м классе уездного училища. Значит, это было приблизительно в 1896 или 1897 г. Говорящую машину привёз тогда один предприниматель из Томска. Сначала она показана была ученикам всех классов уездного училища, собранным в зале, в каменном здании училища, стоящем над обрывом на границе нагорной и подгорной частей города, а потом демонстрировалась уже свободно за небольшую плату перед всеми кузнецкими гражданами. Тут память мне немного изменяет. Возможно, что в училище показывали одну машину, а в городе другую. Именно: в училище показывалась самая начальная стадия фонографа, а всем гражданам за плату уже более или менее усовершенствованная. По крайней мере, я помню, что при показе в училище играли какую-то выдающуюся роль в руках оператора большие серебряные листы, тогда как при показе фонографа всем желающим в доме Наумова⁸⁶, недалеко от нас, эти листы совсем уже не фигурировали. С другой стороны, возможно, что листы нужны были только при записи на валик новых звуков, новых голосов, что и делалось как раз в школе, а при общем показе совершенно не делалось. Так или иначе, оба показа отделил друг от друга самый незначительный период времени – не более полугода или, самое большее, одного года.

В школе оператор обратился к присутствующим с вызовом, чтобы кто-нибудь подошёл к аппарату и либо наговорил, либо пропел в него что-нибудь. Желающих или, вернее, храбрецов, однако, не находилось: школьники, в том числе и порядочные уже верзилы из 3-го класса, конфузливо улыбались, переглядывались, пожимались, но не покидали своих мест. Оператор повторял своё приглашение, ему поддакнули учителя. Тогда из рядов вышел 12-ти или 13-ти летний сын отставного учителя наш товарищ Ан-

.....

дрюша Тюшов⁸⁷ (впоследствии лет 17-ти от роду утонувший при попытке переплыть Томь) и ломающимся голосом пропел в машину какую-то наивную детскую песенку. Через несколько минут, в течение которых перед нами сверкали в руках оператора серебряные листы, фонограф (и это казалось чудом!) пропел сам ту же песенку. Оператор продемонстрировал перед нами и другие номера. Все, конечно, были в восторге. Помнится, сеансу предшествовало даже вступительное слово оператора, в котором он пытался объяснить нам основной принцип изобретения говорящей машины, но тогда я ничего из этого объяснения не понял.

В небольшой комнате в доме Наумова фонограф показывался уже иначе. Слушание происходило через резиновую трубку, концы двух ответвлений которой вставлялись в уши (иначе было слышно только какое-то комариное пищанье). У владельца аппарата имелся рукописный, конечно, каталог пьес, которые можно было заказывать. За прослушание одной пьесы уплачивался двугривенный. Слушало несколько человек вместе.

Фонографом очень увлекались моя мать, Эмилия Гудович и другие кузнецкие молодые дамы и девицы. Ещё бы, тут впервые можно было слушать прекрасную инструментальную музыку и оперные арии! У нас в доме, говорю о матери и её круге, очень любили лермонтовского «Демона», а тут, в комнатухе у Наумовых, через трубочки, впрочем, можно было слышать две арии – «Не плачь, дитя, не плачь напрасно» и «Я тот, которому внимала» в эффектном исполнении какого-то неизвестного, но тем не менее очаровательного, с дамской точки зрения, баритона. И вот началось у женщин увлечение этими ариями. Их ходили слушать по многу раз. Ими бредили. Ходил и слушал и я. И под впечатлением общих восторгов мне тоже казалось, что пение превосходно. Во всяком случае, когда я года через два-три после этого услышал впервые оперу «Демон» в Томске, я при исполнении певцом двух «кузнецких» арий мог следовать за каждой их нотой, как за знакомой, а в ответ на восторженное письмо к матери об этом спектакле та отвечала мне такой же восторженной благодарностью и выражением радости, что мне удалось услы-

.....

.....

шать всего «Демона».

Увлечение фонографом вокруг матери было так велико, что один из наших знакомых М.В.Басаргин⁸⁸, доверенный торгового дома Васильевых, человек с инициативой и с интересами «над-уездными», бывавший, между прочим, в Москве и любивший рассказывать о ней, вступил в особый договор с владельцем «говорящей машины» – за известную сумму тот согласился предоставить её на один вечер частному кружку любителей музыки и друзей нового изобретения. Этот оригинальный музыкальный вечер состоялся у нас на квартире. Сошлись гости, оператор приволок машину и ящики с валиками, и целый вечер все желающие могли слушать и слушали что хотели и сколько хотели. Не отставал от других и я (брат Вена и сестра Надя были ещё малы, а Лена и Коля находились в Томске, в ученье). Наконец-то все поклонники искусства и технического прогресса были удовлетворены полностью и насытились фонографом, можно сказать, по горло. Конечно, гостей угощали ещё и чаем, и закуской всякого рода, и винами. Кое-кто, в первую очередь сам владелец фонографа, несколько перешёл должную меру, так что потом распорядиться машиной стали уже сами слушатели, а г-осподин предприниматель только «наблюдал» за ними осоловелыми глазами и беспомощно клевал носом...

Так окончилось это культурное торжество.

В годы моего детства произошло другое, действительно знаменательное, историческое событие в культурной истории Кузнецка, а именно: прибытие первого парохода в наш город.

Это было приблизительно около того же времени, как мы впервые слушали фонограф, т.е. в 1896 или 1897 году. Во всяком случае, до 1898 года – года моего поступления в Томскую гимназию, потому что кузнецкий пароход был первым, увиденным мною, а между тем в Томске я тотчас по приезде увидел уже несколько пароходов сразу⁸⁹.

Кажется, никто парохода не ждал. Разве что речная администрация известила по телеграфу городское управление, да и то едва ли, потому что потом, как я припоминаю, были нарекания со стороны прибывшего на пароходе речного начальства, что никто

.....

его официально на берегу не встретил (и это была правда). Во всяком случае, если городское управление и знало что-нибудь о предполагающемся прибытии из Томска, т.е. с низовьев реки Томи парохода, то оповестить об этом городское население оно отнюдь не удосужилось.

Весна. Полный разлив Томи. Огромный остров, занятый «топольником», весь залит водой. Граница между Томью и «протокой» её Иванцевкой совершенно исчезла – обе реки слились. Водное пространство представляло с холма, на котором стоит собор, величественную картину. Оно подошло близко к подножью этого холма и приблизилось вплотную к высокой набережной примыкавшего к собору участка города «под Камнем». А там на другой стороне реки вода разлилась чуть ли не до самых Соколовых гор. И вся эта масса воды не стояла, она неслась с прежней силой и быстротой, свойственной Томи как горной реке, мимо города с юга-востока на запад. Исчезла только прозрачность, которую, естественно, не мог сохранить буйный и мощный весенний паводок.

Я в этот день или, ещё точнее, в этот прекрасный солнечный полдень совершенно случайно проходил с одним товарищем мимо собора. Вероятно, речной разлив и привлёк нас – дети никогда не устанут любоваться такими вещами.

И тут случилось что-то необыкновенное: весь чудный, чистый, прозрачный кузнецкий воздух вдруг затрепетал, ожил, подал свой голос. Какая-то гигантская эолова арфа, вроде той, что имела в саду у городского старосты, но только невероятных размеров, вдруг зазвучала и наполнила всё небо, весь город прекрасным, гармоничным аккордом.

Мы остановились, как остолбенелые.

Чудный звук мерно протянулся одну-две минуты и вдруг замолк. Тогда только мы стали, оглядываясь, искать направления, из которого он раздался. И тут вдруг оба ахнули. Новое и отнюдь не меньшее чудо предстало перед нашими глазами.

Там далеко на воде из-за левого края затопленного водой Топольника, из-за едва опущенных молодой зеленью, погруженных

стволами в воду высоких деревьев, плавно выплывал, как дивное видение, как фантастический великий лебедь, белый, с красной полосой по низу плавучий дом – красавец-корабль.

– Пароход!!! – Закричали мы оба – припомнились сразу изображения пароходов на картинках.

Нас охватил такой восторг, что мы прямо не знали, что делать: или бежать домой и рассказать скорее маме, братьям и сёстрам, всем, всем, всем, что мимо Кузнецка плывёт пароход, или же, может быть, бежать по берегу вслед за пароходом, пока он не скроется?..

Наша растерянность получила тотчас не зависевшее от нас разрешение, потому что пароход, обогнув Топольник, вдруг повернул к городу и, быстро двигаясь теперь уже вниз по течению, подошёл как раз к набережной «под Камнем» в нескольких шагах от собора и здесь остановился и пришвартовался.

Маленькие дикари, мы с толпой ребят почти не уходили с набережной в течение двух-трёх дней, которые простоял здесь пароход, и не сводили глаз с этого удивительного сооружения, изучая каждую его деталь, каждое проявление жизни на нём, каждое движение, каждый шаг прибывших с ним людей, которые все, начиная с капитана и кончая последним матросом, представлялись нам, конечно, людьми необыкновенными. Пароход нас восхищал. Всё в нём было для нас ново. Маленький речной пароход «Томь» казался нам судном колоссальным – ещё бы! – по сравнению с нашими кузнецкими лодками. Всё на нем и в нём поражало нас, всё было ново: выходявший с шипеньем пар, труба, устройство руля, размеры якоря, круглые окошечки кают, капитанский мостик, лестницы, мачты и, в особенности, пожалуй, самозагорающийся вечером на палубе электрический фонарь, – это опять-таки было новое открытие, потому что об электричестве в Кузнецке в то время, конечно, и помину не было.

Многие граждане, имею в виду, разумеется, почётных, солидных граждан, ходили осматривать пароход внутри. Их «пускали». Мы, притулившиеся на берегу ребята, конечно, и мечтать не могли о таком счастье. Самому вступить на этот волшебный

корабль – эта мысль казалась мне такой дерзостью, что я даже не решался поделиться ею с матерью и попросить её как-нибудь устроить мне осмотр парохода, а сама она об этом, к сожалению, не догадалась, или, может быть, тоже не решалась беспокоить пароходное начальство. Не помню, была ли она сама на пароходе, но помню, что с жадностью слушал рассказы взрослых о внутреннем устройстве и убранстве судна: о машине, о каютах с койками, об обеденном столе в рубке, об электрических лампочках, зажигающихся вечером, и т.д.

Да, это было большое событие! Городское управление по факту догадалось, что за первым пароходом, с большим трудом и риском почти при отсутствии речной карты добравшимся чуть ли не в течение восьми или десяти дней от Томска до Кузнецка⁹⁰, могут прийти к нам и другие пароходы, что может наладиться правильное речное сообщение с Томском, что, таким образом, упрочится торговая связь с губернским городом и что значение Кузнецка подымется, явилось всё-таки в лице С.Е.Попова чуть ли не

На кузнецкой пристани.
Фото 1900-х годов.

на другой день на пристань и приветствовало капитана. Постоянное пароходное сообщение между Томском и Кузнецком, впрочем, долго ещё не налаживалось⁹¹. Главными препятствиями являлись, кажется, быстрота течения и обилие мельчин при нормальном, обыкновенном уровне воды.

Все выдающиеся события маленькой кузнецкой истории периода моего детства, как, например, появление фонографа в Кузнецке или прибытие первого парохода, сгруппировались приблизительно как раз на протяжении последних двух лет моего пребывания в родном городе перед поступлением в томскую гимназию. То же можно сказать и о постигшем Кузнецк сильном землетрясении, которое произошло, если не ошибаюсь, в 1897 году⁹².

Июнь. Троицын день⁹³. Чудная солнечная погода. Городок – в лучшей поре года: всё благорастворяется и цветёт.

После длинной обедни с коленапреклонением я только 12-м часу вернулся домой и с аппетитом напился чаю с праздничным, сытным сдобным печеньем. (Обедали мы позже). После чаю собралось несколько товарищей: братья Пановы, Андрюша Тюшов и другие. У нас тогда была любимая игра – в библиотеку. Эту игру я завёл из подражания деятельности вновь открытой кузнецкой общественной библиотеки уже за год или за два до того⁹⁴. Сначала я сам вёл «общественную» библиотеку, помещённую мной в пустом курятнике при флигеле, и выдавал из неё накопившиеся у меня детские книжки желающим. Разумеется, вёл при этом список абонентов, выдавал абонементы, кажется, даже собирал какие-то гроши с читателей, словом, стремился, чтобы всё было как в настоящей библиотеке, в чём и заключалась вся суть «игры».

Потом я предложил своим собственным братьям и товарищам из других семей расширить библиотеку, снёсши в неё всё, что имел каждый из нас в отдельности. Выгоды равного пользования всеми такой библиотекой были ясны. Ребята пошли на это и, действительно, все сообща нанесли к нам множество книг. На тот день, о котором я пишу, назначено было общее собрание всех «пайщиков» предприятия, с целью ... определения разряда книг.

Это была, выражаясь мягко, весьма наивная выдумка. Кни-

Панорама района «Подкамень» и Иванцевской протоки.
Фото начала 1910-х гг. ➔

.....

ги не были одинаковы по объём, красоте переплёта и цене. И именно с этой точки зрения, т. е. с точки зрения их внешнего качества, а не внутреннего содержания мы и должны были все сообща распределить наши книжные богатства на три разряда.

С этой целью мы забрались на пустующий сеновал. Сена не было, потому что за год до этого отец мой умер, а после его смерти мы уже не держали лошадей. Втащили, помнится, на сеновал пустые дадановские ящикообразные ульи, хранившиеся ещё у нас в «завозне», и пристроили их в качестве столов и скамеек. Кстати сказать, я пользовался ими также для сооружения больших парходов на травке посредине нашего двора: с каютами, палубой, буфетом, где можно было закусывать, мачтой с вымпелами и т.д. Долгое время после посещения Кузнецка парходом «Томь» это была моя любимая игра.

Итак, заседание началось. Сразу приступили к делу. Один из нас подымал какую-нибудь толстую книгу или совсем маленькую книжку-брошюрку в 32 страницы (характерный для того времени размер народных изданий) и спрашивал:

– Эту книгу в какой разряд?

Ареопег десятилетних библиофилов произносил своё суждение, и на книге, а также в составленном тут же каталоге делалась соответствующая отметка.

И вот, было так, что кто-то, чуть ли не мой старший брат, поднял одну книжку и возгласил:

– Ну, а эту книгу в какой разряд?

Мы, было, открыли рты и...

И вдруг произошло что-то сверхъестественное, необыкновенное, страшное – такое, что не только все книги и все библиотеки, но всякое вообще сознание времени и места и даже сознание своего «я», своего собственного существования вылетели мгновенно из наших голов. Может быть, у всех нас волосы встали дыбом, но этого некому было ни заметить, ни чувствовать.

Раздался страшный, зловеще-трескучий гром. Но не с неба. Грохотало и двигалось, дёргалось всеми своими связями и сотряса-

.....

.....

лось то огромное деревянное здание с уходящим под крышу высоким сеновалом, в котором мы заседали. Оно точно решило сорваться с места или как будто им овладела пляска святого Витта⁹⁵.

Это было до такой степени необыкновенно, до такой степени ужасающе и неправдоподобно, до такой степени не согласовывалось ни с какими законами естества и логики, что и наше естество как бы умерло, а логика разбилась без остатка. На мгновение мы перестали быть людьми, ребятами, а превратились в автоматы. Жили, но подчинялись не различным решениям, а рефлексам.

Не знаю как, в какой момент, в каком порядке мы схватились, выскочили как безумные на открытую галерею, прилегающую к сеновалу (я, впрочем, только умозаключаю, что мы выскочили, потому что акта этого, самого по себе, не помню), загрохотали по лестнице вниз и один за другим высыпали на двор, где всё было уже спокойно... Навстречу нам из флигеля, где мы тогда жили, выбежали мама и одна из её приятельниц, с гитарой в руках... Тут мы опомнились...

Мать потом рассказывала, что на мне, да и на других ребятах лица не было – мы были бледны, как лист бумаги.

Взглянув на крышу большого дома, мы увидели, что трубы с него слетели. Кое-где разбились стёкла, покривились печки. В городе были более серьёзные разрушения, не говоря о многих повалившихся трубах и покосившихся печах. У каменного дома купцов Шукшиных, в котором помещалось Общественное собрание, почти что отвалился тамбур лестницы – огромная трещина образовалась между ним и основным строением. Сильные трещины наметились в куполе собора, так что богослужения в нём пришлось прекратить. Всенощную по случаю завтрашнего празднования Духова дня служили под открытым небом, на площади около собора. Трещины появились в переднем фасаде Богородской церкви. На двух или трёх церквях покосились кресты. В окрестностях города близ деревни Фиски образовались трещины в почве, причём из этих трещин выкидывало сверху песок, мелкий и серый, похожий, скорее, на золу, чем на песок.

В ночь на следующий день после землетрясения над горо-

.....

дом разразилась гроза. Многие слышали глухой гул и отметили несколько раз повторявшееся сотрясение почвы, но в более крупном масштабе землетрясение не повторилось. Спали все, как и мы, одетые, по большей части в сенях и часто тревожно вскакивали, принимая гром с неба за гром из преисподней.

На другой день духовенство устроило крестный ход по городу с молением об избавлении от землетрясений. Я присутствовал на молебне на Базарной площади. Опять был жаркий день, опять светило солнце. Но ни дню, ни солнцу, ни этому кажущемуся спокойствию и благодушию природы никто уже не верил. Молились так страстно и горячо, так сосредоточенно, как я никогда до тех пор не видал. Но если вдали раздавался вдруг стук телеги, напоминавший только что пережитое, все враз вздрагивали и настораживались – не землетрясение ли?

Но землетрясение в Троицын день было и осталось единственным, какое я пережил. Когда-то раньше бывали, говорят, в Кузнецке землетрясения, но с 1897 года и до сих пор они, кажется, не повторялись⁹⁶. Впрочем, что значат для природы наши сроки? Она может подождать и тысячу лет и потом погубить Лиссабон в течение нескольких минут⁹⁷. Человек ведь только малая козявка.

ГЛАВА V ШКОЛА И ЦЕРКОВЬ

Уход в школу. Благословение бабушки. Пребывание в приходском училище. Назначение церковным служкой. Отец Виссарион Минераллов. Круг моих церковных обязанностей. Поездка в Фиски. Красота иконы Богородицы. Неудача первого публичного выступления. Нравственные принципы о. Виссариона. Чтение Четьих-миней и Евангелия.

О хуле на Св. Духа. Смерть отца. Похвальный лист. Учителя уездного училища. Об одной педагогической ошибке. Встреча со старым товарищем.

Брат Коля, бывший на два года старше меня, первый начал посещать начальную кузнецкую школу и иногда рассказывал о ней дома: о том, сколько там учеников, в чём состоит ученье и т.д. Он сразу получил какое-то преимущество передо мной, и я, бывало, с уважением и с интересом прислушивался к его рассказам.

Однажды утром, когда Коля, как обыкновенно приступил к сборам в школу, складывал книги в сумку, собирая грифель и перья, я вдруг заявил, что тоже пойду с ним в школу. Это было в начале учебного года, и я как раз услышал от брата, что много новых мальчиков пришло в школу и что они приняты были учителем в ученики. Мне исполнилось семь лет. «Почему бы и мне не пойти тоже?» – говорил я себе.

Родители ещё спали. Нянька, было, запротестовала, но я не стал её слушать. Нечего делать, нарядила она меня в голубую кашемировую рубашку, считавшуюся парадной, подала шляпу, и я, никому больше не докладываясь, отправился с Колей в приходское училище. У нас, впрочем, гостила тогда бабушка Марфа Михайловна. Она, помнится, вовсе не вмешивалась в спор мой с нянькой и была как будто, скорее, на моей стороне. Бабушка вышла проводить меня за ворота. Тут она произнесла мне какое-то напутствие, благословила меня, перекрестив трижды, и пожелала счастья. Я принял это как должное. Отойдя немного, оглянулся назад – бабушка ещё стояла у ворот и глядела мне вслед.

Я делал первый самостоятельный шаг в жизни.

В училище, помещавшемся в нижнем этаже каменного дома купца Васильева⁹⁸, я заявил учителю, что хочу сидеть с Борей Пановым, и, хотя ребята показали мне сначала свободное место на второй парте около какого-то незнакомого мальчика, я не захотел сидеть там, а втёрся чуть ли не лишним на первую парту, где с краю сидел старый мой приятель. Учитель, считаясь со столь настойчи-

вым желанием, согласился, чтобы я остался сидеть рядом с Борей. Начали писать на грифельных досках, и соседство с Борей сразу оправдало себя, потому что от него я узнал, как пишется буква «р», писать которую я ещё не умел.

Так началось 16-летнее хождение по школам всех степеней. Что касается родителей, то они, посмеявшись моей смелости, инициативу мою утвердили. Учитель – Фёдор Афанасьевич Гончаров⁹⁹ – был хорошим знакомым родителей и относился ко мне ровно и снисходительно. Он, впрочем, не притеснял и других ребят, большей частью детей кузнецких мещан и служащих. Наказаний особых у нас в училище не было, но в угол ставили и без обеда за шалости оставляли. Физического воздействия – никакого. Объяснял новое Фёдор Афанасьевич просто и толково, отметки ставил справедливо. Он преподавал нам русский язык, арифметику и чистописание. Я что-то уж очень скоро выказал невольную рассеянность и отсутствие интереса, а, может быть, и способности при усвоении арифметических правил и решений задач. Всю жизнь не любил я математики. Русский язык шёл у меня лучше. Фёдор Афанасьевич ставил мне по арифметике тройку. Дома к отметкам были совершенно равнодушны.

«Закон Божий» преподавал священник Богородской церкви о. Виссарион Минераллов¹⁰⁰, хотя за весь первый год он пришёл на урок, может быть, всего только раза три-четыре. Но приходя важничал и строго с нас взыскивал, как будто это мы, а не он, были виноваты в том, что нас так плохо учили «Закону Божию». О. Виссарион был молодой ещё и довольно красивый человек с живым, энергичным взглядом, длинной русой бородой и прекрасным голосом. Когда он за обедней на высочайшей ноте певуче провозглашал: «Твоя от Твоих Тебе приносяще от всех и за вся», то, я думаю, что ему позавидовал бы и оперный тенор, если бы его услышал.

Покидая первый или второй свой урок в первом отделении приходского училища, о. Виссарион вдруг вонзил в меня указательный перст и промолвил:

– Валентин, я тебя выбрал, чтобы прислуживать мне в алтаре при богослужении: подавать кадило, зажигать свечи. Теперь,

когда придёшь в церковь, приходи прямо в алтарь. Понял?

– Понял.

– Ну, вот! Я и Фёдору Афанасьевичу об этом скажу.

Я был немного смущён. Но товарищи-мальчишки считали, что на мою долю выпало счастье. Ещё бы! Они, бедные, должны были посещать и всенощные, и обедни, и всю службу стоять всем училищем в рядах под надзором учителей и не сметь ни двинуться, ни переменить своего положения. Ну, а в алтаре всё-таки больше свободы, и время проходит скорее. В этом они были правы.

Мать не возражала против моего хождения в алтарь. Мнения отца, кажется, не спрашивали, но я не помню, чтобы и он возражал. Так я стал «пономарём». Являясь в церковь обычно по первому звону раньше других, проходил прямо в алтарь, где подвизался уже старший мальчик Вася Хворов¹⁰¹ (сын промышленника, впоследствии кузнецкий же врач). Тот научил меня «пономарской» премудрости: как накладывать угли в кадило, как посыпать их ладаном, простым или «росным»¹⁰², особо ароматичным, в дни торжественных богослужений по большим праздникам, когда и как (целуя руку) подавать священнику кадило, когда зажигать свечу в высоком подсвечнике, как (с истовостью) нести её впереди священника, выносящего евангелие или святые дары из алтаря, и где её ставить на амвоне, как разводить (вином на горячей воде) «теплоту», куда и в какой момент ставить аналой и т.д. Свечу и аналой я таскал сначала с усилием, но понемногу наловчился. Мало того, потом научился и читать на клиросе «часы» перед обедней, а после обедни и самопричащения священника в алтаре и так называемые «благодарственные молитвы».

Отец Виссарион приходил в церковь важный, строгий, но ко мне благодушный, чинно прикладывался к образам, потом в алтаре облачался, предварительно крестя и целуя всякую часть богослужебных одежд, тщательно расчёсывал перед маленьким стенным зеркальцем свои длинные шелковистые волосы и, отстранив пальцем край пунцовой шёлковой завесы, выглядывал через дырочку, образованную резьбой в царских воротах, много ли собралось народу. Потом он давал знак псаломщику – худому, длинному

и рыжему Никандре и, став перед престолом и перекрестившись, возглашал своим звонким тенором: «Благословен Бог наш» ... и т.д. Богослужение начиналось.

Вслушиваясь в молитвы и песнопения, я понемногу заучивал их и скоро, действительно, как и предполагала мать, знал наизусть чуть ли не весь богослужебный строй. Вася Хворов ушёл, и я должен был справляться со своей работой один. Стоя на своём месте в алтаре налево от престола у стенки с печуркой и со сводчатой нишей, где помещалось моё хозяйство (ладан, щипцы и т.п.), я подпевал иногда певчим. Один раз, вижу, о.Виссарион, стоявший перед престолом, склонил голову на бок и прислушивается к моему пению. Я смутился и замолчал.

– Ничего, пой, пой, Валентин! – ободрил меня священник, заметивший, вероятно, что я хоть не фальшивлю.

По окончании обедни о.Виссарион всегда давал мне просфору¹⁰³, а когда и пятак денег – «на пряники».

Раз в год перед Пасхой поручал чистить мелом золотые потир и дискос¹⁰⁴.

– По настоящему-то я сам должен был бы это делать, – говорил он при этом. – Грешному мирянину запрещается прикасаться к священным сосудам. Ну, да какие у тебя грехи!..

Один раз во время долгой обедни в большой праздник я угрем у своей печурки в алтаре, опустился на пол и потерял сознание, а священник как раз не то проповедывал, не то читал какую-то молитву вне алтаря посреди церкви. Вернувшись, он увидел моё «бездыханное» тело, поднял переполох, и двое певчих отнесли меня в сторожку и положили на постель сторожа, где я понемногу пришёл в себя. Вызвали мать, и она сама отвела меня домой. Горших последствий угар не имел, но тем не менее о.Виссарион распорядился, чтобы с этого времени угли для кадила хранились не в алтаре, а в далёкой сторожке. В неё надо было ходить с кадилом за углями через всю церковь каждый раз незадолго перед тем, как по ходу богослужения следовало подавать кадило священнику, и это было во всех отношениях очень неудобно. Тем не менее такой порядок

Валентин Булгаков.
Фото 1894 г.

остался навсегда или, по крайней мере, до тех пор, пока я в течение четырёх лет подвизался в Богородской церкви.

Я очень привык к своим обязанностям, к богослужениям, к церкви и не только не пропускал обычных, субботних, воскресных и праздничных служб, но когда, бывало, и в будничные дни вдруг слышал удары колокола в Богородской церкви, то тотчас спешил туда, кидая игры и другие занятия, отовсюду, где бы я ни находился – дома, на реке или в поле. Иной раз мне случалось приходиться в церковь раньше священника и псаломщика и долго их дожидаться. В течение всей рождественской недели в Богородской церкви служились ежедневные заутрени, начинавшиеся в 4 часа утра. Я не пропускал ни одной из них. Ночью няня будила меня, снаряжала, запирала за мной дверь на крючок, и я один по морозным и тёмным или освещённым таинственным лунным светом улицам шёл в церковь, часто ещё до колокольного звона, из какого-то неизвестно откуда взявшегося и как сложившегося чувства исполнительности. Мне при этом всегда особо страшно было пересекать обширную и пустынную Базарную площадь. В тёмной галерее деревянного Гостиного ряда мелькали иной раз какие-то таинственные огоньки. Возможно, что это были сторожа, но я мог предполагать и другое, что это были воры, тёмные люди. И всё же я неудержимо шагал вперёд, стараясь побороть в себе чувство страха, и облегчённо вздыхал только тогда, когда площадь оставалась за спиной.

Именно в одну такую жуткую зимнюю ночь, встав до колокольного звона и добравшись до церкви, я убедился, что церковные двери ещё заперты. Я начал стучать, потом барабанить в надежде разбудить сторожа. Тщетно! – всё спит в церкви, всё спит кругом. Надо было возвращаться домой и ... снова пересекать какую-то особо жуткую в эту ночь Базарную площадь! Но делать было нечего. Не замерзать же на улице! Отправился, творя молитву в душе и стараясь не оглядываться по сторонам, домой. Постучался, объяснил удивлённой няне, что «ещё рано», дождался первого, так знакомого мне по мощному теноровому звуку удара колокола (звук соборного колокола был басонный), и опять вернулся в церковь – под колокол как-то и через площадь легче было идти, всё каза-

лось не так пустынно!..

Не знаю почему, но в наших церквах было множество богослужений. Например в Великий пост тоже служились какие-то заутрени и необыкновенно ранние, часов в 6 утра, обедни. И все их я посещал. Случалось, что мы в церкви были только вчетвером: священник о.Виссарион, псаломщик Никандра, я и старый пономарь Демьян (помнивший ещё венчание в Богородской церкви Достоевского) да, разве, ещё одна-две нищие старухи. А бывало и так, что я к началу раннего богослужения опаздывал, и, входя в церковь, уже слышал возгласы и пение о.Виссариона и его «личарды» – долговязого, жёлтого Никандры, тогда, не зная куда девать глаза, я проходил к своему месту чрезвычайно пристыжённый, хотя никто никаких выговоров мне и не делал.

Отпевали мы с о.Виссарионом покойников, венчали брачующихся. Служили благодарственные молебны и панихиды. Совершали крестные ходы по городу, ходили «с крестом» или «с иконой», например, с той же иконой св. пророка Илии по домам. Однажды выезжали даже за город, в деревню Фиски, расположенную в 7 верстах от Кузнецка. Там имела маленькая деревянная церковь, но отсутствовал священник. Крестьяне пригласили о.Виссариона «с причтом», т.е. с Никандрой и со мной отслужить обедню и совершить крестный ход на «святой колодец» за деревней в день престольного праздника. Дело было летом. Мы поехали на простой телеге на паре лошадей, подложив под себя солому и свесив ноги. Отслужив сначала всенощную, ночевали все трое в одной горнице на разостланном на полу огромном, мягком одеяле из белого бараньего меха. Помню, я утром встал первым, оделся и пошёл гулять. Мне запал в душу величественный вид нашей широкой, светлой и быстрой Томи, которая в Фисках подходит вплотную к довольно высокому берегу с расположенными на нём крестьянскими домами.

Совершив положенное, мы все трое отбыли обратно в город, причём и тут мой патрон и пастырь духовный уделил мне из собранной в деревне мзды пять или десять копеек. Дома потом весело смеялись над «доходностью» моего занятия. Насмешки, конечно,

*Вход в алтарь Одигитриевской церкви.
Фото 1880-х годов.*

до меня не доходили. Я, по-видимому, вживался понемногу и во внутренний, духовный смысл религиозного обряда и молитвословия. Храм стал мне дорог и близок. Проходя «к себе» в алтарь и минуя большую, черноликую, в золотой ризе икону святителя Иннокентия, иркутского чудотворца, расположенную налево от северных врат, я уже глядел на него, бывало, как на доброго старого знакомого.

В Богородской церкви я любил ещё икону Богоматери, украшавшую правый клирос в нижнем этаже храма. Кажется, это была копия Иверской, а может быть, даже самой Владимирской Божьей Матери. Нежное лицо такой внутренней красоты и одухотворённости, что, смотря на него, человек уже делался лучше. К тому же икона была покрыта чудной работы серебряной, позолоченной ризой, украшенной драгоценными камнями: рубинами изумрудами, топазами, может быть, и поддельными, но всё же очень красивыми. Увы! Историческая Богородская церковь, где в 1857 году произошло венчание Ф.М.Достоевского первым браком со вдовой «корчемного заседателя» Марьей Дмитриевной Исаевой, рождённой де Констан, церковь эта со всем заключённым в ней богатством сгорела в 1919 году. Она подожжена была, как мне рассказывали при моём посещении Кузнецка летом 1959 года¹⁰⁵, в смутный период после падения колчаковщины, пока новая советская власть в городе не была ещё установлена, неизвестно откуда появившейся разбойничьей бандой «роговцев». Вожак этой банды Рогов называл себя анархистом. Говорили, будто он был сын священника, разочаровавшийся в православии и «мстивший» церкви. «Мечь» выразилась в том, что разгромлены и сожжены были Богородская, кладбищенская Успенская и Крепостная церкви. Из парчи и шёлка бандиты шили себе штаны и рубахи. Попутно они устроили бесчеловечную резню в городе, истребив множество незащитных граждан, в частности, священников, купцов и членов их семей. Таковы были плоды анархии, безвластия – принципа, после страшной кузнецкой катастрофы сильно в моих глазах скомпрометированного¹⁰⁶.

Однажды произошёл со мной в церкви, как это ни странно,

комический случай. Кажется, на третий год моего церковнослужения, т.е. когда мне было лет 9 и когда я уже поднаторел в исполнении своих обязанностей, в том числе также и в чтении, отец Виссарион возложил на меня однажды чрезвычайное и ответственное поручение, а именно: в день всеобщего причастия прочесть после обедни длинные «благодарственные молитвы», которые обычно я читал только одному священнику в алтаре, всем собравшимся в церкви богомольцам. Чтобы представить всю исключительность этого поручения, не сведущий в церковных делах читатель должен учесть следующие три обстоятельства: 1) то, что до сих пор не только у нас в Богородской церкви, но и в соборе и во всех церквях вообще публичное чтение «благодарственных молитв» всегда проводил псаломщик, т.е. человек уже исключительно опытный в такого рода вещах; 2) то, что в день всеобщего причастия церковь бывает – и в данный день, действительно, была – совершенно переполнена народом, притом (это касалось особенно дам) разодетым в пух и прах (пальто и шубы снимались); и, наконец, 3) то, и самое главное, что читать эти «благодарственные молитвы» надо было не так, как какие-нибудь «часы» утром, в полупустом ещё храме, спрятавшись в уголок на клиросе, а с аналоя, поставленного у левого клироса на амвоне¹⁰⁷, и при том лицом к слушателям, т.е. ко всей церкви!

Вот теперь и посудите, легка ли была эта задача для 9-летнего мальчишка! Конечно, я уже отлично ознакомлен был с текстом «благодарственных молитв», которые в алтаре для о.Виссариона читал каждое воскресенье и которые выучил почти наизусть; кроме того, о.Виссариону нравился, может быть, мой чистый, детский голосок и пр., и пр., но ...

Я не знал, как решиться. Однако о.Виссарион настаивал на своём:

– Ничего, читай, читай!..

Что делать! Маленький проповедник, я вышел перед собрание. Сотни глаз глядели на меня со всех сторон, удивляясь, наверное, что такому молокососу поручили исполнение обязанностей псаломщика.

Тишина и ожидание. Я начал чтение довольно ясно и до-

вольно громко. Но чем дольше я читал и чем больше чувствовал на себе сосредоточенное внимание публики, тем более мои собственные мысли приходили в расстройство. Наконец, я (по рассказам) покраснел, как рак, оборвал очередную фразу на полуслове, повернулся к слушателям спиной и стремглав кинулся в алтарь, к себе «домой», ища там спасения.

Псаломщик Никандра вышел к аналою, стал на моё место и дочитал за меня молитвы.

О.Виссарион нимало мне не попенял и только добродушно посмеивался в свою длинную русую бороду.

Отмечу ещё одну забавную подробность из истории моего детского увлечения церковью. Она может относиться, по-видимому, только к самому первому времени этого увлечения, пока я действительно не перестал быть ребёнком в полном смысле.

У детей действительность часто переходит в их игры, потому что в действительности они во многом живут фантазией, а игры часто имеют для них значение полноценной действительности.

Так вышло у меня и с церковью. Как играли мы в детстве «в библиотеку», «в школу» (т.е. одни «играя» учили, а другие так же «играя» учились, причём всё это было вовсе не без пользы), также и церковь перешла в мои игры. Именно, не довольствуясь посещениями храма настоящего, я стал дома сам «играть» в богослужения. Накинув на себя на подобие ризы одеяло, я расставлял на «престоле», которым служил стол в гостинной, церковные сосуды, изготовленные мною из свинцовой бумаги от чая или от шоколада, брал себе какое-нибудь самодельное «кадило» на верёвочке, ставил брата Колю-«псаломщика» в угол за кресло, т.е. «на клирос» и совершал богослужения. Читал ектении¹⁰⁸, причём Коля пел «Господи, помилуй», кадил, приобщался и приобщал и т.д. Если бы вы сказали при этом, что на моём лице во время такого импровизированного детского богослужения появилась хоть одна легкомысленная улыбка, то вы бы жестоко ошиблись. И я, и Коля совершали их с той же истовостью, с какой их на наших глазах совершили действительные, «всамделишные» священник и псаломщик в настоящей, «всамделишной» церкви.

Граница между вымыслом и реальностью, между фантастическим и настоящим тут для детского сознания была гораздо менее заметной и ощутимой, чем это может казаться теперь нам с вами. Я, во всяком случае, отнюдь не кощунствовал, а молился дома так же или почти так же, как молился и в церкви.

Каково же, в конце концов, было влияние о.Виссариона и церкви на мальчика, волею судеб попавшего в их орбиту? Полагаю, что в общем благотворное. Что касается иррационального в церковном миропонимании, то я справился с ним позднее. Естественно, что ребёнок, и независимо от того, стоял ли он близко к церкви или далеко от неё, самостоятельно мыслить и самостоятельно справиться с церковно-богословскими проблемами ещё не мог. Нравственный же мой мир и элементарные моральные представления церковь могла только укрепить, как оно и случилось на самом деле. О.Виссарион очень восставал, например, против ругани и ругательств у ребят, если ему случалось иной раз обличить их в этом. Один раз он услышал, как я после исповеди и ещё до причастия обругался на паперти «чёртом». Боже, что тут было! Хотел причастия лишиться. «Разве язык дан Богом человеку для того, чтобы скверные слова произносить?!» – гремел о.Виссарион. На меня это произвело впечатление. «А ведь и в самом деле, Бог не мог дать для этого язык человеку!» – говорил я потом самому себе. И уж не знаю, потому или не потому, но только никогда в жизни не употреблял я грубых ругательств, да и от произношения более или менее невинных и обычных по возможности себя удерживал. Были и другие добрые стимулы со стороны церкви, например, в отношении милостыни и помощи бедным и т.д.

В руках церкви было ещё одно великое средство воздействия на души – это религиозная литература. Но наши провинциальные и, может быть, уже в значительной степени засосанные обывательским болотом священники никогда к этому средству не прибегали. В притворе верхнего этажа Богородской церкви стоял большой стеклянный книжный шкаф с книгами. Сквозь стёкла можно было разглядеть названия: «Четьи-минеи», книжки «Русского Паломника» за старые годы. Но я не видал, чтобы священник и псаломщик

.....

хотя бы раз открыли этот шкаф и взяли из него что-нибудь сами или дали почитать другим.

Меня интересовали «Четьи-минеи». Я уже знал, что это жития святых, а с житиями некоторых святых я познакомился из маленьких книжечек, продававшихся в лавчонке Фамильцевых. «Филарет Милостивый», «Иоанн Воин», «Фабиола» и другие подобные книжки, изданные (какой парадокс!) толстовским «Посредником», глубоко тронули и заинтересовали меня. Продолжение их я и надеялся найти в «Четьих-минеях». Много раз просил я о. Виссариона дать мне почитать «Четьи-минеи», но он как-то пренебрегал моей просьбой. Может быть, считал меня ещё слишком малым. Я, однако, настаивал. Отец Виссарион, наконец, разыскал ключ, осведомился, когда я именинник, и, узнав, что 24-го апреля, выдал мне апрельский том «Четьих-минеи», включавший среди других также житие святого мученика Валентина. Гордый, что мне доверили такую объёмистую, такую внушительную, хорошо переплетённую книгу, шёл я домой, хвастаясь ею по дороге мальчишкам. «Четьи-минеи» произвели на меня очень сильное впечатление. Не только история бывших военных Пассикрата и Валентина, отказавшихся служить в войске римского кесаря на том основании, что они стали «воинами царя небесного», и обезглавленных за это¹⁰⁰, но и ряд других житий глубоко меня тронул. «Как хорошо быть мучеником за веру!» – думал я, и моё собственное «я» наряду с этим незримо и подспудным образом понемногу зрело, складывалось и оформлялось.

Добавлю, что никакой особой реакционно-политической пропагандой церковь в Кузнецке никогда не занималась, и ничего в этом роде с её стороны я решительно не помню. Обязательные молебны в царские дни, конечно, не в счёт. Другое дело – хитроумный епископ Макарий в Томске. Тот, по-видимому, на то и был поставлен.

Одновременно с церковным источником религиозного влияния был ещё один, связанный со школой. Именно благодаря одному исключительному событию в жизни школы я ещё мальчиком 8 лет познакомился с Евангелием. Церковь мне Евангелия к само-

.....

.....

стоятельному усвоению не предлагала.

Событие, о котором я говорю, был переход приходского училища в новое здание. Это произошло, помнится, когда я состоял во втором отделении, в начале учебного года, т.е. в августе 1895 года. Новое и тоже каменное здание построено было для обоих кузнецких приходских училищ, мужского и женского, городским старостой Поповым. Здание было двухэтажное: вверху помещалось женское училище, внизу – мужское. Попечителем мужского училища состоял Попов, попечительницей женского – его жена Елена Васильевна. В мужском училище висел на почётном месте портрет самого попечителя, в женском – попечительницы. Попов получил за постройку училища большую золотую медаль на шею, а мы, кузнецкая детвора, хорошее и просторное помещение школы¹¹⁰.

В день открытия после молебна в церкви все ученики и ученицы собрались в обеих школах, и тут произошла дополнительная

.....

Здание Кузнецкого приходского училища на Базарной площади (на фото – первое слева). Фото 1890-х гг.

.....

часть торжества, а именно: учитель вызывал всех учеников по алфавиту, и они должны были подходить к строителю и попечителю школы Попову, а тот вручал лично каждому из нас коробку конфет и прекрасное большого формата синодальное издание Евангелия в лакированном чёрном коленкором переплёте с тиснением. Мы благодарили и отходили в сторону...

Наверху такой же раздачей Евангелия и конфет девочкам занималась одновременно жена Попова.

Не знаю, кто внушил Попову эту мысль о раздаче книг и конфет. Я, во всяком случае, был ему благодарен за подарок тогда да благодарен и теперь. Кинуть Евангелие в двух-трёхстах экземпляров в среду кузнецкой молодёжи, в общем грубой, малокультурной и смолоду развращённой бедностью и отсутствием правильного воспитания, – это всё-таки кое-что значило. И почему бы, в самом деле, читая «Блюхера» и «Милорда глупого»¹¹¹, тогдашняя кузнецкая молодёжь не могла ознакомиться и с жизнью и учением Иисуса?

Я решил тотчас читать книгу и непременно прочесть её всю до конца, что и выполнил. Помню, залезал в большое кресло в гостиной и углублялся в Евангелие. Сначала шло тяжело: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его, Иуда родил Фареса и Зару от Фамари»... Но потом изложение сделалось интересное. Очень волновали драматические страницы о страданиях и смерти Христа. С мыслями его, особенно если они были выражены не в притчах, а в отвлечённой форме, опять начинались трудности. Большое беспокойство внесло в мою душу одно место, а именно стихи 31 и 32 в 12-й главе Евангелия от Матфея: «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человекам; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сём веке, ни в будущем». Категоричность этих формул страшила меня и даже вызывала протест в душе. Конечно, я понимал тогда Духа Святого исключительно как третье лицо Пресвятой Троицы, а под Сыном Человеческим разумел её второе лицо – Христа. И мне было непонятно: почему же

.....

.....

можно хулить на второе лицо и нельзя хулить на третье? И как это так: «не простится ни в сём веке, ни в будущем?» А если я всё-таки обругаю этого недотрогу «духа святого», изображение которого в виде голубя имеется во всех наших церквах? Скажу ему (и я говорил это мысленно): «Ты – дурак, ты – глупый, пошёл к чёрту!» Значит ли это, что я так уже и погиб навсегда и непременно попаду в гиенну огненную? Это – несправедливо!..

И не то несправедливо, что я буду наказан, а то, что почему-то только именно «дух святой» ограждён такими страшными закланиями. В этих угрозах неминуемой гибели за какую-то там «хулу», может быть и несерьёзную, мне чувствовалось проявление какого-то неуместного со стороны божества деспотизма и слепой мстительности. Против них-то детское сердце и протестовало.

Но всё-таки я понимал, что я совершаю страшное преступление, восставая на Бога, хотя бы только в третьей его части – в лице этого своевластно «забронированного» против всякой обиды со стороны человека Духа Святого. Я ходил мрачный. Дух Святой не выходил у меня из головы.

– Мама, – жаловался я матери, – я всё думаю о Боге. Как бы мне сделать так, чтобы не думать о Боге?

Та очень удивилась:

– Но почему же ты не хочешь думать о Боге?! Это очень хорошо – думать о Боге.

Я молчал. Я не смел сознаться матери, что я посылаю «духа святого» к чёрту.

Тогда же или ещё раньше поставили меня к лицу перед неразрешимой религиозной проблемой мои товарищи, если не ошибаюсь, кажется, старший из братьев Пановых – Яков, шустрый и озорной до крайности. Проблема такая: «Может ли Бог сотворить такой камень, который бы ему самому не поднять?» Это, конечно, одна из тех «неразрешимых» проблем, которыми занимались средневековые схоласты. Как она добралась до Кузнецка, бог ведаёт! С точки зрения церковно-догматической, представляющей Бога личностью, наподобие человека, а творение – каким-то престиди-

.....

житаторством¹¹², эта проблема о Боге, борющемся с созданным им самим камнем, конечно, неразрешима, – и вот, мы, дети, застреваем безнадежно в этом логическом тупике.

Но всё же настроение моё в детстве было глубоко религиозное. Я мечтал «пострадать за веру», готовился в подвижники, в священники, в монахи.

Летом 1896 года, накануне Троицына дня, скончался мой отец, проболевший только три дня. Трудно даже сказать, от какой болезни он умер. Ему было 72 года. Он уже заметно одряхлел. Видно, просто пришло время расстаться с жизнью.

Перед смертью папа всё поворачивал голову назад и глядел в окно, расположенное за изголовьем его постели, точно прощался со светом. «Mehr Licht!»¹¹³ – вспоминается мне гётовское восклицание перед смертью. Ах, свет!.. И почему ты нам дан на более короткий срок, чем дереву и черепахе?!

В день смерти отца я зашёл в маленькое зальце во флигеле, где он умер. Папа – мёртвый, обнажённый сидел на скамейке, опустив на грудь седую голову. Одна старуха поддерживала покойника за плечи, а другая обмывала его голое тело.

Это было бы страшно, если бы это был чужой, но в ту минуту я со всей силой чувствовал свою внутреннюю связь с отцом – и испытал лишь благоговение. Отец как бы говорил мне со своей скамейки: «Ну, вот видишь, я кончился, и меня снаряжают в путь, откуда нет возврата... Теперь живи ты!..»

В Духов день отца хоронили. Похороны были торжественные. Множество народа присутствовало на отпевании в соборе и провожало гроб до могилы. Путь на кладбище усыпан был хвойными ветвями и цветами, которых было собрано для этого несколько корзин. Впереди несли ордена. Около нашего дома отслужена была лития. На могиле произнесена речь. После похорон для духовенства и многочисленных знакомых устроен был в зале большого дома поминальный обед. И мать, и мы, дети, очень горевали.

Особенно несчастны были Лена и Коля, дети от второго брака отца, ставшие теперь полными сиротами. Горе их усугублялось

Степан Егорович Попов – кузнецкий 2-й гильдии купец, городской староста. Фото начала 1890-х годов.

ещё тем, что они только на один день опоздали приехать на похороны из Томска, где учились, – Лена в женской и Коля в мужской гимназии.

Весной 1897 года я окончил приходское училище с похвальным листом. На выпускном экзамене к великому удивлению главного экзаменатора о.Виссариона и самого учителя я прекрасно ответил и по арифметике. Я никогда не учил её. Нужные сведения как-то сами накопились в голове. Мать расплакалась над моим похвальным листом, сожалея, что отец не дожил до этого успеха сына.

Дальше я продолжал своё образование в 1-м классе Кузнецкого уездного училища, хотя и решено было заранее, что проходить до конца это училище я не буду, а по окончании 1-го класса перейду в 1-ый класс Томской гимназии. Мать хотела только, чтобы я поступил в гимназию более умственно и физически окрепшим, на год позже.

*Здание Кузнецкого уездного училища
(на фото – первое справа). Фото 1890-х гг.*

В уездном училище как-то резко выделились типы учителей и учеников. Смотрителем училища был Иван Семёныч Шунков¹¹⁴, бывший папин ученик, человек лет 45-ти с благообразной физиономией, довольно спокойный и благожелательный. О нём, впрочем, говорили: «Спереди блажен муж, а сзади – вскую шаташеса». Непроверенных сплетен об этом деятеле кузнецкой педагогики передавать не буду.

Русский язык преподавал учитель Крейтер¹¹⁵, кажется, из крещеных евреев. Тоже уже немолодой человек, невысокого роста, коренастый, с чёрными бровями и усами. Отличный исполнитель роли Яичницы в «Женитьбе» Гоголя. Самое яркое воспоминание из всего спектакля, который я видел в детстве на сцене кузнецкого Общественного собрания. С тех пор я иначе, чем в крейтеровом толковании Яичницу не могу себе представить, и все другие Яичницы меня не удовлетворяют.

Молодой учитель Черепанов¹¹⁶ преподавал географию и гимнастику, а также руководил ученическим хором. Это был форменный истерик, хотя и стоящий по образованию, привычкам и манерам гораздо выше кузнецкой учительской среды. Характер его виною тому, что вот его уроков географии я абсолютно не помню, а зато все его неуместные истерические выходы помню. Особенно осталось памятным, как однажды на общем для всех трёх классов уроке гимнастики в большом училищном зале худощавый, долговязый, белобрысый и близорукий с очками на носу Черепанов, будучи взбешён тем, что в задних рядах кто-то из великовозрастных учеников улыбнулся, совершенно забылся. Он завизжал, как сумасшедший, ринулся вперёд наперерез всех рядов, расталкивая учеников кулаками и локтями, к провинившемуся, судорожно схватил его за руку или за шиворот и весь дрожа выволок «перед фронт». Ничего подобного ни в школе, ни вне её молодые, грубоватые, но простые духом и здоровые нервами кузнецкие никогда не видали! Авторитету учителя в наших глазах такое поведение способствовать, конечно, не могло.

Правда, была особая причина, почему Черепанов так разозлился и не сдержался. Правильная гимнастика была новостью для

Кузнецка – новостью, привезённой именно Черепановым, и почти каждый приём её смешил кузнецких ребят своей невиданной ещё ими и непережитой искусственностью. Почти что произвольные смешки в рядах на уроках гимнастики были потому довольно частым явлением, и Черепанов не мог их сразу остановить своими разъяснениями и нотациями. Вот это-то, наконец, вывело его из себя. Лично у меня происходили постоянные столкновения с Черепановым из-за того, что он принуждал меня посещать спевки учебного хора, куда меня взяли в альты, а я предпочитал время спевок проводить в странствиях по горам.

Математика в уездном училище находилась в руках молодого и красивого, с чёрной круглой бородкой и живыми чёрными, цыганскими глазами учителя Ивана Ильича Чебыкина¹¹⁷. Это был хороший знакомый нашего дома и член маминого кружка. Близость его к нам увеличилась с тех пор, как он женился на барышне Пановой, сестре моих товарищей. Чебыкин был общительный и весёлый человек, гитарист, певец и мастер картёжной игры. Этому симпатичному гражданину и плохому психологу детской души я обязан зарождением во мне зачатков тщеславия, столь губительного для смертных. Иван Ильич называл меня не иначе как «Валентин Прекрасный». Валентин Прекрасный, Валентин Прекрасный... Мальчик слышит это раз, два и три. Сначала не придаёт этому значения, скорее, даже сердится, точно его обзывают обидным словом. Но потом понемногу начинает прислушиваться к странному обращению. Оно уже звучит как будто лестно, и детское ухо воспринимает его с удовольствием. Ну, а затем ему уже начинает казаться, что он и на самом деле «прекрасный»! Маленький и сначала кажущийся таким несущественным шажок от детского целомудрия души к самолюбанию уже сделан, а там, глядишь, понемногу начинает пухнуть самолюбие... Скверная история!.. Взрослым, а тем более педагогам надо быть осторожными с похвалами и лестью, расточаемыми им и детям.

Закон Божий в уездном училище преподавал о.Виссарион, который так же, как и в приходском училище, почти совершенно не показывался на уроках. Все вообще уроки шли вяло, по трафа-

Иван Семёнович Шунков. Смотритель Кузнецкого уездного училища. Отец академика Виктора Ивановича Шункова. Фото начала XX в.

ретен. Учителя относились к своим обязанностям более или менее добросовестно, но выдающихся педагогов, талантов среди них не было. Помню общую рождественскую ёлку в уездном училище, тоже не обошедшуюся без благотворительной помощи со стороны кузнецкого «каннитферштана»¹¹⁸ Степана Егорыча Попова, литературно-вокальное отделение, в котором и я принимал какое-то участие, скромные подарки и ... весьма комическую речь смотрителя Шункова, состоявшую почти из одних только «э...э...э...».

В особую заслугу ставлю училищу, что показало нам фонограф.

Товарищами моими были скромные, обычно бедно одетые ребята из небогатых и совсем бедных кузнецких семей, в частности, «из-под Горы» и из Слободки, т.е. из демократических районов. Многих из них я и сейчас представляю как живых, помню их имена и фамилии. Рядом со мной сидели способнейшие мальчишки-самородки Петя Васильев, сын старика городского, и Петя Осипов, сын крестьянина. Оба полны были жажды учиться, мечтали о гимназии, но знали наперёд, что гимназия родителям их будет не по карману. Я и тогда очень сочувствовал их положению, но был бессилен помочь. Знаю, впрочем, что оба делали нечеловеческие усилия подняться из кузнецкого, сказал бы, интеллектуального небытия и, в конце концов, кое-чего достигли.

На каком уровне оставались те из ребят, которым не удалось даже хоть немножко приподняться над кузнецким мещанским болотом, свидетельствует хотя бы такой факт.

Я посетил родной, любимый город в последний раз перед 45-летней разлукой летом 1914 года, как раз перед самым началом Первой мировой войны. Невдалеке от нашего дома повстречал молодого, бедно одетого мужчину, в котором тотчас признал одного из бывших своих сотоварищей по уездному училищу. Радостно его приветствовал. Разговорились. Кузнечанин рассказал и о других наших соучениках, а потом спросил:

– А ты был управляющим у графа Толстого?

– Не управляющим, а секретарём, – ответил я улыбаясь.

– Ну, и что же, здорово хапнул?

Я раскрыл рот и сначала от удивления ничего не мог промолвить.

– То есть как это – «хапнул»? – выдавил я из себя, наконец.

– Ну, то есть денег? Много ли получил?

– Ничего не получил.

– Как так?!

– Да так! Мне предложили, но я отказался. Я работал у Льва Николаевича Толстого из сочувствия тому делу, которому он служил. Мы были одной веры.

Тут уже мой бывший товарищ разинул рот, ничего не понимая.

В то же лето в том же Кузнецке богатая купчиха спросила меня, сколько я буду получать в качестве помощника хранителя Толстовского музея в Москве, и, когда я назвал более чем скромную сумму, была совершенно разочарована – во мне, в музее и в Москве.

В Кузнецке всё ценили на деньги.

ВЕНИАМИН ФЁДОРОВИЧ БУЛГАКОВ

В ТОМ ДАВНЕМ
КУЗНЕЦКЕ

*Кузнецк.
Фото 1920-х гг.*

ЧАСТЬ I
ДАЛЁКОЕ ДЕТСТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Детством я называю первые семь лет жизни человека. Своё детство я называю «далёким», потому что мои детские годы были прожиты в Сибири, в городе Кузнецке, откуда я уехал шестьдесят лет тому назад в 1904-м году. Моё детство окончилось в 1896-м году, а я вспоминаю свои детские годы только теперь, через 67 лет. Вот как далеко-далеко унесло меня время от моего детства!

Память моя ослабла и кажется мне очень капризной, так как она иногда очень ярко сохраняет незначительные моменты годов моей семилетней жизни и, наоборот, никак не хочет подарить мне подробности очень важных событий моего детства...

Вот почему я прошу своих юных читателей простить меня за некоторые скучные странички этой книжки и за мои краткие описания более важных событий... Уж очень давно это было, когда я бегал маленьким пятилетним или семилетним мальчиком по нашим комнатам отцовского домика, по нашему двору, поросшему травой, по нашим улицам маленького городка Кузнецка, Томской губернии. Это было с 1889-го по 1896 год.

Мы тогда не знали, что такое электрическая лампочка, и наши комнаты освещались сальными свечами, изредка стеариновыми свечами, а потом уж керосиновыми лампами, которые считались у нас предметами роскоши. А газовых плит или электроплит и в помине не было!

Мы не только не думали, что когда-нибудь по улицам нашего городка будут бегать автомобили, автобусы, троллейбусы или ходить трамваи, но мы в первые семь лет своей жизни увидели на улице Кузнецка только один двухколёсный велосипед. Эту «маши-

ну» мы, как дикари, считали чудом человеческих рук. Мы бежали за велосипедистом и жадно завидовали богатому хозяину этой «машины»...

В эти годы моего детства мы, кузнецкие ребята, не видели ни паровоза, ни парохода, ни самолёта! Вот почему эту историю своего детства надо бы назвать не только «далёким детством», а «далёким-далёким» детством... Я пишу эту историю своего детства в 1963 году, почти семьдесят лет спустя.

Меня можно считать как бы пришельцем из того далёкого времени, в которое жил наш скромный город Кузнецк с его тремя тысячами жителей.

Теперь, в 1963 году, мой родной городок превратился в один из гигантов городов Сибири. И никогда уже не повторятся как моё скромное детство в городке на реке Томи, так и скромная прошлая жизнь моего родного городка.

Я переживал тогда в Кузнецке детство и отрочество своей жизни, а город Кузнецк переживал своё детство, хотя ему было тогда почти триста лет.

И как мне не вернуть своего детства, так не вернётся назад и прошлая жизнь моего родного сибирского гиганта с его индустриальной мощью. Но я радуюсь, что моему родному Кузнецку предстоит жить ещё много столетий...

Пусть же моя детская повесть войдёт маленькой страничкой в будущую многотомную историю моего родного Кузнецка.

ГЛАВА I САМОЕ РАННЕЕ

Помню, что случилось весной солнечным днём. Мне было около трёх лет. Моя няня, старушка Акулина Дмитриевна, посадила меня на подоконник столовой комнаты, обращённой двумя окнами в сторону двора, окружённого нашими строениями: домом, амбаром, флигелем и сараем.

Посередине двора, поросшего травой, стояла окружённая квадратной изгородью из жердочек двадцати-двадцатипятилетняя сосёнка.

Мы с няней смотрели на прыгающих по изгороди и веткам сосёнки проворных воробьёв. Мы видели, как отец с плотником исправляли крыльцо у амбара. Тут же мои два брата бежали по двору от сарая к флигелю и обратно. И вдруг я увидел, как плотник с отцом разобрали жердочки изгороди, и плотник начал топором подрубать молодую сосёнку... Полетели свежие щепки молодого деревца, и оно рухнуло на зелёную траву.

Я закричал, заплакал и начал царапать ручонками оконное стекло... А няня меня утешала... Мне было больно смотреть, как упало деревцо, как стало вдруг пусто на дворе, не стало сосёнки, не стало изгороди вокруг неё... Я плакал, но лучше няни никто не мог утешить меня.

Няня взяла меня на руки, перенесла в детскую, посадила тоже на подоконник и стала пальцами барабанить в стекло... Из окна детской мы начали смотреть на берёзы, на старую ель, на беседку с её белыми столбиками... Тут в садике перед детской ещё задорнее чирикали, гоняясь, шмыгая по веткам кустов малины, драчливые весенние воробьи...

Годы прошли, а память моя сохранила мне печальную смерть свежего, стройного молодого деревца, стоявшего во дворе

и так безропотно одиноко погибшего под ударами топора в день светлой весны.

Может быть, от этого первого впечатления о гибели сосёнки во мне живёт до сих пор жалость ко всем часто безрассудным порубкам деревьев, особенно молодых.

И прямо скажу, что мне не нравятся разукрашенные новогодние ёлки, потому что этот старинный обычай несёт ежегодное уничтожение миллионов зелёных молодых ёлок во многих странах мира.

ГЛАВА II ГНЕЗДО

По нашей сибирской реке Томи весной после ледохода в половодье постоянно сплавлялся с верховьев строевой лес. Сибирские лесные великаны: ель, сосна, лиственница и другие деревья сплавлялись в Кузнецк и мимо Кузнецка в низовья реки, до Томска и дальше. Из этого леса отец мой, поработавший учителем более тридцати лет, сумел поставить в городе на Соборной улице деревянный дом.

Фундамент дома был кирпичный. Дом строился в 1884-м году.

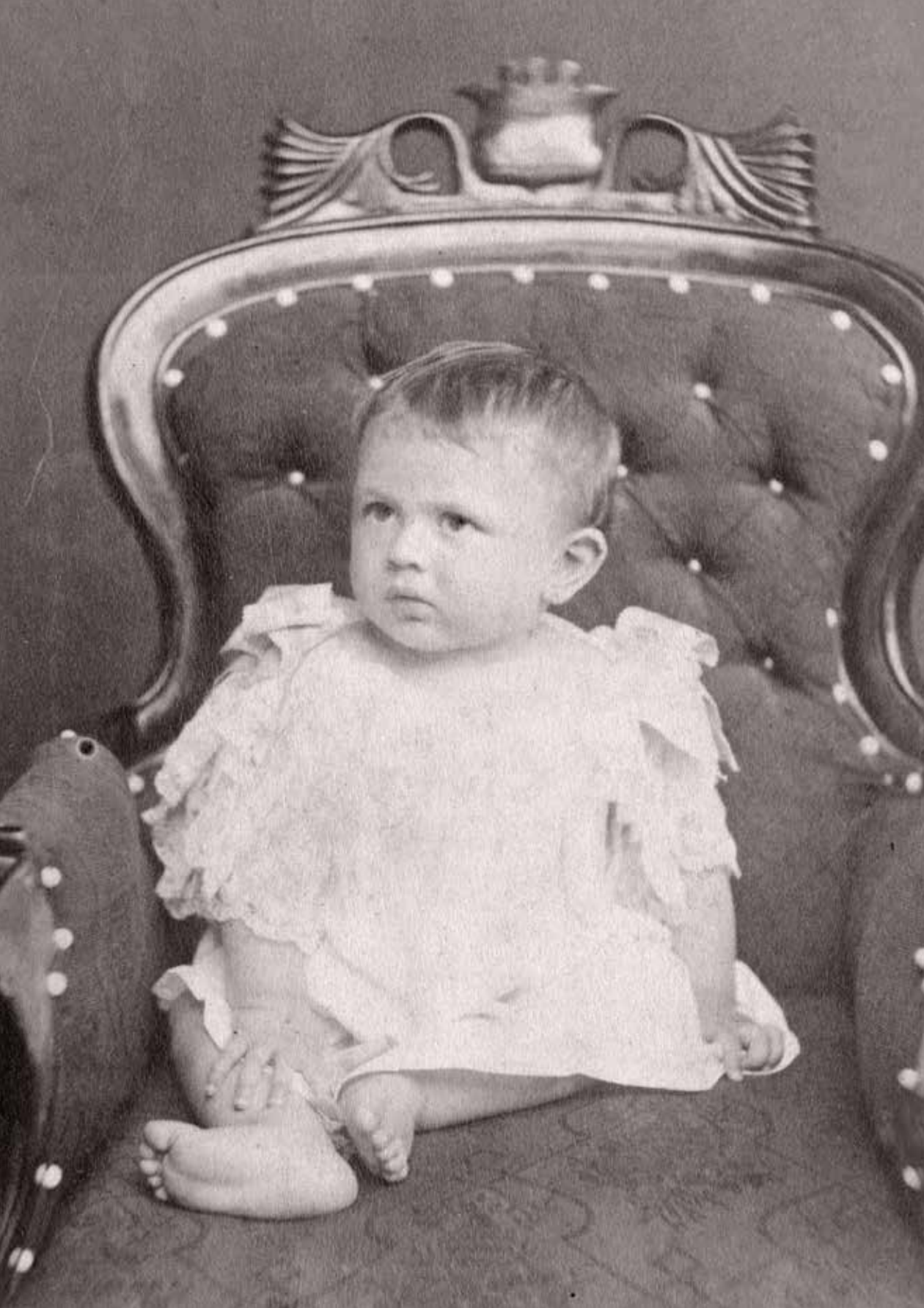
Сегодня, в 1963 году, этот дом красуется на улице Луначарского, под № 17, с вывеской «Аптека № 9». В доме разместились, кроме аптеки, некоторые её работники. В подвале дома оборудован склад аптекарских товаров и медикаментов.

Квадратура нашего дома осталась прежней, новыми являются только некоторые перегородки старых комнат, переделки парадного хода да устройство подвального склада медикаментов.

И теперь через 80 лет, когда дом ни разу не ремонтировался, венцы основного сруба не берёт топор – до того крепко окаменели

*Вениамин Булгаков.
Фото 1891 г.*

*Аптека № 9 по ул. Луначарского – бывший дом
Булгаковых в Кузнецке. Фото 1959 г. ➔*

эти старые брёвна!

Дом смотрел фасадом на улицу сквозь молодую зелень берёз и тополей.

По тёсовой крыше дома воздвигнут был тонкой столярной резьбы парапет, а палисадник с кустами малины радовал взор красной узорчатой оградкой.

На улицу смотрели шесть окон дома, а справа выдавалось на улицу нарядное парадное крылечко с разноцветными стёклами в боковых своих рамах.

Наш дом среди четырёх сотен построек тогдашнего захолустного Кузнецка мы считали не последним в дюжине домов города. Мы любовались и гордились своим гнездом...

Встают в памяти наши комнаты с пёстрыми деревенскими домоткаными половиками-дорожками, сотканными из разноцветных кручёных хлопковых тряпочек.

В нашем доме было шесть жилых комнат, один тёмный чулан и передняя, её мы называли «прихожей».

Братья Булгаковы и их друзья (на фото слева направо: второй – Веня, третий – Валя, четвёртый – Коля). Фото около 1900 г.

Угловой комнатой дома с окном во двор и двумя окнами в «беленький садик» с беленькой «беседкой» была наша детская... Здесь вырастали, догоняя один другого, все дети нашей семьи: Лена, Коля¹¹⁹, Валя, Веня и Надя. Размером детская была около 20 кв. метров.

В детской стояли четыре кровати, а когда родилась младшая сестра, для неё поставили зыбку-качалку.

Всех детей выхаживала старая нянюшка Акулина Дмитриевна из близкого к городу села Бунгура. Рядом с зыбкой стоял в детской длинный синий сундук няни с её постелью и красной подушкой.

Крашенный жёлтый пол детской застилался всегда полосатым в несколько рядов половиком, вытканым из цветных лоскутов. В простенке между окон висело старенькое дешёвое зеркало в широкой коричневой оправе. Под зеркалом – стол для кубиков, кирпичиков и других игрушек; тут же хранилось нянино шитьё детского – к починке платья. В углу, возле окна находился небольшой гардероб, из которого мы извлекали чиновничью парадную

треуголку отца и его коротенькую шпагу и часто вечерами перед сном в ночных рубашках маршировали поочерёдно в этой треуголке со шпагой в руке по детской. У стены в сторону двора стоял табурет, на котором всегда находился умывальный таз с укреплённым над ним медным умывальником.

В детской было нам тесно, но мы её любили больше других комнат ещё и за то, что рядом находился чулан, который мы называли «тёмной»; это была центральная комнатка дома величиной не более восьми квадратных метров.

В эту тёмную комнатку свет проникал только через растворённую дверь из детской. Забравшись сюда со своими друзьями-ребятами и затворив наглухо дверь в детскую, мы располагались на разостланном на полу мягком войлоке и начинали повествовать друг другу всякие были и небылицы.

Темнота располагала всегда к беседам о страшных разбойниках, об утопленниках, об охотниках-медвежатниках, о случаях просыпания мнимых покойников, захороненных в состоянии летаргического сна. Теснота помещения, теплота от двух стенок печей, духота очень способствовали разгорячённой фантазии рассказчиков. Особенно отличался своими необычайными историями с прибавлением собственных вымыслов наш головорез Яша Конов, вскоре поступивший в первый класс одной из петербургских гимназий. Другой рассказчик умел мастерски передавать нам истории, вычитанные из копеечных книжек и сказочных лубочных картинок. Наслушавшись страшных рассказов, видишь потом во сне огромные глаза «разбойника», в руках которого блестит кинжал. Хочется убежать от кошмарного призрака, а ноги, как налитые свинцом, не в силах сделать движения. А страшный тать наползает, поднимает руку с кинжалом... Сердце стучит часто-часто. Из груди выдавливается глухой вскрик... и сон прерывается. Значит, кошмарный разбойник-убийца явился только во сне. Повернувшись удобнее на другой бок и потирая одеревенелую от неудобного спанья ногу, поскорее вновь смыкаешь глаза, чтобы поскорее заснуть и забыть злого кинжальщика.

Соседними с детской были столовая комната – в сторону

двора – и спальня матери, узкая длинная комната с одним окном на улицу и другим – в сторону садика. В столовой находились: посередине – большой длинный стол, треугольный столик в углу и старый буфет у стены; кроме того, у стола и по стенам – десяток простых стульев с деревянными спинками. На одной из стен висели часы-ходики с двумя гириями, которые и теперь тикают в моей комнате!

В спальне матери стояли кровать, туалетный столик с зеркалом и четыре стула. Чтобы веселее проходила наша игра «в догоняшки», мы раскрывали все двери наших комнат и бежали из детской в спальню матери, отсюда в гостиную с овальным столом и четырьмя креслами, с маленькими двумя столиками в простенках между тремя окнами на улицу. Из гостиной вбегали в зал с его тремя окнами на улицу, со столиком, на котором стоял наш «герофон» – музыкальный ящик, сродни старинным шарманкам; по стенам зала чинно располагались десятка два стульев, и к одной стене был всегда примкнут узкий длинный стол, служивший для гостей буфетом, с винами и закусками, на началах «самообслуживания».

Из зала наша детская ватага проскакивала «переднюю» или «прихожую» и, оставляя в стороне комнату-«турик», кабинет-спальню отца, вбегала в столовую, дверь из которой в детскую была всегда открыта. На этот кольцевой пробег шести комнатушек нам приходилось расходовать десятка два-три детских шагов.

Прибежав в свою детскую комнату, мы открывали за железное кольцо люк, сделанный посередине комнаты, и один из нас спускался по лесенке «в подполье» и торжественно доставал из этого тёмного холодноватого склада овощей или огромную брюкву, или жёлтую сладкую репу, или две-три морковки.

Няня давала нам тёрку, тарелку, и вскоре вырастали перед нами кучки натёртых витаминных огородных блюд. В нашем подполье хранились ещё редька и картошка. Мы тогда в Кузнецке совершенно не знали, что такое яблоки, груши, апельсины, лимоны и мандарины. Нас кормила своими дарами родная сибирская огородная земля.

ГЛАВА III НА ХОЛМАХ НАД ГОРОДОМ

Я вспоминаю лазурное, голубое небо с плывущими клубами облаков. Облака время от времени закрывают жаркое солнце, своими теснинами увеличивая необъятную небесную глубину.

Мы – резвые дети. Мы взбежали на холм, где стоит с 18-го века наша старая с пушками крепость – гордость города Кузнецка. Как часто-часто бьётся сердце, как глубоко дышит грудь, ощущая в себе живительные приливы бодрости и веселья! Детской гурьбой гоняемся мы друг за другом по склону пологого холма и по его вершине. Или пускаем бумажные змеи, или играем в мяч-лапту; нам радостно и светло. Мы кричим и хохочем, заражая весёлым смехом и беззаботностью всё вокруг, всю окрестность.

А быстрые каменные стрижики со свистящим щебетаньем мелькают и скользят в воздухе на своих крепких острых крыльшках над лугами, над зелёными холмами и у старинной каменной крепости, где между плит в глубоких щелях они свили свои гнёзда.

Какой здесь простор! Солнце, лазурное небо, беззаботные дети и скользящие пары, тройки и стайки стрижей, ароматы полей, просторы холмов и серебряная лента реки Томи! Могучая красота сочетания бездонного неба и весны! И самая живительная радость – это мы, дети одной матери природы, которая блещет солнцем и питает нас животворным воздухом и светом весны. И мы, дети, составляем природу, как и быстролётные каменные стрижики, как и пёстрый ковёр цветов по траве, как и белые, синие, пёстрые бабочки. И часть этой же природы составляют овцы и козы, бродящие по склонам холмов.

Всё это – сама вечная, могучая, рождающая всё видимое жизнь!

А как захватывающе радостно, интересно-жадно с вершины

холма окинуть взглядом наш уютный городок! Мы разглядываем сотни деревянных домиков и амбаров, их огороды, с тополевыми и черёмуховыми садами. Городок похож на большую игрушку с двумя церквями, стоящими посреди голых площадок в скупой зелени, и маленькой церквушкой среди берёз и черёмух на кладбище. Мы спорим и угадываем, чей дом, чей огород виднееются лучше, приметнее других. И чьи постройки ярче бросаются в глаза из общей серой массы мелких владений города.

А вправо блещит светлая лента реки, огибающей город и холмы. Там за рекой видны кустарники, болотные заросли. И хочется, точно сверкающие белые чайки, пролететь над родным городком, над рекой Томью, над Кондомой, над заречной равниной и опуститься на высокие холмы, называемые Соколовыми горами. Говорят, что там, на огромных соснах и елях всегда вьют свои гнёзда соколы. Там в тёмном бору проживают наши сибирские медведи, водятся и олени, а волки рыскают по низинам, по болотистым зарослям.

А вон стая галок, сорвавшись с ветвей старых деревьев Топольника, что между протокой Иванцевкой и рекой Томью, быстрой и шумной гурьбой, обгоняя и кувыркаясь в воздухе, пролетает чёрным облаком вдаль и кажется дымком, колеблемым ветром. Зоркими глазами мы следим за исчезающим пятнышком в глубине этой бездны, где сходятся небо с краем земли.

Там на далёком горизонте слева от города за полями, за холмами, уходящими вдаль, мы ясно и чётко видим узор белых зубчатых гор, подёрнутых мутною мглой. Да, там настоящие горы – это вершины Кузнецкого Алатау. До этих далёких гор, говорят, шестьдесят вёрст, но нам, ребятам, хотелось бы туда пролететь, хотелось бы пробраться туда даже лесными и полевыми тропинками. Старшие нам говорят, что дорог туда нет, а зверья по полям и лесам видимо-невидимо; так что лучше и безопасней гулять по окрестным холмам недалеко от города.

Да мы и без гор не горюем. Мы счастливы и здесь, на наших родных просторах! Мы и здесь, на высоких холмах возле городской крепости, полны живой, волнующей радости. Мы и здесь, недале-

.....

ко от наших сереньких домиков, листаем лучшие странички своей книги жизни. Мы и здесь поём славу детству всего живущего. Мы и здесь исполнены этими весенними радостями бытия, ибо детство – весна всякого бытия. Мы и здесь своими детскими годами поём славу жизни, поём лучший гимн бытию!

ГЛАВА IV ДЕНЬ РЕБЁНКА

Ткань прошлого развёртывается дальше. Память создаёт основу ткани; она же творит и узор воспоминаний. Искренность, наивность и безгрешность – вот рисунок самого далёкого минувшего. На сердце нет забот и тревог. В душе легко, безмятежно. В уме нет устремлений ко лжи и к обману, нет мыслей о каком-то будущем счастье. Маленькая, молодая жизнь – само счастье, сама радость, сама забава, само веселье, много ли надо пятилетнему шалуну.

Вот я сижу за столом и смотрю, как вверх по стене потихоньку взбирается жучок. Ему тяжело ползти по отвесной стене; он цепляется медленно за бугорочки, за мелкие неровности белой, покрытой известью стены. Я наблюдаю, затаив дыхание. Потом схватываю карандашный огрызок и окружаю жучка неровным кружком. Жучок доползает до карандашной черты, останавливается, нюхает эту необычную для него преграду, потом всё же решается переползти, идёт дальше. Тогда приходится чертить другой кружок, третий. Но жучок привыкает к кружкам, потом, чувствуя преследование, начинает ползти быстрее и быстрее. Но я не отстаю и назойливо рисую кружки чаще и чаще.

Я становлюсь на стол коленями, потом и ногами. Наконец

.....

.....

догадливый жучок, опасаясь карандаша, отцепляется от стены и падает на пол, чтобы забиться подальше в тёмную щель.

Жучка нет, но я вольной рукою начинаю разводить рисунки по стене, невольно пачкая руки, платье и нос белой известью. Но вот няня, отвлекаясь от вязанья чулка, прекращает мои художества.

«Венечка, платьице мерить!» – весело восклицает мать, входя в детскую с беленьким платьем в руке.

«Не хочу!» – говорю я капризно и кисло. Мне не хочется смиренно стоять, не шевелясь, пока спереди, сзади, с боков идёт обмерка, разглаживание руками, подкалыванье выкройки булавками, всякие советы и соображения. Я почти плачу и начинаю дуть губы и всхлипывать.

«Не хочу мерить платье, не надо!»

Начинаются успокоения, ласки, строгости, угрозы. Няня, мать и девушка-белопшвейка Саша пытаются облечь меня в новое девичье платьице из белой ткани с розовыми цветочками, розовой лентой вокруг талии, с бантом и даже оборочкой у подола.

И вдруг представляю себе, как сегодня опять мне придётся с няней пройти по улице города. Я вспоминаю и вчерашнее гулянье с няней, когда меня чуть ли не каждая знакомая моей матери называла красавчиком, девочкой и, наклонившись, при всех целовала. Да и братья с их товарищами тоже меня обижали, хлопая в ладоши и крича на всю улицу: «Вон девочка идёт, вон девочка идёт!».

И новый прилив отвращения к девичьему платьицу вызывает опять целый поток неугомонных капризов и слёз. Меня успокаивают лишь уговорами – завтра купят мне в подарок игрушечную корову или уточку и даже кричащий рожок.

«Он у нас именинник завтра, он будет умница!» – твердит няня, утирая мои мокрые глаза. И все довольны, что платье выходит впору, что завтра у именинника будут игрушки, веселье и гости-ребята.

Вдруг в комнату с криком врываются старшие братья Коля и Валя, с руками, запачканными землёй, с землёй на рубашках и

.....

на штанах.

«Венечка, Венечка! Скорей идём с няней в беленький садик. Мы нашли двух мёртвых воробушков. Их чуть кошка не съела. Мы уж могилки нарыли. Скорее идёмте! Воробушки под кирпичом у черёмухи. Скорее, скорей!»

Кое-как наскоро снято девичье платьице с лентами; всё позабыто. Няня с трудом на ходу надевает на меня прежнее платье и полусердито твердит:

«Да погоди ты, пострел. Не тяни же за юбку. Подождут они со своими воробьями. Не изорви же мой фартук. Чтоб вас трандило!»

Я бегу в садик с белой оградкой. Могилка для одного воробьёныша уже вырыта братьями, но для другого ещё не готова. Приходится поработать и щепкой и пальцами, крепкой палочкой и каменной плиткой, чтобы её углубить четверти на две.

Тут около белой оградки, под тенью распустившейся черёмухи, за кустом смородины расположилось кладбище для погибших преждевременной смертью существ. Ряд крестиков из древесных прутьев и струганых щепочек свидетельствует о месте упокоения выпавших из гнезда воробьишек, пришибленной камнем ласточки или найденного под крыльцом амбара голубя, сбитого ястребом с вышины на наш двор.

Вот обе ямки готовы. Мы устилаем их душистыми листьями черёмухи и смородины. Желтоклювый голый воробушек завёртывается в белую тряпочку и кладётся в листья «лицом к небу». Белый саван с мертвецом посыпается жёлтыми головками лютиков и одуванчиков и горстью мелких зелёных листочков акации и листьями черёмухи. Ямки засыпаны снова землёй и песком. Мы все бормочем: «Вечная память, вечная память!» Сверху обе могилки обкладываются мелкими плитками и водружаются из белых щепочек заранее заготовленные кресты с надписями: «Молодой воробей». Няня тихо ворчит: «Озорники, ну и озорники! Поганых воробьёв с молитвой и крестом закапывают. Тьфу, озорники!»

Богословский спор восьмилетнего брата с няней о том, что

и в птенчике тоже есть душа, я понимаю плохо, а потому за подол тяну настойчиво старушку домой, где скоро будет обед и мне дадут молока и вкусных щей.

Проходит обед, проходит прогулка с няней на улице. Сморишь – и день прошёл. Наступил тихий вечер. Становится страшно пройти одному в прихожую, в зал и в гостиную с креслами. Хорошо тогда сидеть в детской, под боком у няни, когда она прилегла отдохнуть и чуть дремлет. Хорошо, когда она вновь нараспев начнёт сказывать сказку про Ивана-царевича и серого волка. Старшие все на скамейке на улице, тихо беседуют на вечерней прохладе, и во всём доме кроме нас – никого. Во всех углах тихо: ни мышь, ни сверчок не слышны; нет ещё ночных бабочек и беспокойных жуков и мух. Тихо поскрипывают на стене ходики, как-то по-живому тикая и смело побеждая тишину. Няня по два, по три раза повторяет кусочки своей сказки. Старушка почти заснула. Рука моя невольно тянется к ней, да и сам жмётся к заснувшей рассказчице.

Тишина убаюкивает, и я начинаю жалобно тревожить няню просьбами уложить меня. Она вздрагивает, открывает глаза, потом позёвывает и оглядывается. Наконец старушка приходит в себя, кричит, звучно позёвывая, и собирается со своими старческими силами. Она помогает мне раздеться, и я вскоре лежу в своей кровати и твержу полусонными губами: «Вечная память умершим воробушкам».

В кровати мягко, тепло и острый запах детского тельца. Часы бьют, шипят и звенят, торопливо и резко девять ударов. Монотонное тиканье постепенно куда-то удаляется, убаюкивая, делаясь негромким, прерывистым. Никаких молитв за папу и маму няня не заставляет читать. Мирно сомкнутыми глазами и шепчущими тревоги дня губами овладевает глубокая дремота. Уши ничего не слышат. И скоро приходит крепкий, глубокий детский сон.

ГЛАВА V ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Эта песенка о прошлом родилась из ясной дали детства... Тусклый осенний день. Бегать по грязи не позволяют. На дворе мокро, сыро и холодно. И вот сидишь на подоконнике и смотришь, как быстрыми струйками дождь стекает по стёклам рамы, и слушаешь, как шелестит он, шумит, ударяя в бревенчатые стены дома.

Окна в сад всегда были любимыми нашими местечками для наблюдения за внешним миром. В детской было два окна. Равно с удовольствием мы наблюдали за наступлением весны, любовались из них на снежные одежды деревьев зимой и на хмурую дождливую осень. Не отойдёшь от окна, прильнёшь к стеклу носом и смотришь на почерневшие от дождя стволы и сучья деревьев, на крытую беседку с промокшими от косых струй осенней воды скамеечками, на серых тоскливых воробышков, притулившись по сухим местечкам под крышей навеса. А стенные часы-ходики отмеряют секунды и минуты.

Особенно полны бодрым трепетом и неизъяснимым наслаждением бывали секунды порывов осеннего ветра, когда всё стекло рамы вдруг точно обливают водой из ведра, когда невидимой рукой закрываются и сад с деревьями, и серое небо, и воробьи. Смотришь в окно и не видишь ничего, кроме обильных струй. Только чувствуешь, что деревья сгибаются больше и туже, скрипя и хлеща друг о друга размокшими ветками. Голуби над окном перестают даже царапать.

Станет и страшно, и хорошо, и тепло. Минута тревожная, но счастливая. А монотонное тиканье ходиков успокаивает, умиротворяет. И всегда бываешь недоволен и сердит, когда оторвут от окна и заставят идти обедать или пить чай. Бывает жаль потерять эти осенние сумерки, эти порывы сердитого ветра, мутные пото-

ки дождя и свою тёплую тревогу, дающую наслаждение детскому сердцу. Но вот опять сидишь и опять прилипаешь к стеклу. Чувствуешь свою недосыгаемость, находясь в тёплой комнате, а в груди рождается тревога перед шумом и бурей из мокрого тёмного сада. Но вместе с тревогой нарастает вызывающее чувство радости-гордости перед этой бурей, перед дождём и ветром, бессильными тронуть меня здесь, под тёплым кровом, бок о бок с няней и матерью. А ветер гудит сильнее. Дождь яростнее бьёт в раму дрожащего окна, обливает потоками стены и всё шумит, барабанит по крыше.

Няня отвлекает меня от окна, и после выпитой чашки чая на столе в детской я начинаю раскладывать кубики с разрезными картинками, чтобы получить изображения слона, медведя, жирафа, волка. Минуты тянутся долго-долго.

Братья всё ещё в школе, и тишина дома нарушается только позвякиванием стаканов и ложек в столовой. Там кипит и шипит самовар с блестящими угольками в решётке. Там, в столовой, кроме отца и матери, согревается чаем забежавший от непогоды гость. Я туда не хочу; мне в детской с родимой няней теплее, уютней, вольней.

Тут игрушки, тут моя глубокая деревянная кровать. Здесь мой сундучок с бельём и нянин сундук, здесь кровати моих двух братьев. А главное – здесь окна в сад, где теперь осень, сырость, мгла. Отсюда, из детской, из теплоты любо смотреть, как срываются листья, кружатся, бьются о стёкла вместе с шумящим дождём. Осень плачет живыми слезами... А часы-ходики тикают, отмеряя секунды и минуты.

Я начинаю думать о братьях Коле и Вале, ушедших в школу с утра. Мелькают вопросы, заботы, мечты: «В школе веселее и – книжки, а дома мне скучно одному. Хотелось бы знать обо всём, что есть на свете, например, откуда начинается ветер; почему осенью дождь холодный-прехолодный, а летом гораздо теплее; зачем приходит зима и всё умирает в природе, неужели нельзя прожить без зимы; зачем нужно в школе учиться, когда книжки имеются дома и папа знает обо всём, как учитель; и школу следовало бы выстроить на каждой улице, чтобы ребята не мокли под дождём осенью и не

морозились бы зимой; если бы я был учитель, я бы принял в школу всех, всех детей и даже прачкиного Андрейку, который только и знает, что клянит у своей мамки или кусочек сахара, или кусочек хлеба. Кроме ребят я бы устроил школу воробьёв, голубей, ворон и скворцов и даже собак, кошек, лошадей и коров».

И задумчиво глядя в окошко, почти полудремлешь, убаюканный тихими звуками комнат, шумом дождя и серой, грустной картиной мокрого сада с почерневшим забором и прибитыми к земле листьями полуголых деревьев. На душе – безмятежность и ясность и безотчётная грусть.

Вдруг из передней послышался шум, топот сапог. Это братья пришли из школы и копошатся там, раздеваясь. Я пулей лечу к ним навстречу. Лица школьников, быстро бежавших, красны. Их уши горят огнём. Одежда намочена, сапоги – в глине, картузы сделались кляклыми. Полон расспросов, я пристаю к братьям и надоедаю требованиями сведений о том, был ли сердит сегодня учитель, стоял ли кто из учеников в школе в углу на коленях или кого из ребят по рукам ударяли линейкой. А больше всего мне запоминаются практические советы и сообщения братьев о том, что книжки следует заткнуть за ремень и закрывать от непогоды одеждой, а чернилку надо подвязать за горлышко на верёвочку и подвесить под мышкой, чтобы и сам пузырёк не разбился и чернила не выплеснулись.

Брат Валя рассказывает о том, как плохие ученики убегают из школы и прогуливают учебные часы на воле, возвращаясь домой по окончании школьного дня. Брат Коля сообщает о том, что вчера Кольку Вихляева продержали в углу ровно три часа на коленях за то, что он выплеснул целую банку чернил на пол. А сегодня Ваську Петрова оставили на два часа без обеда за то, что он нечаянно вышиб стекло в учительской комнате, бросив камнем в товарища. А Проньку Сорокина учитель драл за уши, так как разгорячённый какой-то обидой Пронька больно ударил грифельной доской своего соседа по голове...

Рассказы о школе меня волновали. Знание обо всём, чтение обо всём – это было заманчиво. Но линейки по рукам, стояние на

горохе в углу, сидение по три часа без обеда в пустых классах – это пугало меня, было противно. И я опасливо сомневался за своё будущее: учиться ли мне в этой школе или быть дома, особенно в эти осенние дни. То ли дело – сидеть на подоконнике в детской, прильнув носом к стеклу, и ощущать свою детскую неприкосновенность, и не расставаться ради этой шумной школы с ласками няни-старушки, с заботами любящей матери.

А за рамами окон шумит вечерними шумами осень. Мне только пять лет, но я трепетно радуюсь за себя, что буду ещё и ещё беззаботно смотреть в свои детские окна на белый свет, на эту тусклую и милую осень в саду.

Не хотелось и в шумную школу, не хотелось ни книжек, ни общества школьников-драчунов, ни школьных забот. Хорошо было крепко-крепко забыться и заснуть в своей кроватке под шелест дождя и деревьев.

Бережливым и радостным взглядом прощается со мной мать, оставляя мне сторожем ночи на эту осеннюю пору горячий, полный великой любви поцелуй.

...А ходики со стены тикают: «Тик-так, тик-так, спать-спать, спать-спать», и я засыпаю.

ГЛАВА VI ПЕРВОЕ ЧТЕНИЕ

Было мне пять с половиной лет. После обеда мы трое, я и мои братья-школьники Валя и Коля, рассматривали на столе в столовой нашу любимую «Ниву», перелистывая картинку за картинкой.

Особенно нравились нам картины природы с оленями, львами, жирафами, виды Швейцарии, северных стран, виды тропиков.

Наскоро пробрасывая портреты учёных, духовных лиц, исторических деятелей и картины событий, мы любовались подолгу, разглядывая снежные горы, африканские леса, виды степей со стадами бизонов, изображения попугаев, змей и других не виданных нами животных.

Длинные зимние вечера помогали задумываться, мы обсуждали, мы спорили, толковали, поясняли друг другу картинки. Братья читали все подписи и названия рисунков, убегая иногда за окончательным мнением к отцу или матери.

Я следил за их чтением и старался припомнить сначала заглавные буквы названий рисунков. Потом губами беззвучно твердил короткие частички, слова. С гордым удовлетворением я сознавал, что хорошо умею прочесть слово «Нива», что могу разобрать быстро и произнести предлоги, союзы, отдельные слоги слов. Но из боязливой скромности мне не хотелось обнаруживать своих знаний.

...Зимняя вьюга неумолкаемо гудит за окнами и во всех трубах печей. Ветер гуляет и вьётся по сугробам в саду, во дворе и по улице. Держа в руке огрызок сочной морковки, я собираю своё внимание, сосредоточиваюсь, уткнув палец в широкий журнал, и вдруг неожиданно для себя, неожиданно для братьев громко, серьёзно и чётко прочитываю по складам:

– Про-шла зи-ма, сол-нце гре-ет зем-лю!

Как ужаленные змеей, как заметившие пожар, привскочили со стульев мои братья и бросились к родителям, иступлённо крича:

«Мамочка, папа! Подите скорее сюда! Скорее, скорее! Венечка сам прочитал сейчас без нашей помощи целую строчку! Ура, ура!»

Испугавшись диких выкриков, прибежал из своей комнаты отец. Сюда же поспешила выйти мать. Старая нянюшка, было вздремнувшая сладко на сундуке, шурша платьем, зевая, ворча, тоже затопала туфлями по полу к нам в столовую.

Я струсил, смутился, не знал, что мне делать: обращаться ли

в бегство, сердиться, капризничать или обижаться за обнаружение моей тайны – уменя читать. Я было вздумал отнекиваться. Но всё было поздно. Атака со стороны братьев, их неистовство и восторг придавили, смирили меня. Они на меня наседали. Жестикуюлируя и божась, они горячо и решительно уверяли пришедшую мать, что своими ушами услышали от меня, что «зима прошла», что «солнце греет землю». Я попал впросак. Отец усадил меня за стол, и я должен был выдержать первый экзамен на своё умение читать.

По просьбе матери принесли ещё две зажжённых сальных свечи в медных подсвечниках, так как сумерки сгустились в вечер, и в окна уже глядела темнота.

Раскрытая страница «Нивы» с предательскими словами «зима» и «солнце» была сунута мне под нос услужливыми братьями. Сзади стояли отец и мать, по бокам, словно стражи, поймавшие преступника, стояли умевшие хорошо читать школьники. Я было начал мямлить свои скромные отговорки, что я не знаю букв, что я забыл некоторые буквы, что я после как-нибудь прочитаю. Всё было напрасно. Пальцы одного из братьев неумолимо уперлись в знакомую строчку, заставляя мой язык произнести прочитанное.

Я в уме отлично-быстро пробежал по буквам: «Прошла зима, солнце греет землю». Примерка меня ободрила. Я обернулся, но встретил только ожидающие лица. Мать мне, кивая головой, улыбалась, как бы говоря взглядом: «Ведь я раньше ещё знала, что ты умеешь читать».

Я совсем осмелел, даже раззадорился и, недолго думая, без запинки, как по маслу, даже удивляясь своему знанию, гладко-гладко прочёл: «Прошла зима, солнце греет землю». Когда я произнёс эту фразу, братья бешено соскочили со своих мест и, бросившись в сторону, заплясали какой-то дикарский танец, размахивая руками, дрыгая ногами, крича и захлебываясь от избытка восторга, как бы торжествуя крупную победу над упорным и сильным врагом.

– Да тише вы, шельмецы! – останавливал их отец. – Это вы сами его научили произносить слова о зиме да и о солнце! Пусть-ка он один попробует прочесть, да что-нибудь на другой странице, а

не на этой.

Мать, улыбаясь, тоже задела меня за живое, выразив надежду, что я смогу прочесть любое короткое слово. Снова воцарилась тишина. Работая усиленно памятью, напрягаясь, водя пальцем по строчкам, я стал читать быстро, сухо, отрывочно, пропуская длинные слова. Я пробежал пальцем подряд больше тридцати строчек, зачитывая все предлоги, союзы, двухсложные и даже трёхсложные слова. Я называл слова: «Но, и, его, как и, лицо, эту руку, за, про того, голова, под, скоро, в, шумно, под, плохо, дома, поле, горы». Я громко и смело выкрикивал эти слова, торопясь и захлебываясь.

Наградой моего труда были одобрительные замечания. Поправки меня не смущали, и я стремительно двигал пальцем от начала к концу строчек, громко выкрикивая слова. И не было конца удивлениям и восклицаниям, когда я, почти вспотев, откинулся на спинку стула. Братья хотели мучить меня дальше, но мать и отец заступились за меня, старушка няня даже прикрикнула на ребят и приказала мне идти ко сну, чему я на этот раз с охотой повиновался, убежав в детскую.

Милая старушка! Ты выходила меня и почувствовала в этот вечер, что нити, связывающие наши сердца, рвались, что я становлюсь по жизненной лестнице на ступеньку дальше от тебя. Ты увидела, что скоро я сделаюсь таким же школьником-грамотеем, как братья мои.

Я слушал, засыпая, как выла метель, и как снег шелестел в стёкла окон. А няня так горько мурлыкала то ли сказочку, то ли песенку, будто прощалась с моим ребячеством, будто сетовала за меня на упорно-бегущее время. Вскоре утихло мурлыканье спящей старушки. Заснул и я. Только зимняя вьюга за окнами детской и в печных трубах вела свои жалобы. Но вот теплота, тишина наступила и в комнате, и в кроватке, и в усыпленной, затихшей детской душе.

ГЛАВА VII

ДОМ, ВОРОТА И ФЛИГЕЛЁК

Как быстрой гурьбою весёлые ласточки, возвращаясь весною из далёких стран, ищут жадно на родине прежних оставленных гнёзд, так мысли мои несутся назад, к светлому прошлому, и наперебой перед взором теснятся картины родного гнезда.

Я вижу наш дом, резные ворота и рядом флигель, совсем покосившийся на бок.

В этом доме я был вскормлен родной матерью и оттуда я рано выпорхнул на просторы шумной неведомой жизни, почему мне и дорог малейший уголок этих мест. Вот оно, предо мной, наше старое гнездо, этот дом с шестью светлыми окнами на Соборную улицу, с узкой полосой вдоль дороги, поросшей мелким пыреем, калачиком, беленой да по заборам крапивой.

Дому было почти шесть лет, когда я появился на свет. Наш дом можно назвать одной из добротных построек на Соборной улице, идущей от собора до городского кладбища. Все окна, глядевшие в улицу, были с широкими белыми наличниками и двухстворчатыми ставнями. Перед домом шёл с красной резной изгородью палисадник, полный кустов малины и толстых стволов берёз и тополей, закрывавших собою бревенчатые серые стены.

У левого угла дома росла старая раскидистая черёмуха, опиравшаяся своими верхними пышными сучьями на деревянный узорчатый парапет тесовой крыши. Справа к фасаду дома пристроено было парадное крытое крыльцо с боковыми переплётными большими рам, застеклёнными разноцветными треугольными стёклышками.

По черёмухе братья, а за ними и я взбирались, как кошки, на крышу, чтобы в уютном уголке в тени ветвей прочесть сказку или мирно побеседовать. В синие, красные, жёлтые и фиолетовые

.....

стёклышки на парадном крыльце мы любовались на яркое солнце и на белый свет дня, на зелень деревьев, на кудрявые облака.

У правого угла дома в небольшом палисадничке вздымалась пятиствольная рябина, дававшая в плодородное лето ягодные гроздья, грузно нависавшие над уличной «лавочкой» – скамьёй у палисадника.

Справа от рябины, примыкая к глухому заборчику, находились высокие тесовые ворота. Это было настоящее художественное творчество неизвестного плотника-художника. Основные столбы-стояны ворот были одеты тесовыми филёнчатыми наличниками и пёстро изукрашены и резьбой, и штапиками, размалёваны масляными красками, как и широкие створки ворот. Так же нарядно расписаны были обе калитки, резная перекладина ворот наверху и четыре тесовые тумбы на всех основных столбах-стоянах.

Вычурность и тонкость работы всяких перехватов, выпуклостей, вырезок кружевных, рубчатых плинтусов, пришитых резных поясков и накладных фигурок выявляли богатую фантазию строителя, пожелавшего, по-видимому, этой художественной работой снискать себе славу. И мы, ребята, славили этого строителя наших красивых ворот!

Все четыре столба этих богатых ворот были увенчаны поверх тумб белыми точёными чашками с круглыми шишками сверху.

К массивным калиткам ворот привешены были сварные железные кольца, поворачиванием которых поднималась внутренняя массивная щеколда, и с этим лязгом железа входил посетитель во двор. Ни один человек не смог бесшумно-незаметно прошмыгнуть в эту крепкую калитку на наш широкий двор.

Справа от ворот, занимая угловое место владения, стоял ветхий покрякивающий флигель с четырьмя окнами в улицу и четырьмя в переулок. В старом доме я прожил первые пять лет своей жизни, а во флигеле – пять последующих лет. В старом доме было шесть жилых комнат, а во флигеле находились кухня с комнатой для прислуги и ещё три маленькие комнатки.

Пять лет, когда наша семья проживала в главном доме, во

.....

.....

флигеле жила наша квартирантка старушка-полька по фамилии Радзиминская. Эта стройная, крепкая старушка с белой, как снег, головой встаёт предо мной как добрая сказочная фея. Три её комнаты смотрели окошками прямо на двор, поросший травой; дверь и крыльцо с двумя ступеньками обрастали тоже травой. Комнатки Радзиминской всегда представлялись мне особым, чудесным, таинственным миром... Старушка, постоянно разодетая в какие-то оборки и кружева и всегда одухотворённая весёлой бодрящей улыбкой, была музыкантшей. Она имела пианино и, сидя за ним, предавалась в своём одиночестве забвениям и грёзам. Из раскрытых окон её квартирки неслись звуки вальсов, ноктюрнов, баллад и рапсодий. Она любила по нескольку раз переигрывать произведения Шопена, Шумана, Шуберта, Чайковского, Глинки. Наша мать видела ноты этих музыкантов в квартирке старушки. Когда окна её квартирки были затворены, я прилипал к стёклам и любовался без конца на прихотливые занавесочки, коврики, пёстрые картинки и кружева с кучей безделушек в спальней и маленькой гостиной этого одинокого существа. И безотрывно, как зачарованный, жадно ловил рои звуков, весёлых и грустных, медлительных и торопливых, то сладких и нежных, то бурных и гневных. А пальцы её, как маленькие чудесные гномы, прыгали, танцевали, плясали по клавишам, мелькали галопом, не утомляясь. Мать говорила, что Радзиминская была бы прекрасной пианисткой, если бы не её робость и болезненное одиночество. А мне всегда думалось, слушая эти музыкальные вдохновения серебряной старушки, что там, в уютном нарядном флигельке, живёт добрая фея и входит в её сказочный мир можно только людям безгрешным, невинным и ласково-добрым. Старушка кончала играть, выходила на своё крылечко и тихой походкой удалялась на прогулку в ворота. И я с тайным страхом и трепетом, не шевелясь, следил за ней восхищёнными глазами, пока она не скрывалась за воротами. Я благоговел пред её могуществом и знанием этих десятков мелодий, песен и пьес. Я был горд за неё, что она имеет седые волосы, но что пальцы её рук бегают по белым и чёрным клавишам, словно молодые.

Я удивлялся, как мог простой чёрный музыкальный ящик

.....

хранить в себе эти миллионы созвучий, аккордов и целых каскадов звона и грома и самых разнообразных звуков. Мне думалось, что и сама старушка Радзиминская соткана из своих звуков и эту сложную вереницу звуков будет распускать до конца своей жизни.

Я смотрел в открытые двери пустого флигелька. Жутко было войти в жилище чудесной старушки даже с няней. Казалось, ожижут тогда звуки, восстанут из ящика целой толпой и отомстят за нарушенный их покой громким звоном и пронзительным криком протестующих голосов. Казалось, подыметесь струнный гром, и старушка внезапно вернётся на зов своих верных, послушных струн. Я боялся, робел и тянул няню назад. А звуки, как пчёлы зимой, мирно дремали в чёрном пианино, дожидаясь прихода хозяйки, волшебным пальцам которой они только и были чудесно послушны.

Если на светлом вечернем небе я вижу прозрачные облачка с золотыми каёмками от уходящего в золотой закат солнца, я начинаю слышать внутри себя рой тоже золотых и бриллиантовых и рубиновых звуков, пробуждённых во мне воспоминаниями о далёких днях детства.

Золотой или малиновый потухающий летний закат и малятки-звёздочки высокого неба, и сверкающие чудесные звуки из квартирки белоснежной старушки-феи живут во мне вместе, нераздельно.

Музыка её вальсов, её неведомых для меня в те детские годы сонат, баллад, ноктюрнов, маршей – эти звуки, аккорды даже теперь вспоминаются как лучшие минуты из дней моего далёкого детства.

ГЛАВА VIII КУРЯТНИК, АМБАРЧИК И БОЛЬШОЙ АМБАР

Мне часто вспоминаются эти прошедшие мелочи. Каждый пустяк обогащал мои знания! Каждый пустяк, каждое даже незначительное впечатление вызывало бодрящую работу мысли и чувства.

Гуляешь, бывало, под присмотром няни по зелёному двору. Обходишь и около дома все закоулки, и возле ворот, и у флигеля, собирая камушки, деревянные чурочки, цветные осколки чашек и блюдца.

Всякий пустяк, всякий новый предмет идёт за игрушку, полную смысла и содержания. Всякий пустяк то порадует, то расстроит. Всем забавляешься, всё жадно разглядываешь, ко всему прислушиваешься и всё время выпрашиваешь всезнающую старушку-няню.

Вот закудахтали встревоженные куры в курятнике рядом с чудесно-музыкальным флигелем. Целой ватагой, давя друг друга, торопясь, выпархивают из курятника молодые петушки и курочки, с криком разбегаясь по двору. Порой любопытно бывает заглянуть в дверку куриной республики с её терпким, режущим нос «ароматом» помёта и тёплого пара. Тут, в этом птичьем жилище свои порядки и нравы. Рядами по насестам смирно сидят, переговариваясь, куры; здесь же старый петух Петька и разнопёрая молодёжь – ниже, на жердочках. Все спорят, теснятся за каждый вершок, за удобства, поклёвывая изредка в затылок и в бок соседа, отвечающего тоже клевком с резким квохтаньем.

Мне всегда мечталось застать в курятнике лису, хорька или ласку, о которых говорила няня, жительница деревни, и о которых сказано в книжках, что эти зверьки часто таскают кур и цыплят

из курятников. Но куриная тревога бывает простой внутренней склокой, и никаких хищников в нашем городском курятнике не оказывается.

Посмотришь: все куры мирно сидят по местам и дремлют. Молодняк ещё переключивается по-соседски, но без тревоги. Петух-президент что-то скороговоркой запрашивает и беспокойно озирается на шумливую молодёжь и на дверь курятника. Он видит нас с няней и выкрикивает на нас: «А вам чего здесь надо?»

– Сиди, Петька, смирно! – отвечаю я ему в тон.

– Нечего вам тут делать! – кричит Петька.

– Ну, ладно, Петя, успокойся, – говорю я ему более спокойно, – сейчас с няней уйдём!

Петька слышит примирительный тон моего голоса и действительно затихает.

Я отхожу от курятника, чтобы взглянуть на малый амбарчик, где имеются два отделения: одно с мешками муки, а другое с пустыми пчелиными ульями и с четырьмя высокими бадьями жидкого и густого, тёмного и светлого меда.

Вчера под этими бадьями мы с отцом нашли мягкие, пухлые гнёзда мышей с розоватыми мышенятками, ещё слепыми, похожими на голые чистые камушки. Все гнёзда были выброшены на помойку, и я теперь очень боюсь, что мышиха-мать и мышья-отец могут меня искушать в отместку за гибель детей. Я берегу свои ноги от мышинных острых зубов, отходя поскорей от амбарчика, чтобы сесть рядом с няней на чёрном крыльце дома и передохнуть от прогулки. Сидя на чёрном крыльце, мы начинаем рассматривать, глядя перед собой, высокий двухэтажный амбар с крутой-крутой крышей. Это и есть наш большой амбар; он глядит на нас чёрными дырами небольших отдушин-окошечек без стёкол и рам. Высокая двухскатная крыша составлена из узеньких тесинок в два слоя. На крышу никогда не ступала ребячья нога, хотя мы побывали на всех – и своих и соседних заборах – на всех крышах, деревьях, воротах и частоколах. Крутизна крыши большого амбара для ребят была недосыгаема.

Левое нижнее отделение большого амбара было занято складом старой домашней утвари и припасами на зиму. Тут под полом был погреб, где на холодных глыбах сибирского синеватого льда с тонким слоем снега стояли крынки с молоком, глиняные чашки с творогом и кусками самодельного сливочного масла, с кусками красного мяса, не портящегося в самую большую июльскую жару. На полу погреба стояли кадки с квасом, с пахнущими укропом солёными огурцами, квашеной капустой и обязательно кадка солёных мелких бийских арбузов.

Первое отделение амбара служило обширной завозней-кадетником, где проживал общий любимец семьи жеребец Воронко да сопел по-стариковски двадцатилетний мерин Рыжка. В завозне пахло приятно сеном и лошадиным навозом, и кожей, и дёгтем, и махоркой, и ваксой. Здесь хозяйствовал кучер Тимофей, проживавший у нас более десяти лет. Он был хорошим гармонистом и певцом. Запас веселья и бодрости в нём был неиссякаем. Но мы особенно гордились за своего Тимофея, когда он выказывал свою сноровку и физическую силу. Он выше своей головы подбрасывал двухпудовую гирию и хватал её после переворота в воздухе за дужку на лету, не допуская упасть на землю. Или одной рукой ставил эту гирию на пол завозни вниз дужкой. Или легко с улыбкой перебрасывал через ворота пудовку, а двадцатифунтовую гирию забрасывал одной рукой на крышу дома. Так всегда Тимофей поражал нас своей ловкостью.

С великим удовольствием мы наблюдали, как Тимофей привычной рукою выводил из завозни под уздцы вороного жеребца и, поглаживая его, привязывал любимца к столбу. Было любо смотреть, как нашего верного красавца Тимофей обихаживает, расчёсывает, обливает водой, обтирает и чистит острой скребницей. С нежной привязанностью и лаской он треплет своего непокорно-горячего питомца то по крутой шее, то по бархатным холкам.

Мы знаем, что Тимофей любит своего Воронка больше всех лошадей на свете, почему на улице этот стройный любимец идёт постоянно в лучшей ременной упряжи, с медными светло-

начищенными мелом бляхами. Мне думалось, что Воронко и Тимофей живут лучше иных родных братьев, крепко и нежно любя один другого.

А старого мерина Рыжку я называл постоянно «дядей» Тимофея. Рыжка возил только воду и доживал свои дни у нас, как пенсионер, прослуживший хозяину всю свою жизнь верой и правдой. Жалко было глядеть на старика, стоящего в стойле у сена с отвислой губой и опущенной головой, сопящего, со слезами из глаз. Когда разговор касался нашего Рыжки, няня приговаривала: «Да, старость – не радость».

Верхний этаж большого амбара имел два отделения: левое – полупустое, с пустыми закромами для пшеницы, для овса, для ржи и правое – высокий до крыши сеновал с пустым чердаком. На сеновале по брёвнам стропил ежегодно лепились из грязи больше десятка ласточкиных гнёзд.

Мы никогда ни разу не разоряли маленьких домиков щебетуний, часто наблюдали с живой симпатией за их жизнью: лепка гнёзд, выведение и кормление детворы, их птичьи разговоры – были для нас полны захватывающего интереса. Ласточка считалась в нашем семействе и среди ребят-сотоварищей полезнейшей птичкой. Её болтовню-щебетанье во время весенних прилетов, её горячие убедительные переговоры осенью с молодыком перед отлётом в жаркие страны мы слушали с большим восхищением, желая понять смысл и значение этих птичьих речей.

Резвых ласточек мы любили теплей, горячее, чем обитавших над окнами и по чердакам говорливых, но медлительных голубей.

Щебетанье ласточки похоже было на песенку счастья, а воркование голубя на монотонную ворчливую сказочку.

ГЛАВА IX СЕНОВАЛ С ЧЕРДАКОМ

Играйте же, дети! Растите на воле!

На то вам и красное детство дано!

Н.А.Некрасов.

Кувыркание на сене в нашем большом сеновале – наша любимейшая забава. Собиралась нас небольшая «компашка» – я, мои братья да пяток товарищей-ребят.

Боязливо вступаем мы в каретник, резво топаем сапогами по лестнице, ведущей во второй этаж нашего большого сарая, где сложено сено. Через люк в потолке проникаем в сеновал. Тут невидимая сенная пыль, сгущенная и пахучая, заставляет слабые носы чихать.

Озираясь в полутёмном сеновале, мы видим, что сено растаяло вполовину против осенних запасов. До свежего летнего сена ещё далеко, но барахтаться ещё можно во всю нашу детскую резвость, только бы кучер Тимофей не сразу застал нас на сене.

Тимофей сейчас на кухне или в каретнике, и мы взбираемся узенькой лесенкой ещё выше на чердак сеновала под самую крышу. Здесь деревянный настил из скрипучих досок.

Слуховое окошечко выше труб нашего дома. Хорошо взглянуть отсюда на вольный свет с высоты воробьиного полёта. В оконце видены, как на ладони, соседний чёрный двор, сад и дом, за которым двор аптекаря, ещё дальше дом мирового судьи, а за ним высокий амбар купца Медникова, загораживающий остальные строения городка. Вправо хорошо виден холм с его глинистыми, покрытыми кое-где редкой полынью и плитняком склонами. На вершине холма-наша массивная крепость с деревянным, примы-

кающим к ней, бревенчатым частоколом городского острога.

По голубому простору реют, свистя и гоняясь, и падая камнем, стрижи. Влево от линии домов виднеется собор и за ним верхушки топольника у реки Томи.

– А вон крыша дома, где почта! Вон – общественное собрание и ряды базарных деревянных лавок! – Кричит один зоркий наблюдатель, перекликаясь с другим.

– А вон приходская церковь и наш дом невдалеке.

– Смотрите, смотрите! Вон Васька Чирканов бежит в гору, погоняя палкой козла.

– А вон, видите, как летят одна за другой белые чайки. Это они над рекой летят.

– Смотрите: дымок чёрным столбиком вьётся вверх – это баня топится у Козловых; давеча кучер Семён вез в полубочье воду с реки, говорил для бани.

Наблюдения прерваны громким, дрожащим от радости голосом: «Ребята, скорее! Валяй на сено, пока Тимофей в кухне пьёт чай. Вон, в окошечко видно, как он за столом держит блюдце и дует на чай! Бегом! Айда!»

Топоча ногами по скрипящей настилке чердака, нагибаясь, где нужно, чтобы не разбить лба о стропильные перекладины, бурной беспечной гурьбой мы бежим назад к сеновалу, предвкушая возню, давку, схватки на сене, в пыли и в трухе. Начинается что-то невообразимое. Кажется, нас и на выстрел нельзя было подпускать к сеновалу, между тем возились мы там до одурения, сминая пушистое сено и превращая его в труху. Ничего – нас не гнали! Мы брали своё! Сено было навалено стогом, стеной. И вот, по первому данному воплю: «А ну, рыбой ныряй! Кругом!» – мы, как слепые кроты, зажимая глаза, продирались под сеном, по стенам – вдоль гладких брёвен – среди колючих стебельков, вперёд и вперёд, поспевая за вожак. Этот был сильнее других; за ним должен тискаться тоже малый из храбрых; последнему доставалась проторенная дыра в мягком сене, тут мог пролезть самый слабейший. И как черви, дырявили мы, разрывая во всех направлениях, смётанный стог.

Только слышно чиханье, сопенье, сморканье и кашель от клубов поднятой пыли, носящейся в воздухе, от захлебывания сенной грухой. Там появляются руки, хватающие клочья, чтобы выбраться из провала в углу. Здесь, пыхтя и кряхтя, высовывается вспотевшее, разгорячённое лицо из-под кучи. Тут шевелится целая копна сена, обвалившегося с верхушки стога. Потом, как обезьяны, визжа и гоняясь один за другим, начинаем мы дикую, безотчётную гонку, хватая друг друга за ноги, за руки, валяясь, пихая друг друга на пол и в сено. Охапки колючей травы, наскоро схваченные клочья мягкого сена летят друг другу в лицо, в спину, под ноги, на голову. Хочешь освободиться от засевшей за ворот рубашки шишечки дикой ромашки, а вместе с тем уж не упустишь толкнуть или бесчеловечно стянуть с высокой груды сена за дрыгающие ноги товарища по веселью. Всё забывается в атмосфере общего азарта! Царят беспашное буянство и безраздельная удаль! В одном углу копошатся двое-трое, рычат и визжат. В другом углу только клочья летят, и живая серая масса то и дело обнаруживает белую, чёрную, синюю рубашку. С налёта, обезумев от веселья, один разорвал вдоль руки свой рукав, но не чувствует колкого сена, а, хватая в обнимку противника, силится спихнуть его с кучи полуразбросанного стога вниз. Их силы равны; свиваясь руками, ногами, летят они кубарем вместе под хохот и визг, на мягкий настил на полу.

– Куча мала!

И на нижних, свалившихся сверху ребят, бестолково давя и толкаясь, кидаются все остальные, прихватывая для мягкости охапки сена. Вырастает огромный воз сена, кишачий живыми людьми. Куча забрасывается ворохами сена, и по одному из неё начинают высвобождаться самые нижние, протирая глаза, вычищая из носа труху и отплеываясь, и чихая, и тяжело дыша. Сыпучее растревоженное сено пахнет душистее, резче. В полусвете сеновала душно, жарко. Пот на лбу, на спине, на груди! Лица горят! Спина и грудь чешутся от запавших под рубашку мелких стебельков, колючек и семечек. Волосы встрёпаны. Жажда томит пересохший от пыли рот. Дышать нечем! Хочется свежего воздуха, чтобы прошло одуренье, чтобы расправить уставшие члены. Сердце стучит молотком,

.....

шумя ударами в ушах, содрогая всё тело. Силы иссякли! Наконец, крадучись, тихо скользя по скрипучим доскам, чтобы скрыться от кучера Тимофея, мы идём осторожно по лестнице вниз, тихо пробегая по каретнику, через двор, мимо кухни, на улицу.

В переулке, поросшем травой, на лужайке устраиваемся на привал и отдых. Здесь можно вытянуться и полными лёгкими освежить себя после целого часа возни в духоте сеновала.

А если вечером кучер Тимофей спросит нас, почему там, в амбаре, всё сено «перебуровано», мы хитровато-серьёзно ему отвечаем: «Наверное, там домовый был, любитель помучить и Воронка, и старого Рыжку!»

ГЛАВА X

НАШИ ЛЮБИМЫЕ МЕСТЕЧКИ

Часы времени моей жизни бежали и бежали. Стрелки показывали уже шесть лет. Я начинал вылетать чаще и чаще из родного гнезда. Я оглядывался, изучал всё окружающее более смело, напористо, любознательно. Присоединяясь к старшим братьям и товарищам детства, приходилось иногда тайком убежать от ворчливой нянюшки. Детское сознание рвалось из-под её опеки. Природная жажда свободы и детское тяготение к старшим ребятам уже не удовлетворялись заботами да советами няньки и матери.

Впереди ребёнка лежит заманчивой лентой дорога неведомой жизни. Даже залезая на стул, он обзрывает комнату по-новому, как «большой», взрослый.

Этот путь от пелёнок до школы был длинным путём из тёмной пропасти неведения к познанию, к свету. Я начинаю становиться своим учителем. Самостоятельно, смелее я начинаю заглядывать

.....

.....

во все уголки, закоулки нашего сада и огорода. Я сам один взбираюсь на все крыши и палисадники. Вот я иду со двора заглянуть на коровник, где Белянка мирно жуёт сено и, отрывая жвачку, вновь её пережёвывает! Старая Чернуха ласково лижет шершавым языком по всем направлениям своего молодого телёнка. Тут пахнет навозом, парным молоком и соломенной кровлей.

Выйдя из коровника на чёрный двор с его глубокой и едкой навозной грязью, на которой пчёлы берут медовый взятки, захочется посмотреть в окно покосившейся старой бани. В эту баню вечерними сумерками ни за какие коврижки не войдет ни один школьник из наших друзей. В этой бане, как говорит няня, водятся нечистые духи и обитает сам дедушка домовый.

День ярко-солнечный. Пчёлы жужжат. Реют ласточки. Камнем свистит чёрный стрижек. Чего мне бояться? Я смело иду к покосившейся бане, смело подхожу к низкому окошку, чтобы внезапно увидеть внутри её обитателей. Кругом свет и зелень – и мне как будто не страшно. Я прилипаю лицом к тусклому оконцу, закрываюсь от света шорами ладоней и вглядываюсь в темноту бани. Дверь на замке. Я не боюсь. Но сердце тревожно стучит, и в сознание нет полной уверенности в своей безопасности. Сколько раз нянюшка отдавала нас на съеденье волкам, медведям, да «кикиморам» разным! В бане пусто. Я вижу банные лавки и двухступенчатый, гладко отполированный мыльной горячей водой невысокий пол. Тут же корыто с белым мыльным осадком. В сторонке на лавке деревянные шайки и веники... Подозрительной кажется только одна отвороченная половица – эта чёрная зияющая дыра... Маленький человек, вроде мохнатого мягкого домового, пожалуй, смог бы пролезть из-под пола. Нянька уверяла, что домовый может сам неслышно раскрывать двери и приподнимать мягко, бесшумно половицы всех комнат, амбаров, кладовок.

Набежавшее тенью высокое облачко внезапно стусило полусумрак бани; чья-то тень мелькнула по полу. Чутьочку жутко мне стало. Тень скользнула по тёмным стенам, шатнулась по потолку, и я невольно отрываю глаза от стекла.

Чтобы набраться храбрости и стряхнуть чувство тревоги, я

.....

сразу же отбегаю от неприятной бани, взбираюсь на изгородь-тын огорода и взором окидываю зелёные гряды лука, моркови, капусты, свеклы, картошки, высокие гряды огурцов с жёлтыми цветами и завязями. Всюду по грядам высятся зонтики укропа и высокие молодые подсолнухи.

Огород невелик. В конце его пчельник отца с красивыми домиками ульев. Вот почему так много жужжащих тружениц-пчёлки и на чёрном дворе, и по всем огородным растениям. Пчёлки шарят, скользят по цветам, обыскивают то горох, то бобы, то жёлтую су-репку. Тут она торопливо обшарила белую ромашку, здесь хоботком обыскала зонтик душистой рюсянки. Там подлетела другая к розовой кашке и хлопочет, и суетится. Много маленьких тружениц на цветущем лопухе, на татарнике, вырастающих вдоль забора и тына и возле бани. И безуданно день-деньской мохнатые пчёлки летают, жужжат, собирают, несут в свои тёмные ульи сладкие запасы на холодную долгую зиму.

Наблюдая там жарким полднем за работой золотых пчёл-лок, вдруг увидишь, что на одной из берёз в густых ветвях зелени с книжками в руках расположились двое или трое ребят-школь-ников. Быстро бежишь к этим высоким берёзам составить компа-нию братьям или товарищам. Они отдыхают от жары по-птичьи, высоко над землёй, на сучкастых зелёных сиденьях.

Этих берёз в нашем огороде было три. Одну из них, самую толстую, раскидистую с многочисленными корявыми сучьями, мы любили больше других. Берёза имела густую крону. На этой берёзе мы устроили себе кресла-качалки, переплетая развилины веток ве-рёвкой, тонкими сучьями, старыми тряпками. Получались зелёные кресла-гнезда.

В эти гнезда мы вплетали ещё длинные травы, стебли ко-нопли. В этой зелёной природной комнатке с живыми, трепещу-щими от ветерка стенками, с потолком высокого небесного свода, у нас получались удобнейшие сиденья со спинками. Наши кресла мерно покачивались, и в них можно было мирно заснуть без ма-лейшей опасности вывалиться. Снизу наши кресла из тряпок, ве-рёвок, сучьев и веток казались гнездами неведомых в Сибири птиц.

Я забрался выше других ребят под самую вершину берёзы. В своём гнезде я сидел, как в седле, верхом на сучке.

Как-то раз мы, братья, расположились по своим креслам в нашем зелёном приюте. Брат Валя читал вслух для меня только что купленную за пятак сказку про Синюю Бороду. Я слушал и любовался, как над головой в просветах листвы между вершинны-ми ветками в кружеве зелени тихо проплывали кудрявые облачка. Брат Коля раскачивал свой длинный скрипящий нижний коря-вый сук, сидя в своём покойном кресле. Было привольно, свежо в пахучей воздушной берёзовой зелени. Ветерок овевал прохладой лицо и босые ноги, пробирался в расстёгнутый ворот рубашки. С огорода, от пасеки, от цветов подымался смешанный дух живой зе-лени. Хорошо было, запрокинув голову, следить за облаками, чув-ствовать воздушное раздолье среди шелестящей листвы. Коля вни-зу сильней и сильней раскачивался на своём кресле. Берёза слегка трепетала. Чтение Синей Бороды сменилось рассказом «Вася-га-зетчик». Я слушал и забывался, отвлекаясь наблюдением проходя-щего светлого облачка в небе.

Вдруг раздался треск, потом скрип и шум. Толстый сук Ко-ли надломился настолько, что баловник очутился на мягкой траве под берёзой вместе со своим креслом-гнездом. Он отделался только ушибом мягких частей. Валя прекратил чтение; мы, как обезья-ны, соскользнули вмиг с дерева. Коля, потирая ушибы, но полный невозмутимого равнодушия, взобрался на рядом стоявшую бере-зу и, чтобы не слышать нашего смеха, вытащил из кармана свою книжку. Углубившись нарочито в чтение, он даже закрыл свои уши ладонями. И мы снова сидим на деревьях, читаем, молчим, полудремлем, беседуем.

Время обедать. Нас кличут со двора по именам. Один из нас пронзительно отвечает громким: «Идём!»

И, карабкаясь от берёзы на соседний сарай, по сараю – забо-ром на крышу навеса, наконец, длинным узким балконом нашего большого амбара мы спускаемся, топоча тремя парами пяток, по крутой лестнице во двор.

Были у нас и другие укромные местечки, куда мы могли за-

.....

мыкаться от взрослых, где мы уединялись дружескими группами для сообщения новостей, для бесед, для обменов рассказами, сведениями и советами. Это были мои дошкольные классы с преподавателями наук о природе и людях. Преподаватели эти были старше меня на два и на три года.

Ближайшим к дому местом наших собраний служила пока-тая тесовая крыша навеса, примыкавшего к большому сараю. Здесь на солнечном склоне её, лениво растягиваясь, мы грелись и жарились на сибирском солнце. Один лежит на животе, уткнув нос в теплую крышу; другой распластался на спине; тот греет бок; иной сидит по-турецки.

Идут разговоры о предстоящем компанейском купанье на реке или стоворы и сборы в поход за полевыми ягодами, или горячие споры и пререкания о тактике нападений и отступлений в драках с другими ребятами.

Сюда же на крышу навеса приносятся часто угощения – грошовые конфеты, кедровые орехи и семечки, дыни, арбузы и огурцы. Притащит один из нас два-три арбуза, и начинается разгульная пирушка. Десятка два-три огурцов здесь съедались в жару моментально.

Здесь шёл обмен книгами между ребятами пяти или шести домов. В этом ребячьем клубе я впервые услышал читку приключений Робинзона Крузо, Гаргантюа, Дон Кихота и богатырей: Бовы-королевича, Еруслана Лазаревича, Аники-воина, разных мифических и исторических лиц и героев. Книжки бывали с раскрашенными картинками, и даже резвейшие сорванцы нашей компании относились ко всем книжкам с бережливостью и уважением. Тут же читались народные сказки и «Повесть о том, как солдат спас Петра Великого», и книжки о походах Ермака Тимофеевича на нашу Сибирь. Один читает, все слушают. Быстро проходит время. Длинная повесть откладывается на завтра и послезавтра. Часы чтения прерываются общей игрой, купаньем, каким-нибудь делом.

Под этим солнечным клубом, под этой крышей навеса свалены были пустые дощатые ульи без рамок, старые телеги, поло-

.....

.....

манные сани, зимняя кошевка, оглобли, колёса. Тут складывались старые доски, тес и дрова. А среди этой мелочи и пестроты возвышался громоздкий старинный, отживший свой век кожаный тарантас. Массивный, как слон, на здоровенных старинных колёсах с подвесным цепным тормозом сзади.

Тут-то и был наш второй общий клуб. В огромный кузов тарантаса мы натащили душистого сена, разостлали по сему старый тряпичный половик. И, как мыши в мягком гнезде, собирались сюда от людских глаз, от знойного солнца. Убегали сюда, в тарантас, от внезапно налетевшего дождя.

Тесным кружком, человек семь или восемь, рассаживались мы на корточках в обширном кузове и начинали свои беседы на темы дня, делясь воспоминаниями прошлого. Читать же здесь было нельзя – полумрак, а зажигать огонь среди сена – опасно! Да и спичек никто из нас не имел, так как среди нашей компании не было ни одного курильщика.

Сверху по крыше навеса тараторит дождь, в саду шумят деревья, а нам теплей и веселей прижиматься друг к другу.

Испуганные летучие мыши мечутся под навесом, разбуженные шумом дождя, а мы застёгиваем боковые крылья поднятого верха тарантаса и сидим, и жмёмся и слушаем историю за историей, случай за случаем. Блеснёт молния, грянет близкий гром, и на крышу ещё сильнее забарабанит обильный, торопливый, проливной дождь. А у нас под кожаным кровом тепло, сухо, уютно, не страшно грозы. На минуту притихает беседа. А потом снова журчанье молодых голосов. Тема сменяется темой. За сообщениями об ураганах и бурях идут рассказы о вулканических извержениях, о наводнениях. Подымается спор и беседа о библейском всемирном потопе, который двое или трое из нас называют выдумкой невежественных людей.

Гроза проходила, дождь замирал. Боковые крылья тарантаса падали с петель крючков, верх кузова на железных рычагах откидывался назад. Хор молодых голосов начинал звонкую развеселую солдатскую песню, из наших любимых песен: «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке серый селезень плывёт», с припевом и повто-

.....

рением второй строчки: «Ишь ты, поди ж ты, что ты говоришь ты! Серый селезень плывёт», или «Сашенька, Машенька, Поленька, Наташенька, серый селезень плывёт», или «Ай да люли, ай да люли – серый селезень плывёт».

На облучок тарантаса забирался карапуз-ямщик; он брал в руки старые верёвки, привязанные к концам оглоблей, с утверждёнными на этих концах медными бубенцами, и, барабаня ногами в расхлябанный передок тарантаса, с гиком и свистом, трясая старой дугой с тремя колокольцами, мчал нас на невидимой тройке через поля, через леса, по мостам через реки, с горки на горку!

А мы начинали песню, заученную от распевавшей её роты солдат:

«За Уралом, за рекой казаки гуляли

Трай-рай-ритотай, казаки гуляли...

А мы, братцы-молодцы, налетим орлами!

Трай-рай-ритотай, налетим орлами...» и т.д.

Бубенцы-шаркунцы гремели, колокольчики звенели. Тройка мчалась ветром за песней. Тарантас дрожал, скрипел, качался.

Потом мы гурьбой высypались из тарантаса, выбегали из-под навеса на белый свет. На освежённом воздухе по мокрой траве, по невысохшим лужам затевалась общая игра, начиналось общее веселье – салки, пятнашки, палочка-застукалочка.

А в воздухе роями скользили вдогонку друг за другом свистящими крыльями каменные стрижи. И ещё выше в небе, провожая ушедшую тучу, кружились, плавно носясь по лазури, щебечущие малютки-ласточки.

Ноги шлепают по двору в мягкой холодной траве, полной влаги. Брызги летят у ворот по ручью. А на улице, полной грязи, травы и воды, всем раздолье! Тут мы, как утки в болоте! В переулке с холма бурно катится мутный поток, накапливая в низинке огромную лужу. Начинается беготня в догоняшки по скользкому руслу ручья и по всякой дороге, затопленной мутью да илом. Веером плещутся мутные брызги. Весёлое шумное шлёпанье по грязи, по траве сменяется трудной задачей устроить плотину. Хочется сля-

пать из глины запруду и остановить поток, чтобы разом затем эту плотину отбросить и любоваться пенным разливом задержанной силы воды.

План приводится в исполнение пятью или шестью парами рук. Штаны и рубахи забрызганы глиной, на лицах тёмные брызги от спешной работы. Ноги и руки в скользких из глины чулках и перчатках!

Яркое солнышко, идущее к западу, прорвавшись из-за последних остатков ушедшей тучи, играет огоньками на струйках и пене ручьёв, освещает крыши домов и всю улицу и холмы с освежённой весёлой травой. Блестят, серебрятся мокрые листочки деревьев.

На сердце ребячьем ещё веселей и бодрей и ещё больше хочется прыгать, визжать и кричать и бегать взапуски, греясь на солнышке. Резвая ватага ребят увеличивается новыми босоногими сотоварищами. Топот и гомон, и хлопанье по переулкам и улице продолжают без конца. Разгорячённые лица пышут румянцем, грудь дышит часто-прещасто, а молодые сердца отстукивают свои торопливые секунды жизни. Звонкий ребячий безудержный смех царствует на улице. Хохот и крики, внезапные взвизги и шлёпанье долго тревожат мирную сонь городка.

Мокрый уличный карнавал заканчивается осмотром обожжённой молнией стены одного из амбаров соседнего владения и кавалерийской рысью босоногой команды по тихим переулкам городка с их затопленными жёлтой мутью дорогами, поросшими травой. Солнце идёт уже за гору. Тени домов и деревьев по-вечернему удлиняются.

Из раскрытых окон домиков слышатся то звяканье чашек и блюдец, то звон стаканов к вечернему чаю. Сговорившись об очередном предприятии, улыбаясь друг другу, мы рассыпаемся группами в разные стороны восвояси на отдых.

Оставшись один на своей кровати, усиленно приводишь в порядок дневные впечатления, чтобы потом их ещё раз проверить. А опыт прошедшего дня даёт свой неизгладимый отпечаток

.....

в душе. Знаешь, что вырос ещё на один день, что стал ещё старше, что предстоит ещё и ещё расти и уметь, копить знания окружающей жизни, расширять свой ум опытом и тревогами каждого будущего и пережитого сегодняшнего дня.

ГЛАВА XI

ГРОЗА

Глухое ворчание грома и его перекааты становятся ближе, слышнее и громче. Вся семья за обедом. Мы достаём арбуз и дыню со своих гряд. В раскрытые окна набегают плывущие тени; ясный день тускнеет от первых ещё серых и бездождевых тучек. Порывы ветра всё чаще и чаще. Солнце закрывается, и день становится мрачным. Под крыши навесов, под застрехи спешат воробьи, собираясь в кучки. Торопливые голуби один за другим слетаются быстро домой под стропила, на ставни, в слуховые оконца строевний.

По комнатам дома пробегает ворвавшийся ветер и хлопает растворами рам в зале, форточкой в детской.

Подымается суматоха – для нас, детей, весёлая, радостная и тревожная. Надо спешить, надо закрыть во всех комнатах наглухо створки рам, кое-где составить на пол с подоконников цветочные горшки, задёрнуть оконные шторы и не упустить громко захлопнуть все печные отдушины. Ветер не ждёт и врывается с шумом ещё в два-три окна.

Небо совсем потемнело от надвинувшихся чёрных тучек. Кое-где редкие капли уже звонко ударились в стёкла.

Вся семья собралась вновь в столовую. Отодвинув стол от двух окон, выходящих во двор, все усаживаются вокруг стола или

.....

.....

прямо посередине комнаты.

Кучер Тимофей затворил на замок свой каретник и наскоро помогает прачке снимать с протянутых по двору верёвок не совсем просохшее бельё.

Порывами вихря всё чаще бросаются в стёкла окон крупные капли – первые вестницы с чёрного неба. Молнии ярче, гул грозы приближается. Мать советует всем отойти от окна и рассаживаться со стульями посередине столовой, так как молния может ударить в рамы и стены.

Мы, дети, в эти жуткие минуты делаемся послушными и смиренными, задавая родителям вопросы о грозе, о возможном граде, о ливнях. И нас приятно щекочет обнаружение во взрослых серьёзной боязни перед этой грозной стихией. Короткие ответы матери вселяют в нас смиренное уважение и трепет перед грозой. Мы смирёнонько усаживаемся в рядок среди комнаты рядом с отцом и матерью, и могучая стихия уже не представляется столь всеильной для нас, беззащитных детей.

Крупный дождь учащается. Грозовая туча подошла совсем близко, так что между вспышкой молнии и ударом грома мы успеваем сосчитать только три-четыре секунды. Дождь превращается в сплошной ливень. Из окна видно, как крыша большого амбара меняет свой серый цвет на мокро-чёрный, как живая бахрама струек и капелек, брызг и водяных шнурочков-верёвочек свешивается от ската крыши до земли. Непрерывные потоки дождя не успевают скатиться по деревянному жёлобу дома, и вода хлещет вверх жёлоба. Кадки под углами дома полны, и светлые потоки, замутившись пеной, выплёскиваются через край, образуя около дома, в траве, на дворе стоячие лужи.

Страшный удар грома одновременно с ослепляющей вспышкой молнии настраивает всех членов семьи к серьёзности и немой торжественности. Няня вслух шепчет молитву и крестится. Отец заявляет серьёзно, что молния ударила где-то близко, что после такого удара гроза пойдёт на убыль.

А дождь за окном взметнулся сумасшедшим гудящим

.....

.....

потоком, поливая по стёклам, шумя в сточных кадках и через жёлоба и непрестанно нарастая, зашуршал, замыл по крышам, по стенам, в саду, во дворе. Чтобы отвлечь боязливую мысль от ощущения близкой опасности, мы развлекаемся переспрашиванием отца о том, почему нет громоотвода на старом деревянном амбаре; может ли во время такого ливня проникнуть в наш дом шаровая молния; откуда пришёл такой ливень и такой ли же он сильный и у реки, и у крепости, и в поле? А дождь льёт, не переставая. Молния так же сверкает, освещая в углу столовой тёмную овальную картину-икону «Спасителя», копию с картины художника Гвидо Рени. Освещаются и стенные с медными гириями часы, и бутылки с домашним укусом под угловым столом у окна.

...И вдруг прямо в стёкла столовой затрещали одна за другой, чаще и чаще, крупинки града. Ещё и ещё. Как крепким горохом, треща и отскакивая, забарабанили по стёклам ледяные кусочки. Опять суматоха. Мать очень боится града, она опасается за целостность стёкол и поэтому бежит в свою спальную комнату занавесить окна толстыми шторами. И няня торопится опустить занавески в детской. Отец идёт закрывать шторой окно в своей комнате. Мы нехотя, медленно, глядя в окно, затягиваем занавески в столовой, любуясь трещанием градин в оконные стёкла. В комнатах делается темно. Полусумрак изредка освещается белыми торопливыми дрожащими молниями. Удаляющийся гром гремит, не переставая. А град весело, крепко и звонко потрескивает по крыше, на ступеньках крыльца, по стенам, по стёклам. Кажется, градины дружным напором разобьют скоро стёкла. Вспоминается недавний случай в окрестной деревне, когда побиты были не только стёкла в избах, но и посева в полях, в огородах и даже овцы на пастбище.

Опять порыв ветра, и миллионы ледяных дробинок ошпаривают с треском и шумом наш дом. Счастье, что град не сухой, так как ливень тоже не прекращается. Я начинаю от напряжения заметно дрожать и бояться заправду. Мать успокаивает нас укаанием на то, что ледышки градовые теперь ударяются мягче, что долго такой ураганный ливень не продолжается.

.....

.....

Счёт секунд нам свидетельствует, что гроза отодвинулась дальше. Гром звучит глуше, добрее и мягче; он удаляется. Я уже представлял себе картину разбитых стёкол и сугробы ледяного града по комнатам, начиная ощущать свистящий ветер в нашем уютном гнезде.

Дождь зашумел ровнее, непрерывнее. Все мои страхи ушли, на душе полегчало. Гроза пронеслась окончательно. Шторки всюду отдёргиваются и поднимаются. Одно стекло в раме столовой оказывается с трещиной. Мы с величайшей внимательностью изучаем это стекло, не сдержавшее напора злой бури.

За окнами дождь, и повсюду мокро! Черны от влаги крыши амбара, крыши навесов и флигеля, черны забор и стволы деревьев в саду.

Мы наблюдаем кончающийся дождь, летящий из остатков высоких туч; он скупно сорит лёгкими, редкими, неполновесными капельками. По небу проносятся рваные тучки, последние обрывки и клочья густых облаков.

На ступеньках крыльца, на деревянном подъезде каретника, по густой траве, около кадок с водой достаивают белыми кучками намытые ветром и дождём грязноватые градины. Нам позволяют открывать во всём доме окна и двери.

Мы бежим от окна к окну, хлопочем, суетимся, излишне гремим, торопясь. Шторки отдёргнуты, подняты. В комнатах свет.

Все окна открыты настежь. Свежий воздух врывается запахом омытой листвы тополей, берёз и черёмух.

Туча ушла далеко, и прощальные молнии с дальним ворчанием грома для нас только забавны. В небе кое-где показались разрывы тучевой завесы. Показались просветами пятна голубой лазури. Капельки светлоалмазной влаги шелестят по саду, ниспадая с ветки на ветку в деревьях, в кустах, на травинках. Прощальные капли стекают, накатываясь крупными перлами, с почерневших крыш, по забору, с ворот. Журчат, бегут ручьи. От края до края по уходящим разорванным тучам перекидывается яркая радуга.

.....

Мать смотрит на небо и вспоминает строчки Пушкина: «Последняя туча рассеянной бури, одна ты несёшься по ясной лазури!»

Шумная жизнь, зацепенелая и притихшая, неутомонно растёт. Там и сям зачирикали воробьи. Крича и мяукая и суетливо галдя, кучей проносятся галки. С чердаков налетели по лужицам, чтобы напиться, один за другим осмелевшие голуби. А по высокому небу там уже реют свистящими крыльями стрижики да сверкают атласными брюшками быстрые ласточки. По деревьям в саду важно каркают, переговариваясь и картавя, вороны. Из курятника высypало всё куриное общество. Где-то зычно-протяжно замычала корова; где-то захрюкали, чмокая, свиньи. Там и сям перекликаются петухи. По улице застучала телега. Заслышались голоса людей.

Всё встрепенулось и зажило вновь, забывая минувшую страшную опасность грозы.

И нам, детям, тоже хочется в это приволье, в мокро и лужи, на свежий ароматный воздух. Скорее на улицу! Там уже показались шлепающие по ручьям ребята. Долой сапоги и чулки! Под кровать их! Бегом! Засучив до колен свои чёрные штанишки, в цветных ситцевых рубашках с поясками, без шляп, отбиваем мы дробь по крылечку, спеша из-под крыш на свежесть и волю.

Улицы тихого Кузнецка оглашаются криками, визгами, смехом.

ГЛАВА XII ЗИМА

Зима пришла... Это, конечно, уже настоящая зима! Вон опять посыпались белые хлопья. Замелькали перед окнами тёплого дома холодные серебристые живые снежинки. С высокого хмурого неба то плавно кружась, то нагоняя друг друга, торопясь, спускаются

одна за другой, как мошки, как мотыльки, эти вестницы нашей сибирской зимы, наших морозов. Всё гуще, крупнее, резвее летят эти пушинки, чаще и чаще мелькая меж веток голых деревьев, ложась на заборы, на крышу садовой беседки, на крышу сарая, на тёмную зелень старой ели, на тонкие кустики трав. Сперва ровным кисейным налётом, потом мягким ватным покровом крошки-снежинки прикрыли весь сад, весь двор, всю улицу.

Прошло и забыто горячее лето; ушла надоевшая мокрая осень. Пришла зима. И, перебегая от окна к окну, восхищаемся мы новым украшением природы, дарованным её щедрой волшебной рукой. Я тяну няню за платье взглянуть из окошка на прекрасное убранство зимы, на роскошь белоснежного ковра в нашем скромном садике:

– Скорей, няня! Взгляни-ка сюда, на берёзы, на ёлку в углу! Деревья как в платьях.

– Ах, баско как, баско! – твердила старушка.

Всё приводило в живой бодрящий восторг: и снежная шишечка на остром конце шпидля беседки, и пышно-меховые опушки по забору и по планкам садовой решётки. А из окон зала смотреть ещё интересней: вся улица, крыша на домике старушки Тюшихи, крыши близких и дальних сараев, амбаров – всё бело, всё нарядно, как в праздник. А во двор заглянуть из столовой – сколько свежих новых картинок. Как изменилось всё, как приукрасилось! Бочка с водой на колёсах заботливо прикрыта пышным белоснежным полотном. Амбар, сарай, курятник, весь двор – помолодели! Чурбан, забытый вчера у сарая, получил великолепный подарок от щедрой зимы – высокую белоснежную шапку!

То-то будет веселье, когда возвратятся из школы проказники-братья. Будем строить из снега катушку – высокую гору – и обновим наши салазки. Скатаем из свежего снега пузатое чучело с головой, с глазами и носом. Можно выпроситься у матери съездить на санках по городу, одевшись в новые сибирские пимы и в тёплую шубу. Поскорее, зима, поскорей! Побольше пушистого снега! Покрепче мороз, чтобы речка замёрзла; глаже дорога, чтобы гоняться по ней на коньках или деревянных баклашках!

Сибирские зимы не любят шутить – после первых снегопадов приходят морозы, а через две-три недели поля и леса запорошены снегом; реки окованы; люди привыкли к тяжёлым одеждам; мороз уже тревожит своим щекотаньем, напоминая о суровом владычестве старухи-зимы...

Я пока у окна вместе с няней. У меня насморк – меня не пустили на улицу. Братья же весело возятся во дворе со своими товарищами, играют в снежки возле снежного чучела. Щеки их рдеют румянцем; их руки, их платья и обувь залеплены снегом. Им жарко в снегу.

Я сам заливаюсь весёлым смехом, стучу ладошками в стёкла, смотрю из окна на ребят, играющих в догоняшки, толкающихся, резвящихся без устали в зимнем приволье.

Потом в нетерпении и живости начинаю крепко стучать ребятам в окно, заражаясь восторгом их, их безмятежностью, желая быть их соучастником в этом зимнем веселье.

Время к вечеру. Бойких ребят несколько раз приглашали и кликали к чаю.

Простившись с друзьями, ребята спешат оживлённо домой, топоча ногами и отряхиваясь от снега. Они врываются в детскую и прямо с улицы несут снег и мокро, свежий воздух и целый поток восклицаний и смеха.

Няня срывается с места, бежит выгонять шалунов, чтобы снег отряхался в сенях. Крики, шум и возня.

Наскоро скинув пимы прямо на пол и разбросав по стульям свои мокрые шубы, ребята бегут прямо к чаю. Их заставляют вымыть сначала руки, потом освежить лица.

Из детской доносятся ворчанье старушки да шлёпанье туфель.

– Пострелы, ну и пострелы! Одна мокрота! – И няня развешивает всю «мокроту» возле печки, отряхивая на пол белые пятна снега.

А братья тем временем тащат меня посмотреть на икону Христа в нашем зале. Это занятие всегда очень волнует меня. Эта

игра для меня интересна, заманчива. Чувство тревоги и жути растёт в моём детском, неопытном сердце. Но я не отказываюсь от «гляденья» на Христа.

Эта икона висела в переднем углу зала, она была застеклена в широком футляре; часто зажигалась лампада перед ней, чтобы экономить свечу для освещения зала. Наша забава заключалась в желании застать и подкараулить Христа спящим, дремлющим. А он смотрел всегда прямо широко открытыми глазами.

Вот потихоньку подкрадываемся мы к двери, чтобы увидеть иным этот серьёзный недремлющий, вечно взирающий прямо перед собой взор. Чуть дыша, одним глазком, вытягивая вперёд шею, держась руками за косяк раскрытой двери, высовывается в зал старший брат Коля. Но тотчас же, словно улитка, втягивает обратно свою шею и, отступив шаг назад, глубоко вздохнув, шепчет с раскрытыми широко глазами: «Смотрит!»

Мы с братом Валея тоже поочередно убеждаемся в невозможности застигнуть взоры Христа, обращенные в сторону. «Он» бодрствует, и его тихий, серьёзный, спокойный и строгий взгляд преследует нас повсюду.

Тогда, набравшись храбрости и крепко взявшись за руки, мы все трое решительно входим в зал и смело глядим в глаза Христа. Однако сразу стихаем и убеждаемся в каком-то упреке с его стороны за эту нашу забаву. Мы разделяемся, расходясь врозь друг от друга: один из двери передней, другой из двери столовой, третий из двери гостиной.

– Вот сейчас он смотрит на меня, – говорю я, наклонившись к боковой стене зала у передней.

– Нет, на меня! – возражает Коля от противоположной стены – у гостиной.

– И на меня тоже! – добавляет брат Валя, выглядывая из двери столовой.

Меняясь местами, мы поражаемся чудесному свойству иконы созерцать в одно время все углы комнаты. Мы не знали, что если бы художник нарисовал прямо смотрящими вперёд глазами

Бабу-Ягу или Кащей Бессмертного, то эти сказочные чудовища тоже одновременно смотрели бы на все стороны.

Мы уходим из зала в столовую. Вся семья за столом. Разговоры не умолкают! Я всё никак не могу отряхнуться от впечатления тёмных задумчивых глаз иконы. Забавная история, рассказываемая отцом, смешит всю семью, и мысли мои проясняются. Внутреннее оцепенение проходит.

В столовой становится темнее-темней от раннего зимнего вечера, от тёмных облаков и безлунных сумерек. За окном начинается снежная пурга, шелестящая, полная какой-то невидимой возни, шипенья, стуков и завыванья. В печную щелку начинает напевать свою долгую песенку вольная зимняя вьюга. Собравшись у няни в детской, мы коротаем ползущее медленно время.

В доме тишина. В детской почти темно. Печку только затопили. Яркое пламя шумит и бешено мечется вокруг дров, обвивая их своими сухими красными лентами. Узорчатая, с резными прямыми дырочками дверца печки притворена. Воздух из комнаты рвётся со свистом через дырочки внутрь к пламени, питая его. Нам приятны эти свистящие звуки проскальзывающих сквозь дырочки струек воздуха.

Нянька-старушка говорит о весне, обещает тёплое лето, весёлые игры. Мы, братья с малюткой-сестрёнкой, расположились на коврике на полу возле печки. Хочется открыть настежь заслонку и заглянуть внутрь – на дикий огонь, пожирающий тонкие берёзовые кругляшки-полешки.

Няня ворчит – она бережёт нас, чтоб мы не сожгли себе пальцев, чтобы нечаянный весёлый уголёк от потрескивающего поленца не прыгнул на рубашку, чтобы в глаз не попала искорка-прыгунья.

Скучно сидеть без забавы. Нас начинает одолевать дремота. А зимний ветер взметнёт, разбушует. Комнатный воздух начинает сильнее рваться в печку через печную топку, он даже разногласно посвистывает.

Детство не любит скучать, не умеет грустить. Нас мало удов-

летворяют свист печки и сонное ворчанье старушки-няни. Мы набираем клочки разноцветных бумажек из рисовальных тетрадок, режем полоски и тонкими змейками впускаем их через отверстия весёлой дверцы – в печку. Там их мгновенно пожирает пламя – полоски тают в огне. А мы шумно радуемся своей забаве.

Потом начинается вырезание квадратных цветных бумажек. Эти бумажки мы прикладываем к дырочкам печной дверцы – тягой ветра бумажки крепко примыкают к дырочкам дверцы. Иногда печка всасывает наши бумажки – они гибнут; мы прикладываем новые и новые и любимся этой разноцветной иллюминацией. Брат Валя называет огоньки «фонариками». Это китайские фонарики, зажжённые в праздник нового года, говорит Валя. Это дворец китайского богдыхана с его разноцветными окнами, говорит Коля.

Мало-помалу дремота одолевает глаза. Вой ветра и шелест снежинок по стёклам совсем убаюкивают. В печке остались лишь угли. Няня помешивает железной клюкой раскалённые угли, плотно завинчивает дверцу печки, закрывает трубу и укладывает в зыбку заснувшую сестрёнку. А мы кое-как успеваем раздеться, чтобы камнем свалиться в кровати. Мы не слышим, как за окнами торжествует буранная зимняя ночь.

ГЛАВА XIII ПРИЕЗД СТАРИКОВ

Я с утра начинаю бегать по комнатам дома, хлопать в ладоши и восторженно выкрикивать:

– Бабушка приедет, бабушка приедет!

Мать сообщила вчера, что по её расчётам приезд моей милой старушки состоится сегодня. Письмо от неё из деревни пришло

.....

неделю назад, и я подряд три дня ожидаю приезда дорогой гостью.

Я знаю, что ехать ей следует около двухсот вёрст зимнего сибирского пути из её родного села Коурака до нашего городка. А лошадь провожатого старичка идёт только днём, отдыхая ночами на постоянных дворах, так что поездка должна продолжаться дня три.

Бабушка всегда приезжает с беленьким старичком-инвалидом, участником Севастопольской кампании, приезжающим в городок за получением пенсии – сразу за полугодие.

Так ежегодно месяца на два бабушка навещает нашу семью, возвращаясь к себе в деревню с каким-нибудь попутчиком.

Там, в селе Коураке, живёт дедушка. Там у них своя изба, свой огород, хозяйство, родня. А здесь в городе родная дочь замужем за учителем и мы, внучата, – их будущее. Случается так, что гостить приезжают к нам в город бабушка с дедушкой вместе. То-то бывает веселье и шумная радость!

Жизнь при стариках делалась менее однообразной, наполненной разговорами и беседами стариков с отцом или матерью, с рассказами всяческих историй и происшествий.

Я никак не нахожу себе места, ожидая приезда старушки, перебегаю от окна на двор к окну в улицу, ожидая увидеть лошадку и санки со знакомой фигурой.

Время тянется долго-предолго. Игрушки и в руки взять тошно – они надоели: все эти кубики, лошадки с коровой, утки, собачки и мячик. Не хочется перелистывать и рассматривать толстую «Ниву» со знакомыми картинками.

Начинаешь бродить уныло, чуть не хнычешь себе под нос. В окнах, в саду и на улице, и во дворе – только сугробы да серое небо.

Минуты идут, время тянется и ползёт. Вот уже и время обеда. Уж няня несёт из кухни молочную кашу для сестрицы; в столовой гремят тарелки, ножи, вилки, ложки.

Из школы вернулись уже красноносые школьники! Я ко всему равнодушен. Жду-не дождусь. Устал от ожидания – мне нужна бабушка! До боли горю ожиданием встречи.

.....

.....

Часы громко бьют три удара. Голос отца собирает к обеду семью. Там, за столом, оба брата наперебой пересказывают свои школьные впечатления, спорят о чём-то с отцом.

Лениво иду в столовую и принимаюсь за свой обед. Мимо ушей пропускаю школьные споры о пользе правления зверски жестокого Ивана Грозного и никак не могу понять государственной мудрости Петра Первого, угощавшего дубинкой своих верноподданных. Разговор оживляется. Дети выкладывают всю свою школьную мудрость. Шумно и бодро звенят голоса.

И никто не заметил, как пара впряженных в кошевку лошадей въехала на наш двор, так как ничтожен был скрип снега под полозом, и мягко ступали копыта.

Только мать, тихонько поднявшись из-за стола, поспешила через детскую на крылечко. Там слышится топанье ног при отряхивании налипшего снега.

И вмиг догадавшись, в чём дело, я опрометью устремляюсь за матерью в сени. Пронзительный крик обращаю назад:

– Приехали, приехали!

За мною торопятся братья, подымается грузно из-за стола отец и даже строгая нянюшка.

И только хочу подбежать я к наружной двери из детской, как на пороге сеней появляется милая бабушка! Она разодета по-зимнему: на ней чёрная дубленая шуба, она закутана платком, полушалком и шалью. Она вся в снежной пыли, вся побелевшая – в инее.

Струя свежего зимнего воздуха облаком стелется по полу. Он приятно бодрит – этот запах морозной свежести.

Я вцепился в шубу старушки. Я начинаю неистово танцевать вокруг гостью, тормоша её, напевая-твердя свою краткую песенку: «Бабушка приехала, бабушка приехала!»

Веселей этих слов и не выдумать.

Братья тянут меня за рубаху, за руки, за плечи. А я ещё звонче кричу: «Бабушка приехала, бабушка приехала!» Братья помо-

.....

.....

гают освободиться старушке от шубы, шали и рукавиц, а я им мешаю, вертясь и крутясь вокруг всех со своей мелодией: «Бабушка приехала, бабушка приехала!»

Крепко целуя и обнимая старушку, мы наперебой перекриваем друг друга, приветствуя гостью, забрасывая её вопросами. Она, улыбаясь, едва успевает ответить на наши вопросы и восклицания.

После встречи с матерью и отцом, старушка целуется с няней и толстухой-сестрой. А мы тормозимся вокруг и тащим гурьбой свою гостью к столу. Вдруг дверь из сеней широко раскрывается настезь, и в детскую вваливается опоясанная кушаком поверх полушубка, с накинутой на плечи бараньей дохой всем нам знакомая фигура весёлого дедушки.

Как под ножом, взвизгивая и захлёбываясь, бросаюсь я к неожиданному гостю, и мы все трое хором кричим, притаптывая:

– Ура! Ура! Дедушка, дедушка! – Он сбрасывает шапку и рукавицы. Как он ещё бодр и крепок! Опираясь подмышками на его могучие руки, я, замирая и трепеща, лечу к потолку. Поцеловав меня и поставив легонько на пол, таким же полётом и поцелуями дед здоровается с Валею и Колей.

Зачем ты меня обманула!? – бросаюсь я к бабушке в столовую. – Ты сказала, что приехала ты одна?! Ай, обманщица, ай, обманщица!

Поцеловав крепко старушку, я мигом перебегаю в детскую, чтобы тормозить, раздевать и тащить веселого деда в столовую.

Я прижимаюсь к любимице бабушке и начинаю говорить, говорить. Я выкладываю все городские новости, все семейные происшествия. Я знаю всё и всё говорю ей, передавая о том, как жилось без неё нам, ребятам; я говорю о няне, о кучере Тимофее, всё, что знаю о лошадях, о коровах, о собаке Катышке, о чёрных тараканах в детской под полом, о длинноусых прусаках за печкой, о двух или трёх пожарах в городе и т.д. Обо всём, обо всём, торопясь, без передышки. Все усаживаются к столу, и обед продолжается. Сюда же уселся и старичок-инвалид, прибывший вместе с нашими стари-

.....

.....

ками. Этот старичок отслужил в солдатах более двадцати лет!

Сколько новостей, сколько расспросов, рассказов, смеха и шуток родилось и зажило в нашем доме с приездом стариков из села Коурака!

Я нахожусь в упоенье от радости, от предвкушения будущих дней совместной жизни с деревенскими стариками. Я не знаю, кого и слушать, я поедаю глазами прибывших гостей, верчусь на своём стуле, как на иглке.

Отец или мать, грозя пальцем, не дают мне вставлять замечания, не дают мне вмешаться в беседу с моими беспорядочными восклицаниями и радостными вопросами. Я охотно мирюсь, не капризничаю, так как знаю, что завтра и послезавтра, за всю неделю, за месяц я уж урву своё время, чтобы поболтать о чём мне угодно и с дедом и с бабушкой. Я тянусь всем существом своим к милым старикам. Я крепко люблю их морщинки, улыбки, их голос, их протодушные шутки, рассказы и тёплые ласки.

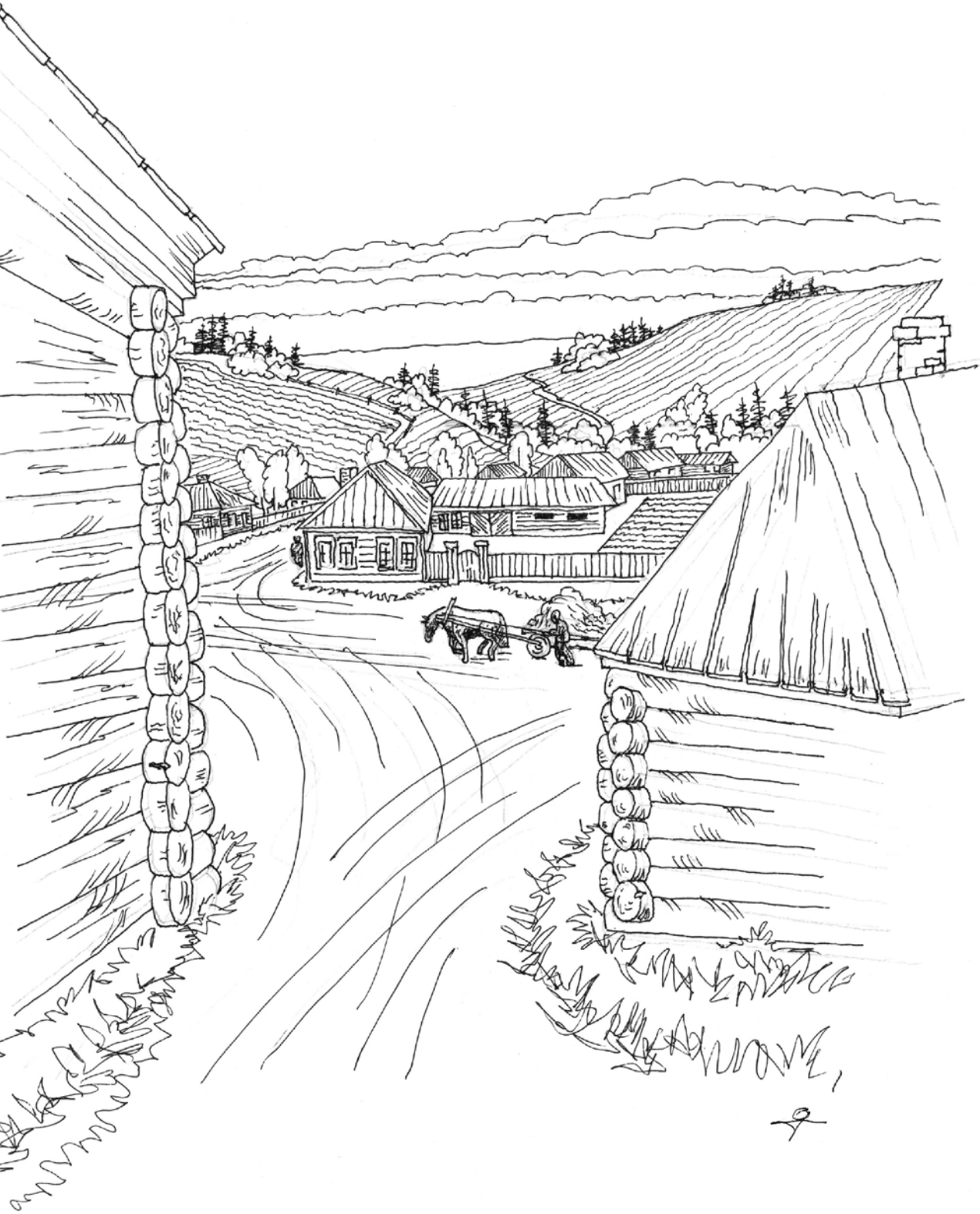
Я знаю, что эти добрые весёлые старики из деревенской глуши своей лаской согреют многие дни моей детской жизни. Они теперь будут близкими, горячими друзьями жадного до любви и тепла детства. И я счастлив безмерно! Я расцветаю в лучах их деревенской любвеобильной доброты!

Начинался чай, и дед выгружал из мешка превкусные деревенские серые калачи из пшеницы. На стол выставлялся берестяной туесок с черничным душистым вареньем. Ребятам давались деревенские леденцы и пригоршни свежих таёжных кедровых орехов и даже целые кедровые шишки. Бабушка не забывала про наши привычки и оделяла нас жёлтыми, белыми репами, красной морковью и огромными, в виде тарелок, огородными из деревни подсолнухами.

Весь остаток дня и весь вечер мы, ребята, привязывались неотступно к своим старикам. И после упорных и надоедливых приставаний дед усаживался в детской на сундук, повествуя нам историю своей женитьбы на бабушке.

– Ну, слушайте, слушайте, как мы поженились с Марфушей!

.....

Ох, и проворнящая она была в те поры. Правда, что крепко я полюбил её. Знаешь, как мы полюбились? Прямо скажу – как хомут с лошадьё!

Дед весёлыми глазками обводил всех сидящих в детской. Мать и нянька громко смеялись, а бабушка шутливо замечала:

– Ну и любитель ты, Исаков, турусы разводить!

А дед, подмигнув крепко, продолжал нам свою историю:

– Отец-то Марфуши – старовер, беспоповец. Нас, православных, не любит. Книги читает только священные, такие, от которых можно язык обломать да глазами ослепнуть. Он и сам-то, чай, в этих титлах, как в лесу путается. Другие-то вовсе могут ума решиться, так вот, он мой тестюшка Михайла-то, и состоит вроде как бы «попом» при этих сектантах беспоповцах!

Бабушка громко восклицает:

– Ух и болтуша ты, Исаков!

Мой отец, всегда порицавший всяких протопопов, дьяконов и дьячков за их жадность к деньгам и ко всякой снеди, громко сочувственно хохочет. Дед продолжает свою повесть.

– А я-то в те поры парень сметливый, настойчивый был. Дядя Михайла за меня не отдаёт дочь – за православного-то. Он считал наших архиереев, священников и церковников слугами антихриста, слугами бесовскими. А мы-то с Марфушей крепко слюбились друг с дружкой. Я и спрашиваю свою милую – хомут-то свой будущий: дескать, за кого ты меня считаешь – за дьявола али за ангела? Она и призналась: «Больше за ангела, чем за беса». Я и решил свою Марфушу положить себе в карман без разрешения дяди Михайлы: взял да ночью и украл её. Ночь была тёмная-претёмная. А конёк у меня был крепыш, молодец. Я конька-то с вечера накормил овсом. Как стемнело, запряг я тележку, поставил у своих ворот и пошёл ко двору дяди Михайлы. На деревне ни души. Собаки с каждого двора на меня кидаются. Супротив ворот Михайловых остановился и тихонько свистнул. А как вышла ко мне моя Марфуша, хомуток-то мой посеребрённый, позолочённый, я почти что в охалку схватил её да поволок, как овечку из стада. Сели мы на тележку – да тут

нас и видали. Марфуша-то плачет, дрожит – значит, опасается. А я утешаю её, сам гоню коня-то с присвистом. В нашей-то деревне поп нас не обвенчал бы, так я и уехал в Сосновку, за 50 вёрст от нашего Коурака. Утречком рано подъехали мы к церковке, что в Сосновке, дождалась отца Павла да и обкрутились вокруг налож за четвертной билет – на всю будущую жизнь. А к вечеру-то я привёз свою молодую жену с доверенным да печатью попа Павла к себе в избу. Моя-то родня диву далась да только ахала моему уменью. А дядя Михайла вроде отрёкся от своей беглой дочери, а меня прямо бесом обозвал. А вся Марфушина родня только плевалась да по-старинному двуперстные кресты на себя клала! Жались они от меня – от антихриста бесовского. А потом мы примирились с её-то родней, но так и остались: мы – православными, они – беспоповскими староверами. Вот как мы с Марфушей-то свадьбу сыграли! И живём с тех пор в мире и согласии 35 лет. Двух дочерей вырастили. И я очень доволен своим краденым добром!

Бабушка тихо всхлипывала от нахлынувших воспоминаний. Нянька и мать вытирали свои глаза и сморкались в платки. Отец молча глядел в тёмное окно, в сад; мы, ребята, восхищёнными глазами глядели на деда, какого-то другого, чудесного, как на человека, о котором прочитаешь или узнаешь только из книжки.

И незатейливый рассказ с правдышным, настоящим героем, сидевшим перед нами на сундуке в детской, этот рассказ, повторенный много раз дедом, для меня был одним из лучших литера-

Рисунок Вал.Булгакова: полуразвалившаяся изба в селе Коурак
Рисунок с натуры. 1906 г.

турных произведений, так как автор и герой слились в один образ. Это было трогательней, чем Иван-царевич на сером волке. И тысячи вопросов нарастали, поднимались и стучались ко мне за ответами, поражая в детском сознании новые мысли, новые чувства.

Мне было жаль «дяди Михайлы», моего прадедушки, у которого так смело была увезена дочь Марфуша из родного дома, так как элемент горячей, страстной любви в похитителе был недоступен моему сознанию. Шестилетним опытом жизни я ещё мог понимать, как мой дед Никифор Исаков яростно воевал с турками, я верил дедовской солдатской песне, что «сулейманы и аскеры крепко в Шипку били лбом, а мы били их без меры и прикладом, и штыком». Я чувствовал, что я и сам так же по-дедовски яростно смог бы воевать со своими солдатами против врагов своей Родины. Но любовь деда к бабушке Марфе Михайловне и увоз её к себе, и ссора с кержаками-родителями, и дальнейшая жизнь моих стариков среди деревенских кержаков-беспоповцев – это всё было пока для меня недостижимо. Хотя дедушка и получил кличку «беса» от своего тестя Михайлы, я восхищённо любил своего хлебороба и деревенского сапожника «Исакова» – безоговорочно и горячо.

Надя – младшая
сестра братьев
Булгаковых. Фото
начала 1900-х годов.

ГЛАВА XIV ОТЕЦ

Около семидесяти лет прошло с тех пор, как умер мой отец, но я хорошо помню его высокую, чуть сторбленную фигуру, помню голос его. Правда, образ отца как-то колеблется в шаткой памяти, но я помню крупные черты его лица, особенно большой прямой нос. Высокий, крепкий, стареющий, он стоит передо мной довольно чётко. На меня смотрит бритое безусое лицо, иногда строго, иногда с улыбкой. Его волосы поседел – ему перевалило

.....

за семьдесят лет. Я вижу, как из широкого кармана своего длиннополого коричневого халата он достаёт тёмно-красный носовой платок величиной с салфетку и начинает громко сморкаться. Потом волосатая рука прячет платок обратно в карман. Затем, сложив руки назад, отец с лёгким потряхиванием всего корпуса при каждом шаге проходит по комнатам и направляется в свой кабинет-спальню, чтобы занять место на клеёнчатом кресле у своего письменного стола.

О молодых годах отца я знаю очень мало и, главным образом, со слов матери. Знаю, что он был сыном дьячка Алексея из села Оржевки Кирсановского уезда Тамбовской губернии. По окончании Тамбовской семинарии не посвятил себя духовной церковной деятельности, но уехал в Западную Сибирь и почти сорок лет работал педагогом. Он состоял преподавателем русского языка, истории, географии в приходском училище и в уездном училище г. Кузнецка. Последние годы он работал смотрителем народных училищ Кузнецкого и Бийского округов. После чего вышел в отставку, получил пенсию 540 рублей в год, купил участок земли, построил дом, флигелёк, амбар, сарай, баню и занимался пчеловодством и огородничеством.

Мать говорила нам, что последний год жизни отец не раз тревожно задавал вопрос, как он сможет «поднять на ноги» трёх сыновей и двух дочерей.

Вот почему кроме страстной охоты к пчеловодству, отец тщательно весной перепахивал и разделял свою огородную чернотёмную землю и получал с огорода хорошие урожаи картофеля, моркови, свеклы, редьки... Кроме того, в огороде были грядки с горохом, луком, грядки с огурцами, а на длинной компостной грядке вызревали в наши жаркие кузнецкие летние месяцы сладкие арбузы и даже жёлтые ароматные дыни. Плоды огородных трудов служили подспорьем нашей семье.

Но, повторяю, любимейшим постоянным занятием отца было разведение пчёл. Заботы и труды по пчеловодству хорошо вознаграждались – ежегодно отцовская пасека давала несколько пудов меда, который сливался в полутораметровые деревянные ба-

.....

.....

ды и хранился в небольшом амбаре возле курятника. Часть меда продавалась на сторону, но наша семья во все времена года питалась собственным медом, почти не зная сахара, конфет и совсем не зная шоколада.

В кабинете отца всегда стоял медовый аромат от разных пробных коробочек с сотами, баночек и блюдец с медом, от рамок из ульев, от клеточек для пчелиных маток и разного пасечного инвентаря.

Часами сживал отец на крыльчке дома – в сторону двора – и мастерил свои рамки, решёточки, сетки, кормушки, постоянно вёл записи, что-то обдумывал или выковыривал из восковых сот тонкой спичкой жирных трутней, бросая их курам.

После ликвидации пасеки с двумя десятками, а иногда и больше, рамочных ульев за семь километров от города отец завёл небольшую пасеку, ульев десять-двенадцать, в дальнем углу огорода, в стороне от грядок. Тут он чаще наблюдал, изучал и обдумывал жизнь и нравы маленьких тружениц. Эта огородная пасека была научно-практической лабораторией для точнейших записей и составления научного труда по пчеловодству.

Иногда отец по всему огороду разбрасывал весной семена медоносных растений. И благодаря работе золотых пчёл, опылявших цветы, в нашем огороде не переводились самые пёстрые цветы со своими ароматами, и всегда был урожай на грядках огурцов, дынь и арбузов.

Результатом отцовских трудов и наблюдений над жизнью и работой пчёл была толстая папка с рукописью отца под заглавием «Сорок лет пчеловодных занятий в Западной Сибири». Рукопись этого труда была сдана в начале 1900-х годов в канцелярию томского епископа Макария, и судьба её осталась неизвестной.

Помню, что в небольшой библиотечке отца были книги по естествознанию, и я не забыл споров и разговоров отца с матерью и гостями о наших прапрадедушках, прапрабабушках от четверо-руких предков. Родители спорили, держа в руках книгу Ч.Дарвина «Происхождение видов». Иногда я с тайным трепетом всматривал-

.....

.....

ся в сторбленную фигуру своей милой бабушки, в её морщины на лице, с её пушком на подбородке и думал о её далекой прапрабабушке, которая уже наверное, мне казалось, была зубастой и волосатой лесной обезьяной.

Так как отец часто общался с природой, бывая на загородной пасеке, куда приходилось ехать лугами, полями, лесом, он составил полный гербарий всех медоносных растений кузнецких окрестностей. Помню, что в кабинете отца стояли два застеклённых ящика с коллекциями насекомых, полезных и вредных как растениям, так и пчёлам. Все эти чёрные огромные шмели и полосатые осы, как и жужелицы и крохотные коровки, все были наколоты на простые булавки. А в выдвинутых ящичках столов тоже на булавках меня пугали разные лягушки, ящерицы, умело засушенные отцом.

На столе появились у отца, наверное, для повторного чтения, его семинарские записи по философии. Иногда нас занимала находящаяся в особом ящичке под стеклом коллекция старинных медных монет.

Отец в моих глазах был каким-то недосыгаемым ведуном, знавшим всё, что было на земле миллионы лет назад, какие жили и как жили на земле люди, животные и птицы. Мне казалось, что он знает наизусть всех иностранных и русских князей и царей, что он понимает все явления природы. Всегда слово «учитель» до школьных лет я воспринимал как слова «чародей», «кудесник», «мудрец». Так же, как позднее, будучи школьником, я считал всякого профессора ведуном всех знаний и тайн природы.

Да, уважал я и благоговел перед своим умным отцом, но некоторых его поступков своим детским рассудком никак не мог постигнуть. И прежде всего большое недоумение и вопросительные раздумья в моей душе порождала привычная отцовская страсть к картёжной игре. Он никогда не пил вина, он никогда не курил, а вот картёжная игра отравила его разум и въелась в его душу, как ядовитая болезнь. Я почти жалел отца за его безумную страсть к преферансам, винтам, стуколкам и прочим видам этого человеческого недуга.

Когда я вырос и узнал о страсти наших великих писателей –

.....

.....

А.С.Пушкина, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого к карточному и другим азартным и спокойным соревнованиям за зелёным сукном, я просто стыдливо мучился за них, сочувствовал им... Молодые годы человека как-то оправдывают горячих картёжников, но играть в карты до одурения и самозабвения в шестьдесят лет – трудно оправдываемо с любых точек зрения. По-видимому, игра в карты служила отцу отдушиной для выхода энергии в той провинциальной уездной жизни, когда, будучи на пенсии, он, кроме пчеловодства, ни на что не тратил своей мозговой энергии.

Я гордился отцом за его постоянную трезвость, ибо он смог преодолеть эту самую коварную и губительную людскую страсть, он не поддался власти «зелёного змия», как и ни разу не выкурил ни одной папиросы. И вдруг этот учитель, который «всё знает и всех умнее» в городе Кузнецке, увлекается беспашашной, дикой карточной игрой. Часто, например, в нашем доме собирались досужие гости, тоже учителя или чиновники казначейства, суда, почты, и всю ночь напролёт «резались» в банчок, в винт, в стуколку, в «тёмную». Отец большей частью выигрывал. Говорили, что ему «везёт в карты». Но помню случай, когда он проиграл в одну из таких картёжных ночей более шестидесяти рублей. Говорили, что игра велась «по маленькой». Пришлось отцу часть денег уплатить немедленно, а другую часть он «отыграл» в следующие ночи.

Если в те годы пуд пшеничной муки ценился на кузнецком базаре в 25 копеек, значит, отец за ночь проиграл своим удачливым партнёрам – по 4 пуда на рублёвку – всего 240 пудов муки! А бывало и так: собиралось городское общество в кузнецкое Общественное собрание, и там до одури наши «отцы города» – купцы, чиновники, учителя – картёжничали по два, по три дня кряду.

Иногда моя мать получала от отца, игравшего в Общественном собрании, записку с просьбой о присылке ему подушки и одеяла, чтобы после небольшой передышки он смог бы вновь засесть за картёжное зелёное поле, где стуколка сменялась винтом, винт – преферансом или «тёмной». А на другое утро мать посылает отцу горячий завтрак, а днём по его записке досылаются деньги; потом

.....

обед, а вечером – горячий ужин с «горячей просьбой» оторваться от всех мастей, колод, козырей, робберов и всяческих «стуколок» и вернуться к родному очагу. Поистине, это было «гомеровское» картёжничанье!

Вот как растрчивали в царские времена свои силы чиновники, учителя и купцы в глухом провинциальном Кузнецке.

Если отец проигрывал или выигрывал десять, пятнадцать рублей, мне было очень трудно перевести эти суммы на количество моих резиновых мячиков или на число дудочек, лошадок или барабанчиков. Так и не мог я постигнуть, как мой умный и хозяйственный папа рисковал деньгами и бросал на два, три дня домашние дела и семью. Я поражался, удивлялся на эту страсть отца. Жалеть его я не умел, так как не понимал картёжной страсти. Иногда к этой страсти питал боязливое уважение.

Так как я был дошкольником, я всегда смело надоедал отцу своими вопросами и безделицей. Он часто шутил, смеялся, острил. Я прибегал к нему в кабинет, целовал его в правую, часто небридную, колючую щеку. Взглянув под кровать отца, я вскрикивал:

– Папа! Смотри же, смотри! Мышка попалась! Под чашкой сидит. Посмотри!

Отец поднимался с кресла, подходил к своей кровати, под которой стояла на полу перевернутая вверх дном стеклянная полоскательница – мышеловка с кусочком сала. Юркая мышка, съевшись, раскинув свой бессильный хвостик, поводит остренькой мордочкой, беспокойно озирается, предчувствуя большую беду. И жалко её, эту пойманную грызунью, и хочется посмотреть, как отец прижимает краем чашки мышиный хвостик, берёт двумя пальцами его кончик и несёт, часто встряхивая, болтающуюся, извивающуюся и вздрагивающую пленницу на крыльцо, на съеденье собаке Катышке. Отец громко зовёт пса: «Катышка, Катышка! На!» Из-под крыльца вылетает злая рыжая дворняга. Увидев в двух отцовских пальцах висящего зверька, начинает подвизгивать, вилять лохматым хвостом, подпрыгивать. Стукнув мышонка о стенку дома, отец бросает добычу в разинутую пасть собаки.

Я вздрагиваю и в этот момент даю себе слово не говорить отцу о попавших в мышеловку зверьках. И вскоре, взглянув под отцовскую кровать, видишь, как, вытянув острую мордочку, под стеклянной тюрмой кружится, желая выскочить из неё, новая пленница. Я осторожно приподнимаю один край ловушки – и мышь на свободе! Юркий зверёк нырнул в подпольную дырку, а я ставлю ловушку на палочку, чтобы отец не узнал о проказе.

А через полчаса сам отец зовёт меня на крыльцо кинуть в пасть ненасытного Катышки вновь пойманного глупого зверька. Я начинаю спорить:

– Не пойду я на крыльцо! Мне жалко мышонка!

Отец успокаивает меня и убеждает меня быть врагом мышиною племени длинным рядом вопросов: «А кто наши сальные свечи в кладовке грызёт? Кто источил своими острыми зубами все мешки и продырявил ящики? Кто вгрызается в морковки, репки и грызёт в подполье картошку? Кто дыры в амбаре сверлит даже в толстых досках? А зерно поедает на складах и в поле? Почему корешки моих книг так безобразно испорчены? Кто срезает, как бритвой, колосья на ниве? Следы чьих зубов видны на куске хлеба, оставленном на тарелке в столовой до утра? Это все мыши работают, их тысячи и на полях и в домах! Почему, посмотри, корешки моих папок безобразно испорчены? А кто прогрыз дырки в твоих сапогах в кладовой, пока ты зимой бегал в валенках?!»

Мне становится стыдно, я сознаюсь отцу, что я пожалел мышку и выпустил её на волю, я обещаю не трогать мышеловку. Мы примиряемся и обещаем согласно продолжать борьбу с тысячами юрких врагов человека, вредителей полей и амбаров.

С моими братьями-школьниками отец вёл постоянные беседы о грозном электричестве, о северных сияниях, о землетрясениях, беседы по зоологии и ботанике; рассказывал о жизни пчёл, эпизоды из истории.

Я часто слушал эти беседы. Иной раз не понимал предмета их разговоров. Иной раз, наоборот, со страхом переживал всякие жуткие моменты отцовских рассказов и пояснений.

Фёдор Алексеевич Булгаков.

Фото 1880-х гг.

Особенно мне запомнились разговоры отца, матери и моих братьев школьников о предстоящем звёздном дожде в 1902 году. Отец с детским трепетом рисовал перед нами ночную величественную картину, будто бы предсказанную учёными-астрономами.

Я конечно, тогда не знал, что земной шар попадает в метеорные потоки разных «леонид» и «персеид». Бывало, отец говорит: «Мы взглянем на тёмное ночное небо и в определённый час ночи увидим, как золотой звёздный дождь ослепит нас ярким сиянием. Блестящие нити падающих звёзд-метеоров и обрывки хвостатых комет сплетут по небесному своду паутину необычайной красоты. Посыплется каменный дождь раскалённых осколков на землю. Это будет невиданный ещё людьми фейерверк! Только бы дожить до этого момента и не умереть прежде 1902-го года! Если бы этот звёздный каскад пролился на холодную землю и вся бы земля вспыхнула мировым пожаром» – говорил отец, – я бы с радостью первым сгорел в золотом звёздном огне. Я согласен: пусть сегодня же прольются эти потоки расплавленных звёзд, а завтра меня не будет на земле! Так говорил отец. Я с разинутым ртом слушал эти слова отца. Я отказывался, мне было больно воспринимать картину гибели от небесного огня всех наших лесов и полей, и нашего милого городка, и серебряной реки, и нашего родного домика, и семьи, и себя. Я даже заплакал, вообразив, как горят мои милые няня, бабушка, дедушка. Если бы я знал тогда, семьдесят лет назад, я бы пропел нынешнюю любимую песенку всех детей мира: «Пусть всегда будет небо, пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я!»

Отец крепко верил в свою фантастическую звёздную катастрофу. Но он не дожил до 1902 года. Прошёл и 1902 год. Земной шар здравствует и поныне, и никакие небесные дожди ему не страшны. Но трепетное восхищение величественной картиной звёздного ночного пожара, нарисованной отцом 70 лет тому назад, я сохранил в своей памяти до сих пор.

ГЛАВА XV ПОД КОЛЕСОМ ТЕЛЕГИ

Мне почти шесть с половиной лет...

Раннее утро, но июльское солнце греет сильно. На небе ни тучки. Я смотрю, как по склону холма, по косогору, широкой дорогой спускаются к городу деревенские телеги, спешащие на один из летних базаров. Я сбился со счёту, когда подвода за подводой в сопровождении пеших мужиков и баб или с сидящими на возах людьми прошли чуть ли не тридцать груженных телег. Я начал кланяться-просить отца, чтобы он взял и меня на базар, так как знал, что отец с вечера уговорился идти туда с братом Колей.

Отец согласился, и мы трое вышли из ворот дома. Полный гордости и достоинства, что я как большой иду на базар, вышагивал я, озираясь, по улице и крепко сжимал левую руку отца, чтобы не оторваться. Справа отец держал за руку Колю.

Немного отойдя от дома, мы слышали базарный шум, крики и гвалт нескольких сот людей, ржанье лошадей, мычание коров и телят. Вozы с деревенскими продуктами не уместились на базарной площади и стоят по прилегающим улицам и переулкам. Глаза мои разбегаются по сторонам, уши полны рёвом и говором, петушиными криками, кудахтаньем кур, поросычьими визгами, звонами колокольчиков.

Отец крепко сжимает мою руку, чувствуя, как моя рука от рассеянности ослабевает. Мы обошли мучной ряд крестьянских телег, ряды с овощами и всяческой огородиной. Просмотрели мы и всех привязанных к телегам продажных лошадей, коров и телят.

Отец часто пробовал на вкус муку и овощи, заглядывал в плетушки с поросятами, курами и молодняком – петушками.

А мы с братом зевали на выпряженных и жующих сено деревенских маток с жеребятами, на проходящих цыган и ярко ра-

зодетых цыганок, на нищего старичка, пьющего горячий сбитень с пшеничным калачом. От пыльного воздуха пот, ливший со лба старичка, превращался на щеках в сероватую струйку. Высокий мужик продавал под телегой, наполненной огурцами, двух зайчат, пойманных им в кустах по дороге к городу. Сушь и пылящая жара заставляют приезжих деревенских продавцов часто прикладываться к жбанам, стоящим почти на каждом возу.

Вокруг пёстро, шумно, радостно, бестолково. Кто стоял, кто двигался, кто лежал, кто сидел. Для меня всё это было ново, свежо, полно смысла, значения, интереса.

В стороне заливается плохонькая гармошка; её заглушает купленный бабой своему мальчику звучный рожок; рядом выкрикивает свою дешёвую цену на арбузы юркий торговец; из-под телеги вдруг загорланит петух. А в лавочных рядах торговцы заманивали на все лады простодушных жителей деревень, выхваляя платки, полущалки, орехи, конфеты, обувь, игрушки.

Отец решил посмотреть ещё ягоды, и мы прошли за деревянные базарные лавки. Тут у коновязи стояли верховые сибирские лошадки, увешанные берестяными туесками жителей деревень-аулов с верхнего течения Томи и Кондомы. Обойдя торговцев и торговок черникой, брусникой, чёрной смородиной, мы направились после часового базарного хождения на свою улицу.

Не вышли ещё мы с площади, как я почувствовал могучий толчок, и какая-то сила оторвала меня от руки отца. Ничего не понимая, упал я на землю и сообразил своё положение только когда, лёжа на спине, увидел глазами переезжающее по моему животу пыльное колесо телеги, марающее мою беленькую чистую рубашку. Оказалось, что меня оторвала от отца и подмяла под себя телега, и меня переехало заднее колесо телеги.

Это случилось в мгновение. Мне как будто не было больно, и я ощущал только удивление, что попал под телегу. Телега меня переехала и остановилась. Я быстро встал, отряхнулся, оглянулся вокруг и засеменил ногами к отцу и брату.

Отец держал за поводья смиренную клячу и заливался на весь базар ругательствами, призывая полицию: «Ах, ты, шельма,

дура, дура-баба! Скотина безмозглая! Куда едешь, слепая?! Задавила ребёнка!»

Испуганная баба сидела на пустой телеге и хлестала кнутом свою клячу, намереваясь вырваться из рук отца.

«Ты что наделала? – кричал отец. – Ты сына у меня чуть не раздавила! Сюда, сюда, полиция!» Вокруг нас собралась толпа любопытных.

Но базарный стражник не приходил. Отец бросил поводья, схватил нас с Колей за руки и потащил домой. Дома меня осмотрели: царапин и ран нигде не оказалось. Меня переехало только заднее колесо телеги. Шум и суетня вокруг меня и разные опасения возможных ранений вызвали во мне разнеженность, испуг, и я под причитания нянюшки разревелся, как баран. Чтобы меня утешить, мне набрали в стакан спелых ягод черёмухи прямо через окно из сада. И хотя я долго ещё всхлипывал, но все ягоды съел, прося дать ещё и ещё.

Во время вечернего чая отец обзывал меня карапузом-ротозеем, всячески трунил надо мной, над моею рассеянностью во время прогулки. А няня и мать, заступаясь за меня, обзывали зевакой отца, говорили, что он оказался неспособной, плохой нянькой.

А я начинал гордиться своим спокойствием и бесстрашием во время неожиданного переезда через меня телеги. А потом всякий раз перед друзьями-ребятами я с удовольствием пересказывал и даже хвастался своим геройством, своим избавлением от грозившей мне опасности, хотя помнил отлично, как через мой живот довольно спокойно перекаатило колесо пустой телеги.

После этой неудачной прогулки по базару я, наоборот, приобрёл все права на товарищество и на совместные шалости, игры, забавы и приключения со старшими братьями и с их сверстниками-школьниками. Помятый телегой, я считал себя как бы сразу выросшим до уровня своих старших братьев и своих старших друзей-ребят. А старуха нянюшка даже приговаривала, что мне предстоит долгая жизнь после этого сурового приключения. Отец же только улыбался и шутил, говоря: «За битого двух небитых дают!»

ГЛАВА XVI

ПИСЬМО ИЗ ТОМСКОЙ ГИМНАЗИИ

Зимним вечером после сумерек выходит отец из своего «кабинета», неся в одной руке медный подсвечник с зажжённой сальной свечой, а в другой руке, радостно поднятой вверх, запечатанный конверт с письмом от старшей дочери Елены. Елена учится в Томске в женской гимназии. Там же в мужской классической находится первую зиму брат Коля.

Отец получил письмо днём, он принёс его для общесемейного чтения вечером. Отец возбуждён, лицо его радостно. Громко сзывает он к себе всю семью и сам располагается за обширным столом в столовой. Я и брат Валя наваливаемся локтями на стол и с любопытством ожидаем момента распечатывания письма. Мать усаживается против отца. Сбоку на стуле сидит пришедшая из детской няня с дремлющей сестрицей на руках. Рядом с нами наша милая ласковая бабушка.

Надев очки, отец обводит собрание довольным взором. Возвращается тишина. Стихает за окном даже зимний ветер. Глухо-далеко у соседа пролает собака. Тикают мерно ходики. Отец начинает читать адрес: «Город Кузнецк Томской губернии. Его Высочайшему Фёдору Алексеевичу Г-ну Булгакову. Собственный дом». Приписка внизу: «От Николая Булгакова».

На свет свечи конверт просвечивает, и письмо выдаёт свою тайну: в углу конверта густо чернеет пятно. Это вырезные раскрашенные картинки, вложенные в конверт. Это наши детские подарки от далёких школьницы и школьника из Томска, от Лены и Коли. Старшая сестра вложила своё письмо в конверт своего брата-первоклассника.

Отец неторопливо, аккуратно вскрывает конверт узким

лезвием перочинного ножичка. Вырезные картинки выпадают на клеёнку стола, мелкая пёстрыми красками и чернильными надписями наших детских имён и приветствий на оборотной их стороне.

Отец пока прикрывает кучку картинок ладонью и начинает чтение письма. Сначала торжественно вычитывается приветствие от дочери, гимназистки седьмого класса, и сына, гимназиста первого класса. Это приветствие с восклицательными знаками чётко выведено прописями на трёх языках – латинском, немецком и французском.

Для меня эти все языки одинаково непонятны, и я гляжу в рот отца недоумевающе. А он нарочно делает паузу после каждого восклицания, смакуя для нас, неучков, эту великую учёность Коли, уехавшего только нынешней осенью в классическую гимназию, и Елены, проживающей в казённом пансионе гимназии седьмой год. Перед нами мелькают фразы на латинском, немецком и французском языках.

Отец после всеобщего удивлённого молчания переводит эти фразы: «Здравствуйте, дорогие родители! Добрый день, наши дедушка и бабушка! Добрый день, милая няня!» Новых языков отец сам не знает, так что о возможных ошибках своих учёных ребят ничего не говорит.

Дальше в письме говорится о том, что оба учащихся живы-здоровы, что занятия их идут успешно. Подробно излагаются большие события гимназической жизни: пансионерок водили слушать оперу Глинки «Иван Сусанин» с казённым названием «Жизнь за царя»; а гимназистам было разрешено с двумя преподавателями посещение литературно-музыкального вечера. Сообщается о том, что брат Коля исправил свою двойку по латыни на три с плюсом, что сестра Елена за домашнее сочинение получила «четыре с точкой», а за классную работу четыре с минусом. Затем следовали описания изменений форменного гимназического платья и передников, о ношении ботинок и причёсок и т.д. Наконец, шли поцелуи, приветы, поклоны и пожелания здоровья родителям, братьям, сестрице, няне и бабушке с дедушкой, даже Катюшке

и корове Белянке.

И всё длинное послание, пересылка которого стоила семь копеек, заканчивалось жирными словами на иностранных языках:

«Будьте здоровы! Доброй ночи! До свидания! Живите долго! Желаем добра и счастья!!»

И веяло на меня какой-то новой неведомой жизнью, новым недосыгаемым миром со страниц этого двойного письма из губернской классической гимназии. Чудились педагоги в очках и мундирах, гимназистки в белых чистеньких фартуках и гимназисты – причёсанные, в мундирчиках с галунами на воротниках и светлыми пуговицами.

Какие-то свежие волны, набегая, заливали тихую семейную гладь, чуждую этих забот о науках, без театра, без непонятных иностранных языков.

А сердце отцовское радуется за свою дочь, изучающую успешно французский язык, гордится за своего начинающего сына-гимназиста, выводящего в письме каракулями латинское «Вале!» Отец шутит, смеётся, распределяет нам присланные из Томска резные пёстрые картинки, выкликая надписи на их обороте. Мы сравниваем, спорим, пересматриваем эти картинки, меняемся ими и прячем в свои тетради.

Родители беседуют о подрастающих детях, высказывают опасения на недостаточность средств, чтобы меня с братом Валею довести до гимназии и поместить в пансион.

И я сам тревожусь за свою будущую судьбу, с затаённым дыханием слушаю и передумываю все расчёты родителей. С будущей осени мне предстоит поступление в начальную школу, куда отдадут меня родители.

И мне представляется школа с ребятами, учителями, с уроками, книжками и заботами... Промелькнёт время, и настанет пора отправляться в школу, а после школы начальной и в гимназию (это уже совсем страшно), где строгие очкастые учителя, где директор-ворчун, где злой инспектор и где придётся одолевать эти непонятные иностранные языки.

Мне делается тревожно и жутко. А далёкий голос в душе шепчет с удовольствием: «Как хорошо, что я ещё маленький, что меня нельзя ещё отдавать в эту страшную гимназию; как хорошо, что я ещё долго-долго, несколько лет проживу дома, в родном уютном Кузнецке и не поеду пока из милого моего городка в этот большой губернский город с его гимназиями и театрами... Да и ехать туда надо 400 вёрст!»

А за вечерним чаем опять продолжается беседа о далёких, оторванных от родной семьи школьниках, о гимназии, о подробностях и мелочах присланного письма.

Я продолжаю рассматривать свои картинки-подарки из Томска и особенно – крупную махровую чайную розу от сестры Лены и чудный домик-замок на берегу речки от брата Коли.

И неустанно, тревожно детское воображение представляет таинственно далекую, за 400 вёрст от нас гимназию. Набегают мысли о шумном губернском городе, о своём скором ученье.

Что-то новое и значительное накапливается и оседает налётом в душе, что-то бродит, волнуется и накипает в уме... Заслоняется прошлое и настоящее, настойчиво выступает, надвигается, тревожит значительное будущее.

ГЛАВА XVII СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК

Дни рождения и дни именин отца или матери праздновались всегда у нас особенно пышно.

Наш домик гудел от веселья и говора. Все окна блестели огнями. По комнатам празднично раздавались звоны стаканов и чашек, лязг вилок, ножей, стук тарелок и треньканье рюмок.

Я всегда дожидался этого дня с нетерпением.

Ещё накануне в кухне весь день стоял стукоток и звон медной ступки. Детей не пускали внутрь кухни; туда можно было заглядывать только в растворённую настежь дверь. А там властвовала и командовала приглашённая повариха Афанасьевна, так как своя кухарка не смогла бы одна приготовить для именин всех намеченных накануне кушаний и в достаточном их количестве.

Афанасьевна суетилась, разгорячённая, с каплями пота на лбу, распорядилась и стряпала сама. В жаркой кухне носились запахи корицы, гвоздики, ванили, уксуса, перца, толчёного миндаля, битых яиц. Воздух наполнен был сахарной пылью и чадом подгорелого масла, ароматом свежих калачиков, булочек, разных пампушек, вафель, ватрушек.

Мы торчали возле дверей по целому часу, и Афанасьевна время от времени из своих свежих запасов, с горячих листов и противней совала нам в руки то помятую тёплую булочку, то сломавшийся миндальный крючок, то подгорелую сладкую лепёшечку, посыпанную пасхальным маком. Мы убегали на улицу, а потом опять возвращались и наблюдали, как жарятся куры, взбивается крем и готовятся желе и мороженое.

Отец получал 45 рублей ежемесячной пенсии – деньги в 1895-1896 гг. большие. В самый день отцовских именин грохот и

беготня на кухне увеличивались ещё более, и Афанасьевна с кухаркой и помогавшие им бабушка с матерью суетились, мучились, нервничали в этом чаду, в этой кухонной жарнице с утра до обеда. Что-то доваривалось, дожаривалось, допекалось, что-то доделывалось.

И мы никак не могли дождаться обеда и чая, чтобы в полную сласть отведать искусной стряпни Афанасьевны. Но званый обед нарочно затягивался, чтобы сократить время от обеда до позднего ужина.

Наконец именинник, отец, выходил из кабинета в столовую.

Больше десятка приглашенных к обеду гостей вызывались из зала и гостиной к столу.

Кухонный стук прекращался, шло приготовление к обеду – мать разрешала всем детям занять свои места за обеденным столом. Сам именинник в старом мундире, украшенном тремя орденами, приглашал к столу всех гостей. Себе наливал он стакан домашнего чёрного пива и чокался поочерёдно с гостями, принимая приветствия и поздравления.

Гости пили коньяк, зубровку, рябиновую и английскую горькую, а чаще смирновскую водку из домашнего синего графина. После первых же тостов веселее звенели бутылки, стаканы и рюмки. Гости шумели, становились игривей, разговорчивей. Одни из них налегали на именинный паплет из курятины, другие – на огромный рыбный пирог. Много похвал расточалось героине дня – Афанасьевне. Она сидит тут же за столом, выпивая рюмку за рюмкой то сладкую вишнёвку, то настойку из рябиновых ягод.

Мы, ребята, едим пирожки с бульоном и перешёптываемся о гостях, с особенной забавой наблюдая за гостями, начинающими пьянеть от частых выпивок и поздравлений.

Все закусывают усердно то рябчиками, то жареной рыбой с картофелем. Нам кажется, что гости собрались вовсе не для поздравления отца, а ради обильного угощения рыбой, дичью, телятиной, поросёнком. Этих гостей словно год не кормили – они упиваются и наедаются до отвала. Да, провинциалы Кузнецка конца

19-го века любили выпить и закусить.

А мы, ребята, себя приберегаем для своих порций мороженого и сливочного крема. Мы рады, что некоторые из обедающих совсем отказываются от сладкого блюда. Мы видим и рады, что старушки и постники вместо мороженого едят густой кисель с черносливом, изюмом, урюком и шепталой. Мы повторяем свою просьбу к матери о добавочных ложках мороженого и вкусного крема.

Обед кончен. Гости, тугие и сытые, поднимаются из-за стола и расходятся то в одиночку, то парами по стульям и креслам зала, гостиной и кабинета отца. Тогда по комнатам начинаются треск и щёлканье грецких, казанских и кедровых орехов. Кое-кто угощается мармеладом и грызёт домашнюю черносмородинную пастилу, твёрдую, как ремень.

Из-под стола выволакивают съехавшего туда со стула отставного учителя Хрисанфова, опьяневшего, густо храпящего, и укладывают на постель в кабинете отца.

Крикливую старушку-постницу, поедавшую только рыбу да кисель, – Шумкову, мать смотрителя уездного училища, уводят в детскую, и она, разгорячённая домашней столовой наливкой, спорит там о чём-то с моей бабушкой и другой старушкой. Я замечаю, что моя бабушка тоже сделалась словоохотливой от рябиновой настойки.

В гостиной кое-кто начинает сопеть и дремать, переваривая съеденное и выпитое; кое-кто курит; другие мирно беседуют.

К вечеру прибывают новые визитёры и гости. Представители нашего захолустного уездного общества здесь налицо. Тут городской староста Попов, смотритель училищ Шумков, соборный протопоп Любимов, дьякон Дроздов, два поджарых учителя уездного училища, отставные учителя, купец-оптовик Конов, мировой судья, прозванный за скупость Плюшкиным, здесь Гребнёв, казначей уездного казначейства, тут доктор Лаптев и его спутник городской фельдшер. Почти каждый из гостей привёл на именины свою жену.

И каждый из гостей даёт нам, ребятам, материал для серьёз-

ных наблюдений и вопросов, для насмешек и забавных замечаний. Особенно интересно для нас дамское общество, хлопотливое, пёстрое, более подвижное, чем мужское.

Дьякон, захмелев, вынул сморкаться красный платок величиной с квадратный аршин, а из платка выпали три мармеладки, припасенные им для своих ребят, а нам – смех и забава! Супруга городского старосты, запойная пьяница, ушла в детскую и там пьёт уже третий стакан белой водки тайно от мужа, от всех гостей, а мы видим всё это и довольны открытием этой «тайны»!

Низенькая толстуха-купчиха Конова впиалась своими вставными зубами в пирог, это было за обедом, а вытащить их не смогла и скорей-скорей побежала с куском пирога тоже в детскую, чтобы обратно водворить себе в рот искусственные челюсти, выдернутые руками из пирога. Жена смотрителя хватилась вдруг правой туфли и, бродя в одном чулке, искала по комнатам свой расстегнувшийся туфель.

Пока переваривается сытный обед отдыхающими гостями в перерыв от обеда до вечерних огней, отец принимает поздравленья от кухарки и кучера, от приходящей прачки, от двух «бекетчиков», ночных сторожей нашей улицы, от хромого печника-штукатура, от бритого пасечника Савельича и даже от живущих по соседству двух городских стражников. Всех этих гостей отец принимает в своём кабинете, угощая их стаканчиками водки и нарезанными заранее кусочками варёного мяса с горчицей и одаривая каждого по их достоинству то серебряными двугривенниками, то полтинниками, то рублёвой бумажкой.

Вот кончаются кабинетные гости отца, уходит последний из них – крепко пьяный первоклассный кузнецкий сапожник Корчев. И снова почётные гости потянулись в столовую, чтобы чаем запить тяжёлый обед.

А к чаю полагается варенье, мёд, сахар, груды сладких и сдобных печений, сухари, посыпанные толчёной корицей, молоко, сливки. Никаких фруктов в нашем доме в эти годы не бывало.

После чая некоторые гости уходят домой для передышки,

чтобы через три часа появиться снова для танцев, для пения, для игр, для карт. Кое-кто из гостей остаётся в гостиной и зале и перелистывает семейный альбом фотографий, журналы «Ниву» и «Вокруг света».

Мы, дети, со своими товарищами убегаем на улицу, тоже передохнуть от еды, порезвиться и освежиться.

Наступают вечерние сумерки. Начинают прибывать новые гости: две купчихи-вдовы, мечтающие о женихах, почтовый чиновник с женой, учитель начальной школы с сестрой, две попугайно разряженные городские мещанки, брат и сестра Недорезовы – базарные лавочники, отпускаявшие по заборной книжке отца товары из лавки в кредит. Приходит регент церковного хора с гитарой, приходят какие-то два молодых человека с балалайками.

В зале, гостиной, столовой и кабинете отца появляется свет. В зале горят стенные трёхсвечные бра, на столах зажигается новенькие редко употребляемые керосиновые лампы и дорогие тогда стеариновые свечи.

Уютно, светло и торжественно. Шторы окон приспущены. В праздничном доме тепло, а за окнами зимний февральский морозец и снежная тёмная ночь.

Шутники-гости успели подпоить никогда не пившего отца, подливая в его стакан с пивом и квасом крепкого коньяку и наливки. Отец, весёлый и приветливый, неуклюже всех угощает, как-то неестественно ласкается, жеманно беседует с гостями и пошатывающейся походкой переходит из комнаты в комнату.

Ему, имениннику, хочется петь. И он вдруг, несносно фальшивя, немзыкально, смешно изгибаясь своей крупной фигурой и прищёлкивая большими пальцами рук, начинает лихо запевать свою любимую плясовую песню:

Груня, Груня, Груня,
Груня, ягодка моя!
Груня по воду ходила
Да к Алёше заходила».

Потом припевает:

«Эх, пить не велят.

Все кости болят,

Все суставы говорят!»

Ему аплодируют. Все смеются. И по почину хозяина в гостиной усаживаются в кружок дамы и кавалеры и под густой звон гитары затягивают хоровые песни: «Хазбулат Удалой», «Очи чёрные», «Цыганка гадала», «Буря мглою», «Скажи мне, ветка Палестины», «Белеет парус» и пр.

Песня перекидывается в зал и даже в столовую. Весь дом наполняется хоровым пением.

Чинные гости, накормленные и напоенные хлебосольным хозяином, серьёзно и вдумчиво распевают песню за песней, иные – блаженно улыбаясь, щуря глаза, иные – раскачиваясь в такт песни на стульях и креслах, иные – разводя руками, иные запрокинув голову на спинки стульев, расчувствовавшись, развинувшись. Особенно лихо поётся пушкинская «Буря мглою небо кроет» – тепло, прочувствованно, с покачиванием влево и вправо головой в такт песне.

То весело сподъёмом поётся «Уж я золото хороню», то грустно – «Лучинушка», то лермонтовская «Казачья колыбельная песня». Регент церковного хора под свою гитару поёт довольно сипловато романс Глинки «Я помню чудное мгновенье», на что уездное дамское общество отвечает бурей аплодисментов, а солист задорно запекает «Коробушку», подхватываемую дружно гостями и хозяевами. Песня подкрепляется треском гитарных струн с дребезжанием двух балалаек и стукотнёй дамских каблучков, выбивающих счёт и подгоняющих темп неумирающей некрасовской песни.

В ожидании приглашенного на именины «оркестра» после хорового пения начинается верчение ручки нашего герофона, музыкального ящика вроде шарманки. Кричащие звуки «Марша Радецкого» сменяются «Полькой-мазуркой», какими-то вальсами и непонятными иностранными песнями, вроде «Моя милая Августхен». Звуки этого домашнего органа смешиваются с разговором го-

стей, со звоном тарелок и посуды, приготовляемых для ужина.

Я верчу ручку герофона, играющего нам «Матушку-голубушку» и «Красный сарафан». Брат Валя слушает свою любимую арию из «Фауста»...

Гости мурлыкают, жужжат, смеются.

В передней раздаются хлопанье, скрип двери, топот и суетня, звон стакана о графин, крихтенье после выпивки, звук медных барабанных тарелок – это появился «оркестр». Молодой человек из гостей, распорядитель бала, отчаянным голосом кричит: «Вальс! Кавалеры приглашают дам!»

Начинается торопливая суетня. Каждый кавалер ищет свою даму. И вот невидимый оркестр, расположившись в передней между вешалками, полными салопов и шуб, ударяет в смычки. И по дому несутся звуки вальса. Как тараканы, из всех углов комнат сползаются зрители в зал, чтобы любоваться зрелищем танцующих. Бал начался. По гладкому полу рассыпан белый скользкий тальк.

Мелькают белые, розовые, зелёные, жёлтые платья и чёрные сюртуки, косоворотки. Вальс сменяется полькой. Затем распорядитель выкрикивает «венгерку», «падеспань». В зале становится душно и жарко.

Из кабинета долетают слова о колоде, о робберах: там стучат уже кусочки мела о стол, там нетерпеливые игроки уже начали резаться в карты.

В зале танцуют «польку-мазурку» и «падекатр». Из столовой несётся предужинный звон. В детской вокруг самовара расположились старушки и вкушают скромно чаёк с вареньем и медом.

В зале – топанье, стук и гром, шелест платьев, цоканье каблучков и шарканье кавалеров. Исполняется со всеми полагающимися выкриками кадрили. Давка – теснота- толкучка!

Мне надоедает наблюдать танцующих, и я иду к музыкантам в переднюю.

«Оркестр» состоит из пяти человек. Гудит контрабас, в такт весёлого танца обладатель его трясёт своим сизо-малиновым носом

и лохматою шапкой волос. Рядом сидит, надув пузырями маленькие румяные щёчки, флейтист по прозвищу «Дудочка»; он немилосердно свистит, надсажается, торопливо перебирая пальцами, и выводит удивительные рулады.

Два старичка-скрипача, наклонивши седые головки, с упованием, закрывши глаза, с самозабвением выводят мелодию танца. Пятый оркестрант, сидя на табуретке, намечает ударами металлических тарелок и боем барабана темпы танца, чем придаёт оркестровым звукам солидность и значимость.

«Дудочка» в увлечении начинает высвистывать сложнейшую трель, заглушая и сбивая с мелодии весь «оркестр». Тогда барабанщик мужественно, со всей мочи ударяет в тарелки и барабан. Скрипачи и контрабас обрывают «Дудочкину» мелодию, и тогда несколько секунд звучат только музыка барабана и флейты.

Но танцующие по инерции продолжают круженье, зная причуды и капризы этого самодеятельного городского музыкального ансамбля.

Разгулявшиеся гости во главе с отцом, никогда не умевшим танцевать, начинают пляс. Музыкантам летит заказ:

– Казачок! Русская! Барыня! Камаринский!

Пол стонет-скрипит, стены трясутся.

Из одного бра выпадает на пол горящая свеча. Два кавалера «петухами» разделяют «русскую», ожидая из столовой тётушку Марью, умевшую плясать этот танец по-деревенски, залихватски-неутомимо. В танец вступают после тётки другие дамы, стараясь ей подражать, подбоченившись, курочкой семенить от кавалера и делать быстрые круговороты с платочком в руке. За молодёжью смешно-неуклюже трясётся тяжёлый отец, выволакивая одну из упирающихся старушек на круг и напевая свою песню о «Груне».

Аплодисменты, хохот и крики подбадривают эту смешную парочку.

Но вот заканчиваются на время танцы, и музыкантам дают передышку.

В гостиной и зале с отпотевшими стёклами открывают фор-

.....

точки. Пока освежается воздух, гости приглашаются в столовую на ужин и чай. В столовой теснота, толкотня.

Возбуждённые разговоры, пересуды, смех, остроты не умолкают ни на минуту. Но часы-ходики делают своё дело: они шипят и торопливо ударяют «десять». Детей направляют ко сну. Двери детской крепко закрываются. Гости ужинают. Потом в зале продолжают танцы, игры, хоровое пение, шумная беседа; в кабинете – карты; в гостиной – соло с гитарой, громкие выкрики, взрывы смеха и аплодисменты.

... А в кроватке уютно, жарко, спокойно. Мысли бегут вперёд, тревожно кружатся, смеются... Долго ворочаешься с боку на бок. Мелькают лица, огни. Сердце наполнено счастливой теплотой от сознания того, что у меня есть папа и мама, и няня, и бабушка, и братья, и тесноватые комнатки со свечами и лампами, где могут танцевать гости, где играют музыканты. Думается, что лучше нас никто не живёт, никто так не веселится в дни рождений и именин.

И сквозь завесу сна ещё слышатся за дверями говор и гул шумных гостей, поющих, танцующих, играющих в карты.

А зимний ветер, ноющий в трубе, крепко-крепко убаюкивает всё глубже и глубже, и, наконец, все ощущения тают и удаляются, малейшие звуки действительности замирают в тёмном покое крепкого детского сна.

ГЛАВА XVIII

МОИ ОСУЖДЕНИЯ ОТЦА

.....

Как ни велик был авторитет отца, как ни горяча была моя любовь к нему, я никак в глубине души не прощал ему некоторые из его поступков. Я хмурил весь день брови, когда мой папа по-

.....

.....

сле двух картёжных ночей появлялся домой. Противный осадок в душе оставляла каждая кормёжка мышью рыжего жадного пса Катышки.

Я всегда убегал, когда отец, бывший учитель с многолетним педагогическим стажем, намеревался стегать того или другого из моих старших братьев какими-то садовыми прутьями. Какие проступки они совершали, я не знал, но когда отец с угрозой отстегать виновного брата направлялся в сад, чтобы наломать для этой порки прутьев, я со страхом убегал подальше, чтобы не быть свидетелем злобы и жестокости отца и ребячьих слёз. Правда, я ни разу не видал в руках отца никаких садовых прутьев и не слышал плача кого-либо из наказываемых братьев. Но я видел, что отец шёл в сад и громко говорил: «Вот я сейчас наломаю прутьев и высеку тебя, шельму». Я провожал его недобрыми глазами и шептал: «Злой папа, злой папа!»

Но особенно больно и остро я переживал ссоры отца со старушкой няней, когда за ту или иную провинность отец громко ругался, обзывая старую няньку «дурой», «глупой старухой», «деревенской соней», «ротозеей» и пр. Особенно ярко запомнился случай, когда нянька наша сидела у окна в сад, а трёхлетнюю сестрицу посадила возле себя на подоконник, придерживая девочку рукой. Был солнечный летний день. Окно было раскрыто настежь. В саду чирикали воробьи. Солнышко пригревало. И надо же было, как на грех, старушке задремать. Её рука ослабла. Сестрица придвинулась на самый край подоконника и свалилась в сад, упав сначала на высокий цоколь фундамента дома, затем в густые кусты зелени возле фундамента.

Удар от падения был смягчён цоколем и кустарником, но от испуга девочка подняла крик с визгом, точно резаная. Няня проснулась и с ужасом увидела свою воспитанницу в саду в кустах. Девочка кричала, няня засемила через дверь в сад. Сбежались в детскую мать и отец. Прибежал и я. Отец увидел из окна свою ревущую без отдыха дочку в кустах на земле, причём одеяльце свисало с подоконника на кусты. Мы трое смотрели на ревущую девочку и видели, как подбежала к ней няня, как схватила её на руки, начала

.....

.....

утешать и принесла её в детскую. Здесь няню встретил разъярённый отец, и посыпались громкие ругательства: «Бестолочь ты деревенская! Дурища ты неотёсанная! Что ты смотрела, как ты упустила ребёнка?! Ведь у девочки теперь все кости поломаны! Тебя нянькой-то можно только к поросётам приставить! Свинья ты старая! Дура, дурища!» Мать вырвала охрипшую от рёва сестрицу из нянькиных рук, успокаивая, поцеловала раза четыре, положила на посланное на столе одеяльце и начала ощупывать руки и ноги девочки. Сестрицу перевёртывали с боку на бок, пытаясь найти переломы и вывихи, но толстуха оказалась невредимой, как упругий резиновый мячик, так что после всяческих ласковых слов, после растираний да поглаживаний она даже совсем замолчала. Мать унесла её к себе в спальню.

Тут я увидел, как отец свернул в один комок нянькину кофту, пальтишко, пару ботинок и ещё какие-то вещички. Он вручил этот комок в руки трясушейся от волнения старушке, повернул за плечи няню к двери и, подтолкнув её, сказал: «Вон, сейчас же вон из дома – к себе в деревню! Такая нянька нам не нужна! Чуть не убила мою дочь! Чтобы духу твоего здесь не было! Вон! Вон!» Отец повернулся кругом и быстро ушёл к себе в кабинет.

Я стоял в уголке детской, наблюдая от начала до конца эту семейную бытовую драму.

Няня подошла к своему спальному сундуку, достала ещё какие-то вещицы из-под подушки, завязала все свои пожитки в узел, подошла ко мне, поцеловала меня в голову и вышла из детской на двор.

Я тяжело, глухо, сдержанно зарыдал и сел прямо на пол в углу детской.

В голове моей пронеслись образы няниных сказок, под которые я часто засыпал, убаюкиваемый монотонностью няниной речи. Долго я просидел на полу в уголке детской, никто не мешал мне оплакивать потерю любимой нянюшки.

Я знал, что мой папа был очень придирчив к разным оплошностям и проступкам няни, моих братьев, кухарки. Я знал, что

.....

.....

няня опять вернётся к нам, как ранее раза два возвращалась после грозных семейных минут. И всё-таки я осуждал отца, считая слишком жестоким наказанием отказ няне в работе в нашем доме. Следовало бы простить няне её ошибку-засыпание у открытого окна детской с маленькой сестрицей на руках – ведь няне было тогда лет шестьдесят; она выходила всех детей, а папа, которому было в то время семьдесят лет, мог бы простить старушку.

И вот с вечера этого дня, когда наша детская опустела, я начал громко нюнить, всхлипывать и скулить: «Без няни я боюсь спать в детской. Няня знает, где моя шляпа, где ботинки, где чулки и куда девались резиновые подвязки. Няня всё знает. Плохо без няни!» Меня останавливают словами: «Замолчи ты, нянин сыночек! Замолчи или поезжай в деревню к ней – она там, твоя мама-няня!» Я отвечаю дерзко: «Няня нас любит, мы её тоже любим. Позовите её к нам!»

На другой день мне передают конфетку в бумажной обёртке и говорят, что это гостинец от няни, которая приходила на кухню и просила всем детям передать эти карамельки. Проходит второй день без няни, которая опять «забегала» на кухню, опять передав нам конфетки. Я пуще прежнего скулил о том, что без няни плохо жить в детской, что я без няни потерял свою синюю рубашку и тонкий поясок. И вот, на третий день я с утра пристаю к матери с вопросами: «Почему няня не приходит к нам! Пора ей вернуться домой – хватит ей гостить у себя в деревне целых три дня!»

Матери надоедает слушать моё нытьё и заменять старушку по уходу за сестрицей и обслуживать меня по десяткам моих вопросов и запросов. Мать начинает уговаривать отца простить старушку за её оплошность, тем более что сестрица оказалась после выпадения из окна в сад совершенно здоровой.

На четвёртый день я за обедом заявляю отцу: «Как долго нет у нас нашей няни! Пора её вызвать из деревни!» На это отец сухо отвечает: «Если бы ты был постарше, я бы познакомил тебя с тонкими садовыми прутьями!» Я не остаюсь в долгу, зная, что мать не позволит меня пальцем тронуть, а тем более прутьем, и заявляю: «Очень плохо жить в детской без няни. Сегодня четвёртый «безня-

.....

нин» день!»

Оказывается, няня опять приходила к кухарке и принесла нам, ребятам, по хорошему медовому прянику, стоимостью по копейке.

Наступает пятый «безнянин» день ... и вдруг перед обедом в детскую входит наша нянюшка, Акулина Дмитриевна, с узлом в руке, с конфетами в кармане. Я бросаюсь к ней на шею, целую её в старенькие морщинистые щёки и поднимаю на весь дом крик: «Ура! Няня здесь! Няня в детской!» Я вызываю мать из её комнаты и прыгаю вокруг старушки! Не замечаю, как из столовой выходит отец, глядя на меня, улыбаясь, говорит: «Ах ты, шельмец! Вишь, как распоясался!» И мне жить в детской не страшно, так как в детскую вернулась дорогая старенькая няня.

Вспоминается ещё один случай, когда я осудил отца за его жестокость.

Это было во время поездки за ягодами. Старый Рыжка был запряжён в простую телегу, на которую бросили несколько охапок сена и поставили корзину с провизией да два пустых ведра для сбора лесной чёрной смородины. На телегу уселись пятеро своих и чужих мальчиков, а за кучера сам отец. Старый Рыжка бодро шаггал несколько километров в сторону деревни Абинцы – это вверх по течению Томи. Здесь среди высоких кустарников, запомнилось мне, мы остановились и пошли собирать ягоды по местам высокого болота. Кусты чёрной смородины разрослись здесь обширными зарослями то рядами, то кучками ягодных отпрысков. Эти смородиновые побеги-кусты местами достигали полутора метра и усыпаны были ягодами, нередко величиной с вишню. После двухчасового сбора ягод почти доверху наполнились оба наших ведра, и отец торопил нас домой.

Мы перекусили, отдыхая, хлебом, молоком да варёными яйцами. Отец всё поглядывал на запад и поторапливал всех с едой. Прекрасная солнечная погода сменилась облаками, а с запада надвигалась довольно грозная дождевая туча. Отец быстро запряг лошадь, сонно жевавшую свежескошенную траву. На телегу тоже отец набросал несколько охапок скошенной им маленькой косой

пахучей травы.

Отец торопил всех усаживаться на телеге. Мы разместились поудобней на траве, поставив оба ведра со смородиной у себя под боком.

Отец уселся впереди нас, взял в руки вожжи, хлопнул ими, дёрнул покрепче, и телега со скрипом тронулась в путь. Наш водовозный труженик Рыжка вздохнул и небольшими шажками засеменял по знакомой дороге, желая, наверное, эти пять-шесть километров протащить телегу так же, как он привык ежедневно возить с реки Томи полубочье воды – в двадцать вёдер.

Но небо заволакивалось облаками, и туча с запада наполнила ближе и ближе. Отец припас длинную гибкую лозину, чтобы бедняга Рыжка «не спал» в дороге. Первый километр наш конь прошёл без понуканий. Но как только на отца капнула с неба первая крупная капля, он дёрнул вожжами и обратился к нашему поильцу с напоминанием: «Но, но, Рыжка, торопись! Надо успеть до дождя! Шевелись!» Рыжка вздрогнул, но не прибавил шагу. Отец стал чаще дёргать вожжами, и через пять-десять минут на спину старого слуги нашей семьи опустилась длинная лозина с наставлением: «Быстрее, быстрее, Рыжка!» Конь сначала надал своим корпусом – получилась лёгкая рысца. Но прыти у старика хватило ненадолго, и он опять начал шагать более спокойно. А с неба начали падать чаще и чаще на всех нас крупные капли дождя.

Отец стал чаще и чаще погонять старого Рыжку своей лозинной и покрикивать, торопя его домой до дождя. Лошадь начинала трусить, но вновь переходила на шаги. Дождь усиливался, до конца пути оставалось ещё более километра. На Рыжку посыпались частые удары лозинной. Поддёргивание вожжами стало непрерывным. А дождик накрапывал да накрапывал. Наш конь утомился тащить телегу трусцой и вновь зашагал спокойными, ровными шагами. На шлее показались клочки белой пены – утомился старый Рыжка. Удары лозинной стали непрерывными, но бесполезными. Лошадь не могла тащить телегу быстрее.

«Не надо бить Рыжку, а то он умрёт! – сказал я. – Он не хочет нас везти». «Шельмец», – ответил отец, и удары участились, а

.....

лошадь никак не отвечала на них.

Я думал: «Дождь всё равно вымочил нас. Зачем бить, торопить Рыжку? Папа злой, ему не жалко Рыжку!»

Мы ехали по улице к дому, а дождь так усилился, что спастись от него быстрой ездой было уже поздно, но отец то и дело дёргал вожжами и хлестал старика-водовоза лозиною. Наконец, Рыжка упёрся головой в закрытые ворота нашего дома. Пока отец открывал ворота изнутри, мы сидели на телеге под проливным дождём, так что во двор въехали промокшими до последней нитки. Мы соскочили с телеги и вбежали на крытое крыльцо дома... Усталого и измученного Рыжку отец поставил в конюшне...

А я думал: «Всё-таки папа нехороший, потому что сильно бил Рыжку».

ГЛАВА XIX

МОИ НЕСОГЛАСИЯ С ОТЦОМ

Между матерью и отцом иногда возникали споры и несогласия по разным делам и вопросам. Так как наша детская комната находилась рядом со спальней матери, то гораздо чаще мы, дети, виделись и беседовали с матерью, чем с отцом. А материнское влияние на меня было впятеро сильнее отцовского влияния. Отец внушал к себе уважение и любовь своими умственными качествами, а от матери я получал сердечную теплоту, материнскую ласку, любовь, утешение.

Родители спорят и думают, что я ещё мал, чтобы понять разговор взрослых, их рассуждения и решения. Но у меня часто складывалось своё отношение к предмету их спора. Мой выбор был прост: или я соглашался с решением отца или придерживался

.....

.....

мнения матери. Чаще я был в этих спорах родителей на стороне матери. Таких случаев моей безусловной утвердительной оценки материнских высказываний можно припомнить несколько.

Вот я вижу, как вечером в полутёмную столовую выходит в своём широком халате отец. У него в руках медный подсвечник с горящей сальной свечой и железными съёмами для очистки фитильного нагара. Отец ставит свой светильник на стол, ставит съёмы на их маленькие ножи, достаёт из кармана газету «Свет», потом надевает очки. Свеча занимает место между развёрнутой перед собой газетой и носом отца. Я со своими кубиками пристраиваюсь на другой край стола и, глядя на читающего отца, думаю, что если бы он не брил своих усов и бороды, длинное колеблющееся пламя сальной свечи обязательно спалило бы его усы, а вслед за усами вспыхнула бы его борода. Отец вычитывает в газете что-то интересное, подзывает к себе мать и начинает ей что-то убеждённо доказывать. Я понимаю, что в националистической газете «Свет» отец вычитал нападки на Польшу, на польское восстание, на поляков и подозвал мать для убеждения её в своей правоте. Родители начинают спорить.

Отец доказывает, что поляки слишком горды, самолюбивы и считают русских ниже себя по уровню культуры; он приводит примеры поведения «этих гордых и чванливых полячишек» по отношению к русским людям. Мать возражает отцу и приводит свой пример, указывая на культурность и прекрасную воспитанность членов семьи Адамович, проживающих в г. Кузнецке. Эта семья во главе со стариком Адамовичем проживает в городе много лет. Сам Адамович был участником польского восстания 1863-64 годов и оказался в сибирской ссылке после подавления восстания русским царизмом. Отец никогда не заходил к Адамовичам, а мать горячо и крепко дружила с женой ссыльного поляка, бывала там, и мы, дети, очень хорошо знали саму Калерию Алексеевну Адамович, частую гостью нашей семьи. Мы, дети, также дружили с детьми Адамовичами: Саней, Михаилом и Антоном. Вот почему в споре с отцом мать доказывала отцу, что поляки, особенно ссыльные, лишённые своей Родины, должны быть недовольны и

.....

озлоблены на нашу власть, а попутно и на наших чиновников и других злобных патриотов. Жена Адамовича увлекалась театром и часто выступала в постановках кузнецкого кружка любителей драматического искусства. А в нашей семье это была приветливая, весёлая и ко всем нам доброжелательная гостья, принимавшая и угощавшая нас дома у себя как лучших друзей.

Мать прямо говорила, что если бы Калерия Алексеевна исполняла роли в комедиях Островского в Томске, как она выступала, например, в комедии «Бедность не порок», она бы прославилась как одна из лучших исполнительниц ролей Островского.

Отец на все эти симпатии матери к полякам заметно раздражался и уходил с газетой в свой кабинет. А я был доволен защитой матерью ссыльных поляков и её похвалами членов семей этих изгнанников. Я был на стороне матери. Я в душе не соглашался с отцом, тем более что мать указывала на кладбищенские кресты умерших в Кузнецке ссыльных в Сибирь польских революционеров.

В разговорах отца с матерью о разных лицах и семьях еврейских я тоже был на стороне матери, дружившей с братом Александром и сестрой Эмилией из семьи Гудович. Это были весёлые, жизнерадостные люди, умевшие, как и мать, хорошо петь и аккомпанировать на гитарах разные романсы и русские народные песни. Мать и молодые Гудовичи часто обменивались визитами, а отец проявлял к этим представителям еврейства какое-то холодное недоброжелательство, непонятное недоверие, недобрую сухость обращения.

А как бывало весело, когда Эмилия Марковна и Александр Маркович затевали у нас хоровую песню и дом наполнялся стройным пением молодых голосов и звоном, гуденьем гитар! И когда мать в споре с отцом выражала свои симпатии к евреям, тоже был на её стороне, а не на стороне сердитых высказываний отца об евреях.

В истории с вором Егоркой я тоже был на стороне матери. Как это ни странно, но я горячо сочувствовал матери и считал её правой в защите избитого отцом вора Егорки.

Этот пьяница и вор был известен всему городу и всем городским стражникам по многим дерзким, смелым кражам и шулерской игре в карты на базарах. Вспоминается такая картина: на базарной площади на земле сидит здоровенный мужик, без шапки, в рваной рубахе, в одном сапоге и спорит с окружившими его крестьянами и двумя подвыпившими городскими жителями. Возле сидящего мужика стоит огромного роста городской стражник, убеждающий этого мужика отдать какие-то деньги. Этому полураздетого мужика стражник называет по имени: «Егорка, отдай сию минуту деньги!» Окружённый толпой людей Егорка начинает божиться и креститься и уверять, что он никаких денег ни у кого не брал.

Тогда двое опьяневших горожан, в свою очередь, обращаются к стражнику с уверениями, что этот Егорка их обыграл в карты, жульничал в игре и выгащил из карманов их несколько серебряных и золотых монет. Егорка сидит на земле, крестится и божится, что он ничего этого не знает. Тогда стражник наклоняется, хватая обутую в сапог ногу Егорки, быстро сдёргивает с ноги сапог. Егорка от сильного рывка стражника падает спиной на землю, а в это время из сапога летят на землю четыре серебряных рубля и пять золотых монет пятирублёвого достоинства. Стражник встряхивает грязную портянку Егорки, и на землю вылетают ещё две золотые монеты. Стражник зычным голосом вопрошает: «Это что такое? Это у тебя откуда?» Он начинает голенищем сапога хлестать по голове, по груди, по босым ногам лежащего Егорку. Двое городских пьяниц кричат: «Наши деньги, наши, ей-богу наши!» Они бросаются на землю, хватая жадно свои проигранные Егорке монеты, а стражник кричит: «Деньги давай сюда! Егорка, вставай! Все идём к начальству!» Эта четвёрка граждан города Кузнецка шагает в полицию, а все зеваки расходятся по базару.

Вот этот-то Егорка и вздумал весенней ночью пробраться на наш двор и поживиться чем-нибудь в малом амбаре, например, похитить ведро, туюсок или другую посудину с мёдом. Отец забыл повесить на ночь замок на дверь амбара, а Егорка заметил эту оплошность со стороны переулочка, перелез через забор и, открывая засов двери, загремел довольно сильно. Собака подняла отчаянный

лай с визгом, обозначавшим присутствие чужого человека, медведя или волка во дворе, в огороде, на пасеке.

Отец быстро выскочил из флигеля во двор с толстой суковатой палкой в руке. Егорка бросился к воротам, чтобы сбежать на улицу, но отец схватил невидимого ему в темноте человека и, дрожа от волнения, начал наносить ему удары палкой. Возня у ворот быстро кончилась, так как отец бил палкой не столько по человеку, сколько по столбу и калитке ворот.

Человек торопился поднять щеколду калитки и только твердил: «Больше не буду, больше не буду». Избиваемый человек не защищался. Наконец палка переломилась от сильного удара по воротам, оставив в руке отца свой коротенький кончик. В это время отец узнал в ночном посетителе своего двора знаменитого Егорку. Пока отец поднимал длинный обломок палки с земли, Егорка щёлкнул щеколдой и, улизнув на улицу, пропал в ночной темноте. Собака прекратила свой лай. Отец вернулся к себе во флигель.

Настало утро. Отец рассказал ночную историю за чайным столом. Мать начала защищать Егорку, указывая на его хорошую работу у многих домовладельцев города. Оказывается, Егорка работал то кучером, то водовозом, то дровосеком, то плотником у разных хозяев города. Его бедой была страсть к водке. Тогда всё летело прахом – он лишался работы и промышлял то картами, то воровством. Мать говорила отцу: «Ведь он ничего у нас не взял! Ну и выгнал бы его за ворота! Зачем его бить палкой?! Лучше он не будет. Он никогда никого не ударил, он не злой человек, он ведь от голода ворует, ему надо дать работу!»

Спор с отцом продолжался. Сломанная палка отца заставила меня подумать о Егорке, битом на базаре голенищем сапога, битом ночью на дворе моим напуганным отцом. И я стал думать, как говорила мать. Я думал, что мой отец слишком сердит и несправедлив.

ГЛАВА XII ПРИЕЗД МАКАРИЯ

Мой отец кончил курс духовной семинарии, но не сделался служителем церкви, как его старший брат Павел. Вместо того, чтобы стать священником, он уехал из Тамбовской губернии в Сибирь и около четырёх десятков лет работал учителем начальных школ и уездного училища. О священнослужителях православной церкви он отзывался пренебрежительно, называя их иногда «попишками», приводя примеры грубости, корысти, пьянства представителей городского и сельского духовенства. Но вот наступал первый день праздников Рождества Христова или Воскресения Христова, и отец облачался торжественно в свой мундир, подвешивал сбоку маленькую шпагу, нацеплял на свою грудь орден Анны, Владимира, орден Станислава и две бронзовые медали. Накинув на плечи старомодную чиновничью шинель-крылатку и надев на свою седую голову треуголку, отправлялся на церковную службу в кузнецкий собор, находившийся в начале нашей Соборной улицы.

Отец считался одним из почётных граждан города Кузнецка наряду с городским старостой Поповым, с исправником, мировым судьёй и такими купцами, как Емельянов, Шукшин, Недорезов, Панов, Васильев и другие.

Помню, как мать упрекала отца за его малодушие и почти лицемерие перед церковниками, на которых отец смотрел сверху вниз, считая работу учителя в школе несравненно выше работы «попишек» в церкви.

Я был бы согласен с матерью, с её равнодушием к церковникам, я бы понял её нежелание водить нас, своих детей, в церковь, но она сама с излишком симпатии и почти восторгом высказывалась, относилась и встречала в нашем доме Томского епископа Макария, так называемого «просветителя Алтая», этого махрового царского

черносотенника, будущего митрополита Московского, любимца вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны Романовой.

Об этом приёме в нашем доме Макария примерно в 1894 и 1895 годах я запомнил следующее.

Часов в 11 утра по городу Кузнецку разливался колокольный звон соборной церкви с её большим колоколом-басом в двести пудов и церкви Богородской с её колоколом-тенором. Жители города выскакивают из домов и оглядываются на верх горы, с которой по взвозу вниз мимо крепости спускается тарантас, запряжённый парой лошадей. Все ожидают приезда из Томска епископа Макария, объезжающего свою епархию.

Жительницы города разодеты в нарядные платья; мужчины, особенно купцы, в чёрных картузах... Старушки крестятся, ожидая лицезреть Макария, «просветителя Алтая». Но вот тарантас спустился с горы к собору. Старушки бегут к нему, чтобы получить благословение своего пастыря. Но ... из тарантаса вылезает здоровенный «протодьякон» (первый дьякон); у него мешки под глазами от запоя. Он густым басом провозглашает народу: «Их преосвященство воспоследует за нами! Их карета благоволит прибыть к сему собору в час трапезы по-полудни! Колокольный звон временно не творить!» Из тарантаса выбираются на землю ещё два служителя церкви – это «иподьяконы» (младшие дьяконы). Все трое заметно покачивающимися походками направляются в собор, а весь багаж из тарантаса переносят в собор служители соборные: дьякон, дьячки, староста. Колокольный звон умолкает, но звонари стоят на колокольне, зорко вглядываясь в сторону крепости, чтобы не прозевать приезда самого епископа. Звонари понимают, что они дали маху, встретив «красным звоном» только мелкую духовную братию. У звонарей в руках верёвки колокольных языков, чтобы самого епископа встретить «малиновым» звоном.

Толпа кузнечанок и кузнечан редееет. Тарантас отъезжает в сторону от собора. Мы, ребята, бросаемся домой, чтоб сообщить, что архиерей приедет к обеду.

Но вдруг с обеих колоколен города Кузнецка раздаются бас и тенор соборной и Богородской церквей, и их частые почти набат-

ные звуки подхватываются перезвоном альтов и дискантов обеих колоколен. Звонари церквей неистовствуют, так как они увидели, что из-за угла крепости по зову начали спускаться вниз один, другой, третий и четвёртый тарантасы, запряжённые тройками и парами разномастных лошадей. И, кажется, весь город кричит: «Едет! Едет! Едет!»

На этот раз действительно к собору спускаются карета городского старосты Попова с сидящим в ней епископом, а за ней один за другим четыре раскрытых тарантаса со священниками, дьяконами и хористами архиерейского хора. Всё стадо верующих кидается к великолепной карете, из которой двое служителей церкви высаживают под руки стареющего епископа Макария в чёрной рясе, с чёрным клобуком на голове. Епископ улыбается: он доволен шумной встречей его колоколами и верующим народом. Он обеими руками вырисовывает в воздухе крестное знамение, как бы источая из себя святую благодать на старушек, женщин, купечество города и босых ребятишек. Потом устанавливается возле епископа очередь, чтобы каждый встречающий своего пастыря смог получить «святое благословение» и поцеловать маленькую пухлую ручку епископа. Организаторы очереди видят, что к епископу выстраиваются за благословением после «чистого» народа какие-то серые женщины и простые мужики, а за ними босые ребятишки. Очередь прерывается, и два священника, сопровождающие епископа в его путешествии по епархии, взяв старика под руки, уводят в собор, объявив, что епископское служение состоится в соборе завтра в девять часов утра.

Осчастливленные благословением епископа «овцы христова стада» направляются по своим домам, а не получившие благословения, любопытствуя, продолжают толпиться возле других тарантасов, откуда выгружаются певчие томского хора и коробки, сундучки, картонки с облачениями епископа, иереев, дьяконов, иподьяконов, хористов, с кадилами, «дикириями», «трикириями» и прочим церковно-театральным инвентарем для постановки в соборе великолепного епископского служения.

Архиерейское служение в церкви должно быть сделано так

Татьяна Никифоровна Булгакова. Фото начала 1900-х гг.

театрально-пышно и так феерично-торжественно, чтобы каждый житель города Кузнецка, посетивший эту безоркестровую волшебную оперу артистов в золототканых костюмах, получил «небесные» переживания, а потом бы долгие годы вспоминал об этом епископском служении.

После краткого моления в соборе епископ и его окружение отправились в подгорную часть Кузнецка, где им всем были подготовлены квартиры в доме городского старосты Попова и соседних домах. Надлежало накормить всю церковную томскую братию. Затем после трапезы эта братия должна была соснуть часа четыре. Старый епископ не отягощал желудка чрезмерными приёмами даже великопостной пищи, а потому его короткий отдых длился часа два, после чего началось выполнение программы посещения почётных жителей Кузнецка. Говорили, что Макарий посетил сначала городского старосту, затем уездного исправника, потом мирового судью, потом оптового торговца винами.

После этих визитов карета городского старосты с епископом подъехала к дому отца, бывшего инспектора училищ Кузнецкого уезда. Два иподьякона ввели Макария в наш зал, где был накрыт особый столик: на белоснежной скатерти стояли голубые тарелки с пахучим янтарным медом, тарелка с ломтями красного арбуза, тарелка с ломтиками чёрного хлеба и пять мелких тарелочек; тут же находились ложечки, ножи и вилки. Как только Макарий и его сподручные вошли в зал, где собралась наша семья, к нему первым подошёл под благословение отец, после отца мать. Макария посадили на стул, и к нему мать стала подводить детей, называя каждого по имени и объявляя возраст каждого из нас.

Мы смиренно подходили к старику, который благословлял нас и давал целовать свою правую руку. Каждого из нас он одарил своим пророчеством будущей нашей судьбы. Мать впитывала каждое слово епископа, веруя в его священные предсказания, а мы старались поскорее улизнуть в свои комнаты из зала. Отец и мать угощали гостей медом, арбузом и хлебом, а епископ их своей беседой.

Минут через двадцать Макарий уехал в другие дома, а наша

мать сообщила нам, что старшему брату Коле епископ предсказал блестящую военную карьеру на поприще служения царю, отечеству и вере православной. Среднему брату Вале епископ предсказал путь учёного, человека науки, труды которого прославят его, как прославили некогда Михаила Ломоносова. Мне шестилетнему, самому младшему из сыновей нашей семьи, «просветитель Алтая», епископ Томский Макарий предсказал великие подвиги святости, смиренномудрия, терпения и любви во славу святой православной церкви, уготовив мне будущую святую отшельническую жизнь, похожую на «молитвенника за землю Русскую святого преподобного Сергия Радонежского чудотворца».

От этих пророчеств скромного старичка, выкушавшего со своими двумя иподьяконами целую тарелку янтарного меда со свежим чёрным хлебом, моя мать была в полном восторге, исполняясь полной веры в будущее своих сыновей. Она верила в этот будущий состав нашей семьи, где будут блистать имена генерала Николая, профессора Валентина и великого святого схимника-монаха Вениамина.

Отец только улыбался на восторженное восхищение матери и её веру в пророчества «просветителя Алтая». Отец называл предсказания Макария святой хитростью церковного пастыря, играющего на святом невежестве свой паствы. Отец не убедил матери, но мать сама убедилась, что первое пророчество не принесло старшему сыну генеральства, что этот сын её дослужился только до чина поручика. Вот каков был первый ответ жизни на епископское пророчество! Мать не дождала до осуществления второго пророчества Макария, но и тут не получилось точного предвидения, так как брат Валентин ушёл со 2-го курса Московского университета и сделался личным секретарём великого русского писателя Л.Н.Толстого и пошёл по дороге писателя-мемуариста, драматурга, очеркиста и пр.

Что касается третьего предсказания епископа Макария, надо только дать справку, что с 8-го класса гимназии третий сын верующей в пророчества матери стал атеистом, а служителей церковью православной, католической и магометанской до семиде-

.....

сятилетнего и далее возраста считал или варварски-тёмными, или рабски-наивными, а иногда и фанатично-злостными обманщиками своих народов. Льстиво-ободряющие пророчества Макария обманывали доверчивую мать. Отец просто не верил в слова епископа, хотя смиренно целовал его пухлую маленькую ручку.

ГЛАВА XXI ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ ОТЦА (1896 г.)

В феврале 1896 года отцу исполнилось 72 года. Он заметно осунулся, постарел. Его точили какие-то внутренние неполадки в кишечнике, в почках. Он утрачивал свою бодрость, жизнеспособность. А мне в марте стукнуло 7 лет. Я стал серьёзнее, наблюдательнее. Последние шесть или семь месяцев перед смертью отца оставили в моей памяти отпечатки пёстрых событий конца моего детства.

Вот я уткнулся лицом в свою подушку и горько-горько плачу украдкой от всех после сообщения о том, что в своей деревне умерла моя нянюшка Акулина Дмитриевна от какой-то болезни. И как только я подумаю, что больше мы её не увидим в нашем доме, я стискиваю зубы, начинаю ныть и скорее заглушаю звуки своей боли, уткнув лицо в подушку. Передохнув немного, я опять начинаю ныть и умирать своё нытьё подушкой. Слёзы не останавливаются до тех пор, пока я не засыпаю, уткнувшись в подушку без мыслей о том, что нянюшка не придёт к нам опять, что мы теперь должны будем жить без неё. Я просыпаюсь, вспоминаю, что она учила меня верить в «боженьку», что я любил её, что меня братья и даже мать дразнили «няней-мамой», «нянечкой-мамочкой» и я

.....

.....

опять плакал и опять засыпал, уткнувшись лицом в подушку.

Вот я сижу за чайным столом и прилежно жую кусочек сотового меда, с которым мы пьём чай. Я, отсосав свой кусочек соты, кладу воск на стол. Отец берёт мой кусочек воска, нюхает его и заставляет ещё раз прожевать, так как в этом кусочке остался аромат меда. Я жую ещё раз, сам нюхаю восковой кусочек ещё раз и кладу около блюдца, забирая ложечкой следующую порцию сотовых пчелиных ячеек с янтарным медом. Отец после чая забирает у всех нас кусочки воска. Потом он лепит из них большие комки, чтобы продать этот воск на свечной завод. Отец экономит теперь каждую копейку, а мать, улыбаясь, говорит, что к папе пришла боязливая старость.

Вот мы, ребята, выскочили на двор и с любопытством рассматриваем интересных трёх всадников, въехавших на маленьких сибирских лошадах в открытые наши ворота. И лошадки маленькие, и всадники маленькие с узкими глазами, и ситцевые рубашки на них детских размеров. А главное, лошадки обвешаны маленькими берестяными туесками, наполненными ягодами. Эти всадники-крестьяне из деревни Абинцы, недалеко от Кузнецка. Мы называем их татарами, не зная этого азиатского племени «по-научному». Всадники, соскочив с лошадок, начинают развязывать узелки и верёвочки, снимать с лошадок на землю свои туески и раскрывать эти туески, удаляя сверху маленькие листья.

И вокруг плывёт запах лесной малины, привезённой на продажу на наш двор. Начинается торговля. Мать и отец отдают за туески то пятак, то четыре копейки, то гривенник. Торговцы малиной рядятся, расхваливают крупные душистые ягоды. У каждого всадника куплено ягод на 30, на 40 копеек. Купцы довольны продажей, а покупатели – покупкой. Я знаю, что часть малины пойдёт на обед, на десерт, а большая часть – на варку варенья.

После денежных расчётов все три всадника со своими гроздьями наполовину пустых туесков уезжают от нас в соседний двор, намереваясь к вечеру запродать кузнечанам всю свою малину.

А мы предвкушаем обеденные порции малины, как съедали в это жаркое время то блюдце земляники, то блюдце смородины.

.....

А вот я слышу, как отец советуется с матерью по вопросу о том, что делать с нашей коровой Чернухой. Он говорит о необходимости продать нашу старушку-корову Чернуху, которая почти совсем перестала давать молока. Мать с грустью соглашается на доводы отца. Но взамен Чернухи решено пока не покупать другой коровы, и детской кормилицей у нас останется наша молочная Белуха. Отец даже рад, что уход за одной коровой будет легче, что сена и других кормов понадобится меньше. Но я думаю, что я бы с удовольствием часть своего молока и несколько кусочков хлеба отдал бы на скотный двор, чтобы только осталась в коровнике наша старая Чернуха.

Отец становится слабее и малоподвижнее. Ему трудно заниматься хозяйственными делами. Он не хочет утруждать себя заботами о ремонте деревянного домика, стоящего возле берёз в огороде. И домик был продан на слом. В этом домике проживала вдова Марфа Сорокина, наша домашняя прачка, труд которой был квартирной платой за этот домик. У Марфы были четыре сына: Егор, знаменитый кузнецкий вор и картёжник, Николай, Прокопий и Андрей. Егор был тем вором, которого ночью отец избил палкой. Николай кончил уездное училище в Кузнецке и «выбился в люди»; он стал получать 25 рублей в месяц за учительскую работу в одной из сельских школ Кузнецкого уезда, а потом сделался даже священником. А третий и четвёртый сыновья прачки Марфы назывались Пронька и Андрюшка. Это были закадычные наши друзья и товарищи по походам в горы за камышами, за цветами, за ягодами, по купаньям в нашей хрустальной Томи и Кондоме. Это была грустная картина, когда Марфа и её двое сыновей покинули свой многолетний приют в нашем огородном домике, а с домика пришедший плотник уже сорвал крышу, начал вынимать рамы из четырёх окон и снял с петель обе входные двери.

Сколько раз мы бывали в гостях у прачки Марфы, высокой женщины, всегда ласковой и доброй, говорившей тихо-спокойно, угощавшей нас, ребят, жареной картошкой с шампиньонами. Не стало в огороде домика, место которого заросло бурьяном. Марфа с детьми переехала в подгорную часть Кузнецка.

И ещё одно печальное событие нашего домашнего благополучия. Мы узнаём, что болевший несколько дней в нашей конюшне Воронко испустил дух. Кучер Тимофей сообщил это матери, просившей сообщать ей ежедневно о болезни лошади. Я напомнил матери о том, как этот вороной красавец мчал нас на маленьких санках по городу и в день Татьяны, 12-го января, и в мой день рождения. Воронко птицей летал по улицам города, управляемый кучером Тимофеем.

Смерть нашего общего любимца огорчила нас всех. И вот у окна в зале стоит мать с белым платком в руке. Тут и отец, и мы, дети. Из ворот дома вытягивает розвальни старый Рыжка. На розвальнях под рогожей лежит мёртвый Воронко, вытянув свои длинные ноги. Рыжку ведёт под уздцы Тимофей. Я только знаю, что сани вернутся назад пустыми и у нас не будет больше вороного красавца. Сани проезжают мимо окон по улице. Мать прикладывает свой платок то к одному, то к другому глазу. Мы молча расходимся по своим комнатам.

Проходит после смерти Воронка дней пять, и мы узнаем, что наш старик Рыжка продан какому-то гражданину на дальнюю улицу города и воду будет нам возить чужой водовоз по копейке за четыре ведра. Не стало у нас лошадей. Уволился и кучер Тимофей.

Отец становился всё слабее и слабее. Ему с трудом удавалось выполнять все необходимые работы даже по огородной пасеке. Помощников не было. Он сам забивал четыре кола, чтобы переставить деревянный ящичный улей на новое место. Он однажды чуть не опрокинул улей с пчёлами. И пришлось последние шесть ульев продать другому кузнецкому пчеловоду. Огород наш опустел.

Вскоре не стало у нас и загородной пасеки, которая подверглась нападению медведя. Этот сибирский любитель меда не испугался деревянных крашенных солдат, расставленных вокруг ульев, не испугался свирепого пса Полкана, охранявшего пасеку, не испугался и старика Савельича с его берданкой. Там на пасеке в одну из тёмных ночей произошло сражение. Медведь сумел опрокинуть два улья, разломать рамки с душистыми сотами меда и полакомиться медом.

Пчёлы отчаянно защищали своё достояние. Старик Савельич несколько раз из своей сторожки выстрелил в сторону зверя, но ни одна его пуля не задела погромщика-мишку. Пёс Полкан самоотверженно впивался зубами в шкуру медведя, отчаянно лаял, свирепо подвывал и подвизгивал. Мишка был очень увертлив – он, уловив секунду, сумел рвануть собаку и она оказалась вскоре бездыханной. Савельич поджжёт приготовленную заранее кучу сушняка.

Когда пламя огня осветило всю пасеку, старик схватил длинную горящую хворостину и бросился с отчаянным криком на медведя. Зверь урвал зубами ещё кусок сотового меда, посмотрел секунд пять на Савельича и с чавканьем и ворчаньем скрылся в лесу. И вот пришлось отцу поторопиться с продажей всех полноценных ульев с медом и сильными пчелиными семьями другим любителям-пчеловедам. А несколько пустых ульев-ящиков, уже без сотовых рамок, были составлены в наш городской сарай возле амбара... Ушёл к себе в деревню и пасечник Савельич. За столом у нас уменьшилось теперь и количество меда для детей и взрослых.

Отец, наверное, прожил бы больше семидесяти двух лет, если бы не злоупотреблял за обедом мясными рационами. Когда мы ели редьку с квасом, жареный картофель с луком да клюквенный кисель, тогда наша мать спокойно угощала отца этими блюдами. Но бывали обеды, когда мать начинала упрекать отца в его пристрастии к мясным блюдам. Отец съедал порцию холодца, потом большой кусок мяса в супе с лапшой, потом большой кусок жареного сычуга с начинкой; этот сычуг плавал в расплавленном сале. Мать пытается остановить отца, подавая ему кисель. Но старый семидесятидвухлетний не работающий физически человек съедает и кусок жирного сычуга, и стакан киселя с куском белого хлеба.

Мать уверяет мужа, что мясо вредно старым людям. Отец не слушает, уходит в свою комнатку и ложится отдыхать после своего мясного обеда. Мать ворчливо заявляет, что наш папа губит своё здоровье мясной пищей, что он потому ещё не умер, что не выпил за последние пятнадцать лет ни одной рюмки вина и не выкурил ни одной папиросы. А вечером я с тревогой наблюдаю, как идёт вперевалку, слегка побряхтывая, опираясь на палку, мой папа за ворота, на улицу и грузно опускается на деревянную лавочку-скамейку. Он хочет отдохнуть на чистом воздухе, ему трудно переварить всё съеденное за обедом.

Наконец, подтачивали здоровье моего постаревшего отца ночные игры в карты. Бывало, слышишь, как ночью наш маленький флигель оглашается громкими голосами спорящих картёжников, играющих в банчок, в стуколку. Даже слышится звяканье ложечек в чайных стаканах. Чтобы заснуть и не слушать людских голосов и всех звуков из комнаты отца и особенно громких споров игравших в карты гостей, я натягиваю на голову одеяло и засыпаю в своей кровати. А старый отец почти до утра принимает своих гостей-картёжников, которые все были моложе его.

ГЛАВА XXII

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ОТЦА

Мне было семь лет и три месяца.

Семья наша проживала на получаемую отцом пенсию. Приходилось сжиматься в расходах, выискивать подсобные средства. Отец чаще и чаще высказывал жалобы на денежные расходы, на трудность ведения хозяйства и воспитания детей, на свою рано пришедшую старость. Ему шёл семьдесят третий год.

Дом с его обстановкой занимали то семья горного инженера Чемолосова, прибывшего из Петербурга на золотые прииски, то мировой судья города. Мать выражала своё недовольство переводом семьи из шести комнат дома в четыре низеньких сыроватых каморки нашего тесного флигелька. И я часто вспоминал о покинутой детской, об окнах в сад, о тёмной кладовке.

Я не влюбил этого богача-инженера, платившего сорок рублей ежемесячно за все наши комнаты дома! Я сердито глядел на чистеньких инженерских детей, выходявших со своей гувернанткой с крыльца нашего дома из нашей детской на прогулку. Я разделял все злые упрёки матери на поведение гувернантки, никогда не допускавшей до нас своих чистеньких петербургских барчуков.

Я думал: «Живут в нашем доме, а даже не хотят с нами водиться, как с какими-то грязнулями или дикарями».

Каждый месяц отец в определённый день надевал чёрный сюртук и шёл из флигелька в дом к инженеру за получением квартирной платы. И каждый месяц в этот день мать сердилась, расстраивалась, ворчала на отца и постоянно твердила ему:

– Чего ради ты разодеваешься? Одень – нацепи ещё орден на себе! Ведь ты получаешь свои деньги, за свой дом, а не подачку этого столичного ожиревшего чиновника! Пусть он сам приходит к

тебе с деньгами и благодарит за квартиру! Ты здесь хозяин. Нечего кланяться его кошельку! Пускай сам тревожится!

И мне делалось стыдно за отца. Я всецело сочувствовал матери и даже замыслил месть инженеру за отобрание наших милых насиженных комнаток дома, думая забраться на крышу и заткнуть все дымоходные трубы зелёными ветками берёзы и черёмухи. Но злоба и накипь обиды рассеивались, когда отец вычислял, что сорок рублей для нас деньги большие, так как жалованье кучеру составляет восемь рублей, да жалованье кухарке шесть рублей, да горничной Вассе пять рублей, да ещё восемь – пасечнику Савельичу. Кучера Тимофея мне было жаль отпустить, а без кухарки матери никогда бы не справиться с хозяйством при двух взрослых и пятерых ребятах. Оставить большую пасеку без присмотра опытного пасечника Савельича тоже было бы невозможно.

Так и продолжал обитать инженер в нашем доме. Пришлось примириться и с тесными комнатами флигелька, с невозможностью шумно вести себя на собственном дворе и в нашем садике под окнами дома, в котором в определённые часы почивала инженерская семья.

Мать тоже успокоилась с мыслью жить на положении квартирантов в собственном владении. Она понимала, что в отце совершился перелом к дряхлеющей старости, уже дальше не возражала, не волновалась, соглашалась с суровой жизненной необходимостью. Отца посещали всё чаще и чаще недомогания, от которых он думал отделаться крупинками гомеопатической аптечки да огромными порциями простокваши за обедом.

Ничего не помогало. Стареющий отец всё более хирел и слабел. Наступил май с его хлопотами и заботами для отца о хозяйстве, о доме. Пасека вне города после налёта медведя и смерти Полкана перестала существовать. Мне пошёл восьмой год. Я видел, как трудно работал отец, как он бодрился в заботах и старался суетиться по-прежнему. Правда, он перестал теперь ездить на пасеку за город, работал только на парниках, дома проращивая во мху на маленьких дощечках семена дынь и арбузов для посадки на огородные гряды. Бодрость весенней работы вливала здоровье в

уоставшее старое тело.

И вот прошла весенняя спешка, и снова отец углубился в себя. Мне казалось, он осунулся. Семьдесят два года жизни сделали своё дело. Он чаще и чаще для отдыха выходил греться на солнышко, садясь возле крыльца на принесённом стуле. Мать беспокоилась, начала наблюдать и всматриваться, чуя серьёзное положение отца. На все тревожные вопросы свои она получала короткие уклончивые слова. У него ничего не болело, но внутри организма совершался невидимый для других людей процесс умирания тела и потухания духовных сил.

И как гром от внезапной, никем не замеченной тучи грянуло горе, тяжёлое, неприглядное, сиротливое. Дня четыре беспокойно бродил отец по своим комнатам флигеля, по двору, по переулку, вдоль улицы, чего-то искал, о чём-то тяжело сосредоточенно думал. Тихою поступью, опустив голову, сложив за спиной руки, бродил он в халате по комнатушкам, бормоча нараспев какие-то стихи, похожие на молитвы. Халат его распахнётся, отец нервно одёрнет полы его. Взметнутся копной на голове волосы, он их пригладит. Брови нахмурены. А силоватый голос, дрожа, нараспев тянет грустную безнадежную, монотонную мелодию.

Четыре дня крепился отец, на пятый день заявил матери, что он болен. И слёг в постель, обессиленный и утомлённый. Приглашены были доктора и фельдшер; нарядили ночное дежурство, прописали лекарства.

Были признаки воспаления лёгких, оказались также признаки брюшного тифа. Мать побледнела, осунулась, ожидая втайне сурового удара, – пред ней лежала дорога жизни с пятью детьми без отцовской поддержки. Она только молчала.

Только три дня пролежал отец пластом на кровати, одолеваемый смертью.

А я старался об отце молиться по-своему и по-нянюшкиному. Горько-горько я плакал, удаляясь в укромные уголки сада или уединяясь в комнате, или закрывшись ночью подушкой. Я молился кому-то сильному, всемогущему, живущему где-то на небе. Я

взывал к доброте этого великого небесного обитателя. Я твердил: «Ты видишь папу и понимаешь моё горе! Пусть папа выздоровеет! Пусть встанет с кровати, так как я его очень-очень люблю!»

Мать бродила пришибленной. Все мы жили в тяжёлом разброде; никто ничего не говорил, никто никого не замечал. Молчание воцарилось в нашем тесном флигельке. Все три дня не видел я отца, лежавшего больным на постели. Я боялся смотреть на больного. Я боялся своего недоумения, необъяснимости и пустоты при виде бессильно лежавшего отца. Мне было страшно перед собой, я стыдился перед больным – увидеть его, прежде сильного, бодрого, шутиwego, в его слабости. Я не хотел увидеть отца бессильным, больным, поверженным болезнью.

Трепетный страх и горькая жалость, могущая вспыхнуть при виде больного, удерживали меня вдали. Я жадно прислушивался к словам матери, доктора, всех домашних. Но я не мог войти к больному в комнату. Печаль матери и её безнадежность камнем давили моё сознание, увеличивая тревожные чувства.

Наконец, на шестой-седьмой день отцовской болезни, на четвёртый день лежания его в постели, утром, когда я проснулся, кто-то взором сказал мне, что «оно» случилось, кто-то кивком головы утвердил моё вопрошание. Я понял, что теперь папа мой мёртв. Я упорно застыл. Я не желал этой смерти и не хотел верить в неё. Я отмахивался от мысли, что случилось неотвратимое, неизменное.

Я сразу же уверил себя, что мой папа только спит, а не умер, как все люди умирают. Я был уверен, что все ошибаются, я верил в свою правоту. Я сам поверил в свою мысль, что отец только спит, только глубоко забылся. Всё моё существо протестовало. Я не хотел смерти отца. Я не желал видеть больного и не пожелал видеть умершего. Я уверил себя, что мой папа только забылся тяжело, что он только в глубоком обмороке и пугает всех своей ледяной неподвижностью.

Но вот после обеда пришёл священник с дьячком. Я съёжился. Робко, крадучись, не доверяя себе, почти на цыпочках, пробрался я в маленькую отцовскую комнату флигеля.

На столе без гроба лежало тело моего папы, с похуевшим бледным лицом, открытым носом. В изголовье и на ногах горели высокие церковные свечи. Одна свечка странно моргала. По закрытому веку правого глаза тихо-тихо проползла муха, направилась по лбу и обратно поползла по широкому носу. Потом на лоб прилетела вторая муха. И он не шевельнулся! Значит, жестокая правда совершилась!

Дьячок сунул мне в руку зажжённую свечку. Священник заголосил протяжно и жалобно, деревянным, противным, театральным-дрожащим голосом. Возле меня стояла мать с сестрицей, брат Валя. Глаза матери, красные и припухшие, снова заплакали. А на лбу покойника сидели опять две мухи. Густой дым ладана наполнил всю комнату. Заупокойную литию собрались слушать несколько человек знакомых, заполнивших нашу тесную комнатку; несколько человек стояли просто на дворе.

Священник особенно громко и с особенным удовлетворением запел молитву: «Со святыми упокой!» Начали плакать и сзади, и слева, и справа.

А папа лежал неподвижно, лежал застывший, в мундире, с маленькой иконкой на груди. По щеке и лицу его медленно бродили противные две мухи. Мысль моя дробилась на полувопросы, на взрывы отчаяния: «Значит, папа мой умер?! Никогда не встанет на ноги, никогда он не скажет единого слова, не взглянет глазами? Так и останется навсегда неподвижным, одетым в мундир, будет лежать с жёлтыми пальцами скрещенных рук! Значит – умер?! Недавно ведь он жил, дня четыре назад – улыбался, смеялся, он читал, гулял?! Умер! Ну как же так?»

И мой семилетний рассудок никак не мирился с безнадежною мыслью о смерти. До сих пор я не видел ни одного мёртвого человека, я не знал ещё лица смерти. И я не допускал, я капризно не хотел, чтобы мой папа так же умер, как наш любимец Воронко, которого зимой свезли на санях, как ненужную вещь, как падаль. Смерти отца не должно было быть. Священник с дьячком тянули «вечную память». Мать плакала, рядом плакали, сзади голосили и рыдали пришедшие женщины.

Я крестился, горло моё сдавилось, я трудно дышал, из глаз моих струйками падали, выдавливались слёзы. Я закусил свои губы, стиснутые зубы не пропускали ни звука. Кончилось отпевание. Я убежал на крышу навеса и дал волю слезам, дал волю рыданиям и завываниям. И потом весь вечер и ночь я плакал в подушку, изнемогая от напряжения, заглушая невольные стоны. В комнате отца кто-то всю ночь читал нараспев, а я порывисто, горько рыдал и прятался под подушку и не мог отогнать от себя мёртвого облика с двумя мухами, ползающими по носу, по лбу, по щеке.

Рано утром ещё до прихода священника и дьячка я выбежал за ворота, на улицу, сел на лавочку и глубоко задумался. «Если папа умер совсем, на все времена, навеки ушел от нас – по приказу смерти, то я не хочу этого! Никто не спас папу от болезни и смерти – я постараюсь его воскресить! Я его сейчас оживлю! Своей верой!»

А на меня смеялось яркое майское солнышко; деревья в палисаднике чуть-чуть зеленели; в синем воздухе реяли ласточки, резали воздух стрижи.

Я знал утверждения матери, я помнил слова няни, что если человек во что-нибудь твёрдо-твёрдо верит и делает без малейших сомнений и колебаний, то вера его награждается. Это же говорил отец, но особенно горячо эту силу человеческой веры твердила мать. Старушка няня тоже твердила, что «вера горами двигает». Я запомнил это...

И я решил во что бы то ни стало усилиями своей веры, своего желания, воскресить умершего папу, подарить его матери и всей нашей семье хоть на несколько дней. Я решил побороть смерть своей верой и молитвой к далёкому небесному богу, которого я не знал, не понимал, не ощущал.

И вот, в моей детской груди закипело и поднялось что-то большое, великое, отчего стало трудно дышать. Сердце стало часто-часто биться. Я твердил, уверял себя, что мой отец оживает, пока я сижу на скамье, у ворот и пока я молюсь, пока я страстно хочу, желаю воскресения мёртвого папы.

Но когда я поднимался со скамьи и хотел идти к оживлён-

ному своей верой и молитвой отцу, я в глубине души вовсе не чувствовал этой веры в себя, в свои силы, и моя уверенность гасла. И я плакал от досады и боли, что нет у меня настоящей уверенности в силе моей веры. Я ещё раз вдохновился, поверил в свою силу и решительно встал со скамьи, пошёл к ожившему от моей веры в бога отцу. У ворот и во дворе я жадно ловил ухом криков испуга и радости кого-нибудь из домашних при виде поднявшегося из гроба отца. Подхожу к флигелю. Звуков домашних нет. Только продолжается гнусавое заумное славянское чтение у мертвеца. Всё моё великое напряжение падает! Я опять в отчаянии.

Тогда я начал твердить себе нянюшкины молитвы и выдумывал ищущим сердцем свои молитвы. Я твердил: «К тебе обращаюсь, боже высокий, живущий за звёздами! Оживи моего папу; пусть встанет он из гроба. Проснись, милый папа, от тяжкого сна! Встань, мой дорогой папочка! Мне помогает добрый небесный бог, знающий, видящий мои слёзы, и слёзы мамы, и всех семейных».

И вновь я уверил себя, что моя горячая молитва дошла до высокого неба и сила моей веры воскресила отца. Я бегу во двор,

Траурная процессия проходит по Базарной площади. Слева направо: 2-хэтажный каменный магазин купца С.Е.Шукина (Общественное собрание), каменный магазин купца Л.Н.Емельянова, деревянный магазин Н.Ермолаева. Фото 1915 г.

не оглядываясь, сосредоточиваясь на своей уверенности, чтобы не растерять дорогой свою веру в воскрешение отца, спешу, не развлекаясь по сторонам. Я твёрдо вхожу на крылечко. Пения дьячка нет. На лице моём играет улыбка радости. Я твёрдо вхожу в маленький зал, надеясь увидеть папу с книгой в руке возле окна или за письменным столом, в очках, в халате. «Он живой, он живой, слава богу, живой! – И в десятый, двадцатый разуверю себя и твержу: – Жив, жив, жив мой папа, жив милый папа!» Я верю своим словам, я верю своему желанию.

Но вот я свой взор обращаю в угол. Смотрю и не понимаю. Отворачиваюсь и вновь пристально вглядываюсь. Там перед иконой на столе он лежит неподвижно, как вчера, во время панихиды. Он – мой милый папа. Я наполняюсь недоумением, так как в душе я не чувствую ни малейшей искры сомнения. Он должен быть жив, так как вера моя была искренна, горяча, непререкаема.

Если есть бог, распорядившийся судьбами жизни и смерти, если в том высоком лазурном небе существует он, значит, он слышал меня и видел, как жарко и слёзно, и жадно хотел я воскресить уснувшего отца! Бог должен был меня услышать и сделать по моей вере и моим слёзам! Иначе напрасно меня учили вере в этого всемогущего бога! Значит, меня обманывали и сам отец, и мать, и няня. Значит, в Евангелии сказано ложь, что вера может горами двигать!

Так думал я, уйдя на скамью к воротам. Увы! Отец был мёртв. Я его не воскресил. Огонь моей веры не помог мне! И няня-на вера поколебалась во мне. Нет могущества бога! Нет его, этого бессильного бога, который мне не помог и сам не смог воскресить одного только человека, моего любимого папу!

Так рухнула моя вера в силу молитвы и в силу своей веры. Я вспомнил лежавшего неподвижно отца не с радостью, а с отвращением и растерянностью. Я чувствовал себя обиженным, оскорблённым, обманутым.

Безнадёжно и горько сжималась грудь. Больно звучали в ушах непонятные заклинания хриплого монотонного чтения сменившей дьячка старухи. Она тоже читала «Псалтырь».

На Кузнецком кладбище. Памятный молебен на могиле А.Г.Меретева – гусарского майора, героя Отечественной войны 1812 г. Фото 1912 г. ➔

Больше я не пытался воскрешать покойного, не стал призывать бога на помощь. Я склонил покорно и стыдливо свою душу перед неизбежностью смерти. «Всё кончено! Папы нет, не будет никогда-никогда! И мы теперь будем жить без него! Прощай, наш папа!»

Правду смерти я понял безжалостно тяжко. И я убежал к себе в детскую, бросился в подушку и залился горькими неутешными слезами. Остановить эти слёзы не смогли бы тогда ни мать, ни няня, ни братья. Из детской я убежал во двор, забрался на крышу сарая, чтобы меня не видели, и опять долго и много плакал. Валялся по крыше и плакал.

Не хотел больше и глядеть на небо: там была пустота! Я был обижен на старушку-няню, обучавшую меня молитвам и твердившую постоянно о силе молитвы и веры. Когда понадобилась молитва и вера, тогда оказалось, что это были пустые, ненужные сказки! И твердил себе: «Ах, няня, няня! Я тебя любил и слушался, а ты так жестоко обманывала меня! Не буду по-твоему верить, не буду по-твоему молиться! И ты умерла, и мой папа умер».

И я снова заливался слезами и впадал в полное безысходное отчаяние. А помочь мне было некому. Путались мысли, путались чувства. Из глаз лились бессильные горькие слёзы. Начинала болеть голова.

Настал день похорон отца. Я после выноса гроба из церкви, после отпевания возле дома и после молчаливого взгляда на восковое лицо мертвеца во время шествия по улице отстал от плачущих матери, брата и сестрицы, замешался в толпе провожающих. Я убежал в сторону. Я совсем не присутствовал при погребении.

Был яркий летний день. По-майски всё зеленело, пело и радовалось. А в моём сердце гнездились чёрная тоска, обида и протестующий каприз. Я бродил по кладбищу один, бродил между могил, между плит и редких памятников. Я слышал издали хор, певший «вечную память» моему отцу. Там за деревьями его хоронили. Там был почти весь город, все учителя и учащиеся, все чиновники. Так и не подошёл я к толпе родных и знакомых, так и не видел в этот день свежей отцовской могилы.

Я бродил одиноко по кладбищу, нося в глубине души горькую злобу.

Я затаил в себе горячую боль. Плакать я не хотел. Бродил по кладбищу, не зная куда девать себя. И пошёл домой.

Когда я вернулся на свой двор, здесь уже за длинным столом на лавках собралось человек сорок беднейших жителей Кузнецка, чтобы «помянуть» покойного отца. Много веков назад такие «поминки» назывались «тризной». Справляли тризну язычники, а тогда, после похорон отца, справляли её христиане.

На длинном столе стояли горячие щи и тарелки, полные варёного картофеля, квашеной капусты, солёных огурцов; вышались чашки с гречневой кашей и несколько стопок ломтей чёрного хлеба. Свою еду участники этой «тризны» запивали квасом. И всё это делалось потому, что умер мой папа и его засыпали землёй.

Я убежал во флигелёк и крепко-крепко заснул на своей кровати.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(ОБРАЩЕНИЕ К ЮНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ)

Вот и промелькнули в моей памяти далёкие детские годы, пробежали под моим пером странички семи первых лет моей жизни в родной семье родного Кузнецка на реке Томи, в Сибири.

Наверное, я не всё рассказал, многое позабыл и кое-что передал не совсем точно. Прошу простить меня за это! Если бы можно было составлять свою историю детства изо дня в день. Но вести дневник детства никто не может. А потом в годы школьной жизни не додумался записать хотя бы кратко происшествия детских лет. А когда стал взрослым, тогда писать было некогда, так как я все последние 43 года находился на государственной работе.

Дорогие юные читатели моей книжки!

Вы прожили первые семь лет вашего детства. Вы проходите сейчас свой неповторимый путь юности. Дорога вашей жизни уходит в манящую даль.

Мои юные читатели! Вы живёте в эпоху строительства коммунизма в нашей стране. Сколько нового, интересного, значительного происходит в Советском Союзе!

Да и каждый из вас вносит свою частицу нового в его строительство.

Вот я и призываю вас вести записи или дневники событий народной жизни, присоединяя к ним заметки о вашей школьной и семейной жизни! Ваши краткие записи через несколько лет вырастут в прекрасную летопись жизни всего советского народа и дадут картину вашей личной жизни.

Тогда мои страницы далёкого детства станут только просто-душной сказкой о том, как жил почти сто лет назад маленький мальчик в глухом сибирском городке Кузнецке с его тремя ты-

сячами жителей.

Ваши записи текущих событий строительства коммунизма и мыслей о нём составят прекрасную книгу чудесных трудов и славы нашей Родины. Ваши заметки и думы о своей личной жизни отразят прекрасную быль вашего духовного роста и вашего жизненного счастья.

Смелее составляйте эту современную книгу! Вперёд, юные летописцы коммунизма!

ЧАСТЬ II

ГОДЫ ОТРОЧЕСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Годами отрочества человека я условно считаю период жизни от 7 до 14 лет. Это были годы с 1897-го по 1903, когда я учился три года в приходском училище (начальная школа), один год в уездном училище (тоже в родном городе Кузнецке) и три года в первых трёх классах Томской классической гимназии, в которой мы с первого класса изучали латинский язык. В 1903-м году за моей спиной оказались 14 лет жизни! А с 1903-го года мои дни полетели на крыльях юности...

Давно это было – больше 60-ти лет! Моя слабеющая память! Прошу тебя напрячь все силы, чтобы моя рука как можно точнее и убедительнее занесла на бумагу все значительные для моего отрочества события и душевные переживания.

Мои детские воспоминания заканчивались печальной страницей смерти моего отца в конце мая 1896 года... Наступило отрочество. Мы остались без отца. Мы – сироты.

Грустно было слушать, как разные сердобольные тётушки называют нас «сиротинками». Но я бодрюсь мыслью, что всё-таки мы ещё не «крутые сироты», так как наша мама жива, и мы, подобно другим сиротам, не пошли пока с нищенской сумой «христарadniчатъ».

Правда, как после смерти няни тоскливо тянулись «безнянины» дни, так и теперь ещё более однообразно сменяли друг друга «безпапины» дни... Но мы подрастали и делались самостоятельными и независимей.

При нашей семье оставалась теперь помощницей матери только одна весёлая, жизнерадостная певунья народных песен кухарка-горничная и в то же время нянька нашей сестрицы де-

ревенская девушка Василиса. Мы всегда окликали её «Вассой», а иногда шутливо – «Ваксой». Она была старой девой.

Вспоминалась умершая старушка Акулина Митревна – моя строгая ворчливая нянюшка. Да, ушли от меня её сказки, её заботы о детях, её теплая родная привязанность к нам! Я любил и ворчание её, которое было направлено на благо детей. Ведь старушка неустанно заботилась о здоровье детей, о порядке в детской. Она всегда выполняла все указания матери. За строгостями этой деревенской старушки чувствовалось желание мне добра и добра другим шалунам ребятам. Такие слова нянюшки, как «пострел», «кикимора», «эвсенька» и другие, я выслушивал с улыбкой, как музыку её доброй души...

Не было няни, не было отца, и мы, дети, обрели полнейшую свободу действий, передвижений и на дворе, и по городу Кузнецку, и по всем прекрасным его окрестностям с их холмами, полями, лесами и нашей быстрой кристальной Томью.

Началось наше безотцовское отрочество школьных лет и привольных кузнецких каникул.

ГЛАВА I

В ПЕРВЫЕ ДНИ БЕЗ ОТЦА

На другой день после похорон отца на кладбище и поминок его во дворе к нашему дому подкатила запылённая широкая телега. Ямщик соскочил с передка и схватил за уздцы пару лошадей с намыленными шлеями. С телеги спрыгнула сперва наша сестра Лена, восьмиклассница Томской женской гимназии, затем соскользнул брат Коля, второклассник Томской мужской классической гимназии.

Ямщик уселся на передок и тронул лошадей дальше, чтобы развести по домам ещё трёх томских гимназистов, приехавших на каникулы в Кузнецк после зимнего учения в губернской гимназии. Два медных колокольчика радостно зазвенели по тихим городским улочкам, возвещая приезд гимназистов из Томска.

Наша осиротевшая семья успела выбежать навстречу дорогим путникам из далёкого Томска. Начались объятия и поцелуи, приветливые возгласы, вопросы, восклицания. Приезжим помогли нести их чемоданчики и свёртки.

Но во дворе у входа в помещение шумное веселье, радость встречи сразу вдруг потухли от вопросов Лены и Коли: «А где же папа? Он не болен? Куда-нибудь уехал? Где он?»

Мать провела сестру и брата в комнату отца и показала им покрытую белой простыней кровать отца, показала настенное зеркало, затянутое тёмным покрывалом, показала на столе букет голубеньких лесных незабудок и букет пышных полевых пионов.

Она могла только сказать: «Папы нет... Он умер... Только вчера похоронили...»

Пришлось и сестру Лену и брата Колю долго, горячо и трудно успокаивать, давать холодной воды и, наконец, уложить их отдохнуть в кровати. Мы, младшие дети, разбежались по разным углам, чтобы наши слёзы были никому не ведомы.

«Дорогой папочка! Милый папа!» И пять дней подряд Лена и Коля ежедневно ходили на кладбище поклониться свежей могиле отца.

Вскоре мы узнали, что у Лены полученное ею зимой воспаление лёгких перешло весной в настоящую, неизлечимую скоротечную чахотку. Смерть отца оказалась непоправимым, роковым ударом для болезненной девушки. Болезнь усилилась. Лену поместили в отдельную комнату флигеля, угасавшую больную отдельно кормили, давали какие-то лекарства. Мы, братья, почти ежедневно приносили Лене полные блюдца земляники и клубники. Больную поили молоком. Кузнецкие доктора только разводили руками да приговаривали: «Не жилец она на белом свете».

ГЛАВА II

ПРОГУЛКА С МАТЕРЬЮ В ЛЕСУ

В одно из воскресений мать была приглашена в деревню, недалеко от нашего города, к своей подруге. Из детей мать захватила на эту воскресную прогулку только меня.

Вспоминается жаркий июньский день. Сибирское полуденное солнце загоняет всё живое в тень, в прохладу. Мать берёт меня за руку, и мы направляемся в чудесный сосновый бор за земляничкой.

На мне лёгкая белая ситцевая рубашка, синие брючки, ботинки и соломенная шляпа с висящими сзади концами чёрной ленты. Мать идёт под белым распущенным зонтиком. Она ласково со мной разговаривает, крепко жмёт мою руку, вливая в меня теплоту любви. Я ощущаю в себе нарастание материнской нежности и ласки.

Пройдя деревней мимо двух изб, мы вступаем в светлый прохладный бор с высокими старыми соснами. Пахнет смолой, подымаются запахи иголок и сырости, запахи трав и низких кустарников.

Мы сразу находим крупные спелые ягоды и складываем их в свои стаканы – для еды с молоком, за обедом. Мать набирает целый десяток отборных ягод и вместо стакана высыпает их в мои пригоршни и, кстати, крепко целует меня в обе щёки. А я, в свою очередь, стараюсь набрать таких же лучших земляничек побольше и подарить их матери вместе с поцелуем.

Потом мы набираем в особый стакан землянику для угощения оставленной в городе одинокой больной сестры Лены. Наша лесная прогулка длится почти полтора часа.

Но вот мы наполняем свои стаканы ягодами и возвращаемся назад, в деревню. Мы чувствуем, что наша взаимная привязан-

ность за эти радостные минуты лесной прогулки выросла в сто раз и окрепла по сравнению с буднями нашей семейной жизни.

Как хорошо, как разумно и свято, когда мать и отец не жалеют горячей любви своей детям, нуждающимся в ней, как нуждаются в горячих лучах солнца цветы и миллионы растений.

ГЛАВА III БЛАГОДАРНОСТЬ МАТЕРИ

Главное чувство, наполняющее мою душу при воспоминании о своей матери, это – благодарность. Вот почему романс композитора Эдварда Грига «Старая мать» я готов слушать в любом исполнении и сам напеваю себе эти прекрасные слова о старой матери:

Ты так бедна, о мать моя –
Всю жизнь хлопчешь ты;
Всегда лишь сердцем ты жила,
Мне руку твёрдую дала
И пылкие мечты...
В молодые дни моей весны
Ласкала ты меня;
Печали, радости мои
Со мной делила ты,
О, матушка моя!
Ты веру в счастье и добро
Вдохнула в сердце мне,
И не забыть мне никогда

Любви твоей и слов твоих,

О, матушка моя!

Я благодарен своей матери за то, что она спасла меня, двухлетнего, от обречения меня на смерть кузнецкими докторами, когда у меня было сильнейшее воспаление лёгких! Я благодарен ей за все заботы и ласки в мои детские годы, за руководство уходом за мной старой няни! Я благодарен матери за то, что она научила меня любить пение русских песен! Она научила меня восхищаться и декламировать стихотворения Пушкина, Лермонтова, Майкова, Плещеева и других поэтов. Благодарю и за то, что она приложила все усилия и хлопоты дать нам, детям, образование в начальных училищах и в гимназии. Она мечтала вместе с нами о нашем высшем образовании, о наших дальнейших путях и жизненных поприщах.

Как же не быть благодарным нашей матери, когда после смерти отца перед ней стояла задача поднять на ноги трёх сыновей и двух дочерей.

Сама выбившись из крестьянской среды на должность народной учительницы после 4-х классов гимназии, наша мать никогда не воспитывала нас неженками, пай-мальчиками, бездушными ангелочками. Только меня в раннем детстве наряжала в девичье платье, и я гулял с няней по городской улице, восхищая своим видом знакомых и незнакомых тётушек и старушек. Но после смерти отца мы, трое мальчиков-братьев, превратились в самых свободных граждан города Кузнецка, летавших по территории города и его окрестностям с ватагой ровесников, часто босоногими, в соломенных широкополых шляпах, с кусками чёрного хлеба в карманах на весь день.

Мать разрешала нам все игры, забавы, труды, поощряя осуществление наших собственных выдумок, с выявлением инициативы, находчивости, творческой самостоятельности. Строго запрещалось только играть с огнём.

Из нравственных правил наша мать постоянно твердила нам только одно: «Не будьте фальшивы!» Это обозначало – быть

.....

честным в словах, в мыслях, во всех поступках, никогда не кривить душой, твёрдо отстаивать свои взгляды, быть честным другом своих товарищей.

Даже отец с его прямолинейностью иногда нападал на привычку матери говорить слишком смело и договаривать до конца свои мысли, свои взгляды. Вот поэтому-то мать и спорила с отцом, защищая наших кузнецких евреев и особенно ссыльных польских революционеров от упрёков отца. Прямота высказываний матери доходила до смелой заносчивости и горячей резкости.

А как я горько сочувствовал матери при проходах со двора на улицу нашего мёртвого красавца коня – Воронка. Его не смог вылечить ветеринар. Ночью Воронко околел, и утром его повезли со двора в санях на улицу. Воронко лежал в санях, покрытый рогожей. Сани остановились перед окнами дома. Рогожа была сдёрнута с трупа лошади, и чёрная шерсть его запестрела падающими снежинками-звёздочками.

«Прощай, Воронко», – тихо сказала мать и начала подносить платок к своим глазам. Глядя на слёзы матери, я заразился её горем и сам готов был заплакать. Воронко был опять прикрыт рогожей, и старый Рыжка тихо тронул сани и повёз своего товарища по конюшне в последний путь. Мать пошла в детскую вместе со мной.

А как не сказать спасибо моей матери за то, что она пела своим греющим ласковым голосом, подыгрывая себе на гитаре, такие романсы и песни как «Белеет парус одинокий», «Ветка Палестины», «Коробушка», «Я цыганка молодая» и особенно «Буря мглою небо кроет». Я тревожился, умилялся и жалобился её пением и игрой на гитаре, подпевая и сам строчки стихотворения «Вечер был, сверкали звёзды, на дворе мороз трещал».

К светлой памяти матери, с прямотой её взглядов соотносится её спор с Томским епископом Макарием, посетившим наш дом при жизни отца. Мать всегда преклонялась перед людьми высокого звания: учёный профессор, доктор, педагог, епископ – эти люди в ней возбуждали всяческое уважение.

.....

Но вот в один из приездов в наш дом Томского епископа Макария она была поражена его мракобесием, отстаиванием и защитой слепой веры, народной темноты. Она серьёзно и жарко с ним поспорила.

Епископ Макарий, маленький седенький старичок, за три дня пребывания в городе Кузнецке успевал объездить «с пастырским визитом» до пятнадцати самых видных купеческих, чиновничьих и других семейств.

В одно из своих посещений нашего города епископ заехал и в наш дом. Здесь он благословлял пухленькой ручкой всех детей и домочадцев, угощался арбузом, медом и чёрным хлебом.

Отец мой, прослуживший в учительской должности более тридцати лет, выслушивал почтительно наставления епископа, любившего говорить о браке, о семье, о детях, будучи сам безбрачным, бессемейным и бездетным. Отец только слушал старого епископа и никогда не вступал с ним в спор и пререкания.

А вот горячая, правдивая мать, забросившая своё учительство после выхода замуж и отвыкшая от малейшей лести и заискиваний перед начальством, горячо-гневно иногда возражала епископу Макарию, хотя и смотрела на старика с почтением (он был старше её на 45 лет).

Спор загорался о детях. Епископ утверждает, что для человека достаточно только «благодати божьей», изливаемой через «святую церковь», а светская школа губит детскую душу; что «яд образования» и ненужных знаний ведёт к извращению человеческой природы; что после прохождения всяческих школ и университетов христианин-человек часто превращается в атеиста, безбожника; что детей следует всячески оберегать от тлетворных учений и соблазнов часто ненужной науки, например, от дарвинизма; что вера в бога человеку нужнее, чем научные знания...

На эту проповедь темноты обскурантизма, невежества возмущенная мать горячо-горячо возражает. Она ратует за необходимость для своих детей школы и просвещения; она высказывает взгляд, что ей жаль тёмного, коснеющего в невежестве русского

народа; она говорит, что наука о природе, наука историческая и вообще гуманитарные науки должны быть включены во все школьные программы.

Некоторые выражения матери настолько резки и так горячо высказаны, что задевают за живое старого епископа, привыкшего к поучениям своей паствы без возражений, и он обрывает беседу возгласом о том, что каждый человек в наше время должен быть, прежде всего, христианином и патриотом, а потому должен «отмести тлетворные идеи современности». Особенно вредным епископ считает так называемое «свободомыслие».

После оборванной беседы епископ задаёт вопросы о хозяйстве, о погоде, и беседа заканчивается закусьиванием арбуза и меда с чёрным хлебом. Вскоре коляска увозит этого «духовного пастыря», епископа Томского и Семипалатинского, из нашего домика на его городскую квартиру в доме Попова.

А вечером отец надевает свой старый мундир с орденами и направляется в городскую соборную церковь на торжественное архиерейское служение, с паникадилами, со свечами, с громогласным протодьяконом. Но мать разобиделась и остаётся дома.

И во всю последующую жизнь, особенно после смерти отца, мать, напрягаясь изо всех сил, старалась провести своих детей через среднюю и высшую школу, всегда вспоминая о том, как «просветитель Алтая», епископ Макарий, настаивал ограничиваться только начальной грамотностью и воспитанием своих детей в духе православной веры и слепой любви к русской Родине – с лозунгом «За веру, царя и отечество».

Этот мракобес Макарий в 1905 году, как говорили современники, благословлял томских черносотенцев на еврейский погром и на сожжение людей 20-го октября 1905 года в здании службы тяги Сибирской железной дороги. Позже епископ Макарий был поставлен митрополитом Московским, хотя этому махровому реакционеру было более 80 лет.

И в горячих спорах с отцом мать всегда настоятельно требовала забыть советы старого епископа и строила планы проведения

всех детей через низшую, среднюю и высшую школу.

Наступило первое лето после смерти отца. Осенью мне предстояла школьная жизнь, а потому материнские речи о всяких науках и гимназиях приводили меня в трепет, наполняли моё сознание смутной тревогой.

Чтобы заглушить мысли об этой близкой школе и ещё более страшной гимназии с её науками, я начал особенно шумно и шаловливо играть, кривляться, паясничать.

Беготня по заборам, сараям, лазанье по деревьям, игры в мяч, возня и кувырканье на траве, на сене, в огороде – всё это было особенно бесшабашно, азартно, безумно после серьёзных домашних разговоров о будущей нашей учёбе. Хотелось успеть насладиться до школы вознёй, беготнёй, безудержной разудалой вольностью.

В первое же лето после похорон отца, например, я нашёл где-то револьверный патрончик с пулей, невыстреленный. Я знал, что пуля послужит мне хорошим грузилом на леске с поплавком при ужении рыбы. Я усердно гвоздём долго выковыривал пулю из патрончика, но безуспешно. Тогда я положил этот револьверный патрон с пулей на серую каменную плиту возле крылечка амбара. Найдя топор, я со всего размаха ударил обухом по патрону.

Страшный выстрел оглушил меня. Я бросил топор и убежал в огород. Через тын я перелез из огорода в переулок. Переулком я вышел на улицу и вошёл во двор нашего дома. Здесь находились мать и кухарка, выбежавшие на выстрел из флигеля.

Обе женщины успели заглянуть в сарай, в садик, выходили из ворот дома, но ничего и никого не обнаружили. А когда увидели меня, спокойно входившего с улицы во двор, они обе совсем успокоились и ушли со двора во флигель. А я подошёл к месту револьверного выстрела и увидел, что на плите лежал сплюснутый медный патрончик, а сдавленная обухом пуля полетела в противоположную от меня сторону, а могла бы глубоко засесть в кости моей ноги. Только через два года я решил огорчить свою мать показом сплюснутой пули в толстом бревне амбарного крылечка.

ГЛАВА IV ЖЕСТОКАЯ ШУТКА

Да, это одна из печальных страничек моего детства и отрочества. Но молчать об этом нельзя. Надо знать всем взрослым, как можно повредить своей неосторожной шуткой детской душе, верящей большим людям, восприимчивой и легко ранимой словами взрослых людей.

В моём сознании зачёркивали горячее слово «мама». Это значит, словами насмешки тушили в детской душе чувства любви, нежности и сыновней радости к своей матери.

Это было так. Когда родилась моя младшая сестрица, мать сама выкармливала и выхаживала её. Старая нянюшка Акулина Дмитриевна только по хозяйству помогала матери, будучи всегда занята со мной да со школьниками-братьями. И за последние три детских года до школы я так привязался к няньке и настолько отвык от матери, что за каждым пустяком и с каждым вопросом бежал к старушке-няне, а не к матери.

Отец и братья начали дразнить меня и смеяться над моей «нежностью» к няньке и называли старушку моей второй «главной» матерью. Потом про меня говорили, что я подкидыш и ребёнок неизвестного происхождения. Это же твердила моя весёлая шутница тётка Марья, сестра матери. Частые насмешки посеяли во мне настоящую холодность, отчуждённость от матери и даже неловкую застенчивость в обращениях с нею.

Я стал стыдиться, смущаться и избегать беседы с матерью, пока, наконец, совсем не прекратил прямого с ней обращения со словом «мама». Слово «мама» заменилось словом «ты». Это вышло постепенно.

Упорная обида нарастала в моём сердце от усиливавшихся общих насмешек от называния меня то «нянюшкиным сынком»,

то подкидывшем. Тётка Марья дёргала меня в другую сторону, говорила: «Будь, Венечка, моим сынком!».

Насмешки оттолкнули меня от матери, охладили мои чувства привязанности и любви к ней. Я сделался скрытным от всех и только наедине с няней изливал свою душу, ласкался к ней, как к родной бабушке.

Из меня, шутя и жестоко вымолачивали общими насмешками теплоту и кровность отношений к родной матери. При моём нечаянном произношении слова «мама» кто-нибудь из присутствовавших обязательно стыдил меня этим словом, как ошибочным. Тогда я убежал со слезами на глазах и обидой в душе вон из комнаты.

А мать, только улыбаясь, всегда твердила мне: «Не верь ты, Венечка, насмешкам!» Но мне этой скупой защиты было мало, хотя я знал, что мать любила меня больше других детей, как и я любил её, хотя слово «мама» замёрзло в моём сердце.

Но получилось так, что к семи годам из моего обихода совершенно выпало слово «мама». Это слово не воскресло в моей душе, не появилось в моей речи даже после смерти моей любимой старой нянюшки Акулины Дмитриевны.

Когда сама мать заметила, что вместе со словом «мама» у меня начали исчезать прежние детские к ней привязанности, доверие, любовь, ласка и радование сыновнее, тогда было уже поздно!

Никакие уговоры, никакие запоздалые упрёки со стороны тётки Марьи, бабушки не помогли. Из меня никакими клещами нельзя уж было вытащить слово «мама». Крепкими корнями утвердилась во мне сознание себя отрезанным ломтём в родной семье.

Ядовитые насмешки детских лет умертвили во мне святое чувство любви к матери. Только сладкая тайная жалость к самому себе ещё питали родственную любовь к отцу и постоянную привязанность к братьям и сестрице. Для родной матери в сердце находилось тепла и любви меньше, чем к моим любившим меня бабушке и дедушке.

Так отнята была у меня роковой глупой шуткой родная мать! И во всю дальнейшую жизнь я не смог никогда вновь заполнить этой зияющей душевной пустоты, избегая всегда по отношению к матери выявления нежных чувств, внимательности, всяких сердечных порывов. Неловкость, смущение, ложный стыд и самотерзание были ответом на проявление ласки, забот и ухаживаний матери. Но я не в силах был превозмочь себя, ответить лаской на ласку, на нежность нежностью! Не смог я переломить в себе эту мучительную, окаменевшую в душе замкнутость и возродить в себе лучшие чувства, вырванные безжалостными и глупыми насмешками.

Так в детстве я потерял одно из лучших, основных человеческих чувств! Потерял на всю жизнь!

Это чудовищно, но это так!

ГЛАВА V «СОРОКОВИНЫ»

Через сорок дней после смерти отца матери пришлось, уступая церковному обычаю, справить «сороковины», то есть поминки по умершему. Я не сумею и сейчас объяснить, почему надо было устраивать эти поминки в 40-й день после смерти, а не в 30-й или 50-й. В этот день на дворе поставлен был возле кухни небольшой стол, за которым усаживалось десять или двенадцать городских бедняков, желавших «помянуть» моего умершего отца. На кухне наша Васса с матерью сварили постные щи, жарили картофель с луком на конопляном масле, варили клюквенный кисель и непрерывно подавали эти кушанья сидевшим за столом поминальщикам. Каждый поминальщик мог есть эти кушанья, не ограничивая себя количеством и временем.

А мы, ватага мальчиков, отправились с утра на холмы, за крепость, чтобы набрать цветов и возложить их на могилу отца. Была середина лета. Мы набрали огромный букет лесных пионов, любимых огоньков-купавок, по низинам нарвали пахучих незабудок и даже по высоким местам синих и белых тюльпанов и красноватых «травок-муравок». Особыми букетиками мы несли домой наши ароматные полевые ирисы, разливавшие свои запахи по гребню холмов вправо от нашей Кузнецкой крепости.

Спустившись с холмов домой в город, мы поставили букеты пионов, огоньков и пахучих ирисов в стаканах на столе в комнатке больной сестры Лены. Поставили букет из пионов на поминальный стол, за которым угощались старички и старушки и другие досужие посетители нашего двора.

Из остальных цветов мы сплели большой венок и отнесли его на кладбище, возложив на могилу отца.

Когда мы вернулись домой и сами сели за поминальный стол, чтобы пообедать вместе со стариками и старушками, мы увидели за столом непонятного нам гостя. Это был мужчина, голова, плечи и спина которого были сплошь обмотаны белыми тряпицами и бинтами.

Мы узнали, что этот сибирский крестьянин был медвежатником. Он одиночкой с рогатиной и ружьём смело ходил на нашего лесного зверя. Мы знали, что поединок с лесным великаном, бурым сибирским медведем, дело героическое. Об этом нам рассказывал дядя Лёва, муж тётушки Марьи. Дядя Лёва сам ходил с рогатиной на медведя и всегда побеждал вставшего на задние лапы двухметрового лесного богатыря, который шёл прямо на охотника. Как получилось, что сидевший с нами за столом крестьянин-медвежатник был помят, искусан и расцарапан медведем, где это было, мы не спрашивали. Мы с тайным страхом и уважением глядели на обмотанную бинтами голову, с двумя отверстиями для глаз и отверстием для рта.

После того как медвежатник пообедал, он обратился к матери со своей просьбой о лекарстве. Дело в том, что наша мать приготавливала дома особое варево из сушёного чернобыльника, росшего

по обочинам наших сибирских дорог. Чернобыльником называют один из крупных видов нашей горной травы полыни. Из окрестных деревень к матери приходили за этим наваром чернобыльника, чтобы лечить больных падучей болезнью. Лекарство помогало.

По просьбе забинтованного медвежатника мать принесла из погреба штофную бутылку готового снадобья и налила крестьянину полную флягу, напомнив способ употребления этого питья. У медвежатника была больна падучей жена, и он горячо благодарил мать за полученное чудодейственное лекарство и от себя и от своей жены.

Тут же мать попросила брата Валю пройти завтра по дорогам к так называемую «святому колодцу» и по дорогам к селу Христорождественскому – на холмах за городом – и набрать, надёргать с корнями свежего чернобыльника, чтобы наготовить этого питья в запас для приходящих из деревень крестьян. Это питьё раздавалось всем бесплатно.

Когда последний посетитель нашей бесплатной «тризны» отблагодарил мать и вышел со двора, мы начали торопить её посмотреть и послушать чудесный говорящий и поющий маленький сундучок с какими-то резиновыми трубками. Об этом нам рассказали только что прибежавшие друзья-ребята, которые успели побывать в наскоро сколоченном сарае на лугу возле уездного училища.

Мать и мы, трое мальчиков, дружно зашагали к указанному строению, в котором показывалось неслыханное в городе Кузнецке чудо: говорящий и поющий деревянный сундучок! В дверях сарая нас любезно встретил самый обыкновенный русский человек, а я с волнением ожидал чародея в остром колпаке, в широком шёлковом халате-одеянии с золотыми пуговицами, в сафьяновых турецких сапогах. Таких колдунов и фокусников я не раз видел изображёнными на страницах «Нивы». И вдруг – ничего особенного!

Но вот мы сели за длинный столик, посередине которого стояла обыкновенная шкатулка; от неё во все стороны натянуты были резиновые трубки с двумя вставлявшимися в уши кончиками. Мы воткнули себе в уши трубочки и стали с любопытством ожидать

того момента, когда заговорит чудесная шкатулка.

Хозяин открыл ящичек-шкатулку левой рукой, имея надежный желтоватый валик на пальцах правой руки. Надев этот валик на стержень внутри ящичка, хозяин опустил рычажок с иголкой на край валика...

Мы услышали шипенье, затем чей-то глухой голос объявил: «Ария Демона из оперы Рубинштейна «Демон». Потом приятный голос неизвестного оперного артиста запел:

«Я тот, которому внимала

Ты в полуночной тишине»... и т.д.

После этой арии более сильный голос пропел арию «Смейся, паяц» из оперы Леонкавалло.

Хозяин снимал и убирал из ящичка валики, заменяя их другими. Мы прослушали ещё голоса трёх певцов и одной певицы, которая почему-то спешила пропеть русскую песню: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».

На этом сеанс окончился. Мать уплатила за всех нас несколько копеек, и мы отправились домой, горячо обсуждая виденное и слышанное. Мы в Кузнецке конца XIX столетия не имели понятия даже о телефоне и вместе с матерью восхищались чудом извлечения звуков из каких-то неведомых нам восковых валиков. Мать объяснила нам, что этот аппарат называется фонографом, а изобрёл его американец Эдисон в 1877 году. Так через двадцать лет после своего изобретения этот чудесный передатчик записанного пения и рассказа-речи человеческой приехал и в наш сибирский Кузнецк... И в последующие годы мы не ведали, что такое граммофон с пластинками, на которых записывались не только одиночные человеческие голоса или музыка отдельных струнных или духовых инструментов, но и хоровые и оркестровые исполнения сложнейших номеров оперной музыки.

Если бы нам в те далёкие годы показали висящий на стене ящик, из которого по радио угостили бы нас звуками человеческих голосов, звуками музыки, потом голосами птиц из леса, лаем собак, наконец, пушечной пальбой и звоном колоколов, – мы, конечно, объяснили бы всё это сказочным волшебством.

А ведь мы сегодня даже не удивляемся, что наши советские люди летают не менее сказочных ракетах вокруг Земного шара! Это работает человеческий разум! Так накапливаются на Земле человеческие «чудеса»!

ГЛАВА VI ПЕРВЫЙ ГОД В ШКОЛЕ

Наступило 16-ое августа, начало учебного года для всех русских школьников. Меня повёл в школу брат Валя, третьеклассник этой церковно-приходской школы города Кузнецка, единственной начальной школы для трёхтысячного населения города. Дети беднейших родителей оставались вне школы, хотя пословица русского народа гласила: «Ученье – свет, а неученье – тьма». Миллионы людей в царской России должны были оставаться без «ученья», проживая свой век «во тьме».

Запомнились строчки поэта:

«Вышел на крылечко дедушка Федот,

Сел и с нетерпеньем грамотея ждёт.

По дороге мальчик вдоль села идёт!»

Мне посчастливилось в жизни – с семи лет я начал шагать в кузнецкую начальную школу. «Свет» этих первых лет ученья состоял из навыков чтения и письма, из усвоения церковно-славянской грамоты, из первых сведений по арифметике и подробных знаний по курсу «закона Божия». Но если голодному человеку дают окаменелый сухарь, он сыт бывает и сухарём. А мы, ребята, считали себя вошедшим в храм знаний, когда прочитывали в «Часослове» по-славянски: «Аз есмь червь» или выучивали наизусть молитву: «Преблагий господи, ниспошли нам благодать духа твоего святого». Смысл этих слов был недостижим для меня...

Зато купленная на базаре зелёная сумка моя была сшита из толстой добротной ткани; на одной стороне была вышита коричневая утка; внутри сумки была подкладка. В сумке я нёс в школу букварь, часослов, пенал, грифельную доску с двумя грифелями и даже чернилку, наполненную самодельными чернилами из чернильного порошка. Пенал был деревянный, трубчатый и содержал карандаши и копеечную ручку с перьями № 56 и № 84. Тетрадка была только одна.

Самым лёгким для меня предметом было изучение азбуки и громкое чтение; письмо пришлось одолевать с трудом; арифметика давалась ещё труднее. Но дни школьной жизни побежали быстрее домашних дошкольных дней.

Запомнились радости с получением пятёрок и четвёрок за хорошее чтение, запомнилась и двойка за грязно написанную страничку тетради. Запомнилось огорчение на всю жизнь, когда законоучитель «батюшка» прогнал меня из школы, с урока «закона Божия» домой – у меня при проверке всех учеников не оказалось на шее под нижней рубашкой «нательного крестика»! Этот крестик все школьники были обязаны носить круглые сутки и снимать только в бане при мытье своего тела. А я потерял этот крестик. Мать не следила за выполнением школьного закона. Я в слезах пришёл домой и сообщил матери, что «батюшка» очень сердился и прогнал меня вон из школы. Мать сразу нашла у себя в коробочке металлический крестик, и я вновь побежал с крестиком на шее в школу.

В то стародавнее время нательный крестик служил своеобразным допуском детей к школьной учёбе. Без крестика ты считался как бы язычником и недостоин был сидеть за школьной партой.

А вот сотни вшей, приносимых школьниками в школу, не препятствовали им учиться и не служили причиной удаления из школы. Сидишь, бывало, в классе, слушая учителя, а глазами косишь на впереди сидящего мальчика, по спине которого к его шеи ползут две вши. Учитель что-то пишет мелом на доске, а я шепчу, наклоняясь вперёд:

– Васька, у тебя на спине две вши!

Васька просит соседа Кольку снять этих насекомых со спины, и Колька двумя щелчками сбивает этих ползучих зверей на пол.

Часто в классе то один ученик, то другой выщарапывает из своих волос или снимает с шеи противных насекомых. Когда дома я сообщаю матери о вшах на всех почти ребятах в классе, она обнаруживает и в моих волосах и в нижней рубашке десятка полтора вшей. Голова моя промывается керосином, я моюсь в бане. На завтра та же картина – в голове вши и в свежем белье вши. Опять меняется бельё и с керосином моется голова. Прихожу из школы, и вновь мать находит у меня и в голове и в швах рубашки до десятка вшей.

Утром, надевая свою шубу перед отправлением в школу, я замечаю в густой шерсти у воротника и в плечах какие-то беленькие точки. Это – гниды, яички вшей, прикрепивших своё созревающее молодое поколение к волосикам шубы! Вот он рассадник школьных паразитов, этот бич школьников-ребят!

Мать берёт мою шубу, кладёт её в стиральное корыто и заливает кипятком, разбавленным наполовину керосином. Меня она оставляет дома, а сама идёт в школу. Там в школе она со знакомым учителем Морхиным в раздевалке осматривает ученические шубы и находит десятка полтора вшивых шуб на вешалках.

Сначала учителя отправляли с утра назад домой по три, по четыре особо обовшивлённых школьников нашей церковно-приходской школы. Так как раздевалка была одна для всех трёх классов школы, то вшивая зараза не прекратилась до самой весны. Так вши одолели учителей.

Такова была царская церковно-приходская школа 1897-го, 1898-го годов, с обязательным ношением на теле металлических крестиков и неумолимым роковым кормлением нашей кровью маленьких гнусных паразитов.

Это было в уездном городе Кузнецке Томской губернии. А что же было по деревням и сёлам Сибири...

ГЛАВА VII

Ещё ТРИ СОБЫТИЯ

Событием в эту первую зиму моего хождения в школу была общественная вещевая лотерея, на которой разыгрывался молодой телёнок. Эти лотереи довольно часто организовывались разными гражданами города Кузнецка. Вот и вздумал один из граждан города продать своего телёнка за пять рублей. Покупатель не нашёлся. Тогда этот владелец телёнка обносит подписной лист по домам и просит включиться в свою вещевую лотерею.

В подписном листе сказано, что разыгрывается такой-то телёнок, которого можно посмотреть в коровнике возле его родной матери-коровы; сказано, что цена телёнка назначена пять рублей, а потому из шапки будут выниматься двадцать билетов по 25 копеек – всего на сумму пять рублей. Просьба собраться в воскресенье к часу дня во двор хозяина телёнка, где будет вынут из шапки выигрышный номер билета.

Моя мать решила в листе расписаться в четырёх местах, уплатив хозяину один рубль. Мой билет имел № 4. К воскресенью хозяин сумел продать всего 20 билетов, собрав просимую им за телёнка сумму. Мать взяла четыре билета, соседка подписалась на три билета, прачка Марфа взяла один билет, желая своим четвертаким осчастливить себя, выиграв за 25 копеек целого телёнка.

В воскресенье на дворе хозяина телёнка собрались человек десять любопытствующих. Был зачитан подписной лист с обозначением номеров закупленных билетов. Вывели из коровника телёнка, которого корова-мать проводила прощальным громким мычанием.

В шапку были опущены двадцать свёрнутых билетиков с обозначенными на них цифрами. К шапке подошла соседка-девочка трёх-четырёх лет. Шапку встряхнули и попросили девочку

вынуть один билетик.

Девочка вынула билетик; на развёрнутой бумажке стояла цифра «4». Мать заявила, что этот номер записан за мной. Лотерея кончилась. Слышались одобрительные голоса:

«Счастливым парень! За рублёвку телёнка выиграл!»

Мать объяснила нашим спутникам, что в прошлогодней вещевой лотереи, когда разыгрывались домашние вещи, записанный на моё имя билет выиграл за двадцать копеек почти новый медный умывальник. И я прослыл счастливым на лотереях.

Вторым событием в эту зиму было печальное самосожжение в городе Кузнецке двух пожилых мужчин. Я только знал, что эти два человека в небольшом домике слишком много выпили вина и оказались «мертвецки пьяны». Когда пламя пожара в подгорной части Кузнецка заметил дежурный на городской каланче, было уже поздно – домик находился в верхней части города, и люди уже горели. Приехавшие пожарные увидели перед собой объятый пламенем домишко, в котором горящий потолок с крышей уже провалились, а пылали только старенькие сухие стены.

Когда потушили последние языки пламени и растащили длинными баграми обгоревшие брёвна и доски, соседи этого сгоревшего домика поняли страшную правду этого редкого городского события. Под кучей обгоревших досок и чёрных углей единственной комнатки домика лежали два обгорелых трупа. Соседи сразу же определили, что к владельцу домика пришёл вечером его приятель, большой любитель водки; что из топившейся печки выпали горячие угли или целая головешка, а «мертвецки пьяные» приятели крепко спали на деревянной кровати; знатоки добавили, что всепожирающий огонь мгновенно уничтожил их одежду, стол и два стула, а так как дверца печки была открыта, тяга усиливалась; люди от дыма и жара задохнулись и в предсмертных судорогах схватились только руками.

Так в скорченном состоянии этих пленников водки, заживо сгоревших благодаря своей неосторожности, сложили на розвальни, накрыли рогожей и провезли по Соборной улице на кладбище.

Жители улицы стояли возле калиток своих домов, провожая розвальни с мертвецами прощальным взглядом.

Лошадь вёл за уздцы человек в полушубке, а за санями никто не шёл, не было ни одного провожатого. Старушка-соседка перекрестилась и произнесла: «Проклятая водка! Погубила людей!»

Целый вечер мы в семье обсуждали это страшное событие – сгорели заживо два взрослых человека. Мать объяснила нам, что эти двое мужчин постепенно сделались рабами водки, почему старушка-соседка и проклинала водку. Но каждый человек должен быть сильнее всякой водки и вина, он должен быть себе хозяином.

А во сне я увидел, как два человека сидят за столиком, встают и падают на кровать, а пламя и дым всё закрывают...

Третьим событием этой первой школьной зимы было наше хождение по домам городских обывателей во время рождественских каникул. Мы, пятеро школьников, должны были «славить Христа», то есть петь хором особые песнопения: «тропарь рождества» и «кондак Богородице». За наше пение хозяева домов и домиков Кузнецка давали нашему «квинтету» гривенники, пятаки, алтыны, семитки и копейки.

Наш пятиголосый хор воспевал рождение церковного Бога-Христа, который считался сыном Бога-Отца. Одетые в тёплые шубы и валенки, в шапках с башлыками, мы в этот морозный сибирский вечер обошли дом за домом более десяти владений, испрашивая у хозяев разрешения «прославить Христа».

Так как школьный батюшка или учитель после каникул мог спросить, кто «славил Христа» и кто «не славил», мы хорошо учили наизусть и «тропарь» и «кондак», не понимая некоторых слов, и бодро пятью голосами исполняли свой номер перед хозяевами, глядя на угловые иконы святых в каждом помещении.

Некоторые слова в «кондаке Богородице» непонимающие их смысл ребята переиначивали. Вместо слов: «Дева днесь пресущественного рождает, и земля вертеп неприступному приносит» ребята громко распевали: «Девять гнёзд пресущественного рожают, и земля верти неприкусному приносит»...

Зато, отбарабанив быстро непонятный нам «кондак», один или все пятеро мы хором вскрикивали: «С праздником, хозяйка!». Мы из тёплого помещения выходим на мороз и перебегаем к следующему дому...

Когда наша пятиголосая капелла между всеми хористами поровну разделила выручку этого трудового мероприятия, я получил свои 16 копеек – мой первый заработок на жизненном пути.

Когда мои 16 копеек были высыпаны на стол перед матерью, она улыбнулась и спокойно сказала мне: «Ну вот, можешь купить себе тетрадок или бумаги – это твои деньги. Хочешь – купи пряников».

У меня появился через несколько дней десятикопеечный резиновый мячик, стопка бумаги для самодельной тетрадки и два медовых копеечных круглых пряника.

А потом в классе на вопрос учителя, кто во время этих зимних каникул «славил Христа», все пятеро, ребята нашего «квинтета», переглядываясь и самодовольно улыбаясь, высоко подняли наши правые руки.

ГЛАВА VIII МАСЛЕНИЦА В ГОРОДЕ

Православная церковь празднует так называемое «Воскресение Христа», который умер, но после трёхсуточного лежания в гробу под огромной каменной крышкой в пещере воскрес и начал вновь ходить по своей стране. Этот праздник называется «пасха». Празднуется пасха то в марте, то в апреле, то в начале мая, так как этот Христос воскрес в ночь весеннего новолуния, которое наступает в разное время. Семь недель перед пасхой продолжается «великий пост», когда нельзя было нам, школьникам, есть мясные и

.....

молочные продукты и куриные яйца. Рыбу есть разрешалось.

И вот перед этими семью неделями великого поста праздновалась недельная масленица, в которую можно было есть говядину, свинину, баранину, курятину, гусятину, молоко, сливки, сметану, яйца, масло сливочное, топленое – всё до отвалу. В нашем трёхтысячном городе Кузнецке, как и по всей России, масленицу справляли все – бедные и богатые. В каждом доме каждая хозяйка обязательно пекла блины, которые готовились из муки ржаной на конопляном и подсолнечном масле, из муки пшеничной на топленом масле. Люди побогаче лакомились блинами из гречневой муки.

К блинам полагались, кроме масла и сметаны, ещё и варенье, и мёд, а то и жёлтая икра и чёрная икра, да добавок рыба красная и рыба белая. Словом, в ожидании семи недель поста люди наедались всякой снедью, кто насколько мог, а всякое блинное пиршество не обходилось без русской водки, без «английской горькой», без «рябиновки» и прочих вин отечественных и зарубежных.

Этими блинными пирушками с икрой, балыком, сёмгой да «смирновской» водкой особенно отличались приезжавшие в Кузнецк с золотых приисков золотоискатели. Масленица для приезжих золотоискателей и кузнецких купеческих семейств была временем самого разгульного веселья, безудержного объедания и часто бесшабашного пьянства.

И вот, люди с золотых сибирских приисков и наши кузнецкие молодые купчики, торговцы, а за ними и люди среднего материального состояния, желая перецеголять друг друга, все нанимали, находили лошадей и на тройках и на парах бешено скакали и летали по улицам Кузнецка.

Мы, ребята, любовались на мчавшиеся во весь дух разнаряженные тройки и пары, запряжённые в разного размера розвальни, кошевки и в огромные ямщицкие дорожные кошевы со спинками и сиденьями.

И нельзя оторваться от этого зрелища летавших по нашей

.....

.....

улице лошадей и поющих, кричащих, смеющихся трезвых и пьяных людей, справлявших широкую русскую масленицу...

Вот видим, слева от дома купца Недорезова и от купца Суховольского мчатся на нас две тройки лошадей с полными кошевами поющих, кричащих людей. Коренник вороной бьёт копытами февральский снег улицы, из ноздрей летят клубы пара, глаза его гордо сияют; он почти один тащит всю кошеву с пятёркой людей да ямщиком, постоянно хлещущим по спинам и левой и правой «пристяжки», чтобы натянуть их постромки потуже.

Под дугой коренника в такт его быстрого бега оглушительно звенят три медных колокольца трёхзвучным аккордом. На хомутах у «пристяжек» прикреплены по десятку бубенчиков, называемых нами шаркунчиками. Пристяжки, склонив на стороны головы свои, трясут шаркунцами порывисто, часто, не в такт колокольцам коренного. Получается бесшабашная музыка рассыпных звуков, в ушах оседает гул и звон.

Вороной коренник накрыт сверх шеи голубой шёлковой попоной, а обе пристяжки – попонами розовыми. Дуга коренника повита красной лентой, а от хомутиков пристяжек развиваются по ветру короткие и длинные красные, синие, зелёные, белые, голубые ленты.

Вот тройка поравнялась с нашим домом. Мы видим, что сбоку кошевы прилажен ковёр с изображением двух собак на простом сером фоне. В кошеве сидят трое мужчин. Им весело, они смеются и громко кричат друг другу. Кошева пролетает мимо нас стрелой, и мы запоминаем большой ковёр, утверждённый на её спинке. На этом ковре вышито семейство олений, стоящих у опушки леса недалеко от лесного ручья.

Вторая тройка мчавшихся бешено лошадей подобрана по масти: все три лошади рыжие, попоны на них все три синие, дуга коренника повита малиновой лентой; сбоку ковёр с изображением четырёх белых рыб на голубом фоне. В кошеве у спинки сидит гармонист, подыгрывающий четырём мужчинам, довольно нестройно кричащим почти в унисон: «Ах, вы, сени, мои сени!» Тройка промчалась, и на спинке кошевы мы увидели ковёр с изображе-

.....

нием двух лежащих среди зарослей тростника полосатых тигров. Тигры полосатые, тростники зелёные.

Так как городские купцы соревновались с приезжими золотоискателями, стараясь перещеголять друг друга в убранстве своих кошев, в упряжке и украшениях лошадей, нам, ребятам, доставляли восхищение, восторг все эти бешено пронесившиеся тройки и пары с весёлыми хористами и гармонистами в разукрашенных санях и кошевах.

Иной раз та же тройка, пролетавшая вторично мимо нас, оказывалась запряжённой в другую кошеву, с другими коврами по бокам и за спиной. Так, вместо львов в пустыне мы созерцали на ковре какую-то красавицу с букетами и гирляндами цветов. Или знакомая нам тройка тёмно-карих лошадей везла других людей, спинка кошевы была завешана не изображением на ковре уток, как мы запомнили её при первом мимо нас пробеге, а ковром с причудливым рисунком треугольников, квадратов, ромбов, стрелок и кружков.

Особенно богато тройки были разукрашены в последний день масленицы, в воскресенье. И особенно же весело, а часто пьяно и крикливо провожали масленицу в этот день катающиеся на тройках пассажиры этих разнаряженных февральских розвальней, кошевок и кошев. Мелькали лошади и сивые, и карие, и вороные, и гнедые, пегие и серые. Мелькали ленты и попоны голубые, красные и синие, и жёлтые, коричневые, полосатые и пёстрые.

Звенели бешено тройные, четверные под дугами колокольчики; им вторили и путались в их звуках шаркунцы-бубенчики разных размеров, разных звуков и тонов.

А сколько мы пересмотрели ковров, натянутых на спинки всех кошев за сиденьями «гуляющих» людей! Там львы сменялись журавлями, медвежат сменяли то орлы, то тигры, то венки цветов, то пляшущие люди, то садовые беседки, павильоны.

И где только брались у этих кузнечан в нашем трёхтысячном уездном городишке столько лошадей, саней, ковров, бубенчиков, а главное, безудержного, февральского и ярко карнавального

веселья!

А люди! Какие это были люди! Мы, ребята, узнавали в кошевах членов купеческих семей Кузнецка, но большинство поющих и кричащих пассажиров этих троек нашей масленицы мы не знали. В кошевах сидели и стояли, иногда плясали и размахивали шапками, руками молодые люди в полушубках, подпоясанных то красными, зелёными, то чёрными кушаками, то крепко затянутыми серебряными поясами с висячими бляшками, полосками и кругляшками. Нам говорили, что эти люди приехали с золотых приисков, чтоб погулять в Кузнецке на весёлой масленице, «посмотреть людей» да и «себя показать» во всей своей красе да удали.

А если нам, ребятам, не удалось промчатся на этих быстролётных тройках с переливчатыми колокольчиками и шумными говорливыми бубенчиками по всем улицам Кузнецка, мы не गरेвали, мы в последующие за масленицей дни великого поста организовались в тройки и «катали», бегая по Соборной улице Кузнецка, друг друга, а то и просто начали устраивать «бега» своих ребячьих «троек» и «коренников» с пустыми без седоков салазками. Это были настоящие зимние беговые состязания.

Мы даже накупили бубенцов-шаркунчиков и, подвязав их на груди, весело скакали в переулках и по улице, справляя нашу масленицу в дни великого поста.

ГЛАВА IX ПЕРВЫЙ ПАРОХОД

Но вот пришла и весна. Толстый, кое-где аршинный, кое-где метровый лёд на реке Томи порастрескался. Вода прибывала с каждым днём. Начался на реке ледоход. Началось половодье. Протока Иванцевка затопила весь Топольник и образовала огромный живой водоём, заливая некоторые переулки в подгорной части Кузнецка.

А дни становились всё жарче и жарче. К середине мая от огромных ледяных полей и разорванных кусков льдин ничего не осталось: всё уплыло вниз, растаяло, исчезло. Но воды в реке было ещё много – она шла с полей, шла из лесов. Иванцевка осталась широкой спокойной протокой, хотя вода начала уже спадать. Мутная, желтоватая вода обмывала обрывистые берега города. Весна наступила.

Крикливые галки торопились по вершинам деревьев в Топольнике облюбовать себе весенние гнездовья. Набухшие тополиные почки вот-вот собирались лопнуть и распуститься.

И в это майское утро величественного половодья реки Томи и протоки Иванцевки вдруг со стороны скалистого берегового выступа реки, называемого «Бычок», раздался необычный трубный вой.

Такого звука город Кузнецк не слышал от своего основания, от времён царя Василия Шуйского, за все свои триста лет жизни. Из береговых домов встревоженный народ высыпал к воде. По реке Томи, преодолевая быстрое течение, выплыл невиданный плавучий белый дом с большой трубой, дымящей чёрным дымом.

Старики, старушки и богобоязненные тётушки крестились, глядя на плывущий двухэтажный дом, на это невиданное чудище, которое хлестало по воде своими лапами и наполняло мирный,

сонный, тихий воздух города горластым рёвом своего гудка.

Школьники-ребята первыми назвали этот чудесный плавающий и орущий дом с дымящей длинной трубой, идущий по воде на двух вертящихся широких колёсах, пароходом. В своих книжках школьники разглядывали на картинках пароходы, но в Кузнецке такой колёсный пароход появился впервые через 90 лет после его изобретения в 1807 году Фультоном. Так для города Кузнецка наступил «век пара и электричества», хотя ещё в этот день появления на Томи и на Иванцевке плавучего первого дома на колёсах не было ни в одном частном доме, ни в учреждениях ни одной электрической лампочки Эдисона. Город Кузнецк жил свои 300 лет без пара и электричества, и только в это майское утро к городскому берегу причалил первый гость – пароход «Томь».

И это дымящее и гудящее паровое чудище, когда было прочитано на борту родное слово «Томь», перестало всех пугать...

А когда с парохода на берег был переброшен трап, сбегавшиеся сотни граждан весело приветствовали сошедших на кузнецкую землю обыкновенных русских людей. Эти люди на русском языке кричали: «Здравствуйте, кузнечане! Принимайте гостей из Томска».

На берег к пристани вскоре подъехал сам уездный исправник со своим помощником, подросли в полном вооружении, то есть с пашками на поясах, три городских стражника. Всех этих представителей верховной власти города Кузнецка капитан парохода пригласил к себе на пароход как почётных гостей.

Мы, десятки школьников и более мелких граждан города, с великой завистью глядели, как исправник и его вся свита исчезли в помещении крошечных каюток парохода вместе с капитаном.

Капитан, по-видимому, объяснил властям, что пароход «Томь» является разведчиком возможных регулярных рейсов между Томском и Кузнецком, что завтра же «Томь» уйдёт в обратный рейс вниз по течению реки Томи. Десятка два товарных ящиков матросы выгрузили с парохода на берег. Ящики развезены были на телегах по адресам своих хозяев. К обеду берег опустел.

Мы, кузнецкие ребята, наскоро поели дома щей и вновь, с кусками хлеба, сидели в несколько рядов на берегу, зачарованно разглядывая зашедший в наши родные воды первый пароход. И какое же восхищение нас охватило, когда вечером весь пароход снаружи и внутри был освещен электрическими лампочками. Думается, в этот вечер из трёх тысяч населения Кузнецка здесь перебывали все здоровые и легко больные люди, кроме младенцев да тяжело больных.

Назавтра утром пароход дал первый ревущий гудок. Опять сотни кузнечан бросились на пристань. Было воскресенье. Занятий в школе не было, и все ребята приходского и уездного училищ сбежались на берег. Ни один ученик, конечно, не побывал не только внутри парохода, но и на палубе его.

Раздался второй гудок. Некоторые вскрикивали, пугаясь; многие затыкали уши. Лошадь, привязанная у ворот ближнего дома, оборвала уздечку и бешеным галопом помчалась по берегу, свернула в сторону города и ускакала туда.

Раздался третий – прощальный – гудок, трап был убран, канаты-чалки затянуты на пароход, и белый красавец, хотя и не большой, только буксирный, отчалил от берега. Красиво развернувшись на Иванцевке, давая прощальные короткие гудки, «Томь» взяла курс на основное русло разлившейся половодьем реки. Колёса зашлёпали своими плитами-досками часто-часто, и «Томь» пошла быстро по течению реки – на Томск.

Сотни людей кричали «ура!», махали картузами, платками или сразу двумя руками!

Вскоре наш дорогой речной гость исчез за выступом горы, за «Бычком».

ГЛАВА X МОИ БРАТЬЯ

Друзьями моего детства росли вместе со мной мои братья Коля и Валя. Коля был старше меня на три с половиной года, а Валя на два года.

Колю я помню задорным горячим шалуном; он был перво-степенный драчун, чем вызывал к себе большое уважение и боязнь со стороны наших друзей-ребят.

Меня, однако, Коля ни разу не тронул пальцем. Он часто спорил, задирался и дрался с удовольствием. В пылу своей горячности он мог внезапно первым запустить «панком» из своих бабок, а то и камнем в своего обидчика. В нём чувства брали перевес над разумом, над сдержанностью. Во всех обидах, спорах Коля почти всегда прибегал к драке. Он всегда почти являлся первым виновником ребячей склоки.

Но будучи забиякой-драчуном, он проявлял иной раз порядочную трусость. Он никогда не обладал инициативой, предприимчивостью. Коноводами, организаторами, руководителями в наших играх и предприятиях всегда были другие наши товарищи по играм или брат Валя.

Буян и задира, грубиян и безобразник на разные руки, Коля обладал всегда чувством товарищеской спайки и упорством скрытности. Выведать от него общие «тайны» какого-нибудь артельного предприятия было невозможно. Коля никогда не был «подводилой» или «кляузой».

Однажды отец поставил Колю на колени в угол за то, что он с компанией друзей-товарищей разбил камнями стёкла в окна церковной караулки. Это случилось после того, как ребята сделали налёт на черёмуховые деревья, а церковный сторож одному из ребят надрал уши.

Коля должен был рассказать отцу всю историю налёта и перечислить всех участников, долженствовавших уплатить за выбитые стёкла. Но Коля простоял в углу на коленях целых пять часов подряд, ничего не сказал, никого не выдал и молчаливо улёгся вечером спать после холодного ужина. Не сознался и назавтра. Колино пятичасовое стояние на коленях в углу вызвало тогда во мне чувство восхищения, потому что сам я не смог бы простоять так даже десяти минут.

Помню шумный и бестолковый переполох в нашем доме и во всём городе по случаю пожара огородного шалаша, построенного нами, ребятами, возле досчатого «заплота», т.е. забора. Строительными материалами этого «вигвама» служили палки, прутья, сучья, ветки, листья лопухов. Внутри подстилкой на земле служили клочья сена и соломы.

Это был ребячий уголок отдыха, бесед, собраний, где мы спокойно грызли репу, морковь, лушили здесь бобы, горох.

Однажды в жаркий полдень из шалаша повалил чёрный дым. Кухарка Пелагея, срывавшая на грядке к скорому обеду зелёные перья лука, подняла страшный крик, напугала всех домашних. В бочке на дворе воды не оказалось, и кучер Тимофей помчался за водой на старом Рыжке до Иванцевки. А в это время от шалаша вспыхнул забор.

Зелёные ветки и свежие листья лопуха давали густые клубы дыма; дежуривший на каланче пожарный ударил в набат. Поднялась тревога. Городок проснулся. Всюду кричали: «Пожар, пожар!», но сразу разыскать место пожара было очень трудно.

Столб дыма напугал пожарного на каланче да самых близких соседей нашего огорода. К горящему забору сбегались перепуганные люди.

Отец с соседями быстро разобрали горевшие палки шалаша и начали пучками длинной лебеды захлёстывать огонь горевшего забора. Кухарка притащила последнее ведро воды из кухни. Один из соседей притащил своё ведро с водой.

После веером расплещенной воды из десяти-пятнадцати

ковшей огонь, шипя, потух. Кто-то догадался забрасывать горевшие доски забора землёй из огородных грядок. Двумя лопатами были забросаны землёй все палки шалаша, и когда Тимофей привёз бочку воды на старом Рыжке, пожара не было, вода пошла на кухню.

А когда подъехали к месту бывшего пожара машина и бочка воды из пожарной части города, тут уже не осталось даже малой искорки и клочка дыма. Возле забора в переулке мирно беседовали ребята.

Кухарка уверяла, что она перед пожаром видела Колю и ещё двух мальчиков, перепрыгивающих через забор из огорода. Брат Валя сидел дома со мной и двумя товарищами, занимаясь склеиванием бумажных змеев. Коли не было дома, не было его и на пожарище.

Отец с нетерпением ждал старшего сына-сорванца, чтобы выведать тайну пожара, подозревая со стороны Коли и его друзей поджог шалаша от курения самодельных папирос. Сам отец никогда не курил, а потому курильщиков он недолюбливал.

Коля явился домой часа через два после суматохи. Он упорствовал и запирался во всех пунктах, говоря, что кухарка ошиблась, что, наверное, чужие мальчики нарочно подожгли шалаш, что он с двумя друзьями собирал лишь в поле ягоды и ничего не знал о пожаре шалаша. Своих друзей Коля назвать отказался.

Тогда не стерпевший явного обмана отец схватил ремень и начал жестокую порку, выведывая причины пожара. Мать пробовала заступиться за Колю, но напрасно. Отец стал ещё чаще сыпать удары. Коля сначала молчал, стиснув от боли зубы. Но удары сыпались нещадно. Тогда упорствующий мальчик не выдержал, закричал, запросил пощады и разревелся.

Он объяснил, что один из его товарищей, сидя в шалаше, решил зажечь от комаров маленький пучок сена. Пламя так быстро вспыхнуло, что обожгло руку мальчика, и он принужден был бросить огонь на землю. Сухая подстилка шалаша вспыхнула, как порох. Все трое бросились бежать из огорода через забор.

Года через два я узнал, что все трое ребят курили и один из них, экономя спичку, хотел прикурить от пучка сена. Эту «тайну» Коля сообщил нам позже, после смерти отца, в одну из минут откровения с нами.

Таков был наш старший брат Коля – скрытный, грубый, часто злобный.

Брат Валя был мальчик другого порядка. Если одежда Коли бывала иной раз неряшлива и грязна, то на Вале всегда была чистая рубашка, подпоясанная ремешком.

За Колей нужно было смотреть, чтобы его сапоги «не просили каши», а брат Валя сам при первой дырочке на сапогах шёл к сапожнику Корчеву и за пятак, за гривенник приводил свою обувь в порядок.

Чёрные включенные волосы Коли после беготни по огороду и улицам украшались иногда шишками колючих лопухов, тогда как Валя после всяких лазаний по деревьям, по чердакам, заборам, по зарослям лопухов сразу же приводил себя в порядок, а за ворота на улицу никогда не выбегал грязным, оборванным и непричесанным. Валя слыл примерным мальчиком среди наших знакомых, а потому считал необходимостью поддерживать такую репутацию, будучи послушным сыном строгой чистоплотной матери.

Когда братья получали от отца, матери, от бабушки пятиалтынные или гривенники, они их тратили каждый по-своему. Брат Коля бежал на базар и закупал там конфеты, орехи, медовые копеечные пряники, а Валя перебирал жадно в книжной лавочке торговца Шукшина мелкие брошюрки, книжки с яркими обложками, рисунками, принося домой то сказки о Бове-королевиче, о Синей Бороде, сказки Пушкина, «Кот в сапогах», то «Гаргантюа», то «Вечера на хуторе близ Диканьки». И с каким упоением он прочитывал эти книжки, берёг и лелеял их! А потом выдавал на прочтение другим ребятам.

Для Вали было большим событием получение в подарок книжки за 30 или 40 копеек.

Я брал у Вали эти книжки, чтобы просмотреть обложки и

картинки, вычитывая с интересом заголовки и названия. Если у Коли я научился выделывать луки со стрелами, свистульки из ивовых прутиков, ветряные вертушки из бумаги и другие предметы наших игр и забав, то возле Вали я научился разбирать буквы и складывать первые слоги, первые слова, а затем прочитывать заглавия книжки его пёстрой библиотечки и надписи под картинками.

Коля был любимцем отца, но нередко получал от него взбучку ремнём за таскание с отцовского стола мелких монет на лакомства. Валя никогда не был воришкой отцовских денег, несмотря на большую страсть на приобретение новых и новых книжек. Он иногда выклянчивал у матери пятак на особо замеченную и отложенную для него торговцем книжку.

Коля боялся отца, а Валя всегда беседовал с ним смело и прямо, не смущаясь высказывать резкие возражения. Как-то случилось, что мы, трое братьев, забываясь в шалости, привели отца в крайнее раздражение. Он схватывает ремень, собирается нас утостить. Как самый младший, я удираю к матери, никогда не позволяющей прикасаться ко мне ремнём. Коля идёт к отцу на ремень нехотя, покорно и с заминкой. А Валя смело подходит к отцу и заявляет: «Игра была общая. Все виноваты! Всех надо наказывать!» Отец отбрасывает ремень в сторону.

По школе брат Коля шёл впереди Вали на один класс, но успехами уступал ему, а поведением всегда доставлял отцу огорчения. Валя выявлял в школе большие способности, большую одарённость, трудолюбие, был на самом лучшем счету за своё поведение. Коля часто отстаивал в углу в классе на коленях. Валя никогда не получал даже замечаний от учителей, считая позором стояние в углу, да ещё на коленях.

Коля и Валя обладали хорошими голосами и состояли хористами школьного хора. Этот хор часто выступал в приходской церкви на праздничных и воскресных службах.

Практичный «батюшка» этой церкви превратил Валу в подавальщика кадила и даже чтеца в своей церкви. Валя выполнял эти нагрузки целых два года, до самого отъезда из города в гимназию.

А Коля на первой неделе своей работы подавальщиком прожёл церковный коврик углями, а в другой раз угорел до рвоты в алтаре от углей и ладана, почему был сразу же отстранён от работы.

ГЛАВА XI ПОХОД В ГОРЫ

Брат Валя решил однажды провести целую ватагу ребят по имевшейся у него географической карте к далёким зубчатым горам, мерцавшим на далёком горизонте. Это был горный кряж Кузнецкого Алатау – отроги Алтая.

Дело вышло так. После шумной общей игры и беготни по родным холмам ватага ребят, человек до десяти, расположилась отдыхать на траве. Начались разговоры и споры о дальности видневшихся в чистом воздухе зубчатых гор. От взрослых мы знали, что горы эти находятся за шестьдесят километров (около 60 вёрст) от нашего городка.

Валя так горячо и пылко расписывал красоту горных скал, водопадов, снегов, так расхваливал и заманивал в чудесные дикие ущелья, что вся компания ребят постановила на завтра с утра тронуться в путь, отправиться пешком к этим манящим синееющим отрогам Алтая.

Решено было держать в тайне наш уговор о походе и с утра двинуться в дальнюю дорогу, захватив с собой только провизию: хлеб, соль, картошку, варёные куски мяса из супа, сахар.

Всю провизию решено было разместить в три походных котелка, а в карманах иметь перочинные ножи да спички.

Решено было взять с собой всех желающих, даже двух восьмилетних ребят: меня и прачкиного Андрейку.

Нашей матери мы оставили запуску о том, что ночевать одну или две ночи мы намерены в избушке пасечника Савельича на территории бывшей пасеки – за семь километров от города; там в лесном озере мы непременно наловим до полусотни карасей и линей.

То же самое было написано и другим двум мамашам ребятами нашей ватаги.

Настала предпоходная ночь, и я долго кряхтел, просыпался и вновь засыпал – трудно было отделаться от нахлынувших мыслей о предстоящем походе к синим горам. И пришлось мне увидеть во сне, как за нами гнались в лесу два медведя, которых мы обратили в бегство горящими палками из костра. Пришлось во сне быстро взбираться на деревья от стаи волков, откуда пугать этих хищников вспышками спичек...

Настало яркое бодрое летнее утро. К условленному месту в условленный час за городом на зелёной полянке собрались девять мальчиков. Обсудили вопрос, как быстрее добраться до высоких заманчивых гор. Валя всем объяснил, что сегодняшний переход составит двадцать семь вёрст – до ближайшей деревни, носящей название то ли Курдюмки, то ли Черняшки, то ли Варнашки. Там все мы должны заночевать.

Все ребята в один голос подтвердили, что даже переход в 40 вёрст – это сущий пустяк, так как общая ежедневная ребячья беготня каждого из нас составляет не меньше сорока пяти вёрст. Все надеялись на крепость и выносливость своих ребячьих ног.

Валя сказал, что дождя не будет, что поход в сухую погоду легче пройдёт. Все взглянули на светлое голубое небо и все согласились с утверждением Вали. Трое из ребят были босы, но Валя утешил их тем, что им легче будет идти без сапог.

Двое заявили, что они в дороге решат окончательно, пойдут ли они до высоких гор или только проводят всех нас. Спор поднялся только из-за хрупкого «неженки» Мити, приехавшего в наш городок из Петербурга на летние каникулы. Он больше всех говорил и кричал, уверяя, что крепче других он окажется в трудной

дороге. Ему возражали, что он не привык бегать днями, как мы – по-кузнецки, или купаться и плавать в быстрой Томи, что ему не добраться пешком до конца, не пройти целых шестьдесят вёрст.

Митя обиделся и, не слушая разговора ребят о себе, тронулся первым в синешую даль – к силуэтам туманных вершин. И вся компания ребят торопливой стайкой зашагала от города в дальние поля по волнистым холмам, по зарослям жимолости, боярышника, мелкого березняка.

Время от времени мы то оглядывались назад, на город, то всматривались вперёд в мерцающие на далёком горизонте горы. Сердце каждого билось решимостью быстрее отхода от города, от родного дома. Душа горела желанием познакомиться с неведомыми вершинами гор.

Валя взглянул в свою карту и объяснил, что мы будем идти всё время к востоку, а потому для нас быстрее наступит ночь; солнце идёт к западу, мы же идём навстречу ночи. Бывшие в нашей ватаге два гимназиста первого класса подтвердили соображение Вали, и мы зашагали на восток возможно быстрее. Я начал оглядываться на солнце с тревогой, опасаясь преждевременности его заката, и ускорял свой шаг.

Через три-четыре версты наша туристическая вереница ребят никем не нарушалась. Впереди неустанно вышагивал Валя; за ним твёрдым шагом следовали наши головорезы Яшка и Коля; за ними шли два гимназиста и прачкин Пронька, затем семенили мы, восьмилетние, я и прачкин Андрейка; в хвосте то и дело отставал от нас, плёлся девятый герой нашего похода Митя. Мы с Андрейкой обзывали его «неженкой», хотя он был старше нас на год, да и ростом выше.

Через пять вёрст был устроен привал. Все радостно, бодро беседовали, запивая ключевой водой куски хлеба с солью. Потом громко сосали с водой куски сахара. Взойдя на вершину холма, мы оглянулись на город. Построек почти невозможно было различить – все домишки сливались в общую массу; маячили только две церкви да колокольня церковная на крепости.

Оглянулись на горы: горы скрылись уже с горизонта, так как небо по краям заволокло лёгкими тучами.

Все мы промолчали, когда прачкин Андрейка и один гимназист заявили после еды, что у них вышел весь хлеб, осталась одна только соль.

После получасового отдыха мы вновь тронулись в путь. Солнце стояло высоко. Валя, а за ним и все ребята расстегнули ворота своих рубашек – жара и усталость заметно возрастали, несмотря на лёгкий ветерок с полей и холмов.

Увлекаясь попутной ловлей больших махаонов и собирая по кустарникам, в траве, орхидейные «кукушкины сапожки», мы не заметили, как от нашей вереницы совсем отстал Митя. Он стоял далеко позади и махал на прощание шляпой, показывая знаками, что уходит обратно домой.

Валя крикнул ему: «Дорогу не потеряй! Иди всё время верхами! Иди в сторону солнца – на юг!» Митя стоял на вершине холма, мы находились в низине у высохшего русла ручья. Мы услышали ответный далёкий писк: «Я вижу горд! Дорогу запомнил хорошо! До свидания!»

Митя быстро повернулся спиной к нам и решительно зашагал домой. Мы переглянулись смущённо. Яшка злобно ворчал: «Я так и знал, что он струсит; эту тварь не стоило брать с собой!» У Яшки слово «тварь» было единственным ругательством, а на этот раз это слово произнесено было каким-то удовлетворённым тоном.

Нас осталось восемь человек. Мы двинулись дальше. Пройдя пологим склоном кряжа ещё версты две, все неожиданно обернулись. На траве сидел прачкин Андрейка и громко-громко выл, вопил голосом: «А-а, а-а! Не пойду я! Мне ись хоцца! Не пойду я! А-а... Мамка грибы жарит! Нас волки съедят! А-а!» Никакие уговоры восьмилетнего Андрейки, никакие насмешки, подачки хлеба и варёного мяса, кусков сахара не помогали. Мальчик сидел на траве и голосил, что ему хочется домой, а не в лес, что мамка ждёт его к обеду, что он устал, поцарапал босые ноги, что дальше он никуда не пойдёт.

Ребята собрались вокруг мальчика, уселись на траву и открыли совет. Порешили восьмилетнего Андрейку домой одного не отпускать, чтобы он не заплутался, дали в подмогу плаксивому путешественнику брата его Проньку, тоже босого, со строгим наказом – молчать о походе к горам до вечера завтрашнего дня, когда надеялись подойти к снежным горам Алатау.

Когда Пронька взял за руку своего хныкавшего и сопевшего носом братишку и повёл его по зарослям жимолости назад к матери, внутри у меня засосало, мне стало завидно смотреть на уходящих. Но я твёрдо выдержал свой характер – я молчал угрюмо. Мои усталые ноги просили отдыха. Наш караван в числе шести оставшихся путешественников тронулся дальше.

Мы шли без дороги, полями, перевалами и овражками с порослями кустарников, черёмух, рябин и боярышника. На десятой версте от города наши резвые шутки умолкли, рассказы затихли, песни прекратились, разговоры погасли. Шли безмолвно и утомленно пыхтели. Жаркий полдень томил.

Гимназисты первого класса начали сомневаться в успешности нашего предприятия. Послышался их ропот на быстроту хода; они указывали на появившиеся со всех сторон тучки и облачка. Раздались жалобы на рваные сапоги.

Один гимназист, он был босой, высчитал, что следует делать привалы через четыре версты по четверти часа, а Валя убеждал в целесообразности восьмиверстовых переходов по два часа и отдыха по целому часу. Этот спор разнообразил дорогу. Но вот заворчал от усталости другой гимназист. И на десятой версте от города – около родника с чистой водой – большинством голосов против Яшки и Вали был разбит обеденный лагерь.

Нашёлся сушняк и хрупкий высохший папоротник. Разведён был долгожданный костёр. Весело закипели три котелка чая. Было жарко, хотя солнышко затянулось облаками. Часов не имелось – время определялось только по солнцу. Незаметно пролетел целый час за разведением костра, за беседой, за уничтожением съестных припасов. Сидели, лежали, подкидывали хворост в огонь, строили планы дальнейшей дороги, кувыркалились через головы на

мягкой траве.

Когда Валя скомандовал подъём и сборы в дальнюю дорогу и объяснил, что до неведомой деревни, Курдюмки или Черняшки, осталось вёрст пятнадцать, тут оба гимназиста заявили, что у них нет никаких припасов, что они доели даже крошки хлеба в своём дорожном мешочке.

– А сахар весь иссосали в дороге! – добавил один из них. Другой гимназист показал свой сапог с болтавшейся на одном гвоздике подмёткой и наотрез отказался идти дальше. Ему вторил его босой сотоварищ.

Пришлось вопрос о возвращении назад домой поставить на голосование. К двум гимназистам, поднявшим руки за обратную дорогу, присоединился и я, так как я не мог забыть своих снов с медведями и волками. Тем более, что я хорошо помнил утверждения своей няни о непременном исполнении снов, что сны зря не снятся. А идти кустарниками становилось мне страшновато. О снах я умолчал, но заявил, что у меня сильно болит живот и мне трудно двигаться. Насколько возможно я сморщил свою физиономию, чтобы сделать свой довод убедительным.

Только Валя, Коля и Яшка непременно стремились вперёд и желали сегодня дошагать до намеченного ночлега, до деревни, чтобы в ней заночевать.

– Мы засветло будем в деревне! – говорил Валя.

– А у вас есть с собой паспорта? – спросил в упор гимназист. – Если нет, лучше вернуться. Иначе нас в деревне арестуют.

Валя сначала опешил. Все трое переглянулись. Потом Валя заявил твёрдо: «Нас в деревне знают мужики, которые приезжали в город с дровами». Гимназист не сдавался и твердил: «Нет, нужны паспорта! Мужики за нас как за бродяг не заступятся. А бродяг за то, что они живут без паспорта в лесах, сажают в тюрьмы. А нас посадят на телегу да со стражниками отправят в город, к родителям! Потом ещё штраф возьмут рублей сто! Да всё равно скоро дождь начнётся». Так закончил свою речь гимназист.

Испуганно-недоумённые глаза ребят остановились, засты-

.....

ли от неожиданного красноречия гимназиста. А слово «дождь» подействовало магически: все головы завертелись на своих плечах, оглядываясь на все четыре стороны горизонта. И впрямь, погода не предвещала солнца, а с востока напозла тёмная дождевая туча.

Валя всё же не сдавался. Он уговаривал пройти ещё одну версту, чтобы с высокого перевального холма взглянуть вокруг и заметить на будущее время окружающую местность. И вся шестёрка поплелась дальше. Костёр оставили гореть до возвращения с холма.

Взобравшись на гребень холма, все оглянулись назад и в далёкой дымке увидели свой город, ярко освещенный косыми лучами солнца через разорванное окно в тучах. Валя с досадой указал на дальнейшую дорогу к горам, теперь скрывшимся во мгле облачного горизонта. Нам надлежало пройти к горам по низине с огромным болотом, покрытым мелким кочкарником и водой. Пускаться в обход этого болота было слишком далеко. Крестьяне объезжали болото гребнями холмов, делая крюк в сторону на несколько вёрст.

Валя развернул свою губернскую карту и заявил, что на карте не поместили, не обозначили этого громадного болота. Обозвав составителя карты «балбесом», Валя заметил: «Я бы сам тогда выбрал дорогу к снеговым горам не полями, а по верхушкам холмов!»

Яшка выразил мнение, что было бы, пожалуй, умнее до деревни Курдюмки от города добраться с извозчиком, дав ему за подвоз всех ребят рубля полтора или два; из деревни, думал Яшка, в один переход добрались бы до гор. Отец Яшки был торговец «рейнскогового погреба», торговавший винами, почему мальчик с лёгкостью и говорил о двух рублях за подвоз ребят поближе к горам. Для Вали весь интерес нашего похода заключался в пешем хождении по полям, холмам и лесам.

В это время первые капли надвигающейся тучи угодили прямо на нос Коли, и он, будто обожжённый этой каплей, громко возгласил:

«Назад, ребята! Идём домой! Дождь пошёл! Назад! Назад!»

.....

И все, как по стовору, решительно и твёрдо, как начали свой победный путь по горам, зашагали назад к городу, повернувшись к невидимым горам спиной.

А редкие капли дождя ударяли в шею, падали на руки и лица. Эти капли подгоняли нас, сеяли в сердце тревогу. Предстояло вновь прошагать почти двенадцать вёрст, а, может быть, и пятнадцать.

Дождь учащался, тучи сгущались. Пришлось над головами держать густые веники наломанных веток. Когда дошли до потухающего костра, забрались под развесистую старую черёмуху. Уже все наши шляпы и рубашки оказались мокрыми. Трава стала сырой, хотя проливного дождя ещё не было. Порешили снять обувь и двинуться к городу босиком.

Зато тяготевшая забота и мысли о неизвестности по дороге к горам отлетели. Строгая деловая настроенность растаяла. Мы шли домой – это радовало. Всеми овладели беззаботная бодрость, веселье и озорство. Костёр потрескивал, шипел, бессильно догорал. Принакрыв оставшиеся угли мокрыми вениками, мы тронулись в обратный путь – к городу. Начали бегать наперегонки, гоняться в салки, отряхивать мокрые ветки кустов на головы зазевавшихся, искать землянику, клубнику. Собирали букеты пахучих ирисов и незабудок. О неудаче заманчивого предприятия мы не говорили. Знали, что прямую дорогу до гор преградило болото, что предательской оказалась погода.

На пятой версте от города чётко замаячила соборная колокольня. Прислушались. Тихий звон второго колокола точно указывал время – пятый час вечера! В эти часы домашние наши о нас ещё не беспокоились, так как утреннее исчезновение хлеба и мяса на кухне и опустошение сахарницы в столовой обозначало привычную далёкую нашу прогулку. Наша компания иной раз возвращалась домой и в десять часов вечера.

До города оставалось пройти с полчаса, как усиленно и настойчиво начал накрапывать тёплый безветренный дождь. И только мы начали спускаться с холма в родные тихие переулки, как дождь перешёл почти в ливень.

Пришлось обратиться в безоглядное бегство. Толпой во весь дух, покрасневшись, визжа и смеясь, зашлёпали мы по уличной траве и скользкой дороге. Наша ребячья стайка быстро рассыпалась по дворам, чтобы сбросить скорее промокшую до нитки одежду и обогреться у тёплой кухонной плиты или печки.

Родители всех ребят-туристов только узнали, что прогулка совершена была в сторону далёких синееющих отрогов Алтая. Когда мать сообщила нам, что туда нет от города прямой дороги из-за обширных болот, речек и непроходимой тайги, мы улыбочиво промолчали, глубоко-глубоко вздохнув.

Я твёрдо решил никогда в те края не ходить, хотя бы меня все товарищи начали упрекать в трусости и обзывать «девчонкой», даже дразнить «бабой».

И ночью во сне я стоял одиноко на огромной серой гранитной скале, стоял без фуражки. Вокруг были скалы и камни. Я дрожал и не знал, кто меня выведет из этой утрюмой горной тюрьмы. И вдруг ко мне стал приближаться, оскалив зубы, серый матёрый волк. Вскрикнув от ужаса и встрепенувшись, я сразу проснулся.

Назавтра после похода в горы брат Валя сообщил всей компании ребят своё решение: «В горы пойдём через три года, когда выучим в первых трёх классах гимназии всю географию и разучим обходную дорогу по далёким холмам и лесным перевалам. К тому времени выучимся стрелять из дробовиков, чтобы отбиваться от диких зверей! Горы будут наши!»

ГЛАВА XII

НАГОРНИКИ И ПОДГОРНИКИ

После смерти отца мы стали жить очень скромно. Пришлось продать даже старого конягу Рыжку, который возил нам воду из реки целых десять лет. Теперь воду стал доставлять нам наёмный водовоз, пересчитывавший каждый раз сливаемые им вёдра воды в нашу кухонную кадку.

Не стало отца – не стало и пчёл, не стало меда. Пасеку пришлось продать, и в нашем огороде не летали больше по цветам золотые пчёлки.

После смерти отца через несколько месяцев умерла от скоротечной чахотки старшая сестра Лена, только что закончившая своё учение в Томской женской гимназии. Одели Лену в беленькое платье с розовыми бантиками. Священник и дьячок пропели «вечную память». Похоронили её рядом с могилой отца. И я опять с болью вспомнил о смерти моей любимой нянюшки Акулины Митревны, которая тогда уехала к своим деревенским родным и заболела в деревне простудой и к нам не вернулась.

И теперь, вспоминая свою старушку, я вновь платил дань её памяти горькими слезами, зарываясь стыдливо головой от чужих взоров под подушку.

Приезжавшие из деревни бабушка с дедушкой нас утешали, смягчая наши семейные горести, и отчасти заполняли жестокую пустоту тройной потери в семье: няни, отца и сестры Лены.

Помощницей матери по хозяйству осталась кухарка Васса. А хозяйство наше сократилось до того, что в коровнике стояла только одна Чернуха да в курятнике проживал теперь только один Петька со своими четырьмя подругами жизни.

Пенсия матери после смерти отца была незначительная; приходилось кое-как сводить концы с концами. Брат Коля учился

в Томской гимназии, проживая в казённом «пансионе». Валя должен был поступить туда осенью. Мне с августа предстояло начинать своё школьное ученье. Нашей сестрице исполнилось только три года.

Трудные дни настали для матери. Нужда стучалась в двери, заботы глядели в окна. А мы, мальчики, без отцовской строгости, без нянинного присмотра получили самую широкую свободу в играх и забавах, самую широкую самостоятельность поступков.

Мы дружили, с кем хотели. Нашими друзьями были соседи-ребята и товарищи по школе. Часто наши ребячьи происшествия имели характер безнадзорности, удалства и озорства. Всё зависело от организатора того или иного предприятия.

Товарищеские совместные затеи сплотили вокруг нашей братской тройки хорошую группу ребят, объединив и спаяв их одним чувством дружбы и круговой ответственности. Нас, братьев Булгаковых, было трое: Коля, Валя и я. Сначала мы сдружились с тремя товарищами по школе – мальчиками Яшей, Борей и Кеной, сыновьями домовладельца и торговца винами Конова¹²⁰. Наша шестёрка была основным ядром группы. По возрасту нам подходили три сына прачки Марфы Сорокиной: Коля, Проня и Андрюша¹²¹. Звались мы в играх всегда уменьшительными именами: Колька, Яшка, Валька, Борька, Кешка, Венька, Пронька и Андрюшка.

Наша девятка друзей своей сплочённостью и нерушимой дружбой приводила в боязливое восхищение других ребят, и к нам тянулись тройки, двойки и одиночки, считая честью состоять в нашей компании. К нам примкнули вскоре тройка братьев Чушевых¹²², живущих на Соборной улице: Андрюша, Петя и Володя, а за ними двое братьев Тартаковых¹²³ – из соседней улицы. Тройка Чушевых – сыновья учителя, а двойка Тартаковых – сыновья военного фельдшера. Часто присоединялись к нашей компании сын мясника Коля Носов, сын белошвейки Саша Трофимов, сын сапожника Корчева – Вася, сын учительницы – «Аполлончик», два брата Петровых – Николай и Герман.

А на купаньях в Томи, на запусках бумажных змеев, в играх в бабки или в лапту в нашу ватагу вливались мальчики из ближ-

них улиц и переулков. Составился большой отряд мальчишек, получивший силу и вес в глазах других ребячьих группировок города.

Будучи все почти соседями друг другу, ребята нашей двадцатки в пять минут могли собраться вместе для какого-нибудь организованного предприятия.

Головорезами нашей ребячьей шайки считались: брат Коля, который в драках работал кулаками до самозабвения и никогда без синяков не оставался после боя; затем – отчаянный Яшка Конов, первейший игрок в бабки и никогда не задумывавшийся налетать с кулаками даже на взрослого человека; третьим был прачкин сын Пронька – хитрый, смыслённый мальчик, выполнявший задания по самым рискованным предприятиям, требующим осторожности и дикой неустрашимости.

Брат Валя был хорошим организатором мирных затей и забав. Ена Тартаков считался самым метким стрелком небольшими камешками; он был запевалой наших солдатских песен, а в мирном строительстве маленьких плотин на ручьях, ветряных вертушек, шалашей из зелёных веток и палок он прослыл инженером.

Андрюша Чушев был нашим художником-декоратором при постановках в нашей театральной работе, а в схватках с чужими ребятами мог подмять под себя двух одноклассников и держать их в своих железных объятьях хоть полчаса – его мускулы были туги, упруги, как чёрная гуттаперча.

Коля Сорокин, любимый сын прачки Марфы, очень дружил с братом Валей, так как его интересами были чтение книжек, просмотр журналов с картинками, разговоры о прочитанном и составление библиотечки на скудные трудовые гроши. Он обладал спокойным характером, твёрдой волей, солидностью своих поступков.

Однажды Коля выиграл у нас спор, проспав целую ночь на узенькой скамейке, лёжа на правом боку, почти не шевелясь. Я считал этот поступок непостижимым чудом, так как сам прыгнул ночами то скатываться, то сползть с кровати на пол, вертеться на ней с одного бока на другой. Своим трудовым упорством Коля

достиг позже своих желаний – он сделался народным учителем в одной из сельских школ Сибири.

Кроме ребят-друзей, кроме нашей «нагорной» ребячьей компании в городе имелись другие группировки ребят. Мы назывались «нагорниками», так как наши дома находились на верхней террасе города. Здесь были собор, Базарная площадь, Богородская церковь, казначейство, приходское и уездное училища, солдатские казармы, кладбище, каменные дома Шукшина, Емельянова, Васильева.

«Подгорниками» назывались ребята, проживавшие на нижней террасе нашего городского холма. Там, «под горой», возвышалась пожарная каланча, дом городского старосты Попова, домик Ф.М.Достоевского и десятки мелких домиков без единого каменного здания.

Подгорники своей ватагой бежали на купанье, ходили на болото за тростинками; своей толпой углублялись в далёкие поля за полевой клубникой, собирали в свои туесочки ягоды боярышника.

Нагорники своей обособленной компанией шли на Иванцевку ловить корзинами, половиками и рогожами рыбёшек, застревавших в обмелевших протоках, или в числе десятка, дюжины ребят купались и в Томи и в Кондоме. Или на холме у крепости устраивали соревнования по запуску бумажных змеев, по метанию стрелок из сосновых и еловых лучинок.

Так как в нашей группе были забияки-драчуны, всегда готовые обидеть или ответить кулаками на обиду одного и даже трёх подгорников-ребят, поэтому за летние каникулы не раз нагорники подгорников, а вторые – первых угощали кулаками и на ключья раздирали ситцевые рубашки друг у друга.

Наш нагорник Петька Чушев, проживавший в конце Соборной улицы, игравший в мяч с подгорниками у кладбища, разгорячённый, возбуждённый от игры, мог толкнуть противника. А мальчик-подгорник, получивший тумака от Петьки-драчуна, сдавал ему пинком ногой или по шее кулаком. Тогда уже Петь-

ка вспыхивал негодованием обиженного и принимался молотить обидчика обоими своими кулаками. За подгорника тотчас же заступались его близкие дружки-товарищи. И Петька с разбитым носом бежал в свой дом. Такова была обычная картина зарождения ребячьих драк.

Так как за Петьку сразу же вступались братья Андрюшка и Володька и ближние друзья Чушевых – Коля Носов и Вася Трофимов – на этом поле возле кладбища недалеко от солдатских казарм начиналась ребячья «войнушка» четырёх нагорников с ребятами из «Под горы», с которыми наш Петька только что мирно и весело играл в лапту и незаметно перешёл на кулаки.

Ребячья склока разгоралась. И вдруг раздался пронзительный свист четырьмя вложенными в рот пальцами двух рук в тихом воздухе при ярком солнце в нагорной части города Кузнецка. Это свистнул наш Андрюша Чушев, дав призывной свист нагорникам. Свистеть так пальцами не умел никто из всех наших ребят.

Свист Андрюши Чушева обозначал, что требуется немедленная подмога и защита от нападения врагов-подгорников. Другой свист, тоном выше, раздался через три квартала домиков – из нашего переулочка. Это свистнул Пронька Сорокин, засунув в рот только два пальца правой руки. И в сторону ребячьей драки кинулись бежать со свистом двое Сорокиных.

А в это время на Соборной улице играли в бабки ещё шесть мальчиков-нагорников: двое Булгаковых, трое Коновых и Вася Корчев. Услышав свист Андрюши Чушева, игроки прервали игру в бабки. Мимо бежали двое Сорокиных, причём Пронька продолжал свистеть, не вынимая двух пальцев изо рта.

Но вот к нашей шестёрке игроков прилетает сам задира, забияка и драчун Петька Чушев, заткнувший жёваными листьями подорожника обе ноздри. Он торопливо, захлёбываясь словами, рассказывает о своей невинности и добавляет, что подгорники в одну секунду изорвали всю его рубаху и кулаками сразу же «пустили сок» из носа, тогда как он совсем не думал с ними драться. Петька добавляет, что «их там было шестеро, а я один».

Но после этого доклада Петьки раздаётся вновь тревожный свист Андрюшки Чушева, потом знакомый Пронькин свист и третий особый свист с двумя короткими прибавками. Этот особый свист принадлежал главарю подгорников – их «генералу Сёмке»... Значит, подгорников на поле сражения прибавилось ещё человек шесть. Сёмкин свист звучал приказом для подгорников.

Наш «генерал» Яшка Конов понял серьёзность обстановки. Он сразу же приказывает: «Бабки все сложить во двор и что есть духу лететь на помощь Проньке и Володьке, чтобы «дать баню» Сёмке и всей «подгорной твари»!

Наша вся семёрка устремляется на поле драки, а «Яшка-генерал» достаёт из кармана тридцатикопеечный резиновый свисток и на ходу, замедляя свой бег, даёт поистине свист Соловья-разбойника.

Такой резиновый свисток имел в Кузнецке только Яшка Конов, получив этот свисток в подарок от сестры из Петербурга. Яшкин свисток донёс тревогу до всех нагорников. Они должны были спешить на зов свистка со всех сторон к кладбищенскому полю, где проходила драка наших ребят с подгорниками.

Когда мы подбежали к месту драки, мы увидели, что Володю Чушева пытаются повалить на землю четверо подгорников, а двое Сорокиных и Коля Носов схватили «генерала Сёмку» за руки и не дают ему засунуть в рот четыре пальца. Сёмка хотел бы ещё раз позвать себе на помощь своим свистом ребят «Под горы», но руки его были крепко схвачены. Как хищный ястреб налетел наш «генерал Яшка» на подмогу двум Сорокиным, и вмиг правая рука «генерала Сёмки» оказалась вывернутой назад, к спине; Пронька Сорокин сделал то же самое и с левой рукой Сёмки. Освободить своего «генерала Сёмку» бросились подгорники целой шестёркой. А на них набросилась тоже рукопашной схваткой наша группа нагорников с Соборной улицы.

Со стороны Форштадта, ребята которого были друзьями «Под горы», на нас налетели пятеро восьми – и девятилетних мальчиков, свистя на все лады. Началась невообразимая возня и драка. Кто действовал своими кулаками, кто подставлял своему

противнику ножку, чтобы свалить на землю, кто сзади налетал, кто тигром прыгал спереди... Все кричали и визжали... В стороне трое ребят искали листья подорожника, чтобы остановить из своих разбитых носов кровь.

Но эту «войнушку» между ребятами нагорной части города и подгорной опять решил тушить водой наш водовоз дядя Андрей. Он подъехал с полубочьем в двадцать вёдер воды к полю сражения. Жена его, тётка Степанида, принесла из своей недалёкой квартиры два железных ковшика и поллитровую эмалевую кружку, захватив с собой ещё ведро.

Ребята, увлечённые кулачным боем, не ожидали дождя из безоблачного неба, да ещё при ярком солнце.

А дядя Андрей и Степанида из своих двух вёдер начали ковшами плескать на драчунов чистейшую воду – кому в спину, кому на голову, на грудь, кому прямо в лицо.

«Сёмка-генерал», освободившийся из тисков ребят нагорников, засунул пальцы в рот и свистнул, было, свой боевой призыв, но дядя Андрей плеснул ему в лицо целый ковш воды, и свист был прерван, а Сёмка побежал к себе от поля битвы.

Разъярённый «Яшка-генерал» кричал: «Мы свяжем этих тварей! Ребята, задержите Сёмку!» Но в раскрытый рот «Яшки-генерала» тётка Степанида плеснула целый ковш воды, и Яшка чуть не поперхнулся.

А дядя Андрей тут же вылил свой целый ковш воды на голову Яшки.

Остальные все вояки как нагорники, так и подгорники отряхивались от воды, разбежавшись в стороны. Тётка Степанида то и дело поливала их водой, владея быстро и умело своим ковшом.

Полюбоваться на этот разгон ребячьего сражения вышли из казармы десятка полтора солдат. Они стояли и смеялись, глядя на мокрых раскрасневшихся драчунов-подгорников, вояк-нагорников.

Один солдат, увидя нашего «Яшку-генерала», крикнул: «Ну-ка, Яша, построь свою команду, шагай с песнями домой!»

Многие солдаты знали не только Яшку, но и других ребят-нагорников, так как им приходилось иногда вместе купаться на реке Томи и плавать за реку.

Поощрённый солдатским дружеским призывом, «Яшка-генерал» провозгласил:

«Победа наша! Сёмка убежал.

Мы дали баню этим тварям!

Ребята стройся по четыре!»

И вот мы, нагорники, изведавшие досыта кулаки и мускулы ребят-подгорников, построились в колонну по четыре в ряд; нас оказалось двенадцать человек. Сам «Яшка-генерал» стал тринадцатым. Он сделал три шага вперёд, встал перед строем искомандовал:

«Смирно! Шагом – арш!»

Мы дружно зашагали в сторону Соборной улицы. И вместо диких свистов, злобных выкриков и визгов над кузнецким полем – между кладбищем, казармами и крайними домами города – вдруг вспыхнула и полилась солдатская песня, сочинённая русской армией после войны 1877-1878 годов, заученная нами от городской солдатской роты:

« Вспомним братцы, как стояли

Мы на Шипке в облаках,

Турки нас атаковали,

Но остались в дураках!

Сулейманы и аскеры

Крепко в Шипку били лбом,

А мы били их без меры

И прикладом и штыком!

Грянет слава трубой,

Мы дрались, турок, с тобой,

По твоим горам Балканским

Раздалась слава об нас!»

Мы шагали в такт песенной мелодии, забывая про синяки и шишки, полученные от подгорников.

А на наш ребячий строй с восхищением смотрели и с улыбками слушали свою хоровую песню десятки солдат, высыпающих из своих казарм в этот свой короткий час отдыха от тяжёлых военных учений. Водовоз Андрей со Степанидой отправились домой.

И никто ни разу не пытался убедить нагорников и подгорников объединиться в единую ребячью семью. Никто ни разу не предложил всем ребятам вместо дикарской взаимной потасовки какую-нибудь разумную общую игру. Мы не слышали ни от кого малейшего упрёка нашей дикости, нашему разбойному духу ненависти к подгорникам.

Не было тогда в Кузнецке ни футбольных матчей, ни волейбола, ни баскетбола, ни хоккея, ни тенниса. В городки мы играли обособленно, в лапту принимали играть лишь нагорников.

Позже, когда старшие братья приезжали в Кузнецк на каникулы, дикие схватки с подгорниками совсем прекратились. Когда около десятка нагорников превратились в гимназистов и реалистов, тогда на каникулы привозились из Томска в Кузнецк более культурные навыки и занятия, в которых принимали участие все желающие ребята любой части нашего городка. Постыдное деление ребят на подгорников и нагорников ушло в прошлое.

ГЛАВА XIII ШКОЛЬНАЯ ТЬМА И РЕБЯЧЬЯ ТЬМА

Поговорка «ученье – свет, а неученье – тьма» родилась в русском народе тогда, когда школьное «ученье» было очень и очень редким явлением на Руси. Более правдивой была бы поговорка «знание – свет, а незнание – тьма».

Разве наши владимирские соборы, новгородскую «Софию», киевскую «Десятинную церковь», или московский Кремль, или северные деревянные церкви построили воспитанники тогдашних убогих церковно-приходских школ с их убогим «учением»?

Постник Барма смог создать «Василия Блаженного» на любование векам и народам; он, архитектор этого чудеснейшего строения, не обучался своему строительному искусству в школе. При Иване Грозном не было таких инженерных школ, а вышла в свет только первая печатная книга «Апостол», предназначенная для церковной службы.

Моё «ученье-свет» началось с первого класса приходского училища, в котором на протяжении трёх лет я прилежно впитывал в себя грамоту – чтение, арифметику и «Закон Божий» по церковно-славянскому «Часослову». Меня выпекли, как пирог с начинкой, в этой школе-печке, руководимой русским царизмом да духовенством «святейшего Синода». Начинкой моей были грамота, арифметика да заучивание по-славянски молитв перед учением, после учения и «молитвы за царя и отечество».

Нам внушалось, что это и есть настоящее «ученье-свет», что кроме школы мы должны ещё посещать все богослужения в нашей приходской церкви, что мы должны перед праздником пасхи говеть, то есть принимать только постную пищу, каяться в своих

грехах перед священником и причащаться в 1898 году, например, кровью и телом Бога-сына, распятого римлянами более 1860-ти лет тому назад.

Мы, школьники, должны были слепо, безоговорочно, смиренно принимать это причастие, то есть проглотить ложечку красного вина с плавающим в нём кусочком белого хлеба и верить, что мы принимаем «тело Христово», которое является «источником бессмертным». Мы, ребята, очень радовались, что после съедания тела с кровью божьего сына мы становились безгрешными, почти святыми людьми. День или два мы понимали, что надо беречь эту святость, и потому никому не грубили, старались быть тихими, скромными мальчиками. На третий день мы забывали о святости и особенно забывали обо всём, когда наступал праздник пасхи, то есть воскресение этого самого Бога-сына, которого все школьники и дошкольники по кусочкам съели вместе с кровью в наших двух церквях города Кузнецка.

В первые три дня пасхальных каникул мы вознаграждали скудное великопостное время играми на воздухе и спорами да ссорами из-за пасхальных крашенных луком яиц, из-за бабок, из-за мячика.

Как и все жители города, мы объедались варёными и печёными яйцами да сладкими творожными пасхами и сдобными куличами. Ребята из богатых семей поневоле передали всяких вкусных пасхальных продуктов, вроде яиц, пасхи, свиного окорочка, поросёнка в сметане, сдобных печений и покупных пряников. Передали так, что болели у них животы, а некоторые отделялись рвотой с непрожёванными кусочками печенья, колбасы, яиц, ветчины.

Но всё это было результатом уверенности, что «ученье-свет». Нам ведь в школе священник объяснял, что Бог-сын, называемый «Иисус Христос», умер добровольно на кресте за всех людей; потом он воскрес из мёртвых и вознёсся – улетел на небо. Надо было радоваться, что Христос воскрес, веселиться, наедаться после поста.

Поэтому пасхальное обжорство, как обычное празднование «рождества Христова» и «воскресенья Христова», было явлением

самым закономерным.

Мы также верили и в то, что «Бог-сын» улетел на небо, будучи человеком, что он будет там жить с «Богом-отцом». Мы уже не смели задавать вопрос, где же проживает «Божия мать», которая была обыкновенным человеком и умерла на земле, и сама не вознеслась на небо вслед за своим «Богом-сыном».

И совсем тёмным, непонятным для школьников был вопрос, почему «Сын Божий» родился от простой женщины и его отцом был не «Бог-Отец», а «Бог-Дух святой». Мы твердили молитвы, заповеди и церковные рассказы, как нам приказывали в школе. Это было «ученье – свет». Только позже в гимназических стенах от своих товарищей мы узнали, что нельзя слепо верить в то, что говорят нам в школе и чему учат нас служители церкви. А взрослые домашние наши воспитатели почти все были тогда тоже слепыми верующими в богов, ангелов, бесов, чертей, были тёмными обывателями города Кузнецка.

Моя родная бабушка, тихая, скромная, молитвенная, была неграмотной религиозной старообрядкой. Она считала нас, своих внуков, созданиями нечистыми, грешными, так как наш отец был человеком православным.

Никто-никто из наших родных и знакомых не посмел бы утверждать, что наше «ученье-свет», кроме грамоты да арифметики, было настоящей тьмой и самыми дикими суевериями, которые в нашей школьной жизни были бесчисленны. И мы должны были верить слепо, смиренно всем сеятелям темноты церковной, темноты учебной и темноты домашней, бытовой.

Мы должны были свято верить в то, что «без бога – ни до порога, а с богом хоть за море». Мы воздерживались копать лопатой землю, втыкать колья и палки в землю, когда праздновался «Духов день», то есть в праздник «Святого Духа», так как в этот день «Земля была именинница» и нельзя было ей причинять никакой боли. Мы верили, что земле будет очень больно, если крестьяне вздумают в этот день пахать, боронить землю, рыть канавы, ямы и даже ставить изгородь, втыкая в землю-именинницу колья, палки.

Нас заставляли верить, что на землю опять вернётся с неба Иисус Христос; он разделит всех живущих и всех умерших людей на праведников и грешников; он праведников поселит в рай небесный, а грешников осудит на вечные муки в ад, где палачами этих грешников столетиями будут рогатые черти.

Мы должны были верить в эти глупые сказки. Вот почему при потере какой-нибудь вещи в своём доме мы надеялись найти эту вещь только при обращении к чёрту: «Чёрт, чёрт, поиграй, поиграй, да опять отдай!»

Когда в июльском небе собирались тучи и приходила гроза, мы и вправду верили, что в этот момент по небу катится колесница Ильи-пророка, который был взят на небо живым вместе с лошадьми и колесницей. Вот почему в жаркие сухие недели на поля устраивался «крестный ход» с иконами, чтобы вымолить у бога и его Ильи-пророка благодатный дождь на нивы, поля и леса.

А в дождевую летнюю пору, когда посевы хлеба мокли, ложились на землю, тогда надо было взывать к небесному хозяину о ниспослании солнечной погоды.

Это было школьное «ученье-свет».

И если учитель Пётр Морхинин бил нас – ребят семилетних и восьмилетних – по рукам линейкой или рвал нам уши, мы должны были верить в «ученье-свет». Мы со страхом ожидали перехода в старший класс, где ребят ставили в угол на колени, иногда с подсыпкой гороха.

Зато мы искренне радовались, когда во время перемен этот учитель Пётр Морхинин играл вместе с нами в мяч на площадке перед школой. Вне школы учитель был человеком, а на уроках – зверем.

Вот почему забитые, вымуштрованные школой и церковью наши детские умы и сердца всякую чушь, ересь, всякие суеверия принимали за чистую монету, за правду.

Пронька Сорокин, прачкин сын, уверял нас, что его мать после стирки в нашей старой бане под вечер увидела мохнатого низенького человечка, который быстро нырнул в дыру под пол.

Прачка громко стала читать молитвы: «Да воскреснет бог и расточатся врази его»; потом в эту дыру прачка влила ведро кипячёной воды, и этот домовый больше не показывался в бане. И мы верили Проньке.

Петька Чушев уверял нас, что когда по дороге вихрем кружится пылевой столбик, тогда надо в этот вихревой столбик ткнуть острым ножом, а на ноже окажется кровь, потому что в середине этого вихревого столбика был чёрт, который и погибнет от этого ранения, оставаясь всё же невидимкой. Петька даже уверял, что ему какой-то незнакомый дядька показывал окровавленный ножик, которым этот дядька проткнул невидимого беса в пылевом столбе на дороге во время сильного ветра.

Яшка Конов с пеной у рта доказывал нам, что покойники ночами выходят из могил и набрасываются на всех, кого застанут внутри кладбищенской ограды.

Брат Валя начал оспаривать явное ложное утверждение нашего «Яшки-генерала» и предложил днём пойти на кладбище и положить там на могиле нашего отца Яшкину шляпу, а ночью в 10 часов, когда стемнеет, принести эту шляпу.

Так как спор происходил вечером, было уже темно, поэтому суеверный Яшка для начала испытания Вали предложил ему подняться на пустой сеновал и пробраться по внутренней лестнице на чердак сеновала под крышу нашего амбара, и принести оттуда одну из двухметровых досок, сложенных в углу чердака. Яшка уверял, что на нашем чердаке живёт домовый, который обязательно задушит своими мохнатыми лапами любого смельчака.

Так как мы были детьми учителя и учительницы, мы давно знали, что никаких домовых, леших, ведьм, русалок и чертей не существует на свете, поэтому Валя решил напугать Яшку и заявил ему: «Я поднимусь на чердак и вот этой палкой пригоню к тебе домового!»

Наша группа мальчиков с напряжением наблюдала, как Валя с палкой в правой руке поднялся на второй этаж нашего амбара, вошёл в сеновал и начал подниматься, стуча каблуками по

внутренней лестнице на чердак сеновала – под крышу. Потом мы услышали громкий крик Вали: «Вон отсюда, проклятая нечисть! Ах, вас здесь даже двое домовых! Вон отсюда, пока я вас не отлупил палкой!»

После этих слов Вали, когда мы внизу у амбара притихли и стояли не дыша, Яшка с дрожью в голосе прошептал: «Сейчас оба домовые задушат Вальку». Но в это время послышались сначала удары палкой по доскам, потом с чердака в пустой сеновал полетели одна за другой доски. Валя закричал громко: «Куда вы, нечистая сила, бежите?! Лови, лови, держи, держи чертей безрогих! Ура! Ура!» После этого опять с чердака в сеновал полетели с грохотом доски. Потом мы услышали какой-то поросычий визг. Валя радостно закричал: «Ага, дедушка домовый, завизжал, голубчик! Я вот ещё тебя палкой огрею!» После этого опять раздался поросычий визг. Потом всё стихло. В открытых дверях сеновала показался Валя. Он задыхаясь рассказал, что одному домовому он доской сломал ногу, а другого сначала оглушил по спине палкой, а потом так огрел доской по голове, что старичок захрюкал по-свинячьи.

Яшка слушал Вальку с вытаращенными глазами, но Валя подошёл к нему вплотную и сказал: «Дурак ты, Яшка! Прямой дурак! Ведь я нарочно кричал на чердаке, никаких там домовых не было. Я нарочно бросал сверху доски, чтобы тебя, дурачка, попугать. Эх, ты, темнота деревенская!»

Валя предложил всем ребятам подняться на чердак и помочь ему сложить обратно сброшенные им сверху доски. Прачкины ребята, Пронька и Андрейка, вместе с нами пошли наверх. Яшка отказался идти наверх и, попрощавшись, отправился домой.

Назавтра после обеда Яшка принёс на наш двор старый картузишко. Мы четверо пошли на кладбище, положили этот картуз на неизвестную заросшую травой могилу и придавили его сверху найденным среди могил куском дёрна. Валя запомнил дорогу от ворот кладбища к избранной могиле, и мы все вернулись домой, чтобы дожидаться темноты – для испытания смелости того, кто ночью принесёт обратно картуз Яшки от могилы до нашего дома.

И вот часов около десяти вечера, когда стемнело, собрались

у нашего дома на скамье человек десять школьников семи, восьми, девяти и десяти лет, чтобы посмотреть, как брат Валя пойдёт один на кладбище за Яшкиным картузом. Валя напомнил ребятам, как в стихотворении «Вурдалак» мальчик Ваня принял за вампира-покойника собаку, грызущую кость на одной из могил. Но Яшка всё-таки твердил своё о том, что мертвецы выходят из могил и ловят проходящих людей, или пролетают в виде привидений, или даже могут бегать по кладбищу оборотнями в образе волков, лисиц, больших крыс и собак.

Валя улыбнулся на своего суеверного товарища, потом взял вчерашнюю палку на случай встречи на кладбище с какой-нибудь бродячей ночной собакой и смело зашагал в темноту, в сторону кладбища. Яшка от страха даже перекрестился. Мы с братом Колей знали, что Яшкин картуз будет принесён с кладбища, но поневоле было жутко от Яшкиных суеверий и глупых басен о покойниках и мертвецах в эту тёмную облачную ночь.

Пока Валя ходил на кладбище, мы тихо переговаривались и всё время вглядывались в темноту. Уличных фонарей в городе тогда не было. Царила тишина и тьма.

Вдруг вдалеке на одном дворе раздался жалобный протяжный вой собаки. Яшка перекрестился и сказал: «Чей-нибудь покойник будет. Если собака провоет три раза, Вальку задушит там один из гробовых мужиков». Но собака замолчала. И вдруг в нашем саду на деревьях завозились и закричали, как будто заспорили, вороны. Яшка заявил: «Это к беде, обязательно к беде! Как бы Вальке не досталось от мертвецов!»

В это время со стороны кладбища раздался громкий голос Вальки: «Пошла вон!» И вслед за этим дико завизжала собака, которая выскочила из тьмы и с жалобным визгом промчалась по улице мимо нашей ребячьей компании. Мы хором присоединили к собачьему визгу свои голоса для самоободрения, и получился истошный зоологический хор, напугавший всех наших соседей.

Яшка уверял, что собака была чёрная, значит, это был оборотень, мертвец, выскочивший из могилы.

К нашей компании вышли из соседних домов четыре женщины и двое мужчин и стали расспрашивать о причинах собачьего визга и ребячьих диких криков.

В это время к нашему ночному собранию подошёл со стороны кладбища Валя и преподнёс Яшке картуз. Смелчак сообщил, что при выходе из кладбищенских ворот он увидел мелькнувшую собаку, которая шла следом за ним, пока в неё не пришлось запустить палкой. Тут Яшка твёрдо заявил, что чёрный собачий оборотень намеревался вцепиться зубами в Вальку, что в следующий раз от Вали на кладбище останутся лишь «рожки да ножки».

Валя сообщил собравшимся соседям и ребятам, что на кладбище царила тишина и никаких приведений и мертвецов он там не видел, что он готов в тёплую июльскую ночь взять одеяло и подушку и заночевать на мягкой траве между могилами нашего отца и сестры Лены. Потом Валя заявил, что он завтра ночью сначала один пройдёт через всё кладбище, а затем приглашает с собой пройти всех желающих, особенно Яшку Конова и Проньку Сорокина, чтобы убедить их отбросить веру в чертей и леших, веру в гуляющих по ночам покойников и другие суеверные сказки своих тёмных бабушек и тётушек.

В глубоком раздумье ребята разошлись по домам.

ГЛАВА XIV

БИБЛИОТЕКА В КУРЯТНИКЕ

За два года до своей смерти наш отец основал в городе Кузнецке городскую общественную библиотеку, составленную из добровольных пожертвований книг жителями города. Это было в 1894 году. Отец был тогда на пенсии. Он посвятил свой досуг пропаганде и организации общественной библиотеки, так как «очага-

ми просвещения» городских жителей были приходское училище, уездное училище, соборная церковь и церковь Богородская. Отец понимал, что этих «очагов» постыдно мало.

Учителя школ, судья города, городской староста, некоторые купцы и чиновники и, конечно, служители церкви делали свои книжные взносы в новое просветительское учреждение, каковым должна была сделаться городская общественная библиотека.

Отец последние годы перед уходом на пенсию состоял в должности инспектора народных училищ Кузнецкого и Бийского уездов, поэтому в организуемую им библиотеку поступали даже редкие книги, кроме дешёвых литературных приложений к журналам «Нива», «Вокруг света», «Природа и люди»...

Начинание отца было встречено горячей поддержкой. От нескольких десятков жителей города поступило в библиотеку полторы тысячи пожертвованных книг. В городе нашлась свободная комнатка, и библиотека гостеприимно начала встречать своих первых абонентов. Таким абонентом библиотеки состояла и наша мать.

Брат Валя по поручению матери не раз приносил ей из библиотеки требуемые книги. Он сам часто посещал библиотеку, помогал библиотекарю в его несложных обязанностях. Валя настолько превратился в библиотечного работника, что несколько раз дежурил на выдаче книг, заменяя отсутствовавшего библиотекаря. Так в этом общественном учреждении девятилетний школьник Валя оказался настолько доверенным тружеником, что сам открывал библиотеку для посетителей, сам выдавал книги, записывая их на карточки, сам закрывал библиотеку, храня ключ от неё до возвращения взрослого библиотекаря.

Однажды на уличной скамейке у ворот Валя читал мне вслух книжку «Вася-газетчик». К нам подошёл Яша Конов и присел рядом. Он выждал, когда Валя сделает паузу, и спросил, не может ли Валя дать ему «Робинзона Крузо» – для общего громкого прочтения в семье Коновых. Валя сказал, что он дочитает рассказ о Васе-газетчике и вынесет из комнаты «Робинзона». Валя продолжал чтение, а я внимательно слушал. В это время к нам подошёл

прачкин Коля Сорокин. Когда Валя кончил чтение, Коля попросил у Вали пушкинскую «Сказку о царе Салтане».

Валя пошёл в комнаты и вынес мальчикам просимые книжки. Мальчики сказали «спасибо» владельцу этих интересных книжек, а Яша Конов добавил: «Ты, Валька, у нас двойной библиотекарь! И взрослым выдавал сегодня книжки, а теперь выдаёшь из своей детской библиотеки!»

У Вали блеснула мысль о детской библиотеке, не только о своих накопленных книжках, а гораздо шире – о такой же общественной библиотеке, какая была организована нашим отцом. И Валя тут же высказал свою мысль Яше Конову и Коле Сорокину, увлечённо и горячо доказывая возможность рождения такой библиотеки детских книг. Он предлагал: «Давайте объединим мою библиотечку – книг 60, библиотечку Яши и библиотечку Коли. Составим особую книгу-инвентарь, в которую запишутся все наши книги. Рядом с автором книжки и названием будет записан и владелец каждой книжки. Мы обойдём всех ребят и их родителей, прося включить в нашу библиотечку во временное пользование имеющиеся у них книжки. Выдавать будем книжки по строгой записи. Мазать и рвать не позволим. Я согласен быть библиотекарем нашей «добровольной детской библиотеки». Яшу, Колю, Ену Тартокова и брата Колю прошу помогать мне».

Яша и Коля с восхищением поддержали все предложения девятилетнего брата. Решено было все вносимые в детскую библиотеку книжки складывать пока в нашу детскую на подоконники, на стол, под кровати.

Дня через два Валя и Коля только успевали записывать приносимые мальчиками-школьниками книжки. После разговора с матерью помещение для книгохранилища было найдено.

Это был наш курятник, в котором, по мнению всех нас, слишком роскошно проживал петух со своими пятью курами. Пернатых обитателей курятника перевели в маленький закуток в амбаре, а курятник, площадью около шестнадцати квадратных аршин, переоборудовали. Насесты были убраны, стены были промыты мыльным кипятком, пол проскребли железной лопатой и

ошпарили кипятком с керосином...

Прошло дней десять, и на пятнадцати полках курятника водворилось около 200 детских книжек, доверенных владельцами тройке изобретателей: Вале, Яше и Коле Сорокину. Библиотека начала работать.

Чего только не натащили в свою временную детскую библиотеку мальчики-нагорники. Тут были и приложения к журналу «Нива» – сочинения русских писателей; были сказки о Бове-королевиче, о Еруслане Лазоревиче, сказки народные и сказки Пушкина: о рыбаке и рыбке, о царе Салтане, о попе и его работнике Балде и пр. На полках стояли книжки исторического характера: «Как солдат спас Петра Великого», «Крещение Руси», «Шут Балакирев», «Куликовская битва», «Синопский бой». Включили в каталог и брошюрку «Что такое холера и как себя от неё уберечь».

Кроме мальчиков-нагорников из библиотеки начали брать книжки три или четыре подгорника, в том числе сам Сёмка-атаман. Библиотекарь Валя выдавал Сёмке и его приятелям сказки о Бове, Еруслане и царе Салтане. Валя считал, что мальчикам-подгорникам ещё рано читать такие книжки, как «Приключения английского лорда Милорда» или «Кабардинка, умирающая на гробе своего мужа». Подгорники благодарили библиотекарей за выданные книжки. А в следующий приход за книжками из нашего курятника Сёмка-атаман пригласил нас посмотреть работу «свечного завода» в одном из домиков Форштадта – недалеко от кладбища.

Вечером мы вшестером отправились смотреть «свечной завод» города Кузнецка по указанному Сёмкой адресу. Так как электрические лампочки мы наблюдали только с берега на пароходе «Томь», стоявшем на причале весной, а главным осветительным прибором почти всех домиков Кузнецка служил подсвечник с толстой вонючею свечой из овечьего сала, мы с любопытством вошли в один из домиков Форштадта. Это был «завод».

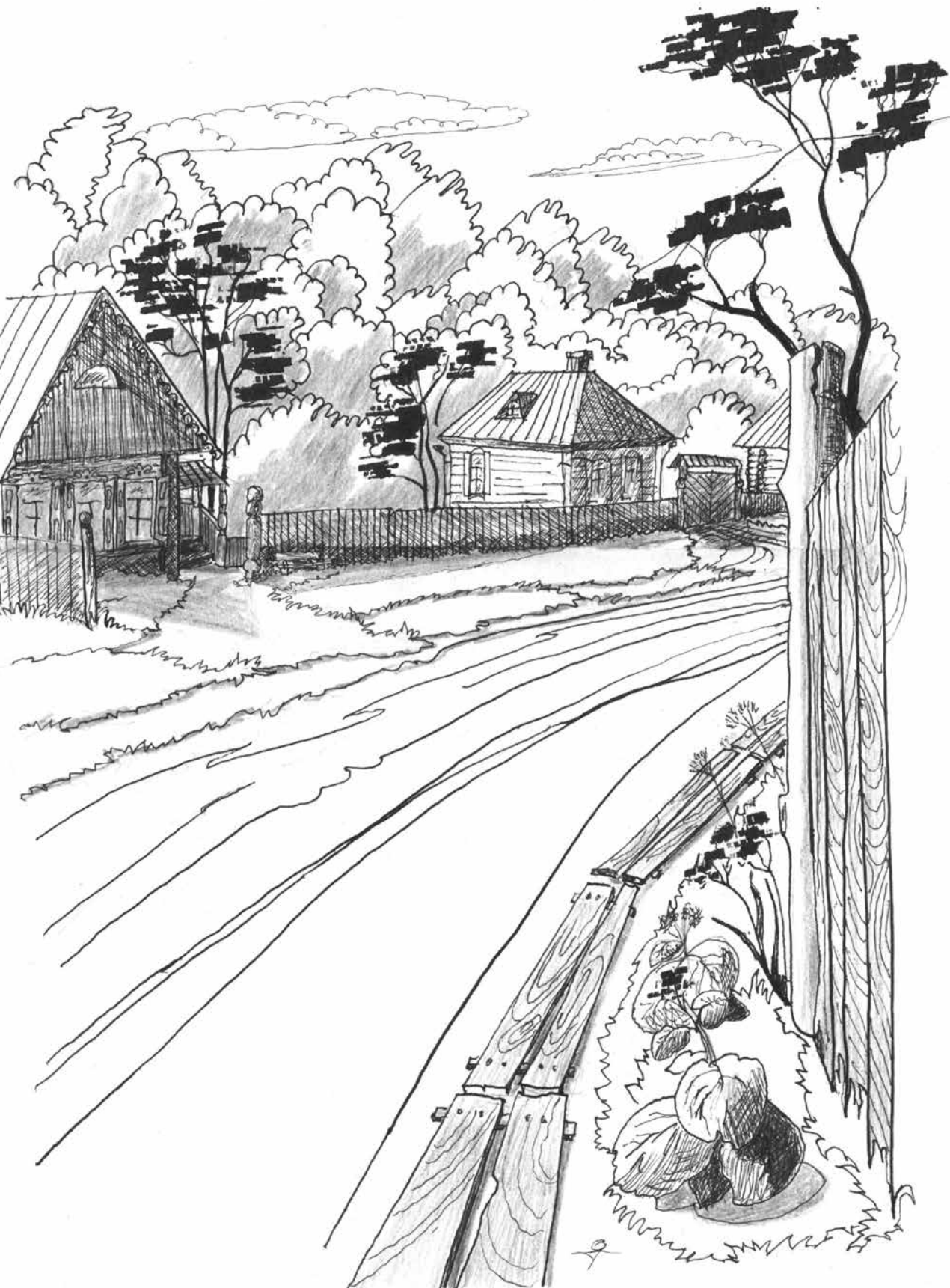
В обширной горнице прямо на полу стоял сколоченный из досок ящик без крышки. Вместо крышки сверху на ящик накладывались сколоченные из тонких реек решётки. В каждую ячейку этой решётки вставлялась металлическая трубка, служившая

формой для свечи. В эту трубку мастер натягивал кручёный шнур, тугой, как струна, и ставил в ячейку. Фитиль-шнур натягивался в центре трубки, которая ставилась в ящик вниз головой. Из чугуна, наполненного растопленным овечьим салом, мастер зачерпывал ковшиком сало и вливал его в трубку, держа шнур-фитиль в центре её. Сало быстро застывало. Мастер закреплял трубку в ячейке и брал вторую трубку, устраивал опять в ней будущий фитиль и вновь заливал до верха трубку салом. Была готова вторая свеча. Затем заливалась салом третья формочка. В ящике было 25 мест – по числу отверстий наложенной сверху решётки. Мастер сделал 25 свечей и вынес ящик в холодный погреб.

Мы поблагодарили мастера за показ изготовления сальных свечей и пошли домой, пригласив смотревшего вместе с нами свечное производство Сёмку за книжками нашей библиотеки. Оказывается, таких кустарей свечного дела в городе было несколько.

Мы все угадывали сразу загадку о том, что «по горам, по долам ходит шуба да кафтан» – это длинношерстные овцы да бараны. Кто-то из мальчиков предложил загадку переделать и задавать такой вопрос: «Кто он, дорогой всем нам, свет дающий по ночам?» Это было справедливо, так как и я сам, и многие кузнецкие ребята-школьники очень часто длинными осенними и зимними вечерами решали задачки и списывали с книг уроки при свете сальной свечи. Имеющиеся в нашем доме стеариновые свечи или редкие керосиновые лампочки зажигались только для гостей да в редкие большие праздники.

Через библиотеку в курятнике мы научились дружить с подгорниками, заглушая в себе дикарские наклонности вражды и отчуждения. Как-то раз Сёмка-атаман поставил нас в известность, что дня через два в Форштадте покажет свои фокусы «канатоходец на проволоке». «Уже готовы два столба, и над землёй, сажени на четыре, натягивается толстая стальная проволока», – сообщил нам Сёмка. Он добавил, что с ребят берётся гривенник за вход, но смотреть придётся стоя, так как сидячие места на длинных, рядами вкопанных скамьях оценены в копейки тридцать, двадцать или пятнадцать.

В день канатоходного выступления приезжего в Кузнецк гимнаста мы, нагорники, целой ватагой – человек в двадцать – ринулись к огороженному глухим забором месту показа невиданного ещё в городе акробатического искусства. За свои гривенники мы выстроились за рядами скамеек, занятых сидячими посетителями зрелища. Рядом с нами стояли знакомые нам по дракам ребята из подгорной части города и Форштадта. Сёмка-атаман и два его соседа лущили семечки подсолнуха и выплёвывали скорлупки перед собой на траву. Мы этого не делали, терпеливо ожидая представления.

Лёгкий разговор сидевших впереди нас зрителей умолк, когда со стороны из-за занавески у забора вышел высокий дядька в трико и чёрной шапочке на голове. Он поклонился публике и правой рукой сделал широкий жест приветия, как бы приглашая всех к вниманию. Он взял в правую руку длинный-длинный очень гибкий шест и полез с ним по лестнице, приставленной к столбу правого конца натянутой довольно толстой проволоке. Мы разинули рты, глядя на идущего в туфлях по проволоке человека.

Длинным шестом он регулировал своё равновесие. Когда гимнаст прошёл по проволоке без шеста и начал кланяться публике, мы в восторге закричали «ура!» и захлопали в ладоши. Потом канатоходец заявил нам: «Я хочу позавтракать! Я очень люблю яичницу-глазунью!»

Сидевшие на скамьях пожилые мужчины и женщины улыбались, глядя на этого ловкого умелого циркача, который одел коротенькую курточку с карманами, подошёл, как по паркету, к середине колеблющейся проволоке и начал готовить себе завтрак. Он вынул из кармана маленькую спиртовку, прицепил её к проволоке; вынул коробку спичек и зажёл спичкой фитиль спиртовки. Потом этот удивительный повар извлёк из бокового кармана небольшую сковородку и поставил её на горевшую спиртовку.

Всё это делалось в сидячем положении. «Сковорода нагрелась! Можно готовить кушанье!» За этими словами неустрашимого акробата следовали не менее рискованные дела. Он вытащил из кармана и натянул на голову белый поварской колпак; потом

.....

из кармана появилось настоящее куриное яйцо; затем рассечённое ножом на две половины яйцо было вылито на сковородку. Мы захлопали в ладоши, когда услышали довольно громкое шипение этой удивительной яичницы. Но к первому яйцу присоединено было второе, а скорлупки от яиц летели сверху на землю. Воздушный ловкач достал солонку, посолил яичницу, достал кусок чёрного хлеба. В руке у него оказалась чайная ложка, и он, чуть придерживая сковородку, начинает завтракать. Откусит хлеба, сунет кусок в карман, придержит сковородку, а отрезанную ложкой часть яичницы отправляет в рот.

И нам казалось, что малейшее неосторожное движение этого смельчака, сидевшего на проволоке, вот-вот окончится бедой – он с яичницей окажется разбитым на земле. Но воздушный повар сделал своё дело. Он съел яичницу и хлеб, он снял спиртовку с проволоки, он оказался на ногах и смело двинулся от середины проволоки к столбу, к лестнице, потом по лестнице спустился на траву и разлюбезнейше раскланялся со своими зрителями.

В ответ на его поклоны грянул гром аплодисментов, крики «браво» и «ура», «молодец», «ловкач». А один из зрителей, сидевших на скамьях, тепло и одобрительно промолвил басом: «Хорош, гадюка, ну, хорош».

Все ребята были побеждены искусством этого канатоходца. Яша Конов неистово кричал то «браво», то «ура». Прачкин Проня Сорокин от восторга свистнул лёгким свистом – двумя пальцами во рту. Сёмка–атаман не выдержал, и его свист тоже задрожал в ушах всей публики. Но распорядитель начал быстро очищать место представления от ребят и громко объявил, что представление окончилось, что в следующий раз на проволоке будет показан фейерверк и разноцветные бенгальские огни.

Делясь своими впечатлениями, мы разошлись все по домам. А через день компания нагорников собралась на двор дома Коновых и смотрела «канатохождение» Яши Конова. Он натянул от столба сарая до столба ворот верёвку и раз пять взад и вперёд прошёлся, держа в руках оглоблю от старой телеги на высоте одного метра над землёй. Мы кричали: «Браво акробату, браво!» На дру-

.....

.....

гой день Яша Конов и ещё человек десять ребят собрались на наш двор, чтобы лицезреть ещё более смелых канатоходцев. Это были наш Коля и Пронька Сорокин, натянувшие старые верёвочные вожжи между столбом старого навеса с лестницей амбара на высоте двух метров от земли. Оба канатоходца, Коля и Проня, ходили по канату без оглобли. Ясно было, что победила эта пара акробатов.

Вскоре на стене курятника, в котором размещались книги нашей библиотеки, появилось объявление на листе бумаги: «В субботу в 10 часов утра канатоходец в Форштадте даёт представление с бенгальскими огнями. Билеты продаются заранее».

Не приходится говорить о том, что компания нагорников, человек пятнадцать, гурьбой с заранее приобретёнными билетами явилась на это новое диковинное представление без опоздания.

Потом на стене курятника возле двери стали появляться другие объявления, например, такие: «Первое представление странствующего цирка будет в воскресенье», «В пятницу идём на переплыв реки с утра», «Скажите Ваське Егорову, чтобы он поскорей вернул в библиотеку книжку о Синей Бороде».

ГЛАВА XV

СУХОПУТНЫЙ ПАРОХОД «КУЗНЕЦК»

Наша мать всегда поддерживала и поощряла творчество своих ребят. Она понимала, что наш маленький человеческий мозг всегда ищет нового, занимательного. Она понимала, что человек всегда творец. Она радовалась, глядя на малышей. Она думала: «Пусть он стряпает из песка пироги да булки; пусть он на этом песке строит башни да домики, тычет веточки зелени – это сад у него!» Она помогала творить и жить детям от их первых лет жизни до последних классов их школьной учёбы! Но не все родители так поступают.

Мне исполнилось восемь лет, а моим братьям десять и двенадцать. Друзья и товарищи отрочества тоже на год повзрослели.

Я заканчивал курс второго класса приходского училища. Наступили каникулы второго «безотцовского» года. Съехались в город первые гимназисты далёких гимназий: брат Коля из Томска, Яша Конов из Петербурга.

Опять, как в прошлом году, заревел своим двухголосым гудком на реке Томи пароход. Опять в майский солнечный день кинулись к реке жители Кузнецка и, в первую очередь, наша братия – ватага мальчишек нагорников и подгорников, и Форштадта, и Подкамня. Пароход «Чулым» пришвартовался к обрывистому берегу Иванцевки недалеко от соборной церкви. Опять восхищённые, любознательные, жадные ребячьи глаза изучали весь корпус, палубу, колесо, трубу, капитанскую рубку и всяческие мелочи этого гостя из далёкого Томска.

Мы торчали на берегу против парохода часа три, наблюдая за разгрузкой на берег мешков, ящиков и других товаров и каж-

дый раз завидуя всякому проходившему на пароход человеку. Потом наша компания неторопливо разбрелась по домам. Ни одного мальчика на пароход не пускали. А нам очень хотелось бы знать, какая силища внутри парохода двигает этими чудесными колёсами, которые так быстро бегут по воде. Ни один учитель наших двух кузнецких школ не подумал провести на пароход хотя бы десяток-другой своих учеников и показать машинное отделение нашего дорогого кузнецкого гостя.

«Давайте построим у нас на дворе пароход, – предложил Яша Конов. – Мы сделаем его из досок!»

Группа ребят, человек пять или шесть, принялись сооружать на дворе Коновых первый наш сухопутный пароход. Мы быстро стащили со штабеля сложенных в углу двора досок требуемые нам четыре доски. Положили эти доски на две расставленные пустые телеги. Получилась палуба парохода. Две пары торчащих кверху тележных оглобель мы назвали мачтами. Ещё четыре доски мы утвердили с боков наших двух телег: две доски были ребром поставлены на землю под ступицами телег, а две были поставлены ребром на обе ступицы телег. Получились стенки плавучего судна. Ещё три доски были положены на землю между телегами, и у нас оказался трюм парохода.

Но тут Яша Конов взвизгнул от радости – ему пришла новая мысль: «Ребята, у меня будет не пароход, а морской корабль. Колёс не надо. Корабль пойдёт на парусах по океану, а не по реке Томи!» С этими словами Яша притащил из своего сарая целый ворох тонких веревок и две широких рогожи. Две оглобли одной телеги были привязаны наклонно к кузову, и получился нос корабля. Две вертикально стоящих оглобли другой телеги были оснащены рогожами, и получился парус корабля.

Яша заскочил на палубу корабля и отдал приказание: «Я капитан корабля «Нева»! Все по местам: вахтенный на корму, якорный на нос, двое у паруса, остальные матросы в трюм – на отдых!» Мне неизвестны были обязанности вахтенного на корме и якорного на носу, а тем более парусных матросов, и я моментально нырнул в трюм под телегу и с удовольствием растянулся на сухих

досках вместе с Кеной Коновым и прачкиным Андрейкой.

Яша на палубе продолжал строго отдавать приказания несуществующим матросам: «Китоловы! Приготовьтесь бить гарпунами по двум китам! Артиллерия! Стреляй картечью по стаду акул возле корабля! А вы, парусные матросы, смотрите на небо! На нас надвигается туча – придётся убрать паруса! Не зевать! Исполнять команду!»

Так командовал капитан Яша. Но в действительности на нас надвигалась не туча, а надвигался отец Яши – сам Лука Иванович Конов. Он подошёл к нашему кораблю и обратился к своему сыну, капитану корабля, с такой речью: «Ты что, Яшка-шельмец, здесь вырабатываешь? Эти чистые доски пойдут на ремонт пола в горнице, а ты их даже под телеги бросил – на землю! Кого ты спросил? И телеги забрал; они тоже нужны – кучер Иван сейчас повезёт на телеге две бочки пива заказчикам! Вот я сейчас поймаю тебя или двух твоих матросов да отстегаю прутом! Выдумали доски таскать! Мало вам гигантских шагов на дворе? Мало вам крокетные шары гонять? Иду за хорошим прутом!»

Как ветром сдуло с палубы нашего корабля и капитана, и вахтенного, и якорного, и парусных матросов. А мы трое, как пробки, выскочили из корабельного трюма.

Братья Коновы скрылись в своих комнатах, а остальные дружки вылетели за ворота и рассыпались по своим домам. Кучер Иван перенёс корабельные доски обратно в штабель, верёвки в сарай, а в одну из телег впряг лошадь, чтобы ехать со своим грузом к покупателю пива, которым торговал в городе Лука Иванович Конов.

У себя дома за обеденным столом Валя, Коля и я напереыв старались рассказать матери о том, как мы бегали на пристань смотреть пароход «Чулым» и как строили пароход из досок во дворе Коновых, и как сам Лука Иванович разогнал всех ребят, обещав капитана Яшу отстегать прутом.

Валя и Коля выступили со своим планом постройки парохода на нашем дворе. Они испросили разрешения матери взять для

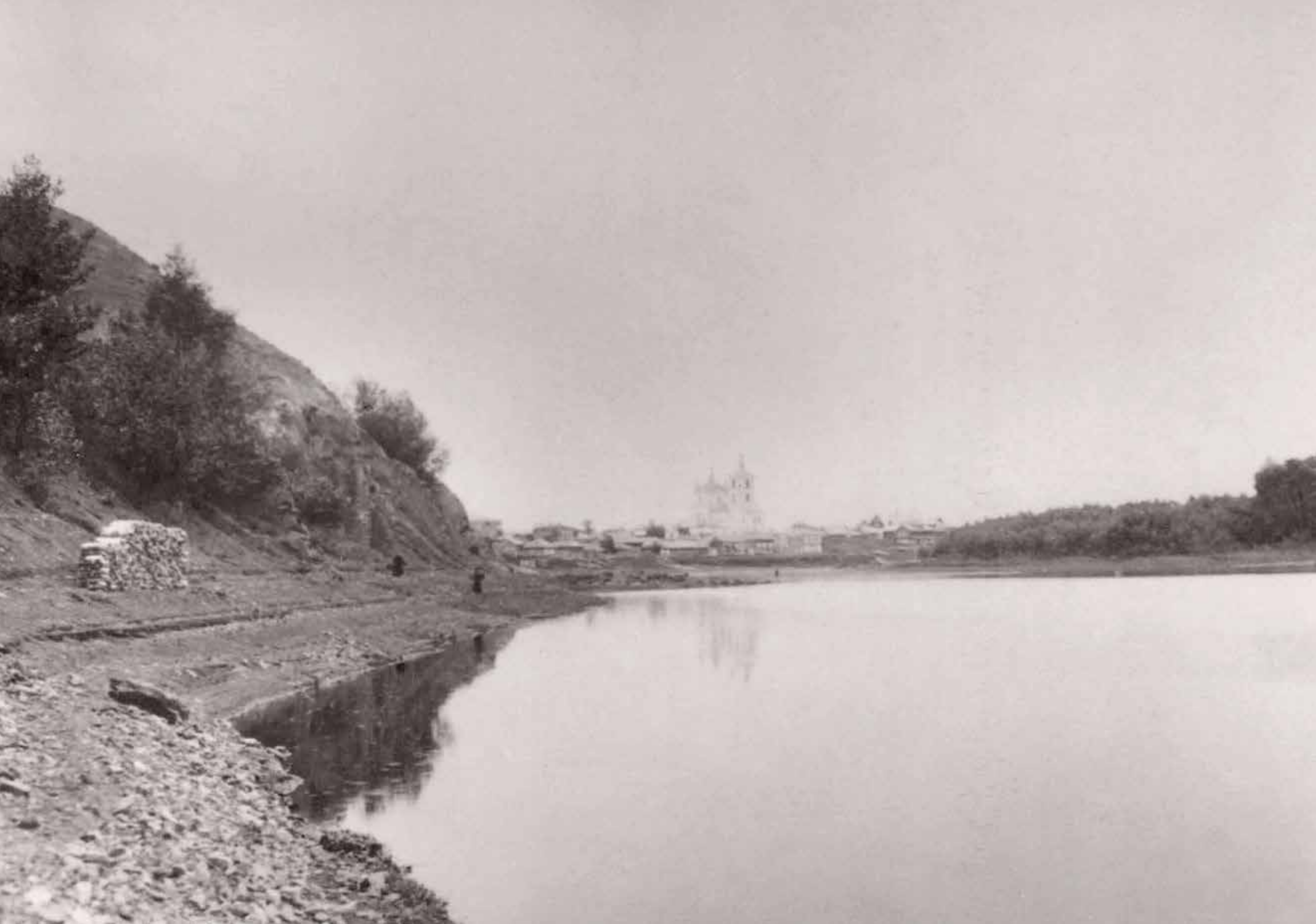
строительства парохода пятнадцать пчелиных ульев, сложенных в нашем сарае. Эти пустые безрамочные ящики после ликвидации нашей пасеки сложены были в сарае и ожидали покупателей-пчеловодов.

Мать разрешила воспользоваться ульями под условием бережного к ним отношения. Валя и Коля пригласили к строительству парохода всех трёх мальчиков Коновых, всех трёх Сорокиных, двух Тартаковых. И работа закипела. Сказать, вернее, «загрелась».

Пустующие ульи были очень тяжелы: иной раз приходилось перевёртывать, ворочать и поднимать один ящик четырьём ребятам. Некоторые ульи были высотой в полтора метра. Строители кряхтели и пыхтели, разбирая гору этих ящиков. Иной раз прижималась ящиком рука, придавливалась нога строителя нашего парохода. Короткое потирание ушибленного места очень быстро удаляло боль. Мы боли не боялись, так как она была знакома нам по опыту; мы прекрасно бегали по крышам сараев и домов, лазали по-обезьяньи на деревья, падали с них, бегали по заборам, царапая голые ноги. Не раз, не два каждый из нас срывался с дерева, кололся иглами боярышника; не раз нам доставалось в драках с «Подгорой».

И каких-нибудь в два-три часа посередине нашего двора стоял, как у причала, правда, без крыши пароход «Кузнецк». Строительство «Кузнецка» заслуживало высокой похвалы. Можно сказать, что наша ребячья бригада работала по плану, рождённому горячими головами Вали, Коли, Ены, с добавлениями и рекомендациями Яши, Бори Коновых и особенно Коли Сорокина. Пароход сооружён был так.

Самый большой ящик бывшего дадановского улья был поставлен «на попу» впереди всех других – это был нос «Кузнецка». Правда, «нос» этот был тупой – он рассекал волны своим днищем шириной в полметра. От этого «носа» мы расставили в два криволинейных ряда – по семь ульев в ряд, тоже «на попу» – все четырнадцать имеющихся ящиков. Образовались, таким образом, две длинных боковых стены парохода. Днища ульев были обращены наружу, а внутри мы восхищались пятнадцатью «каютами» – по

числу расставленных в два ряда ульев. К «носу» и «корме» между противостоящими ульями расстояние внутри парохода было меньше, чем на середине корпуса. Так что, например, между четвертьями от носа ящиками оказалось расстояние почти полтора метра. Получилось помещение площадью до десяти квадратных метров, не считая всех пятнадцати кают, по одному квадратному аршину в каждой. Полом парохода послужили настланные мелкие дощечки и обломки стенок старых ульев.

Вечером первого дня на сооружения парохода «Кузнецк» брызнул дождь, которого мы не смогли переждать, забравшись в ульи-каюты парохода.

Крыши у парохода пока не было. И решено было собраться вновь, чтобы продолжить строительство «Кузнецка», а, в первую очередь, дать пароходу крышу, мачты на носу, на середине, на корме. Вечером пришлось подумать о пароходной трубе, о пароходном гудке, о якоре и прочих необходимых принадлежностях нашего любимца-парохода.

Назавтра вся бригада босоногих строителей «Кузнецка» была в сборе к десяти часам утра. Валя с Колей разыскали поперечную пилу для пилки досок; нашёлся и топор, нашлись и гвозди с молотком, нашлась и масляная краска-сурик с кистью. А чего не находили дома, быстро приносили из ближних домов Коля Сорочкин или Ена Тартаков. Словом, работа закипела.

Оснащение нашего славного «Кузнецка» быстро продвигалось. Возникали кой-какие разногласия, но пыл строителей, желание осуществить скорей рождение парохода примиряли споривших. И к вечеру «Кузнецк» наш был готов. Досками поперечными покрыли внутреннее помещение «Кузнецка». А чтобы дождь не проникал сквозь щели, пришлось на эти щели при помощи гвоздей соорудить второй настил. Отверстий в крыше было два – одно служило лазом с палубы внутрь парохода, с лесенкой до пола, а во вторую, выпиленную в досках дыру, поставили длинную железную трубу печки-временки.

Чтобы наш сухопутный пароход дымил, внутри его на перевернутый вверх дном ящик поставили временку. Чтобы пароход

гудел, пришлось одному из нас засунуть в рот две разнотонных детских дудки и научиться производить сразу два звука. Чтобы капитан всегда командовал на палубе, пришлось ему поставить особый пустой ящик наверху. Между мачтами от носа к высокой средней мачте и до кормовой была натянута верёвка. На каждой мачте красовались разноцветные флажки. К бокам парохода пригвождены были написанные красным суриком метровые струганные доски со словами «Кузнецк». Крестообразный деревянный якорь был сколочен из тонких палок и привязан на верёвке, закреплённой на носу. На днище каждого улья чёрным углём из самовара были обозначены круглые окошки-иллюминаторы.

А как изобразить-построить колёса парохода? Этот вопрос поставил всех строителей в тупик. Предлагалось снять два колеса с хранившейся в сарае телеги и утвердить их по бокам нашего судна.

Но эти колёса и по виду и по размерам не подходили к стенкам парохода, и Яша Конов заявил, что наш «Кузнецк» пока останется не колёсным, а винтовым, какие он, Яша, видел в Петербурге на Неве. Все согласились с ним.

Отплытие нашего парохода «Кузнецк» вниз по течению реки Томи до самого Томска назначено было на воскресный день. Рекой была зелёная трава нашего двора меж домом и амбаром. Оставалось два дня на дооборудование парохода и подготовку к отплытию в далёкий путь. На палубе устроили барьер из тонких длинных реек, приколоченных к стоячим рейкам по обоим бортам нашего «Кузнецка». Перед капитанским ящиком на вертикальном утверждённом столбике подвесили небольшое колесо от огородной тачки – это был штурвал – рулевое колесо. Для входа на пароход «с берега» (с земли) служил настоящий трап, сколоченный из двух досок и поперечных реек.

Команду парохода составили: капитан Яша как самый сведущий из гимназистов города; рулевым был назван брат Валя; большой флаг на мачте водружать доверили Борису Конову, он же обязан был давать гудки; на носу стал Петя Чушев с длинным тоненьким шестом; главным котельным кочегаром вызвался брат

Коля, а помощником оказался Проня Сорокин. Мне с Андрейкой Сорокиным приказали быть «на пристани» возле трапа. Остальные мальчики должны были играть роль пассажиров.

На гвоздь, вколоченный в дно капитанского ящика, повешен был спасательный круг из картона с надписью «Кузнецк». Всё было готово к отплытию.

Наступило утро воскресенья. На наш двор привалила целая ватага приглашённых подгорников, ребята из Форштадта, человек пятнадцать школьников нагорников.

И чего никто из нас не ожидал, явился к самому отходу нашего сухопутного «Кузнецка» сам Лука Иванович Конов – отец нашего капитана Яши. Но мы все знали, что на нашем дворе хозяйкой была мать, которую всё время мы держали в курсе наших игр, занятий, путешествий и купаний.

В нашем пароходе не было не только ни одной коновской доски, а и ничтожного гвоздя, поэтому мы все были спокойны.

Когда настал момент «отправки» парохода в Томск, на палубу взошёл только один Яша-капитан. На голове его красовалась старая чиновничья фуражка с кокардой под козырьком. В руке Яша держал огромный самодельный картонный рупор, похожий на рупор от граммофона. Когда отец Яши громко, но спокойно заявил сыну: «Ты, шельмец, и здесь поставлен капитаном», Яша рявкнул в свой огромный рупор: «Команда, по местам!»

Все должностные работники «Кузнецка» с берега по трапу взбежали на палубу и заняли свои места. Брат Коля с Проней Сорокиным с палубы нырнули через люк внутрь парохода и заняли там свои места: Коля у печки-временки с коробкой спичек и с пачкой бумаги и тряпок, а Проня возле него с двумя палочками в руках.

Яша-капитан более спокойным тоном приказал в сторону отца: «К отходу парохода дать первый гудок!» Брат капитана Боря воткнул в свой рот сразу две дудки и стал, надувши щёки, дуть в них так, чтобы пароходный гудок получился длительностью, по меньшей мере, секунд семь или восемь...

Тогда Яша громко в рупор крикнул: «Пассажиры, займите свои места. Пять человек нагорников и пять человек подгорников!» Нагорники – Тартаковы, Кена Конов, Петровы – поднялись на палубу по трапу и сразу же по лесенке спустились в помещение парохода. Подгорники немного задержались, так как хотели бы попасть на пароход в числе десятка или пятнадцати человек. Главарь их Сёмка-атаман отобрал из своей компании пять самых маленьких, оставшись сам с другими на траве возле парохода.

Капитан-Яша скомандовал: «Второй гудок к отправке!» Боря вторично дунул всеми лёгкими в свои две дудки. Капитан продолжал командовать, крича в свой рупор: «Чалки отдать!» Я отцепил от колышка на земле носовую верёвку, а Андрейка отцепил кормовую верёвку. Это были «чалки». Обе верёвки были втянуты на палубу парохода.

«Поднять якорь!» – командовал капитан.

«Флаг поднять!» – не унимался капитан.

Петя затащил на пароходный нос наш деревянный якорь, а Боря быстро затянул верёвочкой на верх высокой мачты длинное кухонное полотенце. Лёгкий ветерок заколыхал наш флаг.

Капитан выкрикивал приказания одно за другим: «Третий гудок к отправке! Быстро убрать с берега трап!» Боря дунул в свои две дудки: сначала в воздухе повисли три коротких гудка, потом длиннющий гудок известил об отходе парохода. А мы с Андрейкой в это время оттащили две сколоченные доски с перекладинами на землю. Теперь пароход должен был двинуться в путь.

Капитан даёт команду: «Пустить машину на полный ход!» И мы, стоящие на берегу, слышим, как внутри «Кузнецка» Проня забарабанил палочками по железной печке-временке. Капитан кричит: «Подбавить пару!» Мы с восхищением глядим, как из пароходной трубы вдруг повалил густой-густой дымище. Подгорники не выдержали и закричали все «ура», а мы захлопали в ладоши.

Лука Иванович Конов всплеснул руками и кинулся, не говоря ни слова, во флигель, чтобы сообщить нашей матери о грозящей всему городу Кузнецку беде. Он вызвал нашу мать из помещения

и указал на сухопутный наш дымящий пароход. Лука Иванович взволновано кричал: «Что делают?! Ну что творят! Ах, шельмы! Ведь сейчас вспыхнет весь их пароход, от парохода загорится дом с амбаром! Ведь спалят они сейчас весь город!»

Мать подошла вплотную к пароходу и спросила: «Кто у вас здесь кочегаром?» И, получив в ответ два слова «Коля-Проня», отошла, сказав спокойно Луке Ивановичу, что печка топится бумагой только для дыма, что она сама им разрешила «пускать дым». Лука Иванович махнул на пароход рукой и, крепко плюнув на траву, засеменял ногами за ворота нашего двора.

Тогда капитан Яша начал сыпать через свой рупор приказания – и для исполнения и «для пущей важности»: «Носовой, давать промеры глубины! Рулевой, направо! Рулевой, налево! Полный ход!»

Петя Чушев длинным шестом, поднимая его и опуская, мерил глубину и, не прерываясь, громко возглашал: «Пять с половиной, шесть, шесть с половиной, пять!» Валя старательно вертел колесо тачки вправо, влево, вправо, влево...

Яша выкрикивал: «Неполный ход, замедлить ход!» И внутри Проня стучал своими палочками медленнее, а Коля совал в печку маленькие порции мятой бумаги, уменьшая струю дыма из трубы.

Яша приказывал торопливо: «Человек за бортом! Бросить круг!» И Боря Конов быстро снял с гвоздя картонный спасательный круг и бросил его на траву возле парохода.

Яша командует: «Впереди видны три лодки. Давай тревожные гудки!» И Боря двумя дудками даёт частые тревожные гудки. А в это время внизу под палубой Проня как можно громче барабанит палками по железной печке, изображая «полный ход».

А десять пассажиров, которым внутри надоело тихо, ничего не видя, прибывать в спокойствии, вдруг начинают дружно солдатскую песню:

«За Уралом, за рекой, казаки гуляли!

Трай-рай, ри-татай, казаки гуляли!

А мы – братцы-молодцы, налетим орлами!

Трай-рай, ри-татай, налетим орлами!»

Петя на носу кричит: «Четыре с половиной, пароход садится на мель!» Яша кричит в рупор: «Давай направо! Полный ход!» Валя вертит рулевое колесо направо, а внутри парохода Проня барабанит часто-часто палочками по времянке, Коля суёт в печку ещё пук бумаги и клочок травы. Труба дымит густым белёсым дымом.

Яша трубит в свой рупор: «Впереди плоты загородили реку – давай тревожные гудки!» Боря надсаживаясь даёт своими двумя дудками частые, прерывистые звуки.

А на дворе уже не только собрались подгорники и все соседские ребята, но сгрудилось человек двадцать взрослых; даже приплелась ветхая старуха Чушева, услышавшая с улицы приказы капитана Яши, гудки Бори, возгласы Пети и глухую песню десяти ребят из чрева парохода.

Взрослые начинают аплодировать, а все ребята весело кричат «ура». Подгорный Сёмка-атаман даёт от восхищения пронзительный свой свист и тоже во весь голос кричит «ура».

Тут Яша-капитан провозглашает: «Мы подходим к Томску! Всей команде быть на своих местах! Подготовиться к причалу! Пассажиры к выходу! Давай длинные сигнальные гудки, чтобы нас услышал Томск. Полный вперёд!»

Это обозначало, что пароход «Кузнецк» благополучно прошёл рекой Томью по течению не менее шестисот километров. Это значит, что капитан провёл блестяще первый рейс нашего «Кузнецка» к Томску.

ГЛАВА XVI

КЛУБ В ПАРОХОДЕ «КУЗНЕЦК»

Наша библиотека в курятнике пополнялась новыми и новыми приношениями. Ребята тащили в библиотеку и копеечные книжки, и такие книги как «Домашний лечебник» доктора Флоринского. Да и посетителей библиотеки становилось такое число, что в день выдачи книг – по четвергам – иногда приходило по десять-пятнадцать подписчиков.

В курятнике становилось тесно и книгам, и коллекциям, а посетители выстраивались в очередь прямо на дворе под открытым небом.

Мы испросили разрешение матери на перенос нашего ребячьего учреждения в пустующий сеновал, во второй этаж «большого амбара».

Оборудование нового помещения под библиотеку заняло два рабочих дня, так как полки для книг пришлось соорудить заново. Двое братьев Чушевых пилили и подгоняли доски для полок по двум стенам сеновала. Двое Коновых и мои братья сооружали из ящичков и небольших дощечек стенные шкафчики, предназначенные под коллекции жуков, бабочек, птичьих яиц и гнёзд, для хранения гербариев древесных пород, кустарников, травы и цветов.

Братья Сорокины где-то достали котелок масляной жёлтой охры, в которую они всыпали чашку сухого красного сурика. Получалась невиданного, трудно описуемого цвета масляная краска. Наши библиотечные полки и шкафчики заиграли, а, лучше сказать, «закричали» своей оригинальной окраской. Эту окраску кто-то нам назвал «флёр д'оранж».

Дня через два масляное покрытие всех столярных работ,

включая четыре досчатых лавки для посетителей, было высушено сквозняками сеновала. Библиотека заработала полной нагрузкой.

Брат Валя и его дежурные помощники только успевали выдавать книжки то своим нагорникам, то ребятам-«бычатам», проживающим в домиках «Подкамня», то ребятам подгорникам, то хромому бекетчику – ночному сторожу Семёну, то косноязычному «Тимочке», то вору Егорке Сорокину, то милому дружку нашей кухарки – солдату «Ванюше». Этот Ванюша был восхищён книжкой о том, «как солдат спас Петра Великого». Он прочитал книжку о Петре в казарме, где его слушали почти двадцать его сослуживцев.

Но в пустующем сеновале наша ребячья дружеская библиотека просуществовала не более двух месяцев. Причиной нашего ухода из сеновала было сильное землетрясение, потрясшее весь город. Все произошло неожиданно-ошеломляюще.

Было прекрасное безоблачное летнее утро. Одиннадцать часов. Солнце сильно припекало. В прохладном помещении сеновала собралось нас, ребят, человек десять. День был библиотечный. Брат Валя выдавал книжки ребятам Коновым и Чушевым. Мальчик Аполлончик перелистывал книжку сказок Пушкина. Прачкины Проня и Андрейка укладывали в свою сумку сказки о Синей Бороде и Бове Королевиче. Остальные ребята расположились на лавках, разговаривая, показывая друг другу книжки. Яша Конов показывал какую-то смешную картинку в своей книжке Пете Трофимову. Словом, наша библиотека жила своей обычной трудовой жизнью.

И вдруг всё затряслось...

Наш амбар задрожал и закачался. Похоже было на лодочное водяное волнение. Все вздрогнули и с ужасом оглянулись кругом, ища ответа у своих товарищей, не понимая, что происходит. Понесся грохот кирпичей и железных украшений двух труб по крыше нашего дома.

Брат Валя крикнул: «Землетрясение, бежим вниз!» Он бросил свои тетрадки на столик и кинулся к выходу, чтобы по деревянной лестнице сбежать вниз, во двор. За Валею с криком: «Ско-

рей, вниз, а то задавит!» – бросился Яша Конов. За ним выскочили из сеновала все другие ребята и забарабанили своими пятками по лестнице вниз.

Проня Сорокин, желая очутиться на траве как можно молниеноснее, прямо со второго этажа амбара прыгнул на палубу нашего сухопутного парохода «Кузнецк». Проня присел на палубе парохода, так как преобильно ушиб свои ноги. Но он радостно оглянулся, увидев сзади себя сарай и сыплющихся горохом по лестнице вниз ребят.

С крыши дома на двор катились разбитые кирпичи двух рассыпавшихся труб. Мы отбежали от амбара и дома ближе к флигельку. Мы ожидали с ужасом момента, когда дом наш и амбар развалятся от землетрясения.

К нам присоединилась мать, её гостья Эмилия Гудович с гитарой в руках и кухарка Васса, продолжавшая на дворе вытирать полотенцем вымытую ею суповую тарелку.

Я со своим приятелем, прачкиным Андрейкой, занюнил, обращаясь к матери: «Скорей бежим на гору! Сейчас нас амбар задавит!»

Но землетрясение не повторилось. Все успокоились, хотя в помещения мы пока не возвращались. Особенно мать запретила всем ребятам подниматься на второй этаж – в нашу библиотеку, боясь повторения страшного подземного толчка.

Прибежавший Вася Хворов сообщил, что соборная церковь треснула; он звал посмотреть и на другие каменные постройки города. Мы толпой бросились к собору, потом к двухэтажному каменному дому купца Шукшина, потом к Богородской церкви; все эти постройки имели от крыши до фундамента чёрные зияющие трещины шириной в два-три пальца. Некоторые кресты на церквах покосились. Мы насчитали около десятка домов, с крыш которых свалились кирпичные трубы. Мы заметили – купол собора тоже имеет трещину...

Возле собора мы увидели собирающуюся толпу народа вокруг большой иконы «Богородицы» и других вынесенных из со-

бора икон. Священник в парчовой ризе перед иконами тенором тянул молитвы, а дьякон размахивал кадильницей, подпевая ему басом.

Окружавшие старушки и женщины в платочках разноголо-со подтягивали двум церковным мужчинам. Эти люди молились Богородице, живущей на небе: «Пе-ре-святая Богородица, моли Бога о нас!» Эта женщина, мать сына Божия, живущая уже более 1800 лет на небе, по мнению молящихся, сможет умолить, уговорить небесного сурового бога не трясти землю, не сшибать печных труб с домов и не разрушать постройки людей-мурашников и в городе Кузнецке, и во всём мире...

Мы, ребята, побежали домой и по дороге встретили сухую, как щепка, старушку, которая часто-часто крестилась и сердито говорила молодому человеку: «За грехи, господь, наказывает, за грехи трясёт господь Бог!»

А молодой человек, улыбаясь, говорил ей: «Бабуся! Ты скажи мне, почему же господь бог разрушает не только дома грешных людей, но и свои храмы божии? Смотри: и собор треснул, и Богородская церковь треснула!»

Старушка быстро закрестилась, отвернулась от молодого человека и засемила к собору, твердя одно и то же: «За грехи, всё за грехи трясёт, за грехи!»

Мать разъяснила нам, что земля наша сотрясается от внутреннего огня, от подземных толчков, так что разрушаются не только дома богачей и бедняков, но и молитвенные дома, церкви всех верований: православные соборы, католические костёлы, протестантские кирки, магометанские мечети, еврейские синагоги. При землетрясении гибнут и злые и добрые люди, старые люди и невинные дети. Разрушения производят слепые силы природы, а не какой-то зрячий небесный бог за грехи людей. Надо больше учиться, чтобы узнать эти слепые силы природы.

Мать порекомендовала нам перенести библиотеку и все наши коллекции из второго этажа на землю – в пароход «Кузнецк», который ни капли не пострадал от землетрясения. И при-

.....

шлось нам снова переоборудовать свою библиотеку, размещая всё имущество по пустым ящикам-ульям и тщательнее устраивая палубу парохода, чтобы дождь не проникал в это новое помещение.

Когда библиотека наша вновь заработала в помещении сухопутного парохода «Кузнецк», Яша Конов предложил отслужить «молебен» в честь открытия библиотеки и благодарность выразить «слепым силам» природы за то, что наш пароход не был разрушен. Яша надел на себя старую клеёнку в виде церковной ризы – фелони, а брат Коля завернул себя в старую рогожку, подпоясался, изображая собой дьякона. Коля Сорокин приделал к жестяной баночке проволоку, наложил в эту баночку углей, поджёг и раздул их, подсыпал щепотку церковного ладана и начал «кадить» этим кадиллом. А Яша завопил тягучим голосом, как церковник: «Пересвятая Богородица, спаси нас! Избави нас от гнуса, потопа, огня и меча, и от нашествия иноплеменников! Ангелы и архангелы, молитесь богу о нас, грешных! Аллилуйя! И во веке веков аминь!»

Пока Яша тянул эту выдуманную им молитву, мы хором в шесть-семь голосов успели проголосить раз десять свой припев: «Господи, помилуй, господи, помилуй!»

Помещение парохода-библиотеки наполнилось густым дымом церковного ладана, так что ребята уже начали кашлять. Яша Конов вдруг сбросил с себя ризу-клеёнку, а Коля швырнул с себя дьяконовскую рогожку, и оба они провозгласили: «Теперь пляска в честь открытия библиотеки!»

И все ребята за Яшей и Колей пустились в пляс, хором крича, размахивая руками, нашу плясовую песню:

«Ах вы, сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,
Решётчатые!»

Так начал работать наш пароходный клуб. Опять начали поступать в него новые пожертвования книгами и разными предметами; Володя Чушев прикрепил к стенке нарисованную им акварельной краской очень похожую нашу Богородскую церковь,

.....

написав под изображением: «Здесь венчался знаменитый писатель Ф.М. Достоевский в 1857 году»; Боря Конов написал акварелью красочное изображение пушкинского Руслана на коне перед огромной головой великана; Паня Тартаков принёс в наш клуб огромные рога сохатого (лося), купленные на базаре у крестьянина за пятнадцать копеек; два подгорника приволокли в наши коллекции белый гладкий пудовый камень и рассказали, что этот камень является победителем тридцати пяти камней, с которыми этот камень бился три дня на берегу реки Томи; камень принадлежал подгорнику Сёмке, который и просил своих двух товарищей сдать камень в пароход «Кузнецк».

Приносились ребятами в наш клуб всяческие новости. Например, Федя Верёвкин, живший недалеко от арестантского острога (внутри городской крепости), сообщил, что вчера ночью из острога-тюрьмы убежал через высокую бревенчатую стену арестант-уголовник Михаил Шапкин. Но пуля часового-солдата настигла беглеца на дне оврага, где арестант нагнулся к ручью напиться воды. Мы пожалели убитого Шапкина, когда Федя сообщил, что преступление Шапкина заключалось только в поджоге двух стогов сена и большого хлебного склада одного из богачей Пензенской губернии, причём схваченный Шапкин успел ранить ножом одного из сторожей богача. Как не жалеть было убитого, когда ему в день неудавшегося побега из тюрьмы, в этот день смерти исполнилось только 23 года!

Когда я сообщил, что мы с Кеной Коновым дня три назад видели, как звезда в девять часов вечера упала где-то у реки, а вчера вечером я видел, как звезда передо мной медленно вползла из-за крепости, из-за горы на середину неба и над моей головой погасла, Андрюша Чушев и брат Валя сказали, что это были падающие небесные камни, а не звёзды. Отец Андрюши был учителем математики и географии, и все ребята Чушевы знали хорошо, что звёзды не могут упасть на нашу землю. Тогда мы с Кеной задали вопрос Андрюше: «А что находится за звёздами?»

Не успел Андрюша Чушев ответить на этот вопрос, как в разговор вступил прачкин восьмилетний Андрейка: «Нам говори-

ла мамка, что на небе в звёздах живёт бог, а за звёздами сделана большая-большая стеклянная стена!»

Андрюша Чушев твёрдо заявил: «За звёздами ничего нет. Там только одни звёзды! Никакой стеклянной стены там нет!»

Сидевший на скамейке Вася Корчев, сын сапожника, привскочил на месте и почти крикнул: «Когда звезда летела кверху, это значит, душа вознеслась на небо!»

Сын мясника восьмилетний Коля Носов мечтательно протянул: «А где теперь эта душа? Что там есть на небе?!»

Вася Трофимов, сын белошвейки, прямо сказал: «Там ничего нет! Пустота!»

Тогда Андрюша Чушев громко и солидно заявил: «Я же сказал вам, что на небе нет пустоты, а есть миллионы звёзд, больших и маленьких, и даже есть там кучи звёзд».

Но Вася Трофимов не сдавался, заявив скороговоркой: «А за звёздами пустота!»

Ему ответили: «А что за твоей пустотой? Ведь есть же конец этой пустоте?!»

Андрюша Чушев пояснил: «За пустотой опять разные звёзды, а за ними опять пустое пространство и опять звёзды! Потому что так учёные люди видят глазами всё небо!»

Тогда прачкин Проня не выдержал и в упор Андрюше задал свой вопрос: «Ну, а где же находится бог и все святые, и все ангелы?»

Несколько голосов сидящих в пароход-библиотеке ребят заговорили, прерывая друг друга: «За звёздами находится бог и все святые»...

«Нет, там пустота, а святые проживают на звёздах!»

«Правильно, там рай небесный, там миллионы святых душ, там добрые души».

«Да брось ты! Какой рай? А за раем что?»

«А за раем особое пространство, где в огне неугасимом вечно горят грешники – это ад небесный!»

«Ну, а что, братцы, за этим адом?»

«А там опять пустота без конца, там уж совсем ничего нет!»

Брат Валя, терпеливо слушавший выкрики ребят, спокойно возразил: «Нет, ребята, вы же ничего не знаете. Чтобы знать небесную глубину и что находится за звёздами, надо изучить науку астрономию. И никто пока не видел, в каком месте восседает на небе Бог-отец или находится Бог-сын, или летает Бог-дух».

Яша Конов, ученик первого класса гимназии, авторитетно заявил: «У нас в Петербурге за городом Пулковская обсерватория изучает небо, солнце, луну, звёзды и кометы. Мы сами в нашу небольшую гимназическую трубу видели вечером на небе звёзды, которых глазами без трубы не видели. Учитель нам сказал, что конца неба нет».

Никто из ребят не посмел возразить брату Вале и Яше Конову – самым начитанным мальчикам нашей компании. Только серьёзный Коля Сорокин задумчиво сказал: «Как бы хорошо посмотреть на небо в большую трубу, увидеть бы тысячи невидимых звёзд! А самое интересное, это то, что мы днём и ночью смотрим вверх, тогда как ночью мы на своём земном шаре ходим вниз головой».

Яша подтвердил слова Коли Сорокина: «Правильно! Если бы земля нас не притягивала, мы бы все ссыпались ночью на звёзды!»

Тут вмешался брат Коля, закричав на Яшу: «Ну, ладно, Янька, довольно говорить о звёздах! Айда все купаться! Пора закрывать библиотеку!»

Клубная беседа оборвалась. Мы все высыпали из парохода и, крича и толкаясь и прыгая, бегом ринулись к реке.

ГЛАВА XVII РЕКА ТОМЬ И ЕЁ ВОСПИТАННИКИ

Бушевал, воевал ледоход на Томи да и кончился. Апрельское половодье бурлило, разливалось, топило всё вокруг. Томь разлилась и по низкому левому берегу. Томь торопила и гнала свои воды по узкой Иванцевке, затопляя низины и канавы Топольника, подмывая корни и сваливая старые многолетние тополя.

По разлившейся полноводной Иванцевке подошёл к береговой кромке Кузнецка новый весенний гость из Томска – пароход «Чулым». Дня два или три кузнечане считали своим долгом побывать на пристани, чтобы взглянуть на дорогой, хотя и кратковременный подарок томской культуры кузнецкому захолустью. А нашему ребячьему народу не надоедало часами глазеть на этот водяной дом.

И вот пароход «Чулым» отчалил от берега, и его колёса весело побежали по воде, шлёпая плицами. Прощальный гудок гулко пронёсся по Топольнику. Сотни кузнечан провожали томского гостя, махая руками, платками, фуражками...

Иванцевка начала убывать, так как её обессиленная мамаша Томь уже не могла питать свою дочь полноводным весенним богатством своих потоков. Иванцевка день за днём начала убывать. Скоро вода так обмелела, что городские водовозы со своими бочками стали ездить за водой через Топольник к реке, где вода была чище весенней иванцевской воды. Наконец, течение Иванцевки прекращалось совсем узкими перешейками, и водой были наполнены только большие и малые впадины, ямы, углубления в русле этой бывшей бурно-весенней протоки. Получались отдельные озёрки и обширные лужи, глубокие и мелкие водоёмы весен-

ней стоячей воды.

С этого-то времени и начинался наш купальный сезон, заключавший в себе дни мая, июня, июля и августа, продолжавшийся до 16 августа, когда кончались каникулы и мы садились за парты по своим школам. Но в тёплую погоду мы купались в Томи и до 15 сентября.

Около реки мы росли, крепили, развивались. Мы на реке воспитывались не только физически, но и познавали друг друга, это пробуждало в нас чувства дружбы и товарищества...

Вот наша ватага высыпала из своего сухопутного парохода «Кузнецка» и с криками, свистами пустилась рысью по Соборной улице до собора. К нам присоединяются ребята соседних домов и переулков. Нас набирается десятка полтора-два. Мы подбегаем к собору, и тут кто-то кричит: «По дороге раздеваться!»

Мы на ходу стаскиваем с себя рубашки и штаны, оставаясь голышами. Никаких трусов, никаких плавок мы не ведали, а летели к реке нагишом, настоящими австралийскими или полинезийскими дикарями.

Жаркое солнце обжигает наши лица и груди, тогда мы представляем солнцу наши спины и бока, пробегая метров сорок пять вперёд. Но вот спасительная тень Топольника даёт нам на четыре-пять минут прохладного пробега, и – мы на галечно-песочном пляже нашей быстрой и всегда прозрачной, как хрусталь, родной Томи.

Подумаешь об этих прошлых детских, отроческих годах, и станет жаль ребят, которые не могут в своё утро жизни строить, играя, творить своё детское счастье, выдумывать себе свои радости или не могут вместе с товарищами-друзьями забываться в играх, вырастать на лоне природы рядом с лесом, полем, у реки, у озера, у моря.

Нам восемь, девять, десять лет, мы рассыпаемся по берегу реки, мы начинаем прежде всего «бой камней».

Каждый из нас выбирает себе противника, чтобы «биться на камнях». Каждый ищет себе самый крепкий камень, чтобы раз-

бить камень противника.

Я обеими руками поднимаю свой булыжник над головой и со всей силы бросаю этот биток на лежащий среди мелкой гальки камень-биток Андрейки. От моего камня отлетает осколок, а камень Андрейки невредимо цел. Я побеждён и отхожу в сторонку.

На берегу трещат, стучат и лопаются от ударов ещё пар десять чёрных, белых, красных, пёстрых, разных форм и разновесных речных булыжников.

Победителями первого, парного соревнования оказались самые старшие братья: брат Коля, Яша Конов, Проня Сорокин, Андрюша Чушев, Вася Трофимов, Коля Петров и подгорник Семён Игнатов (по прозвищу «Сёмка»).

Эти более опытные ребята смогли найти среди прибрежных камней и даже среди подводных на дне реки такие битки, которыми они разбили камни своих противников. Тогда эта семёрка вступила в бой друг с другом, и победил всех противников булыжник Васи Трофимова.

Булыжник Васи представлял из себя почти шарообразный

Кузнецкий тюремный замок.
Фото 1900-х годов

гладкий красного цвета камень, о который остальные ребята разбили все свои отборные булыжники. Когда Вася бил своим камнем битки противников, от всех камней летели брызги, небольшие осколки или камни получали трещины... Решено было камень Васи притащить в сухопутный пароход «Кузнецк» – для поединка между этим красным победителем двадцати камней и белым камнем, победителем тридцати пяти камней, лежавшим в библиотеке нашего парохода.

Азартный Яша Конов тут же заявил, что если победит белый камень, то он охотно уплачивает подгорникам, владельцам камня, гривенник. Подгорник Сёмка, в свою очередь, обещал в случае победы красного над белым камнем купить Васе Трофимову арбуз на воскресном базаре города.

Полтора десятка голых ребят растянулись на прибрежном песке, подложив под головы свою скомканную «одежонку». Это называлось «сделать передышку».

Через пять минут брат Коля вскакивает с места с гиком: «Янька, Пронька, Петька, Колька – в воду!» Он бросается к реке на причаленный у берега крепко связанный плот и первым ныряет в воду. За ним с не меньшим ухарством ладонями рук над головой ныряют его дружки, а за ними шлёпаются в реку кто ногами, кто грудью, кто садясь на воду, остальные наши водяные сорванцы. Вода кипит...

Мы с Андрейкой Сорокиным и Кеной Коновым бросаемся наперегонки и плывём «по-собачьи», а потом на правом боку, на левом боку. Ребята постарше меряют водяную гладь «на саженках», выбрасывая поочередно руки вперёд и усиленно работая ногами. Потом человек восемь-десять становимся в ряд и по команде «раз-два-три» устремляемся против течения нашей быстрой Томи с криками: «Кто вперёд до плота?! Дружно!»

До первых брёвен плота надо преодолеть течение реки примерно двадцать метров, почему первыми хватаются за брёвна и вылезают на плот Коля, Яша, Андрюша Чушев, Проня Сорокин, а мы выбиваемся из сил и, не доплывая до плота, становимся ногами на галечное дно реки.

Петя Чушев зовёт проплыть на спинке, не сплывая с места, выровнявшись в один ряд. Вася, Витя, Андрейка, Кена и ещё трое – все мы пытаемся удержаться в ряду соревнующихся, но быстрота течения то и дело сносит нас назад. Только Васе с Витей удаётся преодолеть быстрину реки и плыть на спинке «ухо в ухо».

Потом начинается упорное состязание с плота в нырянии на дальность расстояния. Течение быстрое, но судьи должны отмечать штрафные неудачи ныряющих, например, всплытие на поверхность, хватание друг друга за ноги. Тот побеждал, кто всё время находился на глубине и ни разу не показывался на поверхности воды. Победителем в нырянии оказался Проня Сорокин, нырнувший однажды на пятьдесят метров, потом на 51 метр. Брат Коля нырнул на 40 метров.

Задание на длительность спокойного сидения под водой без движения выполняли: Сёма-подгорник (50 секунд), Проня Сорокин (45 секунд), Андрюша Чушев (40 секунд) и Вася Корчев (35 секунд); остальные не дыша просиживали 25-20-15 секунд. Се-

кунды отсчитывал брат Валя и Коля Сорокин, сидя на берегу, выстукивая свои секунды ударами булыжника о булыжник. Рекорд Семьи-подгорника решено было записать на четвертушку бумаги, и эту запись вывесить в нашем сухопутном пароходе-клубе «Кузнецк» рядом с листом, на коем значилось, что Проня Сорокин нырнул такого-то числа на 72 шага.

Коля Носов, Петя Чушев и Боря Конов поспорили о том, кто сделает больше погружений в воду, стоя на одном месте по грудь в воде. Надо с головой погружаться, приседая в воду, быстро выскакивать из воды, быстро выдохнув из лёгких воздух, вдохнув порцию чистого воздуха, опять уйти под воду с головой... Человек десять начали эту водяную присядку, и вода вокруг запенилась и закипела.

Мне удалось без остановки сделать десять погружений-прыжков из воды, а Вася Трофимов, сделав шестнадцать «подскоков» из воды, бросился в изнеможении на мелкое место – у берега. Эти упражнения считались детскими пустяками и забывались каждый раз.

Так как старшие ребята вновь растянулись на песчаном берегу, мы, девятилетки, решили несколько минут «поесть блинов», то есть тоненькими плиточками, кидая их в воду, рисовать на быстром течении реки точки их скольжения; каждое прикосновение плитки к воде считалось за один съеденный блин. У нас так выходило, что каждый «съедал» пять, шесть и семь блинов. Но вот Проня Сорокин не выдержал и, соскочив с горячего песка, разыскал себе тоненькую плиточку и с возгласом: «Вот как едят блин» – кинул свою плитку на поверхность реки. Плитка Прони как бы поплыла над водой, сначала делая редкие прыжки, и медленно в конце пути, скользнув аршина два, ушла под воду. Это значило, что Проня был блинами «сыт по горло». Андрейка, хвастаясь своим умением, бросил свою плитку так, что она сразу же при общем смехе плюхнулась в воду, с плеском провалившись на дно реки.

Яша Конов провозгласил: «Телеграф под водой! За каждую отгаданную песню даю мятный пряник, а за решение задачи даю трёхкопеечную конфету – «косхалву» – тянучку!» Яша сел в воду

по горло и начал выстукивать двумя камнями под водой редкие и дробные удары. Отгадчики должны были окунуться в воду за десять-пятнадцать метров от Яши и по ритму ударов камней угадать, какую песню выстукивает под водой Яша. Первыми уселись в ряд Проня, Коля, Петя Чушев и Витя Крейтер, и телеграф под водой заработал. Судьями-наблюдателями вызвались Коля Сорокин и брат Валя.

И Яша начал выстукивать под водой первую песню, как только четвёрка отгадывателей по команде Вали нырнула головами в реку, стоя в ней на коленях.

Яша выбивал: «стук-стук, стук-стук, стук-стук-стук; стук-стук, стук-стук, стук-стук-стук».

Вся четвёрка ребят одновременно выныривает из воды, пыхтя и отдуваясь, каждый кричит: «Чижик, чижик!» Судьи при-

знают отгадку правильной, и Яша, выбравшись из воды, достаёт из кармана своих штанов деньги, раздаёт по копейке всем отгадчикам, прося их купить себе на базаре пряники.

Теперь предстоит решить задачу, считая каждый редкий удар камнями за единицу, а при двух частых ударах – за плюс, причём следует отгадать сумму трёх чисел. Яша готов. Судьи следят. Четверо ребят, набрав в лёгкие воздух, окунаются в воду и слушают подводные звуки ударяемых камней. Яша выстукивает задачу: «четыре плюс шесть плюс пять». Не выслушав под водой до конца всех выстукиваний Яши, из воды выскакивают все четыре головы с красными лицами и вытаращенными глазами от напряжения. Коля обрушивается на Яшу с упрёками: «Ты, Янька, не жульничай! Мы полчаса не можем сидеть под водой. Ты считай чаще и бей камнями счёт громче!»

Судьи объявляют, что трёхкопеечная награда пока никем не выиграна. Вся четверка вновь ныряет под воду, а Яша почти трещит, выбивая общую сумму – 15 единиц. Но ни один ныряльщик не смог правильно повторить три числа задачи и назвать общую сумму подводных звуков-ударов камнями.

Тогда Яша обещает дать десяток бабок-копеечек тому, кто под водой услышит его удары камнями на самом дальнем от него расстоянии. Желавших заполучить десяток бабок оказалось восемь ребят, которые бросились по течению реки от Яши метров на сто. Самым далёким от Яши оказался Витя Крейтер – мальчик с тонким музыкальным слухом, певчий своего школьного хора. Брат Валя, судья этой игры, поднял свою правую руку, все ребята исчезли под водой, а Яша три раза стукнул своими подводными камнями. Трое сидевших под водой слушателей, вынырнув, заявили, что они слышали один удар-стук, ещё трое утверждали, что Яша ни разу не ударил камнем о камень. Володя Чушев заявил, что он слышал три удара; это же количество подводных стуков утверждал и Витя Крейтер, самый дальний слухач от Яши. Судьи присудили десять наградных бабок Вите, и Яша обещал ему выдать награду полностью по возвращении домой.

Проня Сорокин кричит: «Ну, ребята, теперь давай воду стро-

гать! Становись стенка на стенку! Со мной Коля, Яша и Андрияша, а все шестеро против нас! Начинай!»

Четвёрка самых крупных ребят становятся по грудь против течения реки, а наша шестёрка на десяток шагов выше, и начинается «строгание» воды. Одной или двумя ладонями рук мы как бы «строгаем» поверхности воды, посылая в противника тонкие колючие водяные струи в грудь, в плечи, в глаза. Это настоящая «стрельба водой». Наши противники сильнее, чем мы, хлещут нас режущими струями. Мы почти выдыхаемся от усталости, начинаем повёртывать свои спины, один из нас ныряет, другой обращается в бегство от четвёрки бойцов-«строгальщиков».

И вдруг за нас заступаются другие четверо крупных бойцов, и с криками: «Топа эту четвёрку в реке» – мы целым десятком набрасываемся на Колю, Проню, Яшу и Андрияшу Чушева. Это за нас заступились великовозрастные Ена, Коля Петров, Коля Сорокин и Аполлончик. Мы подсакиваем к противникам на пять шагов, на три шага. Мы не только «строгаем» воду, но прямо зачерпываем её горстями и пригоршнями. На четвёрку обрушиваются фонтаном и ливнем сверху ведра воды. Яша кричит, что сражение идёт «не по правилам». Ему в ответ летят струи, брызги и целый поток воды. Он поворачивается к нам спиной и ныряет от нас в сторону. Коля Сорокин напускается на своего брата Проню и кричит: «Все на Проньку, не давай ему передышки!» Через десять секунд и Проня показывает нам свою спину и нырянием удирает от нашей десятки ребят в сторону. Оставшись вдвоем против десяти противников, Коля и Андрияша спасаются от нас быстроходным стилем «брасс». Гомерический хохот победителей и всех наблюдателей на берегу далеко несётся по реке.

Потом мы упражняемся в подныриваниях под углы плотов, под стоящие недалеко от берега купальни зажиточных кузнецких горожан. Брат Валя, нырнувший под купальню, запутался в высоких козлах, на которых были утверждены рамы и стены купальни. Течением реки его прижало к двум ножкам этих козел, и он напряг все силы, чтобы вырваться из ножек, даже до крови поцарапав себе спину. Он выскочил из воды с выпученными глазами, откашли-

.....

ваясь от проглоченной воды и запыхавшись сообщил, что он «чуть не утонул, застряв в козлах-стояках купальни», что у него «уже потемнело в глазах», что «он, наверное, проглотил стаканов пять воды», что «он накрепк последние свои силы», что у него «мелькнула мысль о смерти».

Чтобы рассеять впечатление о своём утопании и прогнать нервную дрожь от испуга возможной смерти, Валя схватил из кучи своей одежды белые кальсоны, завязал концы штанин узлами, застегнул все пуговицы, взмахнул штанами над головой, чтобы набрать в них воздух, хлопнул ими по воде, образовав два пузыря, лёг меж пузырями на живот и крикнул: «Догоняшки на пузырях!» Он хлопнул по плечу Володю Чушева и быстро отплыл от него по течению реки. И вскоре на поверхности воды запрыгали и завозились белые и даже розовые пузыри ребячьих подштанников. Эта игра в салки-догоняшки была забавной и живой, требующей от ребят умения плавать и сноровки – «на ходу» «строгать воду», «стрелять водой» по догоняющему мальчику. Да и пузыри часто выпускали из себя воздух, и приходилось плавать и барахтаться в воде без них...

Надоели догоняшки, и начиналась всеобщая потасовка взаимных обливаний, брызганья, хватаний за ноги, за пузыри, возни в воде и под водой.

Во время передышки-лежания на горячем песке брат Валя повествовал о том, как в быстрой, неширокой, но глубокой протоке между Топольниками и основным руслом Томи он прошлым летом чуть не утонул. Оказывается, правую ногу Вали стянула судорога, он растерялся и начал захлёбываться водой, хлопая беспомощно руками; он даже погрузился в воду, но вместе с ребятами там купались солдаты; и вот один из солдат, по фамилии Забродин, плывший рядом с Валей, схватил Валу левой рукой за волосы и, загребая воду правой рукой, быстро подплыл к берегу протоки. Валя отделался испугом да питьём воды...

Да, мы хорошо изучили все повадки и капризы нашей реки Томи, притоки её у Топольника и протоки Иванцевки. Мы знали все глубокие и мелкие места, все быстрины, вымоины, ямы, отме-

.....

.....

ли и перекаты на километр выше и километр ниже нашего излюбленного пляжа и бульжной россыпи камней, обкатанных рекой и пригоняемых сюда к Топольнику весенним половодьем. Мы твёрдо выполняли поговорку: «Не зная броду, не суйся в воду».

Как раз не захотели знать этого золотого правила купанья и нырянья пришедшие к Томи во времена нашей передышки солдаты городского гарнизона. Трое из них гольшами начали купать своих коней, а человек десять с шумом, гамом, с присвистом кинулись в прохладные воды нашей Томи. Коля, Проня, Яша мигом очутились вместе с солдатами в воде. Схватившись за хвосты плывущих лошадей, ребята с наслаждением ныряли и выныривали, пока солдаты плавали верхом на лошадях. Это называлось «прокатиться за казённый счёт».

Выкупанные солдатские лошади были привязаны к молодым тополям, и все три конюха бросились купаться, отдыхая от забот о лошадях. Самый смелый ринулся вперёд, зовя других на переплыв реки: «Вперёд, за реку!»

За смельчаком поплыли на другую сторону реки все остальные его товарищи. Мы кучкой собрались на пляже и с напряжением и любопытством наблюдали этот смелый солдатский переплыв. Мы сами никогда не переплывали в этом месте реку, так как у обрывистого противоположного берега течение реки ломалось, и пловца относило быстринной течения сразу на середину. А это было очень опасно, так как утомлённый пловец должен был держаться на воде ещё с полкилометра... И вот мы видим, что все солдаты, кроме одного, уже стоят на другом берегу реки, а один из них не переборол быстрины, и его понесло к середине реки, уставшего, обессиленного... Бедняга уже начал звать на помощь: «Помогите, помогите!»

Один из солдат с другого берега, по фамилии Белов, бросается в воду спасать товарища, но его тоже завертело течением и понесло на середину Томи. Кто-то из ребят крикнул: «Они утонут оба! Надо их спасти!» И, не теряя ни минуты, Проня, Коля, Ена Тартаков вскочили в привязанную у плота большую лодку, схватили единственное в ней весло и отвязавшись пустились догонять

.....

двух уплывающих вдаль солдат. Проня сел с веслом на корме, а Коля с Еной выломали две узеньких дощечки из лодочных скамеек и как вёслами стали помогать Проне грести к солдатам.

На берегу все замерли от ожидания – спасут ли эти голые ребята двух уносимых быстрою рекой солдат. И вот мы видим, как Белов подплывает к тонущему товарищу. А утопающий хватается обессиленными руками за своего спасителя. Белов знает, что товарищ повиснет на нем цепким мёртвым грузом, что он утопит его, не давая правильно грести руками и работать правильно ногами. Спасаящий отталкивает от себя обезумевшего от страха смерти утопающего и хватает его левою рукой под мышку, а правой загребаёт воду, торопясь скорее к берегу. Проходит страшная минута... утопающий глотает воду, дёргается, почти вырывается от Белова.

Лодка с тремя ребятами подходит к почти тонущим солдатам. Ена Тартаков придерживает утопавшего солдата у борта лодки, пока Белов через корму не выбирается из коварной быстрины реки. Потом осторожно втаскивается в лодку и чуть не утонувший солдат по фамилии Храпов.

Пока лодка подплывала к нашему берегу, все солдаты с другого берега успели переплыть назад. Солдаты горячо благодарили Проню, Колю и Ену за находчивость и быструю помощь их тонущим товарищам.

Ена разъяснил солдатам, что через Томь нельзя переплывать здесь от плотов и купален, что следует забежать по нашему правому берегу сажен на полтора (метров 300) и тогда заходить в воду и плыть на другую сторону. С криками – «на ту сторону», «в переплыв», «за пучками» – Проня, Коля, Яша, Боря, Петя и мы с Андрейкой пустились во всю прыть по галькам. За нами побежали три солдата и ещё человек пять ребят, так что галька зашуршала, зашумела, полетела брызгами от наших твёрдых, загрузелых пятток. Пробежав берегом метров триста, наш передовой бегун Проня Сорокин сворачивает в сторону реки, разбрызгивая воду, вприпрыжку устремляется в глубину реки. За ним скачут Коля, Яша, и все мы гуськом начинаем погружаться в прозрачные струи, с опаской поглядывая в воду, изучая дно реки направо от нашего пути.

Дело в том, что мы идём уже по грудь и даже «по шейку» намытым песчаным «перекатом» реки, и справа от нас виднеется тёмный обрыв дна.

Почти одну треть русла реки мы идём «бродом», чтобы не тратить лишних сил на «переплыв». Кроме того, мы знаем, что быстрое течение отнесёт нас далеко на середину реки, если мы начнём свой «переплыв» от плотов или от купален, как это делал солдат Храпов.

Но вот наша мель перекатная кончилась, и вслед за жоками мы поочередно идём через реку в плыв. Переплыть две трети русла мы успеваем до того опасного места, когда течение, ударившись о берег, должно тащить нас, как солдата Храпова, на середину реки.

С криками «ура» на берег выбегают из воды Проня, Коля, Яша, все ребята и наши три попутчика-солдата.

Коля, Петя Чушев и Вася Корчев кинулись в прибрежные кустарники и на ближайšie полянки этого заливного берега Томи разыскивать наши любимые съестные «пучки». Так мы называли зонтичное растение, именуемое в ботанике «герacleум сибирский», а по-народному «борщовка». Ствол этого высокого растения достигает метровой высоты и покрыт всегда короткими волосками. Надо быстро сломать пучку, ободрать волосатую кожу со всех сторон трубчатого стебля и с наслаждением – особенно в жаркое время дня – пожирать эту мягкую сочную зелёную сладковатую дудку, отбрасывая все листья и верхушки-зонтики растения.

Наевшись пучек, накупавшись в тёплых «заречных» лужицах, нагретые горячими лучами солнца мы с криками «домой», «назад», «нас догоняют волки» бежим к реке.

И вновь вся наша вереница гольшей забегает берегом метров триста вверх по течению реки, чтобы нас в плавании не снесло вниз мимо плотов и городских купален. Первым заходит в воду Проня Сорокин, держа в зубах две длинные пучки для брата Андрейки, который струсил с нами плыть через быструю Томь, а пучки были лакомой его закуской в любое время дня и ночи. За

Проней шагов десять делали и остальные все ребята и трое солдат. Потом один за другим все бултыхались в глубину реки и пускались вплавь, кто по-собачьи, кто «на саженках».

Быстрое течение сразу же относило пловцов влево вниз, и, конечно, три солдата быстро опередили Проню и всех ребят. Пыхтя и отдуваясь, иногда со страхом взглядывая в тёмную глубину реки, мы зорко смотрели за всеми предметами на нашем родном берегу, стараясь плыть наперерез течению. Нас быстро сносило течением вниз.

Я плыл почти рядом с Петей Чушевым, который был слабее меня и на суше, и на воде. Плыл я по-собачьи, подгребая руками под себя воду и учащённо работая ногами. Я видел, как солдаты, Проня, Коля, Яша, Боря, Вася уже достали ногами дно реки и выходят к берегу. За ними кончили свой «переплыв» и все другие ребята. Я замечаю, что мы с Петей проплыли и все плоты, и все купальни. Мой спутник тяжело фыркает и начинает ртом хватать, выплёвывать, захлебываясь, воду. Я подплываю к Пете и спрашиваю:

– Петька, ты устал? Давай к берегу!

Вместо ответа Петя погружается в воду, набирает полный рот воды, кашляет, торопится руками удержаться на воде. Я понял, что без меня мальчику не добраться к берегу. Я подхватываю Петю под правую мышку, усиленно работаю правой рукой и барабаню по воде ногами. А по берегу бегут навстречу нам ребята с криками: «Давай сюда! Плывите на нас! Вас сносит!...»

Петя, выпучив глаза, глотает воду, дёргается, кашляет. Через несколько секунд я пальцами ног нащупываю на дне реки гальку. Через три секунды глубина становится «по горлышко», а ещё десять секунд – и мы с Петей бредём по гальке против течения – нам «по колено». Усталого, обессиленного Петю я веду из реки на берег. Старшие ребята делают нам с Петей выговор: «Вы же, балбесы, плыли не наперерез, а глазели на купальни – вот вас и отнесло течением! Дурачки!»

Между тем группа солдат уже перестроилась по трое. Дана команда: «Шагом арш!» Запевала начал маршевую песню: «Вдоль

да по речке, речке по Казанке, серый селезень плывёт». Солдаты, освежённые купаньем в серебряных струях нашей родной Томи, лихо подхватывают припев: «Сашенька, Машенька, Поленька, Наташенька, серый селезень плывёт». В такт песне стучат по Топольнику солдатские каблуки.

К солдатам сзади пристраивается вся наша ребячья босоножая команда. Мы вместе с группой солдат звонкими голосами подхватываем припев песни, и наш общий хор песенников вступает в город и на Соборную улицу, вызывая приветственные улыбки горожан и горожанок города Кузнецка.

ЧАСТЬ III

ГОДЫ ОТРОЧЕСТВА

ГЛАВА XVIII

НАША БОРЬБА С СУЕВЕРИЯМИ

Наша мальчишечья компания Булгаковых, Коновых, Сорочкиных, Чушевых и других школьников нагорной части Кузнецка не только оглашала криками и свистами городские улицы и переулки. Мы не только делали походы в поля за ягодами, тростниками, цветами и занимались ловлей жуков, бабочек и даже ласточек по холмам за крепостью. Не только наша родная река Томь кипела от наших ребячьих кувырканий, ныряний и всяких водных соревнований. Солдатские песни, распеваемые нами, тоже иногда нарушали тишину нашего трёхтысячного городка.

А бывало и так, что ни одного сорванца из нашей нагорной спаянной, дружеской ватаги часами не было видно на нашей Соборной улице. Это обозначало, что все мы, человек пятнадцать, собирались в нашем клубе на дворе в сухопутном пароходе «Кузнецк», приходя туда за книжкой или для встречи со своими товарищами.

Тут и начинались разные беседы и споры по разным ребячьим вопросам. Входит, например, в паром сын сапожника Вася Корчев и с волнением заявляет, что вчера вечером умерла его бабушка Настасья, так как за день до смерти на крышу их маленького домишка прилетала старая ворона, подолгу сидела на крыше и всё время каркала. Вася говорит, что три раза пришлось ворону спускаться с крыши камнями, но противная ворона успела три раза наворожить смерть бабушке Настасье.

– Это она накликала смерть, – подтвердил Коля Носов. – Эти

вороны всегда каркают к беде, проклятые, да цыпляют таскают.

Брат Валя с усмешкой спрашивает Васю и Колю:

– Почему же у нас в семье никакие вороны не каркали, когда умер папа, и потом, когда умерла сестра Лена? Почему эти вороны почти каждый день теперь у нас каркают, сидя на деревьях, сидя на крыше дома и даже на амбаре и на флигели, где мы живём? Вера в этих ворон – это суеверие. Только тёмные люди верят в эти приметы!

Но тёмных, суеверных ребят сразу трудно в чём-нибудь убедить, и они задорно начинают бросать Вале, Андрюше Чушеву, Яше Конову самые дикие, суеверные вопросы, самые невежественные народные приметы.

– А когда сорока стрекочет, это она гостей ворожит! Обязательно гости будут! Правильно?

– А вот когда попа церковного встретишь, ведь верно обязательно какая-нибудь болезнь или беда будет?

– А вот нечаянно идёшь за гробом, когда несут хоронить покойника – быть большой беде! Правильно?»

– А попробуй поздороваться через порог двери или соль просыпать на столе – ссора будет!

– А разве не знаете, что если правая ладонь чешется, то обязательно потеря будет или убыток? А левая ладонь чешется – к прибыли, так же, когда в чашке чая у тебя длинная чайинка плавает!

– А разве бабушка Настасья неправильно меня учила, что левую ногу обувать вперёд правой грешно?

– А мой дед Пахом Носов сказал, что я родился в новолуние и поэтому буду жить до ста лет!

– А бабушка Настасья прямо говорила, что без бога – ни до порога, а с богом хоть за море! Скажете – неправда? Скажете, что врала бабушка Настасья?

На последний вопрос Васи Корчева Яша Конов вспыхнул и ответил своими двумя вопросами: «А почему же солдат Храпов

.....

имел на шнурке крест на шее да ещё перекрестился, когда поплыл через Томь, а течение реки его унесло вниз и он начал тонуть – ведь он был с богом? Ну, ладно – это одно. А ты спроси свою бабку Настасью или своего деда Пахома ответить на такой вопрос: может ли бог сделать такой камень, который ему не поднять?»

Вместо ответа на вопрос Яши Проня Сорокин указал на то, что в их семье скоро будет смерть, как у Васи Корчева, так как прачка Марфа даже двумя камнями не спутнула со своей крыши каркающую ворону. Проня грустно добавил, что его мамке чудились ясно даже слова этой паршивой каркающей вороны: «Беда, беда, беда!»

Володя Чушев успокоил Проню Сорокина указанием на то, что эти каркающие вороны садились на все крыши домов и амбаров города Кузнецка, что их предсказания будут сбываться в разные сроки: для одного дома через месяц, для другого – через год, для третьего – через пять лет. А так как в вашей семье стариков нет, то вы должны ожидать прихода первой смерти лет через двадцать, не раньше.

Ребята расхохотались, а Коля прямо отрезал: «Правильно, Володька! Только дураки верят в эти бабьи приметы! Надо плевать на эти приметы и все суеверия!»

Тут Яша Конов настойчиво повторил свой вопрос: «Нет, вы прямо скажите мне, может ли всемогущий бог сделать такой камень, который бы он сам не смог поднять?»

Брат Валя пообещал поговорить о всемогуществе бога с церковным «батюшкой», так как мы, ребята, ещё очень мало учились, очень мало знаем. «А вот о суевериях нам следует подумать; с ними нужно бороться», – добавил Валя.

Самый старший из нас, сын военного фельдшера Ена Тартаков, предложил борьбу с народными суевериями начать теперь же, как только мы разойдёмся по домам. Он предложил всем ребятам действовать смело, ничего не боясь, против каждого суеверия. Надо убедить всех бабушек и дедушек, всех тёток, говорил Ена, на домашних примерах в том, что все суеверия и бабьи приметы – это

.....

.....

ложь и обман и темнота!

Горячий и решительный Яша почти закричал: «Ребята! Соберёмся здесь через неделю в следующий четверг. Пусть каждый доложит, как он боролся с народными приметами и суевериями. А как раз послезавтра будет праздник «Троица», а после неё «Духов день». В этот «Духов день», говорят в народе, земля бывает именинницей, и поэтому большой грех ранить землю, то есть рыть, копать, вбивать в землю колы, даже плевать на землю. Я предлагаю всем ребятам в этот «Духов день» сделать в огороде своём одну грядку, а в грядки с горохом наткнуть палок для поддержки выющихся стеблей и ещё что-нибудь!»

Брат Коля горячо поддержал Яшу. «Моя бабка, – добавил Ена, – говорит, что по утрам грех песни петь, так как ещё церковная служба не кончилась. А я как раз люблю спеть и молитву, и любую песню после утреннего чая. Бабка меня вчера так стукнула за первый куплет солдатской песни «За Уралом, за рекой казаки гуляли», что я от испуга и злости убежал в огород и там лихо спел и сплясал «Ах, вы сени, мои сени».

Коля Сорокин закончил беседу обещанием бороться «словом и делом» со всеми глупыми суевериями, порождёнными темнотой народной, явным невежеством.

И вот пришли праздники «Троицын день» и «Духов день», прошла вся неделя от четверга по четверг, и в наш сухопутный пароход набилось человек 18-20 ребят.

Ена Тартаков был распорядителем беседы и давал слово ребятам по очереди, как они сидели на скамейках по кругу всего пароходного помещения.

Первое слово досталось прачкиному Андрейке, который заявил: «Я камнем чуть не сшиб гадину-ворону, которая села на нашу крышу, начала кланяться и каркать, а когда я услышал, что у Верёвкиных воеет щенок на дворе, я прибежал туда и засветил этому щенку камнем в бок. Щенок завизжал и скрылся в сарайную дыру, а Федька Верёвкин запустил в меня камнем, но я быстро убежал домой»...

.....

Ена разъяснил Андрейке, что надо было щенку бросить кусок хлеба, чтобы он не выл, не визжал с голодухи. Потом Ена добавил:

«Ты не вздумай, Андрейка, камень запустить в попа – отца Михаила или в покойника, которого несут на кладбище, ты лучше проводи этого покойника до могилы».

Следующим за Андрейкой выступил с кратким сообщением я, говоря, что у меня три дня чесалась левая ладонь, но никакой прибыли мне не было, а вот у брата Вали чесалась правая ладонь, но вместо убытка или потери он получил от матери целых 16 копеек на покупку книжки Табурина «Ёлка на небе», где говорится о том, как один прачкин сын, вроде Андрейки, был на барской ёлке.

Со мной рядом сидел Петя Чушев, который сообщил, что он всю неделю обувается не с правой ноги, а с левой, а рубаху надевал также с левого рукава, а не с правого. Кроме того, Петя за неделю проводил до кладбища двух покойников, идя с провожающими за гробом. А во сне Петя нашёл на дороге штук двадцать серебряных гривенников и от радости даже проснулся, услышал, что мать его звенела серебряными чайными ложками и посудой на столе. Никакого несчастья у Пети и слёз от серебра во сне не было.

Ена с улыбкой одобрил Петю, сказав ему, чтобы он по-геройски перенёс кучу несчастий и горестей и поменьше бы лил слёзы от своего серебряного сна.

Прачкин Проня Сорокин будто бы нечаянно толкнул на столе за обедом солонку, из которой по столу рассыпалось полстакана соли. Проня ждал хорошего тумака от отца, от брата Егора, ждал, что его побранит за рассыпанную соль строгая, но добрая мать. А она даже не взглянув на Проню, быстро собрала ложкой соль обратно в солонку. Проня через три дня за обедом сказал отцу, матери, братьям и старушке гостье, что он рассыпал соль, а ни ссоры, ни ругани, ни драки у них в семье нет. Значит, из-за таких пустяков стыдно ссориться и верить в эту народную примету. Вся семья Сорокиных ответила Проне смехом, а отец Прони прямо заявил, что он этой глупой примете никогда не верил.

Вася Корчев доложил, что он спросил своего отца, давно ли завелись в их домишке чёрные тараканы. Отец ответил Васе, что тараканов он помнит больше десяти лет. Когда Вася заметил отцу, что эти тараканы по народному поверью приносят богатство, отец так возразил своему сыну: «Вот я скоро буду перестилать свои сгнившие полы и здесь, и в горнице, и кухне, так я сначала скипачу ведро воды да плесну в него керосину и этим кипятком ошпарю по всем углам своё тараканье богатство, чтобы ни одной этой поганой твари не водилось в моей сапожной мастерской». Вася гордо оглянулся на ребят после своего сообщения, как бы радуясь за своего умного отца.

Яша Конов со смехом рассказал о том, как он с длинным кухонным ножом в одной руке и перочинным ножом в другой во время сильного перед дождём вихря гонялся по улице и по базарной площади за пылевыми круговоротами, вздымавшими пыль столбом, и раз десять тыкал своими ножами в эти «кружалки», надеясь проткнуть ножом невидимого чёрта или чертиху... Но никаких следов чёртовой крови на ножах не оказалось. Человек пятнадцать граждан города Кузнецка собрались около Яши, полагая, что мальчик с ума сошёл. Яша объяснил удивлённым гражданам, что он хотел доказать, что никакой «чёртовой свадьбы» нет в этих пылевых круговоротах.

Ена-председатель закончил беседу советом всегда протестовать против всех невежественных утверждений, вроде того, что в правом ухе звенит – к добрым вестям, а в левом ухе – к плохим вестям; что кошка умывается лапкой к себе – это к скорым гостям; что понедельник – день тяжёлый, и никакого дела нельзя начинать в этот день; что таким же суеверием являются все три молебна с иконами у «святого колодца» – о скором дожде – ведь всё равно ни одного дождя не было после этих молитвенных молений-молебнов.

Коля прервал речь Ены и сообщил, что одна женщина на почте назвала разговор почтового чиновника по телефону с соседней станцией бесовским делом. Коля добавил, что в Томске по телефону разговаривают на всех квартирах многие жители, а вот у нас в Кузнецке нет такого телефона, почему эта тёмная женщина

и думает, что телефон – это какая-то чертовщина, бесовское дело.

«Давайте сделаем свой телефон! – вскричал Яша. – Для этого нужно достать тонкий-тонкий тросик, пропитать его воском, а на концах иметь две жестяные баночки или картонные коробочки!»

«Правильно, – сказал Ена, – надо все эти суеверия и веру в чертей разоблачать не только на словах, но на деле!»

Сказано – сделано.

Когда собрание в пароходе закрылось, на нашем дворе часа через два находились Яша и Боря Коновы, Проня Сорокин, Володя Чушев, брат Коля и мы с Андрейкой Сорокиным. Братья Коновы и Володя сидели на курятнике и кричали в небольшую жестяную банку отдельные слова и короткие фразы. Мы с Колей и братьями Сорокиными сидели на покатой крыше навеса (полусарая) и тоже кричали поочередно в свою банку разные слова. А между нами через весь двор висел навощенный тонкий тросик, прикрепленный к днищам банок маленькими узелками, залитыми воском. Это был наш телефон. И нам слышались иногда довольно ясно слова Яши, когда мы прикладывали к своему уху свою говорящую банку. Мы считали, что невежественная женщина, называвшая почтовый разговор по телефону дьявольщиной, была посрамлена.

После нашей беседы о борьбе с суевериями примерно дня через три наша ребячья компания собралась купаться в Томи. Мы начали раздеваться на согретом солнцем песке, как вдруг сверху начали падать капли редкого дождя.

Мы задрали головы кверху и поразились этому природному явлению: солнце светило ярко-ярко и грело нас с левой стороны, а какое-то прозрачное дымчатое облако сорило на нас свои редкие капли дождя с правой стороны.

– Нельзя купаться во время дождя и солнечного света – обязательно утонете! – Эти слова выкрикнул один из ребят подгорников.

– Дурацкие суеверия! – крикнул Яша Конов и, быстро раздевшись, кинулся рысью в хрустальную Томь.

– Долой суеверия! – крикнули за ним Коля и Володя. За

ними последовали ещё около десятка ребят.

Глядя на нашу компанию, в реку кинулись и трусливые ребята. Вскоре этот хилый, редкий дождь перестал. Облачко на небе растаяло. Мы больше получаса наслаждались купаньем в тёплой воде. Мазали друг друга песком, кидались в реку, потом делали передышку, растянувшись на песке. Никто, конечно, не утонул.

Яша выскочил из воды последним и как торжествующий петух, закричал:

– Кто утонул? Где утопленник? Мы посрамили глупое суеверие!

ГЛАВА XIX БОСОНОГИЕ ОРУЖЕЙНИКИ

В уездном городе Кузнецке Томской губернии по Всероссийской переписи населения в 1897 году числилось три тысячи жителей.

Воинский гарнизон Кузнецка составляла рота солдат, расположившихся в двух длинных одноэтажных деревянных казармах примерно за полкилометра от последних домиков восточной окраины города. В нескольких десятках метров от этих казарм – вправо от них – располагалось городское кладбище. А дальше к востоку тянулось километров на пять довольно ровное поле. Вот на этом-то поле и происходили воинские учения нашей роты солдат, возглавляемой старым офицером, которого мы, ребята, называли «воинский начальник». Этот командир роты вселял в нас необычайное уважение тем, что он купался в реке Томи в шесть часов утра, когда в ледяную воду, остывшую за ночь, ни один из ребят не осмеливался сунуться. Мы любили купаться, когда вода в реке была нагрета, как «щёлок». И ещё большее восхищение воинский

начальник вызывал у всех нас купанием часов в девять или десять вечера. Он заходил в глубину реки «по горло», ложился на спину, вытягивал ноги, высовывал ладони рук из воды и спокойно плыл вниз по течению реки. Мы специально бегали наблюдать это умение воинского начальника держаться «на спинке». Он плыл вниз как утопленник, не шелохнув ни разу ни рукой, ни ногой несколько десятков метров.

Этому искусству держаться на быстрой Томи, лёжа на спине, мы так и не научились, а просить воинского начальника научить нас плавать так – не решались. А как бы хотелось нам научиться плавать «без рук и ног» на спине по нашей быстрой реке!

Другим офицером кузнецкого гарнизона был Виктор Иванович Михеев. Его прозвали «городской нянькой» за любовь, ласковость и настоящее уважение ко всем нам – ребятам нагорной части города. Виктор Иванович был поручиком, ходил всегда в кителе с погонами, в воинской фуражке, но это не мешало ему приветливо и ласково беседовать с окружавшими его ребятами. Мои братья, братья Коновы, Чушевы, Витя Крейтер и другие – мы всегда льнули к своей «кузнецкой няньке» и гуляли с Виктором Ивановичем и по городу, и к реке, и на городскую крепость. Иногда наша компания сидела у этого поручика Михеева на квартире, и он фотографировал всех нас, фотографировался вместе с нами, дарил нам фотоснимки, весело шутил, смеялся, угощал всех чаем и конфетами. Никаких лекций и наставлений этот милейший одинокий человек нам не читал, но по всем ребячьим вопросам отвечал, насколько сам был эрудирован. Мы никогда не видели, чтобы он хоть раз курил папиросу; к тому же он был трезвенник. У меня осталось на всю жизнь вот такое светлое и радостное впечатление от всех прогулок, посещений и бесед с поручиком Михеевым. И вот однажды он сообщил нам, что через три дня за городским кладбищем назначено учение солдат со стрельбой по целям и что мы, ребята, вполне можем издали полюбоваться этими стрельбищами.

Через три дня после утреннего чая стайка ребят собралась на нашем дворе, чтобы двинуться к месту стрельбища. Утро было солнечное, на небе ни облачка. Так как братья Коновы и Сорокины

пришли босиком, мы с Колей засучили свои штаны до колен и решили тоже идти в этот поход босыми.

Во двор вбежал застенчивый Аполлончик Романов. Так как он был в сапогах, ему указали на необходимость быть похожим на нашу босоногую команду. Аполлончик, всегда спокойный, тихий, какой-то грустный, возражать не стал, снял сапоги, оставив их в сенях флигеля, и улыбаясь присоединился к нам.

Так как ружейных выстрелов ещё не было слышно, наша босоногая компания направилась спокойно в сторону кладбища по Соборной улице. Шли мы довольно беспорядочно, песен не пели, но довольно крикливо и шумно переговаривались. Нас было девять мальчиков: трое Булгаковых, трое Коновых, Проня и Андрейка Сорокины и девятый Аполлончик. По дороге к нам присоединились Вася Корчев и Вася Трофимов.

Когда мы по дорожкам и тропинкам кладбища мимо могил с крестами и памятниками прошли на широкое поле, мы увидели несколько групп взрослых и ребят, смотревших издали на марширующих солдат. Одиночные солдаты были расставлены по полю, охраняя место маршировок и расставленные мишени у подножия холма. У этих караульных солдат были красные флажки.

Проня Сорокин собрал нас в кружок и таинственно сообщил, что после этих маневров, после стрельбища можно подобрать пустые винтовочные гильзы-патроны и смастерить из них самодельные дробовики-пистолеты.

Солдаты начали отходить на свои позиции, чтобы начать стрельбу по мишеням. В роте было по четыре взвода, а в каждом взводе по четыре отделения. Нам пришлось ждать конца стрельбы, когда все шестнадцать отделений должны были выпустить свои пять пуль в далёкие мишени.

Даётся команда, и первое отделение отходит от выстроенной роты солдат вперёд. По команде «ложись» весь этот первый отряд быстро падает на траву, и каждый солдат начинает поудобнее прилаживаться к винтовке, выдвинув её вперёд.

Офицер объясняет стрелкам, что каждый из них должен

стрелять по своей мишени, целиться в чёрный круг на белой доске, стрелять не торопясь, допуская делать по одному выстрелу в одну минуту; через пять минут вся винтовочная обойма должна быть пустой, и по команде «встать» все поднимаются на ноги.

Мишени стояли от стрелков метров на двести; это были двухметровые белые доски, шириной в полметра, а посередине был намалёван чёрный круг диаметром в двадцать сантиметров. Перед мишенями был вырыт неглубокий ров-окоп с земляной крышей, где сидели четыре или пять контролёров с красными флажками в руках.

Как только солдаты первого отделения за пять минут данного им на стрельбу времени закончили палить из своих винтовок, причём палили они довольно беспорядочно, офицер дал команду «встать». Трубочка протрубила «отбой», чтобы сидевшие возле мишеней в окопном укрытии контролёры показали результаты стрельбы каждого солдата первого отделения.

По сигналу трубы контролёры выбежали из своего укрытия и не торопясь подходили к каждой мишени и по числу пулевых попаданий в чёрный круг мишени подымали высоко свои красные флажки. Сразу было видно, что один стрелок попал один раз или два раза, три, четыре, даже пять раз.

Когда отделённый командир записал результаты стрельбы

каждого своего солдата, первое отделение было отведено в сторону, ему было дано приказание: «Вольно!» Все солдаты первого отделения уселись на траву, для них наступил желанный отдых после утренних занятий.

По команде офицера к стрельбе приступило второе отделение. И опять после того, как все пули каждого солдата были выпущены по мишеням, солдаты поднялись с земли и с горячим интересом смотрели в сторону мишеней. Контролёры подымали красные флажки у каждой мишени, а офицер выкрикивал число попаданий в чёрный кружок, называя фамилии стрелявших.

Так, одно за другим все отделения кузнецкой роты показали своё мастерство стрельбы из винтовок по стоящим целям.

После небольшой передышки раздалась команда: «Стройся!» Солдаты поднялись с травы и отделение за отделением составили четыре взвода. Рота стояла «вольно». Командиры взводов проверили наличие солдат повзводно. Оркестр трубачей и барабанщик выстроились перед ротой. Начальник скомандовал: «Смирно! Ружья на плечо! Шагом арш!»

Оркестр грянул известный марш Радецкого. Барабанщик дополнял звуки музыки своими чёткими ударами палочек. Рота прошла мимо нас церемониальным маршем, направляясь к своим казармам.

Панорама Кузнецка. Слева – Государственный спиртовой склад (винный завод) и жилой дом винзавода, в центре – казармы, плац и хозкорпуса Кузнецкой местной воинской команды. Фото 1900-х годов.

.....

Так как охранительные посты солдат с красными флажками тоже были сняты и так как поле стрельбища оказалось пустым, наша компания ребят и ребята из других групп зрителей с криками «ура» бросились к месту стрельбы.

Мы знали, что в траве солдаты часто теряли отстрелянные медные гильзы, не успевая их собрать после выстрелов. Мы начали ползать по траве и шарить руками места нахождения солдат во время их стрельбы лёжа, с колена или даже стоя. Так как магазин солдатской винтовки имеет очень сильную пружину и выталкивает пустую гильзу после выстрела довольно далеко от стрелка, мы обшарили окопчики и траву вокруг них на два-три метра, куда мог закатиться патрон-гильза или быть оброненным солдатом.

Первым закричал радостно Проня Сорокин, потом Яша Конов, а за ними ещё человек пять-шесть; все они быстро сумели разыскать в траве и в пыли окопчика кто один, кто два «патрона», как мы называли эти пустые гильзы.

Мне тоже удалось найти патрон, который показался мне даже горячим от выстрела.

Наша компания мальчиков набрала на месте стрельбища одиннадцать патронов. Другие ребята нашли ещё восемь патронов. Так как время подходило к обеду, мы довольно стройной «колонной» тронулись домой. Поле, кладбище и солдатские казармы, а затем и Соборная улица огласились сначала песней «За Уралом за рекой казаки гуляли, а мы братцы-молодцы налетим орлами», а потом любимой песней «Вдоль да по речке, речке по Казанке серый селезень плывёт».

Перед расставанием по своим домам мы выслушали обещание Прони Сорокина принести подаренный ему самодельный пистолет-дробовик и решили по его образцу сделать себе такой же пистолет, с которым можно ходить на охоту за зайцами, за белками, за болотными куличками, за коростелями. Проня заключил своё обещание словами: «Не бросайте патронов! Сделаем себе из них пистолеты. Приносите сюда после обеда деревяшки для ложа пистолета, резинки от рогаток, гвозди толстые для курков и разный инструмент: ножики, молотки, буравчики, крепкую проволо-

.....

.....

ку, пилку-ножовку, а дальше видно будет, что потребуется».

Мы рассыпались все по своим домам, торопясь поесть свои обеденные порции, выпили по чашке молока и снова сбежались в наш «поднавес», чтобы мастерить себе дробовики-пистолеты.

Хотя мы были оружейниками босоногими, но у нас получились довольно грозные пистолеты. Братья Сорокины мастерили себе свои пистолеты; мы с братом Колей соорудили себе свой; Яша и Боря Коновы смастерили свой; Володя и Петя Чушевы потрудились над своими. Главным инструктором был Проня, который принёс для образца самодельный пистолет.

Прежде всего Проня дал размер угольного чурбачка, который должен был служить основной частью пистолета. Рукоятка этого деревянного угольника была толще, чем другая часть его, к которой прикреплялся винтовочный патрон-гильза. Для большей крепости это дуло пистолета накладывалось в выдолбленную канавку и приматывалось наглухо спиральной проволокой, чтобы при выстреле патрон не разорвало или чтобы он не сорвался с места прикрепления.

В верхней части рукоятки продавливалась дыра для устройства крепкого железного курка, которым мог служить острый толстый гвоздь. Надо было не забыть стреляный патрон освободить от капсулы-пистона, чтобы в нижней части патрона образовалось отверстие, только тогда прикреплять патрон на место.

Упругая резина наглухо прижимала гвоздь-курок к патрону, а когда надо было выстрелить, гвоздь-курок оттягивался назад, на взвод. Движением указательного пальца резина, оттянутая назад, срывалась с нарезки, гвоздь ударял сзади в патрон, где лежал воспламеняемый пистон. А так как в патрон был насыпан на сантиметр или два настоящий порох, заложен бумажный пыж и насыпано дробинок десять или даже пятнадцать, тоже прикрытых лёгким пыжом, при вспышке пистона порох взрывался, и всё содержимое этого солдатского патрона вылетало с оглушительным треском из пистолета наружу в намеченную цель.

Первым испробовал свой пистолет Проня Сорокин – наш

.....

учитель, вдохновитель босоногих кузнецких оружейников. Он уже достал порох, он уже имел зарядные пистоны. Мы с разинутыми ртами глазели, как Проня подкрался к берёзе нашего сада, на ветках которого сидели три вороны.

Раздался страшный треск, почти равный выстрелу из солдатской винтовки, и с берёзы, треплясь крыльями о нижние ветки, грохнулась на землю старая ворона, продолжавшая ещё трепыхаться под берёзой.

Проня торжествующе заявил: «Мы вполне с этим пистолетом можем ходить на охоту за зайцами!»

Но в это время из дома выбежала мать, закричав: «Что тут случилось?»

Проня спокойно объяснил нашей матери, что его мать, прачка Марфа, позволяет ему стрелять из самодельных пистолетов и что пока никакой беды не случилось.

Яша Конов, петербургский гимназист, назвав мою мать по имени и отчеству, доложил, что в Кузнецке некоторые охотники кроме обычных охотничьих ружей обязательно берут с собой на охоту и вот такие самодельные пистолеты, чтобы не тратить большого заряда на маленького кулика, куропатку или коростеля.

Мать просила показать сделанные пистолеты какому-нибудь охотнику и своим ребячьим родителям, а в нашем дворе запретила стрелять. Она разрешила брату Коле стрелять из его пистолета только в поле и в лесу, на охоте. Мне было запрещено прикасаться к этой продукции кузнецких босоногих оружейников.

А когда дома вечером я с жаром начал рассказывать матери о том, как метко Проня подстрелил ворону, мать задала мне вопрос: «Ну а за что вы убили ворону? Что она дурного вам сделала?» И я призадумался.

Но так как четыре пистолета были нашей компанией сотворены, пришлось волей-неволей пускать их в ход.

Наша компания собиралась через день на своё стрельбище – на открытое поле за кладбищем, и мы начали испытывать свои пистолеты. Проня сам просмотрел работу Коли, Володи Чушева,

Яши Конова, взводил курки пистолетов, а каждый хозяин своего оружия стрелял в белые листы бумаги с чёрным кружком в центре.

Лучше всех попадал в цель Проня, вторым мастером стрельбы признали Яшу, третий стрелок был Коля, а четвёртый Володя.

Увлечение стрельбой из пистолетов продолжалось всё лето, но толку из нашей охоты получилось не очень много: ни одного зайца наши босоногие оружейники не подстрелили, зато на болоте, на холмах вправо от Кузнецкой крепости и в кустах по низинам из четырёх пистолетов Прони, Яши, Коли и Володи были прикончены три болотных куличка, два дрозда, одна сорока и не меньше пятнадцати лягушек.

Надо сказать, что порох и пистоны для самодельных пистолетов наши друзья Проня и особенно Яша умели доставать очень легко и в любом количестве. Кто-то из мальчиков сообщил, что порох он достаёт в одной из базарных лавок – мерками по чайной ложке.

По нашим образцам пистолета самоделки появились ещё у десятка городских ребят, так что наступили чёрные дни для городских ворон, воробьёв и даже голубей, которых убивать считалось большим грехом.

И ни разу за все летние каникулы, за несколько лет не случилось ни одного несчастного случая с этой стрельбой босоногими оружейниками из своих самодельных пистолетов.

ГЛАВА XX ПОХОД ЗА КАРАСЯМИ

Часто наша ребячья компания увлекалась рыбной ловлей. Как только кончалось весеннее половодье, и река Тотьма входила

.....

в свои берега, начинались наши весенние поиски рыбы по всем ямам, канавам Топольника и особенно на пересохшей Иванцевке.

По всем углублениям и протокам речная рыба оказывалась обречённой на безвыходную гибель, так как эти небольшие водоёмы, озёрки и лужи должны были к лету высохнуть до дна.

И вот раздаётся клич по нашим соседским дворам: «Ребята! Айда ловить окуней, пескарей на Иванцевку! Забирайте рогожи, половики, корзины, ведра и ящики! Всё пригодится! Айда!»

Мы с Кеной и Андрейкой забираем широкий половик, старую рогожу и ведро для складывания добычи. Штаны закручиваем выше колен, рукава рубашек выше локтей, натягиваем на головы чёрные картузики и летим по Соборной улице мимо собора по спуску вниз к пересохшей Иванцевке.

А здесь по мелкому углублению протоки уже рыбачат две пары ребят, волоча по дну, как неводом, старую тряпицу, похожую на скатерть. Они кричат нам, что в их «сети» попались шесть штук каких-то рыбёшек. Конечно, никаких сетей или неводов ни у кого из ребят не было никогда, а взрослые рыбаки в этих лужах Топольника и Иванцевки не желали грязнить своих ног.

Кена стал на берегу возле нашего общего ведра, а я с Андрейкой полез в липучую грязь бывшей Иванцевки. Наклонившись своим корпусом к воде, мы нижним краем нашей рогожи начали загребать воду с грязью со дна к берегу, и сразу же на берегу затрепыхались не то сорожки, не то пескари, не то ельцы... Словом, первый улов составили семь рыбёшек, попавших в наше ведро.

Надо сознаться, я очень трусил бродить в этой рыбной луже, так как ребята пугали нас возможностью хватки наших босых ног зубастыми щуками. И вот когда по второму заходу мы с Андрейкой уже волокли свою добычу к берегу, я почувствовал по своей ноге скольжение длинной рыбины. Вода в луже была настолько мутная, что даже на тридцать сантиметров глубины дно не усматривалось. Когда это скольжение большой рыбы по моей ноге повторилось, я заорал как резаный: «Щука!» Я бросил оба угла рогожи в воду и сумасшедшими прыжками поскакал к берегу. Мой напарник-ры-

.....

.....

болов Андрейка заорал на меня, оставшись один посередине лужи: «Дурак! Она не кусается! У нас в неводе полно рыбы! Теперь она вся ушла!»

Другая пара ребят тоже обругала меня трусом и балбесом за то, что я распугал всю рыбу из их огромной скатерти.

Но я уже не полез в воду, а к Андрейке присоединился Кена. Только после трёх заходов моих друзей я включился в эту рыбалку, в результате которой мы потащили домой около сорока мелких и крупных рыбок. Некоторые тройки и четвёрки ребят наловили в этот день по полведра рыбы.

Более интересными и увлекательными были наши рыбалки на самой реке Томи – особенно с плотов. Тут на удочку попадались окуни, ельцы, ерши, пескари.

Так как пригоняемые с верховья Томи плоты причаливали и привязывались к самому берегу, можно было между бревнами, лёжа на животе, любоваться жизнью целых стаяк рыб под плотами. Вода Томи была прозрачна настолько, что на метр от плота до дна реки можно было сосчитать камушки, устилавшие здесь дно. Нам доставляло наслаждение следить за жизнью рыбок в этом природном аквариуме. Не забуду, как по дну реки, под брёвнами плота из пахучих осин однажды проплыл медленно-важно чёрный жирный налим с усами и ушёл в глубину реки.

За этими медленными налимками мы ходили рыбачить на «Бычок». Бычком мы называли каменный выступ Томи у конца Иванцевской протоки. Когда Иванцевка пересыхала, здесь у Бычка не страшно было входить в воду выше пояса и по колена. Течения воды не было, и мы спокойно переворачивали на дне этой заводи большие каменные плиты, под которыми любили лежать на дне чёрные скользкие налимы.

Левой рукой надо было очень осторожно приподнять и отворотить лежавшую на дне серую каменную плиту, иногда весом в пять или десять, а может быть и в пятнадцать килограммов. В это время в правой руке крепко сжималась длинная столовая вилка. Как только плита была приподнята и на дне реки в яме под пли-

.....

той оказывался сонный налим, надо было молниеносно воткнуть в спину этой скользкой рыбы вилку и быстро выбросить налима подальше на берег. Некоторые ловкачи-рыболовы из ребят за одну рыбалку вылавливали по пять рыбин.

Когда приезжали на летние каникулы наши старшие братья Коля и Валя, Яша и Боря Коновы, Володя Чушев и другие, – мы дружной обширной компанией переплывали вплавь через Томь с удочками в руках или в зубах на устье Кондомы.

Дно Кондомы было песчаное, река имела медленное течение, вода в реке была теплее, чем в Томи. После купания в Кондоме, мы закидывали удочки и не раз налавливали по связке хороших рыб для домашней ухи.

Но самым значительным и привлекательным за летние каникулы рыболовным предприятием был поход за восемь километров от города по дороге в сторону села Ильинского на лесные озёра за карасями.

Это было предприятие серьёзное, для которого требовалось разрешение всех родителей: нашей матери и матерей наших товарищей. Родители согласились на этот рыболовный поход, который отнял у нас день ходьбы и ночной рыбалки и обратный день похода назад с рыбной карасёвой нагрузкой.

В походный отряд за карасями определилось девять человек: тройка Булгаковых, тройка Чушевых, двойка Сорокиных и Витя Крейтер. Четверо ребят были гимназисты Томской гимназии, а мы четверо младших – Петя Чушев, Витя Крейтер, я и Андрейка Сорокин – босоногая кузнецкая «мелочь»; Проня Сорокин не учился в гимназии.

Сборы были недолгими, так как две плетёных ивовых «корчажки» для ловли карасей брали в поход братья Чушевы, вторые две «корчажки» нагрузили на себя братья Коля и Валя, а пятую «корчажку» приспособил себе на спину Проня Сорокин. Старшие братья несли кроме того удочки, два чугунных чайника, два топора, два железных ведра, десятка полтора больших гвоздей, моток толстой верёвки, ржаные отруби и другие предметы. Мы же – чет-

вёрка «мелочи», как называл нас больше двух лет задиравший нас гимназист Яша Конов, несли четыре ковриги чёрного хлеба, коробки с солью, по четыре крутых яйца на каждого едока, по десять или пятнадцать кусков пиленого и колотого сахара, две большие плитки кирпичного чая да полуведёрный чугунок для варки картошки. Кроме этих продуктов брат Коля и Проня Сорокин имели в мешках за плечами по восемь или десять фунтов сырого картофеля да на дорогу штук двадцать хороших морковок. У пояса каждого из старших братьев – Коли, Прони и Володи – болтались три самодельных кобуры с самодельными из солдатских винтовочных патронов пистолетами, а за спиной брата Коли красовалось на ремне пятирублёвое ружьё «Монтекристо», стрелявшее пулями-горошинами.

И вот – сапоги на ногах, соломенные шляпы и фуражки на головах, мешки за плечами, а Витя Крейтер даже со стальной косой на левом плече – и наша рыболовная компания тронулась в путь из ворот нашего дома. Мать с улыбкой, разбавленной тревогой, провожает нас от ворот до переулка.

Нам предстоит пройти по июльской жаре восемь километров. Переулком мы поднимаемся в гору до нашей крепости. На лбу выступают первые капельки пота. Мы у крепости. Оглядываемся на город, машем рукой стоящей в переулке матери. Заходим за крепость. Спускаемся по дороге к мостику через ручей и поднимаемся кверху на дорогу, ведущую к селу Христорождественскому, называемому нами «Монастырь».

Витя Крейтер дискантом запекает походную солдатскую песню, задавая вопросы, а мы отвечаем альтами, дискантами и даже кое-кто из нас низким баритоном. Витя выдумывает смешные вопросы, а мы весело придумываем ответы. Такие ответы солдаты Кузнецкого гарнизона посчитали бы, пожалуй, и оскорблениями для своей песни.

Витя запекает:

– Солдатушки, бравы ребятушки,

Где же ваши братцы?

Хор отвечает:

– Наши-то братцы – за спинами ранцы!

Вот где наши братцы!

Витя запеваёт:

– Солдатушки, бравы ребятушки,

Где же ваши сёстры?

Хор отвечает:

– Наши-то сёстры – пики, сабли острые!

Вот где наши сёстры!

На вопрос: «Где же ваши матки?» Следует ответ: «Наши матки – белые палатки!»

На вопрос: «Где же ваши детки?»

Хор отвечает: «Наши детки – пули очень метки!»

На вопрос: «Где же ваши тётки?» – «За спинами плётки!» Но так как у солдат-пехотинцев никаких плёток не полагалось, после этого ответа наша команда дала дружный взрыв хохота.

На вопрос Вити «Где же ваши деды?» восьмёрка горластых хористов с великим удовольствием на всё широкое поле, по которому мы двигались, прокричала:

«Наши деды – славные победы! Вот где наши деды!»

После этого стиха пошли на вопросы Вити выдуманные озорные ответы:

«Наши дяди – повара все сзади!

Наши дочери – тёплые носочки! Наши внуки – мозолистые руки!

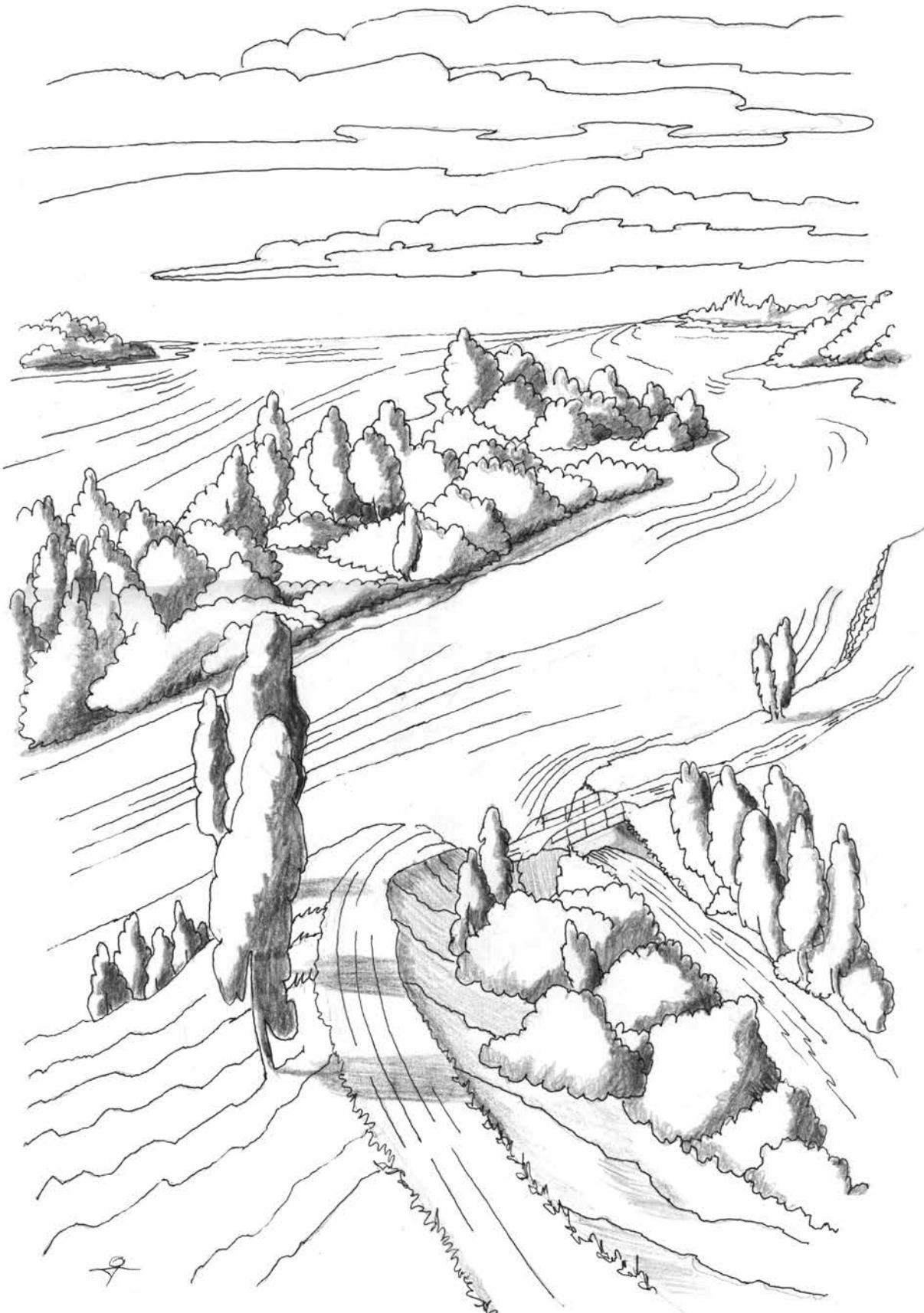
Наши внучки – в сапогах онучки!

Наш начальник – за спиною чайник!

Наша тётя Маша – в котелочке каша!

Наши командиры – новые мундиры!»

Каждый ответ сопровождался взрывом хохота, а неутомимый запеваля Витя выдумывал всё новые вопросы.

.....

Так мы прошли первые километры. Прошли через село Мо-
настырь и на широком лугу растянулись отдыхать. Мы с Андрей-
кой и Кеной увидели шагов за двадцать впереди на грязной полу-
сырой полосе дороги сидящих бабочек-капустниц. Этим сосущих
грязь дороги бабочек было три стаи, тесно сидящих по две-три сот-
ни в каждой. Издалека казалось, что на чёрной грязи были броше-
ны белые тряпки или листы бумаги.

Мы тихо подкралась к этим застывшим без движения ба-
бочкам и правой рукой горстями начали снимать их с грязи и на-
полнять свои соломенные шляпы, прижимая их к груди. Десятки
бабочек не попали в наши шляпы, но сотни три этих капустниц
оказались в нашем плену. Мы подбегаем к нашим старшим брать-
ям и перед их лицами суем им в носы свои шляпы. Бабочки при
общем восторге фейерверком выпархивают на свет, на свободу и
белым снегом разлетаются над лугом, потом постепенно опять со-
бираются к дорожной грязи, чтобы утолить свою жажду и пососать
из этой грязи, как уверяет всех Коля, имеющийся в земле сладкова-
тый мёд. Когда Проня возражает Коле, что в грязи нет меда, Коля
задаёт Проне ошеломляющие вопросы:

– А скажи мне, Проня, откуда берётся сладкая черёмуха на
деревьях или сладкие ягоды малины на кустах, или ягоды земля-
ники, клубники, костяники, брусники?!»

– Да в земле есть всё, – замечает Володя Чушев, – в земле
есть все вещества, которые сосёт корнями для себя берёза, для себя
осина, для себя кедр, для себя рожь, пшеница, цветы мака, также и
бабочки-капустницы!

Витя Крейтер заявил, что самое удивительное, чего он не по-
нимает, это то, что от питания хлебом, рисом, молоком, мясом, ово-
щами, сахаром и солью образуются разные человеческие тела: ки-
тайцы, русские, татары, немцы, французы, даже негры и папуасы.

Коля и Проня прервали речь Вити и закричали: «Подымай-
ся! Идём дальше!»

Мы двинулись дальше мимо сидящих на дорожной грязи
бабочек в сторону села Ильинского. Долго молчавший брат Валя

.....

.....

обратился к Вите со своим вопросом:

– А почему же ты, Витя, не удивляешься вот этому кусту жимолости с её бело-розовыми цветами, не удивляешься тому, что из этой же земли рядом вырастает вот этот синий колокольчик? Значит, каждое растение, а их тысячи, умеет высасывать корнями даже краски для свои цветов, как жимолость, колокольчик, огонёк, одуванчик! Вот это умение корней давать всему растению и воду, и зелень, и ветки, и цветы я считаю чудом неразумной природы!

Так как для меня такие вопросы были трудны для понимания, я запел весело:

– Побежали в избу дети,

Второпях зовут отца:

«Тятя, тятя, наши сети

Притащили мертвеца».

Меня поддержали Витя, Петя Чушев, Андрейка, и мы зашагали в такт песне, мотив которой был мне знаком по домашнему хоровому исполнению этого пушкинского стихотворения с аккомпанементом на гитаре моей матерью. После пения «Утопленника» наш дружный хор в десять голосов исполнил на народный мотив пушкинское стихотворение «Буря мглою небо кроет».

Прошли ещё полями, ограниченными слева рекой Томью, а справа лесами, не меньше трёх километров. Проня рассказал все подробности своей охоты за зайцами дней пять тому назад. О том, как он с братом Андрейкой загнал зайца в большое болото на холмах справа от нашей крепости, как заяц сорвался с болотной кочки в глубокую впадину с водой, где его Проня и застрелил из самодельного пистолета десятью дробинками.

Вторую передышку сделали возле дороги – около версты от лесных озёр, в которых всегда водились чудесные караси. Этих карасей отец привозил в телеге, приезжая со своей пасеки в город. Караси, вспоминалось нам, кишели на дне телеги в куче мокрых листьев осины и в траве, покрывавшей живых рыбин сверху. Из телеги караси, помню, выкладывались в ведро с водой, а из ведра на кухню, потом на сковороду с маслом. Я даже вспомнил, как один

.....

.....

из готовых к жаренью карасей, извиваясь, соскочил со стола на пол.

Андрейка Сорокин предложил мне состязаться с ним в бросании маленьких камешков правой ногой. Мы сняли со своих ног правые сапоги, подобрали в колее дороги три крупных камешка и от одной черты начали наше состязание. Камешек вкладывался в согнутые пальцы ноги и сильным размахом ноги бросался вперёд. Андрюша Чушев назвал нашу игру «обезьяньим спортом», но к нам присоединился Петя, Андрейка и Витя, и мы все смогли бросить правыми ногами по три камушка и по одному разу перочинный ножик и коробку спичек. Результаты этого «обезьяньего спорта» оказались для меня весьма ободряющими, так как один из камешков я забросил ногой на двадцать шагов, ножик – на восемь шагов, а коробочку спичек – на четыре шага. Дальше меня метнул свои камешки только Витя, у которого ножичек и коробка спичек оказались на моей отметке.

Остальные ребята на шаг и на два забросили все предметы ближе меня, как ни старались дрыгнуть своими правыми ногами.

Коля и Проня скомандовали: «Хватит вам, обезьяны! Надевай сапоги и айда дальше!»

Мы надели свои сапоги на босые правые ноги, навьючились каждый своей поклажей и лихим маршем двинулись дальше, подпевая в такт своей шагистики солдатскую песню:

«За Уралом, за рекой

Казачи гуляли,

А мы братцы-молодцы

Налетим орлами!»

Наши старшие братья шли за нами более спокойным шагом.

...Распластав крылья, над нами плавно пролетает огромный коршун. Коля быстро вскидывает своё детское «монтекристо». Раздался треск, похожий на перелом сосновой лучинки. Коршун, не ускоряя своего полёта, удалился к реке Томи. «Даже ухом не повёл и глазом не моргнул!» – воскликнул Коля, с досадой плюнув на землю. Дружный хохот огласил широкое поле. Мы зашагали дальше.

.....

Наш весёлый певец Витя Крейтер опять в качестве запевалы начал громко, задористо свою любимую солдатскую песню, а мы подхватили её с восторгом:

«Дело было под Полтавой
 Дело славное, друзья!
 Мы дрались тогда со шведом
 Под знамёнами Петра!
 Император наш могучий
 На коне своём летал,
 Сам ружьём солдатским правил,
 Сам он пушки заряжал».

Так с песней мы свернули с дороги вправо, подошли к опушке берёзового леса и, углубившись по лесной дороге в лес, оказались на берегу одного из лесных «карасёвых» озёр.

С великим облегчением сложили мы свою поклажу между четырёх врытых в землю столбиков от старого пасечного сарайчика и растянулись на мягкой траве-мураве на берегу озера. На этих местах лет пять тому назад стояли пчелиные ульи нашего отца, который в течение тридцати пяти лет своего учительства в Кузнецке никогда не бросал своего занятия пчеловодством. Эти места нам были знакомы. Здесь было три лесных озера, которые вернее называть лесными прудами, образовавшимися в лесных впадинах-канавах от протоков весеннего половодья. Весенняя вода спадала, но в этих впадинах имелись подземные родники, ключи, питавшие эти «карасёвые» пруды водой круглый год. Вода в этих трёх озёрах была даже в июле довольно холодной, особенно у дна. Посередине этих лесных озёр глубина доходила до двух сажен, т.е. четырёх метров. Берега озёр поросли высокими травами, а у берегов глубина достигала почти метра. Длина каждого озера была метров пятьдесят, а ширина до двадцати метров.

Через полчаса после намётки плана работ наша девятка принялась за бурное строительство шалаша, используя четыре столбика в качестве основных опор для этого ночного убежища.

Андрюша Чушев вытащил из своего мешка двадцать десятисантиметровых гвоздей. В чаще разыскали четыре молодые осинки, срубили их, очистили от сучьев, получив, таким образом, четыре перекладыны на четыре столбика: две – длиной по три метра и две – по два с половиной метра. Потом на эти перекладыны-балки наложили в ряд собранные в лесу и возле озёр жерди, сучья, скрепив весь этот материал гвоздями и кое-где верёвочками. Получился навес высотой в два метра. Все четыре стенки этого навеса образовались вертикально поставленными сучьями, собранными и нарубленными двумя топорами нашей девятки «лесных рыболовов».

Когда шалаш был отстроен, получен был приказ натащить поближе к шалашу как можно больше сушняка, лесных еловых веток и всяческого другого горючего запаса для ночного костра. Предполагалось, что волков легко будет разогнать горящими головёшками, а медведя, кроме горящих головёшек – стрельбой из самодельных пистолетов, из «монтекристо» и особенно дикими визгами и рёвом наших ребячьих глоток.

Решено было сначала развести костёр, сварить картошки и выпить чаю, потом слегка обмыться в самом маленьком озере, не пугая карасей. К двум большим озёрам нельзя было даже подходить близко, чтобы караси и лини не учуяли нас и не ушли на дно своих озёр. Два чугунных чайника, висевших на перекладине на двух рогульках, и полный чугунок с картошкой быстро закипели.

И вдруг со стороны дороги, по которой мы пришли к прудам, раздался пистолетный треск-выстрел. Коля взял своё «монтекристо» наизготовку, Проня и Володя свои самодельные пистолеты в правые руки. Мы все обернулись в сторону выстрела и застыли.

Мы ждали ещё выстрела, но вместо него раздался голос кричавшего на весь лес Яши Конова: «Как не стыдно вам, бессовестные твари! Я же сказал Ваське Корчеву, что обязательно пойду на карасёвую рыбалку! А вы ушли без нас! Подождали бы минуток пять!» Со стороны дороги показались нагруженные плетёной корчажкой и заплечными мешками, с удилищами в руках Яша и Боря Коновы. Коля, рассмеявшись, сообщил Яше, что никто из нас в гла-

за не видел Ваську Корчева, который, видимо, струсил пойти в лес на ночёвку.

«Ладно, – добавил Коля, – нас теперь одиннадцать рыбаков с четырьмя пистолетами и моим ружьём. Волки нам не страшны, а медведя мы прогоним ораньем всей оравы! А сейчас давайте чай пить!»

Все уселись на двух длинных сухих стволах ивы, принесённых для ночного костра. Вместо скатерти на траву разостлали два или три пустых заплечных мешка. Яша Конов вытащил из своего мешка пакет дешёвой карамели, провозгласив громко: «Угощайтесь!» Конфетки в бумажных обёртках были кучкой насыпаны на один из мешков, и началась еда хлеба, яиц, картошки, сварившейся в одном из чугунов, питьё чая с конфетами и с кусками сахара.

Так как солнце шло заметно к закату, решено было поставить корчажки на карасей до наступления ночи, а второй раз на

ночь, чтобы второй улов вытащить утром, а третий лов сделать до полудня, когда надо начинать сборы в обратный путь домой.

Специалист по ловле карасей корчажками Володя Чушев развёл в пустом чугушке из-под варёной картошки густую смесь-замазку из ржаных отрубей и начал смазывать этой замазкой входные отверстия каждой корчажки. Так как эти корчажки были сплетены очень плотно из тонких ивовых прутьев, замазка плотно и крепко приставала к стенкам каждой горловины-входа корчажки. Кроме того, Володя наляпывал ещё на один из боков корчажки свою карасёвую приманку из отрубей, чтобы на этот бок положить корчажку в озеро.

Глупые караси и линии, учуяв вкусную приманку, хватили частички отрубей, входя в приманку, и устремлялись внутрь, видя вкусную замазку и в самой корчажке, лежащей в озере на смазанном замазкой боку. Назад из корчажки глупые рыбы не уплывали, боясь острых прутьев горловины-входа, обращённых внутрь этой западни.

Когда все шесть корчажек были приготовлены Володей к спуску в воду, решено было в маленьком озерке корчажками рыбу не ловить, а предоставить её рыбакам с удочками, и на два раза общего купанья в нём. Два больших озера предназначить только для корчажного лова рыбы.

Когда уложили все шесть корчажек на дно второго озера, укладывая каждую на смазанный замазкой-тестом бок, все вернулись к костру. Кто бродил по лесу около прудов, желая набрать грибов, собирая и лакомясь костяникой, находя сочные пучки, черемшу, саранки, кандьки, заячью капусту... Кто прилёг отдохнуть и даже поспать на мягкой травяной подстилке в шалаше или у костра...

Я выпросил у Коли ружьё «монтекристо» и решил поохотиться поблизости от нашего лесного лагеря. Отойдя несколько десятков шагов от шалаша в сторону дороги, я увидел в низком кустарнике серенькую птичку, перепархивавшую с ветки на ветку от одного куста к другому и не улетающую от меня. Птичка тревожно посвистывала, как бы предупреждая других об опасности.

Я остановился неподвижно, нацелившись на свою жертву своим ружьём. Птичка тоже успокоенно села на нижний сучок куста. Я медленно придвинулся к птичке и, находясь близко от неё, нажал курок «монтекристо». Раздался выстрел, напугавший и меня, и Колю, и других ребят. Около меня очутился Коля и ещё двое ребят. Я объяснил им, что стрелял в птичку, в двенадцати шагах от меня сидевшую в кустах. Мы начали шарить в траве под кустами, и вскоре Витя Крейтер, показывая нам на лежавшую на его ладони мёртвую птичку, обратился ко мне с упрёком: «Ну что ты, Веня, стреляешь такую дичь! Убил бы ворону или ястреба. Ведь у этой птички, небось, теперь сиротки остались! Она пользу приносила, поедая всякую мошкарку да червячков».

Положив птичку на траву, Витя молниеносно обшарил все кустарники вокруг этого места, пока я оглядывал мёртвую птичку, убитую пулькой-горошиной моего «монтекристо». И действительно, Витя громко подозвал нас к одному кусту крушины, в ветвях которого указал на гнездо – из гнезда высовывались пять желтоклювых птенцов. Всё было для меня ясно – я застрелил одного из родителей этих птенцов. Я отдал ружьё Коле и заявил, что не буду стрелять ни в ястреба, ни в ворону, ни в воробья.

Мы прикрыли убитую птичку травой и наломанными веточками кустарника и вернулись к шалашу. А здесь Боря Конов и брат Валя вели спор о человеческом зрении.

Боря утверждал, что каждый человек видит своими глазами всё по-своему и все краски у него в глазах могут быть совершенно противоположными, чем у другого человека. Например, синее небо у Бори может быть цвета такого, какой у Вали имеет зелёная трава; цвет огонька-купавки у Коли может быть таким в голове, какой цвет имеет лиловый колокольчик у Яши. Все ребята задумались, а брат Валя возразил против гипотезы Бори примерно так: «Ты, Боря, не вполне прав, так как глаза у людей, конечно, могут быть то сильнее, то слабее, а зрение может быть здоровее или болезненнее, но цвета в голове отражаются одинаково, и доктора лечат глаза человеческие одинаковыми лекарствами. И эти лекарства помогают излечивать глаза как русскому, так и татарину, как немцу, так и

японцу». Но Боря не сдавался и говорил, что никто не влезет в его голову, чтобы проверить, например, что он, Боря, видит красный Валин цвет золотым, а Валя воспринимает золотой цвет Бори как красный. К этому рассуждению Боря добавил следующее: «Не зря существует поговорка, что «на вкус и на цвет товарищей нет»; если бы мы все одинаково воспринимали цвета и их оттенки, мы бы не спорили, что радуга на небе всегда прекрасна, что нас одинаково восхищает – восход солнца, заход солнца, кристальная река Томь, золотые облака на небе и так далее. А ведь многие люди равнодушны к этим красотам природы. Значит, у этих людей в голове совершенно другие сочетания красок».

Вступивший в спор Яша вопросительно заявил: «И верно, почему это на быка действуют красные тряпки и флажки, от вида которых быки свирепеют, или почему совершенно замирают лежащие на гладком полу молодые петушки, если перед носом их начертить жирную белую полосу мелом?»

Валя ответил Яше, что у животных иначе устроен глаз, чем у людей, и цвет красный раздражает быка, а белый цвет гипнотизирует петушка, но разные цвета флагов никак не действуют на человека. Валя заключил спор словами: «Да в конце концов, если даже все люди внутри себя видят мир по-разному, нам это не мешает любоваться природой, а художникам создавать картины, статуи, строить храмы, дворцы, писать книги, лечить людей и двигать вперед науку».

На этом заявлении Вали беседа оборвалась, так как сидевший у малого озера Проня радостно крикнул:

«Ура! Линёк попался!»

Проня снял с крючка трепыхавшуюся рыбу, бросил её в ведро с водой. Мы в беспорядке бросились к своим удочкам, и началась рыбная ловля на червяков.

Наступил чудесный тихий вечер. Никакого движения воздуха. Гладь озера казалась зеркальной. Мы находились в тени от высоких деревьев, так как солнце спустилось совсем низко. Птичьи голоса замолкали – последнюю песенку допевал зяблик да где-то

.....

в глубине леса кричала иволга. Глухо слышалось воркование горлинки. С больших озёр доносился разноголосый концерт лягушек. Изредка над лесом, над озером беззвучно пролетала какая-то тополивая птица. Со стороны дороги послышались колокольчики – запоздалый путник спешил из села Ильинского в Кузнецк.

Я взглянул в высокое безоблачное небо и вскрикнул: «Вон она, первая звёздочка!»

Андрюша Чушев положил своё удилице на траву и громко позвал всех:

«Идём доставать корчажки! Неси, Петя, пустое ведро ко второму озеру! Идём все!»

Валя и Боря остались у костра, а мы всей девяткой пошли доставать первый корчажный улов карасей к двум озёрам, у берегов которых лягушки не переставали соревноваться в кваканье своих лягушачьих мелодий.

На длинном удилице был привязан шнурок с крючком-жерлицей. Андрюша зацеплял осторожно крючком корчажку, норовя держать её входом кверху, чтобы караси в испуге не выпрыгивали из этой западни. Он плавно подводил корчажку к берегу, а Проня брал её в обе руки и передавал Коле, стоявшему на берегу.

Когда Проня подхватывал с крючка третью корчажку, он босой ногой наступил на острую подводную корягу; желая стать крепче на илистое дно у берега, он запнулся за эту корягу и выпустил из рук корчажку, а сам в штанах и рубашке бухнул в воду, проплыл метр, обернулся к берегу, подхватил повисшую на крючке корчажку и передал её Коле.

У Прони только вырвалось: «А, чтоб тебя, язвило!» А с берега в его адрес весело крикнул Яша Конов: «Ничего, Проня, высохнешь! Бог вымочил, бог и высушит! Без труда не вытащишь и рыбку из пруда!»

Коля передал корчажку Яше, который доставал карасиков рукой и клал их в ведро. Ловля рыбы продолжалась.

Проня не пожелал идти к костру сушить своё платье, пока все шесть корчажек не были извлечены из воды, а все караси и

.....

.....

лини не оказались в ведре. Шесть вечерних корчажек дали нашей компании сорок две рыбки, каждая величиной в детскую или мужскую ладонь.

Ведро с вечерним уловом было унесено к шалашу, а Володя снова начал смазывать горловину и боковую сторону каждой корчажки своим густым тестом, которое прилипло как замазка к плетенью корчажки, запахом и вкусом заманивая глупых карасей в эту западню.

Перейдя с готовыми корчажками к третьему озеру, Коля, Андрюша, Проня, Яша и я с Андрейкой выстроились со своими корчажками метров на десять один от другого, дожидаясь, пока Андрюша со своим крючком не укладывал на дно озера каждую «снасть» для ночного улова жадных до отрубей карасиков.

Почти совсем стемнело, когда наша команда «корчажников» вернулась к большому костру, ярко освещавшему и шалаш, и кусты, и ближние деревья, и лес за озером. На ночь была натаскана целая горка тонких и толстых сучьев, собранных пятёркой оставшихся у костра мальчиков. В запасе на ночь оказалась с трудом приволоченная четырёхметровая толстушая сухая кем-то срубленная и брошенная в лесу близ дороги осина. Мы были покойны, что костёр проживёт до утра сильно и ярко.

Пока шестёрка ребят занималась корчажным делом на втором и третьем озере, пятеро оставшихся у шалаша мальчиков – Валя, двое Чушевых, Витя Крейтер и Боря Конов – не только сделали запас топлива для ночного костра, но и сварили в объёмистом котелке прекрасную уху из рыбок, выуженных на червей, из двух десятков картошек и четырёх луковок. Даже нашлась щепотка перца, три лавровых листика, не говоря о достаточной щепотке соли.

И тут-то начался вечерний пир ночных рыболовов. Коврига чёрного хлеба заметно таяла под ножами. Одиннадцать деревянных ложек то и дело выстукивали весёлую пляску хлебавших из одного котелка мальчиков. Правда, когда я доел свою седьмую ложку вкусной ухи, дуя на неё, обжигая губы, я услышал уже стук ложек по дну котелка... Но после ухи ночные рыбаки приступили к чаепитию, считая на небе звёзды, начиная с семи звезд Большой

.....

Медведицы. Тут мне удалось выпить две кружки чаю с хлебом и сахаром и закусить парой сваренных вкрутую яиц да извлечёнными из горячей золы костра тремя картошками.

Но вот от лесных озёр начал подыматься кверху туман. Появляло прохладой. Ребята начали ёжиться. Кое-кто начал позёвывать и уповательно поглядывать на уютный, готовый приют тружеников рыбного похода наш шалаш.

Старшие ребята начали распределять места к снанию ночному.

Витя Крейтер обратил внимание ребят на клубы тумана, подымавшегося к небу от второго и особенно от третьего лесного озера: «Смотрите, смотрите! Вон там влево от высокого дерева, как будто голова плывёт с ушами, волосами, с длинной бородой. А вон внизу медленно шевелится снежная баба с большим туловищем и головой в шапочке».

Облако, шаром поднявшееся выше леса, вытянулось в длинную фигуру человека, покрытого лёгким дымчатым саваном.

«Настоящее приведение! – воскликнул Витя. – Вон оно – выше, выше; вытянулось в огромную прозрачную змею!»

В это время с другой стороны озера, из высокого леса доносится жалобный, щемящий детский плач, а справа в стороне ему откликается такой же другой... «Это совы», – пояснил Андрюша. И вдруг совсем близко со стороны дороги раздаётся дикий пронзительный хохот. «А это филин, – спокойно говорит Валя. – Раньше думали, что это леший, то есть лесной чёрт. Даже Пушкин говорит: «Там чудеса: там леший бродит, русалка на ветвях сидит...»

Прачкин сын Андрейка задорно заявляет: «В лесу бывают приведения. Об этом говорила нам сама мамка».

Тут петербургский гимназист Яша Конов не выдерживает и бросает Андрейке вопросы: «А что, твоя мамка профессор? Она видела этих приведений? Что эти приведения кусаются? А может быть, они лают по-собачьи?» Потом Яша добавляет: «Давайте, мезюга, быстро укладывайтесь спать в шалаш, и я расскажу вам о страшном приведении, которое проживало в одном петербургском

доме! Да и всем нам следует ложиться на отдых».

Я давно ждал разрешения на отдых, почему первым юркнул под приветливую крышу, хотя и дырявую, и растянулся на мягкой настилке свежескошенной Витей травы. Рядом со мной в глубине от входа в шалаш улеглись Петя, Андрейка, к ним присоединились ещё трое ночевальщиков – Валя, Володя и Боря. Четвёрка вооружённых самодельными пистолетами – Коля, Андрюша, Проня, Яша – разместились ближе к входу в шалаш, заявив себя нашими телохранителями на случай нападения волков и медведей.

Коля положил вдобавок возле себя своё «монтекристо», заявив при общем смехе, что он не уклонится даже от поединка с африканским львом или индийским королевским тигром.

«Теперь слушайте рассказ о привидении в одном из петербургских каменных домов, стоявших на городской окраине, – так начал излагать свою историю Яша Конов. – В этом доме в нижнем этаже по ночам в большом зале и даже в других четырёх комнатах по полу ходили невидимые существа, а вся квартира нижнего этажа наполнялась звуками, визгами и свистами. Хозяева дома жили в верхнем этаже, а квартиранты нижнего этажа больше месяца не выдерживали таинственности «адской музыки», как они выражались, и съезжали с квартиры. Последние квартиранты нижнего этажа продержались в этом «дьявольском» доме только две недели. Это были муж, жена, трое детей и кухарка. В дождливую погоду осенью ночью весь нижний этаж наполнялся звуками, свистами, козлиным бляением, собачьим лаем, а по ночам в комнате плясали невидимые духи. Когда жена и кухарка прошли в зал, чтобы проверить, закрыты ли двери парадного хода, они оба увидели в раскрытой двери сеней на пороге человеческий скелет в белом саване. Череп скелета двигал челюстями. Обе женщины от испуга упали в обморок. Прибежавший муж со свечой кое-как холодной водой привёл в чувства жену и кухарку. Он обошёл сени, удостоверился, что входные двери были закрыты на замок и на железный крюк. Утром жена и кухарка божились и крестились, что видели саму смерть с голым черепом, с костлявыми руками. Через день последние квартиранты съехали из этой страшной квартиры. О появлении мертвеца пошла слава.

Тогда три студента решили раскрыть тайну заколдованной квартиры. По договорённости с хозяином один студент сел на всю ночь в зале за стол и начал читать при свечке книгу, положив возле книги шестизарядный револьвер с пулями крупного калибра. Два его товарища с такими же револьверами с одиннадцати часов вечера стали на дежурство снаружи дома».

«Ой, как страшно», – прошептал я, прижимаясь теснее к Пете...

И вдруг рядом с шалашом раздался густой хриплый бас: «Терем-теремок, кто в тереме живёт?»

Андрейка, Петя и я в один голос взвизгнули от ужаса и зарылись головами в траву, служившую нам подушками.

Яша, Проня, Андрюша и Коля со своими пистолетами выскочили из шалаша и увидели перед собой здорового мужика с чёрной бородой, в рваном зипунишке, в старых сапогах, в рваной шапке-ушанке.

Мужик громко рявкнул: «Здорово, ребятки! Добрый вечер!»

Четвёрка ребят дружно и приветливо ответила: «Здравствуйте!»

Из шалаша выскочили ещё три рыбака: Валя, Боря и Володя, а четвёрка «мелюзги» осталась в шалаше, выглядывая наружу на огромного мужика, похожего на медведя, державшего в лапе суковатую палку.

Мужик попросил разрешения «погреться у огонька» и уселся на сухой ствол, поближе к костру.

Не ожидая расспросов, мужик сообщил ребятам, что он «божий странник», что он идёт в сторону Бийска к жене и детям, что денег у него нет и что два дня он не видел хлеба, ел саранки, пучки, черемшу да разные коренья.

Андрюша сразу сообразил, что этот ночной гость или бродяга, или сбежавший каторжник, а потому решил побыстрее избавиться от него. Мужика угостили печёной картошкой, дали ему толстый ломоть хлеба с солью да луковицу.

Ночной гость оказался приветливым и разговорчивым собеседником. Он сознался, что шёл из Ильинского в Кузнецк, увидел огонь и свернул к шалашу, хотя не сразу подошёл, а из-за деревьев наблюдал за рыбаками, боясь встречи с лесным объездчиком.

«Спасибо вам, ребята, за угощение!» – прожёвывая хлеб, закончил этот ночной бродяга, согревая ладони рук огнём костра. Валя предложил угостить ночного странника ухой, и через минуту в чугунке были сварены очищенные пять карасиков с картошкой, луком и солью. С какой жадностью этот голодающий человек хлебал уху, поедая второй кусок хлеба!

Бродяга ободрил ночную ребячью рыбалку, говоря, что «волков бояться – в лес не ходить», что «бояться волков – быть без грибов». Он добавил: «Я вот прошёл полями и лесами почти девятьсот вёрст и ничего не боялся. Вот этим ножом я двух волков запарол!» С этими словами бродяга, которого звали Демьян Никифорович, вытащил из-за голенища огромный разбойничий нож и широко осклабился, показав свои белые, как жемчуг, зубы.

Коля и Проня судорожно сжали в карманах свои самодельные пистолеты, готовые выпустить в страшного бродягу свои дробовые заряды. Но Демьян Никифорович быстро воткнул свой кинжал за голенище правого сапога и продолжал дохлебывать свою уху. Две или три крупные капли пота с его лба упали в уху и были съедены ночным гостем вместе с рыбой.

Закончив еду, Демьян Никифорович облизал свою деревянную ложку и сунул её в карман зипунишка. Гость встал на ноги, отёр рукавом пот со лба и, обратившись к мальчикам, возгласил: «Давай вам бог доброго здоровья! Спасибо вам, ребятки, за угощение! Дядя Демьян вас не забудет по гроб жизни. Только, ребята, чур, никому в Кузнецке вы не говорите пять суток о нашем знакомстве. Храни вас бог! Желаю вам удачи в рыбалке! До свидки, ребята!»

Дядя Демьян встряхнулся и начал прощаться с каждым мальчиком, подавая каждому свою огромную правую ладонь.

Тогда Яша, пошептавшись с Валею, обратился к бродяге и

.....

сказал: «Вот вам, дядя Демьян, на покупку хлеба дорогой до Бийска!» И Яша передал ночному гостю свои двадцать копеек. Валя вынул из кармана и передал удивлённому гостю свои пятнадцать. А за ними Коля, Андрюша и даже Проня, сын прачки, передали улыбавшемуся благодарной растроганной улыбкой Демьяну Никифоровичу свои случайные медяки.

Гость смахнул слезу рукой, быстро повернулся к мальчикам спиной и исчез в лесу.

Андрюша с Проней подложили в костёр толстых сучьев. Ночная тишина нарушалась только потрескиванием горящих сучьев. Языки огня и дым костра почти вертикально уходили ввысь, в безветренное тёмное звёздное небо.

После небольшого обмена мыслями о неожиданном знакомстве с ночным гостем мальчики улеглись в шалаше по своим местам. На просьбу Вити досказать историю с мертвецом в петербургском доме Яша ответил, что рассказ будет закончен завтра во время обратного пути в Кузнецк. Андрюша согласился с ответом Яши и строго указал на позднее время, на необходимость сна до четырёх-пяти часов утра. Хотя ручных часов мальчики не выдвали в глаза, но Андрюша приказал: «Сейчас же засыпайте все, как убитые, а завтра в пять часов утра мы вас поднимем. Дежури́м по двое: я и Проня, а через два-три часа – Коля и Яша. Остальным спать до утра!»

И только начали мы засыпать, как на крышу шалаша из леса слетел здоровый филин и во всё горло захохотал, встревоженный, по-видимому, необычайной картиной ярко пылавшего костра в этой знакомой ему лесной трущобе. Андрюша выскочил из шалаша и раза два-три ударил филина длинной хворостиной, крикнув птице: «Пошёл вон!» Филин, не видевший врага, но почувствовавший удары гибкой хворостины, взмахнул крыльями и полетел через озеро в лес.

Андрюша успокоил ребят и вновь пригласил как можно скорее засыпать. Опять все уткнулись в свои травяные подушки.

Но вот дежурному Проне понадобилось на короткое время

.....

.....

выйти из шалаша. К своему ужасу Проня увидел у костра большую серую собаку. Мальчик взвизгнул: «Волк, волк!»

И не успел Андрюша выскочить на помощь своему товарищу, как раздался трескучий пистолетный выстрел прониного самодельного оружия, а за ним страшнейший испуганный отчаянный собачий визг.

Мы все одиннадцать оказались вмиг вне своего убежища. Коля пустил вдогонку визжавшей жалобно собаке свою пульку-горошину из «монтекросто». А собака долго ещё с отчаянным визгом убегала от нас по дороге к Ильинскому.

Андрюша громко скомандовал: «Быстро оправиться и марш спать!»

И все мы опять, как селёдки в бочке, рядом улеглись в своём шалаше.

И уже только во сне я оказался на крыше лесного шалаша, а вокруг бегали, оскалив зубы, десятка три волков, а возле костра вместо дяди Демьяна сидел двухметровый сибирский медведь и пожирал ковригу чёрного хлеба. Я был для зверей недосыгаем, улыбался и почти смеялся на бессилие волков... Вдруг медведь поднялся и громко зарычал: «Ребята, подымайтесь да поскорее! Наверное, уже восьмой час!» Это были голоса Андрюши и Коли, которые с трудом будили и расталкивали заспавшихся ребят.

Наступило светлое безоблачное утро. Дежурные Боря и Володя подбросили в огонь сушняка и начали кипятить чайники, варить картошку. Все умылись холодной озёрной водой, а четвёрка смельчаков, даже раздевшись, бухнулась в ледяную утреннюю воду озера.

Боря дал мне чёрную плитку китайского плиточного чая – наскоблить ножом мелких кусочков-чаинок для заварки чая прямо в кипящем чайнике. Ножик был довольно острым, и я быстро наскобил, настрогал кучку чая на свой картуз. Но, заглядевшись на купающихся ребят, я быстро полоснул себя ножом по коже перепонки большого пальца левой ладони. Я выронил плитку из рук, сжал в кулак порезанную руку, отдал чайную заварку и ножек с

.....

плиткой Боре, и пошёл к дороге, будто бы гуляя.

Никто не заметил, как я сорвал листика четыре подорожника, разжевал их и положил в левую руку, сжав её в кулак. Кровь остановилась, но левой рукой теперь нельзя было ничего делать... целую неделю.

После купанья и утреннего чая Андрюша, Яша, Коля, Проня пошли вытаскивать корчажки из третьего озера. За ним увязались и остальные мальчики, чтобы взглянуть на ночной улов карасей в третьем озере. У костра и шалаша дежурить оставлен был Боря.

В шести корчажках за восемь часов ночного лежания этих ловушек на дне озера в них оказалось сорок восемь карасей и десятков линей. Когда вытаскивали корчажку Прони с десятком рыбок, прыгающих в своей плетёной западне, мальчик захлопал в ладошки и пустился по сырой траве в пляс, радостно подпевая себе:

«Ах вы сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,
Решётчатые!»

В заключение своей пляски Проня два раза перевернулся через голову, напитав утренней росой свою рубашку.

Андрюша приказал перенести корчажки ко второму озеру, чтобы с семи часов утра до полудня положить наши «снасти» на дно этого водоёма, который дал нам вчера вечером сорок две рыбки. Ведро с рыбой отнесли в шалаш.

Опять горловины и один из боков наших корчажек были «проштукатурены» густой замазкой-тестом из отрубей. Все шесть этих шарообразных плетушек были опущены вдоль берега на дно озера как можно дальше одна от другой...

Так как Яша был всегда уступчивее, когда его называли «Яней», мы четверо – Андрейка, Петя, Витя и я – в один голос обратились к Яше с просьбой досказать до конца всю историю о петербургском привидении, называя его «Яней».

Мы забрались в шалаш, расселись на мягкой травяной по-

стилке и с напряжённым вниманием ожидали конца жуткого рассказа о привидении.

– Ну вот, – продолжал Яша, – когда студент с револьвером сидел, читая книгу, на полу начался стукаток невидимых башмаков, а из стен раздались звуки свистящие, мяукающие, квакающие, блеющие, лающие... Студент отвлёкся от чтения книги и с недоумением оглядывался по сторонам, пытаясь понять эти ночные загадочные звуки. Ему надоело ждать результатов этого загадочного концерта, он опять нагнулся к книге и стал читать. И вдруг входная дверь в зал из сеней с шумом распахнулась, и в дверях показался скелет человека, покрытого белым саваном, а в правой руке скелет держал настоящую стальную косу. В глазницах черепа мелькали огоньки. Со стен зала раздались звуки волчьего и собачьего вытья, невидимые башмаки по полу начали плясовой топот... Студент взял револьвер в правую руку и смело глядел на мертвеца с косой, который сделал три шага вперёд и начал лязгать своими челюстями. Тогда студент громко, но спокойно заявил своему мертвецу: «Если ты ещё один шаг сделаешь вперёд, я пушу в тебя три пули! Остановись!» Привидение, изображавшее смерть с косой, замерло в ожидании, а студент навёл на это привидение свой револьвер. «Смерть» продолжала лязгать своими челюстями и моргать огоньками чёрных глазниц, надеясь напугать студента. Тогда студент подошёл к открытой форточке, в которую заглядывали два вооружённых шестизарядными револьверами его товарища, и громко сказал им: «Ты, Вася, с револьвером встань у входа из дома и стреляй в каждого, кто выбежит отсюда. А ты, Федя, наблюдай за мной и, когда увидишь, что меня убивают, пали прямо из форточки в убийцу. Против меня стоит пока одно привидение, но у меня в кармане есть ещё один револьвер, так что я сначала уложу двенадцать привидений, тогда ты вступай, Федя, в бой!» Когда студент произнёс эти слова, скелет с косой грохнулся на пол, а белый саван упал на эти мёртвые кости. И перед студентом очутился мужчина, лет сорока, в простой синей рубашке, в сапогах и заправленных в сапоги штанах. Маскарад кончился, и мужчина бросился на колени, умоляя студента не стрелять в него, так как он сам был

безоружен. Студент весело расхохотался и спросил мужчину: «Чего ради ты пугаешь людей своей мертвечиной? Ведь ни один квартирант не живёт в этом помещении больше месяца? Ну, скажи, зачем ты пугаешь людей?» Мужчина пригласил студента в подвальное помещение, обещая обо всём чистосердечно рассказать.

Студент обратился к форточке и сказал товарищу Феде, что он идёт сейчас в подвал, откуда появилось привидение в виде страшного скелета, и добавил товарищу: «Ты, Федя, тоже карауль дом снаружи, а ровно через четверть часа, если я не выйду из дому, стреляй из револьвера в воздух хоть сорок раз; патронов у вас хватит; стреляйте, пока не явится полиция и народ, а Вася пусть стоит наготове и палит без разбора в каждого выходящего из дома! Стрелять начинай через пятнадцать минут». После такого приказа, который очень хорошо запомнил мужчина, маскировавшийся смертью с косой, студент по имени Коля последовал за мужчиной в подвальное помещение дома, держа наготове свой револьвер в правой руке и вынув второй револьвер из левого кармана. А в подвале-то оказались машинки небольшого размера для печатания фальшивых трёхрублёвок и рублей. Кроме мужчины, изображавшего смерть с косой, здесь ещё находились трое мужчин-фальшивомонетчиков. Студент коротко сказал: «Господа фальшивомонетчики! Быстро одевайтесь, никакого оружия с собой не забирайте! На дворе ещё два студента с четырьмя револьверами. Выходите с поднятыми вверх руками. Я иду за вами. На дворе я вам разрешаю уходить куда глаза глядят. Понятно? Шагом марш!» Четыре фальшивомонетчика, подняв руки вверх, гуськом вышли на двор. На них навели свои револьверы студенты Вася и Федя. А студент Коля скомандовал четырём подвальным жуликам: «Номер первый, иди прямо! Номер второй, иди назад от него! Руки можно опустить! Быстро!» Потом Коля скомандовал третьему, чтобы тот шёл налево, а четвёртому приказал побыстрее уходить направо.

Яша закончил свою историю так:

– Потом Коля разбудил хозяина дома и сказал ему, что привидение лежит мёртвое в зале и что в подвале почему-то горит свет. Пожелав хозяину доброго здоровья, Коля, Вася и Федя быстро

исчезли в ночной темноте Петербурга.

Окончив свой рассказ, Яша вышел из шалаша, но мы забросали его вопросами: «Как попали в дом эти жулики? Сколько времени они делали фальшивые деньги? Почему хозяин не мог их обнаружить? Как они устраивали разные свисты, мяуканье, собачий лай и другие звуки? Как по полу ходили невидимые духи? Что было потом?»

Яша обещал всё рассказать нам, а пока посоветовал нам рыбачить в озере удочками, пройти в лес и поискать на лесных полянках ягоды, саранки, черемшу, пучки, заячью капусту, половить бронзовок, жуков-дровосеков и других редких насекомых.

Все ребята рассыпались по лесу возле озера, дежурный у костра готовил уху из карасей и кипятил оба чайника, и все должны были после выстрела из пистолета возвращаться к шалашу, чтобы пообедать ухой и чаем и готовиться к возвращению в город. Вокруг озера было тихо, спокойно.

Через полчаса лесная тишина была нарушена диким криком Вити Крейтера, шнырявшего по густым зарослям кустарников: «Медведь, медведь в берлоге! Лежит в берлоге!»

Витя бросился бежать к шалашу, а я застыл на месте, стоял, дрожа ногами. К Вите подбежали Коля, Проня, Яша, прося указать на медвежью берлогу. Витя указал на кусты с берлогой, но сам отказался подойти ближе к берлоге. Когда мальчики нашли эту берлогу и подошли к ней с пистолетами, направленными на медведя, Проня вдруг радостно воскликнул: «Да ведь это в куче хвороста лежит собака, в которую мы стреляли утром!» Мальчики опустили оружие дулами к земле, а Проня побежал к шалашу, достал большой кусок хлеба и бросил его собаке под нос. Собака что-то тихо провизжала и потом стала уплетать этот хлеб.

Вскоре раздался сигнальный пистолетный выстрел у шалаша, и наша компания собралась воедино. Корчажки с уловом карасей и линей вытащены были на берег. Рыбное богатство вечернего, ночного и утреннего лова составило в итоге 135 карасей и 26 линей – оно уместилось вполне в два ведра. Мы учли, что на угоще-

ние ухой ночного бродяги и на питание нас, одиннадцати рыбаков, ушло двадцать пять рыбок. Значит, всего было поймано 186 рыбок. Самый большой карась оказался в длину примерно до тридцати сантиметров, а больше десятка были размерами от 20 до 25 сантиметров. Мы радовались успеху нашего похода за карасями.

Когда корчажки были вымыты от мучной приманки, их положили на крышу шалаша для просушки и проветривания. Трудовые часы закончились. Мы уселись вокруг чугунка с ароматной ухой и начали черпать своими кружками и чашками уху. После того, как наши кружки начали стучать в дно опустошённого чугунка, мы приступили к чаепитию. А когда доели последние куски хлеба и сахара, стали собираться в обратный путь, в город.

Мне бы хотелось остаться ещё на одну ночь в шалаше в надежде на приход из леса медведя или нападения на наш лесной лагерь стаи волков. Я шепнул об этом прачкиному Андрейке, а он мне только сказал: «Нет, надо идти домой. Я хлеб весь съел, я очень хочу есть».

Рыбачий улов (161 штуку) старшие мальчики решили разделить по «душам» – на одиннадцать частей. Определили сначала каждому рыбаку по четырнадцать рыбин, вышло 154. Оставшихся семь карасей отдали Проне (четыре) и Андрюше (три), так как их корчажки дали наибольшее количество немых обитателей лесных озёр.

Обратный поход в Кузнецк оказался по времени в полтора раза дольше, чем вчерашний поход, так как рыбу несли в двух ведрах с водой, продев длинные палки в дужки вёдер. Одно ведро с рыбой несли Коля, Валя, Проня, я, Андрейка и Витя, держа по трое передний и задний концы палки, просунутой через дужку. Другое ведро несли за передний конец палки Андрюша, Володя и Петя Чусевы, задний конец палки несли Яша и Боря Коновы.

Кроме этих общих грузов надо было тащить на спинах корчажки, два чайника, чугунок, удочки. Песен петь не пришлось. Через каждый километр останавливались, вытирали платками или рукавами рубашек свои потные лбы. Не пришлось любоваться природой.

Неожиданную остановку вызвала пролетавшая низко-низко беспорядочная стая журавлей, и мы сосчитали в ней двадцать семь птиц.

Володя предложил решить известную задачу о том, как летевший гусь приветствовал встречную стаю гусей возгласом: «Здравствуйте, сто гусей!» Один гусь из стаи ответил на это приветствие так: «Нас не сто гусей, а столько да ещё столько, да пол-столько, да четверть-столько, да ещё ты, гусь, с нами – вот тогда нас будет сто гусей!»

И Володя спросил: «Так сколько же летело в этой стае гусей? Кто решит эту задачу, пусть скажет мне на ушко!»

Коля, Валя, Яша и Андрюша знали, что в стае было тридцать шесть гусей, а мы, «мелюзга», ломали голову, называя то сорок, то тридцать пять, то тридцать гусей.

Когда число 36 было названо, Валя задал задачку, сколько надо подать ложек, если кашу едят сын с отцом, сын с отцом да дедушка с внуком?

Потом решали в уме задачу о том, сколько чашек понадобится, если придётся угощать мать с дочерью, мать с дочерью да бабушку с внучкой?

Наконец, более весело и быстро решили задачу: «Сидят три кошки, против каждой кошки две кошки – много ли всех?»

К городу подошли усталые, вспотевшие, измученные... Дома встретили нас радостно и уверяли, что за этот поход и ночёвку в лесу мы заметно поумнели и возмужали.

ГЛАВА XXI ДЕВЯТАЯ ПЯТНИЦА

В моей записной книжке случайно сохранилось четверостишие неизвестного стихотворца о мимолётности детства:

«Просверкали, как зарницы,
Радость, счастье детских дней.
Пролетели, словно птицы,
С днями – тысячи ночей...»

Да, бывали в годы отрочества такие сверкающие дни, такие ночи, которые отпечатались в памяти на десятки лет...

Вот передо мной возникает шумный, весёлый, тревожный и памятный день так называемой «девятой пятницы». Это был церковный праздник в старое далёкое время. В церковном календаре числилась «Параскева пятница», то есть святая мученица римских времён по имени «Парасковья». Все русские «Параши» справляли свои именины в этот день, который приходился на девятую пятницу после пасхи, значит, эта «пятница» была в разное время: то в июне, то в июле, так как пасхальный Бог-сын, то есть легендарный Иисус Христос, воскрес после трёхдневной смерти или в марте, или в апреле.

Нам, ребятам, этот день давал веселье, прогулку чуть не до села Ильинского, собирание цветов и ягод. Мы только жалели, что не было кроме «Параскевы-пятницы» ещё какой-нибудь «Анны-субботы» или «Варвары-среды», которых бы праздновали в десятую субботу или в одиннадцатую среду после Пасхи...

Мы бы тогда не один раз, а три раза в лето с упоением толкались среди других городских ребят и богомольных тётушек по дороге от Кузнецка до села Ильинского, где находилась икона «Ильи пророка». А по пути к Ильинскому мы успевали обежать поля и

луга и даже искупаться в лесном озере до встречи иконы.

И вот наступила «девятая пятница». Пришлась она на 20-е июля по старому стилю. А 20-го июля праздновался всегда «Илья пророк», который въехал на небесный свод, стоя в колеснице, запряжённой парой чудесных лошадей. Это был Ильин день, а пришёл он как раз в девятую после пасхи пятницу. Или, наоборот, «девятая пятница» в тот год случилась именно в Ильин день – 20-го июля.

Наша мать разрешила нам, трём братьям, присоединиться к братьям Чушевым, Коновым и другим товарищам и дала совет держаться всем вместе, не затеряться в тысячной толпе народа. На дорогу мы получили хлеб, соль и варёные вкрутую яйца. Путь до Ильинского и обратно до города равен сорока километрам.

На вопрос нашего прекрасного русского поэта Н.А. Некрасова «Кому живётся весело, вольготно на Руси?» мы не задумываясь ответили бы в 1900-м или в 1901-м году в июле в день «девятой пятницы», что на Руси «живётся весело, вольготно» нам, кузнецким школьникам. На этот день с утра до вечера мы получали полную свободу действий, путешествий, игр, участия в народном празднике.

Мы стайкой вольных птиц без экскурсоводов, без воспитателей в 10 часов утра весело, задорно, вперегонки вбежали на крепостную гору. Мимо крепости, пройдя овраг с мостом, мы торопливо зашагали к селу Монастырю. Здесь мы напились холодного кваса из бочонка, выставленного добросердечным хозяином на столе возле дороги.

Солнце было жаркое-прежаркое. Из бочонка пили все, идущие встречать «Илью-пророка», и благодарили за прекрасный квас стоявшего здесь щедрого хозяина. Мы утоляли свою телесную жажду, а хозяин бесплатного кваса утолял своё жаждущее добра сердце.

Напившись квасу, мы бодро пустились дальше по дороге. Так как икона поздно выносилась из Ильинского, мы успели пройти от города восемь километров и дошли до поворота к нашим зна-

комым лесным озёрам, где проживали караси с линиями.

Наша компания состояла из десятка мальчиков, недавно почивавших здесь у озера во время ловли корчажками линей и карасей. Мы подбежали к знакомому пруду-озеру, к своему шалашу и без команды, без сговора, торопясь, спеша, пыхтя, кто сидя на траве, кто стоя мигом сбросили с себя одежду, сняли сапоги с портянками и с разбега бросились в холодную воду, пугая карасей, линей, лягушек и водяных жуков. Вода в этом малом озёрке запенилась и закипела от прыганья, купанья, плаванья, нырнанья и беспорядочной возни, борьбы, барахтанья друг с другом. Со дна спокойного лесного озёрка поднялась илистая муть.

Мы позабыли бы, что скоро подойдёт икона из Ильинского, но вдруг с берега брат Коля тревожно закричал: «Несут, несут! Скорее на дорогу!»

Наскоро одевшись, мы бегом пустились на кузнецкую дорогу, где должен был проследовать «Илья-пророк», нарисованный красками на деревянных досках.

И только выскочили мы к дороге, как совсем близко к нам со стороны Ильинского надвинулся, как туча, крестный ход. Впереди огромнейшей толпы народа, окутанного дорожной пылью, шёл деревенский парень с обнажённой головой и нёс, держа двумя руками деревянный, разукрашенный цветами, обвитый синей лентой крест. На кресте был нарисован распятый когда-то римлянами легендарный божий сын – Иисус Христос.

Мы сразу же, как по команде, сдернули с голов своих соломенные шляпы. Мы впились глазами в невиданное зрелище.

За крестом шесть мужиков на длинных носилках несли икону «Святого Ильи-пророка», утверждённую на этих носилках вертикально. Святой пророк был изображён суровым исхудалым стариком с седой бородкой. Деревянная икона имела серебряный оклад и была вставлена в киот, то есть в широкую деревянную застеклённую раму. Перед иконой в утверждённых к киоту подсвечниках горели девять восковых свечей.

За иконой самого пророка шли молодые парни из Ильин-

ской церкви, неся иконы меньшего размера с изображениями других святых; эти иконы были прикреплены к коротким палкам-ручкам и тоже были увиты лентами и полевыми цветами. Этих иконок было шесть.

После всех икон колыхались над толпой «святые хоругви», то есть церковные знамёна, изготовленные из разных материй, расписанных красками, расшитых золототкаными и серебряными нитями. На хоругвях изображались то святые, то Христос, то ангелы и архангелы, то простые кресты, копыя, звёздочки, цветы.

За хоругвями шли в ризах три священника, три дьякона и три дьячка. У дьяконов в правых руках висели на цепочках дымящие ладаном кадила, а священники несли в руках зажжённые восковые свечи. Все девять служителей церкви начинали в сотый раз молитву: «Святой пророке божий Илье, моли бога о нас». Затягиваются нараспев первые два слова: «святый пророке».

Это начало подхватывали ближние идущие люди, за ними продолжали тянуть дальние. И в воздухе стоял нестройный тысячеголосый хор голосов, певших эту молитву в разных темпах, в разных тонах, не слушая друг друга, с разными паузами между словами. Поднятая дорожная пыль лезла поющим в глаза, в рот, в уши, садилась на непокрытые головы.

Мы пропустили мимо себя сотни поющих и разговаривающих между собой людей и последовали за крестным ходом сзади.

А когда в селе Монастырь шествие остановилось для отдыха и для молебна (по просьбе «монастыря»), мы решили опередить огромную толпу и полями, перелесками, оврагами, прямым путём отправились к Кузнецку.

Мы насыщались плодами нашей сибирской земли, так как умели находить в лугах и по низинам пучки, саранки, заячью капусту и черемшу, называемую нами колбой. На лугах встречались ягоды: крупноплодная костяника, душистая сладкая клубника.

Для матери, никогда не встречавшей и не провожавшей «Илью-пророка», мы с Колей набрали красочные букеты цветов, таких как донник с белыми длинноватыми цветочками, незабудки

голубые, жёлтые лютики, белые ромашки, розовые подорожники, жёлтый девясил, лиловый тысячелистник, оранжевые огоньки. Брат Валя надёргал по обочинам дорог большую связку чернобыльника, стебель, листья и корни которого шли на приготовление нашей матерью лекарственного питья от «падучей болезни».

Мы опередили шествие с иконами на полтора часа. Мы уже успели дома пообедать, как со всех церковных колоколен – собора, Богородской церкви, крепостной церкви и кладбищенской – разнёсся по городу Кузнецку и окрестностям весёлый, радостный трезвон. Это означало, что «Илья-пророк» с иконами и хоругвями от крепости по взвозу спускается к собору – своему приюту на ночь.

Мы выскочили в переулочек и увидели весь склон крепостного холма усеянным живыми красными и белыми, жёлтыми и синими, розовыми и голубыми цветами. Бабушки, тётушки, девушки и девочки, а также дедушки, парни и мальчики спускались по взвозу вместе с иконами и сыпались сверху по крутому склону холма, спеша скорее к собору занять самое хорошее место для обозрения плывущего вниз моря голов, платочков, шляпок, ленточек. И тысячи голосов пели: «Святой пророке божий Илие, моли бога о нас», а богомольные старушки и тётушки, встречавшие, ожидавшие крестный ход внизу у собора, тянули по складам свою молитву: «Пере-се-вя-та-я бо-го-ро-ди-ца, моли бога о нас».

А звонари четырёх кузнецких церквей надрывались, встречая «пророка» то красным звоном, то малиновым, то звоном, похожим по мотиву и тактам на песню «Барыня угорела, много сахару поела».

Но вот и крест ильинский, и пророк ильинский и все ильинские иконы и хоругви были поставлены в соборе на середину помещения, и начался молебен и «акафист», иначе, славословие и моление пророку.

Нам, ребятам, конечно, вполне было достаточно той святости, которой мы наполнились от встречи ильинского «пророка Ильи», а потому наша ватага пустилась от собора наперегонки на поле за городское кладбище, где собиралось мужское население города.

Здесь состоялись конские состязания верховых наездников. Сюда же приведены были из соседних деревень низкорослые сибирские лошадки, которые изумляли своей выносливостью всех коннозаводчиков царской России.

Когда сибирские лошадки в первом туре состязаний с жокеями (седоками) на спинах бежали на дистанцию в два километра, их, конечно, обгонял потомок орловских рысаков. Но вот дистанция в два километра была увеличена на любое количество километров, то есть на состязание по выносливости лошадей.

Лошади должны были бежать от одного столба до другого, находящихся на расстоянии двух километров друг от друга, потом, обогнув один столб, возвратиться к старту и опять бежать два километра, обежав стартовый столб.

И что же получилось? Первым пошёл потомок орловских рысаков, запряжённый в лёгкую четырёхколесную тележку, а за ним на паре сибирских мохнатых лошадок следовал, сидя на крестьянской телеге, мой дядя Лёва, муж тётушки Марьи, сестры моей матери... Дядя Лёва был знаменит среди крестьян Кузнецкого уезда тем, что с ножом и рогатиной один ходил в тайгу на осеннего и зимнего медведя, которого сначала он брал на рогатину, а потом запарывал своим ножом.

Наша ребячья группа приветствовала гонку рысака и Лёвиных лошадок, которых мы прозвали «мышками».

Гонка началась. Рысак прошёл от столба к столбу три раза; кучер попридерживал его, чтобы он не истратил своих сил прежде времени. Но пробежав от столба к столбу пять раз, значит, всего 10 километров, рысак покрылся пеной у шлеи, у хомута, и изо рта его разбрызгивались вокруг хлопья пены.

Кучер рысака решил ещё прибавить счёт километров к славе рысака, но, прибавив ещё четыре километра, его подшефный вдруг пошёл спокойным шагом. Кучер понял, что он может погубить лошадь, понукая её к бегу. Он соскочил с тележки, схватил рысака под уздцы и бегом отвел его от места ристалища... Сотни людей приветствовали четырнадцатикилометровый пробег рыса-

ка горячими аплодисментами.

А дядя Лёва, успевший закурить сигарку, сидел спокойно на телеге и пошёл ещё на два километра – стало шестнадцать; потом ещё на два километра – стало восемнадцать, потом лошадки пробежали все двадцать километров.

Сотни людей захлопали в ладоши и закричали: «Молодец! Валяй ещё!»

Лошадки-«мышки» бежали с той же быстротой, как и рысак, но без порывистого дыханья и без пены...

Дядя Лёва знал своих лошадок; он однажды без остановки так же проехал на них пятьдесят километров от села Коурак до села Сосновского. Дядя Лёва решил и теперь, в день «девятой пятницы», показать чудесную выносливость своих мохнатых «мышек».

Когда дядя Лёва проезжал мимо нашей ребячьей ватаги, мы приветствовали его взрывом возгласов: «Ура, дядя Лёва! Ура! Победил рысак! Bravo!»

А Лёва улыбался нам и спокойно правил парой лошадок, отпустив свободно верёвочные вожжи.

Вот прибежали лошадки двадцать оборотов вокруг двух столбов, что составило сорок километров, а Лёва пересел на другую грядку телеги и только причмокивал губами, подбодряя своих маленьких деревенских работниц-«мышек».

После пробега сорока километров, на что понадобилось дяде Лёве три часа, без единой остановки, все многосотенные болельщики без усталости кричали, аплодировали, на все лады свистели. А мы кричали дяде Лёве:

«До пятидесяти осталось четыре оборота!»

Потом в диком восторге мы подбодряли дядю Лёву криками: «Осталось три оборота... осталось два оборота... остался один оборот!»

И когда дядя Лёва сделал безостановочно пятьдесят километров на своих лошадках, всё поле взревело от восторга; в воздух полетели картузы и шляпы, а некоторые девушки махали снятыми

с голов цветными платками и косынками.

Не находя другого выхода для выражения радости и восторга от победы Лёвы, я три раза перекувырнулся по траве через голову, крича «ура». Мои друзья, прачкин сын Андрейка и Петя Чушев, последовали моему примеру...

Народ вокруг хлопал в ладоши и смеялся на нашу «акробатическую восхищённость» победой маленьких сибирских лошадок над крупным, красивым рысаком.

Потом пустились мы вдогонку за телегой, отъехавшей в сторону города, догнали победительниц и по приглашению дяди Лёвы нагромоздились всем десятком на телегу и с песней «Ах, вы, сени, мои сени» торжественно въехали на Соборную улицу, сопровождаемые десятками бегущих рядом городских ребят.

Кончился шумный, весёлый для нас, занимательный день «девятой пятницы». Начинались сумерки.

Мы сидели с матерью за вечерним чаем, передовая свои впечатления, дополняя рассказы о виденном за день, восхищаясь победой дяди Лёвы, сидевшего с нами за чайным столом.

И вдруг в вечернем воздухе раздались колокольные звуки набата. Мы все выскочили на улицу и увидели по направлению к собору отсветы пламени на домах левой стороны улицы и на самом белостенном соборе. Люди бежали, торопясь к пожару, по дворам принялись лаять собаки, к пожару приехала бочка с водой от купца Недорезова. А пожар рос, разгорался, освещая даже крепостные стены на горе. Чья-то старушка, стоявшая среди улицы против нашего дома, крестилась и все причитала скороговоркой: «Господи, помилуй, господи, помилуй!»

Когда я вернулся с улицы во двор, я был ошеломлен огромным столбом дыма и сверкающими искорками, вперегонки летящими в тёмное вечернее небо... Кто-то сообщил, что загорелся сеновал с остатком сена и огромный амбар купчихи Медниковой за четыре дома от собора и за пять домов от нашего навеса и амбара. Со стороны пожара слышались отчаянные крики его тушителей, слышался сухой треск горевших брёвен строения и даже

ржание каких-то лошадей.

Но все шумы покрывал торопливый, прерывистый, тревожащий население Кузнецка набатный звон; особенно неистовствовал звонарь на колокольне Богородской церкви.

Со стороны бушевавшего столба пламени подул слабый ветерок, и до нашего двора начали долетать падающие как будто с неба горячие, светлые искорки. С пожара прибежал дядя Лёва и сообщил, что огонь тушат две пожарные машины, а сотни глазующих зрителей, сбегавшихся с ярмарочного базара, кричат, шумят, советуют тушить сперва сеновал, а потом амбар со складом тёса, с бочкой керосина; из-за одной машины тушители пожара подрались: один тянул рукав в сторону сеновала, а другой – к складу тёса.

Ветерок усилился, и на наш двор стали падать с неба крупные, длинные горящие стебельки сухого сена.

Пожар усилился, и вдруг огромное пламя осветило всё небо – это разлился керосин из обгоревшей бочки и взметнулся столбом пламени. Сотни голосов испуганно-пронзительно взорвали воздух. По улице мимо дома метнулись две женщины, крича визгливо: «Горим, горим!»

Мы всей семьёй, стоявшей во дворе, следившей за пожарищем, сразу вздрогнули. А мои нервы не выдержали, и я с ужасом кинулся к матери, крича: «Бежим скорей на гору, к крепости! Там мы не сгорим. Сейчас наш дом вспыхнет! Бежим отсюда! Скорей, скорей!» Я дрожал, как в лихорадке. Мать успокаивала меня всячески, потом отвела домой, помогла раздеться, дала выпить чашку сладкого чая с молоком, уложила на кровать, прикрыла одеялом и, сказав, что «пламя утихает, там больше нечему гореть», села за стол. Приблизив к себе керосиновую лампу, она раскрыла роман Л.Н.Толстого «Анна Каренина» и углубилась в чтение.

Минуты две внимательно я всматривался в лицо читающей. Но когда она перевернула страничку своей книги, я понял, что она совсем не думает о сгоревшем сеновале купчихи Медниковой. Я повернулся на другой бок, отвернувшись от света лампы, и, совершенно успокоившись, вскоре заснул.

Так прошли весёлые, интересные, радостные, тревожные с утра до ночи часы нашего далёкого кузнецкого двойного праздника – «Ильина дня» и «девятой пятницы».

ГЛАВА XXII ПРОЩАЛЬНЫЕ КАНИКУЛЫ

*Ушла, не вернётся золотая пора
Святой безмятежности, слёз и добра.*

После того как мои братья оканчивали курс трёхклассного приходского начального училища, наша мать проводила их через первый класс уездного училища. Она считала, что после такого четырёхлетнего начального обучения в школах Кузнецка, братьям будут «легче учиться» в Томской губернской гимназии.

Такой же учебный четырёхгодичный стаж прошёл и я, закончив в мае 1900-го года первый класс уездного училища. Из этого годового периода школьной жизни мне припоминаются только три момента: во-первых, стояние на коленях в углу верхнего коридора на низеньком ящичке с песком и, возможно, с подсыпкой гороха, незнакомого мне мальчика из второго класса училища; во-вторых, черчение на уроке географии карты Европы по подготовленной мною с большой любовью и старанием сетке параллелей и меридианов земного шара; в-третьих, огромная, в свечах, фонариках, бумажных цепях, игрушках, конфетах и орехах новогодняя ёлка, вокруг которой мы водили хоровод, пели песни и отгадывали загадки учительницы; одну из загадок я запомнил на всю жизнь, так как никто из учеников не смог её отгадать: «Бел, чист, как алмаз, я от матери рождён, сам её рождаю».

В мае, наконец, наступили мои каникулы после уездного училища. Мать напомнила мне, что это будут последние каникулы перед гимназией, что в начале августа мы поедем в Томск. Мать добавила ещё, что через четыре дня должны приехать домой в Кузнецк из Томской гимназии перешедший в пятый класс брат Коля и в третий класс брат Валя. И пугало – гимназия – сразу исчезло; я сказал матери, что пойду встречать братьев к Ильинскому.

Утром в день ожидаемого приезда из Томска братьев-гимназистов я почувствовал прилив бодрости, задора и весёлой храбрости, заявив матери, что я иду встречать Колю и Валю к селу Ильинскому, куда мы ходили в день «девятой пятницы».

Мать улыбнулась, положила мне в сумку хлеба, соли, пару варёных яиц, пять кусков колотого сахара и добавила: «А воды напьюсь из Томи у перевоза перед селом Ильинским».

В свою сумку я положил приложение к журналу «Нива» – роман Шеллера-Михайлова «Гнилые болота». Захватив с собой тонкую палку, я в девять часов утра зашагал по переулку в гору к крепости и, ни капли не сомневаясь в своём успехе, пошёл бодро от города в поле, по дороге – на восемнадцатый километр. И это не сон, не басня. Солнце светило и жарило, как это бывает в конце мая (а по новому стилю в середине июня), но моя соломенная широкополая тридцатикопеечная шляпа служила мне «верой и правдой», защищая от возможного солнечного удара.

А кто мне поверит, что я шёл от села Монастырь до поворота к лесным озёрам и дальше мимо Баксана и Телеутов и ещё дальше – до перевоза у села Ильинского – шёл, шёл и на ходу читал роман Шеллера-Михайлова «Гнилые болота»? Кто поверит? Однако, это было так. Я даже помню какое-то внутреннее довольство, чувство гордости, что я читаю этот серьёзный роман, что я ни капли не боюсь возможности нападения на меня волков или медведя, который несколько лет назад напал на пасеку и умертвил собаку Полкана.

Нигде ни разу я не присел отдохнуть и подошёл к перевозу через Томь. Я промерил эти восемнадцать километров за четыре часа. Решил освежиться в Томи. Поплескался у берега, оделся и сел на берегу в ожидании приезда сюда своих братьев.

На вопрос паромщика, куда я направляюсь, я объяснил ему, что сейчас должны «на перекладных» подъехать из Томска два брата-гимназиста, и я с ними поеду домой в Кузнецк.

Сидел на берегу полчаса, ещё полчаса. Телеги с братьями не было. Просидел ещё полчаса. Перевозчик даже заснул на своём пароме. Тогда я встал, посмотрел на солнце, которое жгло сильнее, чем утром, и зашагал обратно, надеясь до заката подойти к городу, надеясь на то, что, авось, меня догонит телега, везущая братьев и других гимназистов из Ильинского в Кузнецк.

Читать роман «Гнилые болота» я не стал, но, наоборот, старался ускорить свой шаг и чаще поглядывал по сторонам. На душе стало как-то боязливее и тревожнее – мечта моя встретить братьев у Ильинского и с ними проехать обратные восемнадцать километров растаяла. Чтение меня отвлекало утром, а теперь я только спешил домой.

Сзади послышался стук телеги. Но это шла только одна лошадь, а в телеге сидел крестьянин, который пригласил меня к себе и обещал доставить до города.

Мы вскоре проехали знакомый мне поворот от большой дороги влево к лесным карасёвым озёрам. Значит, я успел от перевоза на Томи пройти примерно девять километров, а на телеге этого приветливого, услужливого крестьянина проехал вторые девять километров.

Дома я с грустью доложил матери, что не дождался Коли и Вали, что их сообщение в письме о сегодняшнем приезде не оказалось точным. Мать накормила меня обедом, и я, измученный напрасным путешествием к Ильинскому, свалился спать.

Спал я плохо, ворочался с боку на бок. Не прошло и часа, как я услышал звон колокольчиков. Соскочив с постели, я бросился на улицу – к нашим воротам подкатила пара ямщицких лошадей, а на телеге сидели улыбающиеся гимназисты, приехавшие на каникулы из Томска. Тут я увидел Андрюшу Чушева и своих братьев Колю и Валу, и Васю Хворова, и Ену Тартакова

И вот теперь-то и начались мои прощальные с городом Куз-

нецком каникулы перед поступлением в гимназию.

Энергия наша была неиссякаема – с утра мы отправлялись в полевые походы за ягодами и часто приносили матери до десятка стаканов земляники, полевой клубники, не считая любимой нами костяники и начинавшей поспевать боярки; мягкие ягоды боярышника мы сминали в комки и поджаривали их в пламени костров в походе или потом дома – это был «боярочный шашлык».

С компанией ребят ходили на болота, чтобы вырезать себе добротный стебель тростника – для соревнований «копыеносцев», значит, чьё копыё улетит дальше.

А вечером наша ватага товарищей, человек до двадцати, мешала проходу и проезду по Соборной улице или по переулку игрой в лапту. После строгого окрика какого-нибудь городского дяди мы убегали играть в лапту на гору, на большую поляну возле крепостного острога (тюрьмы). Тут можно было, не стесняясь, бить по мячу и салить бегущих игроков.

Гомерическим хохотом заканчивались часто наши городошные состязания, когда ребята, проигравшие партию в городки, везли на своих спинах победителей при общем смехе уличных прохожих и других ребят.

Не менее смешной была игра в чехарду, с обязательством «чисто» перепрыгивать через спину наклонившегося товарища. Выстраивались мы цепочкой и один за другим прыгали через десять или пятнадцать стоящих впереди мальчиков. Кто падал, не перепрыгнув, тот выбывал из игры. А самые сильные и выносливые прыгали иной раз без остановки на километр. Победителем был оставшийся один.

Игра в свайку заключалась в умении воткнуть в середину железного кольца, лежащего на мягком грунте, кованный тяжёлый гвоздь со сплюсненной шляпкой.

А «шайбу» (камень, гайку) мы гоняли между двумя глубокими лунками с тридцатиметровым расстоянием между ними. Разрешалось гонять шайбу клюшками и особым «батиком», то есть палкой с утолщением на конце. Та партия ребят, которая загоняла шайбу в ямку противника, считалась победительницей.

Играли мы и в палочку-застукалочку, в «догоняшки» по заборам, по деревьям, по крышам дома и флигеля, по сараям. Разрешалось убежать от ловца-догоняльщика на улицу, в переулок, в сад, в огород.

Весело, забавно прыгали, кружились и удирали мы от своего товарища с завязанными платком глазами, играя в жмурки... Играли не в комнате, а в переулке на лугу.

Когда наша стайка ребят после бешеной гонки друг за другом и ловли своих противников в высоких травах и между грядками в огороде утомилась играть в «казаки и разбойники», Боря Конов пригласил всех сразиться в крикет и покататься «на гигантских шагах» – у них, у Коновых, во дворе.

Едва наши команды успели прогнать свои шары через ворота и «мышеловку» – от кольшка до кольшка, два раза, как Яша Конов улыбаясь заявил нам:

– Кто хочет играть в крокет, пусть играет, а кто хочет послушать моё объяснение, как фальшивомонетчики пугали всех квартирантов в петербургском «доме привидений», прошу, присаживайтесь здесь на крылечко, об этом я расскажу.

Все мальчики поставили в кучу у стенки свои молотки, сигналы шары и нетерпеливо глядели на Яшу. Тот принял важный вид и начал нам докладывать:

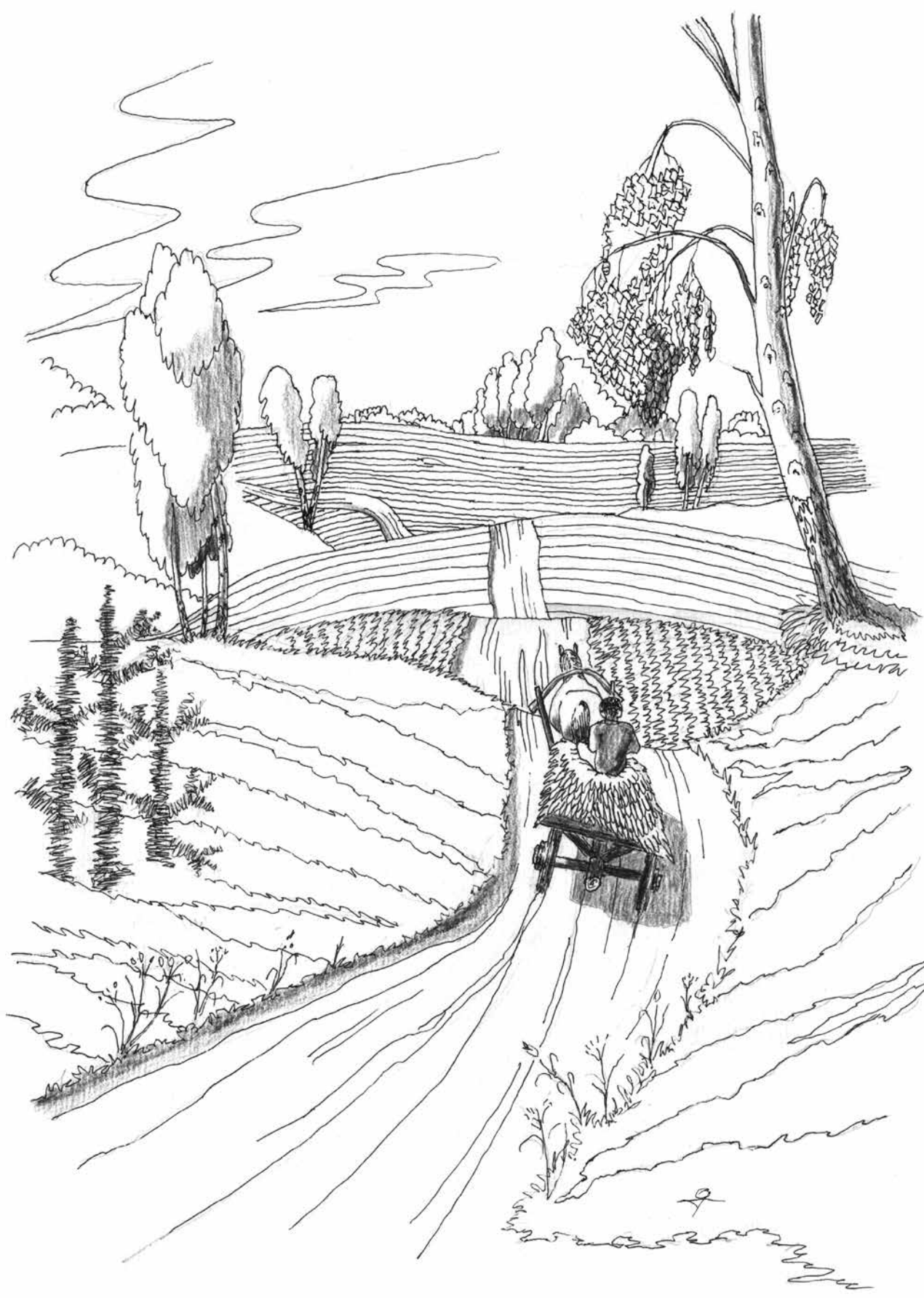
– Слушайте! Все квартиранты этой страшной квартиры по ночам отчётливо слышали, что по полу в зале ходят какие-то невидимые духи... Оказывается, пол в зале был двойной, и под половицами верхнего пола было пустое пространство. И вот по нижнему полу, лёжа на спине, ползали жулики и туфлями, одетыми на руки, ударяли снизу в половицы верхнего пола, стараясь ударами воспроизводить ходьбу человека или пляску людей. А разные звуки, которые производили стены этой квартиры, фальшивомонетчики делали через небольшие стенные отверстия, незаметные для квартирантов. Эти отверстия были сквозные, и в стенах зала были замурованы бутылки, дудки, пикульки. Когда было нужно пугать жителей квартиры, отверстия открывались, и звуки производили или наружный ветер, или сами жулики посредством дутья в эти бутылки и дудки через резиновые трубки.

На вопрос Яши, поняли ли все эти устройства жуликов, мы могли только, глубоко поражённые рассказом, ответить:

– Ну, здорово! Ну и жулики!

Тогда Яша продолжал:

– А теперь главное: откуда и как появлялся и внезапно скрывался человеческий скелет, изображающий смерть с косой. Оказывается, коридорная стена нижней квартиры была вдвое толще стен всего дома, и внутри этой стены жулики устроили проход и ступеньки вниз в подвал, где помещалась их типография для печатания фальшивых рублей, троек, пятёрок. Жулики очень ловко и незаметно умели длинной проволокой открывать засов и крюк квартирной двери. Потом, поднявшись по тайной лестнице из подвала к залу, они несли вперёд скелет со сверкающими глазами и этим явлением наводили ужас на жителей квартиры.

– А где же эти ловкачи мертвеца-то слямзили? – спрашивает Витя Крейтер. Яша объясняет, что голову, то есть череп человека, они раскопали на кладбище, а рёбра и другие кости сделали из деревянных планок да из телячьих рёбер.

– А как же хозяин дома не заметил и не знал о тайном ходе в подвал, о двойном поле в зале, о бутылках и дудках в каменной стене? – спрашивает Коля. Яша поясняет, что эти жулики, их было пятеро, сняли квартиру на летнее время, когда хозяин и его семья уехали на дачу, и успели оборудовать своё жульническое хозяйство. А потом они съехали с квартиры, так как не желали навлечь подозрение полиции, так как семьи их проживали в разных городах России, все они были одиночки.

– Ну, ладно, – закончил Яша, – идём, сыграем в «три листка» на бабки! Я бегу за картами!

Яша принёс колоду карт, и мы начали «резаться» в «три листка», то есть каждому игроку сдавались по три карты, объявлялся козырь; первый игрок ходил с одной карты, а следующие «крыли» и «наваливали» одну карту следующему игроку; последняя сильнейшая карта давала выигрыш её хозяину. Выигрыш составлял иногда десять, иногда двадцать бабок смотря по величине ставки и добавлениям в процессе игры. Игра в «три листка» была настолько распространена в Кузнецке, что часто можно было видеть играющих и на крылечках возле домов, на свободных базарных прилавках, на лужочке в переулке, во дворах. Бывало, подойдёшь к группе играющих, чтобы посмотреть игру, и поражаешься – сидят бородатые мужчины, держа в руках свои три карты, а посередине у колоды карт с объявленным козырем лежат медяки, гривенники, двугривенные, бумажные рубли и даже зелёные тройки. Люди вошли в азарт и кричат: «Я замирил и под тебя даю рублёвку!» или «Замирил и под тебя – полтину!» и так далее.

Наши ребячьи «три листка» никогда от бабок не переходили на копейки, а тем более на рубли, кроме денежного Яши Конова, который однажды сознался, что выиграл у мужиков на базаре более четырёх рублей.

Более горячо и страстно мы увлекались игрой в бабки на

Соборной улице и в переулке, расставляя бабковый кон прямо на дороге и сбивая эти десять, двадцать поставленных в ряд бабок своими битками, панками и свинчатками, то есть большими бабками с налитым внутрь их расплавленным свинцом или оловом. В отличие от панка маленькую бабку мы называли «люшкой». Цены на говяжки бабки почему-то начали снижаться и от копейки за пять бабок сначала дошли до копейки за десяток, а потом и до копейки за два десятка. Наверное, мы все поумнели, и нам стыдно стало свинчатками и каменными плитками швырять по бабкам на кузнецких улицах.

В эти прощальные каникулы почти никто из наших знакомых мальчиков не стал охотиться с рогатками и даже пистолетами на воробьёв, ворон и галок. Никто не занимался для забавы ловлей стрижей и ласточек на пушинку, привязанную к камушку.

Эти прощальные каникулы 1900 года были омрачены тяжёлым печальным событием для города Кузнецка и всего Кузнецкого уезда – была объявлена мобилизация запасных солдат на войну с Китаем. Чем оскорбил миролюбивый Китай царскую Россию, мы совсем не знали. Мы тогда не знали и не понимали, так же как не понимали несколько сот оторванных от мирного труда солдат, что царское правительство просто состоит в тесном сотрудничестве с империалистами Германии, США, Англии, Франции, Японии, Австро-Венгрии и Италии. Тёмный народ верил, что Китай напал на Россию, а не наоборот, что на Китай напали восемь государств, вторглись в него во имя грабежа, заняли в августе Пекин.

И вот толпы горожан Кузнецка, толпы ребят на площади перед казармами и кладбищем провожали невольных царских солдат на войну с Китаем. Плакали матери, плакали жёны, плакали дети. Угоняли солдат в далёкий Китай. Солдаты сидели по два, по четыре на телегах, запряжённых парами лошадей. Сотни две телег с солдатами, их жёнами, отцами, матерями и провожающими их детьми длинным обозом после молебствия потянулись вверх через городскую улицу к крепости, чтобы доехать до ближайшей станции железной дороги, а потом поездами добраться до Китая.

Мы, ребята, тоже вытирали свои слёзы кулаками, не в силах в этот день играть, бегать, думать ни о чём другом.

Расскажу ещё об одном событии июльских дней моих прощальных каникул 1900-го года. Это произошло во время ребячьих игр в «разлуку».

...Пять вечеров до темноты мы бегали, резвились на лугу против домов Васильева, Янковского и Красимовича, играя с неизвестными нам девочками, даже не знакомясь с ними. Становились очередью парами и впереди стоявший «разлучник» должен был по знаку – «раз, два, три» – догнать кого-нибудь из пары, «разлучив» нас.

Мне пришлось, взявшись за руки, стоять в паре с однолеткой Верочкой, очень живой, быстрой на ноги, улыбчивой черно-волосой и черноглазой девочкой. По знаку «раз-два-три» после песенки «гори-гори ясно, чтобы не погасло» мы с Верочкой бросились в разные стороны. Не успел догоняльщик-разлучник развить скорость своих ног, как мы вновь на бегу соединили наши руки и, запыхавшись, счастливые своей непобедимостью, остановились за последней парой играющих. Мы восхищённо смотрели друг на друга в глаза и крепко сжимали друг другу руки, ожидая своей очереди вновь, обещая друг другу при пробежке не допустить нашей разлуки.

Верочка шепнула мне: «Вот здорово мы пробежали!» Я ответил ей: «Опять будем вместе» и крепко сжал её руку.

Настала наша очередь бежать, и мы вихрем пронеслись сначала в сторону, затем постарались сблизиться, протягивая руки навстречу друг другу, и за три шага от догоняльщика соединили наши руки и, порывисто дыша, стали вновь на своё место в очереди.

Раза четыре или пять в этот вечер мы с Верочкой летали по луговине, ни разу не разлучённые, становясь вновь и вновь на своё очередное место. И вновь мы жали руку друг другу и в радостном любопытстве и восхищении вновь любовались друг другом, будучи довольными нашей неразлучностью.

И день за днём меня потом тянуло невидимым, неизвестным магнитом на эту зелёную поляну на вечернюю игру «в разлуку», где нас с Верочкой ни разу не смог разлучить ни один даже самый прыткий догоняльщик.

Несколько раз в эти прощальные каникулы мы кружились на верёвках исполинскими шагами вокруг столба на дворе у Коновых. И всегда на нас из окна второго этажа сверху с улыбкой смотрела девочка Маруся Малеева. Мы ловили её ободряющую улыбку и старались выказать себя героями на своих верёвках. Улыбки Маруси были для нас как бы одобрительными улыбками средневековой дамы, и мы, одиннадцатилетние «рыцари», лезли из кожи, задыхаясь от быстрого бега, чтобы перещеголять друг друга перед Марусей своей удалью. Мы знали, что за Марусей ухаживает Яша Конов, петербургский гимназист третьего класса. Но я не завидовал Яше, так как твёрдо и без сомнения был уверен, что моя Верочка лучше, резвее, умнее и сказочнее Маруси Малеевой.

И свою тайну симпатии и любования Верочкой, свою душевную привязанность к Верочке я никогда никому ни за что не открывал.

А когда закончились мои волнующие встречи с Верочкой на городской поляне, когда пришёл конец игре «в разлуку», я почувствовал в душе своей потерю чего-то, недостаток, какое-то тревожное одиночество. Я узнал, где проживает Верочка, и каждое утро стал прибегать к обрыву возле Богородской церкви минут на пять, на десять. Внизу во дворе дома Попова я каждый раз ожидал, высматривал сверху жадными глазами свою Верочку. Она появлялась на дворе одна или с сестрой. На ней менялись платица, но шляпка для прогулки оставалась той же самой, в которой она бежала со мной, играя на лугу в «разлуку».

И я не мог не прибегать к обрыву возле церкви, где созерцанием фигурки Верочки я получал какую-то душевную зарядку радости на целый день. Никто-никто не знал, куда я утром бегаю.

Каникулы кончились, скоро предстояло ехать в Томск в гимназию. Тем с большей жадностью я продолжал свои тайные побеги из своего дома, чтобы увидеть сверху издали на минуту, на секунду в эти дни мелькнувшую мимолётно во дворе чужого дома свою маленькую, мне дорогую девочку.

«Ах, если бы ещё хоть раз сыграть нам вместе на лугу в «разлуку», – думал я тогда...

Увы! Горячая мечта моя тогда осталась неосуществлённой!

ГЛАВА XXIII

«НА ПЕРЕКЛАДНЫХ» В ТОМСК

На седьмое августа 1900 года был назначен наш отъезд из Кузнецка в Томск. Мы все три брата – Коля, Валя и я вместе с матерью – поедem в Томск на перекладных. Коля будет учиться в пятом классе, Валя в третьем, а я поступлю в первый класс.

Последние три дня перед отъездом из родного Кузнецка мы развлекались прощальными соревнованиями на горе у крепости. То пускали бумажные рамочные, размером до метра, змеи на высоту. Приходилось привязывать к таким огромным змеям толстый тросик, а хвосты, сделанные из мочалок, пришлось уравнивать довольно толстыми чурками. Проня Сорокин сделал такого змея, на конце хвоста которого висела пустая пивная бутылка. То мастерили себе из сосновых лучинок плоские стрелы, с острыми толстыми головками и широкими хвостами. Такая стрела, пущенная с помощью верёвочного бичика, летала на высоту до пятидесяти и даже выше метров... Случилось даже так, что мы подбили такой стрелой галку. Это вышло совсем неожиданно – наша восьмёрка мальчиков собралась вместе и решила начать соревнование на дальность запуска стрелы. Кто-то крикнул: «Галки летят! Прямо на нас! Совсем низко! Стреляем залпом! Приготовиться!»

Мы приготовились. И только неосторожная стая галок оказалась над нашими головами, мы по команде пустили восемь стрел по летящим птицам. И что же? Стая галок улетела, а одна галка начала снижаться и, отстав от стаи, опустилась на землю, но довольно далеко от нас. Видимо, эту галку наша деревянная стрела выбила из стаи, оглушив её ударом. Мы подобрали на земле все наши восемь стрел, пущенных по стае галок, и продолжали соревноваться в метании своих сосновых быстролётных лучинок.

Третьим видом прощальных соревнований был бег на ходу-

.....

лях, причём каждый мог сделать себе ходули из любого материала и любой высоты. Место соревнования наметили в переулке, где могли проехать телега с лошастью разве только раз в неделю. Мои баклашки, приколотенные к палкам, находились на пятьдесят сантиметров от земли. У некоторых ребят эти баклашки были пристроены на семьдесят сантиметров, чтобы на таких ходулях шагать метровыми шагами. А Яша Конов соорудил себе такие ходули, что его ступни опирались на чурбашки на высоте полутора метра от земли. И на дистанции в пятьдесят метров первым к финишу пришёл, конечно, Яша Конов, отмеривая путь огромными шагами.

Завтра надо ехать в Томск. Прощай, Кузнецк, в котором прожиты мои одиннадцать лет! И гимназистам тоже предстоит отъезд. И началось прощание с рекой, с домами, улицами города. Прежде всего наша ватага мальчиков «полоскалась» часа два в любимой нашей быстрой и хрустальной Томи. Потом мы прогулялись от Соборной площади к базарной и мимо Богородской церкви, мимо казначейства; потом прошли приходское училище, уездное училище, где мы воспринимали «первых лет уроки». Прошли на кладбище, простились с могилами отца, сестры Лены, младших братьев. У меня наступал новый этап жизни. Жизнь с отцом и сестрой Леной вспоминалась, как далёкий и неясный сон...

От кладбища мы прошли в домик семьи Чушевых, напомнив Пете и Андрюше, что на завтрашнее утро назначено наше совместное отправление в дорогу на перекладных.

Потом все разбежались по домам. Коля, Валя и я приготовили спичечные коробочки, пустые; вложили в них записки: «Прощай, Кузнецк, мы едем в Томск». Эти коробочки мы завернули в плотные бумаги, и каждый из нас побежал в огород, чтобы на своём любимом месте, на суку берёзы, привязать эти коробочки как можно крепче – до приезда из гимназии в мае следующего 1901-го года.

Весь вечер продолжались сборы матери и нас, трёх братьев, для поездки в Томск. Но всё же я урвал момент и незаметно, тайком от всех по переулкам, оглядываясь по сторонам, боясь какой-нибудь нечаянной встречи, добрался до обрыва у Богородской церк-

.....

.....

ви. Несколько минут тревожно, жадно глядывался в появившихся людей внизу, ждал мою Верочку. Она появилась с нижней улицы, от пожарной каланчи вместе с сестрой – в шляпке, в белом платье. Меня снизу не было видно. Я стоял, молчал, жадно смотрел вниз. Верочка с сестрой вошли в свою квартиру, а я, стиснув зубы, отвернулся и переулками бегом добрался до дома. Поскорей улёгся спать, чтобы завтра утром уехать из Кузнецка в далёкий Томск.

Так вот и прошёл весь день шестого августа. Наступил день отъезда – седьмое августа. Утро было весёлое, солнечное. К десяти часам у нас всё было готово: набиты сеном четыре больших наволочки – для удобства езды на телегах – «перекладных»; увязаны три чемодана с одеждой и бельём, приготовлен большой зонт – на случай дождя; маленькая сумочка для денег на узком ремешке висит у матери через плечо.

Братья Коля и Валя приготовили свои шинели, свои свёртки, а я забрал с собой в Томск сумку с тремя чистыми тетрадками, карандашом, любимой ручкой и десятикопеечной книжкой «Колосья», доставшейся мне на январской ёлке в уездном училище. В сумку же я сунул гуттаперчевый чёрный мячик и пяток добротных ореховых кедровых шишек.

Только мы напились чаю, как с улицы во двор, гремя колокольцами, въехала широкая ямщицкая телега, запряжённая парой лошадей. Молодой ямщик вошёл в комнату, поздоровался и пригласил нас ехать до села Ильинского, а по желанию, добавил он, «мы довозём вас и до Томска».

Перед дорогой полагалось на минуточку присесть, что было нами выполнено, а потом мы четверо простились с маленькой сестрицей, которая оставалась в городе у знакомой учительницы. Мать утешала дочку обещанием купить хорошие подарки в Томске.

Вышли все на двор. Уселись на сенных подушках сверх травы в телеге – я с матерью к невысокой спинке телеги, а братья, свесив ноги, по краям телеги. Ямщик сел спереди, держа в левой руке вожжи, в правой – небольшой ременный бичик.

.....

Рыжие лошадки-«мышки», как звали мы сибирских бегунков, рванули с места. Колокольцы запели нам свою однообразную дорожную неумолкаемую песню. Мы выехали из ворот на улицу, направляясь к взвозу, чтобы подняться к крепости. А там – прощай город Кузнецк...

Но звон колокольцев раздался сзади нас – это нагоняла пара вороных лошадок, а в телеге, нас приветствуя, сидели гимназисты Чушев Володя с братом Петей.

В одном из переулков на телегу Чушевых уселись ещё Витя Крейтер и Малеев Саша – все стремились к гимназическим наукам.

Чтобы лошадам облегчить подъём наверх, вся семёрка ребят соскочила «с перекладных» и, опередив свои телеги, очутилась на горе у крепости. Сняв картузы, махая ими, все наперебой кричали: «Прощай, Кузнецк! Прощай до мая, до следующих каникул! Прощайте огороды и сады! Прощай, Топольник! Река Томь с Иваницевой!»

Поднялись наверх обе телеги. Все расселись по своим местам, и колокольчики под двумя дугами весело и звонко разбудили наши кузнецкие «поля, холмы родные», увозя ребят в далёкий Томск.

Телега Чушевых, Вити и Саши не отставала от нашей, и мы даже могли друг с другом «перекрикиваться». Так обмениваясь громкими возгласами, мы проехали Монастырь. А когда мелькнула дорога направо к лесным озёрам, где мы корчажками ловили карасей, мы дружно прокричали:

«Прощай, караси! Растите больше и жирней до следующих каникул! Мы опять будем ловить вас летом!»

Сибирские лошадки бегут очень бодро. Только изредка ямщик подбодряет своих любимцев возгласами: «Но, но, голубчики! Малютки, шевелись, родные! Но, веселей! Играй, малютки!»

Витя Крейтер своим звонким дискантом начинает запевать:

«Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дороге столбовой,

И колокольчик, дар Валдая,
Гремит уныло под дугой...»

Оба Чушевых и Саша повторяют две последние строки песни. Тогда я обратился к матери с вопросом: «Кто это такой «Дарвалдай», которому принадлежит колокольчик?» Братья подняли меня на смех, но мать объяснила мне, что колокольчик является «даром», подарком города Валдая, где производят эти медные ямщицкие колокольчики и бубенчики.

Витя продолжает запевать четыре строчки своей песни, а его соседи-сотоварищи лихо повторяют две последних строчки.

Так с песней под гудящий звон колокольчиков наши телеги подкатывают к перевозу на реке Томи перед селом Ильинским. Лошади притомились от жаркого летнего солнца.

Паром с одноконной тягой оказывается на другой стороне реки, поэтому наша семёрка ребят через минуту плескалась, ныряла и плавала в прохладных струях Томи, отдыхая от двадцатиклометрового сидения в трясках телегах.

Паром подошёл к нашему берегу. Мы все, быстро одевшись, заняли места на «перекладных» телегах, чтобы сразу въехать с берега на паром.

И вдруг с парома сбежала на берег хромая собака и начала возле наших телег кружиться и прыгать, махая хвостом, лаять, подвизгивать. Она нас узнала – это была та собака, которую ночью у лесного озера Проня Сорокин принял за волка и угостил дробью своего самодельного пистолета. Андрюша, Коля и Витя узнали её. Паромщик сказал, что собака жила у него целое лето, но в июле она захромала и теперь неотлучно живёт при пароме. Андрюша и Коля сразу же поняли причину хромоты этой собаки и посоветовали паромщику тщательно осмотреть хромую ногу собаки и обратились к ребятам с просьбой:

«Слушайте, ребята, дадим этой хромой собаке по куску хлеба и по куску сахара. А за Проню попросим у неё извинения!»

Наша мать, узнав от нас историю хромой собаки, попросила и от себя дать хлеба и сахара бедняге и объяснила нам: «Вы поду-

.....

майте только! Ведь этот друг человека приветствует вас здесь за то, что вы месяц тому назад угостили её, раненую, куском хлеба. Вот как она запомнила ваше маленькое добро».

И пока паром переплывал реку к селу Ильинскому, мы все наперебой кормили собаку, гладили, называли Полканом, Полкашей, Полканушкой. Так что расстались мы со своей жертвой того ночного похода друзьями-приятелями.

Потом шумно простились мы с рекой: «Прощай, Томь! Прощай и спасибо за последнее в тебе купанье! Увидим тебя, наша Томь, через два дня у Томска! А здесь увидим тебя в мае будущего года! Прощай!»

Наши телеги въехали в село Ильинское, остановились против избы, хозяин которой держал ямских лошадей и согласился за три рубля с каждой телеги «мигом доставить» нас к следующей деревне. И за десять минут были готовы для нас две очередные телеги «перекладные», запряжённые парами сибирских лошадок.

Мы переложили-«переклали» наши подушки и чемоданы на сменные телеги, и свежие лошади под звон новых колокольцев помчали нас из села Ильинского дальше-дальше от родного Кузнецка к Томску.

Ехать нам по сибирской равнине более четырёхсот километров, сменяя телеги и лошадей в определённых деревнях, ямщицких «станциях». Из них запомнились от Кузнецка такие «станции» как Ильинское, Красулино, Бачат, Пестерево, Сосновское, разъезд Юрга и Калтай перед Томском.

Почти вся дорога ровная, накатанная. Никаких гор нет, иногда только приходится подниматься и спускаться перевалами, изредка же круто, лошадиной рысью спускаться к мостику через ручей, в низину. Тогда ямщик придерживает свою пару, на зато при подъёме на пригорок к своему присвистыванию он присоединяет любимую лихую поговорку: «Но, но, родные! Вывози! С горки на горку, барин даст на водку!» И лошадки вихрем преодолевают «горку», выезжая вновь на многовёрстную равнину.

Так вот, мы то мчались, то плелись, проезжая по пятнадцать

.....

.....

километров ежечасно в Томск от деревни до деревни, перекладывая опять и опять свой багаж и пересаживаясь на сменные телеги. Примерно наши «перекладные» телеги менялись через двадцать, тридцать, сорок вёрст. Ехали мы только с утра до вечерней темноты, ночуя в крестьянских избах две ночи за всю дорогу от Кузнецка до Томска.

Первую остановку, чтобы «пообедать», сделали в деревне, отъехав от Кузнецка вёрст восемьдесят. «Обед» наш состоялся в избе хозяина очередной телеги и свежей пары лошадей. Обедали мы в чисто прибранной светлой горнице с иконами в переднем углу, а по стенам – с лубочными в рамках потемневшими от времени картинками и с текстами «Повести о Еруслане Лазаревиче», «Повести о Бове Королевиче», «Как мыши кота погребали».

За большим столом, обставленным деревянными лавками, наша группа из восьми спутников угощалась варёными крутыми яйцами, топлёным молоком и купленными у хозяйки избы серыми пшеничными превкуснейшими калачами.

Второй этап нашего передвижения к Томску был равен ещё восьмидесяти верстам, отмеренным нашими лошадками с пяти часов до девяти с половиной вечера. Это была первая ночёвка после утомительной с утра дороги в сто тридцать вёрст. Кое-кто из ребят к вечеру начинал «клевать носом», не в силах превозмочь свою дремоту и усталость. Витя Крейтер пытался смешными частушками веселить и подбодрять своих товарищей, громко выкрикивая:

«Моя милка рыбу мыла,

А я любовался;

Она в реченьку свалилась,

А я напужался».

«Шёл я верхом, шёл я низом,

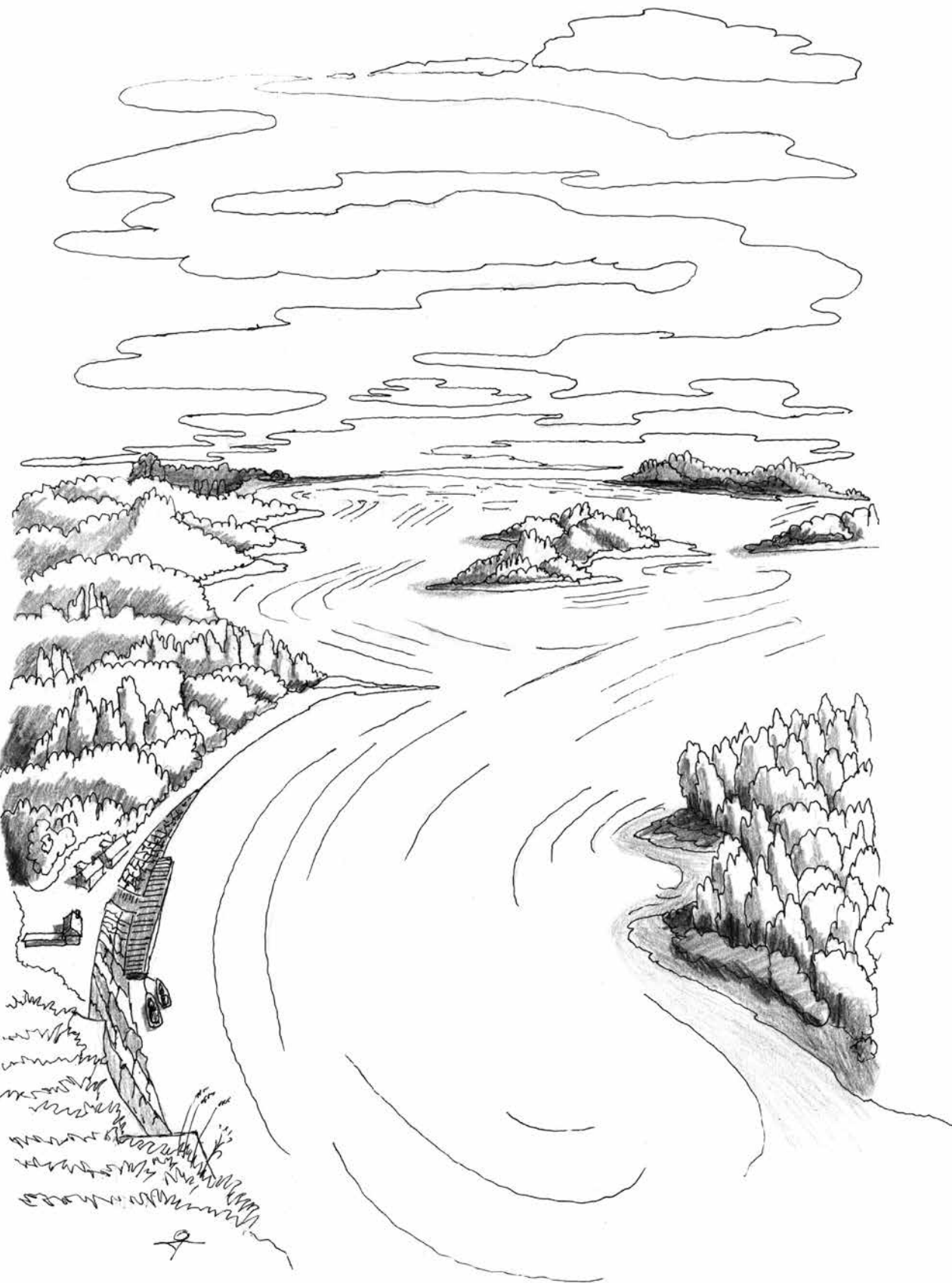
У милашки дом с карнизом,

А в окошке огонёк:

Кушат милая чаёк».

После частушек Витя начал громко декламировать акрости-

.....

хи, почёрпнутые им из каких-то кузнецких девичьих альбомов:

«Незабудку голубую
Ангел с неба уронил
Для того, чтоб дорогую
Я навеки не забыл».

«Лилия, роза, фиалка моя –
Её я цветком называю,
Но вы угадajte, кого я люблю,
А я здесь пока умолкаю».

Но наступившие сумерки и вечерняя прохлада заставили Витю умолкнуть, а монотонный неумолкаемый звон колокольчиков и мерный бег колёс телеги вскоре усыпил и Витю.

И в половине десятого вечера обе наши пары лошадок остановились, въехав в ворота гостеприимного хозяина, и мы с удовольствием сползали с телег, разминали свои онемевшие руки, ноги, потягивались, входя в избу на ночёвку.

Выпив по стакану молока с куском хлеба, мы с большим интересом начали изучать висевшую на стене в рамке старинную лубочную картинку размером до 40 см в длину и около 30 см ширины, вернее, вышины. Изрядно потемневшая от времени картинка всё же сохранила розовый цвет центрального цветка розы, тёмно-синие, зелёные, алые и жёлтые окраски платьев, зелень лугов и тёмную синь лунной ночи, на фоне которых изображены были ступени человеческой жизни. Всего было изображено девять ступеней жизни не одного человека, а разных людей девяти разных возрастов. А две нижние центральные сценки показывали младенца, вынутого из купели священником и лежащего в гробу старца: это обозначало крещение новорождённого младенца и отпевание отжившего свою жизнь старика в церкви. А на девяти ступенях жизни человека изображались с соответствующими надписями персонажи:

«Первые шаги» – Мать учит своё дитя ходить.

«10 л. учится» – Мать и её дочка читают книгу.

«22 л. служба» – Стоит солдат с ружьём на плече.

«25 л. жених» – Стоит пара молодожёнов.

«35 л. семьянин» – Отец сидит за столом, а возле на стуле сидит мать; около неё двое детей.

«45 л. труд» – Кузнец в красной рубахе куёт железо.

«65 л. старость» – Стоит рядом генерал с генеральшей.

«75 л. с внучатами» – Бабушка вяжет чулок, а возле стоит внучка.

«85 л. близко к смерти» – Старик сидит, а внук стоит около.

Сразу же посыпались наши вопросы к автору и художнику этой картинки: «Почему десятилетняя деревенская девочка через 12 лет превратилась в солдата с ружьём, а в 25 лет сделалась невестой своего двадцатипятилетнего фронтового жениха? Почему «семьянин» в 35 лет, его жена и дети похожи на купеческую семью, а в 45 лет этот купец превратился в кузнеца, кующего раскалённое железо? И неужели «труд» должен начаться только в 45 лет жизни?» А на седьмой ступени жизни изображён 65-тилетний генерал, потрудившийся в качестве кузнеца двадцать лет, а через десять лет превратившийся в 75-тилетнюю бабушку с внучкой. И, наконец, на девятой ступени эта бабушка превратилась у художника этой лубочной картинке в 85-тилетнего старика, «близкого к смерти».

Наша мать и все мальчишки были согласны в том, что для крестьянства следовало бы изобразить ступени человеческой жизни, не кончая солдатом, а дать картинку деревенской жизни семейной, трудовой, со всеми горестями и радостями. А брат Валя добавил ещё: «Тогда бы можно было в гроб положить не 85-тилетнего старика, а столетнего нашего крестьянина прадедушку Михаила Осиповича Сизёва, который даже в сто лет ездил верхом на таёжную пасеку за тринадцать вёрст, где он работал почти двадцать лет».

Но так как рассматривание этой поучительной картинки затянулось до 11 часов вечера, мать заставила укладываться всех спать. Через пять минут наша семёрка ребят крепко заснула, чтобы с утра ехать дальше.

Наступило восьмое августа, и мы после утреннего чая часов около девяти тронулись в дальнейший путь. Утро было золотое, солнечное – была твёрдая надежда, что по-вчерашнему на нас не упадёт с чистого, безоблачного неба ни единой капельки дождя.

Хозяин Игнат Трофимович предоставил нам две прекрасные, добротные телеги, запряжённые тройками вороных и гнедых лошадей. Кучерами сели на нашу переднюю телегу сын хозяина Василий, а на телегу Чупевых – сын Сергей. Василий правил тройкой вороных, а Сергей – тройкой гнедых горячих лошадей.

Когда мы уселись по телегам, хозяин обратился к своим сыновьям с таким предупредительным наставлением: «Ты, Василий, будешь идти передом, а ты, Сергей, за ним, не доже отставая. Доставьте пассажиров в аккуратности. Лошадки наши молоды, горячие, так что дорогой никак не баловаться. Часом начнёте баловать, ещё раз поглажу вас кнутом! Ну, теперь с богом! Прощайтесь!»

Старший сын Василий ответил своему отцу: «Ну, что ты, батя! Мы же сами понимаем!» Но я заметил, что Василий взглянул на брата своего Сергея и хитро моргнул ему своими глазами. Лошадки перестали танцевать на месте и рванули из ворот на улицу, где собралось десятка два ребят и взрослых. Мы только слышали, как один из крестьян громко произнёс: «Ну, кони у дяди Игната! Прямые звери, а не кони!»

И обе тройки дяди Игната понесли нас за околицу, за перелесок и так летели по прямой наезженной дороге, что мы не ощущали тряски, а вся пыль за нами облаком стояла по безветренной дороге.

И вот гнедая тройка, мчавшаяся сзади нас, рванулась сумасшедшим вихрем галопом по обочине дороги и обогнала нашу телегу. Дружный смех всех путников и кучера Сергея обозначал, что тройка лошадей гнедых сильнее тройки вороных.

Наш кучер крикнул брату: «Не балуй, Серёга! Ехай сзади, как отец велел!»

Но Серёга не послушал брата, только крикнул: «Эй, гнедые соколы, вперёд!»

Рассерженный Василий тихо произнёс: «Ну, подожди, стервец!» И, оглянувшись на нашу семью, посоветовал: «Держитесь крепче, мы его обгоним!»

Я тесней прижался к матери, а Коля и Валя схватились с нами за руки.

И началась отчаянная гонка между братьями Сергеем и Василием. Гнедые лошади Сергея-ямщика ушли вперёд от нашей телеги почти на полверсты, но наш ямщик Василий свистнул Соловьём-разбойником, и воронные кони, по-видимому, поняли желание хозяина и понесли нашу телегу почти по воздуху.

Бешеная гонка продолжалась почти полчаса. Воронные кони нагоняли, а гнедые ускользали. Все встречные крестьянские телеги, увидев издали две тройки старого Игната, сворачивали в стороны и только ахали на братьев-ямщиков, свистевших, гикающих, не жалеющих своих коней-богатырей.

Хорошо, что у Саша Малеева слетела с головы фуражка, и Чушевы с Витей закричали своему Сергею, чтобы он остановил своих гнедых любимцев. Телега их заметно стала замедлять свой ход и не успела совсем остановиться, как мы вихрем пролетели мимо своих соперников и покатались дальше.

Пока Малеев Саша бегал за своей оброненной фуражкой и Сергей-ямщик вновь разогнал лошадок, ему уже не удалось догнать нашего Василия, так как через полчаса наша воронная тройка вкатила весело телегу во двор очередной «перекладной» телеги.

Вскоре подъехала телега Чушевых. Мы с наслаждением разминали руки, ноги, делали поклоны, прыгали на месте, чтобы удалить свою неподвижную оцепенелость после этой дикой гонки сыновей дяди Игната.

Поездка наша продолжалась, и в пять часов обе телеги доставили нас к очередному постоялому двору, где мы обедали. Здесь на стенах светлицы мы с великим наслаждением читали текст под лубочной картинкой «Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» и хохотали перед картинкой кота с малютками-мышами и надписью «Как мыши кота погребали».

Когда мы доехали до села Сосновского, наша мать решила проехать в сторону на 50 вёрст, к селу Коураку, где проживали её родители Исаковы и сестра Мария. Кроме них в Коураке жили её дед, Михаил Осипович Сизёв, и дядья Даромен, Демьян и тётка Ефросинья. Вся эта родня матери состояла из староверов-беспоповцев.

В Коураке мы переночевали в просторной избе деда Никифора Васильевича Исакова, участника Турецкой войны 1877 года. Утром мы пошли в дом Сизёвых, где проживал наш прадед, которого сыновья и внуки прозывали «батя». В просторной светлице за столом сидел сухощавый старик с небольшой бородкой и короткими волосами на голове. После взаимных приветствий столетний прадед с улыбкой показал нам страницу книги и просил прочесть хотя бы строчку, говоря: «Вот вы грамотные люди, а мои титулы сразу-то и не разберёте». И действительно, в этой книге на славянском языке стояло множество разных значков, титулов и пометок от руки. Мы пытались прочесть хотя бы одну строчку. В это время появился сын прадеда Даромен Михайлович и позвал отца: «Батя! Лошадка готова, пора тебе с господом ехать к своим пчёлкам».

Столетний старик закрыл книгу, простился с нами и вышел из дома на двор, где стояла низенькая сибирская лошадка. Сыновья и два внука помогли «бате» сесть верхом на лошадь, дали ему в левую руку уздечку, а в правую – длинный посох. И наш столетний прадед поехал верхом, опираясь на посох, за тринадцать вёрст на таёжную пасеку, не боясь нападений медведя или волков.

Мы проводили замороженными глазами нашего маминого дедушку, а нам сообщили, что отец его Осип Сизёв, старовер, бежавший в Сибирь при Екатерине Второй, жил 120 лет.

Через два часа после посещения прадеда мы отправились «на перекладных» в Томск.

Проехали ещё несколько деревень и железнодорожный разъезд Юргу, полюбовавшись перед шлагбаумом товарным поездом с пыхтящим и шипящим паровозом спереди. Впервые в жизни я увидел это чудище, которым управлял «ямщик», но называемый «машинистом паровоза».

И только к десяти часам вечера наши две телеги должны были прибыть в деревню Калтай – последнюю остановку перед Томском. Мы приехали позднее, так как нашим ямщиком был тщедушный старичок, а телегу Чушевых вёл молодой парень. Была почти половина десятого часа августовского вечера, когда наши телеги въехали в густой туман, похожий издали на белое озеро в низине, а когда поднялись на пригорок, телега Чушевых обогнала нас и быстро умчалась вперёд. Наш ямщик-старичок придремнул немного, лошади наши пошли шагом. Мы тоже задремали. Коля и Валя не сидели, а лежали поперёк телеги. Мы не почуяли, как лошади стали, не видели, как наш старичок «клевал носом», подложив под себя свои вожжи, мы даже не слышали, как умолкли под дугой коренника колокольчики. Оказывается, мы стояли на месте и все спали: и лошади, и ямщик, и наша мать, и братья Коля и Валя, и я...

Вдруг зазвенели встречные колокольцы, и к нам подъехала телега Чушевых, седоки которой кричали нам: «Что случилось? Почему вы стали? Мы думали, что на вас волки напали! Эй, ямщик, чего ты остановился?»

Первой проснулась наша мать, которая громко обратилась к старичку: «Ямщик, почему мы стали? Да он крепко заснул! Проспайся!»

Чушевы – Витя и Саша – громко смеялись, а их ямщик соскочил с облучка и начал тыкать кнутом нашего старичка, приговаривая: «Проснись, Егор Емельяныч! Проснись! Мы уже съездили в Калтай, а тебя всё нет! Скоро утро, проснись!»

Егор Емельяныч встрепнулся, встряхнулся, заторопился и со словами: «Ах, ты, батюшки! Святый боже, задремал!» – задёргал вожжами, махнул кнутом по лошадям, и мы тронулись дальше. А телега Чушевых пошла за нами, чтобы не допустить старичку ещё полчаса потерять на дороге.

После спанья целый час ещё мы тряслись со старичком на телеге, пока не въехали в большое татарское село Калтай, находившееся почти за сорок километров от Томска. Было одиннадцать часов вечера, когда мы вошли в большую комнату дома с низкими

деревянными нарами. Кроватей не было, но в углу стоял стол с лавками вокруг.

Вместо чая и ужина мы подкрепились молоком и не удержались обследовать картинки на стенах комнаты. Картинка, изображавшая Петра Великого на скачущем коне в Полтавской битве, была нам знакома по кузнецкой школе. Но картинка взятия Шамиля в плен русскими войсками нас глубоко захватила, так как тема её и содержание были нам новы и восхищали нас.

Мы узнали, что картинка эта разрешена к печати цензором Наумовым 18-го сентября 1859 года, а напечатана она в литографии Абрамова. Значит, картинке было 40 лет. На картинке задний план изображал крепость-аул Гуниб со стенами и бойницами, из которых выглядывали тридцать пять пушек. На переднем плане слева стоял горский вождь Шамиль в красном одеянии; он был окружён почти тридцатью русскими солдатами в серых мундирах и в красных и синих папахах. Сразу было видно, что все краски: красная, синяя, розовая и другие – были нанесены хозяином картинки. Справа на переднем плане был изображён русский генерал с двумя звездами на мундире, с эполетами; за генералом стояли двадцать рядовых солдат. Генерал сидел на коне и правой рукой указывал на Шамиля. Под картинкой крупным шрифтом дан был заголовок: «Шамиль, имам Чечни и Дагестана: телеграфическая депеша Его Императорскому Величеству». В этой депеше, текст которой дан был ниже мелким шрифтом, говорилось о том, что князь Барятинский осадил аул Гуниб, где «заперся Шамиль с 400 мюридами», а затем о том, что «Гуниб взят, Шамиль в плену и отправлен в С. Петербург». Датирована депеша 26-м августа 1859-го года.

Наша мать нам объяснила, что Шамиль был магометанин, почему хозяину ямщицкой станции, тоже татарину-магометанину, была интересна эта историческая картинка о пленении одного из вождей горного Кавказа.

Мать всячески нас торопила размещаться на татарских нарах, чтобы выспаться как следует и завтра выехать из Калтая часов в 10, а в Томск прибыть не позже часа дня.

Было почти двенадцать часов ночи, когда в избе хозяина во-

дворилась тишина. Спали мы крепко. В голове у меня пробежала мысль: «Завтра приедем в Томск – в губернский город Западной Сибири; площадь губернии Томской больше Франции, больше Германии»... И я заснул...

Утром до нашего слуха доносилось какое-то пение – монотонное, одноголосое. Поскорее одевшись, мы высыпали из помещения наружу и увидели на невысоком минарете магометанской деревянной мечети старика-муллу, который тягуче, однообразно, нараспев приглашал своих магометан на утреннюю молитву.

Володя Чушев указал нам, что мулла твердит, как попугай, одно и то же, а именно, что «нет бога кроме Аллаха, а Магомет его пророк». Володя говорил, что «магометанство обещает рай своим правоверным за то, что они уничтожают «гяуров», то есть людей другой веры». «Эта религия, – добавил Володя, – самая кровавая на земле».

После окончания муэдзином-муллой призывной молитвы хозяин лошадей и телег приготовил нам последние «перекладные», и мы на сменных лошадях с ямщиками-татарами тронулись в дорогу к недалёкому от Калтая Томску.

Через три часа обе наши телеги подъехали к реке Томи, и с криками «Здравствуй, Томь!» мы остановились у перевоза перед въездом в город. Пока подходил паром и с него съезжали одиночные и парные упряжи и сходили пешеходы, наша семёрка гимназистов и кандидатов в гимназисты успела сбегать в прибрежные кустарники по своим делам; Коля пошутил, что «город Томск без наших удобрений обойдётся».

Наконец, паром (двуконный) переправил нас на правый берег – на территорию города Томска. Опять мы дружным хором, сняв свои фуражки, прокричали: «Здравствуй, Томск! Здравствуй, гимназия!»

Через пятнадцать минут обе телеги въехали в обширный двор богатого татарина в прибрежном районе города, в «Заисточье». Перекладывать багаж и пересаживаться на сменные телеги не понадобилось, так как мы закончили свой путь «на перекладных» от

Кузнецка к Томску.

Все гимназисты отправились пешком в гимназию, а мы с матерью в дешёвые «номера для приезжих», то есть в гостиницу.

ГЛАВА XXIV В ТОМСКОЙ ГИМНАЗИИ

Моя мать прожила со мной несколько дней в Томске, пока я сдавал в гимназии проверочные испытания по русскому языку и арифметике. Эти испытания я сдал на пятёрки, и к 16-му августа был зачислен в первый класс Томской классической гимназии.

Потом я поселился на квартире одного из учителей гимназии и стал ежедневно аккуратно посещать занятия, собирая к урокам книги и тетради и свой прекрасный ранец, купленный мне матерью после моих упрасиваний и слёз.

Первым жестоким ударом по моей вере в людскую справедливость было «оставление без обеда» после уроков. Дело было так. Помощник классного наставника Фёдор Куминов, не проверив классных коммат, приказал уборщику закрыть первый класс на ключ. А я в это время замешкался со своими книжками, укладывал их в ранец. А когда хотел выйти из класса, дверь была заперта. Я начал стучать кулаком в дверь, чтобы коридорный уборщик выпустил меня на волю. Дверь была открыта, и вместе с уборщиком в класс вошёл и Куминов.

Я заявил, что собирал свои книги и тетради и не успел выйти из класса. Куминов заявил мне строго, что я большой шалун, что я нарочно остался в классе после занятий, а поэтому должен просидеть ещё полчаса – «без обеда». Я расплакался, уверял, что я не заметил, как все ребята ушли из класса, но неумолимый «по-

.....

мощник классного наставника» Куминов приказал уборщику продержать меня в классе одного ещё полчаса. Целых полчаса я сидел один в классе, оскорблённый несправедливостью Куминова, обозлённый на него навеки.

Вторым помощником классного наставника был Сергей Васильевич Быков. Это был бодрый, весёлый, добродушный человек, напускавший на себя строгость и свирепость, когда хотел сделать «проборку» за проступок гимназистов. Всех шалунов он обзывал «дикарями», и я даже в душе радовался, когда Сергей Васильевич и меня награждал своим любимым прозвищем «дикарь». Этого воспитателя мы не боялись, уважали и между собой называли «Серёгой».

Хорошим преподавателем и добрым человеком был наш естествовед Александр Петрович Выдрин, которого мы на уроках своей недисциплинированностью доводили до сильнейшего гнева и раздражённости. Он схватывал перо и на глазах у всех учеников ставил колы за поведение особенным баловникам. Не избежал этой печальной участи и я – в журнале появилась против моей фамилии чёрная и жирная единица, называемая нами «кол». Но через два дня вызванный естествоведом к доске я так отбарабанил весь урок о жизни медведей в Сибири, что в классном журнале появилась у меня жирнейшая «пятёрка с плюсом». С этих пор я никогда «не изводил» своего учителя даже тихими разговорами на его уроках.

Иосиф Антонович Быстржицкий, поляк по прозвищу «пан», был нашим учителем математики. На его уроках в классе царил такая тишина, что неосторожное чавканье ученика, жующего листовничную сибирскую серку, приводило «пана» в гнев. Он грозно обращался к жующему эту серку со словами: «Эй ты, жвачное животное! Здесь не коровник. Свою жвачку дома жуи!»

И если мальчик, прекративший жевать серку, но по забывчивости возобновлял свою привычку, «пан» поднимался со своего места, шёл к смертельно напуганному преступнику, брал его за ухо и вёл к доске со словами: «Ну, ослятина, когда же ты отвыкнешь от своей привычки?!»

.....

.....

Когда же на последних партах нашего первого класса гимназии ученики начинали шушукаться, «пан» грозно вопрошал: «Эй, камчадалы, когда вы перестанете шуметь?» – и в классе воцарялась мёртвая тишина.

И как ни странно, мы любили «пана» за то, что он раз десять спрашивал во время урока: «Кто ещё не понял? Ну, кому ещё не ясно, почему так решаем данную задачу? Кому ещё объяснить, как решать?»

И пан ни разу не обзывал незнающего, непонимающего, «тупого» мальчика своими злыми прозвищами, а снова и снова объяснял непонятное.

Но самым любимым моим учителем был Михаил Александрович Слободский – преподаватель русского языка. Каждый понедельник на уроке русского языка Михаил Александрович выслушивал всех желающих выступить с выученным наизусть стихотворением. Этот урок был часом декламации. Отметки за эти выступления не ставились. Почти все ученики первого класса прошли через этот своеобразный конкурс чтецов.

И вот как раз в один из понедельников гимназию посетил «товарищ министра просвещения» из Петербурга по фамилии Зверев. Он побывал на разных уроках и решил посетить урок русского языка в первом классе. Скоро должен был прозвенеть звонок на перемену, и учитель вызвал меня, попросив прочесть наизусть какое-нибудь стихотворение. Я вышел к доске и встал лицом к своим товарищам, которых было в первом классе 52 человека.

Товарищ министра, его секретарь и директор гимназии сели на стулья, а мой учитель стоял рядом со мной. Как заправский декламатор я провозгласил: «Стихотворение Рылеева «Смерть Сусанина». И я с большим воодушевлением без единой запинки прочёл стихотворение, особенно же последние две строки его:

«Снег чистый чистейшая кровь обагрила,

Она для России спасла Михаила».

Товарищ министра встал со стула и произнёс милостиво: «Браво! Прекрасно, прекрасно!» Он подошёл ко мне и два раза по-

.....

.....

гладил правой рукой мою голову. Обращаясь к учителю, он сказал: «Очень похвально, что Вы воспитываете в молодом поколении патриотизм». Прощаясь, он подал руку учителю. В это время зазвенел колокольчик. Петербургские гости и директор гимназии вышли из класса. Учитель меня похвалил и выставил мне в журнал пять с плюсом. Это была вторая «сверхпятёрка».

Но если бы «товарищ министра просвещения» Зверев приехал к нам в Томск в 1905-м году, он услышал бы такую концовку стихотворения Рылеева:

«Снег чистый чистейшая кровь обагрила,
Она для России спасла крокодила».

Третью «сверхпятёрку», то есть 5 с плюсом, я получил по латинскому языку. Томская гимназия была классической, так как с первого класса мы должны были изучать обязательно латинский язык и – по желанию – греческий язык; а в старших классах знакомиться с классиками Греции и Рима в подлинниках. Так как я жил на квартире одного из учителей гимназии и не имел товарищей, я во время пасхальных каникул в апреле 1901 года выучил наизусть все статьи из хрестоматии Ходобая вместо заданной одной статьи о волках Азии и Африки. После каникул на уроке латинского языка учитель Николай Александрович Лалетин вызывает меня к доске и просит прочесть наизусть на латинском языке каникулярное задание. Я сообщаю учителю, что все восемь латинских статей я успел выучить наизусть, так что теперь могу «ответить любую».

Поражённый учитель восклицает: «Как? Ты выучил наизусть весь курс латинского языка?!» Я ответил скромно: «Я почти всю пасху сидел дома и успел все статьи выучить».

Надо сказать, что учитель Лалетин был латинистом до мозга костей, был влюблен в латинских (римских) классиков, поэтов и прозаиков римской литературы. Он строго взглянул на меня и попросил: «Прочти нам басню о хитром вороне, затем статью о волках Азии и Африки и статью о Римской истории».

Я безошибочно, на чистом латинском языке, выразительно, соблюдая все знаки препинания, даже слегка самодовольно улы-

.....

.....

баясь, произнёс все три «опуса» из хрестоматии Ходобая. Учитель воспринимал всю мою декламацию, как музыку; проверка показала, что я знаю латинский язык прекрасно, поэтому Николай Александрович просветлел и восхищённо воскликнул: «Правильно, всё правильно! Молодец, молодец!»

Он раскрыл классный журнал и поставил мне пять с плюсом, чего не ставил никому из гимназистов за 10 лет своей работы.

О двойках, тройках и четвёрках в первом классе я умалчиваю, так как арифметика, к примеру, была моей мучительницей и на уроках, и дома. Скажу только, что за год в моём аттестате почти по всем предметам красовались не пятерки, а четвёрки. Между собой мы, «психологи»-первоклассники, определили, что у меня «не математическая голова».

Ещё запомнились мне гимназические обязательные «всенощные» службы по вечерам в субботу или перед праздниками. В гимназической церкви полумрак. Всё помещение заполнено рядами гимназистов. В первых рядах стоят и молятся первоклассники и так далее до задней стены, которую подпирают своими спинами самые крупные восьмиклассники, среди которых были даже гимназисты, имевшие жён и детей. Священник что-то возглашает, а хор гимназистов ему отвечает. Служба утомила всех, и по рядам идёт лёгкое шущуканье. Все ждут конца «всенощного бдения». В первом, втором и третьем рядах начинается заметное хихиканье и фырканье – оказалось, три или четыре мальчика не выдержали долгого стояния, и на полу под их ногами появились лужицы.

Особенно следует сказать о том, что неумолимой грозой всех гимназистов Томской гимназии в 1900 году был инспектор Курочкин Иван Михайлович, очень подвижный, всегда улыбающийся, рыжеватый человек лет пятидесяти. Он знал в лицо всех гимназистов по имени и фамилии, начиная с пятого класса. Он молниеносно появлялся в любом месте нашей двухэтажной гимназии и даже в саду, если там начинался какой-нибудь «беспорядок»: ссора, драка, нечаянно разбитое стекло, запах табачного дыма, потерянная книга, чернильная клякса. Гимназисты дали инспектору кличку «Курица», но это была не сказочная «курочка», несущая

.....

.....

золотые яйца, а очень хитрый и злобный воспитатель юношества. Когда все гимназисты сидели в классах на уроках, «Курица» спускался в нашу раздевальную и обшаривал все карманы в больших и маленьких шинелях всех учащихся. В карманах обнаруживались «Курицей» большие перочинные ножи, рогатки с запасом мелкой гальки, окурки папиросы, коробок со спичками и с особенно радостной удовлетворённостью такие предметы, как тяжёлая свинчатка или стальной кастет, которым можно было ранить до полусмерти. «Курица» подзывал к себе на помощь гимназического швейцара, и пять-шесть шинелей снимались с вешалки и переносились в его, инспектора гимназии, кабинет.

Торжествующий Иван Михайлович сидел за письменным столом и начинал творить свой суд над провинившимся гимназистом. Первым в кабинет инспектора вбегает гимназист пятого класса и, не спрашивая разрешения, обращаясь к улыбочивому инспектору, восклицает:

– Иван Михайлович, у меня шинель украли с вешалки!

– А почему ты не попросил разрешения сюда войти? Выйди из кабинета вон и попросись войти!

Ученик выходит, а за дверью слышен его робкий голосок:

– Разрешите войти?

– Войди! – говорит инспектор.

Ученик почти со слезами сообщает инспектору, что у него украли шинель, а швейцар Андрей сказал, что об этом знает только лишь Иван Михайлович. Инспектор улыбаясь указывает на стенную вешалку и просит ученика узнать свою шинель и снять её с вешалки. Мальчик находит свою шинель и радостно снимает её с крючка, а инспектор просит показать ему шинель.

– А это что такое? – спрашивает инспектор, извлекая из кармана резиновую рогатку и горсть довольно крупной гальки.

Мальчик краснеет от неожиданности вопроса улыбающегося инспектора. Он решает солгать:

– Это я по дороге в гимназию поднял у решётки городского сада.

.....

– Ты должен был рогатку принести ко мне, а не беречь её для себя, чтобы стрелять камнями в своих товарищей и в чужие стёкла окон. Иди сейчас же в класс, останешься без обеда на два часа.

Рогатка с галькой была положена на стол, а пятиклассник забрал свою шинель и вышел, не простившись с педагогом.

Вторым преступником против гимназической морали оказался в кабинете «Курицы» семиклассник Вася Воропаев. Ему было приказано:

– Поддай свою шинель!

Вася снял с крючка шинель и протянул её инспектору, который вывернул на стол оба кармана, высыпав с улыбкой два окурка, коробочек спичек и сломанную незакуренную папиросу. Резолюция на эти явные улики была кратка:

– Тебя вчера видели курящим у магазина Второва, а позавчера на Миллионной улице. Бери шинель, иди домой, а завтра получишь из канцелярии бумаги. Ты исключен из гимназии. Иди!

После Воропаева инспектор оставил у себя перочинный ножик, маленькое зеркальце, столовую вилку, колоду замасленных игральных карт и, наконец, стальной кастет с четырьмя кольцами и острым шипом. За мелочи ребята не были наказаны, а за хранение такого оружия, как кастет, гимназист должен был отсидеть «без обеда» до девяти часов вечера, пока за ним не пришли его родители. Оказывается, кастет «помогал» гимназисту доехать до своего дома без опасения быть избитым двумя татарами из Заисточья.

Все эти сведения об инспекторе Курочкине я узнал от товарищей по классу. Это была сотая доля всех воспитательных методов по инспектированию поведения гимназистов со стороны всесильного инспектора, который водил за уши в свой кабинет напуганных ребят. Я всячески избегал встречаться с грозной «Курицей» даже в коридоре.

И как же было радостно, когда пришли каникулы, когда меня перевели во второй класс. Похвального листа мне не дали, хотя по всем отметкам я был шестым учеником своего класса среди

пятидесяти своих одноклассников.

В мае наша группа кузнечан, учившихся в Томской гимназии, на «перекладных» отправились в Кузнецк. Теперь я был гимназист второго класса и предвкушал свою радостную встречу с матерью и маленькой сестрицей.

Так я шагнул по жизни ещё на шаг, узнав, что есть на свете радости и трудности, есть люди добрые и люди злые.

ГЛАВА XXV ЧАСОВАЯ ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ

Кончился мой учебный год в первом классе гимназии, и на перекладных мы снова в дороге, но теперь уже из Томска в Кузнецк.

Кончился и этот двухсуточный переезд, и мы подъехали к нашей крепости. Перед нами знакомая панорама трёхтысячного городка с тремя церквями и десятком двухэтажных домиков, вкрапленных в кварталы нескольких сотен одноэтажных домов, амбаров, сараев и разных мелких построек.

За этим массивом деревянных низеньких построек справа – светлая лента реки Томи, а слева и прямо – далёкие поля, перелески. Справа за рекой поросшие лесом Соколовы горы, а слева в далёкой мгле мерцают высокие горы Кузнецкого Алатау. Картина знакомая, дорогая, радующая и бодрящая нас. Мы опять дома!

Мы – трое братьев Коля, Валя и я – соскочили с телеги, которая тронулась дальше, и побежали по ровному плато холма, быстро нарвали синих и белых тюльпанов, жёлтых ветрениц и па-

хучих ирисов. Набрав полные горсти цветов, мы сбежали с холма вниз и мимо солдатских казарм поспешили на кладбище. Здесь мы возложили букетики цветов на могилы отца, сестры Лены и рано умерших братьев.

Коля и Валя прямым путём направились к домику Чушевых, чтобы известить отца и мать, что их мальчики Володя, Андрюша и Петя спускаются с горки на перекладной телеге и сейчас будут дома. И в домике стариков Чушевых вспыхнула радость скорого свидания с сыновьями после годовой разлуки.

А я отстал от братьев, так как справа на пригорке возле деревянного домика без окон меня привлёк своим видом человек в белом халате среди группы мужчин и женщин. Я подошёл к домику, служившему моргом для временного хранения умерших людей. В открытую дверь домика были видны на полу глыбы белого льда, а возле стояли два гроба с умершими мужчинами.

«Положите Бызова на стол!» – приказал доктор. И два деревенских мужика со сторожем этого помещения перенесли крупного мужчину в простой деревенской одежде из морга на стол, поставленный рядом.

Со стороны подошла деревенская женщина и плаксивым голосом начала задавать вопросы: «Батюшка, доктор! Неужто он совсем помер? Говорили у нас на деревне, что только заснул. Али брешут они, что бывает сон и на неделю и более?» «Сейчас освидетельствуем, – сказал доктор. – Подверните рубаху повыше!» Когда помощник доктора обнажил живот и грудь умершего, всем присутствующим и мне открылась ужасная истина: под тонкой кожей живота, как бы под полупрозрачной плёнкой, кишели, шевелясь, тысячи небольших червей... Бызов был мёртв. Доктор строго сказал: «Немедля на кладбище. Бызов умер. Хоронить!» Деревенская женщина громко завывала, запричитала – этот Бызов был её сын, и она надеялась, что в холодном морге сын её проснётся... А я бросился со всех ног бежать и только твердил невольно: «Бызов, Бызов, Бызов». И десятки лет помню эту фамилию.

Дома была радостная встреча с матерью, сестрицей и тётушкой Маней. После обеда мать уложила меня и братьев «отдохнуть»

после более чем четырёхсоткилометровой поездки на перекладных от Томска до Кузнецка.

Потом я решил обойти хотя бы две улицы моего родного Кузнецка, чтобы «людей посмотреть и себя показать». На мне была гимназическая форма: брюки, куртка и ремень, а на голове форменная фуражка с серебряным гербом «ТГГ», то есть «Томская губернская гимназия».

Спокойной, важной, неторопливой походкой я зашагал по своей Соборной улице, дома и жители которой мне были знакомы как свои пять пальцев. Не успев шагнуть пятнадцать шагов, я встретил священника с дьячком. Так как я знал «отца Михаила», я снял фуражку и поклонился, за что получил от него в ответ: «Здравствуй, мальчик!»

Пройдя шагов десяток, я оглянулся и увидел, что священник и дьячок входили в маленький домик девятилетней одинокой старухи «Тюшихи», которая опять их пригласила на предсмертную исповедь. Оказывается, в этом году Тюшиха умирала в четвёртый раз, приглашая «батюшку», и каждый раз после «исповеди» причащалась «телом и кровью спасителя». Но как я узнал позже, только после восьмого приглашения «батюшки», не успев покаяться в своих прегрешениях, старуха Тюшиха умерла без напутствия отца Михаила.

Проходя мимо знакомой аптеки, в которой я однажды покупал розовое масло по двадцать копеек за одну каплю, я увидел в палисаднике выставленный аптекарем аквариум. Задержавшись, я любовался мелькавшими в нём золотыми рыбками.

Заскрипела телега, и мне навстречу проехал водовоз с полубочьем воды, которую он поставлял безлошадным домовладельцам по четыре копейки за ведро. Вода набиралась из нашей хрустальной реки Томи.

Дальше у дома Пенькова, моего «крёстного» отца, вспомнил, что этот бывший мировой судья Кузнецка был скуп, как Плюшкин. Особенно ярко его скупость выразилась в том, что этот Пеньков Павел Петрович «справлял» свои именины в один день со своей женой

.....

Иулианией Сергеевной, то есть семнадцатого августа по старому стилю. А когда у супругов Пеньковых родился сын, родители назвали его Мироном, чтобы «справлять» тройные именины в один день – семнадцатого августа. Когда у Пеньковых родился второй сын, родители назвали его Филиппом, чтобы семнадцатого августа отпраздновать четвёртые именины. Это обходилось папаше Пенькову вчетверо дешевле, так как гостей созывать и угощать можно было один раз в год. Но вот рождается у Пеньковых третий сын. Ребёнок нарекается Павлом. И семнадцатого августа гости-поздравители приветствуют папу, маму, Мирона, Филиппа и Павла Пеньковых «с днём ангелов», обещая навестить «хлебосольного» хозяина через год. Дней рождения Пеньковы не «справляли».

Иду дальше. У ворот двухэтажного дома на лавочке сидят три старика – это три сосланных в Сибирь поляка после восстания 1863 года.

Оглянулся вправо – на Почтовой улице меня приятно удивил построенный из свежих брёвен одноэтажный дом купца Уманского. Только этот новый дом и свидетельствовал о строительстве в нагорной части города.

Оглянулся влево – у ворот своего двухэтажного дома на лавочке сидит старик Лука Иванович Конов, торговец пивом и вином, и «режется» в шашки с «пойманным» поручиком В.И.Михеевым, который с надеждой найти себе замену то и дело «искательно» оглядывался по сторонам.

Старик Конов, добродушный, шутливый человек, по-видимому, был полупомешан на игре в шашки, так как его часто можно было видеть с шахматной доской на улицах нагорной части Кузнецка, приглашавшим сыграть шашечную партию. Для него радостной находкой был всякий, согласившийся «сразиться» с ним. Шашистом Конов был отличным.

Направляясь далее к собору, я встречаю знакомую внушительную фигуру женщины. Я её знаю. Это наша кузнецкая «старуха-глобус». Она нищая. Ходит по дворам и живёт только подавниями горожан. Она сурова, молчалива. Проживает она на койке в одной комнате с такой же одинокой женщиной-прачкой. С утра

.....

.....

прачка уходит на стирку белья к пригласившим её кузнецким хозяевам, а «старуха-глобус» идёт по дворам просить милостыню.

Так как дверь их комнатки даже на ключ не запирается, «старуха-глобус» надевает на себя, одно на другое, три лёгких ситцевых платья! Потом она поверх трёх платьев надевает домашний сарафан, а поверх него ещё два платья из более плотной материи, а сверху напяливает на свою глобусообразную фигуру лёгкое пальтишко. Старуха боится оставить дома своё имущество и носит весь свой гардероб на себе, вроде улитки с её раковиной. Некоторые горожане называют старуху «кочан капустный», но среди нас, ребят, она слывет, как «старуха-глобус». По улице она идёт, как царица, прямая и гордая, хотя сбоку у неё объемистая сума с хлебными корками, объедками, варёными яйцами, жёлтой луковкой. И вот таким «глобусом» нищая старуха годами ходила по улицам Кузнецка, как дядя Влас у Некрасова: «ходит в зимушку студёную, ходит в летние жары». Встретив на Соборной улице эту городскую достопримечательность, я снял с головы гимназическую фуражку и поклонился, а в ответ услышал басовитым голосом: «Здравствуй, милый!»

Издали мне улыбается, идя навстречу, бывший московский студент-филолог Борман, знаток латинского языка, проживающий в Кузнецке с «волчьим паспортом», выданном ему полицией. Борман не имел права на постоянное жительство ни в городе, ни в деревне. Он проживал то в Кузнецке, то в Бийске, то в Барнауле. Он преподавал латинский язык моему брату Вале перед переходом мальчика из уездного училища в Томскую гимназию. Так что в течение месяца за ежедневные часовые уроки Борман, бесплатно преподававший брату латынь, обедал вместе с нами, а в конце месяца мать подарила этому скитальцу по сибирским городам чёрный суконный сюртук отца и пять рублей деньгами.

Борман встретил меня вопросами: «Как, ты уже гимназист? А Валя, мой ученик, в котором классе? Как здоровье мамы? Значит, вы теперь все три брата гимназисты?» Вместе со своим приветствием я прошу Бормана зайти к нам в гости, сообщив, что мы только сегодня приехали из Томска.

Борман направляется к нашей семье, а я шагаю к собору

.....

.....

мимо домов купца Емельянова, купчихи Медниковой. Меня обгоняет шарабан-бричка купца Недорезова, а навстречу проносится быстро на двухколёсном велосипеде купец Суховольский. Но так как я с ними незнаком, моя гимназическая фуражка остаётся на голове, а я продолжаю шагать к собору.

Собор окружён пышно цветущими черёмухами, защищёнными от набегов ребят высокой оградкой. Тут я встречаю идущего на базарную площадь хромого соборного звонаря деда Парфёна и стоящего возле соборной оградки одного из купеческих кучеров по фамилии Цыганков. Этот кучер угодил «в кутузку» за какую-то кражу, но никак кузнецкие власти не смогли его судить, так как он предъявлял документы своего дворянского звания. А в Кузнецке никак не могли найти для суда над дворянином Цыганковым хотя бы таких же двух захудалых дворян, как требовал закон. Найти дворян на сибирской земле вообще было невозможно, а поэтому дворянин-вор Цыганков гулял на свободе, пьянствовал, дебоширил, дрался, скандалил, ругался, воровал и высоко держал свою дворянскую голову.

Когда я пришёл на соборную лавочку, от которой открывался вид на Иванцевку, на Топольник, я услышал немецкую речь. Это беседовали три немца: исправник фон Дитмар и его друзья – мировой судья города и городской ветеринарный врач. По-видимому, в России 1901-го года не хватало своих русских исправников, не хватало юристов и даже ветеринарных врачей.

Не желая встречаться с немцами, я соскочил от соборной лавочки вниз к покатуному взвозу, к дороге, идущей к Иванцевке и далее через Топольник к реке Томи.

И вновь, как год тому назад, как два года назад, из крутого обрыва вдоль взвоза выглядывали на меня из земли то мёртвые кости, то черепа людей. Эти останки мертвецов крепко вросли в землю, осыпавшуюся и обнажившую мертвецов бывшего здесь сто лет тому назад кладбища. Никто не хотел из городских властей, из духовенства города Кузнецка собрать эти черепа и кости и похоронить их в братской могиле. Так, оскалив свои зубы, глядели годами из земли бывшие жители города – безвестные, безымянные...

.....

.....

Отвернувшись от мертвецов, я пошёл назад через базарную площадь, начал читать знакомые вывески с обозначением фамилий владельцев: «Торговля Недорезова», «Торговля Родионова» и др. Посередине площади выстроились телеги приезжих крестьян, торгующих мукой, крупами, птицей, маслом.

Через площадь я подошёл к каменным зданиям казначейства и моей первой школы – к приходскому училищу, где пять лет тому назад я гордился своим новеньким букварём, читая по складам его страницы. «А теперь я гимназист, – думал я, – и знаю наизусть все латинские статейки, знаю наизусть такие большие стихотворения, как «Беглец» Лермонтова или «Смерть Сусанина» Рылеева».

И само помещение этой моей начальной школы с её двумя классными комнатами показалось мне совсем маленьким по сравнению с двухэтажной Томской гимназии с её почти сорока комнатами. Но всё же мне стало и жалостливо, и как-то тепло и грустно.

И вдруг неожиданная встреча – от дома Васильева идут два китайца с тюками за спиной и аршинами в руках. Это знакомые нам «хóдя», продавцы-коробейники шёлковых тканей, обходящие кузнецан. Они были и в нашем доме, раскладывали свои шелка прямо на полу и горячо торговались, спорили о ценах своего товара на ломаном русском языке.

И короткая неприятная встреча произошла с вышедшим из магазина Васильева отцом Виссарионом, настоятелем Богородской церкви. Он сразу же узнал меня и на моё приветствие бросил мне вопрос: «Ну, а как Валька, в котором он классе?» После ответа: «Перешёл в четвёртый класс» я быстро зашагал к уездному училищу. Мне стало как-то оскорбительно-обидно за своего брата Валу, который более двух лет восьми-, девяти- и десятилетним школьником «работал» у отца Виссариона, подавая кадило и читая разные молитвы в церкви «за пономаря». Очень меня расстроил этот «батьюшка», так грубо и неблагодарно назвав брата «Валькой».

Убыстряя свои шаги, я прошёл, оглядывая двухэтажный дом уездного училища, мимо столбов бывших пасхальных качелей на площади и направился домой, но меня остановил ласковый груд-

.....

ной голос высокой женщины, стоявшей возле своего знакомого мне домика.

Это была Матрёна Васильевна Попугаева, жена кузнецкого часового мастера, работавшего на дому. Попугаев-отец сидел за своим столиком, починяя часы кузнечан, а жена его, Матрёна Васильевна, обшивала, обмывала, поила и кормила всех шестерых своих детей. Она даже нагружалась подсобными работами у некоторых кузнечанок: то стиркой, то стряпнёй, то варкой варенья, то уборкой. И никто никогда из знавших её хорошо людей не слышал из уст её унылых сетований, жалоб на «судьбу», каких-нибудь упреков людям и семьям. Она захаживала к матери и помогала ей сварить варенье, сделать очень вкусные вафли или просто посидеть, выпить чаю и побеседовать.

Матрёна Васильевна всегда к нам обращалась ласково, называя нас не «Валька», как отец Виссарион, а Валечкой и Коленькой. Запомнился рассказ этой доброй труженицы о том, как в домик Попугаевых влетела шаровая молния. Матрёна Васильевна так описала это событие: «Дело это случилось очень нечаянно. На улице бушевал дождь. Молнии и гром играли без отдыха. Мы думали, что дом сгорит от этих молний. Сидели мы в горнице все восемь душ. Маленький Ванятка был на руках – я его с ложечки кормила кашкой. Дверь в соседнюю комнатушку была закрыта на обе створки. Только мы заметили, как дождь приутих и гром ушёл дальше от нас, как вдруг в соседней комнатушке грянул пушечный выстрел. Мы все попадали на пол. Когда мы очнулись от этой страсти, мы почувляли гарь, а в горнице стоял лёгкий дымок. Я кинулась в комнату, дверь-то оказалась открытой. Гляжу: занавесочка ситцевая догорает, а стенные часы-ходики в щепки разбиты и тоже дымятся. Я схватила из горницы кувшин с водой и залила наш пожар. Мой хозяин говорил, что шаровая молния вошла через открытую форточку и сразу ударила в маятник, потому что он шевелился. Надо замереть на месте при шаровой молнии, не дышать, тогда она пройдёт мимо.

Пустынной Училищной улицей я пришёл домой, никого не встретив, не увидев на прогулке ничего нового, кроме деревянного

дома Уманских. Такими же серыми промелькнули дома купца Наумова, избушка сапожника Корчева, просола Носова, домик Красулиных – такими же серыми, как я видел их в прошлом году.

Мне даже стало грустно, что в городе всё осталось, как было в прежние годы, тогда как за этот год я заметно вырос: проехал от Кузнецка до Томска по полям и лесам, мимо сёл и деревень, потом проучился в гимназии, изучал и обегал десятка два томских улиц и вновь приехал в Кузнецк на каникулы. А мой город остался таким же, как спящая царевна в сказке Пушкина. И я почувствовал, что мне не захочется жить в родном городе, что после каникул я с удовольствием и верой в интересное будущее опять поеду в Томскую гимназию учиться.

Да, отныне с 1901-го года старый деревянный и тихий Кузнецк был мне скучен, а привлекал к себе и манил губернский город Томск.

ГЛАВА XXVI ТЕАТР НА СЕНОВАЛЕ

Смягчает душу мне воспоминаний рай.

«Фауст» Гёте

Никакого специального театрального здания в Кузнецке не было. Так называемое «Общественное собрание» снимало внаём сначала двухэтажный деревянный дом Хворова у взвоза к Иванцевке, а потом двухэтажный каменный дом Шукшина на базарной площади.

Любители драматического искусства, строители новогод-

них детских ёлок, организаторы балов пользовались единственным в городе залом со сценой – именно в Общественном собрании. Один раз в каникулы был организован детский вечер, на котором наша группа знакомых мальчиков танцевала с кузнецкими девочками в зале Собрания. Особенно оживлённо мы отплясывали венгерку под звуки скромного городского любительского оркестра. Целый круг я ревностно и восторженно прошёлся, отплясывая венгерку с Верочкой, пришедшей на этот бал с сестрой и двумя подругами.

Второй раз наша группа мальчиков посетила Собрание, чтобы посмотреть весёлый водевиль, артисты которого то говорили, то распевали разные куплеты. В этом водевиле мне запомнилось прекрасно, как учитель кузнецкой школы Чебыкин, игравший роль жениха, басом запел: «Человек, человек, дай нам угощенье». А сидевшая за столиком с этим женихом невеста таким же мотивом пропела: «Человек, человек, дай сюда тарелки». На эти две просьбы «человек», одетый в тёмный костюм и белый трактирный фартук, приятным тенором ответил: «Калёные, кедровые, фунтик мармеладу!» После этой песенки «человек» поставил на столик перед женихом и невестой две тарелки с орехами и мармеладом. Потом артисты танцевали на сцене, опять пели, разговаривали, весело смеялись, уходили со сцены и вбегали на сцену. Наконец, представление закончилось общим танцем почти десятка актёров этого водевиля.

Когда мы возвращались домой после этого театрального зрелища, некоторые мальчики довольно резко высказали свои мнения о виденном. Володя Чушев назвал водевиль «ерундой», Яша Конов выразился: «одно кривлянье», Вася Хворов прямо сказал: «дурацкая чепуха». Брат Валя предложил устроить свой детский театр, чтобы разыгрывать более разумные, серьёзные пьесы, вроде басен Крылова, рассказов Чехова. Товарищи с большой горячностью восприняли идею собственного детского театра, и Валя пригласил товарищей на вечернее совещание по вопросам постановки театральных пьес собственными силами.

А дома Валя спросил у матери разрешения устроить сцену и зрительный зал своего детского театра на чердаке большого амбара

с ходом через бывший сеновал. Так как в это время единственная наша корова Желтуха проживала одна в обширном коровнике для четырёх рогатых персон, её потеснили, так как запас сена на всю зиму вполне умещался в этом коровнике вместе с Желтухой.

Посетители театра сначала поднимались по лестнице на второй этаж амбара, затем через помещение пустующего сеновала по ещё более крутой лестнице добирались до чердака и усаживались на брёвна поперечных стропил крыши...

Сцена была отделена от «зрительного зала» только белой простынёй. Декорации отсутствовали.

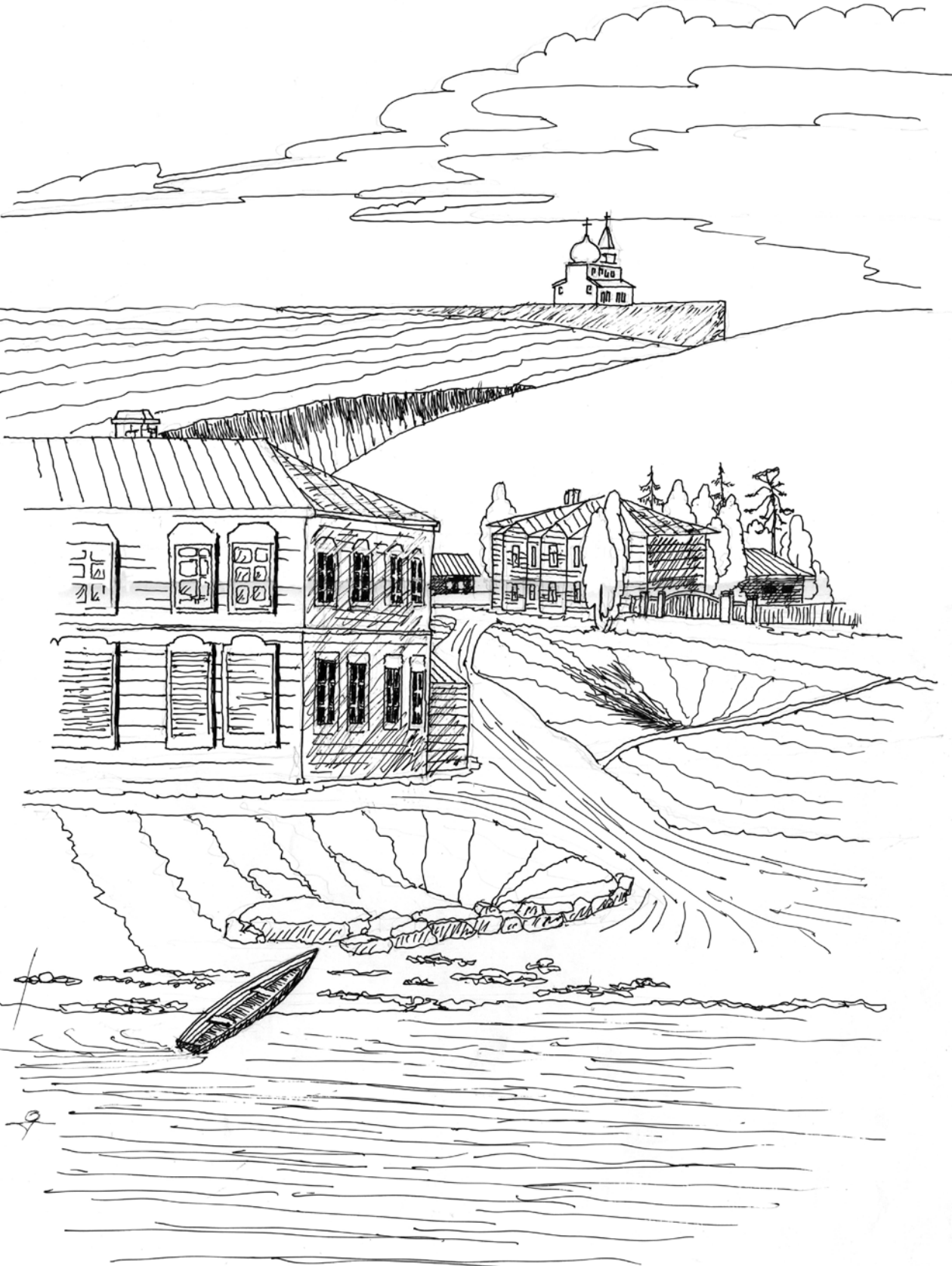
В «зале» на брёвнах разместились до двадцати мальчиков подгорников, десятка полтора нагорников и человек десять взрослых кузнецан. Раздаётся третий звонок колокольчика, занавес-простыня сдвигается на одну сторону, зрители видят слева зелёные ветки берёз – непроходимую стену-лес, а справа две двухметровые берёзки, между которыми можно протиснуться только человеку. В глубине сцены лежит большое стиральное корыто, которое осматривает человек с паклей припудренных мукой волос и с длинной мочальной бородой.

Громким голосом за кулисами брат Валя провозглашает: «Сейчас мы покажем сцену встречи Петра Великого с рыбаком. Стихотворение поэта Майкова «Кто он?» Валя читает авторские строки:

«Лесом частым и дремучим,
По тропинкам и по мхам,
Ехал всадник, пробираясь
К светлым невским берегам».

И в это время на своём высоком трёхколёсном велосипеде между берёзками справа на сцену въезжает в шляпе-треуголке, в синем мундире, с игрушечной саблей на ремне слева, с чёрными из крашеной пакли усиками Яша Конов...

Валя продолжает читать за автора:
«Только вот – рыбацья хата;

У реки старик стоял,
Челн осматривал дырявый
И бранился и вздыхал».

На приветствие Петра Великого: «Здравствуй, дед!» старик-рыбак, которого изображал Коля, начал ворчать на пришедших сюда утром людей, которые продырявили его лодку. После ворчания старика Яша соскочил с велосипеда, так как Валя-автор произнёс слова: «Всадник – прочь с коня и молча за работу принялся; живо дело закипело и поспело в полчаса».

Тут Яша-Пётр Великий схватил топор, застучал по корыту; потом забарабанил молотком по нему, тыкая долотом в бока и днище корыта.

Громко произнеся слова Петра Великого:

«Ну, старик, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сеть на счастье
На Петрово попытай».

Яша перевернул велосипед рулём к выходу, вскочил на этого «коня» и выехал со сцены.

Старик-Коля произносит недоумённые слова, не узнав царя Петра, и застывает на месте, пока Валя произносит четыре последних строчки стихотворения:

«И развёл старик руками,
Шапку снял и смотрит в лес,
Смотрит долго в ту сторонку,
Где чудесный гость исчез».

Занавес-простыня задёргивается, и под крышей чердака гром аплодисментов, крики «браво», «бис», а также три или четыре оглушающих свиста. Свистели от восторга подгорники, которые увидели «театр» впервые. По требованию этой неугомонной публики представление пришлось повторить, но после антракта в десять минут. Задержка была необходима, так как Андрюша Чушев при-

нёс для сцены нарисованный им передний фасад рыбацкой хаты на толстых склеенных листах картона. Эту декорацию поставили к задней стене сцены возле берёзки.

Когда во второй раз открылся занавес, и ребята увидели на сцене рыбацкую хату, вопли восторга потрясли всё помещение чердачного театра.

Второй раз Яша и Коля сыграли свои роли ещё лучше, чётко, неторопливо.

После стихотворения «Кто он?» была осуществлена драматизация басни И.А.Крылова «Демьянова уха», но сначала зрителей попросили покинуть зрительный зал и освежиться, спустившись по двум лестницам на двор; а пока колокольчик дал первый звонок.

Теперь сцена была организована иначе: слева была белая простыня, прямо – перевёрнутая декорация рабочей хаты с нарисованным на ней красками окном; крыша хаты была загнута назад; справа – белая простыня. Посередине стоял стол, а вокруг него три стула. На столе: миска с водой и плавающими в ней корками хлеба, тарелки, ложки, горка хлеба, солонка.

За первым звонком последовал второй, а когда артисты заняли свои места на сцене, прозвучал третий. Зрители с восхищением приветствовали новую театральную постановку, так как увидели за столом Фоку с деревянной ложкой в руках. Борода у Фоки была сделана из чёрного конского волоса. Против Фоки сидел Демьян в рыжем парике и с рыжей бородой. Фока был в синей рубашке, а свой пот вытирал жёлтым платком. Справа от стола стояла жена Демьяна, одетая в жёлтый сарафан и повязанная коричневой косынкой.

Фоку играл брат Коля, Демьяна играл Яша Конов, жену играл Боря Конов; слова автора читал брат Валя.

Несмотря на то, что артистов гримировал Андрюша Чушев, который не жалел самоварных углей и толчёного красного кирпича на брови и румянцы героев басни Крылова, зрители узнавали своих товарищей и с места называли их. Один из зрителей громко выкрикнул: «Баба-то – Борька!» Общий смех зрителей прекратил-

ся после громкого голоса диктора – Вали:

– Сейчас мы покажем вам басню Крылова «Демьянова уха».

Фока отхлебнул из тарелки три ложки воды, положил ложку на стол и начал вытирать пот со лба. Тогда Демьян сказал:

– Соседушка, мой свет, пожалуйста, покушай!

Фока утверждает, что он «сыт по горло», но Демьян настойчиво угощает, расхваливая свою уху, и почти вскрикивает:

– Да кланяйся, жена!

Безмолвная жена делает поясной поклон, а зрительный зал раздражается хохотом. Кто-то кричит: «Молодец, Борька!»

Валя авторскими словами прекращает шум:

– Так потчевал сосед Демьян соседу Фоку и не давал ему ни отдыха, ни сроку; а с Фоки уж давно катился градом пот».

Когда Фока съел ещё тарелку ухи, а Демьян просит «скушать» ещё тарелку, Фока бежит со сцены, а слова автора: «скорей без памяти домой – и с той поры к Демьяну ни ногой» покрываются хлопаньем в ладоши, свистами в один, два и четыре пальца и топаньем ребячьих ног в дощатый пол.

И так как горячим потом обливались не только Фока и Демьян, но и все зрители спектакля, Валя громко объявил:

– Просим публику спускаться вниз, так как наш градусник показывает тридцать два градуса тепла!

Мы дотягиваемся руками до деревянной крыши амбара и ясно ощущаем теплоту нагретых солнцем досок.

Через пятнадцать минут зрители вновь взбираются на чердак, и здесь под горячей крышей амбара даётся третье представление – басня Крылова «Два мужика» при участии трёх актеров: мужик Фалдей, мужик – кум Егор и мужик – сват Степан.

Все мужики одеты в крестьянские кафтаны, похожие на ночные халаты, подпоясанные красными кушаками. Бороды у всех разные: чёрная, рыжая, седая. Декорацией служит берёзовая зелень.

Фалдей стоит на сцене, поглаживая свою рыжую бороду. Входит Егор и здоровается со своим кумом, который рассказывает о том, как он, будучи пьяным, «сжёг дотла свой двор». Затем Егор объясняет куму, почему он сделался калекой – на костылях – после пьяной пирушки. Наконец, выступает стоящий в стороне сват Степан, которого Егор спрашивает: «А ты как скажешь, сват Степан?» Ответом Степана заканчивается спектакль на чердаке.

Публика аплодирует, а один из взрослых зрителей громко говорит: «Спасибо!» Духота на чердаке становится невыносимой, и все зрители, а за ними и актёры спешат спуститься вниз во двор, отирая пот со своих лиц.

Успех чердачного театра был несомненным, и ребята забросали Валу, Колю и Яшу вопросами: «А когда будет ещё представление? А какие сцены будут? А почему Пётр Великий не назвал себя? А почему Пётр Великий был один? Кто рисовал домик рыбака? Почему от ухи пар не шёл? Нельзя ли больше проветривать ваш театр?»

Тогда Валя испросил у матери разрешение устроить сцену и лавки для зрителей в обширном пустующем помещении сеновала с его широкими дверями и тремя слуховыми окнами. Предстояло оборудовать новое помещение.

По решению старших гимназистов Вали, Коли, Яши, Андрюши и Васи Хворова четвертая часть площади сеновала была отделена под сцену и кулисы, а половина предназначена под скамьи зрителей. За скамьями могло уместиться до пятидесяти стоячих посетителей театра.

Работа велась быстрыми темпами, торопливо, шумно, изобретательно. В ход пошли доски, тесинки, пустые пчелиные ульи, старые оглобли, жерди. Яша Конов выпросил у отца небольшой стол, два стула, скамейку и приставную лестницу – для постановок. Длинные жерди для устройства сцены приволок Андрюша Чушев. Гвозди кованые и проволочные принимал в старое железное ведро Коля (от других ребят).

Через три дня все работы были закончены: дощатая перегородка отделяла сцену и кулисы от зрительного зала, в котором находились накрепко сколоченные скамьи примерно на шестьдесят посетителей театра. Сцена равнялась почти восьми квадратным метрам, а кулисы были вчетверо просторней.

Андрюша Чушев на больших листах оберточной бумаги, купленной в одном из магазинов на базаре, сумел нарисовать три пары окон, чтобы сцена быстро могла менять свой облик. Например, при постановке пьесы «Денщик подвёл» комната офицера украшалась парой Андрюшениных окон с изображёнными на них синими занавесками; когда разыгрывалась чеховская «Хирургия», окна имели более больничные занавески; когда следователь допрашивал «злоумышленника» по отвинчиванию гаек, комната имела большое окно с коричневой шторой.

И вот после недельной работы по оборудованию театра на сеновале был объявлен день представления для ребят города Кузнецка сцены из драмы А.С.Пушкина «Борис Годунов» – «Корчма на литовской границе».

Артисты разучили свои роли назубок и прорепетировали этот ответственный спектакль пять раз, чтобы играть всю сцену без суфлёра, сидевшего с книгой Пушкина за кулисами.

Так как я подавал звонки к началу спектакля, не выходя в зал, а находясь на сцене, я каждый раз через дырку в занавесе одним глазом обозревал посетителей нашего театра.

Когда я намеревался дать третий звонок и взглянул в наш зал, у меня чуть не подкосились ноги: в первых рядах сидели с нашей матерью родители Чушевых, Лука Иванович Конов с женой, учитель Чебыкин с женой, поручик В.И.Михеев, соседи Гудовичи и ещё человек пятнадцать взрослых кузнечан. Последние два-три ряда скамеек были заняты ребятами подгорниками, а за ними плотной стеной сгрудились ребята нагорной части города, «Подкамня» и «Форштадта».

Дрожащим голосом-полушёпотом я сообщил находящимся на своих местах актёрам об этой «взрослой» публике, а загримированный беглым монахом Варлаамом брат Валя строго приказывает: «Давай третий звонок и сразу же открывай занавес!»

Но вслед за словами Вали за кулисами раздаются громкие голоса – брата Коли: «Где моя борода? Она здесь лежала!» и голос Андрюши: «А куда сабля исчезла?»

Публика в зале громко смеётся, а Валя тоже громко восклицает: «Тише вы, растеряхи!» Обращаясь ко мне и явно волнуясь перед спектаклем, Валя снова приказывает мне: «Звони!»

Мой колокольчик почти разламывается на части от сильнейшего сотрясения – от первого дёрганья его моей правой рукой. После длительного звонка я даю три коротких и шнурком стягиваю двухпростынный занавес на кольцах по проволоке к правой стороне.

Публика ахнула, раздались аплодисменты, кто-то воскликнул: «Здорово! Молодцы, ребята!»

Восторг вызвали бревенчатые стены корчмы, расписанные Андрюшей Чушевым на больших листах толстой бумаги и картона, и русская печь в углу сцены, тёмные силуэты-образа в углу с

горячей перед ними лампадой, большое раскрытое окно, сидевшие за столом бродяги: Варлаам (брат Валя), Михаил (Вася Хворов), рыжий Гришка Отрепьев (Яша Конов) и шинкарка (Боря Конов).

В зале воцаряется тишина, и Боря-шинкарка начинает играть свою роль. Многие улыбаются в публике, но беседа Варлаама, Михаила и Григория заставляет слушателей сдерживать себя. А когда в корчму входит первый пристав (брат Коля) и второй – Алёха (Андрюша Чушев), зрители застывают в напряжённом молчании. Наконец, Варлаам своим чтением царского указа разоблачает Гришку Отрепьева. Гришка вынимает кинжал, находившийся у него за пазухой, вскакивает на бочонок у окна и выпрыгивает из корчмы вон, бесшумно падая на мягкий ворох тряпья и сена.

Аплодисментам, крикам «браво!», «бис!», «молодцы, ребята!» не было конца.

Я отдёргиваю занавес, и актёры – все пятеро – кланяются публике. Зрители подходят к актёрам и восхищаются, особенно ребята, чёрной бородой Михаила, седой бородой Варлаама, двумя бородавками и рыжими волосами Гришки, саблями приставов, особенно же размалёванной физиономией хозяйки-шинкарки и её «бабьим» одеянием.

Зрители делятся своими впечатлениями от спектакля и на объявление об очередном представлении отвечают обязательным желанием посетить наш театр и, громко благодаря организаторов и артистов, расходятся по домам.

Посетители разносят славу нашего ребячьего театра по всему городу, особенно поражаясь этой смелой самостоятельностью гимназистов без режиссуры со стороны кузнецких учителей. Отзывы были самые похвальные.

После того как наш театр на сеновале показал своим зрителям – взрослым и детям – весёлую комедию «Пыжиков», исполнителей главных героев которой Пыжикова и его слуги – брата Валю и Васю Хворова – стали привлекать к работе на сцене Общественного собрания.

Брат Валя принял участие в поставленной на сцене Обще-

← Группа кузнецкой молодёжи – любители драматического искусства, выступавшие на сцене Общественного собрания в Кузнецке летом 1901 года. Фото 1901 г.

ственного собрания комедии, в которой отлично выполнил ведущую роль Губаревского. Затем в поставленной на сцене Собрания пьесе Щепкиной-Куперник «Школьная пара» брат Валя успешно сыграл роль гимназиста, а женскую роль исполнила одна из томских гимназисток.

А в 1902-м году шестнадцатилетний Валя в качестве режиссёра поставил на сцене Общественного собрания в доме Шукшина комедию А.Н.Островского «Доходное место», в которой очень успешно сыграл роль Жадова, а роль чиновника-взяточника Белогубова сыграл другой бывший актёр нашего театра на сеновале Яша Конов. Конечно, роли Вышневецкого и старого чиновника Юсова играли взрослые актёры-любители кузнецкого «Общества любителей драматического искусства».

В подражание театру на сеновале другая, неизвестная нам кузнецкая группа молодёжи представила на сцене под открытым небом какую-то пьесу из рыцарских времён с участием девочек в женских и мужских ролях. Эта пьеса была сыграна на территории пивоваренного завода Красимовича и большого восхищения не вызвала.

Можно твёрдо сказать, что наша спаянная тесной дружбой группа ребят своими постановками на сеновале снискала глубокую симпатию кузнецких граждан – и больших и маленьких, и грамотных и неграмотных.

...Но лето прошло, каникулы кончились, и весь наш театральный коллектив растаял, разъехался по своим гимназиям и реальным училищам.

А годы отрочества занесли в свою летопись этот горячий, увлекательный «театральный сезон». Начинаясь наш очередной учебный год.

Слева направо: Е.Поникаровская, Л.Бородуха, М.Малева, Н.Скопина, А.Хворов, Б.Панов, Я.Панов, А.Романов, П.Тюшев, Н.Булгаков, Вен. Булгаков, Б.Красимович, Вал.Булгаков, В.Емельянов, А.Тюшев, Н.Петров.

ГЛАВА XXVII

НАШИ ТРУДОВЫЕ ДЕЛА

«Вне труда нет счастья для человека».

Е.Ушинский

Моё отрочество было счастливым, если не считать огорчений по школе; если не вспомнить того случая, когда я один раз угремел в жаркой бане; если отбросить тяжёлые впечатления от мимолётных ударов действительности.

Когда братья Коля и Валя уезжали в гимназию, мы оставались во флигеле только троём: мать, я – школьник и младшая сестрица Надя. Нашей домашней работницей оставалась весёлая, жизнерадостная Васса.

Наступила осень, и следовало готовить впрок на зиму кадку капусты и кадку огурцов. Я помогал солить капусту, особенно любил острейшей сечкой рубить её в деревянном корыте – до усталости своих ребячьих рук. Огурцы, назначенные для засола, я промывал два раза в кухонном ведре.

По первому же слову матери я направлялся в магазин или лавку на базаре, принося домой различные продукты: французские булки по пяточку, фунт колбасы за двадцать копеек, сахарного песку по одиннадцать копеек фунт, или шёл в аптеку за лекарством, или на почту за конвертом и почтовой маркой.

Зато в свободные минуты с большим увлечением по просьбе матери читал ей школьные урочные стихи то «Буря мглою небо кроет», то «Зима, крестьянин торжествуя, на дровнях обновляет путь» или «Ветка Палестины», «Когда волнуется желтеющая нива», «Что, дремучий лес, призадумался».

А весной занимательно было выращивать на тарелках со

мхом семена арбузов, дынь, огурцов. А потом разделять на огороде в компостных грядках особые лунки с чернозёмной землёй и высаживать в них проросшие семена этих теплолюбивых растений. Арбузы у нас вырастали мелкие, но вполне спелые, с красной мякотью, а дыни, чаще жёлтые, снятые с гряды и положенные на окна комнат, наполняли весь дом своим сладким ароматом.

Весной наш маленький огород вспахивался плугом нанятого пахаря, а потом грядки разделялись вручную работницей Вассой, матерью и тёткой Маней. А я был заметным помощником в огороде при посевах картофеля, свеклы, моркови, репы, гороха и бобов. И мы, ребята, всегда были помощниками взрослых в самых скучных работах по поливке и прополке грядок моркови, свеклы, репы и других растений.

Особенно весела и увлекательна была осенняя работа по уборке урожая. Весело было находить после сбора моркови или репы оставленные морковки или репки взрослыми уборщицами. Или вдруг разыскать в пышной компостной арбузной грядке один или два зарывшихся и вызревших в глубине гряды арбузика.

А каким поучительным уроком для нас оказалась раскопанная рядом с картофельными грядками крысиная кладовая огородных овощей. В этой довольно обширной яме, как в складе разумного хозяина, отдельными кучками сложены были клубни картофеля, плоды красной свеклы, крупные морковки и даже несколько штук синей репы...

А какой радостной удовлетворённостью наполнялись наши отроческие сердца, когда мы приносили матери и сестрице свои полные корзиночки или кружки спелой земляники, душистой полевой клубники, а себе – спелой боярки или луковиц саранки – сибирской красной лилии, или сладковатых луковичек кандыка, прозванного «собачьим зубом».

И большим радостным трудом, полным важной серьёзности, были наши походы за цветами, составление букетов для украшения наших жилых комнат и для возложения на родные кладбищенские могилы отца, братьев и сестры.

По особому заданию матери брат Валя часто уходил в поля, собирая по обочинам дорог и среди кустарников лечебный чернобыльник-полынь, настойкой корня которого мать снабжала приходящих к ней крестьян, желавших вылечиться или вылечить кого-нибудь из своих домашних от «падучей болезни».

Часто наши рыболовные дела увенчивались успехом, если мы приносили домой пойманных на удочку окуней, ельцов, пескарей, ершей и сорожек. Уху можно сварить на всю семью из проткнутых вилками выброшенных молниеносно на берег со дна реки из под камня налимов. А жареные на конопляном масле караси из лесных озер нашей бывшей пасеки – это было наше лакомство.

По заданию же матери мы обходили близкие и далёкие переулки города Кузнецка и у плетней, у заборов, под колодами и брёвнами и в других теневых местах набирали часто по несколько десятков пахучих шампиньонов. И тогда к обеду подавалось это жаркое с луком и сметаной, smak которого, наверное, оценил бы очень высоко даже гоголевский помещик Петух.

Однажды нашим увлечением, правда, недолговечным, был сбор лечебных шпанских мух на молодой листве тополевых зарослей возле Иванцевки.

На это полезное для медицины дело нас пригласил аптекарь, и мы то в стаканах, то в стеклянных банках начали снабжать нашу аптеку этими вонючими, с противным резким запахом шпанскими мухами. Аптекарь высушивал этих мух и приготавливал из них пластырь, вылечивавший нарывы, а нам давал то три, то пять, то десять копеек за приносимых живых мух. Так мы зарабатывали на свои «карманные» расходы то гривенники, то двугривенные.

Мне было около десяти лет, когда мне в голову пришла идея составить список всех живых существ, обитающих на земном шаре. Я взял чистую тетрадку, начал вычитывать из своих учебников, потом из журнала «Нива», потом записывать в эту тетрадку названия зверей, птиц, насекомых, земноводных, рыб, часто не зная, куда записать раков, змей, лягушек, червей.

И уже гораздо разумнее и плодотворнее были мои труды по

собираению коллекции насекомых, которых я безжалостно обваривал из кипящего самовара и раскладывал на вате в низких ящичках из-под конфет. Таким образом коллекционируя, набрал я бабочек, жуков, личинок и куколок почти пятьсот различных видов. У меня были и махаоны, и аполлоны, и жуки-насороги, и мельчайшие козявки, и мотыльки, и червячки.

Заслуживают особенно радостных оценок и лучших отзывов наши отроческие коллективные, товарищеские затеи и мероприятия общественного характера. Общий труд объединял нас в единую дружескую семью, когда мы трудились, например, в строительстве сухопутного «игрушечного» парохода из пустых пчелиных ульев. Такой труд спаивал нас в тесный, более серьёзный дружеский кружок в деле организации нашей общественной детской библиотеки. И большим шагом вперёд в нашем осознании необходимости труда для кузнецких ребят были театральные постановки басен Крылова, рассказов Чехова и «Корчмы» Пушкина. Тут наших «актёров» манила не слава «великих артистов», а желание доставить разумное развлечение как ребятам, так и взрослым. Власти кузнецкие нас не тревожили, так как наш детский театр был бесплатным, а наши родители только радовались, что летние каникулы гимназистов проходили в полезных и здоровых занятиях трудового творчества.

Но пролетели каникулярные дни, и вновь зазвенели под дугой колокольчики. Вновь ямщицкая перекладная телега покатила нас из Кузнецка в Томск – продолжать наш основной жизненный труд – ученье в гимназии.

ГЛАВА XXVIII

ПОСЛЕДНИЕ КАНИКУЛЫ В КУЗНЕЦКЕ

В марте 1902 года маятник часов моей жизни отстукал тринадцать лет, и начался последний год моего отрочества – год четырнадцатый.

В мае Педагогический совет Томской гимназии перевёл меня без экзаменов в третий класс, и мы, кузнечане, дружной шестёркой – трое Булгаковых, двое Чушевых, Витя Крейтер – тронулись под звон колокольчиков на широкой ямщицкой телеге из Томска в Кузнецк.

На душе у всех было радостно, так как все мы без экзаменов, потрудясь добросовестно целый учебный год, не пропустив по болезни ни единого учебного дня, все шагнули ещё на шаг вперёд, уйдя дальше от начального класса.

Пара сибирских лошадок рысью летела по ровной дороге. Телега оставляет за собой клубы пыли. Колёса вертятся так быстро, что спицы сливаются в серый диск, и глаза не улавливают числа спиц в колесе.

Наш певец Витя, четвероклассник, весело, громко, задорно бросает в воздух:

«Ах, полным-полна коробушка,
Есть и ситец, и парча!»

И мы хором во всю силу лёгких продолжаем:

«Пожалей, душа-заснобушка,
молодецкого плеча!»

Хор молодых голосов подбадривает и ямщика на облучках, и даже самих лошадей, убыстряющих свой неутомимый,

крепкий бег.

Ямщик ласково покрикивает на своих вороных: «Эй, шевелись, вороные! Выручай, малютки, голуби!»

А наш хор после «Коробушки» с молодым задором подхватывает припев за дискантом Вити: «Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зелёная, сама пойдёт! Подёрнем, подёрнем, да, ухнем».

Потом идут хоровые номера из оперы «Аскольдова могила»: во-первых, хор девушек:

«Всё сидеть бы нам, подруженьки,

Из-за стен лишь любоваться

На печальные поляны»;

во-вторых, хор рыбаков, поющих:

«Мы наловим на продажу

Золотистых осетров»...

Мы все, побывавшие в Томске на спектаклях-операх «Жизнь за царя» (т.е. «Иван Сусанин»), на опере «Демон» прекрасно запомнили целые арии и хоровые песни. Витя, брат Валя, Андрюша запели хоровые номера из оперы «Демон»:

«Красное солнышко в небе покажется,

Будет дороженьку нам освещать»...

Потом пели «на грузинском» языке:

«Каморо румни оро

И лоро чирик лоро

Да веста ради аменазас

Массоб герминал».

А затем знаменитую, неувядающую глинковскую «Славься, славься». Но так как четырёхсотверстная дорога была длиннее всех наших песен, то приходилось и помолчать, и подремать, и подумать о гимназических днях, почитать взятые на дорогу новые книжки, и поговорить, и даже поспорить друг с другом.

Колокольчики под дугой ведут свою монотонную песню, ямщик полудремлет, телега без единого скрипа скользит по накатан-

ной дороге.

Коля, Андрюша и Витя, склонив свои головы, «клюют носами». Они сняли свои гимназические фуражки из опасения «посетить» их на пыльной дороге. Валя, Петя и я вспомнили, как нас водили в театр на оперы, как мы были на концерте хора Славянского в Общественном собрании.

Солнце ещё высоко. Редкие облачка, проплывающие по небу, то и дело затуманивают солнце, но не мешают Вале читать взятую им в дорогу пятикопеечную книжку В.Г.Короленко «Дети подземелья».

А когда Валя вынул из своей дорожной сумки шестикопеечную книжку Виктора Гюго «Сирота в неволе» и начал её читать, Петя Чушев заметил, что «много читать очень вредно». Валя ответил Пете: «А мало читать – ещё вреднее!»

Петя получал в гимназии по русскому языку за ответы и за грубые ошибки в диктовках – двойки, а Валя изредка имел «четвёрки», а в четвертях всегда «пятёрки». Петя не хотел читать даже сказок Пушкина и потому решил теперь, обидевшись на замечание Вали, доказать, что неумеренное чтение приносит явный вред любому читателю. Прежде всего Петя указал на зелёную стену высокого леса, мимо которого мы проезжали: «Ну, ты посмотри, Валя, какие огромные ели в этом лесу! Наверное, в нём водятся волки, медведи, лисицы. А ты всё читаешь чуть ли не пятую книжку. Надо изучать сейчас живую природу, а не книжки читать. Да и глаза свои портишь сейчас. Неужели тебе мало было школьных учебников и книг из гимназической библиотеки? Ты, наверное, книг сто прочитал за год! Ну, для чего это нужно? Сейчас каникулы, и мы должны отдыхать от наших занятий, уроков и книжек. Наш учитель прямо нам объяснил, что нельзя «пожирать» книги, нельзя их «глотать», торопиться и жадничать». «А я и не жадничаю, – отвечает Валя, – я не торопясь прочитываю одну книжку, а потом берусь за другую. Ехать довольно скучно, дорога даже усыпляет – вон, смотри, как Коля, Витя, Андрюша клюют носом. А я не торопясь почитываю».

Но Петя не сдаётся и решает победить неугомонного книж-

ника Валу слухами о кузнецкой читательнице Соне Красулиной. Петя говорит: «Ты же помнишь, как прошлым летом Васька Корчев божился и крестился, что их соседка Соня Красулина «спятила» с ума от чтения книг? Потому что она читала утром в постели, за чаем, за обедом, когда шла на базар. Она правой рукой подметала веником пол, а в левой держала раскрытую книгу. В школе на всех уроках Соня читала всё, что могла достать в библиотеке. Она даже в церковь с книгой ходила. Ночью она просыпалась, брала книгу и дочитывала её до конца. Во сне Соня часто кричала и плакала. Жила она с бабушкой, которая до десяти раз приглашала Соню чай пить, завтракать, обедать, ужинать, потому что Соня прямо-таки глотала, когда сидела, уткнувшись носом в книгу. А когда Соня начала бормотать всякую чепуху, потом лаять по-собачьи и даже кидаться на свою бабушку, её увезли в Томск, в сумасшедший дом. Смотри, Валя, попадёшь и ты туда!»

Старший брат Пети Андрюша, дремавший во время Петинной речи, неожиданно громко проговорил: «Дурак ты, Петя! Сонька была больна нервами помимо чтения книг. А вот ты без книг скоро совсем одуреешь! Ты лучше возьми у Вали хоть одну интересную книжку для прочтения, пока мы доедем до Кузнецка».

Валя как бы в оправдание своего книголюбия сообщил спорщику Пете, что у него по совету матери имеется тетрадка, в которой записаны прочитанные им книги. Потом Валя добавил: «Да я вовсе не «глотаю» книжки, не «пожираю их», так как непонятные выражения перечитываю по два и даже по три раза».

В этот момент из-за придорожного кустарника выскочил здоровенный заяц-русак и после моего истошного выкрика: «Заяц, заяц» – пустился вскачь вдоль дороги. Дремавшие Коля и Витя вздрогнули, проснулись и мы все начали свистеть, кричать, улюлюкать и хлопать в ладоши, создавая дикий концерт.

Молодой ямщик гикнул на своих лошадок, огрел каждую кнутом, и наша телега понеслась за зайцем, поднимая по дороге клубы пыли.

Глупый заяц, ошеломленный нашим хором визготни и свистов, сначала бежал, как одурелый, вдоль дороги, но потом метнул-

ся в сторону и ускакал в берёзовый лесок.

«Давай из «Демона», – крикнул Витя, и вместо звериного заячьего концерта мы хором грянули одну из наших любимых: «Красное солнышко в небе покажется, будет дороженьку нам освещать».

Песня звучала задорно и весело в тихом вечернем воздухе, телега катилась дальше и дальше от Томска к Кузнецку, колокольчики пели свою дорожную усыпляющую нас песню, ямщик изредка дёргал вожжами и чмокал губами на своих неустанных бегунов.

Сейчас будет и очередная деревня, где мы переночуем, а завтра днём подъедем к перевозу через нашу родную Томь у села Ильинского, а там и рукой подать – всего двадцать километров – до Кузнецка, где мы, говоря стихами поэта Жуковского, «впервые вкусили сладость бытия, поля, холмы родные; родного неба милый свет, родимые потоки».

Так всё и вышло – к вечеру двадцать шестого мая 1902 года мы на своей перекладной телеге подъехали к нашей Кузнецкой крепости, построенной пленными шведами по приказу Петра.

Мы соскочили с телеги, приказали ямщику подвезти наши сундучки, узелки да гимназические шинели к нашим домам, а сами все шестеро кинулись вниз с горы с криками: «Ура, доехали! Ура!»

Жители тихого городка с невольным испугом глядели, как по переулкам рассыпалась стайка томских гимназистов, приехавших в Кузнецк на каникулы.

После радостной встречи с матерью и сестрицей, после обеда я побежал к Коновым, к их младшему брату Иннокентию, прозываемому Кешкой. Здесь шла горячая игра в крокет, после которой мы всемером отправились на Томь купаться.

Потом целым десятком ребят почти два часа мы играли «в лунки». Игра состояла в том, что на мягкой уличной дороге мы вырыли десять «лунок» по линии в три метра и каждый из десяти ребят закрепил за собой на всё время игры какую-нибудь одну «лунку». Эти «лунки»-ямки были глубиной от пяти до восьми сан-

тиметров. Один из нас, «водила», брал гуттаперчевый мяч и катал его над лунками. Когда мяч оказывался в одной из десяти лунок, хозяин этой лунки должен был быстро выхватить мяч из своей лунки и салить любого из всех убегающих от лунок мальчиков. Засаленный беглец становился «водилой» и старался закатить мяч в одну из чужих лунок, а сам поскорее удрать от этого мяча.

Вечерком перед чаем я успел прочитать 128 страниц стихотворной сказки Ершова «Конёк-Горбунок» издания 1901-го года. Эту книжку мне подарила мать, поздравляя меня с переходом в третий класс гимназии.

А после вечернего чая я побежал к обрыву возле Богородской церкви, чтобы «повидать» хоть издали свою дорогую приятельницу черноглазую Верочку. И я оказался счастливецом, так как возле церковной ограды встретил её, и она пригласила меня на спектакль у Красимовичей, во дворе пивоваренного завода.

И вместе со своими братьями и товарищами я смотрел восхищёнными глазами, как Верочка, одетая рыцарем, со шпагой в правой руке, соскочила со стены рыцарского замка (ящики из под пивных бутылок) и спасла свою даму от двух страшных разбойников. Я был обворожён маленькой артисткой и почувствовал, что меня охватила какая-то большая волна нежности, симпатии, ласковости к Верочке. Я набрался смелости и, подбежав к ней, сказал: «Как у тебя здорово вышло!»

Она скромно улыбнулась и крепко-крепко пожала мне руку. И я унёс домой такую наполненность своей души, которой хватило на целое лето. И я уже не в силах был бегать к обрыву и смотреть на свою близкую, радостную, милую подружку. При нечаянных встречах даже издали сердце моё сжималось от боли, и я поскорей убежал незамеченным прочь.

Чтобы как-то развлечься от набегавших и мучивших меня мыслей и чувств, я брал из домашней библиотечки книжки и читал. Это были то «Мороз – красный нос» Некрасова, то сборник рассказов и стихов, взятых из хрестоматий составителем Белобородовым, то «Война мышей и лягушек» Жуковского, то пятикопеечные и десятикопеечные книжечки со сказками Андерсена, то

.....

книжечки «Всего понемногу» Деркачева, содержащие сказки, загадки, побасёнки, шутки, песни и поговорки, то стихи Пушкина, Лермонтова и Жуковского...

В эти последние каникулы в городе Кузнецке я читал все книжки как-то глубже, вдумчивее, серьёзнее и горячее.

А мои братья и братья Чушевы и Коновы возобновили театральные постановки на сеновале и за лето дали три спектакля, в которые входили разные пьесы: и «Дачный муж», и «Злоумышленник», и «Хирургия», и «Денщик подвёл», и «Корчма на литовской границе». И можно похвастаться, что зрительный зал сеновала всегда бывал полон городскими ребятами, а стены дрожали от аплодисментов, от криков «браво», «ура». Раздавались и восторженные свисты в честь юных актёров этого скромного «самодеятельного театра».

Новостью физкультурных соревнований на реке Томи в это последнее лето в Кузнецке были ныряния без обозначения финиша, то есть на весь запас сил и умения каждого ныряльщика. Это происходило так. Соревнующиеся мальчики один за другим входили в реку каждый «по горлышко» и по течению ныряли вдоль берега. Ныряльщик имел право выныривать из воды, вдыхать свежий воздух, погружаться вновь в воду, продолжать своё плавание под водой и, обессилев, выныривать окончательно из воды. Это был его финиш, который отмечался на берегу наблюдателями. Ныряльщик имел право выныривать для вдыхания свежего воздуха пять-семь-десять раз, но не плыть по воде, а сразу же скрываться под водой. Победителем считался проплывший под водой на самое дальнее расстояние от старта. Это расстояние от старта до финиша отсчитывалось шагами по берегу. Один из учащихся уездного училища, вынырнув во время подводного проплыва всего пять раз, покрыл расстояние в сто восемьдесят шагов, а мы, гимназисты, смогли одолеть самое большее – это сто двадцать шагов.

Очень интересным и серьёзным занятием нашей гимназической группы мальчиков в эти каникулы был пуск воздушного шара, о чём особенно горячо ратовал Яша Конов, рассказавший о том, как люди начали летать на воздушных шарах более ста лет тому назад. Товарищи поддержали предложение Яши, выразив

.....

.....

желание соорудить шар возможно быстрее. Прошло четыре дня после обсуждения всех вопросов конструирования и пуска нашего воздушного шара, после всех работ по розыску материалов и созданию шара и наша группа гимназистов ярким солнечным утром 22-го июля 1902 года собралась на обширном поле за городским кладбищем для пуска готового к полёту воздушного шара.

Шар был склеен из десяти продолговатых точно нарезанных листьев белой обёрточной магазинной бумаги длиной в два метра, причём ширина средней части листа была 30 сантиметров. Получился продолговатый «глобус», с экватором в два с половиной метра и с десятью «меридианами» (по числу клеевых полос от «полюса» к «полюсу»). Большая нижняя дыра шара имела клапан для закрытия её во время полёта, а под клапаном была подвешена лёгкая картонная коробка с посаженными в неё с четырьмя мышами и положенными для них четырьмя сухарями. Свидетелями пуска шара сбежались до тридцати кузнецких ребятшек.

Мы развели небольшой костёр и очень-очень осторожно наполнили наш шар горячим дымом, закрыли клапан нижнего отверстия, и в кузнецкое небо взвился при наших аплодисментах и криках «ура» этот бумажный воздушный шар с четырьмя маленькими пассажирами.

Лёгкий ветерок понёс блестящее на солнце белизной наше техническое сооружение на восток, на далёкие болота в сторону предгорьев Кузнецкого Алатау. Мы сначала читали и разбирали буквы и цифры, начертанные тушью по «экватору» нашего шара: «Кузнецк 22 июля 1902 года», но скоро даже сам шар только мелькал в наших глазах, как тающее белое пятно в сизой мгле далёкого горизонта и, наконец, в этой мгле совсем пропала и чуть видневшаяся дрожащая беленькая точка.

Вспоминается ещё одно событие этого последнего каникулярного лета в родном Кузнецке: поход трёх юных кузнечан. Для меня было полным значительности и высокого преклонения пешеходное путешествие моих братьев Коли и Вали с Андрюшей Чушевым в деревню Жуланыху Барнаульского уезда – за 200 вёрст от Кузнецка по таёжным дорогам и пересёлкам. Целью этого похода было подтвердить или опровергнуть клятвенные заверения одной

.....

.....

кузнецкой барыни о том, что она видела «собственными глазами» в «святом» колодце, близ вырытой в горе пещеры, таинственного отшельника и «лики святых».

Юноши шли тайгой, рискуя встретиться с двухметровыми сибирскими медведями, следы которых они видели на дороге. Оружия никакого эта тройка смельчаков не имела, кроме небольшого кухонного ножа, которым брат Валя выкапывал с корнем лесные растения для гербария, наполняя ими свою ботанизирку. Вот этим ножом он и собирался поразить «хозяина тайги» в случае нападения.

Рассказы барыни о чуде в колодце не подтвердились, и уездно-церковные представления юношей получили окончательный сокрушительный удар. Их вывод был: «Никакого чуда нет – один обман!»

Дня за два до отъезда из Кузнецка в Томск наша компания ребят направлялась по Соборной улице к реке Томи на очередное купанье. Нам навстречу шёл в военной форме поручик В.И.Михеев, носивший прозвище «кузнецкая нянька». Он издал приветливо крикнул приветствие:

– Здравия желаю, господа гимназисты! Куда путь держите?

Мы хором весело рявкнули:

– Здравствуйте, Виктор Иванович! Мы идём попрощаться с рекой!

– Почему «попрощаться»? – спросил наш добрейший поручик.

– А мы послезавтра скачем на перекладных в нашу гимназию! Ещё раз окунёмся в Томи, наберёмся сил и айда нырять в латинскую хрестоматию Ходобая, в греческий «Анабазис» Ксенофон-та, в русскую историю Иловайского и в алгебру Киселёва...

Эти слова брата Вали и Андрюши Чушева восхитили поручика, и он горячо возгласил:

– Да, юноши! Ваш подвиг теперь – оседлать латынь и одолеть всю премудрость греческих и русских авторов! Давайте гимназисты завтра вечером соберёмся на горе у крепости и сожжём прощальный фейерверк в честь вашего отъезда в Томск.

.....

.....

Это предложение поручика было встречено с восторгом и благодарностью, так как все фейерверки пускались на горе только в «царские» дни, и доступ к месту запусков был всегда запрещён.

И вот накануне отъезда человек тридцать ребят всех возрастов сбежались на место стрельбы. Поручик и его два помощника, солдаты его роты, вбили в землю стержни ракет и одну за другой поджигали эти гильзы-ракеты. Всего было 15 ракет.

Началась настоящая стрельба, и в тёмное небо, освещая крепость и собравшихся людей, взлетали с треском разноцветные шары, шарики, огненные хвосты и рассыпались снопами искр.

Мы хлопали в ладоши, кричали «браво», «ура», свистели, а городские жители любовались снизу этими огнями.

Так закончились мои последние кузнецкие каникулы перед отъездом в Томск.

ГЛАВА XXIX ГОДЫ УМЧАЛИСЬ

Вот и прошли мои кузнецкие дни, недели и месяцы от семилетнего по тринадцатилетний год жизни.

Целью моей работы была мемуарная летопись быта и жизни семьи учителя в городе Кузнецке конца 19-го века и начала 20-го.

В своих воспоминаниях я стремился правдиво, точно воспроизвести события своих отроческих лет, чтобы по моим сохранившимся в памяти сведениям, по описаниям жизни семьи педагога-чиновника можно было судить о жизни города.

Я не писал художественного произведения, а только давал воспоминания, сохранившиеся в моей памяти об этих годах своей жизни.

.....

Я не раздумывал о композиции своей повести, а только излагал последовательность событий – год за годом, боясь допустить грубую временную ошибку.

Я не пытался и не мог через шестьдесят лет раскрыть полностью эпоху и нарисовать картину своего времени. Ведь я покинул родной городок тринадцатилетним мальчиком, причём два последних года прожил там только летние месяцы – я никак не смог бы сделаться бытописателем эпохи своего времени.

Как мне запомнились дни моего отрочества, с жизнью и бытом моей семьи и с играми, приключениями моих товарищей, так и рассказал я об этом в своей повести.

Наверное, я отразил в этой работе не всё важное и не всё интересное, но моя память не смогла дать мне большего, чем хранится в ней. Только отдельные куски жизни я воспроизводил со слов моей матери, которая умерла через двадцать пять лет после смерти отца.

И теперь, чтобы проститься со своим далёким прошлым, мне остаётся только вспомнить отрывочные сведения о дальнейших судьбах кузнецких товарищей.

Игры, забавы и приключения наших отроческих лет были общими, а годы юности с 14 лет совсем разлучили нас, так как каждый из нас пошёл своим жизненным путём сообразно своим наклонностям, способностям и материальным возможностям.

Из различных источников и по памяти удалось записать только следующие сведения о друзьях нашего отрочества.

Старший брат Коля ушёл из гимназии, окончил юнкерское училище в Иркутске, дослужился до чина подпоручика. В 1930-х годах умер в Сибири.

Брат Валя по окончании гимназии пробыл три года в Московском университете и ушёл из него на работу – личным секретарём к Л.Н.Толстому в Ясную Поляну.

Мне удалось окончить гимназию и Московский университет и сделать основной своей профессией педагогику.

Коля Сорокин сделался учителем сельской школы Кузнецкого уезда.

Проня Сорокин плавал матросом на кораблях Тихого океа-

на.

Яша Конов кончил Петербургскую гимназию и вскоре скончался от чахотки.

Боря Конов долгое время работал инженером железнодорожного транспорта.

Кена Конов посвятил свою жизнь преподаванию истории в школах Бийска и Барнаула.

Андрюша трагически погиб в одной из проток Томи (при ночной рыбалке).

Петя Чушев принимал активное участие в революционных боях в Сибири, и дальнейшая судьба его неизвестна.

Ена Тартаков сделался оперным артистом (бас) на провинциальных сценах.

Паня Тартаков пошёл по стопам отца, сделавшись медицинским работником.

Витя Крейтер окончил гимназию и включился в подпольную работу большевиков в Томске.

Коля Петров оказался бухгалтером кузнецкого казначейства.

Вася Корчев остался при отце и в первые 20 лет своей жизни сапожничал.

Коля Носов тоже остался помощником своему отцу-прасолу.

Дороги жизни остальных товарищей нашего кузнецкого отрочества пока неведомы.

И все сведения обо всех других семьях этого времени канули в вечность.

Только сохранившиеся архивы ещё могли сказать своё последнее слово о судьбах тех, кто были спутниками жизни наших далёких отроческих лет.

В.Ф.БУЛГАКОВ

Москва 15-е августа 1966 г.

К 125-летию Валентина Федоровича
БУВГАКОВА
— секретаря В.И. Толстого

КОММЕНТАРИИ

НАШ БУЛГАКОВ

Если открыть какую-либо из многочисленных интернет-энциклопедий, то можно прочесть такие строки о братьях Булгаковых.

Булгаков Валентин Фёдорович (1886 – 1966). Известный литератор, писатель, просветитель. Последний секретарь Льва Толстого, внёсший значительный вклад в изучение и сохранение его наследия. Родился в г. Кузнецке в семье смотрителя уездного училища (директора). Окончил Томскую гимназию с золотой медалью, затем учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Не окончил его. В 1907 г. знакомится с Л.Толстым и становится приверженцем «толстовства». С января 1910 г. занимает место секретаря Л.Н.Толстого, заведует его перепиской, помогает в работе над книгой «Путь жизни». До 9 ноября 1910 г. ведёт подробный дневник, лёгший в основу книги «У Л. Н.Толстого в последний год его жизни» (М., 1911 г.). После смерти писателя много делает для популяризации его идей, начинает библиографическое описание библиотеки писателя. В 1916-1923 гг. служит сначала помощником хранителя, а затем директором Музея Л.Н.Толстого в Москве; организует Дом-музей писателя в Хамовниках. Революции не симпатизировал, в 1921 г. стал одним из членов Всероссийского комитета помощи голодающим. За выступления против террора и гражданской войны в марте 1923 г. вместе с семьёй выслан из России. Выбор его падает на Прагу. Много ездит по Европе с выступлениями и публичными лекциями. По его инициативе в Зbrasлаве под Прагой в 1935 г. открылся Русский культурно-исторический музей, директором которого он стал. При музее была обширная библиотека. С приходом в Чехословакию фашистов был арестован гестапо и три месяца содержался в пражской тюрьме, а затем до конца войны находился в баварском лагере для интернированных советских граждан в замке Вюльцбрук, близ г. Вейссенбурга. После освобождения возвра-

щается в Прагу и работает в Министерстве информации, редактирует журнал «Пражские новости», читает лекции по истории Чехословакии в советском посольстве, преподаёт в русской школе. Оставшуюся часть коллекции музея в Зbrasлаве отправляет в Советский Союз. Культурная значимость этой коллекции огромна: 51 картина передаётся в Третьяковскую галерею, 50 экспонатов – в Исторический музей и Театральный музей им. А. Бахрушина. В 1948 г. возвращается в СССР, поселяется в Ясной Поляне и становится хранителем Дома-музея Л. Н. Толстого. Член Союза писателей СССР (с 1958). В 1959 г. приезжает в Новокузнецк, посещает краеведческий музей, городскую библиотеку. Перед смертью завещал передать часть своих вещей в музеи, в т.ч. в Новокузнецкий краеведческий музей (НКМ). В филиале краеведческого музея в 2003 г. открылась постоянная экспозиция «Кабинет семьи Булгаковых». В фондах НКМ много личных вещей писателя, в т.ч. билет члена Союза писателей, знак политзаключённого, копии ряда его рукописей, рисунок Кузнецка в начале 20 в. и др.

Булгаков Вениамин Фёдорович (1889-1976 гг.). Известный литературовед, педагог. Младший брат Валентина Булгакова. Родился в Кузнецке. Окончил Томскую гимназию. 18 лет проработал в Московском Государственном музее Л. Н. Толстого. Написал «Историю дома Л. Н. Толстого в Москве» (опубликована в 12-м томе «Летописи Государственного литературного музея»). Составил перечень лиц, посетивших Толстого с 1882 по 1901 гг. – и по сегодняшний день ценное литературоведческое пособие. 16 лет работал в Академии педагогических наук РСФСР, 16 лет в средних школах. В течение всей жизни поддерживал связь с другом детства кузнецчанином Константином Александровичем Ворониным, а через него с Новокузнецким краеведческим музеем. Автор воспоминаний о детских годах, проведённых в Кузнецке.

Всё это так, однако здесь нет главного – того, что заставляет нас вновь и вновь обращаться к этим незаурядным личностям. «Большое видится на расстоянии» – эти есенинские слова, конечно, не о братьях Булгаковых, но именно они подходят к ним как нельзя лучше. Чем дальше неумолимое время относит нас от деяний и поступков этих кузнецчан, тем явственней и весомей представляется их вклад в кузнецкое историческое наследие. Да что

там в «кузнецкое» – вклад (если уж брать старшего из Булгаковых – Валентина) в развитие всей нашей культуры. И пусть этот вклад будет каплей в море русской культуры, но какой каплей – крупной, крепкосолёной, булгаковской! Да возможно ли это? И можем ли мы, кузнечане-новокузнечане, гордо сказать, что наш земляк, НАШ Булгаков сделал нечто, без чего современная культура была бы другой – пусть немного, но другой. А ведь можем! И чем больше мы постигаем «мир Булгакова», изучаем его чрезвычайно обширное и разнообразное наследие – литературное, литературоведческое, мемуарное, философское – тем крупнее и ярче перед нами вырисовывается, предстаёт, поражая своим масштабом, эрудицией, вовлечённостью в значительные и значимые для судеб большой страны события фигура автора. Идя по жизни с мягкостью, даже деликатностью исконно русского интеллигента Валентин Булгаков всю свою долгую и непростую жизнь оставался удивительно, поразительно стойким в своих идеалах, несгибаемым приверженцем раз выбранного пути. Что это – сибирский характер? Кузнечкая закалка, которая потом, много позже, выпестует среди голой равнины в преддвериях алтайских гор металлургическое и человеческое чудо – КМК? Так не без этого! Ведь не случайно Валентин Булгаков будет на протяжении всей своей жизни в дневнике, в письмах, в воспоминаниях раз за разом повторять, что память о Кузнецке, связь с кузнечким прошлым, нет! – с кузнечким настоящим (пусть и трансформировавшееся в сталинско-новокузнечкое – от названия Сталинск), не прерываясь ни на миг, вдохновляет, подпитывает его живительными соками. Своей колыбели, своей родине – Кузнецку – благодарный Валентин Булгаков посвятил первую часть автобиографической жизненной саги под названием «Как прожита жизнь», которую писал, поправлял, редактировал на протяжении практически всей своей последней четверти жизни (с 1946 г.). Объёмные воспоминания (всего получилось 24 части в 6 тысяч машинописных листов) могут по праву считаться одними из самых крупных в русской мемуаристике. Но дело даже не в количестве, а, если можно так выразиться, в качестве приводимого материала, в тех подробностях, «живых деталях», которыми пронизаны все главы этого обширного труда. Лишь недавно «булгаковские мемуары» начали издавать. Понемногу, частями,

по 4-5 глав. Библиография о Вал.Ф.Булгакове в последние годы заметно «потолстела». Но, похоже, это только начало. Булгакова, этого «крепкого орешка» русской словесности, долгое время бывшего лишь «под прикрытием Толстым», наконец-то «раскусили», осознав, как глубоко умён, наблюдателен, пронизателен этот талантливый «литератор второго эшелона». Похоже, мы стоим на пороге того времени, когда личность В.Ф.Булгакова перестанет рассматриваться «по касательной» к великим мира сего, а привлечёт жадное внимание своей самодостаточностью – собственно такой, какой она в действительности всегда была и оставалась. Этот процесс уже начался. И он необратим. А потому мы, новокузнечане, на пороге и с порога своего 400-летия можем – должны – спокойно и гордо сказать: «А что вы хотели? Это же кузнечанин. Наш земляк – наш Булгаков!»

Личность Вениамина Булгакова, безусловно, занимая значительно более скромное место в русской словесности (в толстоведении), оказывается для нас, новокузнечан, очень близкой и значимой, ведь он – автор воспоминаний, сохранивших драгоценные свидетельства жизни Кузнецка конца 19 – начала 20 вв. Именно так – драгоценные!

Предлагаемые в данном издании воспоминания Вал.Ф.Булгакова (первая часть «Детство в Кузнецке» его мемуаров «Как прожита жизнь») публикуются впервые по машинописной копии с авторской правкой, хранящейся в РГАЛИ (Ф. 2226, оп. 1, ед. хр. 16, л. 1-116).

Воспоминания Вен.Ф.Булгакова в несколько сокращённом и переработанном виде публиковались М.Купниковой в 1991 г. под названием «В том давнем Кузнецке». Сохраняя данное предыдущей составительницей общее наименование, воспоминания Вениамина Булгакова в данном издании впервые публикуются в полном объёме в оригинальной редакции по машинописной копии с авторской правкой, хранящейся в Новокузнецком краеведческом музее (НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 2. Д. 65. Т. 1-3).

- Стр. 18 – 1) Бракосочетание состоялось 13 ноября 1885 г. в Кузнецком Спасо-Преображенском соборе. Ф.А.Булгаков указан в чине «коллежского ассесора». Венчание совершил протоиерей Захарий Кротков (ГАГО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 421. Л. 51об. – 52).
- Стр. 19 – 2) Соборная улица к 1917 г. также именовалась как Успенская. В советское время получила название улица им. Луначарского. Существовала до конца 1960-х гг., когда прежняя сетка улиц кузнецкого исторического «Нагорья» была перекроена в связи с новой капитальной застройкой этого района высотными зданиями. Современная улица Луначарского в Кузнецком районе г. Новокузнецка проходит перпендикулярно к ныне исчезнувшей Соборной улице.
- Стр. 23 – 3) Вал.Ф.Булгаков не совсем точен. Последовательность рождения его братьев и сестры такова: Вячеслав Булгаков, родился 8 декабря 1887 г., умер младенцем 28 марта 1888 г.; Вениамин Булгаков, родился 1 марта 1889 г.; Владимир Булгаков, родился 14 июня 1890, умер младенцем спустя месяц 19 июля 1890 г.; Сергей Булгаков, родился 27 августа 1891 г., умер младенцем 26 ноября этого же года; Надежда Булгакова, родилась 10 августа 1893 г. (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 490. Л. 95 об.; Д. 475. Л. 47 об.; Д. 512. Л. 8об.; Д. 541. Л. 35 об., 98 об.; Д. 662. Л. 40 об., 105 об.; Д. 732. Л. 49 об.).
- 4) Официальная причина смерти по метрической книге «от воспаления мозга» (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 662. Л. 105 об.).
- 5) 28 ноября 1891 г. хоронили двоих детей: Сергея Булгакова и Софью Ткач, умершую в возрасте двух месяцев (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 662. Л. 105 об.).
- Стр. 24 – 6) Вал.Ф.Булгаков правильно передаёт ощущения, но путает время года: была поздняя осень 1891 г. (см. выше).
- Стр. 24 – 7) Коллежский ассесор, впоследствии надворный советник Николай Иванович Казанцев – помощник акцизного надзирателя 2 участка VII акцизного округа Западной Сибири.
- 8) Агриппина Фёдоровна Казанцева (ур. Булгакова) (род. 21.06.1852) всё же приезжала в Кузнецк, в июне 1890 г., когда она была крёстной матерью брата Валентина Булгакова – Володи. Валентину в это время было около 4-х лет, и, вероятно, в его детской памяти этот эпизод не сохранился (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 541. Л. 36).
- 9) Не совсем точное утверждение. См. прим. 8.
- Стр. 32 – 10) Речь идёт о Григории Васильевиче Юркевиче, статском советнике, председателе Томского губернского суда.

- Стр. 33 – 11) Село Монастырь (оно же Христорожественское, оно же Подгороднее) – центр Кузнецкой волости. Название получило по некогда расположенному на этом месте монастырю. Находилось на правом берегу реки Томи. В 1924 г. переименовано в село Островское. Ныне в черте г. Новокузнецка, часть Заводского района (ул. Лесозаводская и др.).
- Стр. 37 – 12) Фамильцевы – семья кузнецких купцов и мещан. В 1890-е годы в городе торговал кузнецкий 2-й гильдии купец Николай Викентьевич Фамильцев. Имел лавку (магазин), в которой продавал мануфактуру, скобяные, жировые и др. товары, в том числе книги (Сиб. торг.-пром. и справ. кал. на 1899 г. Справ. отдел. С. 166).
- Стр. 39 – 13) Быстров Андрей Петрович (1855 – 26.05.1900). Мелкий чиновник (канцелярский служащий). В конце 1890-х гг., выйдя в отставку, стал продвигаться по линии городского самоуправления. В 1899 г. был избран городским старостой Кузнецка. Скончался от туберкулёза в возрасте 45 лет (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 4. Д. 92. Л. 86 об.-87).
- 14) Рудичев Николай Никифорович (6.05.1865 – 9.12.1919). Родился в семье священнослужителя в Полтавской губернии. В 1888 г. закончил Полтавскую духовную семинарию. В сентябре 1889 г. рукоположен во священника. С 11 октября 1893 г. по 3 июня 1899 г. – священник Спасо-Преображенского собора г. Кузнецка. В 1894–1899 гг. руководил церковно-приходской школой, состоял законоучителем женского приходского училища, являлся председателем Кузнецкого отделения епархиального училищного совета. С 1899 г. по 17 октября 1901 г. – священник Пророко-Ильинской церкви в с. Красноярском (Ильинском) Кузнецкого уезда. Одновременно был законоучителем в народном училище этого села. Затем продолжил службу в Кузнецке. До 30 ноября 1906 г. – вновь священник Спасо-Преображенского собора, после – настоятель Богородице-Одигитриевской церкви. Одновременно состоял законоучителем в мужском и женском приходских училищах, в высшем начальном училище. Дважды исполнял обязанности благочинного 14-го округа (1 июля – 17 сентября 1904 г.; 3 мая 1908 г. – 1 декабря 1909 г.). Неоднократно был награждён церковными наградами: в 1897 г. серебряной медалью в память царствования императора Александра III, 3 марта 1898 г. – набедренником, 20 апреля 1900 г. – благодарностью епископа Томского и Барнаульского Макария, 25 января 1902 г. – скуфьей, 6 мая 1906 г. – камилавкой, в 1909 г. – медалью на двойной Владимир-Александровской ленте в память 25-летнего существования церковно-приходских школ империи, 6 мая 1913 – наперсным крестом, в этом же году – серебряной медалью в память 300-летия царствования дома Романовых. Трагически погиб от рук «партизан» в декабре 1919 г. (ГАГО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4505. Л. 20-23).
- Стр. 40 – 15) Андрей Фёдорович Борман, почётный гражданин (В российской империи лица, окончившие полный курс учения в русских университетах могли ходатайствовать о присвоении им этого почётного звания, да-

- вашего определённые преимущества). В 1899 г. всё ещё находился в Кузнецке (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 4. Д. 48. Л. 96).
- Стр. 42 – 16) Виктор Андреевич Ростопчин (12.12.1839 – 9.08.1878). Граф. Внук знаменитого генерал-губернатора Москвы Фёдора Васильевича Ростопчина, который в 1812 г. отдал распоряжение о поджоге столицы, чтобы она не смогла стать опорной базой для наполеоновских войск. Кузнецкий уездный воинский начальник. Подполковник. Умер на службе в Кузнецке («от горячки») (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 214. Л. 70 об.-71).
- Стр. 45 – 17) Коурак – крупное село в Тарминской волости Кузнецкого уезда на расстоянии 215 вёрст от Кузнецка и 205 – от Томска. В 1899 г. в селе проживало 682 чел., имелась церковь и церковно-приходская школа. Ныне входит в состав Тогучинского района Новосибирской области.
- Стр. 55 – 18) Уточнение: Бунгур селом никогда не был, только деревней.
- Стр. 56 – 19) Игнатий Антонович Кохановский, провизор, держатель аптеки в Кузнецке. В 1915 г. был городским старостой.
- Стр. 61 – 20) Когда Вал.Ф.Булгаков в послевоенное время приступил к написанию своих мемуаров «Как прожита жизнь», в частности, к части первой «Детство в Кузнецке», он находился ещё в эмиграции в Чехословакии.
- Стр. 63 – 21) Олеография (от лат. oleum – масло и др.-греч. graph – пишу, рисую) – вид цветного полиграфического воспроизведения картин, выполненных масляными красками, самый распространённый во второй половине XIX века способ репродукции живописи.
- 22) Юлий Юльевич Клевер (1850–1924) – русский художник немецкого происхождения. Получил признание как пейзажист. Академик Императорской Академии Художеств (1878). Профессор (1881). В 1887 г. им была написана картина «Зимний закат», однако солнце на ней не изображено. Ближе всего к описанию Вал.Ф.Булгакова подходит картина Ю.Клевера «Закат солнца зимой» (1891 г.).
- 23) Название «герофон» происходит от собственного наименования «Hergophon» – изделия фирмы «Эрлих» (Лейпциг, Германия), механического настольного органчика, впервые предложенного публике в 1887 г. Получил широкое распространение в Европе и России в конце 1880-х – пер. пол. 1890-х гг.
- 24) «Братья Тонет» (Gebrüder Thonet) – австрийская мебельная фирма, существующая с 1853 г. (фактически с 1830-х гг.). Знаменита своей изящной гнутой мебелью. Впервые предложила для широкого рынка так называемые венские стулья – красивые, но очень простые в массовом изготовлении изделия, состоящие всего из 6 элементов, скрепляемых между собой винтовыми соединениями (тоже новация того

- времени). В Россию венские стулья поставлялись в разобранном виде и собирались на месте. Фирма являлась официальным Поставщиком Царского Двора России.
- Стр. 64 – 25) Валерий Иванович Якоби (1834–1902) – русский живописец, профессор, академик, член академического Совета Императорской Академии Художеств, один из учредителей Товарищества передвижных художественных выставок. Специализировался в жанровой и портретной живописи. В 1883 г. хромолитография картины Якоби «Коль-роль-жених» распространялась среди подписчиков журнала «Нива» в качестве премии.
- 26) Ледерерова башня (Ledererturm) – старинная башня с воротами, сохранившаяся со времён средневековья (построена в XIV в., современный облик обрела в начале XVII в.) в австрийском городе Вельс. Местная достопримечательность.
- Стр. 66 – 27) Речь идёт о грамотах на ордена Св. Станислава, Анны и Владимира. Изображение этих документов см. в разделе «Документы семьи Булгаковых в фондах Новокузнецкого краеведческого музея».
- Стр. 68 – 28) Генрих Филиппович – подданный Российской империи, польский дворянин, ученик Варшавской художественной школы, участник восстания 1863 г., после подавления которого первоначально был сослан в Кольвань, а затем в этом же 1863 г. переведён на жительство в Кузнецк. Пребывал здесь до амнистии 1869 г., когда ему было дозволено вернуться на родину (ГАТО. Ф.З. Оп.36. Д.299; ГАОО. Ф. 3, оп. 5, д. 7668).
- 29) Гвидо Рени (1575–1642), крупный итальянский живописец болонской школы. Картина «Се Человек!» была создана мастером незадолго до смерти в 1639-1640-х гг. Имеет много подражаний. В машинописном оригинале «Детства в Кузнецке», где рукой Вал.Ф.Булгакова были сделаны правки, в вычеркнутых в итоге автором строках встречаются такие слова, прямо указывающие на качество копии: «В то время я уже знал, что работа Филипповича была ничем иным, как копией, и очень, очень недурной копией, со знаменитой картины Гвидо Рени «Се Человек!» (РГАЛИ).
- Стр. 72 – 30) Глава семейства – Николай Евгеньевич Сарачёв, отставной старший унтер-офицер, кузнецкий мещанин. Его жена – Марфа Васильевна (1843–1897). Их дети: Егор, Анна (1880–1893), Николай (р. 1882), «Пронька» (в документах пока не прослеживается) Анастасия (р. 1887), Андрей (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 475. Л. 4 об.; Д. 732. Л. 95 об.; Д. 847. Л. 73 об.; Оп. 4. Д. 365. Л. 96 об.).

- Стр. 73 – 31) Дадановский улей (дадан) – особый тип конструкции улья, впервые предложенный американским пчеловодом Шарлем Даданом (1817–1902), по имени которого и получил название. Благодаря своей удачной конструкции и учёта особенностей поведения пчёл, имел чрезвычайно широкое распространение и с некоторыми дополнениями используется до сих пор.
- Стр. 74 – 32) Πάντα ρεῖ («панта рей») – знаменитое выражение древнегреческого философа Гераклита из Эфеса (ок. 554 – 483 до н. э.), в дословном переводе означающее «всё течёт». Этот античный фразеологизм используется для обозначения постоянных и неизбежных перемен в жизни человека и общества.
- 33) По Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Кузнецке насчитывалось 3117 чел. (1509 муж. и 1608 жен.).
- Стр. 76 – 34) Степан Егорович Попов (1846 – 1911), кузнецкий 2-й гильдии купец. Из заводских крестьян. Золотопромышленник. Вёл широкую общественную деятельность: на протяжении 25 лет (с небольшими перерывами) избирался городским головой, а после введения в Кузнецке в 1892 г. упрощенного городского самоуправления – городским старостой. Известен широкой меценатской деятельностью – самый крупный благотворитель в истории города. Среди прочего на его личные средства в нач. 1890-х гг. было построено каменное двухэтажное здание на Базарной (ныне – Советской) площади для размещения в нём мужского и женского приходских училищ (снесено в 1970-е гг.). Почётный гражданин города Кузнецка (1896 г.). Его дом и усадьба располагались в начале улицы Достоевского. В первой пол. 1920-х гг. в бывшем доме купца Попова располагался Кузнецкий уездный военкомат. В 1926 г. здание разобрано и переправлено на плотках по р. Томи в г. Щегловск (Кемерово), поскольку после назначения этого города окружным центром там возникла острая потребность в зданиях для размещения новых административных учреждений. На образовавшемся пустыре в нач. 1930-х гг. была выстроена кузнецкая тюрьма (ныне на этом месте расположен комплекс зданий СИЗО).
- Стр. 77 – 35) Речь идёт о ручье Картас.
- 36) Эолова арфа – струнный музыкальный инструмент, звучащий без участия человека благодаря колеблющему струны ветру. Назван в честь Эола – мифического повелителя ветров. Состоит из резонатора – узкого деревянного ящика с отверстием, внутри которого натянуты струны – одинаковой длины, но различной толщины и степени натяжения (при колебании они издают не только основной тон, но и обертоны, так что общий диапазон эоловой арфы оказывается довольно значительным). Чем сильнее ветер, тем более высокие обертоны слышны. При слабом дуновении ветра звучание эоловой арфы лёгкое и нежное, при порывах – резкое и громкое. Инструменты устанавливались таким об-

- разом, чтобы обеспечить максимально возможный доступ ветра.
- 37) С.Е.Попов был дважды женат. Первая жена Анна Васильевна Попова (1852 – 4.04.1890) скоропостижно скончалась в возрасте 38 лет от апоплексического «удара». В 1891 г. С.Е.Попов вторично женился. Его супруга Елена Васильевна, томичка, была гораздо моложе своего мужа и пережила его на много лет. После революции перебралась в столицу. Последние сведения о ней (из воспоминаний кузнечан) относятся к периоду перед Великой Отечественной войной (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 541. Л. 87 об.; Д. 662. Л. 15).
- Стр. 80 – 38) Кузнецкое кладбище существовало с конца 18 в. до середины 1930-х годов, когда захоронения здесь больше не производились. После войны кладбище было фактически уничтожено, и на его месте разбит Сад алюминщиков. Кладбище делилось на четыре разных по площади участка: православное, католическое, солдатское и еврейское.
- Стр. 81 – 39) Надвратная церковь во имя Св. Ильи.
- 40) Степан Кирович Кузнецов (1854 – 1913) – русский историк, археолог и этнограф. Один из основоположников русской исторической географии. Был профессором Московского археологического института. В течение 18-ти лет служил библиотекарем в Томском университете, внес большой вклад как библиограф. Собирает материалы по истории Сибири и северных областей европейской России XVII–XIX вв., известный библиофил.
- Стр. 85 – 41) С.К.Кузнецов, а вместе с ним Вал.Ф.Булгаков ошибались: каменная Кузнецкая крепость начала строиться на Вознесенской (Крепостной) горе на месте старых оплывших уже земляных укреплений при императоре Павле I в 1798–1799 гг. на случай возможного тогда военного столкновения с Китаем для защиты армейских провиантских складов, расположенных в Кузнецке. Крепость строилась по самым совершенным для своего времени фортификационным образцам. Окончание строительства крепости и всех военных сооружений на её территории относится к 1820 г. Однако в военных столкновениях крепости принять участия не пришлось из-за изменившейся внешнеполитической обстановки. Вскоре крепость была снята с воинского учёта и передана в гражданское ведомство. Впоследствии все каменные здания на крепости были разобраны за исключением бывшей солдатской казармы, которая была переоборудована под нужды тюрьмы и просуществовала до декабря 1919 г. (когда была полностью разрушена).
- 42) Крупный пожар, в результате которого выгорел полностью центр Кузнецка (50 усадеб), произошёл 9 мая 1884 г. за два с половиной года до рождения Вал.Ф.Булгакова.
- Стр. 88 – 43) Полость – покрывало для ног седока в экипаже.

- 44) По преданию, на этом кресте 1717 г. изготовления стояла личная подпись царя Петра I. Фрагмент этого креста (спил с задней части ножки) с почитательной надписью сохранился до наших дней и представлен в экспозиции Новокузнецкого краеведческого музея.
- Стр. 89 – 45) Вал.Ф.Булгаков так именует деревню Абинцы, населённую, главным образом, потомками абинцев – одного из родов «кузнецких татар» (название племени, с которыми русские впервые столкнулись в верховьях реки Томи в начале XVII в.), сформировавшихся впоследствии народность «шорцы». Под именем «Абагур» эта территория ныне входит в состав города Новокузнецка.
- 46) Деревня Фиски (Фески, Феськи) – русская старожильческая деревня, впервые упоминаемая в источниках со второй пол. XVIII в. В 1930-е годы недалеко от этой деревни были обнаружены богатые угленосные пласты Байдаевского угольного месторождения, и начала действовать одноимённая шахта. В послевоенное время фактически вошла в состав шахтёрского посёлка Байдаевка, а затем и г. Новокузнецка. Ныне территория Орджоникидзевского района города.
- Стр. 100 – 47) Хайруз – хариус (*Thymallus thymallus*), род рыб семейства лососевых.
- 48) Широколобка (*Cottus gobio*), или обыкновенный бычок-подкаменщик – небольшая пресноводная рыбка из семейства рогатковых.
- Стр. 105 – 49) Матвей Фёдорович Недорезов (1837 – 7.01.1906), кузнецкий мещанин, мелкий торговец. Фамилия Недорезовы фиксируется в Кузнецке с XVII в. (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 4. Д. 340. Л. 117 об.).
- Стр. 107 – 50) Анна Ивановна Емельянова (ум. после 1917), урождённая Родионова (сестра кузнецких купцов Родионовых), жена крупного кузнецкого 2-й гильдии купца Леонида Никандровича Емельянова (1846 – 29.03.1900), имевшего большой каменный магазин на Базарной (ныне – Советской) площади (здание снесено в конце 1970-х гг.). Их дочь Ольга в 1894 г. вышла замуж за Максима Эммануиловича Окулова, в итоге после смерти Л.Н.Емельянова возглавившего кузнецкий «Торговый дом наследники Л.Н.Емельянова» (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 4. Д. 92. Л. 79 об.; Оп. 1. Д. 749. Л. 68 об.).
- 51) Наталья Никитична Медникова (ум. после 1911), жена кузнецкого 2-й гильдии купца Антона Константиновича Медникова (1848 – 18.04.1893) (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 732. Л. 97 об.).
- 52) Лука Емельянович Панов (1833 – 17.09.1906) кузнецкий 2-й гильдии купец. Жена – Анна Дмитриевна. Имел сыновей: Якова (в документах не обнаружен), Бориса (р. 5.02.1887), Иннокентия (р. 10.11.1889). (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 475. Л. 10 об.; Д. 512. Л. 59 об.; Оп. 4. Д. 340. Л. 148 об.).
- 53) Пётр Георгиевич (Егорович) Пеньков, статский советник (1900 г.).

- Чиновник по крестьянским делам Кузнецкого округа (с 1886 г.), затем кузнецкий 1-го участка крестьянский начальник. (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 4. Д. 92. Л. 39).
- 54) Николай Васильевич Суховольский, кузнецкий 2-й гильдии купец.
- Стр. 113 – 55) Авторство ряда снимков Кузнецка, публикуемых в данном издании, принадлежит В.И.Михееву.
- 56) На сегодняшний день выявлены два опубликованных снимка, принадлежащие В.И.Михееву. Это фото домика Ф.М.Достоевского и Одигитриевской церкви. Оба снимка опубликованы в качестве иллюстраций к статье Вал.Ф.Булгакова «Достоевский в Кузнецке» (XXIII иллюстрированное приложение к № 221 «Сибирская жизнь». Томск, 1904. 10 октября.).
- Стр. 116 – 57) Речь идёт о персонаже повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка» жене коменданта Белогорской крепости Василисе Егоровне Мироновой.
- Стр. 117 – 58) Вал.Ф.Булгаков несколько искажил фамилию солдата. В это время рядовым Кузнецкой местной команды служил Степан Филиппович Забронин (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 819. Л. 28).
- 59) Еня Токмаков – Евгений Алексеевич Токмаков (19 февраля (1 марта – нов.ст.) 1884 – 24.09.1964), сын фельдшера Кузнецкой местной команды Алексея Степановича Токмакова и его жены Елены Ильиничны. По национальности – чуваш. Известный актёр театра и кино, режиссёр, педагог. Окончил Московское музыкально-драматическое училище Филармонического общества (1908) и Драматическую студию при Театре им. В.Ф.Комиссаржевской (Москва, 1918). Затем работал актёром этого театра (1918, 1923–25). В 1919–20, 1922 гг. артист Педагогического театра (Москва), актёр Областного драматического театра (Москва, 1922–24), Государственной драматической профклубной мастерской – Клубного театра (1927–30), труппы Второго МХАТа (1930–34), художественный руководитель Колхозно-совхозного театра в г. Балашов Саратовского края (1934–37). В 1937–40 художественный руководитель чувашской и русской трупп Чувашского государственного академического драматического театра (ЧГАДТ); с 1940 художественный руководитель, в 1950–55 главный режиссёр Русского драматического театра Чувашской АССР. Преподавал в Чувашском государственном театральном училище (1937–41), драматической студии при ЧГАДТ (1943–47). Заслуженный деятель искусств Чувашской АССР (1942), народный артист Чувашской АССР (1947). Награждён орденом «Знак Почёта», медалью. Его именем названы улица и переулок в Чебоксарах. Имел брата Павла (род. 2.11.1889) и сестру Александру (род. 15.04.1892) (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 368. Л. 8 об.; Оп. 1. Д. 434. Л. 39 об.; Оп. 1. Д. 716. Л. 19 об.).

Стр. 120 – 60) Ф.А.Булгаков действительно стоял у самых истоков создания городской библиотеки. Идея устройства в городе общественной библиотеки возникла у интеллигентной части населения Кузнецка в 1894 году. По инициативе городского врача Квятковского в этом году любителями был дан спектакль, сбор от которого поступил на устройство общественной библиотеки. В следующем году был устроен концерт с той же целью. После этого была организована частная подписка, давшая хороший сбор, что с ранее собранными средствами оказалось уже вполне достаточным для устройства библиотеки. В конце 1895 года было созвано совещание, на котором присутствовали представители торговых и промышленных кругов города. Обсуждался вопрос о приискании помещения для библиотеки, а также о библиотекаре. Библиотеку решено было разместить в здании общественного собрания. Но ещё почти год понадобилось инициаторам, чтобы добиться разрешения на открытие общественной библиотеки, которое состоялось уже после смерти отца братьев Булгаковых 15 декабря 1896 года (Сибирский вестник. 1896. 21 янв. № 16; 1897. 4 января № 3).

Стр. 121 – 61) Ренсковый погреб – торговое заведение, продающее спиртные напитки.

62) В Кузнецке в описываемое время проживали Янковские: глава семейства потомственный дворянин Могилёвской губернии (из ссыльных поляков) Ильдефонс Михайлович (1836 – 20.11.1910), его жена Анна Осиповна и их дочери Юлия (см. прим. 66), Елена (в замужестве Маньковская), Изабелла, Аделаида и Ядвига (ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 541. Л. 45; Д. 662. Л. 54; Католический некрополь г. Томска. С. 175).

63) Красимович Иван Матвеевич (ум. 15.07.1906 г.) – кузнецкий 2-й гильдии купец (из ссыльных поляков). В 1890-х гг. занимался вино-торговлей (хлебное вино – водка). В 1896 г. получил право на открытие в Кузнецке пивоваренного завода (располагался на пер. Базарном – ныне ул. Ленина; в советское время значительно перестроен; в настоящее время закрыт). После его смерти завод унаследовала его супруга Софья Фабиановна (ум. 4.09.1911), а после её кончины предприятие перешло к сыну Альбину и старшей дочери Софье Ивановне, которая от имени «Наследников купчихи Красимович» передала управление заводом своему мужу Францу Францевичу Корытковскому (1914–1918 гг. завод на консервации, в годы нэпа в середине 1920-х гг. – в арендном управлении; затем в собственности государства).

Альбин (Буна) Красимович (р. 1887). Образование получил в Барнаульском реальном училище. В годы Гражданской войны – участник белого движения, в 1920 г. эмигрировал в Польшу, поселился с супругой в Кракове. Управлял местным пивоваренным заводом (на Любич). В годы Второй мировой войны в польском Сопротивлении – служил в Армии Крайова. Имел двух сыновей – Альфонса и Буника (потомства не оставили).

Стр. 64) Особняк Красимовичей на Базарной (ныне – Советской) площади – одно из самых интересных и узнаваемых в архитектурном плане зданий Кузнецка – большой деревянный дом с мансардой и балконом, украшенный наличниками с красивой резьбой. В начале XX в., когда И.М.Красимович приобрёл участок земли под пивоваренный завод на пер. Базарном (ныне – ул. Ленина) и выстроил возле него свой новый дом, то прежний на Базарной площади он продал семье Окуловых-Емельяновых. Здание просуществовало до 1970-х годов, в советское время здесь размещалось почтовое отделение.

Стр. 124– 65) Зоя – София Ивановна Красимович (р. 1.04.1880 – февраль 1920). В браке с Ф.Ф.Корытковским. От этого брака осталось двое сыновей: Станислав (р. 1902) и Эдуард (р. 1903).

66) Годомский – Ромуальд Клементьевич Гадомский, из мещан г. Томска, сын ссыльного поляка, участника восстания 1863 г. Выпускник Томского университета. На службе в Кузнецке с 1897 по 1907 гг. сначала уездным, затем участковым врачом Кузнецкого уезда. В 1907–1909 гг. директор Якутской мужской фельдшерской школы. Женат первым браком на кузнецчанке Юлии Ильдефонсовне (ур. Янковская) (брак заключён между 1897 и 1901 гг.). Женат вторым браком на кузнецчанке Лидии Алексеевне Фонарёвой, дочери крупного кузнецкого торговца Алексея Егоровича Фонарёва (ныне в Новокузнецке сохранился «дом купца Фонарёва» на ул. Водопадной, 19).

67) Ядвига была пятой дочерью в семье Янковских (см. прим. 62).

68) В Кузнецке в описываемое время проживали Адамовичи: глава семейства Антон Флорианович, бухгалтер Кузнецкого окружного казначейства, надворный советник, его жена Калерия Алексеевна, участница кузнецкого кружка любителей драматического искусства, их дети Михаил, Антон, Александра и Надежда.

Стр. 125– 69) Вскоре после свержения первой советской власти в Сибири (июнь 1918 г.) приказом по Западно-Сибирскому комиссариату антибольшевистским Временным сибирским правительством старший механик Томского почтово-телеграфного округа Михаил Антонович Адамович был назначен заведующим подотдела почт и телеграфов административного отдела Западно-Сибирского комиссариата (с правами начальника отдела) (Сибирская речь. Омск, 1918. № 24. 27 июня).

70) Манушевич Абель Ицкович, провизор, управляющий кузнецкой вольной сельской аптекой (располагалась в самом Кузнецке) с 1893 по 1909 гг. Имел в Кузнецке собственный дом (в 1906 и 1908 гг. дом сильно пострадал от пожара). Аптека принадлежала его родственнику аптекарскому помощнику Абелью Мордуховичу Манушевичу (Российский медицинский список на 1893–1910 гг.).

- 71) 3 июля 1870 г. Марк Гудович вместе с семейством был записан в барнаульские купцы по постановлению Томской казённой палаты (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 76 а. Д. 48. Л. 4). На 1888 г. Марк Гудович числится уже как томский мещанин, имеющий в Кузнецке свою лавку (ГАТО. Ф-3. Оп. 2. Д. 2758. Л. 533). Вероятно, около этого времени семья Гудовичей переехала на жительство в Кузнецк.
- 72) Александр Андреевич Ващенко, помощник кузнецкого окружного исправника с 1896 по март 1899 гг. Брак с Эмилией Гудович был его вторым браком. Оставил по себе в Кузнецке добрую славу как безупречно честный и обладающий удивительной способностью никогда ни с кем не сориться полицейский чиновник. Затем на службе в Якутской области – виллойский окружной исправник (1898), советник при губернаторе (1904), старший советник (май 1905), вице-губернатор (январь 1906 – 1909) в чине статского советника. Будучи на этом посту, развёлся с Э.М.Гудович и попытался вступить в брак третий раз, что вызвало осуждение со стороны церкви. Стремясь замять скандал, А.А.Ващенко при поддержке якутского губернатора был перемещен на службу в Пензенскую губернию. Впоследствии дослужился до действительного статского советника (с 1912) и Тургайского (в Средней Азии) вице-губернатора.
- Стр. 127 – 73) В шутке подразумевалась повивальная бабка – акушерка.
- Стр. 128 – 74) Отто Юльевич фон Дитмар (1848-1905), происходил из немецкого прибалтийского (эзельского) рода Дитмаров. В 1887 г. награждён медалью «За спасение погибавших». Кузнецкий уездный исправник (1892-1894). Участвовал в театральной жизни города, выступая на сцене кузнецкого общественного собрания (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3099. Л. 103). Впоследствии красноярский полицмейстер. В сентябре 1905 г. убит (на глазах жены и дочери) боевой организацией красноярских эсеров (Платонов О.А. История русского народа в XX в. М., 2009).
- 75) В машинописной копии в этом месте пробел и чернилами вписано слово «train». Заменено по смыслу словом «уровень».
- Стр. 132 – 76) Первая известная публикация В.Ф.Булгакова в «Сибирской жизни» датируется 19 июля 1903 г. (См. перепечатку этой статьи в данном издании в разделе «Публикации Вал.Ф.Булгакова о Кузнецке в сибирской прессе»).
- Стр. 134 – 77) 8 июля 1868 г. Кузнецк посетил, переправившись через р. Томь в районе села Христорождественского (Монастыря) Его императорское высочество великий князь Владимир Александрович, младший брат будущего императора Александра III. (Н.А.Костров. Путешествие по Томской губернии его Императорского Высочества государя великого князя Владимира Александровича в июне и июле месяцах 1868 г. Томск, 1868. С. 45, 52).

- 78) Баксан – тюркское название деревни Бызово, основанной в XVIII, к настоящему времени уже не существующей и входящей в состав Заводского района г. Новокузнецка.
- Стр. 135 – 79) Деревня Телеуты (ранее – улус Средне-Телеутский) названа по имени народа телеуты – тюркского этноса, ведущего своё происхождение от кочевого населения, обитавшего в начале XVII в. по верхнему течению реки Оби. В настоящее время малочисленный народ (ок. 2,7 тыс. чел.), проживающий, главным образом, в Кемеровской области. Ныне поселение Телеуты входит в состав Заводского района г. Новокузнецка.
- Стр. 137 – 80) *adagio sostenuto* – муз. темп «спокойно и не спеша».
- 81) *largo* – муз. темп «медленно, величаво».
- 82) *allegro ma non troppo* – муз. темп «быстро, но не слишком».
- 83) *allegro maestoso* – муз. темп «быстро и величественно».
- 84) *presto* – муз. темп «очень быстро».
- 85) *fortissimo* – муз. термин, означающий громкость исполнения. В данном случае «очень громко».
- Стр. 139 – 86) Наумов Фёдор Васильевич – кузнецкий мещанин, обладатель большого деревянного двухэтажного дома на пересечении пер. Базарного (ныне – ул. Ленина) и ул. Училищной (ныне не существует из-за новой капитальной застройки этой части города). Дом действительно располагался недалеко (около 100 м) от дома Булгаковых.
- Стр. 140 – 87) Андрей Философич Тюшев, сын учителя Кузнецкого уездного училища Философа Хрисанфовича Тюшева (1850 – 5.05.1899).
- Стр. 141 – 88) Басаргин Михаил Васильевич – неродной сын кузнецкого 2-й гильдии купца М.В.Васильева (незаконнорожденный сын Екатерины Исааковны Тюменцевой, дочери священника, впоследствии вышедшей замуж за купца М.В.Васильева). Носил фамилию приёмных родителей кузнецких мещан Басаргиных.
- 89) В.Ф.Булгаков всё же ошибается. Первый пароход (пароход Министерства путей сообщения «Томь») в Кузнецк прибыл 25 мая 1898 г. в 11 часов утра.
- Стр. 146 – 90) Пароход «Томь» вышел из Томска 21 мая в 17 часов, затратив на переход до Кузнецка вверх по реке чистого времени (без учёта остановок) 62,5 часа. Обратно по течению дорога до Томска заняла всего 19 часов 40 минут.

- 91) Регулярное пароходное сообщение между Томском и Кузнецком установилось только в 1910-е гг.
- Стр. 147 – 92) Землетрясение в Кузнецке произошло 7 июня 1898 г. (Толмачёв И.П. Кузнецкое землетрясение 7 (19) июня 1898 г. // Известия постоянной центральной сейсмической комиссии. Т. I. Вып. 2. СПб., 1903).
- 93) В 1898 г. 7 июня (ст. стилиа) действительно было воскресенье, однако Троица в этом году приходилась на 24 мая.
- 94) См. прим. 60.
- Стр. 151 – 95) Пляска святого Витта – болезненный синдром, характеризующийся беспорядочными, отрывистыми, нерегулярными движениями.
- Стр. 154 – 96) Не совсем точное утверждение. Следующее сильное землетрясение произошло в Кузнецке 12 марта 1903 г. Его магнитуда составила 6,1. В дальнейшем вплоть до настоящего времени территория Кузнецка (Новокузнецка), как и всей Кемеровской области, испытывает время от времени сильные подземные толчки.
- 97) 1 ноября 1775 г. мощнейшее землетрясение в считанные минуты уничтожило столицу Португалии город Лиссабон. Погибло до 80 тысяч человек. Считается одним из самых разрушительных и смертоносных землетрясений в истории современной цивилизации.
- Стр. 156 – 98) Каменный двухэтажный дом кузнецкого 2-й гильдии купца М.В.Васильева был выстроен им в первой пол. 1870-х гг. в начале улицы Продольной (в советское время – ул. Пятилетки; в настоящее время улица из-за новой капитальной застройки не существует). В 1875 г. Васильев пожертвовал первый этаж этого дома под устройство в нём приходского училища. В дальнейшем город после смерти Васильева (ум. 17.10.1894) продолжал арендовать это помещение под размещение в нём женского, а затем мужского приходских училищ. В советское время в здании до его сноса в 1970-е годы размещался детский сад № 45.
- 99) Фёдор Афанасьевич Гончаров (р. 1866). Окончил Омскую учительскую семинарию. На службе с 1884, в учебном ведомстве с 1892 г. Учитель Кузнецкого мужского приходского училища (с 20.01.1894), затем (с 1897 г.) учитель Кузнецкого уездного училища.
- 100) Виссарион Тихонович Минераллов (1866 – после 1919). Из потомственных дворян, сын священника. Окончил Томскую духовную семинарию. В январе 1889 г. рукоположен в сан священника и определён к Кузнецкому Спасо-Преображенскому собору, затем (с 23.08.1893) настоятель Одигитриевской церкви. С августа 1904 г. вновь служит в кузнецком соборе. Протоиерей (с 27.02.1905). На протяжении многих лет состоял законоучителем Кузнецкого уездного

- училища (с сентября 1889 г.) (ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4295. Л. 17-21).
- Стр. 157 – 101) Василий Фёдорович Хворов, кузнецкий купеческий сын.
- 102) Росный ладан (бензоя) – быстро затвердевающая на воздухе ароматическая смола тропических деревьев семейства стираксовых. В отличие от отечественного «ладана», производимого из отвара хвойной смолы и благовонных трав (фактически – заменитель настоящего ладана), считался «истинным» ладаном, очень ценился и стоил дороже.
- Стр. 158 – 103) Просфора (устар. Просвира) – в православии: богослужебный литургический хлеб, употребляемый для таинства евхаристии (причастия) и для поминания живых и мёртвых.
- 104) Потир и дискос – сосуды для христианского богослужения. Потир – глубокая чаша с длинной ножкой и круглым основанием, большим по диаметру, применяемая при освящении вина и принятии причастия. Дискос – небольшое блюдо на особой подставке, на которое во время литургии кладётся особым образом вырезанная из просфоры средняя её часть с печатью наверху.
- Стр. 164 – 105) О посещении Вал.Ф.Булгаковым вместе с братом Вениамином своей родины – города Кузнецка (тогда, летом 1959 г. – Сталинска, сейчас – Новокузнецка) см. отдельное приложение в этом издании.
- Стр. 165 – 106) Информацию о бесчинствах отряда Г.Ф.Рогова, руководителя крупного антиколчаковского партизанского отряда на Алтае, Вал.Ф.Булгаков получил, безусловно, от своего давнего знакомого кузнецанина К.А.Воронина, на тот момент сотрудника Сталинского (Новокузнецкого) краеведческого музея. Нужно отметить, что трактовка декабрьских событий 1919 г. в Кузнецке изложена Вал.Ф.Булгаковым (со слов Воронина) слишком категорично. До сих пор нет точной и ясной картины того, кто из зашедших в Кузнецк группировок в декабре 1919 г. несёт ответственность за массовые убийства и поджог кузнецких церквей. Не углубляясь специально в эту проблему, отметим, что пик кузнецкого террора пришёлся на период до и после прихода Г.Рогова в Кузнецк, где он пробыл всего двое суток. В ходе пожара кузнецкие церкви сильно пострадали: кладбищенская и Одигитриевская так и не были восстановлены для богослужения, а в 1930 г. Одигитриевская церковь, уже заброшенная много лет, была снесена. Крепостная церковь во имя Св. Ильи пострадала меньше, но с середины 1920-х гг. уже не использовалась для богослужений и в 1935 г. после поджога окончательно была разрушена. Собор через несколько лет после пожара был частично восстановлен для служб (в нижнем храме), но в 1936 г. под предлогом аварийного состояния здания был окончательно закрыт властями для отправления культа.
- 107) В данном отрывке упомянуты элементы и атрибуты христианского православного храма: клирос – место, на котором во время богослужения

- находятся певчие и чтецы; амвон – площадка, находящаяся на возвышении перед алтарём, используемая для произнесения проповедей; аналой – высокий столик с покатым верхом, на котором в церкви при богослужении кладут иконы или книги.
- Стр. 169 – 108) Ектения – один из видов молитвословий во время церковного богослужения. Состоит из ряда прошений (призывов к молитве различного содержания), возглашаемых диаконом или иным священнослужителем.
- Стр. 170 – 109) Правильнее, Пасикрат – св. мученик, воин из Доростала Македонского; вместе с Валентином (Валентином) пострадал в гонение Диоклетиана и Максимиана в 302 г.
- Стр. 172 – 110) См. прим. 34. Золотую медаль с надписью «За усердие» (для ношения на шее на Станиславской ленте) по линии Министерства народного просвещения С.Е.Попов получил несколько раньше – 5 октября 1890 г.
- 111) Отсылка к строкам из поэмы Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Когда мужик не Блюхера / И не милорда глупого, / Белинского и Гоголя / С базара понесёт». В свою очередь, Некрасов под «милордом глупым» подразумевал чрезвычайно популярное в своё время и непритязательное лубочное издание «Повесть о приключении английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы» (1782).
- Стр. 175 – 112) Престижджитаторство – искусство фокуса с помощью быстроты и ловкости рук.
- 113) «Mehr Licht!» – нем. «Больше света!». Считается, что именно эти слова произнёс последними умирающий немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте (ум. 1832 г.).
- Стр. 177 – 114) Иван Семёнович Шунков – штатный смотритель Кузнецкого уездного училища и училищ Кузнецкого, Бийского и Змеиногородского уездов (с 1.06.1897 по 1907 г.; в период с 31.12.1896 по 1.06.1897 г. – и.д. штатного смотрителя). Окончил Омскую учительскую семинарию. Жена – Архелая Ивановна. В Кузнецке родился его сын Виктор (19(6).04.1900 – 9.11.1967), выдающийся историк, член-корреспондент АН СССР. Именем В.И.Шункова названа улица в г. Новокузнецке.
- 115) Михаил Ильич Крейтер, окончил Омскую учительскую семинарию, на службе с 1880 г. В Кузнецком уездном училище учитель русского языка с 16.08.1894 г. Жена – Людмила Сергеевна (ур. Семёнова). В Кузнецке родился его сын Владимир (23(11).10.1897 – 31.12.1966), выдающийся советский геолог, один из основоположников учения о поисках и разведке полезных ископаемых в СССР, создатель научной школы.

- 116) Черепанов Григорий Петрович, окончил Омскую учительскую семинарию, на службе с 1892 г. Имел звание учителя истории и географии уездного училища.
- Стр. 179 – 117) Иван Ильич Чебыкин, окончил Омскую учительскую семинарию, на службе с августа 1893 г. В Кузнецком уездном училище учитель арифметики и геометрии с января 1896 г.
- Стр. 180 – 118) «Каннитферштан» – выражение, дословно означающее по-голландски «не могу вас понять». Это выражение стало популярным благодаря стихотворению В.Жуковского «Две были и ещё одна» (впервые напечатано в 1831 г.), где он в стихах переложил прозаический рассказ И.-П.Гебеля «Kannitverstan» («Каннитферштан»). Суть рассказа сводится к тому, что бедный немецкий ремесленник, оказавшись в голландском Амстердаме и поразившись богатством и роскошью одного из домов, на свой вопрос, заданный по-немецки, кому принадлежит этот дом, получил от голландца, не владеющего немецким языком, ответ, что «не понимаю вас». Немец принял это выражение за имя собственное, и на этом построена фабула данного рассказа-притчи.
- Стр. 193 – 119) Здесь и далее Вен.Ф.Булгаков своего старшего сводного брата Николая – Коло – именует Костей, что было вызвано трагической судьбой Николая Фёдоровича Булгакова, русского офицера, в годы гражданской войны оказавшегося в лагере белых и в советское время подвергнутого репрессиям и, наконец, расстрелянного в 1937 г. Более подробно о его судьбе см. Арапова Т.А. Неизвестный брат известного писателя. Новокузнецк, 2018 г. (в печати).
- В связи с изменением имени старшего брата Вениамин Булгаков в своих воспоминаниях решил изменить имена и других братьев Булгаковых. Так старший брат Валентин выведен под именем «Всеволода» (уменьшительное – Воля), а сам Вениамин фигурирует под именем Ивана – Вани.
- Здесь и далее в последующем тексте вымышленные имена заменены на подлинные без специальной оговорки.
- Стр. 373 – 120) Вениамин Булгаков искажает подлинную фамилию. Под именем «Коновы» он выводит семейство Пановых. О них см. прим. 52.
- 121) Вениамин Булгаков вновь искажает подлинную фамилию. Под именем «Сорокины» скрывается семейство Сарачёвых. О них см. прим. 30.
- 122) Очередное искажение. Подлинная фамилия – Тюшевы. Об Андрее Тюшеве см. прим. 87. Его родные братья – Пётр Философич Тюшев (род. 19.12.1887) и Владимир Филосович Тюшев (род. 27.05.1891) (см. ГАКО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 475. Л. 48 об.; Д. 662. Л. 23 об.).
- 123) Тартаковы – искажение подлинной фамилии Токмаковы. О Евгении (Ене) Токмакове см. прим. 59.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АВТОБИОГРАФИЯ
ВАЛЕНТИНА
БУЛГАКОВА
(1911 г.)

Сегодня я не могу сосредоточиться на чём-нибудь серьёзном, ввиду того что нахожусь в состоянии ожидания, чем, наконец, разрешится неопределённость моего теперешнего положения. Ожидание кончится через день-два, когда я получу письма. Пока займусь поэтом тем, что вспомню кое-какие моменты из прошлого моей жизни. Кто знает, не будет ли для меня предстоящее испытание роковым? А если так, то вот я оставляю это друзьям.

Родился я в 1886 г., 13-го (число чертовой дюжины) ноября, в Кузнецке, Томской губернии. Милый, поэтический уголок! Твои горы, широкая, светлая, быстрая река, старинная каменная полуразвалившаяся крепость с пушками на горе над городом, обилие цветов, благодатный воздух, милые, простые обыватели – навсегда останутся в моей памяти. Были у меня милые товарищи детства (конечно, все теперь разбросались по разным местам) – скромные, сорванцы и умницы, не было только таких мечтателей, как я.

Мой отец, умерший, когда мне было 10 лет, был старый, давно уже вышедший после 35 летней службы в отставку чиновник. Самая должность, которую он занимал, теперь уже не существует: штатный смотритель училищ Кузнецкого и Бийского округов. Всегда бритое лицо (только перед смертью отец отпустил красивую седую бороду), высокий рост, плотность – то, что называется «крупная фигура», громкий голос с сохранившимся до конца дней «рассейским» (тамбовским) выговором, ум, уверенность в себе, независимость, старая весёлость, честность, карты, полное неупотребление табаку, водки и всякого вина – вот мой отец. Вероятно, как чиновник он был тщеславен. В царские дни он непременно, одев орден и мундир со шпагой, в треуголке, ездил к обедне в собор. Часто наблюдая этот торжественный туалет отца, мы, дети, как то обратились к нему с вопросом, за что ему дали ордена (у него их было три, с Владимиром 4-й степени, и медаль). «А вот послужите, как я, – отвечал отец, застёгивая шитый воротник и подняв бритый подбородок вверх, – и вам дадут».

И мы чувствовали почтение к его неизвестным нам заслугам.

Про службу отца хорошего знаю то, что он безусловно не брал взяток, а в его время взятки составляли, разумеется, тоже «бытовое явление», – а плохого знаю то, что отец прибегал к поркам учеников розгами, тоже ещё существовавшими в его время, делая это ничтоже сумняшеся, с большим (может быть, и жестоким) добродушием и веря в их пользу.

Слышал я и о других хороших и дурных сторонах характера отца и сам наблюдал их, но подробно сейчас не чувствую необходимости описывать их.

Умер отец 72-х лет в чине коллежского асессора лет через пятнадцать после отставки. Скажу ещё про него, что он окончил Тамбовскую духовную семинарию. И ещё необходимо добавить вот что. Отец, по видимому, много читал. Из его книг, потом утраченных, я помню 2 тома «Истории цивилизации в Англии» Бокля, несколько томов Дарвина, в том числе «Происхождение видов», «Прирученные животные и возделанные растения», чью-то «Историю инквизиции» и др. Поля всех этих книг были испещрены собственноручными замечаниями отца. На полях «Истории инквизиции» помню ругательства по адресу католического духовенства. Отец вообще очень не любил попов. Вместе с книгами после отца осталось до десятка толстых переплетённых его рукописей, с заглавиями: «Логика», «Онтология», «Философия» и пр. Вероятно, это были записки лекций его семинарских преподавателей. В детстве я с братьями употреблял эти рукописи для засушивания растений. Кстати, ещё скажу, что в аттестате об окончании семинарии у отца лучшие отметки стоят по русскому языку и философии. Надо полагать, что для нашего Кузнецка умственный багаж отца был очень значителен.

Происходил отец из духовного сословия. Отец и дед его были священниками. Его мать была дочерью протоиерея. Один мой двоюродный брат, сын брата отца, священника же, Дмитрий – архиерей, в Тамбовской, кажется, губернии.

Моей матери было 20 лет, когда отец шестидесятилетним стариком женился на ней. Женился он третьим браком. От первых двух жён оставались у него две дочери и сын. Я был первенцем моей матери.

Она была дочь крестьянина села Коурака, Кузнецкого уезда, Исакова, служившего когда-то рядовым в лейб-гвардии Гренадерском полку и, если не ошибаюсь, участвовавшего в одном из турецких походов. Мать её была дочерью старообрядческого, из секты поморов, начётчика Михаила Осиповича Сизёва, которого я сам ещё застал в Коураке столетним стариком и который только недавно умер, кажется, 106 лет от роду. Он всё мечтал видеть меня и братьев мировыми судьями или, по крайней мере, вообще видными чиновниками, хотя был очень умён, добр и даже по своему не невежда. Училась моя мать в Томской гимназии и назначена была учительницей в Кузнецкое приходское училище. Занималась обучением маленьких кузнечан только до замужества, с год. И посейчас она здравствует в Томске. Как мне приступить к её характеристике? Если я назову её умной, благородной, деликатной, это всё будет правдой, но всё будет неполно. Она, при всей своей большой скромности, – тонко развитая и глубокая натура, вследствие того сильного влияния, которое, при её чуткости, оказывали на неё жизненные испытания. Очень начитанная, особенно по русской литературе, которую любит и знанием которой иногда очень гордится. Я знаю, что нас, детей, она любила (меня, по-видимому, особенно), но никогда в отношениях к нам не было слащавой нежности. Нам уже лет с 10-ти предоставлена была почти полная (если не полная) независимость. В матери я всегда встречал по отношению к себе прежде всего – доверчивость. Если не к отдельным моим поступкам (особенно последнего времени), то к их нравственной самооценности.

Кузнецк промелькнул весёлой страницей, на которой рассказано о беззаботном и свободном детстве, о ранней юности с гимназическими каникулами, весёлыми любительскими спектаклями (я принимал в устройстве их самое живое участие и пользовался большим успехом как исполнитель) и т.д. Ещё один важный штрих из истории детства: четыре года я «подавал кадило» и вообще прислуживал в алтаре местной Богородской церкви (где венчался первым браком Достоевский). Постоянное присутствие в алтаре, не пропускание ни одной службы, священник Виссарион – питали во мне религиозность и мечтательность.

Забыл ещё сказать про Кузнецк, что там у нас был хороший дом, большое место, с флигелем, огородами, амбарами и всеми хозяйственными службами, пасака около города, ульев в 200, прекрасно обставленная, доходная, которой занимался отец. Отец слыл гостеприимным. Я помню у нас постоянных гостей, в обычное время почти ежедневно небольшими группами за картами с винами, закусками и ужином, в именинные дни – битком набивающими гостиную, зал, столовую, кабинет отца. Помню многочисленных визитёров на Рождестве, в Новый Год и на Пасхе, а также, в качестве визитёров и гостей, приезжих томских высших чиновников и архиерея. Помню святочные маскарады, шумные танцы, многочисленные маски в зале, на розовом, из небольших кусков дерева, под паркет, полу. Вот отец выходит на середину, в халате, пляшет и громко подпеваает улыбающимся старым ртом:

«Все кости болят,

Все суставы говорят!..»

Томск. Гимназия. Новые товарищи. Поездка на Алтай. Знакомство с Григорием Николаевичем Потаниным, известным путешественником по Монголии и учёным. Знакомство это моё продолжалось года три и связано с увлечением моим, кажется, не совсем сознательным и искренним, этнографией. Я записывал в деревнях сказки, песни, читал литературу по фольклору, которой снабжал меня Потанин. Сказки, записанные мною, очень хорошие и большие, всего 28, напечатаны были в «Известиях Красноярского Подотдела Географического Общества», под редакцией Потанина. Были ещё заметки по этнографии в других изданиях. В Томске вообще я делаюсь причастным к газетной работе. Не буду указывать всех глупостей, которые я писал и старался печатать и печатал в бытность мою гимназистом. Скажу только, как о более путном, о статье «Ф.М.Достоевский в Кузнецке», где впервые собраны мною все относящиеся сюда материалы, и о заметке, которая мне немножко и теперь нравится, – «Несколько слов по поводу картины Вучичевича «Домик Достоевского в Кузнецке». До какой же глупости я доходил в моих тогдашних, с позволения сказать, литературных занятиях, явствует из того, что, будучи гимназистом 8-го класса, я издавал в Томске еженедельный журнал «Томский

театрал». Так как мне вместо узаконенных 25 лет было только 19, то ответственным редактором журнала была показана моя мать. Вышло всего «Томского театрала» три номера. Я в общем потерпел на них 45 рублей убытка, моих личных средств, заработанных уроками. 30 рублей я долго был должен одному знакомому и выплатил их, уже сделавшись студентом. Журнал прекратился, потому что, с одной стороны, мало покупался, с другой – мне нужно было держать выпускные экзамены в гимназии. Кончил я гимназию с золотой медалью.

Гимназия... Право, воспоминание о времени, проведённом в ней, скорее, мне приятно, чем неприятно. Правда, что особенно было мне дорого в ней, так это – доброе товарищество. Уроки интересны мне были мало, я больше читал «посторонние» книги (кстати, в раннем детстве я отличался особенной страстью к чтению и читал, кажется, больше, чем когда бы то ни было потом); всё-таки обычно успевал. Вот тоже *noblesse oblige*¹

Мне хочется сказать про себя, что гимназистом я был «передовым»: я писал сатирические стихи на учителей, доставлявшие в своё время товарищам видимое удовольствие (из них надо отметить поэму в песнях «Ревизор», написанную в 7 классе), хорошо учился и мог поэтому помогать другим, пел звучным тенором в гимназическом хоре, а в перемены – «запрещённые» и «незапрещённые» песни в классе, издавал гимназический журнал, участвовал в качестве распорядителя в гимназических спектаклях и концертах, имел неоднократные стычки с начальством, иногда очень с внешней стороны эффектные, благодаря своему своенравному тогда характеру, и т.д. Жил я всё время, 8 лет, в пансионе гимназии. Пансион сравнительно был очень хорош. Я говорю «хорош», но, конечно, я говорю о нём на своём старом языке. Под словом «хорош» я разумею только благополучие внешнее, а внутреннего содержания в этом учреждении, разумеется, не было, если не считать скверного, которое и было основой.

К концу гимназического курса мне стало всё-таки тяжело от бессмысленности того дела, которым я занимался. Бессмысленность эту я всё больше и больше понимал. Скрашивались же для меня последние годы пребывания в гимназии тесной дружбой с

одним из моих товарищей по классу, переведшимся в томскую гимназию из Юрьева. Он был очень даровитый музыкант, также и вся его семья очень музыкальна, и сближение с ним открыло для меня новый источник большого духовного наслаждения – музыку.

В 1906 году я поступил в университет. Что я представлял при поступлении в него? Какова была моя внутренняя жизнь в детстве и ранней юности?

Я упоминал, что сначала я был очень религиозен, в совершенно православном духе. Гимназистом 3 или 4 класса, когда мне было лет 13 или 14, я вместе со своим старшим 15-тилетним братом и ещё одним гимназистом лет 16-ти ходил пешком на богомолье вёрст за 135, из Кузнецка в село Тогул, по дороге на Барнаул, через тайгу и Уксунайские горы. Столько же, сколько богомолье, это было и *partie de plaisir*², и ботаническая экскурсия, так как я собирал по дороге растения, но всё же конечной нашей целью было видеть таинственного монаха, поселившегося в горах, вырытые им пещеры и святой колодец, в котором будто бы благочестивые люди могли видеть Богородицу и святых. Мы с большими лишениями (на чёрном хлебе, в дождь, холод и слякоть), но благополучно сделали наш путь, видели монаха, пещеры, святых в колодце не видали (мы, впрочем, так этого и ожидали, и не верили в это серьёзно) и затем вернулись благополучно пешком же домой. Нас воспитывали так, что всё это было возможно. Помню, как мне хотелось в ту ночь, которую мы провели в деревне около колодца и пещер, провести в сырых и тёмных пещерах вместе с монахом и промолиться всю ночь. Но мне стыдно было моих спутников, чтобы попросить монаха об этом.

В гимназии под влиянием некоторых товарищей, приносивших в пансион «запрещённые» книги (в том числе, помню, и Толстого, хотя тогда я ничего из него, кроме беллетристики, не читал), религиозность эта понемногу рушилась. Ещё до этого я, будучи православным, очень мучился (не могу употребить здесь другого слова) над вопросами о существовании Бога и о бессмертии души. Церковное толкование их – Троица, ад и рай – переставало уже удовлетворять меня. Поделиться мыслями мне было совсем не с кем.

Только позже, когда от православия не осталось уже следов,

.....

я натолкнулся на очень серьёзного учителя словесности и воспитателя пансиона, христианина в духе Вл. Соловьёва. Но тогда его речи производили на меня уже мало впечатления. Единственно, где я находил отклик своим душевным запросам, это – в романах Достоевского: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» (Кириллов в «Бесах»!). Помню, я тогда страстно жаждал найти смысл своей жизни, архимедову точку опоры, и уверял от всего сердца самого себя, что если бы у меня был ясный, понятный смысл жизни, если бы я точно знал, для чего я живу, я бы пожертвовал всем, чтобы жить согласно ему! Скажу ещё, что в тот период я не подозревал ничего о существовании философской литературы, целой науки философии, занимающейся теми вопросами, которые волновали меня. Не было никого (так неудачно сложились обстоятельства), кто бы указал мне, что за содержание этой странной науки «философии», название которой я всё-таки слышал. Я случайно прочёл книгу Леббока «Радости жизни», и каким она была для меня откровением! Как, разве пишут и, оказывается, много писали по тем вопросам, над решением которых я тщетно один бился?! Товарищи пансионеры, как я говорил, разрушили во мне церковную веру. Достоевский, в конце концов, ничего не дал, с той путаницей во взглядах, которая отличала его самого. Он только со страстной силой ставил вопросы, но не разрешал их. Леббок только раздражил. Чего-нибудь нужного и важного для меня и хорошего я ещё не успел прочесть. Да и не знал, за что же мне взяться. Евангелие я прочёл в самом раннем детстве и после, как раз прочтённую книгу, не считал нужным перечитывать. Тогда я остался без веры. Был, между прочим, большим кощунственником по отношению к церкви. Гуляя зимой, я заходил в часовню с почитаемой чудотворной иконой с единственной целью, чтобы погреться. Чтобы не обращать на себя внимание прислужника, я всё-таки крестился, подходил к иконе, но не прикладывался, а высовывал иконе язык, наклонившись к ней, и затем преспокойно отворачивался, внутренне заливаясь смехом. Или у нас в пансионе, в спальне, когда никого не было в комнате, подходил к иконе Христа и говорил: «Молился я тебе, плакал я перед тобой, а ты мне не помог. Эх ты, дурашный, дурашный!» И я щёлкал его по носу. Церковь, Христос, Бог – всё тогда перемешивалось в моём понимании. Церковь? –

.....

.....

Ерунда! Бог? – Чуть! Христос? – Глупость!

Вдруг однажды я узнаю от своего друга-музыканта, что его отец, профессор университета, читает книги о Боге и серьёзно рассуждает о Боге, и что есть взрослые люди, и не только взрослые, но даже образованные, которые верят, что Бог есть, и что вообще легко и скоро решать вопрос о Боге нельзя. Для меня это было откровением, которое меня прямо поразило. Старые вопросы снова с силой поднялись в моей душе. Появилась и надежда. На что? На выяснение смысла жизни. Этот же друг, более сведущий в этом вопросе ввиду интеллигентности своих родителей, открыл мне и вторую сферу духовной деятельности – философию. Как на ребяческую мечту, укажу на явившееся у нас с ним около того времени намерение – «когда вырастем», издавать журнал «Философия и искусство».

Наступил 1905 год. Я не имел к этому времени ровно никаких определённых взглядов. Кроме того, живя в пансионе и мало имея сношений с внешним миром, я ничего ровно не предполагал о готовившемся движении. Когда в октябре, во время занятий в гимназии, к ней подошла кучка забастовавших реалистов с красным знаменем и, крича и махая руками, приглашали нас, гимназистов, бросить занятия и присоединиться к демонстрации, – я, глядя из второго этажа в окно, почувствовал такими жалкими и смешными их маленькие фигурки, что невольно, тотчас, обернувшись к товарищам, стал громко выражать эти свои чувства. И что же, на многих лицах я увидел смущение, многие отвернулись. Это было для меня несколько неожиданно, но ещё неожиданнее было, когда один из товарищей вынул из-за пазухи прокламацию и дрожащим немного голосом, но громко и убеждённо стал читать, приглашая товарищей примкнуть к всеобщему российскому движению (какое всероссийское движение! Правда, я что то слышал о нем, но думал, что это не особенно всерьёз) и к забастовавшим реалистам. И, что было всего неожиданнее для меня, добрая половина класса последовала за вышедшим вон чтецом прокламации на улицу.

Потом я разобрался, в чём дело. «Освободительному движению» я стал сочувствовать, но к революционерам никогда не мог примкнуть. Гимназисты революционеры мне были смешны и

.....

отвратительны: как сметь браться за переустройство государства, имея шестнадцать лет от роду, ничего не читая, ничего не зная, не развившись и не умея даже уроки то как следует приготовить?!

На взрослых деятелей «освободительной эпохи» мне тоже было смотреть странно и отвратительно: какое лицемерие – заботиться об освобождении народа, распинаться за обиженных и обездоленных и в то же время прекрасно одеваться, жить в просторных и удобных квартирах и получать по несколько тысяч жалованья! Не верил я «революционерам», считал их дело легкомыслием. К тому же я не представлял себе ясно той цели, которой они добиваются. (Оговорюсь здесь, что черносотенцем я никогда не был.) Только с объявлением манифеста началось моё сочувствие движению, но тоже очень осторожно, признать революционные убийства за полезные я никак не мог и в душе не находил для их оправдания поводов.

Помню, как отнёсся я ко взгляду Льва Николаевича на революцию, тогда только что сделавшемуся известным и вызывавшему всеобщее возмущение. В местной газете была перепечатана откуда то его статья по этому поводу. Я пробежал только первые строки с резким осуждением «освободительного движения». Мне показалось так скучно читать опровержение неопровержимого, что я только усмехнулся и, не дочитывая статьи, отложил номер газеты в сторону. Я даже не сердился на Льва Николаевича. Просто он меня совсем не задел. О времени, предшествовавшем революции, именно о начале войны с Японией, со стыдом вспоминаю, что я увлёкся тогда патриотизмом и при объявлении войны участвовал со многими другими гимназистами во всеобщей манифестации (правда, несколько искусственно подстроенной, так как нас, гимназистов, высылали на неё, отечески наставляя нас и советуя нам, а на деле заботясь только о своём благополучии и о наградах, начальство) и во все горло орал, бредя по улице, по выпавшему тогда глубокому снегу, «Боже, царя храни!»...

Как на одну из тогдашних попыток моих найти и иметь какое-нибудь руководство в жизни, укажу также на тайное общество с нижеследующими правилами (они сохранились у меня в старой записной книжке), основанное мною с двумя другими товарища-

ми пансионерами, когда я был ещё в одном из младших классов гимназии

Правила:

1. Уметь побеждать самого себя, побеждать свои желания.
 2. Не говорить неправды, не обманывать, даже и шутя.
 3. Не говорить про кого либо дурно; если нам будут рассказывать что-нибудь дурное про человека, мы выслушаем и скоро забудем об этом; если кто-нибудь из членов общества заметит какой-нибудь поступок другого члена против правил, он должен доложить об этом председателю общества, – это не есть дурной поступок.
 4. Никого ничем не обижать. Если кто будет просить нас о деле, несогласном с нашими правилами, мы должны разъяснить ему, что это против наших убеждений и что мы его просьбу исполнить не можем.
 5. Отказаться от третьего блюда за обедом и вообще избегать излишнего.
 6. Не лениться (хорошо готовить уроки, вставать по утрам не позже шести часов и др.).
 7. Не зависеть от кого либо, вообще не одолжаться (уроки всегда готовить самому, задач не списывать, слова подбирать также самому, ничего ни у кого не просить).
 8. На собрание члены должны являться; в случае же неявки кого-нибудь из членов по уважительной причине, ему посылается вопрос, который будет разрешаться на собрании, и он должен написать своё мнение.
 9. Член общества, не исполняющий этих правил, увольняется из него по решению остальных членов.
 10. Каждый член все, что касается общества, должен держать в тайне и на расспросы других отвечать фразой: право, ничего не могу сказать.
 11. Исполнять просьбы других, если только они не идут против наших правил и, вообще, правил нравственности.
- Позже было приписано:

12. Никогда не употреблять во зло физическую силу.

Я переписал «Правила» дословно. Составлены они были со всем, что в них есть наивного и очень серьёзного, нами же троими. По видимому, в большой степени они были реакцией против господствовавших в гимназии понятий. Общество наше просуществовало недолго. Оно распалось вследствие того, что двое других членов его из за чего то поссорились и один из них, в знак, должно быть, неуважения ко всему, что касается другого, стал есть за обе дом третье, сладкое блюдо, не обращая никакого внимания на явное наше недоумение. Думаю, что всё-таки затея наша была всем нам полезна, поскольку нам приходилось напрягать силы для борьбы со своими слабостями. Соединились же мы, должно быть, для взаимной поддержки.

Про свои гимназические годы я сказал бы, что много было, но ничего не стало, т.е. я остался со своей полной неопределённостью взглядов. Таким я и приехал в Москву. Привёз ещё с собой громадные надежды на университет, на московское общество, которое, по моим тогдашним понятиям, должно было быть совсем иным, чем такое. Меня обманули ожидания и насчёт университета, и насчёт московского общества, тем не менее именно в Москве напал на настоящую дорогу. Здесь, в первый же год моего пребывания в университете, я полуслучайно прочёл «Исповедь» Толстого, в которой под черкнул массу фраз, совершенно согласных с моими взглядами, вернее – как бы предвосхитивших мои собственные, ещё не бывшие осознанными до конца мысли. И вот с этого, с «Исповеди», что называется, и началось. Чем дальше я читал Толстого (прочёл «В чём моя вера», «Так что же нам делать» и многое другое), тем больше я убеждался, что именно у него то я и найду столь долго и безуспешно разыскивавшееся мною решение вопроса о смысле жизни. А надо сказать, что университетская философия (я поступил на философское отделение историко-филологического факультета) ни на йоту не оправдала моих на неё великих упований; отвлеченные умствования и полная отчужденность от жизни были мне совершенно чужды. Я никак не мог увлечься той бесплодной умственной эквилибристикой, которой за при личное вознаграждение посвящают всю свою жизнь господа профессора. Да и вся система университетского преподавания была мне совсем

не по душе. Формализм, сухость, отсутствие свободы, независимо-сти духовного развития. Правда, как раз в год моего поступления была введена предметная система, но, право, на мой взгляд, это – только красивая одежда, прикрывающая безобразие ветхого, разрушающегося тела.

Да, ничего, ничего не нашёл я в университете, что бы меня привлекло, захватило, заинтересовало. По крайней мере, в университете как таковом. Пожалуй, только лекции Ключевского по русской истории были исключением. Но какое отношение имели они к университету? Ключевский мог читать их и в частном помещении, просто как публичные лекции. Опять таки, как и в гимназии, если что и было у меня дорогого в высшей школе, так это – товарищество.

Всё реже и реже посещая лекции и практические занятия, все меньше и меньше отдавая времени чтению университетских учебников, я стал всё больше увлекаться, в пределах того же университета, общественной деятельностью, если можно так выразиться о том, что я здесь разумею. Я был одним из учредителей Сибирского землячества при университете, кружка, преследовавшего цели: научную – изучение Сибири, и взаимопомощи. Был два года председателем землячества. На публичном вечере в память сибирского поэта Омусевского читал доклад о его литературной деятельности. Через Сибирское же землячество поднял вопрос об организации чествования студенчеством Московского университета 80-летнего юбилея Л.Н.Толстого. Был товарищем председателя комитета по чествованию и избирался в депутацию из 5 человек от студенчества Московского университета для поднесения адреса Льву Николаевичу. (Ездить к нему, однако, не пришлось, т.к. Л.Н. отказался от приёма депутации, и адрес отвёз ему один студент, председатель комитета, небезызвестный литератор Н.Русов.) По моему предложению поставлена полка с книгами Льва Николаевича и его портретом в большом читальном зале библиотеки университета. На собрании в честь Толстого в богословской аудитории я прочёл свои воспоминания о двух поездках к нему, которые я уже сделал тогда – 23 августа 1907 и 10 апреля 1908 года. Между прочим, среди участников вечера были Мережковский, Н.В.Давыдов и приват-доцент Сакулин. Мережковский – маленький, щуплень-

кий, как цыпленок, с испорченными зубами, желтеющими у него во рту под усами при любезной широкой искусственной улыбке. Давыдов – с его старческой глупостью. Сакулин – с его заученным красноречием. На эстраде, среди почётной публики, сидели рядом ректор Мануилов и приват-доцент Кизиветтер, историк.

Обернувшись и сходя с кафедры по прочтении доклада, я встретил взором их фигуры: оба хлопали мне в ладоши. Тогда это очень меня обрадовало и польстило мне.

В день столетия со дня рождения Гоголя, 20 марта 1909 г., я хотел сказать на его могиле речь, не стесняясь и даже радуясь присутствию там «всей Москвы» (я прошёл туда как корреспондент сибирских газет), но мне не дали. Тогда эту непроизнесённую речь я, под заглавием «Себе или Гоголю», отпечатал на 15 рублей в 500 экземпляров и довольно успешно распродал в Москве (по пятачку). В речи проводится мысль о нелепости почтения памяти великих людей постановкой им памятников и устройством церемоний над их могилами, с непременно поповским участием и затратой бешеных сумм.

Из других московских впечатлений, наиболее сильно затрагивавших меня, назову: собор Василия Блаженного, Девичье Поле, пианиста Гофмана, Художественный театр, репетиции симфонических концертов Филармонического общества и консерватории, певицу Оленину д'Альгейм, моё репетиторство, уроки пения у Вишневецкой, начало моего вегетарианствования. Был я в первый же год жизни в Европейской России ненадолго в Петербурге, весной. Нева пленила меня. Очень гордился и был тронут, что хоть издали, хоть в бинокль видел со Стрелки краешек моря – Финский залив. В Петербурге познакомился я с А.Г.Достоевской, второй женой Ф.М.Достоевского, которая помнила меня по моей статье о жизни его в Кузнецке. Это была первая женщина, которой я поцеловал руку, вообще воспитанный так, что не был приучен к рукоцелованию.

С третьего года жизни в Москве я уже совершенно забросил занятия в университете, числился только формально студентом, сам же занялся новым делом: составлением систематического изложения мировоззрения Льва Николаевича. Работа эта была

закончена мною через полтора года. Я всё продолжал числиться студентом. Если бы не эта работа, я бы вышел из университета раньше, но мне хотелось закончить до призыва в солдаты.

Работа эта (я назвал тогда «Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л.Н.Толстого») имела большое значение в моей жизни, даже внешнее значение, не говоря уже о том, что, занимаясь ею, я выяснил себе с большими или меньшими глубиной и разносторонностью мои собственные взгляды на жизнь. Кроме того, хотя она потом и была признана неудобной в цензурном отношении для напечатания теперь в России, тем не менее она сыграла для меня роль своего рода диссертации для получения нового звания и для вступления в новую должность: секретаря Л.Н.Толстого. По совету некоторых знакомых, я, переписав начисто, в декабре 1909 года поехал показать Льву Николаевичу. Кстати, мне случилось уже раньше писать о ней Льву Николаевичу: я просил у него некоторых дополнительных указаний по вопросам об образовании, и Л.Н. отвечал мне новой большой статьёй, в форме письма, «О воспитании» (дата: 1 мая 1909 г.). Л.Н. мою работу прочёл, в общем одобрил и, дав мне письмо, послал меня с ней к В.Г.Черткову в Крекшино, под Москвой, имение Пашковых, где Чертков жил тогда, будучи выслан из Тульской губернии. Чертков же предложил мне остаться у него совсем, в качестве помощника в деле издания сочинений Льва Николаевича, распространения его взглядов и т.д., на что я, конечно, с радостью согласился. Не прожил я, однако, у Чертковых и 10 дней, как В.Г. решил (у бюрократов это называется «для пользы службы») перевести меня в Ясную Поляну (сначала – по соседству, в своё имение Телятенки) для помощи Л.Н.Толстому. И вот я пользовался этим неожиданным и великим счастьем – близкого общения со Львом Николаевичем – в течение почти года, до самого ухода его из Ясной Поляны. Проводил я и тело его до могилы. Как мне выразить здесь короткими словами всё, что я пережил в этот прошедший, 1910-й, год? Дневник мой, ведённый ежедневно за это время, печатается у Сытина в Москве и скоро выйдет. Недавно вышла у Сытина моя книжка «Жизнепонимание Льва Николаевича Толстого. Изложено в письмах, писавшихся и посылавшихся по его поручению».

С чем я вошёл в Ясную Поляну и с чем вышел? С каким

внутренним багажом?

Взглядами Льва Николаевича я увлёкся сначала как анархическими и противоцерковными. Потом, вчитавшись в книги Льва Николаевича внимательно и прочитав их много во время работы над «Систематическими очерками», я увидел всю важность религиозной сущности учения Льва Николаевича и поразился тогда логической стройностью этого учения. Мы все – люди – дети Отца Бога и должны стремиться к Его совершенству, исполняя Его волю. Вот – основа, из которой вытекает всё: и анархизм, и противоцерковность, и взгляд на задачи науки и искусства. Словом – всё остальное в мировоззрении Льва Николаевича. Я знал это, но ещё не почувствовал всей душой, потому что не пережил. В Ясной, от непосредственного соприкосновения со Львом Николаевичем и со многими другими религиозными людьми, взгляд этот углубился во мне, вошёл в мою плоть и кровь, сделался для меня единственным источником света в жизни. «Не моя воля да будет, но Твоя; и не то, чего я хочу, но то, чего Ты хочешь; и не так, как я хочу, но так, как Ты хочешь!» «Господи, да будет воля Твоя!» Вот в чём для меня теперь весь катехизис жизни. Только бы мне не ослабеть душой и не забывать этого.

В смысле практического приближения к идеалу самосовершенствования и в смысле самого уяснения этого идеала очень сильно и благотворно влиял на меня Сергей Булыгин, двадцатидвухлетний юноша, сын близкого друга Льва Николаевича, соседнего помещика, очень глубокий, даровитый, прекрасной жизни и вообще необыкновенный человек. Это был второй мой друг, из молодых, столь же близкий, как томский (Анатолий Александров).

Забыл я ещё досказать об университете. Я вышел из него, уже официально, в октябре прошлого, 1910 года. Перед выходом я прочёл студентам (до 300 человек) реферат «О высшей школе и о науке», в котором разоблачал, сколько моих сил хватило, и университет, и университетскую науку. Он вызвал среди студентов известное сочувствие и интерес. По прочтении мною реферата московский «Голос студенчества» напечатал его, с сокращениями, на своих страницах. Несколько газет поместили отчёты о нём, и даже А.Столыпин в «Новом времени» написал по поводу этого необык-

новенного собрания в университете очень глупую заметку.

Теперь на дворе февраль, в воздухе – весна. Я живу у Чертковых в Телятенках. А в Томске, как третьего дня пишет мне мать, меня разыскивает полиция, чтобы привлечь к отбыванию воинской повинности, отсрочки по которой я лишился с выходом из университета. Конечно, в своё время, т.е. когда меня найдут, от повинности я откажусь. Вероятно, я на днях поеду сам в Томск. Получу только от мамы письмо с дополнительными сведениями, о котором она телеграфировала. Отказа жду спокойно и с радостью, даже, готов в этом признаться, – с большим интересом: как это всё будет! Вместе с тем – и с покорностью воле Божией, потому что я знаю, что это, т.е. отказ, не шутка. Хочу быть в воле Божией.

Правда, у меня есть сейчас личные желания: это – уединиться, жить одному в маленьком домике, занимаясь ремеслом (переплётным) для питания тела и внутренним созерцанием и наблюдением людей со стороны – для питания души. Но если нужно Богу, судьбе, чтобы я был помещён в арестантские роты, да будет так. Когда не будет предъявлять ко мне противоречащего требования Высшая Воля, поистине Высшая Воля, тогда я выполню свои личные желания (поскольку они Высшей Воле не противоречат и сливаются с ней).

Вот – описание того, как я жил до этого дня. Не пропустил ли я чего из моей жизни? Может быть, скрыл важные события интимной жизни? Я готов ещё сказать здесь, что я – не безукоризненной нравственной чистоты человек, что в моей жизни было тяжёлое (описывать которое нет надобности). Но религиозность, та истинная религиозность, которая заставляет человека перенести сущность жизни из телесного существа в духовное, дала и даст мне силы справиться со всем этим. У меня есть точка опоры – вера в Бога. И с нею мне ничто не страшно, всё победимо.

Телятенки,
22 и 23 февраля 1911 г.

- 1) Положение обязывает (фр.)
- 2) Развлечение (фр.)

Дорогой Валентин
ростом, что и так долго там не писал. Я
слова музея и возобновление экспози-
ции у нас и провозму нас почти 2 м. 5.
Музей открылся 29 мая. Народу (наслед-
ств) у нас в 1-й раз было очень много
посет. Нам экскурсовод - Наталья Дробин-
ка - в дальнейшем обучила и нас и
хотела устроить экскурсию.
За период работы мы все же
и.к. без работы по переносу
набор у команды в команду летал.
Тышь, краска, лак и невозмож-
ности, посидеть и привидели к
к концу работы более голо и
Фейер ми вошли в морю
колесо. В кудинуте и был в
(с осени 6/7) один раз. Мы с
дасильной ходили в до-
доставлено. Космо

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРЕПИСКА
БРАТЬЕВ
БУЛГАКОВЫХ

С НОВОКУЗНЕЦКИМ
КРАЕВЕДЧЕСКИМ МУЗЕЕМ
И ЕГО СОТРУДНИКОМ
К.А.ВОРОНИНЫМ

**«...Чувство связи с родиной,
от которой не отрекаюсь и не отрекусь
до самой смерти»**

Переписка братьев Валентина и Вениамина Булгаковых с Новокузнецким краеведческим музеем и его сотрудником К.А.Ворониным

Братья Булгаковы рано покинули родной город. В 12-летнем возрасте один за другим они поступают учиться в Томскую классическую гимназию и бывают в Кузнецке лишь на каникулах, а затем, после того как их мать переехала жить в губернский центр, и вовсе оказываются на родине редкими наездами. Последний раз Валентин Булгаков посетил Кузнецк в 1914 г., его младший брат Вениамин и того раньше. И последующие почти полвека братья могли только мечтать о посещении родного города. Как записал впоследствии в своём дневнике Валентин Булгаков, всё это время его не оставляло «чувство связи с родиной, от которой не отрекаюсь и не отрекусь до самой смерти». Это острое чувство нераздельной связи с кузнецкой землёй останется у него до последних дней жизни. Искреннее желание братьев Булгаковых увидеть родной Кузнецк в итоге сподвигло их летом 1959 г. совершить поездку в Сталинск (Новокузнецк). Весомой предпосылкой этого решения стало то, что в это время в Сталинском краеведческом музее работал в качестве научного сотрудника Константин Александрович Воронин (1891–1984) – младший товарищ Булгаковых ещё по Томской гимназии. Кроме того, Валентин Булгаков поддерживал письменную связь с сестрой Воронина – Агнией Александровной, проживавшей в Томске. Именно К.А.Воронин убедил Вениамина, а вместе с ним и Валентина Булгаковых в возможности и необходимости посещения ими их родового гнезда – старого Кузнецка. Затем после возвращения из Сталинска между Вениамином и особенно Валентином Булгаковым и К.А.Ворониным устанавливается прочная многолетняя письменная связь, которая с годами не только не ослабевала, но и принимала всё более дружеский и душевный характер, причём настолько, что к 1966 г. адресаты, отбросив ненужные для такого уровня общения условности, перешли на «ты».

Валентин Булгаков в своих письмах в Новокузнецк обращался не только к К.А.Воронину, но и непосредственно к директору краеведческого музея Полине Васильевне Кононовой (1919–1994), возглавлявшей это учреждение на протяжении более тридцати лет с 1945 по январь 1977 гг. Однако таких писем совсем немного – всего несколько коротких посланий. Основной массив новокузнецкой переписки Валентина и Вениамина Булгаковых составляют письма, адресованные К.А.Воронину. Константин Александрович прожил долгую интересную жизнь. Получив классическое образование, он по окончании Томского университета посвятил себя служению народному просвещению. Почти сорок лет он отдал педагогической деятельности в различных школах Кузнецка-Ста-

линска и ряда других сибирских городов. Выйдя на пенсию, он продолжал трудиться, но уже в несколько иной ипостаси, став сотрудником Новокузнецкого краеведческого музея. Весьма плодотворной музейной деятельностью К.А.Воронин посвятил весь двадцатилетний остаток своей жизни.

Переписка К.А.Воронина с братьями Булгаковыми, в первую очередь, с Валентином Булгаковым насыщена многими подробностями и деталями, интересными и важными во многих аспектах. Во-первых, мы узнаём немало фактов из жизни самого Валентина Булгакова, о его трудах и заботах этого периода жизни. Раскрываются важные подробности самого характера взаимоотношений старшего Булгакова с краеведческим музеем, освещаются вопросы, связанные с попыткой Валентина Булгакова опубликовать первую часть своих обширных мемуаров «Как прожита жизнь» в кемеровском издательстве, и многое др. Кроме того, зачастую в переписке поднимаются крайне любопытные и важные краеведческие вопросы. Так, в частности, только из переписки К.А.Воронина с Вал.Ф.Булгаковым мы узнаём уникальные сведения о том, что Ф.М.Достоевский действительно мог быть арестован и посажен в тюрьму в Кузнецке во время одного из своих посещений этого города для встречи с М.Д.Исаевой. Быстро меняющаяся жизнь города этого времени – старого и нового Кузнецка, жизнь музея с его выставками, ежедневными экскурсиями и мероприятиями также нередко освещается на страницах писем. Наконец, стоит отметить, что откровенный характер переписки позволяет увидеть саму жизнь глазами простого советского человека (в данном случае – сотрудника музея) с его заботами и радостями, с его возможностями и ограничениями – объективного и субъективно характера – в достижении той или иной цели.

Подводя итог всему сказанному, необходимо признать, что переписка братьев Булгаковых, подлинных патриотов своей малой родины, с новокузнецкими краеведами (в первую очередь, с К.А.Ворониным) представляет собой значимое культурное явление для нашего края, вносит свой важный вклад в пополнение литературно-художественного и исторического наследия Земли Кузнецкой.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Новокузнецком краеведческом музее (письма Валентина и Вениамина Фёдоровичей Булгаковых к К.А.Воронину и новокузнецким краеведам) и Российском государственном архиве литературы и искусства (письма К.А.Воронина Валентину Булгакову; РГАЛИ, ф. 226, оп. 1, ед. хр. 573 и 574).

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сталинск, 25 июня 1959 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Простите нас, что задержали посылку фотографий. Дело в том, что мы

.....

не имеем своего фотографа и приглашаем его со стороны из артели. Оба фотографа, которые нас снимали, пошли в отпуск и только по настоятельной просьбе, не торопясь выполнили наш заказ. К сожалению, среди посылаемых снимков нет фото, где мы сидели за столом в комнате Вашей матери. Когда фотограф приступит к работе, я достану этот снимок и пришлю Вам.

Посылаю 13 снимков размером 18×24 и

5 снимков размером 13×18, а всего 18 снимков.

Фотография, где Вы сидите на крыльце дома Достоевского Ф.М., вся не получилась – мы были в тени и не вышли. Фотограф, который ездил с нами по Кузнецку, не умеет быстро ориентироваться в новой обстановке и найти точку, выгодную для снимка, – это отразилось на качестве снимков. Однако посылаемые фотографии будут напоминать о той чудесной поездке, которую мы совершили по улицам старого Кузнецка и нового г. Сталинска. Жаль, что мы не засняли купание в Томи и встречи с жителями нового города. Очень интересны были встречи и разговоры во время обеда.

Посланные Вами письма, фотографии старого Кузнецка мы получили, за что приносим Вам искреннюю благодарность. Очень интересны пароходы, городская управа по ул. Достоевского и др.

Дорогой Валентин Фёдорович! Нам очень бы хотелось иметь Вашу краткую биографию. Это необходимо нам для новой экспозиции.

О Ваших воспоминаниях периода жизни в г. Кузнецке и г. Томске я сообщил в областной музей Кемеровской области и просил директора музея Мартынова договориться с Вами об опубликовании их или в печатном издании Кемеровского областного музея или отдельной книжкой Кемеровским издательством. Ваши воспоминания для нас имеют огромное значение, и мне хотелось бы, когда договоритесь с Мартыновым об их опубликовании, получить для музея один экземпляр Ваших воспоминаний, чтобы они хранились в нашем научном архиве в том виде, когда Вы их написали без всяких сокращений.

Очень будем рады, если вы пришлётё нам Вашу фотографию периода 1908-1909-1910-го годов – для экспозиции нам нужно увеличить Ваш портрет.

Накануне Вашего отъезда из г. Сталинская ходил в Топольники, искупался и нарвал тех цветов, которые нравились Вашему отцу (пахнут медом). Утром я пошёл на вокзал, но так как я не знал номера вагона, в котором Вы поехали, то никак не мог Вас найти. Я пришёл как раз, когда началась посадка, но Вас не видел. При отходе поезда я смотрел в окна, но и в окно Вас не видел. Видимо, Вы, утомившись, попав в вагон, больше не выходили. Цветы я передал Смирнову – директору школы № 1, который поехал в этом поезде с Вами и просил в пути найти Вас и передать последний привет из Топольников и от меня.

Шлю Вам горячий привет и пожелания здоровья и счастья.

.....

.....

Все сотрудники музея просят послать Вам привет.

К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 7 июля 1959 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Мы с братом благополучно вернулись домой: он – в Москву, я – в Ясную Поляну. С огромным внутренним удовлетворением вспоминаю о своей поездке в Сибирь и в родной Кузнецк. Горячо благодарю Вас и всех новых сибирских друзей за их милое, внимательное отношение и за добрые услуги. Завтра пошлю для Краеведческого музея свою книгу, а ещё через несколько дней – фотографии старого Кузнецка. Буду поджидать и Ваших любезно обещанных фотографий. Желаю музею и г. Сталинску дальнейшего процветания. Прошу передать мой искренний привет уважаемым Полине Васильевне¹ и Анне Николаевне², а также В.О.Болдыреву³! Заведующей детским лагерем Антонине Михайловне Воронцовой посылаю одновременно для неё и сотрудников лагеря, как обещал, 6 своих фотографий со Львом Николаевичем.

Крепко жму Вашу руку, ещё раз благодарю и желаю Вам всего, всего лучшего!

Ваш Вал.Булгаков.

1) Полина Васильевна Кононова – о ней см. выше.

2) Анна Николаевна Красина – заведующая отделом истории краеведческого музея.

3) Вячеслав Олимпиевич Болдырев – товарищ Булгаковых по томской гимназии. В 1950-е гг. – организатор и первый руководитель геологического музея в г. Сталинске (Новокузнецке).

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, 15 августа 1959 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Большое Вам спасибо за присланные фотоснимки, которые я получил от брата Валентина из Ясной Поляны!

Брат пишет мне, что он просит Вас сделать ещё некоторые фотографии, и я надеюсь, что и мне перепадёт из его коллекции кое-что, например, наш снимок в родном доме и около него, и снимок у домика Достоевского.

Крепко думаю, чем бы Вас отблагодарить за снимки, которые отныне храню в своём альбоме до конца своих дней.

.....

Ещё раз – большое спасибо!

С приветом и пожеланием Вам доброго здоровья, а музею – процветания!

Всего счастливого! *Вен.Булгаков.*

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сталинск, 22 августа 1959 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Простите, что я задержал Вашу фотографию. Дело в том, что наши фотографии до сих пор не вернулись из отпуска, и мне пришлось обращаться к фотографу, который очень занят, но согласился переснять портрет. Негатив получился удачный, но карточку ещё он не напечатал. Вместе с Вашим портретом посылаю набор всех фотографий, которые были засняты в Кузнецке в Ваш приезд. В числе посылаемых карточек есть 2 варианта, которые Вы ещё не видели. Это – одна карточка на берегу р. Томи и ещё одна карточка у домика Достоевского. Остальные я все Вам уже посылал. Полный комплект я посылаю Вашему брату Вениамину Фёдоровичу, но через Вас потому, что Вы уже послали ему из своих часть карточек, а т<ак> к<ак> я не знаю, как Вы их поделили, то, просмотрев весь комплект, Вы увидите, которых у Вас не хватает, оставите их себе, а остальное – пошлите брату.

Очень Вам благодарны за то, что Вы прислали нам свою автобиографию.

Директор Кемеровского областного музея до сих пор мне ещё ничего не ответил в отношении опубликования Ваших воспоминаний в печатном издании областным Кемеровским музеем. Дело в том, что он уехал в экспедицию за сбором археологических материалов в Кемеровской области и, видимо, ещё не вернулся.

Помимо этого я слышал, что материал, подобранный Кемеровским музеем для напечатывания в первом номере «Известий музея», уже был опубликован в газетах, нового ничего не было, и им посоветовало Кемеровское издательство дать в 1-й номер не публиковавшийся материал, а так как такового ещё нет, то ждать выпуска 1-го номера «Известий Кемеровского музея» придётся долго. Я просил областной музей, т<о> е<сть> т<оварища> Мартынова договориться с редакцией журнала «Огни Кузбасса» о том, чтобы Ваши воспоминания были напечатаны в этом журнале и возможно скорее – не позднее 1960 г.

Как только Мартынов Анатолий Иванович сообщит мне о результатах переговоров, я напишу Вам, а, возможно, они непосредственно напишут Вам.

Шлю Вам привет и пожелания здоровья и полного благополучия.

К.Воронин.

P.S. Сотрудники музея просили меня передать Вам привет, и все они

желают Вам долгих лет жизни.

Никаких денег посылать не нужно. 1-й комплект карточек выслал Вам музей, а 2-й комплект для Вениамина Фёдоровича посылаю лично я.

Когда вернётся фотограф, то я достану снимок «в комнате Вашего дома» и пришлю.

К.В.

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, 3 сентября 1959 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Ещё раз благодарю Вас за все имеющиеся у меня фотоснимки Кузнецка и Сталинска и прошу принять в дар от меня найденную фотографию своего родного дома, снятого, наверное, в 1912 году, правда, старенькую фотографию и, видимо, бракованную¹. А кстати прошу принять и скромный дар – эти две книжки, написанные музейным ещё тогда в 1928-м и 1929-м годах работником! Сейчас я работаю в Академии педагогических наук РСФСР, но надеюсь найти для музея г. Сталинска более приличные где-то сохранившиеся у меня фотоснимки г. Кузнецка, чтобы опять на какой-то момент посотрудничать с родным городом.

Всего наилучшего. Вен.Булгаков.

1) Эта фотография публикуется в данном издании (см. с. 20-21), однако по копии лучшего качества, сохранившейся в фонде Вал.Ф.Булгакова (РГАЛИ, ф. 2226, оп. 1, ед. хр. 1427, л. 94).

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 24 октября 1959 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Сегодня я послал на краеведческий музей журнал Института востоковедения Академии Наук СССР с моей статьёй «Книги об Индии в библиотеке Л. Н. Толстого». А месяца за два до того отправил в музей 1-й том составленного под моим руководством Описания Яснопол<янской> библиотеки Л. Н. Толстого. Получено ли всё это музеем? Как Вы живёте? Как живёт музей? И я, и брат часто вспоминаем о нашей поездке на родину и о новых сибир<ских> знакомствах – вспоминаем всегда с большим удовольствием. Не могу забыть даже мальчишку, рядом с которым сидел у реки.

Привет Полине Васильевне и Анне Николаевне! Крепко жму руку!

Искр<енне> Ваш Вал.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сталинск, 6 ноября 1959 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Очень извиняюсь, что так долго не писал. Дело в том, что я октябрь м<е>сяц был в отпуске, а в сентябре умерла тёща Анна Михайловна, целый ряд хлопот и забот не давали возможности ответить на ряд писем. Во время отпуска я летел на самолёте через горы и тайгу в Красноярский край на рудник Абаза. Там работает мой сын, и я решил навестить его. Долина реки Абакан, где находится рудник, мне очень понравилась; наносная ровная площадка покрыта сосновым лесом, а кругом горы, живописно расположенные. Воздух прозрачный, вода в р. Абакан чистая с изумрудным оттенком. Я был в осеннее время, и хотя сосны стояли в зелёной хвое, но значительное количество лиственницы и берёзы на горах золотились, как на картине Левитана «Золотая осень». Обрати мне тоже удалось вернуться на самолёте.

Весь полёт длится 1 ч. 40 мин., а по жел<езной > дороге нужно потратить 3-е суток да ещё с пересадками. Я летал на самолёте первый раз и не испытывал неприятностей. Погода была прекрасная, и я проплыл над горами и тайгой, как на моторной лодке по морю, немного покачиваясь. Самолёты по этой трассе летят небольшие – на 10-ть человек.

Все Ваши заказные бандероли в адрес музея мы получили, за что очень Вам благодарны.

Я подготовил небольшую экспозицию, посвящённую Вашей жизни в г. Кузнецке, оторую мы поместили рядом с экспозицией, посвящённой Достоевскому. Вы знаете, где она у нас располагается.

После ремонта музея в феврале м<е>сяце 1960 г. мы всю экспозицию музея будем перестраивать, а пока нам приходится кое-где перемещать и вклинивать новую экспозицию, придерживаясь некоторой хронологичности. В экспозицию войдёт Ваш портрет 1911 г. Снимок с открытки 1909 г¹, где Вы сняты при разборе корреспонденции с Львом Николаевичем в Ясной Поляне, фотография Вашего дома в г. Кузнецке (по Успенской ул<ице>²) по ул. Луначарского и общий вид ул. Луначарского. В витрину перед стендом мы положим все Ваши присланные нам в музей книги с Вашим автографом. На стенде будет и Ваша краткая биография.

В будущем, когда наша экспозиционная площадь расширится, нам хотелось бы поместить в экспозицию и портреты Ваших родителей. У нас в музее почти не показывали жители Кузнецка конца XIX – нач. XX столетия. Сейчас мы собираем материал и кое-что уже нашли по золотым приискам.

Мы используем и все те фотографии, которые сделали в Старо-Кузнецке во время Вашего приезда в этом году. Вчера я ходил в Кузнецк с фотографом заснять дом, где была типография «Алтай» – дом Коковина, дом Акулова, где был

уком³, и дом Васильева, где был исполком в 1920 г.

Быть может, Валентин Фёдорович, Вы помните, где была типография в конце XIX столетия и в 1904 г. и вообще была ли таковая в Кузнецке.

Шлю Вам горячий привет из холодной Сибири и пожелания доброго здоровья и полного благополучия. *Ваш Воронин.*

На конверте рукой Вал.Булгакова написано: «К.А.Воронин. О музее в Ново-Кузнецке (Сталинске)»

- 1) Красным карандашом рукой Вал.Булгакова дата исправлена на 1910 г.
- 2) Красным карандашом рукой Вал.Булгакова название улицы зачёркнуто и сверху вписано «Соборной».
- 3) Уком – уездный комитет партии (большевиков).

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 2 декабря 1959 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Вот сколько Вам пришлось пережить за сентябрь и октябрь месяцы. Радуюсь, что повидались с сыном, да притом слетали к нему! И не скрою, с завистью читал, как патриот Томи, о том, что в р. Абакане «вода чистая с изумрудным оттенком». Такой же была она когда-то и в нашей кузнецкой реке!

Вы пишете, что все мои бандероли (по-моему, их было три, кроме письма с фотографиями) музей получил. А я на днях послал Вам ещё одну 4-ую: 45-й том юбил<ейного> «Полн<ого> собр<ания> соч<инений>» Л.Н.Толстого, где впервые опубликован полный текст книги Льва Николаевича «Путь жизни». Книга эта составлялась в 1910 г., и по неизречённой милости и по удивительному доверию писателя к его молодому секретарю я принимал некоторое участие в её составлении. О нём подробно рассказано в комментариях к книге.

Но т<ак> к<ак> всё в жизни ветшает, и бывший «молодой секретарь» обратился (с 25 числа этого месяца¹) в 73-летнего старика, то он и сделал досадную ошибку в надписи на книге. Именно, к указанию месяца и числа я добавил: «59 лет со дня кончины Льва Николаевича». А нужно: 49 лет. Будьте добры, Константин Александрович, исправьте чернилами или карандашом эту ошибку! Обвиняю в ней прямо своё старчество!..

28 ноября послал Вам ещё одну книжку – драму из жизни Л.Н.Толстого под названием «На кресте величия» (Смерть Льва Толстого) – это очень редкое издание, вышедшее в 1937 г. в Китае.

Глубоко тронут я был, узнав о Вашем намерении как-то отметить в

вашем музее факт моего существования. Всё, что вы пишете о новом стенде, оч^{<ень>} интересно. Хотя и «недостойн», но хотел бы помочь Вам, и сейчас, согласно Вашему указанию, посылаю в виде дополнения к выставке ещё родительские фотографии. Пусть они будут началом ко исполнению и другой Вашей задачи. В самом деле, Вы совершенно правильно говорите, что стоило бы показать в музее фотографии кузнецких граждан конца XIX и начала XX века. Две посылаемые Вам фотографии как раз такие. Это – не позднейшие копии, а старые оригиналы. Особенно характерны изображения на обороте отцовской фотографии: это – он (его звали Фёдор Алексеевич) в центре и его три жены: на второй и третьей он женился после смерти первой и второй. Первую звали Вера Архиповна (девическая фамилия мне неизвестна), вторую, рождённую Бояркову, коренную сибирячку, Настасья Фёдоровна², третью, рождённую Исакову, тоже сибирячку, мою мать, Татьяной Никифоровной. Я был первым сыном отца от третьей жены, брат Вениамин (который летом был со мной в Кузнецке) – четвёртым сыном от той же матери. Второй и третий сыновья умерли во младенчестве. Вы оставьте мелкие фотографии так, как они есть, не отклеивая, но, вставивши в рамку большую фотографию отца, сделайте стекло также и на оборотной стороне и иногда показывайте эти маленькие, но характерные (одни костюмы чего стоят!) фотографии кому найдёте нужным. Надо только, конечно, следить, чтобы какой-нибудь любитель не «свистнул» у вас этих мелких экспонатов. (Увы, такие случаи и у нас здесь бывали!).

Две-три поправки к письму. С Л.Н.Толстым мы сняты не в 1909, а в 1910 году, и не в Ясной Поляне, а в имении его дочери Татьяны Львовны Сухотиной Кочеты Новосильского уезда Тульской губернии, где Лев Николаевич гостил. Всё это неважно, но по музейной привычке ищу точности. О типографии в Кузнецке ни в XIX, ни в XX столетии ничего не знаю. До 1900 г. её, наверное, не было, а где была потом и была ли, не знаю.

Вы опять трудитесь в музее. Это хорошо. У меня тоже работы много, но сил, к сожалению, меньше, чем в лучшие годы.

Недели две тому назад получил приглашение на съезд писателей и философов разных стран по случаю 50-летия со дня смерти Толстого в 1960 г. на острове Св. Георгия близ Венеции в Италии в июне 1960 года, причём все расходы по этой поездке мне оплачиваются. Ответил из любезности, что приеду, если состояние здоровья позволит. Но в душе знаю почти наверное, что не приеду. Такие большие поездки мне уже не по силам. Кузнецкая поездка была исключением: слишком много радости она давала, и это помогло её перенести без особенно дурных последствий, хотя утомление всё же было налицо.

Ещё раз спасибо за письмо и за дружественное сообщение о музее. Крепко жму Вашу руку, сердечно приветствую Полину Васильевну и Анну Николаевну и желаю Вам, как и им, доброго здоровья и всего, всего лучшего!

Искренне Ваш Вал. Булгаков.

P.S. Вот что записал я 23 ноября в своём дневнике при получении известия о Вашем новом замысле в музее (привожу запись без малейших изменений):

«Из Сибири – известие от милейшего К.А.Воронина о том, что в Сталинском краеведческом музее устраивается посвящённый мне стенд, «рядом со стендом Д.», – честь совершенно незаслуженная Если бы, однако, нечто подобное осуществилось, то это тешило бы не чувство тщеславия (со старостью оно изнашивается и затихло), а чувство кузнецкого патриотизма, чувство связи с родиной, от которого не отрекаюсь и не отрекись до самой смерти».

В.Б.

1) В данном случае речь идёт о ноябре. Обратим внимание, что В.Ф.Булгаков свой день рождения отмечал 25 ноября – эта же дата указывается во всех справочниках. Однако в метрической книге Кузнецкого собора дата его рождения иная – 16 ноября 1886 г., что соответствует новому стилю как 28 ноября (ГАТО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 434. Л. 41 об.).

2) В.Ф.Булгаков ошибается. Вторую жену его отца (мать его сводного брата Николая) звали Анастасия Яковлевна (урождённая Мальцева – дочь инородца (т.е. в данном случае шорца) улуса Абашевского Якова Ивановича Мальцева). Брак был заключён 9 января 1877 г. (ГАТО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 205. Л. 44 об.). Ошибка в отчестве – «Фёдоровна» – могла произойти вследствие того, что в метрической записи о рождении Николая Фёдоровича Булгакова (которую Валентин, вероятно, видел в копии – в так называемой «выписи») его матерью ошибочно указана «Анастасия Фёдоровна» (ГАТО. Ф.Д-60. Оп. 1. Д. 421. Л. 9 об.).

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сталинск, 29 декабря 1959 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Поздравляю вас и Вашу семью с Новым годом. Желаю вам здоровья, долгих лет жизни и полного благополучия.

Посланные Вами в адрес краеведческого музея 45-й том сочинений Льва Николаевича Толстого «Путь жизни» и драму «На кресте величия» мы получили.

Получено и Ваше любезное письмо с двумя фотографиями Ваших родителей. Очень тронут, что Вы эти подлинники выслали в дар нашему музею.

Все карточки мы пересняли, и я высылаю Вам 3 портрета: копия со снимка фотографии Пенькова 1911 г. и копии портретов – Татьяны Никифоровны и Вашего отца Фёдора Алексеевича. Подлинник мы в экспозицию не помещаем, а если помещаем. То только в закрытые витрины. В декабре мы

отмечали 40-летие ликвидации колчаковщины в Сибири и у нас в г. Кузнецке. Мне пришлось делать выставку (передвижную) на тему «Установление советской власти в г. Кузнецке». За последние 10 дней прочитал 6 лекций на эту же тему, да и сегодня должен ехать на Антоновскую площадку, где буду читать лекцию. На Антоновской площадке идёт строительство Зап<адно-> Сиб<ирско-го> металл<ургического> завода, и много съехалось молодёжи из разных концов нашей страны на новостройку.

Очень прошу извинить меня за долгое молчание. Но у нас в музее Полина Васильевна ушла в отпуск более месяца тому назад и вернётся и вернётся на работу числа 20-го января. Замещает её Алла Ивановна – завфондами музея.

Анна Николаевна уезжала в Кемерово на конференцию, и вся работа по проведению 40-летия ликв<идации> колчаковщины пала на меня.

Оказывается, в музее Достоевского в Москве нет фотоснимка домика Достоевского в Кузнецке. Постараюсь найти в фондах этот снимок и пошлю в музей Достоевского:

Снимок домика Достоевского;

Снимок церкви Одигитриевской божией матери, где венчался Достоевский и

Снимок, где Вы с братом сняты у домика Достоевского (ныне летом) – это последний снимок домика Достоевского в этом году.

В Кузнецке я нашёл дом типографии, принадлежавшей Коковину. Коковин, как говорят, был под надзором полиции, и типография была открыта на подставное лицо. В этой типографии в 1917 г. была выпущена газета «Кузнецкий край» – один номер этой газеты имеется у нас в музее.

Нынче у нас стоят большие морозы. Это не даёт возможности часто бывать в Кузнецке. На трамвае ехать долго и холодно. Мы ездили с фотографом заснять дом типографии и некоторые другие и так замёрзли, что у меня стала болеть поясница. Теперь я осторожен и в морозы не выезжаю в Кузнецк, тем более, что валенок у меня нет, а в галошах ездить рискованно.

Ещё раз шлю Вам горячий привет из нашей холодной Сибири и пожелания всего доброго.

К.Воронин.

P.S. Все сотрудники музея поздравляют Вас с Новым годом и желают здоровья и долгих лет жизни.

К.В.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 7 января 1960 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Получил чудные увеличения фотографий родителей и своей. Большое, большое спасибо! Конечно, Вы правы: только в таком, «музейном» размере и можно показывать фотографии в музее, только так они «дойдут» до зрителя. Надеюсь, что музей получил также 45-й том «Полн<ого> собр<ания> соч<инений>» Толстого («Путь жизни») и китайское издание драмы «На кресте величия» – это для витрины с книгами.

Какой Вы деятельный и как быстро претворяете планы в дела! буду надеяться, что когда-нибудь позже пришлёте мне и карточку общего вида подготовляемого стенда.

У меня на днях был «сталинец» эсперантист Сергей Алексеев. Я рекомендовал ему навестить Вас, хотя, между нами говоря, и не уверен, ч<то> это знакомство доставит особенное удовольствие. Но Алексеев знал меня ещё в далёком прошлом, в Москве.

Получил от Вашего музея новогоднюю телеграмму и, как всегда, был глубоко ею тронут. Сам я писал перед тем П.В.Кононовой.

Продолжаю трудиться литературно, но... особо крепким здоровьем похвастаться не могу.

Сердечно приветствую Вас и желаю всего, всего лучшего!

Ваш Вал.Булгаков.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 11 января 1960 г.*

Дорогой Константин Александрович, после фотографий (о получении которых писал), получил и Ваше письмо от 29 декабря, из которого я узнал о получении музеем 45-го тома «П<олного> с<обрания> с<очинений> Л. Н. Толстого» и зелёной книжки с драмой. Спасибо за извещение. Спасибо также ещё раз за поздравление с Новым годом и добрые пожелания! Сердечно поздравляю и Вас!

С каким удовольствием посмотрел бы я устроенную Вами выставку об «Установлении Совет<ской> власти в Кузнецке», да жаль – далеко Вы от нас обитаете; в новый путь на Восток не соберётся. Я к тому же что-то неважно физически себя чувствую за последнее время: слабость, неспособность к более продолжительной (хотя бы и умственной) работе, очень низкая температура – ниже нормальной. Но зато душевное состояние ровное, спокойное, радостное.

А около Вас начинается ещё новое грандиозное строительство: Зап<адно>- Сиб<ирский> металл<ургический> завод. И Вы в этом деле принимаете участие, хотя бы лектором, и это важно для строителей и для дела. Но как же разрастается со временем огромное поселение и огромное заводское дело на левом берегу Томи! Даже представить трудно.

Хорошо, что Ваш музей послал фотографии домика Достоевского в московский музей. Это – оч<ень> ценный дар. Я сейчас смутно вспоминаю, что, действительно, при посещении мною московского музея Достоевского, обратил внимание, что среди его экспонатов отсутствовала фотография кузнецкого домика. Да, кажется, и фотографии Богородской церкви тоже не было. Помнится, я отметил этот дефект в своей записи в книге посетителей.

Вот о типографии Коковина в Кузнецке ничего не слышал и сейчас узнаю о ней впервые.

Я сейчас работаю над своими большими записками «Как прожита жизнь» – собственно, контролирую переписку на пишущей машинке и, сколько могу, выправляю и совершенствую текст.

Скоро должно выйти новое (5-е) издание моей книги «Лев Толстой в последний год его жизни».

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сталинск, 26 апреля 1960 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Поздравляю Вас с праздником 1-го мая и желаю Вам здоровья, полного благополучия и успехов в работе.

Давно Вам не писал, потому что у нас в музее почти 2 м<еся>ца был ремонт, а так как запасного помещения нет, то приходилось снятую экспозицию и другое имущество перетаскивать с одного места на другое, пока не кончили побелку и покраску. Потом я ездил в командировку в Томск на научную конференцию учёных Зап<адной> Сибири и Д<альнего> В<остока>. Пробыл в Томске 8 дней и, хотя ежедневно слушал по 5-6 докладов, но, тем не менее, посмотрел и Томск. Я там не был 17 лет. Обошёл все места. Проходил мимо нашей гимназии, посмотрел на окна пансиона и в особенности обратил внимание на лиственницу, которая стояла возле окон фундаментальной библиотеки гимназии (в нижнем этаже) и которая поднималась до окон нашей занятой комнаты (во 2-м этаже гимназии). Она и теперь стоит, но поднялась уже выше крыши гимназии.

Сколько прошло лет, сколько она видела молодёжи, и мы были детьми и подростками и любили иногда весной сорвать мягкие иглы и пожевать во рту, испытывая кислосватый вкус её хвои, нежно-изумрудной. Не знаю, помните ли

Вы её. При Вас она была небольшим деревцем и стояла одна около забора (к городскому саду) и около окон. Теперь в здании артшкола, и зайти в неё надо разрешение. Центр Томска – старый. Только к бывшему жел<езно> дор<ожному> управлению Томской жел<езной> дор<оги> надстроили 4-й этаж и с северной стороны достраивают такое же здание, а по середине – колонны, как у губернского правления. Собора нет – его давно разобрали. Наши заседания проходили в «Доме учёных» – это бывший губерн<ский> дом. Кирки нет, и всё место садика кирки соединено с городским садом.

По бывшей улице Спасской через каменный мост и ул. Магистратскую проходит трамвай на Томск II, а от Томска I этот трамвай идёт по Бульварной, Еланской, мимо городского сада, гимназии и по Спасской. Я называю старые улицы, которые Вам известны.

Почтамтская – асфальтирована. В городе чисто.

Здания магазинов все старые, да и вообще в центре 2-3 дома есть новых, а остальное всё так же, как и в наше время.

Только по окраинам (около станции Томска I и II и около Степановки) большое строительство. Там такие же многоэтажные дома, как в Сталинске.

Деревянные дома центра стоят, как и раньше. Наш дом по Источной ул<ице> поставили на ремонт и сестру Агнию Александровну временно поселили с одной старушкой по Московскому тракту (Источная 39). Теперь наше пепелище окончательно ликвидировали. Там у нас накопилось много книг, учебников, «Нива» с приложениями за много лет. Было много редких книг, но всё это лежало на террасе, вышке и новые квартиранты всё порастащили. Агнюша сохранила только ноты и часть книг, которые были у нас в комнате, ну и пианино ещё живо¹. Сейчас его поставили к знакомым.

Прошёл по Спасской ул. мимо дома Колпакова, где мы жили в 1905 году. Я был тогда в 4-ом кл<ассе> гимназии. У нас тогда жил Машинский, а позднее Лукши. Вероятно, Вы их помните².

Так обошёл я все места, где мы когда-то жили. Из старых знакомых никого не встречал, кроме одной Агриппины Журавлёвой, которая когда-то служила продавщицей в книжном магазине Посохина.

В музее при построении экспозиции сделали передвижку. В комнате, где стоит макет крепости и где мы во время Вашего приезда фотографировались произвели уплотнение. Туда перенесли «Кузнецк XIX в.», «Достоевский», «Флеровский» и рядом с Флеровским поместили экспозицию, посвящённую Вам. В небольшую витрину положили и Ваши книги с автографами и часть снимков посещения г. Сталинска: «Около домика Достоевского», «На крыльце домика Достоевского», «У клуба алюминщиков», «Встреча с пионерами клуба им. Гайдара», «Около краеведческого музея».

Нашёл я интересный снимок г. Кузнецка, заснятый из-под горы с ул. Достоевского, – вид на гору. На первом плане стоят (справа) дома Попова (зо-

.....

лотопром<ышленника>), на горке – церковь Одигитриевской божией матери и собор. Мы этот снимок увеличили и поместили над Вашим портретом. Этот снимок конца XIX или начала XX в.

Сейчас я готовлю экспозицию, посвящённую развитию худож<ественной> самодеятельности 1920-27 гг. Собрал портреты руководителей, часть пьес и репертуар того времени. Думаю, к 1-му Мая оформить.

Желаю Вам здоровья, Валентин Фёдорович!

Да, вот память, забыл, что мне нужно от Вас узнать. В Вашем автографе есть надпись: «Пьеса сильно переделана. 2-е действие заменено совершенно новым, другим текстом. Данный экземпляр оставлен в его первоначальном виде».

Нас могут спросить во время экскурсии: «А напечатана пьеса в изменённом виде или только готовится к печати? Есть ли эта пьеса в нашем советском издании?»

Очень бы просил написать мне об этом.

Потом мне бы хотелось получить копию с документов о награждении Вас грамотами.

Мы могли бы включить их в экспозицию, а то об этом только сказано в аннотации.

Ещё раз всего доброго. Желаю встретить майский праздник в полном здравии и хорошем настроении.

Ваш К.Воронин.

На конверте рукой Вал.Булгакова сделана помета: «К.А.Воронин. Описание Томска. Новые сведения о Кузнецке».

1) Рукой Вал.Булгакова на полях письма карандашом сделана помета «Я пел под его аккомпанемент».

2) Рукой Вал.Булгакова в этом месте синей пастой сделана помета «Конечно!», а на полях письма карандашом добавлено «Я недавно хорошо вспомнил бледенького стройного мальчика – Костю Воронина».

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 20 мая 1960 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Огромное Вам спасибо за поздравление с 1-м Мая и за Ваше письмо, главное, потому что в нём заключалось интересное и подробное описание Томска, к которому я, как и к Кузнецку, никак не могу быть равнодушен: так много

.....

.....

хорошего в годы детства, отрочества и юности пережито было в этих двух сибирских городах! Большое спасибо!

Вспоминая прошлое, я, между прочим, вдруг хорошо вспомнил и представил себе бледенького, стройного и всегда без усилия приветливого мальчика Костю Воронина. И так хорошо прошёл по душе этот светлый образ из времён дорогих и давно минувших!..

Посылаю Вам фотографии обеих грамот. К ним приложил ещё пять разных фотографий, более или менее «музейного» характера. М<ожет> б<ыть>, пригодятся, если не для выставки, то для Ваших папок. Это прежде всего фотография замечательного нашего учёного и путешественника Г.Н.Потанина с его автографом. Затем фотография отцовского дома в том виде, какой он имел до перестройки под аптеку. Далее – группа Театрального кружка учащейся молодёжи, кружка, организованного мною в 1901 году в Кузнецке. (Забавно выглядит на ней нынешний ст<арший> научный сотрудник Академии педагог<ических> наук – брат Вена!); доклад мой на собрании писателей четырёх областей в Ясной Поляне в 1958 году и, наконец, карточка, подаренная мною когда-то внучке Толстого С.А.Толстой-Есениной, остававшаяся у неё в течение 40 лет и возвращённая мне после её кончины в 1957 году.

Отвечаю на Ваши вопросы о пьесе.

В СССР она не была переиздана. Вариант 2-го действия остаётся в рукописи. Пьеса, пожалуй, писалась больше «для души», чем для сцены, хотя в 1939 и 1940 годах она и прошла с успехом в старинном Русском драматическом театре в Таллинне. (У меня хранятся до сих пор афиши, программы и фотографии некоторых исполнителей в их ролях). Пьеса, кажется, немного растянута, очень интимна и отступает от современных требований к драматическому творчеству, так что я питаю мало надежды, чтобы она была где-нибудь ещё поставлена, хотя во внутренней правдивости её я глубоко убеждён. М<ожет> б<ыть>, через 100 лет, скажем, по поводу 200-летия или 250-летия со дня рождения великого писателя что-нибудь из моей древней пьесы и будет показано публике. Это могли бы быть наиболее свободно написанные: 1-я сцена 1-го действия, сцена в кабинете Толстого (перед уходом) и сцена с корреспондентами и пр. в буфете Астаповской станции.

Впрочем, фантазировать нечего!

Как-то Вы поживаете, Константин Александрович? Жаль, ничего не пишете о себе. Как поживают Полина Васильевна, Анна Николаевна, Вячеслав Олимпиевич? Пожалуйста, передайте всем им мой сердечный, искренний привет!

Сердечно приветствую и Вас и от души желаю Вам, во-первых, доброго здоровья, а затем – всего, всего лучшего!

Я чувствую себя неплохо, погружён в работу (литературную) и наслаждаюсь красотой чудного яснополянского парка и лесов. Ожидаю на лето при-

.....

езда любимого внука из Москвы. «Молодая» (ей только 63 года) жена облегчает мне тяготы жизни. Радостно иду вперёд, хотя и знаю, что стоит в конце пути.

До свиданья!

Ваши душевно Вал. Булгаков.

*К.А. Воронин – Валентину Ф. Булгакову
Томск, 18 июля 1960 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Вот я опять неожиданно в Томске. Дело в том, что моя сестра Агния Александровна тяжело больна, не может встать, и её соседка написала мне письмо. Я немедленно выехал в Томск и уже неделю нахожусь здесь.

Сестру поместили в больницу и, когда она немного поправится, поедem в Сталинск: она ещё ни разу не была в нашем городе. В Томске у нас родных нет никого, и Агнюша была совершенно одна. Дом, где она жила и где Вы бывали у нас, поставили на ремонт, её вселили вместе с одной старушкой, и обстановка создалась тяжёлая. В Томске квартиры не благоустроены: нужно доставать топливо, топить печи, водопровода в кв<артире> нет и нужно носить воду. В старости всё это представляет большие трудности, а, если живёшь не один, то часто создаёт конфликты.

Всё имущество ей пришлось развести на время ремонта по разным местам. Пианино она поставила к знакомыми и, таким образом, лишилась возможности играть, а это её единственное утешение, и все эти неприятности не могли не отразиться на общем состоянии её здоровья. Лежит Агнюша в госпитальной клинике – это около Лагерного сада. Там теперь сад немного расширили, но лес к Потаповым лужкам – в сторону Басандайки – почти весь вырублен до самой Басандайки. Думаю съездить на Басандайку. Теперь из Томска на Басандайку, в Городок, в психиатрическую лечебницу, на Черемошники ходят хорошие автобусы. Через р. Томь около водокачки имеется понтонный мост, и машины в Городок идут по этому мосту. Погода в Томске стоит дождливая. Ещё не было ни одного ясного дня за целую неделю. Я взял до 1-го августа отпуск без содержания и думаю, что за это время Агнюша немного поправится и сможет со мной поехать в Сталинск, а там она может жить, пока не закончится ремонт в её квартире. Как только поправится, постараюсь побывать в Городке и в других окрестностях Томска, где когда-то мы бродили молодыми и полными сил.

У меня в основном здоровье сносное, но глаза с каждым годом ухудшаются (растёт катаракта), когда ослепну – можно будет сделать операцию. Я стараюсь меньше читать, чтоб не утомлять глаза.

Я Вам написал подробное письмо в Сталинске, но как раз неожиданно стал собираться в Томск, передел костюм и все свои записки и письма оставил

в Сталинске. Присланные Вами фотографии и документы пересняли, а копии грамот я поместил в экспозицию, посвящённую Вам. По возвращении в Сталинск я Вам вышлю своё письмо и копию фотокарточки Вашей 1914 г.

Уголок экспозиции мы заснимем и вышлем Вам. Высланные Вами фотографии и книгу «Л.Н.Толстой в последний год его жизни» (издание 5-ое 1960 г.) музей получил.

Шлю Вам горячий привет из Томска и пожелания доброго здоровья и полного благополучия. *Ваши Воронин.*

Агнюша шлёт Вам привет.

*Валентин Ф. Булгаков – К.А. Воронину
Ясная Поляна, 11 августа 1960 г.*

Дорогой Константин Александрович,

Очень взволновало меня Ваше письмо о нездоровье Агнии Александровны, о Вашем собственном нездоровье (катаракта!) и о хлопотливых, хотя и совершенно необходимых поездках Кузнецк-Томск-Кузнецк. Катаракту, кстати сказать, обнаружили медики и у меня – в правом глазу, лечу, пока жёлтыми витаминными каплями. В перспективе, хотя, может быть, и более отдалённой, тоже операция. Вот наградил нас Господь! Но ничего не поделаешь. Разные неполадки в машине моего, по крайней мере, тела естественны (74 года!). Хорошо ещё, что сознание ясное, и работоспособность не теряется. Надеюсь, что Вы тоже держитесь бодро: такой молодец не сдаётся и перед лицом болезни. Будем вместе бороться с нашими немощами.

Вас, как доброго брата, хочется благодарить ещё и за то внимание и заботу, какими Вы окружили сестру. Надеюсь, что и Агния Александровна ободрилась в нашем Кузнецке и поправляется от своей болезни.

Шлю ей самый сердечный, дружеский привет!

Рад, что посланные мной вновь материалы дошли до музея и пригодятся Вам. Кстати, копия фотографии 1914 г. мне не нужна: у меня есть другой её экземпляр. Но если при случае пошлётe снимок экспозиции – старику в утешение (в утешение, что связь с родным городом существует), буду Вам душевно признателен.

(Я, между прочим, просил жену: в случае моей смерти положить мне в гроб, на грудь симпатичный и гладкий коричневый камешек, кот<орый> лежит сейчас на моём письменном столе и кот<орый> я захватил с собой с берега р. Томи при совместном нашем летнем купанье, – не смейтесь надо мной, это – не просто сентиментальность).

Очень приятны были мелкие подробности о Томске в Вашем письме. Утомление не позволило мне летом заехать и в Томск, а между тем это – такой

.....

же родной мне город, как и Кузнецк: много радостного было в годы отрочества и юности пережито и там.

Живу я неплохо. Сейчас, в связи с близящимся 50-летием со дня кончины Л.Н. Толстого, заседают кинематографистки, Софинформбюро (статья для зарубежья) и некоторые журналы. М^{ежду} прочим, в 10-м (октябрьском) номере «Молодой гвардии» будет напечатана [независимо от юбилея!] моя статья «Художник Н.К.Рерих в письмах из Индии», а в 11-м номере того же журнала [уже в связи с юбилеем] статья «Лев Толстой – стихотворец».

В сборнике «Лит^{ературное} наследство» предполагается напечатание двух статей о Л.Н.Толстом. Будут статьи даже в воронежском журнале «Подъём»!

Погода летом стояла хорошая, по-сибирски жаркая. Я не только гулял по лесам, окружающим Ясную Поляну, но и купался в одном из прудов нашей усадьбы.

Гостили внуки – и детские голоса, наполнявшие квартиру, тоже радовали.

До свиданья, дорогой Константин Александрович! Шлю свои лучшие пожелания и прошу передать привет и такие же пожелания Агнии Александровне и всем сотрудникам отныне такого родного и близкого мне Кузнецкого краеведческого музея!

Ваши Вал.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сталинск, 11 августа 1960 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Посылаю 6 снимков (один в 2-х экземплярах).

Одновременно отправляю письмо

3 авг. 1960^г.

Воронин

11/VIII 60г.

Дорогой Валентин Фёдорович!

Высланные Вами фотокарточки и книгу «Л.Н.Толстой в последний год его жизни» музеем получены. Очень вам благодарны и просим известить нас, что задержало ответ. Нам хотелось выслать Вам копию вашей карточки 1914 г. которую вы подарили внучке Л.Н.Толстого С.А.Толстой-Есениной, но, к сожалению, фотографа у нас нет, а ателье, где выполняют наши заказы, не особенно торопится.

.....

.....

Валентин Фёдорович! Будете нам писать, сообщите: С.А.Толстая была замужем за поэтом С.Есениным? Я об этом ничего не знаю. Я читал в воспоминаниях М.Горького о С.Есенине и танцовщице Дункан, но о его женитьбе ничего не знаю. Быть может, у С.А.Толстой-Есениной муж однофамилец поэта С.Есенина?

У меня к Вам будет ещё вопрос. Вы в гимназические годы написали статью о пребывании Достоевского Ф.М. в Кузнецке, и вот у меня такой вопрос: знали ли Вы, что в Кузнецкой крепости, где была тюрьма, имелась «камера Достоевского», и все кузнецкие говорили, что Достоевский действительно сидел в Кузнецкой тюрьме. Мало того, когда мы стали собирать воспоминания о революционных событиях в Кузнецке, то многие в своих воспоминаниях говорят, что, когда их арестовали (например, Метёлкин Н.В., Псарёв К.Р.), то они сидели в Кузнецкой тюрьме в «камере Достоевского» и что будто бы над этой камерой была надпись: «Камера Достоевского». Бывший начальник милиции г. Кузнецка в 1920 г. т. Шумиков В.Н. говорит: «Когда после ликвидации колчаковщины, мы описали дела контрразведки и тюрьмы, то попала папка с делом Достоевского. В этой папке находилось донесение, подписанное четырьмя лицами, о том, что Достоевский – политический преступник – и приехал без разрешения. Согласно донесению Достоевского арестовали в Кузнецке и посадили в тюрьму, но потом по выяснении вопроса его выпустили».

Камера, в которой он просидел сутки, стала называться камерой Достоевского, и в неё стали сажать политических преступников. Шумиков утверждает, что он сам читал это дело Достоевского, но архив в Кузнецке в <19>21-22 гг. сгорел, и все дела погибли. Меня интересует, когда Вы писали о пребывании Достоевского в Кузнецке, то был ли известен указываемый кузнецкими факт ареста Достоевского?

В музее все работники занялись сбором материалов для советского отдела, так как этот отдел у нас отстаёт, и один работник – Анна Николаевна – не успеет собрать нужный материал.

Я начал собирать материал по промышленности дореволюционного периода. Кузницы и продукция кузнецкого ремесла, домашнее производство холста, изготовление веревок и т.д. Но меня часто отрывают по вопросам советского периода, и работа движется медленно. Мне хочется ещё собрать материалы о ссыльных и, в частности, о ссыльных поляках, но это вопрос будущего.

Валентин Фёдорович! К нам в музей из областного Кемеровского музея приезжала сотрудница музея и просила нас выделить для обл^{астного} музея материалы о Достоевском, Флеровском и др. Когда она узнала, что есть экспозиция в музее и о Вас, она просила дать им переснять Ваши портреты, и им хотелось бы иметь Вашу книгу «Л.Н.Толстой в последний год его жизни» с автографом. Я сказал, что напишу Вам об этом, и просил их, чтоб они от областного музея написали Вам сами. Ваш адрес я им дал².

.....

Дорогой Валентин Фёдорович!

Это письмо я начал ещё до поездки в Томск. Неожиданно получив сведения о болезни сестры Агнюши, я быстро собрался, взял отпуск и уехал в Томск. Из Томска я Вам уже писал письмо. По возвращении в Сталинск я решил отправить и это письмо, тем более, что в нём у меня есть вопросы, которые можете разрешить Вы.

Сестра моя осталась в больнице, но по окончании лечения её в прямом вагоне отправят в Сталинск ко мне. Ей стало уже лучше, она перед моим отъездом уже стала гулять и выходила ко мне в больничный двор.

В Сталинске у нас идут каждый день дожди, и все дни пасмурные. У меня с 1 сент<ября> будет очередной отпуск, и я поеду в Алмалык под Ташкент. В Средней Азии я ещё не бывал и поеду погостить к сыну.

Проезжая через Топольники на трамвае, я вижу сплошной ковёр желтых цветочков (сурепки) и вспоминаю, как Вы переходили по бревну через ручей, и как мы купались в р. Томи. Нынче я ещё здесь не купался, но в Томске каждый день ходил на остров против Истока и купался в Томи.

Шлю Вам горячий привет из Сибири и пожелания здоровья и полного благополучия.

Ваш К.Воронин.

Сотрудники музея просят передать Вам привет и пожелания здоровья и долгих лет жизни.

Г.Сталинск, 11 авг. <19>60 г.

К.В.

1) Рукой Вал.Булгакова внизу листа приписка: «Присланы фотографии б<ольшо>го «стенда» в Сталин<ском> краевед<ческом> музее и др.».

2) Помета карандашом рукой Вал.Булгакова «Жду письма с адресом».

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 5 сентября 1960 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Получил я и второе Ваше письмо – от 11 августа. Отвечаю на вопрос С.А. Толстой – внучке. Да, она была второй женой поэта Есенина (с первой он развёлся). Есенин женился на Софьи Андреевне уже после того, как он порвал связь с Айседорой Дункан. Софья Андреевна получила гонорар за книги Есенина, вышедшие после его смерти. Мне рассказывали, что когда хоронили Есенина и, между прочим, обносили его гроб трижды вокруг памятника Пушкину в

Москве, за гробом поэта шли обе его жены: разведённая и последняя.

Есенин был очень талантливый поэт, но, к сожалению, весьма беспутный человек. Софья Андреевна не могла быть за ним счастливой.

Теперь – о Достоевском. Никогда и ничего я о «камере Д<остоевско>го» в Кузнецкой тюрьме не знал и не слышал. Оч<ень> интересно приводимое Вами свидетельство начальника милиции В.Н.Шумикова в 1920 г. Можно допустить, что при приезде в Кузнецк Д<остоевский>, как (бывший) полит<ический> преступник, был на время арестован и потом отпущен. Но только вот что следует иметь в виду.

Достоевский был в Кузнецке дважды: в июне 1856 года и в феврале 1857 года.

В 1856 году он заезжал в Кузнецк на два дня по дороге из Семипалатинска в Барнаул, чтобы повидаться с М.Д.Исаевой (овдовевшей 4 августа 1855 года).

В 1857 году Д<остоевский> прибыл в Кузнецк в первые дни февраля, 6 февраля венчался с М.Д.Исаевой в Богородской церкви и обратное путешествие в Семипалатинск совершил в середине февраля 1857 года (причём в Барнауле, где Д<остоевский> с женой остановился на 4 дня, он пережил сильный припадок падучей). В Семипалатинск он вернулся только 20 февраля*.

Спрашивается: в который же из двух своих приездов арестовывался временно Д<остоевский>? В первый или во второй?

В «Материалах» Гроссмана не только нет на это указаний, но нет и вообще ровно никакого упоминания о том, чтобы Д<остоевский> был или мог быть, хотя бы временно, арестован в Кузнецке. Он был уже прапорщик и совершал поездку на законном основании. Оч<ень>, оч<ень> жаль, что сгорел кузнецкий архив, а с ним оригинал показания Шумикова и все другие возможные свидетельства о пребывании Достоевского в Кузнецке. Запись о браке я в 1904 г. видел в архиве Богородской церкви. К счастью, она была позже извлечена из архива, ещё до пожара, уничтожившего церковь, и хранится теперь где-то в одном из центральных хранилищ.

Кстати, не помню, сообщал ли я Вам точную дату о месте и времени опубликования моей статьи «Ф.М.Достоевский в Кузнецке». На всякий случай сообщаю: XXIII иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь», Томск, № 221, 10 октября 1904 года (приложены 3 фотографии: портрет Ф.М.Достоевского в мундире прапорщика инженер<ных> войск, Одигитриевская церковь и домик Достоевского в Кузнецке).

Рад интересу Томского краеведческого музея¹ к собранным у Вас материалам. Конечно, я с удовольствием вышлю им книгу, как только получу их письмо с точным адресом.

Только что исправил я корректуру своей довольно большой статьи «Ху-

дожник Н.К.Рерих в письмах из Индии», которая появится в ноябрьской книжке московского журнала «Молодая гвардия». Напишите, нужно ли послать эту книгу в дополнение к коллекции вашего музея? Если нужно, то сделаю обязательно.

Потом пойдут посвящённые Л.Н.Толстому по поводу 50-летия его смерти статьи и в «Молодой гвардии», и в др. журналах. Высылать? Могу.

Сейчас меня тормозят – всё в связи с той же юбилейной датой – кинематографички (московские и ... узбекские), радиовещатели, фотографы, журналисты. До изнеможения просто! И отказывать в удовлетворении их требований не приходится.

Оч<ень> беспокоит меня болезнь Агнии Александровны. Рад узнать, что ей лучше. Пожалуйста, передайте ей мой особый привет!

Кланяйтесь, пожалуйста, также Анне Николаевне, Полине Васильевне и всем другим сотрудникам и сотрудницам Краеведческого музея, с которыми я познакомился. Всегда вспоминаю о них, как земляк, с тёплым чувством.

Благодарю Вас за ... напоминание о топольнике (тронувшее меня), за все вести и за дружбу!

Крепко жму Вашу руку и желаю всего, всего самого лучшего!

Душевно преданный Вам.

Вал.Булгаков.

* Прим. Вал.Булгакова: Ф.М.Достоевский. Собрание сочинений. Т. 10-й. М., Гослитиздат, 1958; Приложение: Л.П.Гроссман «Материалы к биографии Ф.М.Достоевского (даты и документы)». Стр. 564-565.

1) Вал.Булгаков несколько ошибается. Интерес проявил Кемеровский областной краеведческий музей. См. предыдущее письмо К.А.Воронина.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сталинск, 3 сентября 1960 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Наконец-то фотограф вчера приготовил карточки, и я спешу направить их Вам. На одной карточке Вы увидите общий вид экспозиции, посвящённой Вам. Все фотокарточки Вы уже знаете. Текст грамот, выданных Вам, на снимке видно плохо, и текст Вашей краткой биографии (между портретами Ваших родителей) на снимке не разобрать. Витрина, которая стоит у стены, заснята на 2-м снимке отдельно (сверху). На 2-м снимке Вы увидите, как расположены в витрине книги с Вашими автографами и фотоснимки, сделанные во время

Вашего приезда к нам в Сталинск. Витринка небольшая, и мы поместили: Ваш портрет на крыльце у домика Достоевского, около музея, около домика Достоевского, около дворца алюминщиков и встреча с пионерами. Посетитель нашего музея на центральном портрете и на фотографии со Львом Николаевичем видит Вас молодым, а на снимках в г. Сталинске у домика Достоевского и др. видит Вас уже убелённым сединой, но бодрого и деятельного. Экспозиция небольшая, но книги с Вашими автографами делают её более убедительной и выразительной, чем наши другие экспозиции.

Я достал фотографию г. Кузнецка – вид с ул. Достоевского на центральную часть Кузнецка. На первом плане (справа) стоят дома Попова (золотоприскателя) и сад, а выше храм Одигитриевской божьей матери (Богородской) и вдали – собор. Этот вид старого Кузнецка мы поместили выше – над Вашим портретом, а внизу поместили вид ул. Луначарского. Жаль, что у нас нет вида старого, а тот, который я посылаю Вам и который мы засняли в августе этого года – не даёт картины бывшей Соборной улицы. Около дома по ул. Луначарского образовалось целое озеро, и даже растёт камыш и осока (на карточке этого не видно), но и эта часть бывшего Кузнецка скоро будет обновляться.

5 сент<ября> утром я на самолёте улетаю в Ташкент, а оттуда на автобусе в Алмалык, где работает мой сын Виктор. Отпуск у меня будет до 3-го октября. Адрес сына такой: Узбекская ССР, Ташкентская обл., г. Алмалык, квартал 27, дом № 2, кв. 4.

Желаю Вам доброго здоровья и полного благополучия. От сотрудников музея Вам горячий привет и пожелания долгих лет жизни.

К.Воронин.

Фотокарточки направил Вам заказным письмом.

К.В.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сталинск, 15 ноября 1960 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Наконец-то я собрался Вам ответить на Ваши любезные письма, одно из которых я получил в Алмалыке, а другое – при возвращении в Сталинск. Дело в том, что при моём возвращении в музей из сотрудников оказались на месте – экскурсовод Свирская Н.Я. и я. Анна Николаевна заболела, Алла Ивановна не работала по болезни сына, Ода Николаевна (зав. отделом природы) ушла в отпуск. В октябре м<еся>це был такой поток экскурсий учащихся школ, что мы еле-еле справлялись. Сейчас немного вошли в колею, т. к. всё на своих местах.

Очень Вам благодарен за информацию о внучке Л.Н.Толстого – С.А.Толстой-Есениной и о пребывании Достоевского Ф.М. в Кузнецке.

Бывший начальник милиции 1920 г. в Кузнецке Шумиков, о котором

я Вам писал, жив, и я попрошу его написать всё, что он помнит о «деле Достоевского», но за давностью лет вряд ли он сможет восстановить в памяти – в 1-й или 2-й приезд в Кузнецк арестовывался Достоевский (согласно тому документу, который он видел).

На Ваш вопрос, нужно ли нам в музей прислать номера журналов «Молодая гвардия» и других, где будут помещены Ваши статьи в связи с 50-летием смерти Л.Н.Толстого и статья о художнике Рерихе Н.К., отвечаю: нам Ваши статьи, напечатанные в журналах, с Вашим автографом для музея очень нужны, т. к. музей, имея в фондах книги с автографами наших земляков-писателей, в будущем может делать выставки, а Вы знаете, насколько повышается значимость книги и статьи с автографом автора.

Наш город из года в год растёт. Сейчас у нас в Сталинске около 400 тыс. жителей, когда закончат строительство Зап<адно> – Сиб<ирского> металл<ургического> завода (к концу 7-летки), то количество населения перемахнёт через полмиллиона. Что же будет через 50 лет, когда мы будем отмечать 100 лет со дня смерти Льва Николаевича Толстого? Вероятно, у музея будет отдельное здание, где он сможет широко использовать все свои фонды, систематически проводить выставки в специальном зале. Если сейчас мы не всегда можем пополнять экспозицию за отсутствием экспозиционной площади, то в будущем все культурные учреждения, в том числе и музей, расширятся.

Мы купили набор открыток «Лев Николаевич Толстой» («Изогиз» 1960 г.). На одной из открыток: «Лев Толстой в кругу своих друзей и знакомых читает одну из своих последних статей». Мещерское. 1910 г. На этом снимке 2-м слева сидите Вы. Я отдал фотографу переснять и увеличить этот снимок. Мы думаем его поместить в экспозиции, которая посвящена Вам.

Полина Васильевна завтра уезжает в Москву в командировку.

Теперь о личных вещах. Агния Александровна поправилась, выглядит хорошо, собирается поехать в Томск посмотреть, как идёт ремонт дома, где находится её комната, расположенное по Источной ул<ице>, и Вы когда-то бывали у нас (бывший дом Сайдашева). Она шлёт Вам привет и пожелания доброго здоровья.

Нынче в Алмалык я совершил интересное путешествие на самолёте. Из Сталинска вылетел на 10-тиместном самолёте, в 11.30 дня через 2 часа был в Новосибирске, где пересел на Ту-4. От Новосибирска до Ташкента летел 2½. Высота полёта 10 километров. Когда я взглянул в окно, то мне показалось, что весь лес покрыт инеем, и только потом сообразил, что это облака. Мы летели выше облаков, и вверху было тёмно-синее небо, а внизу географическая карта с голубоватым оттенком. Все тёмные места (напр<имер>, вспаханное поле) казались синими озёрами. Когда самолёт снизился, и мы вышли, то температура воздуха была высокая, как под тропиками, и на здании вокзала надпись «Ташкент». С аэровокзала я на автобусе доехал до жел<езно> дор<орожной> станции, где ря-

дом была станция автобусов. Пересел на автобус и через 2½ часа был в Алмалыке. Таким образом, я уехал утром из Сталинска и вечером того же дня уже сидел в комнате за столом в семье сына в Алмалыке.

В Алмалыке я получил Ваше письмо с извещением, что все карточки, которые были Вам посланы (со снимками экспозиции), Вы получили. Вся семья сына была очень тронута Вашим любезным приветом. У моего сына Виктора Константиновича жена Евгения Григорьевна – врач, и есть сын (мой внук) Алёша. Я не раз ему рассказывал о Кузнецке, и мы с ним рассматривали фотокарточки, которые были засняты во время Вашего приезда в Кузнецк (Сталинск). Я делаю для Алёши альбом со снимками старого Кузнецка и Сталинска. Вам они (сына, его жена и Алёша) просили меня передать привет, пожелания доброго здоровья и долгих лет жизни, а также полного благополучия всей Вашей семье.

Обратно я из Алмалыка ехал на легкой машине (80 километров), а потом в 7 ч. утра вылетел из Ташкента на Ту-4. Во время полёта подали сводку: летим на высоте 10 километров, скорость полёта 900 кило<метров> в час, температура воздуха (– 45°) мороз, а у нас в самолёте – тепло. Я посмотрел в окно – опять тёмно-синяя высь и в нежной голубоватой дымке земля. Мне невольно вспомнилась наивная поэтическая легенда о «Дедале и Икаре», а мелкие серебристые облака, появившиеся далеко внизу, напомнили рассыпавшиеся перья от крыльев Икара. Эта легенда о гибели дерзновенного юноши, приблизившегося к солнцу и потому погибшего, напомнила и то время, когда мы были юношами и изучали эти легенды. Как быстро летит время! Прошло 50 лет, и вот я уже старик 69 лет и мчусь по воздуху со скоростью 900 к<и>л<о>м<етро>в в час. 2½ часа – и я в Новосибирске. Из Новосибирска я поехал по железной дороге.

Про наши музейные дела я Вам уже написал. Мне хотелось бы попросить Вас прислать нам в музей фотокарточку с того дома, где вы живёте в Ясной Поляне в настоящее время.

Шлю Вам пожелания здоровья, долгих лет жизни, полного благополучия и счастья всей Вашей семье. От всех сотрудников музея горячий привет.

Глубокоуважающий Вас К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 20 декабря 1960 г.*

Дорогой Константин Александрович, сердечно поздравляю Вас и уважаемую Агнию Александровну с Новым годом и желаю Вам обоим доброго здоровья, бодрости духа, успеха в труде и всего, всего лучшего!

Ваш В.Булгаков.

P. S. На письмо Ваше отвечу подробно особо. Сейчас заматался в связи с юбилеем, – лежит более 20 писем не отвеченных. Простите. В.Б.

*Валентин Ф.Булгаков – П.В.Кононовой,
директору Сталинского краеведческого музея.
Ясная Поляна, 20 декабря 1960 г.*

Уважаемая Полина Васильевна.

Сердечно поздравляю Вас и всех сотрудников краеведческого музея. Искренно желаю всем вам доброго здоровья, много счастья, а музею – дальнейшего процветания и развития.

Ваши душевно старый кузнечанин Вал.Булгаков.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 6 января 1961 г.¹*

Дорогой Константин Александрович.

Простите, что так долго не отвечал вам: юбилейный период, а затем, с опубликованием моих статей в «Огоньке», в «Комсом<ольской> правде» и в др. органах, множество писем, наконец – новогодние поздравления и необходимость отвечать, – всё это совершенно выбило меня из колеи. Большое спасибо Вам и за кузнечки (музейные) новости и особенно за подробное поэтическое описание Вашего полёта к сыну за Ташкент.

Молодец Вы! – в возрасте 69 лет не боитесь наших колоссальных встрясок. Но понимаю, что наслаждение от воздушного путешествия было огромное, не говоря уже о том, что повидали сына и его семью.

Принимаю к сведению Ваше разъяснение насчёт журналов с моими статьями и насчёт желательности автографов. Сделаю всё так, как Вы пишете. Номера журналов подбираются, хоть я и уверен заранее, что все не подберутся, потому что ужасно трудно выцарапывать от редакций не только авторские экземпляры, но даже номера за плату. Фотографии «Дома Волконского» у себя, к сожалению, не нашёл. Пока посылаю для музея вместо неё: 1) свою фотографию на крыльце своей квартиры – это один из двух боковых подъездов «Дома Волконского»; 2) фотографию с французскими учителями на фоне того же дома, и 3) фотографию на том же фоне с журналистами – слушателями Высшей партийной школы.

К ним заодно прилагаю (может, понадобятся вам?) фотографии: с участниками международ<ного> семинара по русскому языку в МГУ, с чехословацкими членами того же семинара и фото, где мы сняты с братом Вениамином и его дочерью.

Наконец, посылаю оказавшиеся лишними у меня увеличенные фотографии: а) группы с Толстым, которую Вы собираетесь увеличивать, и б) фотографию Льва Николаевича со мной, какой у вас ещё нет.

Живу я благополучно. Здоровье неплохо. Занят литерат<урными> делами, о которых после Вам напишу. Ещё раз сердечно за всё благодарю, искренно приветствую Вас и прошу передать мой привет Агнии Александровне, Вашему сыну Виктору Кон<стантинови>чу и всей его семье!

С лучшими пожеланиями Ваш Вал.Булгаков.

P.S. Случилось чудо!

Не успел ещё запечатать своего письма к Вам, как получилась почта, и в ней письмо от одного из посетителей Ясной Поляны, который шлёт мне в подарок ряд фотографий и в числе их – фотографию Дома Волконского!!!

Немедленно включаю её в число отправляемых Вам снимков.

Живу я в правом (по фотографии – дальнем) крыле Дома Волконского.

Привет!

Ваш В.Булгаков.

1) В автографе письма стоит ошибочно «1960 г.».

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сталинск, 5 февраля 1961 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Ваше заказное письмо с фотографиями и посылку с книгами и журналами получили. Дом Волконского я дам перенести, и мы включим его в экспозицию с указанием, что в правом крыле (по фасаду) находится Ваша квартира. Поместим и снимки со Львом Николаевичем. Мы хлопочем, чтоб нам расширили помещение, а то экспозиционной площади нам не хватает. Когда расширятся, то можно будут расширить и экспозиции. Все присланные Вами журналы и газетные статьи дадут нам возможность пополнить и витрину новыми материалами.

А представляете, какой интерес вызовут Ваши материалы в нашем музее через 25, 50 и 100 лет? Как мы ни долговечны, а до семидесятипятилетия со дня смерти Льва Николаевича, пожалуй, не доживём. Хотя мне говорят, что 30 лет я ещё проживу. (Всё это, конечно, проблематично).

Мы очень благодарны Вам за всё присланное.

Жизнь в музее идет всё так же. Экскурсий у нас бывает много и в особенности учащихся.

Теперь проходимый материал в школе увязывают с местным материалом, а потому увеличилось посещение краеведческого музея.

На днях я был в Кузнечке и заходил в некоторые старые избушки. По-

сетив за Одесской ул. (Форштадт) Петра Васильевича Трофимова и разговорившись с ним, я узнал, что они с женой старожилы Кузнецка, и Пётр Васильевич сказал, что он в школе учился вместе с Вами. Позднее он всё время работал в Кузнецке почтальоном. За почтой на лошадях ездили до ст. Болотной. В особенности трудно было доставлять почту во время распутицы и разлива речек. Домик у Трофимовых старый. Многие избышки в подгорной части Кузнецка доживают свои дни. У нас в новом городе улицы асфальтированы, чугунные решётки у скверов и дворов нет, а в Кузнецке домики ветхие, ворота на запоре и много собак. Пока не выйдет хозяин дома, то во двор не зайдёшь – покусает собаки. Около ветхих ворот сохранились скамейки, на которых в летние вечера в дни отдыха сидят старики и старушки и рассказывают о прошлом, а малые ребята с интересом слушают, как жили раньше.

И мы в детстве любили сидеть на скамейке у ворот и слушать, как старики рассказывали о прошлом. Всё это невольно вспоминается, когда попадаешь в старый Кузнецк. На улицах там тихо, автомобилей нет, зимой сугробы доходят до верхней части забора, и свет ночью пробивается из окон через щели ставней. Каждый раз, как я попадаю в Кузнецк на старые улицы под горой, где нет строительства, где встречаешь ещё колодцы-журавли и вертушки, то невольно вспоминается далёкое прошлое. Ещё пройдёт немного лет и только у нас в музее на снимках можно будет увидеть старый Кузнецк. Мне хочется, чтоб у нас в музее были колодцы и журавли, и вертушки. Хочется, чтобы был показан тракт – и мчатся повозки на тройке и паре лошадей, а в горной части – сани, запряжённые цугом.

Жалко, что при нашем музее нет мастерской, и многое мы сейчас не можем сделать. Плоскостного материала у нас в музее много, а вот объёмного очень мало.

Преподаватель пединститута (в Кемеровском издательстве) выпустил свой труд «Достоевский в Сибири». В своём труде он описывает, что Достоевский приезжал в Кузнецк 3 раза и в последний раз он обвенчался с Исаевой. Из каких источников он взял материал о троекратном приезде Достоевского в Кузнецк, не знаю. Когда встречу его, то спрошу. На днях я вышлю Вам эту книжку о Достоевском.

Ещё раз благодарим Вас за всё присланное. Желаю Вам здоровья, счастья и всей Вашей семье.

Ваш К.Воронин

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 16 марта 1961 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Получил Ваше письмо и интереснейшую книгу Н. Якушина о «Достоевском в Сибири». Сердечно благодарю Вас и прошу передать мою глубокую бла-

годарность П.В.Кононовой и всем другим товарищам – сотрудникам Краеведческого музея – за их ценный подарок – книгу о жизни великого писателя в нашей дорогой (а в прошлом – часто дикой) Сибири и в родном моём городе Кузнецке! Книга хорошо написана и, хотя передаёт факты, известные из собственных сочинений и писем Достоевского, но сгруппированы и выделены эти факты очень удачно. И вообще, книга производит живое, непосредственное и притом серьёзное впечатление. Трогает почтительное внимание автора к личности Достоевского и отсутствие ненужной (а, бывает, и вульгарной) полемики с ним.

С особым удовольствием прочёл я описание красоты Кузнецка на стр.162. За эту-то красоту я и полюбил Кузнецк ещё в детстве и не перестаю любить до сих пор.

Автор не воспользовался моей, первой по времени, статьёй о пребывании великого писателя в нашем городе «Ф.М.Достоевский в Кузнецке» («Сибирская Жизнь», иллюстрированное приложение под ред. Г.Н. Потанина, № 221, 10 октября 1904 года) и, видимо, не знал её, а между тем из неё он мог бы почерпнуть некоторые подробности о времяпровождении Фёдора Михайловича в Кузнецке, – подробности неважные, но, как и всякая мелочь о большом человеке, любопытные.

Так или иначе, Вы и друзья из музея доставили мне большое удовольствие своим литературным гостинцем.

Кстати, на днях я получил другое удовольствие, тоже литературного характера. В Туле состоялся и продолжался несколько дней съезд местных и московских писателей для рассмотрения прозаической, поэтической и драматической продукции туляков. В качестве члена Союза писателей РСФСР я тоже участвовал в этом съезде, именно, работая в секции драматической: давал свои оценки ряду пьес, а также прочёл отрывок (сцену в буфете на ст. Астапово) из своей драмы «Астапово. (Смерть Л. Толстого).» Отрывок этот нашёл очень высокую оценку, отмеченную в заключительном пленарном заседании съезда, причём московские писатели обязали меня прислать им полный текст пьесы и обещали содействовать её опубликованию и постановке в одном из московских театров. Окончательно исправив пьесу, я на днях сдал её в переписку и затем вышлю в Москву. Немного запоздалый успех для 74-летнего литератора!..

Очень мне было интересно Ваше описание старого, подгорного Кузнецка и особенно сообщение о встрече с Петром Васильевичем Трофимовым. Моего товарища по кузнецкой школе, милого и скромного мальчика Петю Трофимова, я очень хорошо помню – помню не только по имени и фамилии, но совершенно ясно представляю себе его лицо, фигуру, рост, манеры. Пожалуйста, дорогой Константин Александрович, при случае передайте Петру Васильевичу мой самый искренний, дружеский и братский привет! Всегда теперь буду, вспоминая о Кузнецке, вспоминать и о нём.

Не откажите также передать ему в виде памятки две прилагаемые фото-

графии. Для вас лично прилагаю два моих ex libris'a¹, изготовленные и подаренные мне рижским художником А.И. Юпатовым, – они как раз попали мне под руку, когда я разыскивал фотографии для П.В. Трофимова. (Большой из них символизирует мою музейную деятельность в Праге).

Рад, что присланные мною (журналы и газеты) пригодятся музею. Рад за музей – перспективе расширения его экспозиционной площади.

Радуюсь, наконец, что и к вам, суровым сибирякам, приближается весна. Она в Кузнецке, когда потекут с гор ручьи и когда в лощинах (на горе) зацветут подснежники, лиловые и белые, но всегда ароматные, а позже и огоньки, очень поэтична. Хочется взять с Вас доброе обязательство: прислать мне позже в конверте, хотя бы и в засушенном виде, один кузнецкий подснежник и один огонёк – порадуете сердце!

Как Ваше здоровье? Как здоровье Агнии Александровны? Передайте ей, пожалуйста, мой искренний привет!

Приветствую Вас и шлю свои лучшие пожелания!

Ваш Вал.Булгаков.

* Прим. Вал.Булгакова: «Это та пьеса, кот<орая> была издана в Китае и хранится у вас под названием «На кресте величия».

1) Ex libris – экслибрис (от лат. ex libris – «из книг») – книжный знак в виде художественно выполненного изображения, удостоверяющий владельца книги.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сталинск, 21 июня 1961 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Простите, что я так давно Вам не писал. Но мне хотелось сначала выполнить всё то, о чём Вы меня просили, а потом уже написать. К сожалению, так сложились обстоятельства, что я смог быть в Кузнецке только на прошлой неделе. Погода у нас нынче холодная и дождливая, хотя весна началась рано. В Кузнецке в Форштадте, где живёт Трофимов П.В., улицы не мощёные, и там без сапог не пройдёшь, а мы, жители центра Сталинска, давно уже ходим без галош, а о сапогах и не думаем. Наконец после дождей наступила ясная погода. Я проводил экскурсию по Кузнецку с приехавшими из Донбасса учениками и после экскурсии направился в Форштадт к Трофимовым. Старые домики с палисадниками и огородами, высокие покосившиеся ворота и заборы напоминают о прошлом. Открываю калитку и вижу, что хозяев нет дома, так как дверь в сени закрыта и накинута щеколда, хотя замка нет. Решил подождать. Сел на лежащее

около забора бревно и стал наблюдать.

В каждом дворе есть куры, которые бродят по улице, и около них важно рассказывают петухи. Я обратил внимание на одного обтрёпанного с выдерганными перьями из хвоста петуха и подумал: «Наверное, это боевой петух – любит драться». И действительно, он оказался забиякой. Как только захочет другой петух кукарекать, изогнёт шею и издаст первый звук – «ку», забияка бросается на него, и начинается драка, и так несколько раз.

Улица, где живут Трофимовы, в стороне, и на ней редко показывается прохожий, ворота и калитки у всех закрыты. Было три часа дня, когда солнце нагрело землю и воздух, я снял кепку, взглянул вдоль улицы и, кроме копошащихся в песке кур и разгуливающих петухов, не было видно ни одного существа.

Вспомнилась картина далёкого детства, когда мы ещё жили в Бийске – на такой же улице с небольшими домиками и огородами.

Наконец стукнула калитка, я зашёл во двор и увидел Петра Васильевича. Когда я ему сказал, что принёс от вас дружеский и братский привет и зачитал ему выдержку из Вашего письма, где Вы пишете, что «хорошо помните товарища по кузнецкой школе, милого и скромного мальчика Петю Трофимова и т.д.», он очень был тронут, и на глазах навернулись слёзы. Прочитав письмо, я передал ему присланные Вами фотографии.

< ... >

Удалось собрать наших кузнецких цветов, которые отправляю Вам. Хотел нарвать сурепку – цветов, которые нравились Вашему отцу – Фёдору Алексеевичу, но цветов было не видно, и вода в Томи большая: около полотна трамвая и в том месте, где мы с Вами переходили в Топольники по бревну и камням, стоит вода.

Меня очень интересует судьба Вашей пьесы «На кресте величия». Вы мне сообщали, что её думают печатать в Москве. Интересно, как подвигается вопрос с её изданием?

В музее у нас работа идёт обычная. Весной было много экскурсий учащихся. Сейчас летом приезжают туристы.

Самая большая стройка сейчас идет против Ильинки на Антоновской площадке – Зап<адно> – Сиб<ирский> з<авод>д.

Центр Старо-Кузнецка ещё не тронут, но новые постройки сжимают Кузнецк со всех сторон.

Все наши сотрудники и Полина Васильевна просили меня передать Вам привет и пожелания доброго здоровья.

От Агнии Александровны давно не получал писем из Томска. Она переехала на старую квартиру, так как дом отремонтировали. Это тот дом, в котором бывали и Вы у нас, за Истоком. У Агнюши стоит и то пианино, на котором играли и аккомпанировали в дни нашей молодости при жизни папы.

В Томске за Истоком все дома стоят старые, и новых построек нет. Только у мечети снят минарет. Когда в прошлом году я был в Томске, то обошёл и весь Исток.

Очень благодарен Вам за присланные мне два Ваших ex libris'a, изготовленные художником Юпатовым. Желаю Вам и всему Вашему семейству доброго здоровья и полного удовлетворения в работе.

Ваш К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 4 июля 1961 г.*

Дорогой Константин Александрович.

От всей души благодарю Вас за прекрасный и дорогой мне подарок: букет чудных «наших», кузнецких цветов: огоньки, подснежники и сарана!

Получение его доставило мне огромное удовольствие. Немедленно заказываю для чудесно засушенных и изящно расположенных Вами на картоне цветов рамку и стекло, чтобы ежедневно любоваться ими и делиться этим удовольствием с друзьями и гостями. Большое, большое спасибо!*

Такое же «спасибо» и за любезную передачу фотографий милому П.В.Трофимову, за описание и встречи с ним, и петушиного боя около его дома! Поразительно, как сохранились ещё эти патриархальные уголки в Старо-Кузнецке! Подать (через Вас) весточку моему старому товарищу мне было очень дорого.

«Под горой» проживал, между прочим, ещё один мой школьный товарищ: Фока Ларин. Трофимов его, конечно, прекрасно знал. Интересно, живёт ли он ещё?

Спасибо за вести о Краеведческом музее, о его сотрудниках, о здоровье и жизни Агнии Александровны, о Заисточьи. «Минарет сняли»? – очень жалко! Отлично помню две мечети вплотную рядом: каменную и деревянную. Это было оч^{ень} живописно! Минарет ничему бы не помешал, и его удалением Бога не опрокинешь.

Последние полгода я был занят составлением очерков-воспоминаний о знаменитых русских художниках, с которыми я встречался. Это был заказ журнала «Искусство», прекрасного и богато иллюстрированного теоретического журнала об изобразительном искусстве. Предполагается, что очерки (или часть их) пройдут через журнал, а затем будут изданы книгой «Русские художники. (Страницы воспоминаний)». Всего я написал (и надо было написать) 21 очерк. Начал работу в ноябре прошлого года и побаивался, что не закончу свою задачу до смерти. Однако закончил. Первый очерк – о скульптуре Паоло Трубецком – уже появился в № 5 журнала за май месяц. В следующем номере будет помещен

очерк о худ^{ожнике} Л.О.Пастернаке.

Работу эту я делал с большим душевным подъёмом и с удовольствием. Постараюсь (хоть это и трудно из Ясной Поляны) добывать лишнюю книжку с моими статьями и посылать в ваш Краеведческий музей.

Вот что, между прочим, хочется мне сказать по поводу передаваемых мною в ваш музей моих работ, дорогой Константин Александрович. Вы раза два мне писали, что через 100 лет эта коллекция будет большой редкостью. Но я думаю, что ценность этой коллекции будет определяться не только её «древностью» через 100 лет. Дело в том, что ни в один музей (имею в виду музей Толстого в Москве и в Ясной Поляне) я не передавал своих работ в таком количестве, как в Сталин^{ский} краевед^{ческий} музей. Конечно, я ещё не всё вам передал. Но многое можно найти только у вас. В этом смысле ваша коллекция, даже как коллекция работ о Толстом, и теперь имеет и не потеряет никогда своего значения, если только Вы заведёте какую-нибудь полочку или какой-нибудь ящичек для присланных мною книг и журналов и будете аккуратно их хранить. Как знать, м^{ожет} б^{ыть}, и гос^{ударственный} музей Л.Н.Толстого в Москве понуждается когда-нибудь (м^{ожет} б^{ыть}, и через 100 лет!) в той или иной работе, хранящейся на родине автора в Кузнецке-Сталинске.

Говорю это не тщеславясь и не из хвастовства, а в порядке соображений старого музейного деятеля, каким я волею судеб и моих личных пристрастий и интересов являюсь.

Так что, повторяю, берегите присланное: многих из изданий, которые я вам послал, вы и теперь уже не достанете, как бы вам этого ни хотелось. И с каждым годом библиографическая цена вашей книжной коллекции будет увеличиваться, и думаю, что вы, как музейные деятели, не можете быть к этому равнодушны.

Вы спрашиваете меня о моей пьесе «На кресте величия» или, как я теперь её называю, «Астапово. (Смерть Льва Толстого)».

Нет, вопрос об её немедленном печатании пока не стоит. Но вокруг неё поднят сейчас другой вопрос: о постановке её, с исправлениями, на сцене, и именно – на сцене Московского художественного театра. Переговорами с дирекцией театра занят известный знаток театра, заведующий отделом театра в газете «Советская культура» Ю.В.Малашев. Конечно, это – блестящая перспектива, но именно поэтому в осуществление её не верится.

И я пишу Вам об этом только в личном порядке. М^{ожет} б^{ыть}, можно сообщить об этом Вашим милым коллегам по музею, но ни в каком случае не надо сообщать газетным сотрудникам и пускать слух в печать. Преждевременной оглаской переговоров можно только испортить всё дело и причинить неудовольствие и мне, грешному, и т. Малашеву, и директору МХАТа т. Солодовникову. Итак, оч^{ень} Вас прошу о секретности.

Недавно я выступил в Туле с чтением в Союзе художников и в Союзе писателей (объединённое собрание) двух моих очерков о художниках: Трубецком и К.А.Коровине. Как-нибудь при случае пришлю местную газету с отчётом об этом собрании. (Прилагаю газ<етную> вырезку).

Здоровье в общем неплохо. Но устал, и большой продуктивности нет. Часто выступаю перед группами посетителей Ясной Поляны. Недавно разыскивал меня зам. председателя Совета министров Румынской республики Бырледяну¹. Он уже был в нашем музее, но сейчас приехал с женой и хотел, чтобы я показал им дом Льва Николаевича, что и пришлось исполнить.

Купаюсь в одном из яснополянских прудов. Июнь и июль гостят у нас внуки: Никита 12 л<ет> и Наташа 6 л<ет> – дочери Оли. Милые ребята, к<оторы>е при всей своей детской живости мало нас стесняют. Осенью собираюсь на месяц в Крым в Коктебель, в «Дом творчества» Литературного фонда.

Крепко жму Вашу руку, дорогой К<онстантин> А<лександрович>, и прошу передать мой искренний привет Агнии Александровне и всем сотрудникам музея!

Ваш Вал.Булгаков.

* Прим Вал.Булгакова: «Сурепу, жёлтый цветок, к<оторую> мой отец ценил как пчеловод, мне не посылайте: её здесь у нас много. А вот огоньков, мохнатых и ароматных подснежников и сараны здесь нет и в помине».

1) Александру Бырледяну (1911–1997) – румынский государственный и политический деятель. В указанное время – вице-президент румынского правительства по вопросам экономики (1955, 1957–1965).

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 19 августа 1961 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Вы, наверное, уже получили моё письмо с благодарностью за весточку о П.В.Трофимове, с рассуждениями о посылаемых в музей моих работах и т. д. П.В.Трофимову я уже написал.

Сейчас мне хочется посоветоваться с Вами вот по какому вопросу. Художник Пётр Степанович Антипов (раньше – Ленинград, теперь – Ялта) написал масляными красками мой портрет, около 1 метра в высоту (портрет сейчас не здесь, и я, к сожалению, не могу сообщить его точных размеров). Портрет написан в моей комнате в Ясной Поляне. Я сижу около своего письменного стола, полуборотившись к зрителю. Жена и все, видевшие портрет, говорят, что он очень 1) живописен, (поскольку изображены висащие над столом фотографии,

стоящий на столе букет цветов и пр.) и 2) похож.

Не подойдёт ли этот портрет для вашего музея? Посоветуйтесь, пожалуйста, с Полиной Васильевной Кононовой, как директором, и напишите мне о мнении музея.

Может быть, музей найдёт, что портрет будет слишком выделяться среди других, смежных экспонатов? Тогда отложим вопрос о нём и поставим точку.

Если же музей пожелает иметь портрет (хотя бы для того, чтобы вывесить его в какой-либо закрытой для публики комнате, напр<имер>, в кабинете директора), то я постараюсь устроить пересылку его в музей.

Я не ставлю вопроса об оплате портрета, потому что у музея, наверное, нет для этого средств, так что портрет поступит в музей бесплатно. Но я со своей стороны уже прошу уладить этот вопрос с художником.

Вот и всё. Буду рад Вашему ответу на вопрос о портрете.

С искренним приветом Вам, Полине Васильевне и сотрудникам музея.

Вал.Булгаков.

P. S. Надеюсь, что музеем получен 5-й номер жур<нала> «Искусство» с моей статьей о скульптуре П.Трубецком.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сталинск, 31 августа 1961 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Очень виноват перед Вами, что давно не писал. Мне хотелось сходить в Кузнецк, побывать у Трофимова и написать Вам не только о наших музейных делах, но и о Кузнецке. Но нынче у нас такая погода, что почти ежедневно бывают дожди, а после дождей в подгорную часть Кузнецка без сапог или глубоких галош не пройдёшь, вот и приходилось выб<и>рать более сухой день, т.к. мы в Сталинске ходим без галош. Последнее же время я ещё захворал и 10 дней не был на работе. Завтра 1-ого сентября пойду в музей.

Ваше последнее письмо я получил. В отношении портрета сообщаю следующее: ещё до Вашего письма у нас с Полиной Васильевной был разговор о том, чтоб в экспозицию поместить Ваш портрет, нарисованный масляными красками, и она предлагала заказать в художественный фонд художников нарисовать копию с имеющейся у нас фотографии, но я не был склонен заказывать копию фотокарточки, и этот вопрос у нас окончательно не был решён. Ваше письмо оказалось очень кстати. Я с Полиной Васильевной говорил, и она сказала, что музей мог бы художнику перечислением заплатить немного. Рублей 150 или 200 она могла бы перевести. Но для этого нужен адрес художника и счёт организации, на которую нужно сделать перечисление. Наличными деньгами музей не рассчитывается. Она меня просила написать Вам об этом. Я говорил

Полине Васильевне, что Вы все хлопоты берёте на себя, и портрет может поступить к нам бесплатно, но она сказала, что если Валентин Фёдорович даст нам адрес художника – мы ему напишем, и можно будет заплатить перечислением. Размер в 1 м в высоту не будет выделяться, т.к. портрет Берви и Достоевского, помещенные в этой комнате, приблизительно такие же по размеру. Но меня интересует – какова ширина портрета? Экспозиция, посвящённая Вам, помещается в простенке, и если портрет и в ширину около метра, то он может не войти, а если ширина его, как у обычных портретов – меньше, то он поместится. Конечно, экспозиция наша не всегда будет размещена так, как сейчас. Нам обещают расширить помещение, и тогда мы монтаж экспозиции изменим.

Ваше предложение получить для музея подлинный, написанный с натуры портрет – очень ценно. В нашем музее ещё много есть портретов, нарисованных с фотокарточек местными художниками, и качество их очень низкое, вот почему, когда Полина Васильевна хотела заказать копию с карточки, то я не торопился это приветствовать. Я считаю, что фотокарточка – это документ, и пусть она будет им, а копия с карточки, да ещё плохо выполненная, совершенно ни к чему.

Полина Васильевна привыкла за прошлые годы заказывать копии и считает, что портрет стоит 150-200 руб., да и бухгалтер у нас такой, что дороже 150 рублей портрета не знает. Я думаю, что творческий портрет стоит неизмеримо больше, и иметь для музея такой портрет очень ценно.

Очень благодарны Вам за ваше предложение. Все Ваши бандероли мы получили, и журнал со статьёй о Трубецком получен. Эту статью все научные сотрудники прочитали вместе в кабинете Полины Васильевны, но меня в это время в музее не было, и я читку не слышал. Просил Полину Васильевну дать мне этот журнал, но она постоянно занята, и до сих пор я этот журнал не видел, а хранится он у неё в сейфе.

Ваши пожелания о порядке хранения всех высланных Вами материалов в наш музей я передал и зав. фондами Чикуновой Алле Ивановне и Полине Васильевне, но у нас пока в музее пользование всеми нашими фондами не налажено. Вот почему бывает, что полагат важные материалы в сейф, и не всегда их можешь получить. Но, во всяком случае, хранится всё крепко, а порядок пользования понемногу налаживается.

Очень Вам благодарен за высланные лично мне две книжки: сборник «Толстой как художник» и труд Б.Мейлах «Уход и смерть Льва Толстого».

Полина Васильевна не хотела мне их отдавать, хотя надпись Ваша говорит о том, что высланы они лично мне. Я с наслаждением в свободные часы их читаю.

Был в Кузнецке. Заходил к Трофимовым. Ваше письмо и фотокарточки он получил. Спрашивал о Фоме Ларине. Трофимов хотел навести справки о Ларине. Жив он или нет, Трофимов не знает, но в Кузнецке его нет.

Получил письмо из Томска от Агнии Александровны. Она нынче летом опять хворала, но теперь ей лучше. Агнюша просила передать Вам привет и пожелания всего хорошего. Она очень тронута Вашим вниманием к ней.

Я нынче начинаю похварывать. Вот сейчас не работаю. Видимо, сказывается утомление. У нас выходной день понедельник, но я в этот день в цехах завода читаю лекции с 2-х до 3-х дня, а так как на завод нужен пропуск, то уходишь в час и возвращаешься домой в 4 часа. Весь день отдыха пропадает.

Завтра выхожу на работу, а с 5 сентября иду в отпуск. Полечу на самолёте в Ташкент, а там 80 километров на автобусе в Алмалык – к сыну. Хочется мне ещё побывать на Чёрном море и, возможно, из Ташкента я слетаю в Адлер, чтобы можно было покупаться, а то нынче я ещё ни разу не купался.

Желаю Вам, Валентин Фёдорович, Вашей супруге и всем родным и близким доброго здоровья, полного благополучия и счастья. В отпуске я буду до середины октября месяца.

Ваш К.Воронин.

P.S. Валентин Фёдорович! Меня очень интересует продвижение Вашей пьесы «Астапово». Как, когда и будет ли осуществлена постановка в Художественном театре? При случае информируйте меня. Я ведь тоже увлекался драматургией и в 1912-1913 году был на курсах драмы Адашева (артиста Художественного театра). Курсы Адашева помещались на Арбате, и все преподаватели были из Художественного театра. В 1912/13 г. я ещё слушал лекции в Народном Университете им. Шаняевского¹. Читали Сакулин² (он был тогда молодой), Айхенвальд (читал по литературе) и Кизеветтер (по истории).

Жил я в 1912/13 г. в Москве на Малой Бронной, д.81. Он там и сейчас стоит.

Драматургии я отдал полжизни. Работая учителем, я всё время вёл и художественную работу как руководитель драмкружка.

Ещё раз всего доброго. *К.В.*

1) Московский городской народный университет имени А. Л. Шаняевского – негосударственное высшее учебное заведение, существовавшее в Москве в 1908–1920 годах. Был построен на средства мецената – польского дворянина и русского офицера – генерала Альфонса Шаняевского. Плата за посещение лекций – 45 рублей в год (сокращённый вариант – 30 рублей) – была весьма доступна для широких слоёв населения.

2) Сакулин Павел Никитич (1868–1930) историк и теоретик литературы, член-корреспондент (1923), с 1929 действительный член АН СССР. В 1902–1911 гг. преподавал в Московском университете. В 1911 г. вместе с многими другими преподавателями покинул Московский университет в знак протеста против действий министра просвещения Л.А.Кассо, нарушивших университет-

скую автономию. Некоторое время преподавал в Народном Университете им. А.Л.Шанявского.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сочи, 17 октября 1961 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

В настоящее время я отдыхаю в Сочи, но, к сожалению, погода испортилась, и вот уже 4-й день стоит холодная и дождливая погода. На море волны, и купаться нельзя, но в начале октября я успел полежать на солнце и искупаться. Из Сталинска я уехал 4-го сентября. Вам я написал письмо, в котором благодарил Вас за предложение Ваше выслать нам в музей подлинный оригинал – портрет, я сообщал Вам и о том, что некоторую сумму денег, по заявлению Полины Васильевны, музей мог бы заплатить.

Уехав из Сталинска, я оторвался от нашей музейной жизни и не знаю, как там сейчас обстоят дела. С Полиной Васильевной у нас получилась неувязка. Прошедший год у меня был тяжёлым. В выходной день (понедельник) мне приходилось читать лекции в цехах завода, а так как для этого нужно брать пропуск на завод, то каждый выходной день я с 1 до 4-х час. дня был занят. Видимо, это для меня была перегрузка, и я этот год стал прихварывать, а перед отпуском болел 10 дней.

Полина Васильевна обещала мне дать дополнительный отпуск без сохранения содержания на октябрь месяц, а перед моим отъездом из Сталинска заявила, что может дать дополнительно мне только 10 дней.

Так как и после отъезда из Сталинска я чувствовал себя неважно, то по приезде в Сочи сообщил в музей, что в Сталинск я приеду в конце октября. За это время я побывал в Ташкенте и в Алмалыке у сына Виктора. Виктор, его жена Женья и внук Лёша просили меня, когда я буду писать Вам письмо, передать Вам от них привет, пожелания здоровья и полного благополучия, что я сейчас и выполняю, хотя и с запозданием, т.к. я из Алмалыка улетел в конце сентября месяцем, а сегодня уже 17-е октября. В Сочи я буду до 21. 21-го октября вылетаю в Москву, а 25 октября вылетчу в Ново-сибирск. Таким образом, я нынче совершу воздушное путешествие: Ново-сибирск-Ташкент, Ташкент-Адлер (Сочи), Адлер-Москва, Москва – Ново-сибирск.

Первые дни в Сочи (начало октября) погода была прекрасная. Я на 100% использовал солнце, воду и воздух. Купался, загорал и сейчас чувствую себя хорошо.

В Москве у меня живёт сестра Лена. Она работала преподавательницей музыки в музыкальной школе, а нынче первый год на пенсии. Лена младше меня и Агнии Александровны, но когда Вы приезжали в Томск и заходили к нам, то она вам сопровождала.

Живёт Лена с мужем Василием Герасимовичем Поповым. Он учился в частной томской гимназии и окончил Томский университет. Этот год он тоже вышел на пенсию. Один я ещё работаю, но, видимо, если даже я ещё поработаю в музее, то не больше года.

Как решён вопрос о постановке в Художественном театре Вашей пьесы? Как продвигается эта постановка? Когда будет выпущен сборник Ваших воспоминаний о встречах с художниками?

У нас в Сталинске так много стало заводов, что даже после дождя слышишь запах сажи и копоти. Здесь, если сейчас и идёт дождь, то воздух прекрасный: пахнет зеленью и цветами – цветут осенние розы, да и от хвой вечнозелёных растений чувствуется аромат. У нас в Сибири уже выпал снег, и когда я вернусь, вероятно, будет зима.

Мой московский адрес:

г. Москва 8-А, Дмитровское шоссе д. 81, кв.26.

Повову Василию Герасимовичу для Воронина К.А.,

но 25 октября я уже улечу в Ново-сибирск и к 1-му ноября буду в Сталинске. Пишите на музей мне. Желая Вам, Валентин Фёдорович, и Вашей супруге долгих лет жизни, счастья и творческих успехов.

Ваш К.Воронин.

P.S. Мне ещё хотелось бы с год поработать в музее, надо обработать и систематизировать собранный материал. К.В.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 26 октября 1961 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Отвечаю на два Ваших письма: от 31 авг. и от 17 октября. Одно я получил до отъезда из дома в Крым, другое по возвращении домой. Я провёл 24 дня в «Доме творчества писателей» в Коктебеле (п.о. Планёрское). Это восточный Крым, а там было уже прохладно. Но, признаться, я не столько «отдыхал», загорал, купался (1 раз!) и т.д., сколько работал: «в последний раз» просмотрел, исправил и дополнил большую философско-критическую работу «На весах жизни» («За» и «против» Л.Н.Толстого).*

Сейчас вернулся в Ясную Поляну и... читаю и выправляю снова ту же работу!..

О пьесе не спрашивайте меня. Пока всё неопределённо. И это понятно. Вы должны представлять себе, как трудно проходят сейчас (на сцену) нетрафаретные пьесы. Если что выяснится, я Вам напишу.

Ваш «театральный путь» – чрезвычайно интересен! По кр<айней> мере, для меня.

Сейчас у меня была ещё другая литературная работа: переписка с Центр<альным> Гос<ударственным> Архивом науки и искусства СССР о передаче в Архив второго (и последнего) экземпляра рукописи моей большой и неизданной работы «Словарь русских зарубежных писателей» (несколько сот имен). Почему второго экземпляра? П<отому> ч<то> первый уже приобретён Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Академии наук СССР. Вопрос о печати словаря пока не стоит, оба учреждения сосредотачивают своё внимание на рукописи, приобретая эту рукопись, но оставляя авторские права за мной.

Рад за Вас, дорогой Константин Александрович, что Вы сделали такое интересное воздушное путешествие, а также, что так хорошо использовали для отдыха и для здоровья благодатный климат и море в Сочи. Позвольте через Вас передать мою искреннюю благодарность Виктору Константиновичу и Елене Александровне за привет, вместе с моим приветом им обоим и семье Вашего сына! Как хорошо, что у Вас и сын взрослый есть, и внук, и что вообще семейное ваше гнездо так широко и благополучно разрослось. Особенно кланяйтесь также уважаемой Агнии Александровне.

В Сталинском музее Вы уже нашли мой портрет работы П.С.Антипова. Как он Вам понравился? Полина Васильевна в письме ко мне даёт ему положительную оценку.

Кстати, Вы были совершенно правы, отрицая художественное значение за портретом-копией с фотографии.

Послал я в музей, между прочим, № 7 (июль) жур<нала> «Искусство» с моей статьёй о худ<ожнике> Пастернаке. Надеюсь, что он был получен.

Сейчас печатание моих очерков почему-то прервалось в журнале. Не знаю, что это значит. Запросил редакцию. Во всяком случае, о книге (объединяющей все очерки) говорить ещё рано.

Вот о чём ещё не писал я в Кузнецк. Представьте, что ко мне обратилась с предложением о сотрудничестве кемеровская газета «Кузбасс». В письме от 14 июня этого года зав. отделом культуры газеты Э.Суворова просила о присылке моей книги с автографом для «Клуба книголюбов Кузбасса» и «отрывки из произведения, над кот<орым> я сейчас работаю». Я послал книгу и ответил, что у меня на руках имеются «Сибирские воспоминания» с описанием старых Кузнецка и Томска, в которых я провёл детство и юность, и просил Э.Суворова выяснить, не заинтересуется ли этими воспоминаниями Кемеровское обл<астное> книж<ное> изд<ательст>во. Тов. Суворова ответила 8/VI, что «содержание книги (посланное мною) всех заинтересовало, но что работники изд<ательст>ва хотят почитать рукопись». Она просила прислать рукопись, гарантировала её целостность и сохранность и высказала предположение, что отдельные части рукописи («судя по оглавлению») можно будет напечатать в альманахе «Огни Куз-

басса» и даже в газете. 15/VII Суворова снова спрашивала: «когда пришлёт рукопись?»

19 июля я послал рукопись по адресу Э. Суворовой (редакция газ<еты> «Кузбасс», Кемерово, Трудовая ул., д. 64) и с тех пор не имею из Кемерова никаких вестей. Я собираюсь запросить Суворову о том, как протекает дело, но, думаю, что, м<ожет> б<ыть>, нелишне было бы, если бы ваш кузнецкий музей тоже сделал запрос в «Кузбасс» о судьбе моих воспоминаний и, так или иначе, выразил свою заинтересованность в деле их издания. Я писал Суворовой и могу это повторить Вам лично и музею, что, как я убеждён, больше уже не найдётся никого, кто бы описал людей и жизнь старого, дореволюционного Кузнецка... да, пожалуй, и Томска тоже. Ваше вмешательство было бы полезно, а то, как видите, в Кемерове что-то уж оч<ень> долго раскачиваются!

М<ожет> б<ыть>, было бы ещё лучше, если бы Вы соединились с редакцией «Кузбасса» по телефону, вызвали т. Суворову и обо всём её расспросили. Был бы Вам глубоко признателен за те или иные шаги в этом направлении.

На этом и кончу. Желаю Вам доброго здоровья и прошу передать мой самый искренний привет Полине Васильевне и всем остальным сотрудникам музея! Смотрите, не расхварывайтесь, берегите себя! Всего лучшего!

Ваш Вал.Булгаков.

P.S. 25 ноября исполняется моё 75-летие. По этому поводу Тульское отделение Союза писателей РСФСР проектирует устройство публичного собрания. От судьбы не уйдёшь!

P.P.S. Два дня назад показывал дом Л.Н.Толстого президенту Чехословацкой республики Антонину Новотному¹ и председателю Совета министров республики Вилему Широкому². В.Б.

* Прим. Вал.Булгакова: «Специально для Вас отмечу её содержание: 1. Бог Вольтера и Толстого. 2. Дух и материя. 3. Нормы совершенствования. 4. Мужчина и женщина. 5. Смысл культуры. 6. Государство. 7. Summum bonum [кантианское понятие чего-то высшего, чем счастье, но включающего и счастье]. 8. Смена поколений.

1) Антонин Новотный (1904 – 1975) – чехословацкий государственный и политический деятель, президент Чехословакии в 1957 – 1968 гг.

2) Вильям Широкий (1902 – 1971) – чехословацкий государственный и политический деятель, и. о. президента Чехословакии (1957), премьер-министр Чехословакии (1953–1963).

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сталинск, 3 декабря 1961 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Простите меня, что я так долго Вам не писал. Дело в том, что как только я вернулся из отпуска, то пришлось работать не только в музее (подготовка к праздникам), но и читать лекции по линии общества «Знание», помимо этого мне хотелось поговорить с Кемерово, чтобы выяснить вопрос о том, где находятся Ваши «Сибирские воспоминания» и когда будут напечатаны? К сожалению, когда я стал разговаривать по телефону с редакцией газет «Кузбасс», то станция мне ответила, что № 15-36 (отдел культуры газеты) не отвечает. Тогда я вызвал отдел информации и стал разговаривать с тов. Малых. Он хотел мне вызвать Суворову, но она, оказывается, в отпуске, и в отделе культуры никого нет.

Я рассказал Малых, что меня интересует, и он обещал разузнать всё и сообщить в музей, но, к сожалению, до сих пор мы ещё ничего не знаем.

Возможно, Суворова уже вернулась, и мы скоро получим ответ. Я ей письменно ещё раз напомню и попрошу нас ответить. Очень Вам благодарен за присланный лично мне фотопортрет и за добрые пожелания. Мне нынче тоже знаменательный год: 31-го декабря исполняется ровно 70 лет. Возраст порядочный. Однако мне всё ещё кажется, что не так давно я окончил гимназию (1910 год) и всё, что связано с жизнью пансиона и нашей учёбы, я хорошо помню. Преподаватель латинского¹ языка – Бриллиантов, географии² – Родевич, истории³ – Павел Митрофанович, французский язык преподавал Мирам (всегда очень внимательный и любезный), благообразный о. Мисюрев – всё ярко стоят перед глазами. А из учеников: Лукшо – в подряснике, Ганчиков – с костылём, Ларин, Горчаковский, Степанов Борис⁴ Львович – пел басом в хоре и многие другие. А младшее поколение – Пеца Старосельцев, Шура Головин, Трещеткин – стоят передо мной, как будто я их видел вчера. Да и вид из окна нашей занятиной комнаты на Городской сад и сад «Буфф» с распускающимися листочками в весенние дни, когда мы готовились к экзаменам, – ярко помнится.

В особенности интересны наши воспоминания о каникулах и проводимых вечерах. Вся лестница в пихточках и хвойных гирляндах – смолистый аромат по всему зданию, а когда вечером уляжемся в кровати в дальней спальне за⁵ умывальником, то прежде чем уснём – наговоримся обо всём. Кажется, всё это было не так давно, а прошло больше столетия. Да, бег времени неумолим. Из всех моих соклассников остались 2-3 человека. Всё течет...

Меня очень заинтересовало содержание Вашего труда «На весах жизни». Будет ли он напечатан?⁶

В связи с вашим 75-летием мы около экспозиции, посвящённой Вам, сделали выставку газет, журналов со всеми Вашими статьями, присланными в

наш музей с автографами. Все материалы помещены в застеклённой витрине⁷.

Ваш портрет работы худож. П.С.Антипова висит в экспозиции вверху. По размерам этот портрет такой же, как портрет Берви-Флеровского и Достоевского.

Портрет работы Антипова мне очень понравился. Свободная, спокойная поза в кресле после работы за письменным столом, мягкие тона картины – всё это гармонирует с минутой отдыха, а живые глаза и лежащая на столе ручка говорят, что работа ещё не закончена и через некоторое время будет продолжена. Портрет правдив.

Журнал «Искусство» со статьёй о Пастернаке музеем получен.

Нынче у нас погода была неустойчива. Выпадет снег, наступят морозы, а потом опять тепло и всё растает. Мы не привыкли к оттепелям. На днях опять выпал снег, заморозило и теперь уже, наверное, до весны.

В № 7 журнала «Искусство» с удовольствием прочёл Вашу статью о Л.О.Пастернаке. В этом же журнале в связи с 25-тилетием со дня смерти А.М. Горького помещена статья доктора филологических наук В.Щербина. Когда читаешь эту статью, то только удивляешься трафаретности мыслей этого доктора. Ничего свежего и оригинального. Верно, сравнение с Данте претендует на глубину мысли, но эта оригинальность говорит совершенно об обратном. Не знаю, быть может, это потому, что мне уже 70 лет, но когда я читаю такие статьи, да ещё докторов или заслуженных мастеров искусства, то меня это только раздражает⁸.

Меня ещё иногда раздражает «художественное» чтение по радио⁹. Я всё собираюсь написать о таких выступлениях, но как-то не доходят руки. Любая учительница говорит малышу, что стихотворение нельзя читать «с завыванием», с голосовым наигрышем, с искусственным напевом без учёта внутреннего содержания. И что же? Вдруг слышишь такое завывание из громкоговорителя. Думаешь: «гнать бы этого чтеца, а не выпуска по радио». А после чтения голос диктора: «сейчас выступал заслуженный артист такой-то». Что это? А ведь теперь есть напечатанные труды Станиславского, и артисты, вероятно, с ними знакомы.

Я объясняю это тем, что люди хотят заработать и используют своё звание «заслуженный». Сами не готовятся, а берут книгу и читают, а чтоб придать видимость «художественности» пускают в ход трафаретные приёмы завывания. Думаю, что это не моя старческая придирчивость, а реальность нашей жизни.

Дорогой Валентин Фёдорович, все Ваши приветы и добрые пожелания я передал по назначению. От Агнии Александровны давно не получал письма из Томска, но она здорова.

От Полины Васильевны, Анны Николаевны и всех сотрудников музея Вас привет. К Вашему дню рождения мы посылали телеграмму, думаем, что Вы её получили¹⁰.

В Кузнецке давно не был. Сейчас распутица, мокро и гололедица – ходить плохо. Наш город вернул своё название. Теперь пишите не Сталинск, а Новокузнецк. Желаю здоровья и успехов в работе.

Ваш К.Воронин.

- 1) Рукой Вал.Булгакова зачёркнуто и сверху написано «греческого».
- 2) Рукой Вал.Булгакова зачёркнуто и сверху написано «греческого».
- 3) Рукой Вал.Булгакова зачёркнуто и сверху написано «латинского яз<ыка>».
- 4) Рукой Вал.Булгакова вписано сверху «и Вадим».
- 5) Рукой Вал.Булгакова вписано сверху «рядом с».
- 6) Помета Вал.Булгакова на полях «Не знаю!»
- 7) Приписка Вал.Булгакова на полях: «Послал ещё «Лит<ературное> н<аследство> (2 тома)».
- 8) Приписка Вал.Булгакова на полях «Согласен».
- 9) Приписка Вал.Булгакова на полях «Правда!»
- 10) Приписка Вал.Булгакова на полях: «Получена. Публ<ично> прочтена».

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 26 декабря 1961 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Шлю Вам двойное горячее поздравление – с Новым Годом и со вступлением в восьмой десяток лет, иначе говоря – с днём рождения в последний день старого года! Присоединяю свои лучшие пожелания – столь же плодотворной работы в музейной области и в разработке истории нашего дорогого Кузнецка, как и в старом году сохранения ещё надолго и надолго Вашей молодой подвижности, Вашего активного, деятельного характера, Вашей благожелательности и доброты к окружающим, честности и выдержки старого русского деятеля, примерного работника новой, социалистической эры!

Пишу это с тем большей искренностью и сердечностью, что и сам во многом Вам обязан за Вашу доброту, внимание, понимание и помощь. Спасибо! И да здравствуете ещё на многие лета!

Получил я Ваше письмо от 3 декабря с гимназическими воспоминаниями, очень меня, как всегда, тронувшими: вспоминаю годы средней школы и проживания в пансионе всегда добром.

Спасибо, что устроили выставочку в связи с моим 75-летием. Заметки о тульском торжестве 25 ноября посланы были мною Полине Васильевне. Думаю, что Вы их проглядите. Была ещё одна заметка в москов<ской> газете «Литература и жизнь». Торжество тронуло меня добротой участвовавших в нем людей.

Спасибо, что позвонили Суворовой. Надеюсь, что рано или поздно всё же дозвонитесь до неё, хотя... решать-то вопрос об издании моих сибирских воспоминаний будет не она, а редакция Кемеровского областного книжного издательства, где сейчас рукопись моя и рассматривается. Хорошо бы созвониться с дирекцией изд<ательств>а и подчеркнуть интерес кузнецчан к воспоминаниям.

Рад, что портрет работы Антипова Вам понравился. Хотя это, м<ожет> б<ыть>, и не первоклассное художественное произведение, но, конечно, оно стоит гораздо выше портретов, малюющихся с фотографии. Портрет писан с натуры, в моей комнате в Ясной Поляне – в этом его ценность.

На днях отослал в музей по очереди, два толстущих и, думаю, редких для Кузнецка тома сборника Академии Наук «Литературное наследство». В одном из них напечатана моя статья об (открытых мною) новых поправках Л.Н.Толстого в печатном тексте «Власти тьмы». Пожалуйста, сообщите, какое впечатление произвела на Вас статья. Мнение Ваше, как театрального человека, особенно для меня ценно.

Надеюсь скоро послать новый номер жур<нала> «Искусство» с моим очерком о худ<ожнике> К.С. Коровине.

С Вашей критикой радиовещания с подвывающими стариками-декламаторами согласен. Тут можно только одно делать, что я и делаю: не слушать.

Мы переменили квартиру (на лучшую). Адрес можно писать по-старому или так: Ясная Поляна, Тул<ьская> обл<асть>, Дом сотрудников музея Л.Н.Толстого. Мне.

Пока – всего хорошего! Искренно благодарю Полину Васильевну, Анну Николаевну и всех сотрудников музея за привет и, в свою очередь, всех горячо приветствую!

До свидания!

Ваш В.Булгаков.

*Валентин Ф.Булгаков – П.В.Кононовой,
директору Новокузнецкого краеведческого музея.
Ясная Поляна, 27 февраля 1962 г.*

Уважаемая Полина Васильевна.

Одновременно с этим письмом посылаю на Ваше имя для краеведческого музея № 12-й жур<нала> «Искусство» за 1961 год с моей статьёй «Последние годы жизни К. Коровина», а также 8 фотографий. Фотографии посылаю соглас-

но Вашему пожеланию иметь снимки разных коллективов с моим участием. К сожалению, время было упущено, и мне далеко не всё удалось собрать. Буду Вас просить, как Вы любезно обещали, переснять то, что Вам покажется интересным, и вернуть мне либо оригиналы, либо копии.

Получили ли Вы 2 том сборника Академии наук «Литературное наследство» с моей статьёй и с снятой мною фотографией Л.Толстого с Л.Андреевым? А также письмо с газетными вырезками, посвящёнными чествованию моего 75-летия в г. Туле? После посылки этих материалов я не имел ещё никакой весточки из музея.

Как Вы поживаете? Как идут дела музея? Как поживает Константин Александрович? Он обещался попытаться установить, в каком положении находится дело с рассмотрением рукописи моих «Сибирских воспоминаний» (о Кузнецке и Томске) в Кемеровском обл<астном> книжном издательстве, но пока, должно быть, ему не удалось ничего выяснить.

А я на днях видел номер новосибирского журнала «Сибирские огни» и подумал, что неплохо было бы какой-то отрывок из моих воспоминаний поместить в этом журнале.

Что касается описания детства в старом, дореволюционном Кузнецке и тогдашнего быта нашего городка, то, думаю, что они заинтересовали бы жителей нынешнего большого Новокузнецка. Рад буду весточке от Вас.

Сердечно приветствую Вас и всех сотрудников музея.

Ваш Вал.Булгаков.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 30 марта 1962 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Получил Ваше письмо от 18 марта и сердечно благодарю Вас за него и за все деловые сообщения: о напряжённой работе в музее, о переговорах с т. Суворовой, о получении музеем всех посланных мною материалов и т.д. Большое, большое спасибо! Спасибо, главное, за то, что подали о себе весть, а то я по Вас прямо соскучился, будучи избалован Вашим добрым вниманием. Суворовой напишу и, кажется, попрошу её попросту вернуть мне обременяющую её рукопись о прошлом наших сибирских городов, хотя она сама и просила меня выслать для изд<ательств>ва эту рукопись. Буду ждать другой возможности опубликовать свои воспоминания. Через одну-две недели вышлю вашему музею февральскую тетрадь журнала «Искусство» с моим очерком о скульпторе С.Д.Меркурове.

Желаю Вам успеха по руководству Драмкружком пенсионеров Дома Учителя! Напишу Вам и о своих «театральных» делах. Из Москвы нет определённого ответа. Тот директор МХАТа, который получил рукописи моей драмы

«Астапово» для прочтения, покинул театр, и с ним ничего не вышло. Мой доброжелатель, заведующий театр<альным> отделом газеты «Советская культура» Ю.В.Макашев предпринимает другие шаги, но пока ничего определённого мне не сообщил, тем более, что и самая пьеса нуждается, по его мнению, в исправлении. Но пьесой заинтересовались с другой стороны, именно – в Тульском (большом) драмтеатре имени М.Горького. Главный режиссёр театра Ф.С.Шейн (он же – прекрасный актёр) предложил мне прочесть драму артистам, что я и сделал 2 марта. На чтении присутствовало до 30-35 человек, в том числе несколько литераторов и преподавателей-филологов Тульского пединститута. В обсуждении пьесы участвовало до 10 человек или более. Актёры в один голос требовали включения драмы в репертуар театра, отмечая её достоинства: «прекрасный язык», жизненность выведённых лиц, «профессиональность» всей работы, заманчивую идею видеть Л.Н.Толстого на сцене и т.д. Режиссёр не отрицал этих достоинств, но указал на необходимость исправления некоторых установок драмы. (Он не был бы режиссёр, если бы не нашёл недостатков в пьесе). Потом в письме он подтвердил своё желание поставить пьесу, но просил меня о свидании, при котором могли бы договориться о тех или иных изменениях. Предварительно же выразил желание ещё раз проштудировать мою пьесу, с каковой целью сегодня я ему (три местоимения!) и отослал.

Ауспиции – благоприятные, но при всём том у меня далеко нет полной уверенности, что пьеса пойдёт. Мало ли какие препятствия могут ещё встретиться по дороге: неговорчивость автора, неговорчивость режиссёра, какие-нибудь возражения со стороны Управления по делам культуры и т.д., и т.д. Но давайте ещё подождём! М<ожет> б<ыть>, в след<ующем> письме я смогу Вам написать что-нибудь более определённое.

Здоровье моё неплохо, хотя некоторая старческая слабость и мешает иногда со всем пылом отдаваться работе. Кстати, и у меня, как у Вас, катаракта на одном глазу. Однако смотревший меня московский врач нашёл, что операции делать не нужно (катаракта будто бы ещё не совсем созрела) и прописал только жёлтенькие витаминные капли, которые надо ежедневно пускать в оба глаза. Я и успокоился. Жена, мучая меня, следит за выполнением предписания московского врача.

Недавно получил письмо от Агнии Александровны и отвечал ей в Томск.

Сердечно приветствую Вас и всех сотрудников музея!

Ваш душевно Вал.Булгаков.

Письмо К.А.Воронина от 18 марта 1962 г. не обнаружено.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 7 мая 1962 г.*

Дорогой Константин Александрович, хоть у Вас в Кузнецке и гудки, и газ, и бензин, а всё-таки весна! Это как о рождении весны говорится в начале «Воскресения»: пусть люди отгородились от природы, а всё-таки побеждает весна. И если бы ничего другого не было, то всё-таки тепло, зелень в садах и солнце – за вами. Итак, поздравляю сердечно и Вас с весной, а также П<олину> В<асильевну>, А<нну> Н<иколаевну> и всех сотрудниц музея! Надеюсь, что получили и закрытые мои письма. У меня – неприятности: не пошел в «Искусстве» очерк о скульпт<оре> С.Д.Меркурове, давно уже проверенный мною в корректуре. Редакция извиняется: сейчас неудобно его печатать (М<еркуров> лепил и высекал иногда не тех, кого нужно). Историческая ценность очерка не отвергается, но опубликование откладывается на неопредел<ённое> время.

В Туле, в издании Пединститута имени Л.Н.Толстого, вышел так наз<ываемый> «Толстовский сборник» – с учёными статьями. Открывается он моим подробным (много подробнее, чем в «Огоньке» в 1960 г.) очерком «Как я его помню» (п<отому> ч<то> очерк этот я прочёл, как доклад, на собрании в пединституте). К сожалению, книга вышла только в 1000 экз<емпляров> и даже в продажу не поступала. Но всё же я вышлю её в музей (помню, что очерк в «Огоньке» нравился Полине Васильевне).

Есть и другие, более обширные замыслы. Здоровье держится удовлетворительное и позволяет работу, хотя... жена часто гонит меня от письменного стола – на воздух.

С любовью вспоминаю о старом, провинциальном нашем Кузнецке, задушенном, всё же задавленном наступающей индустрией. Цветут ли ещё где-то огоньки и подснежники?

С искренним приветом.

Ваш Вал Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 1 июня 1962 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Простите, что я так долго Вам не писал. Ремонт музея и возобновление экспозиции у нас протянулись почти 2 м<еся>ца. Музей открыли 29 мая. Народу (посетителей) у нас в 1-й день было около 900 человек. Наш экскурсовод – Наталья Яковлевна в длительном отпуске, и нам приходится проводить экскурсии.

За период ремонта мы все устали, т<ак> к<ак> вся работа по переноске

экспонатов из комнаты в комнату лежала на нас. Пыль, краска, лак и невозможность даже посидеть приводили к тому, что к концу работы болели голова и ноги.

Теперь мы вошли в нормальную колею. В Кузнецке я был только (с осени <19>61 г.) один раз. Мы с Полиной Васильевной ходили в домик Достоевского – посмотреть, как идёт ремонт. Дело в том, что жителей из дома Достоевского выселили, и после ремонта там будет помещаться библиотека и экспозиция, посвящённая Достоевскому. Будут в этом домике проводиться беседы и лекции. Летом этого года ремонт должны закончить, а с осени библиотека будет работать.

16 мая Кемеровское радиовещание передавало Ваши воспоминания о Кузнецке. К сожалению, я не слышал, но наш сотрудник – Ода Николаевна – слышала: ей очень понравилось. Конечно, лучше, если б эти воспоминания напечатали, чтобы они всегда были под рукой. Интересно, что Вам ответили из Кемерово? Будут печатать или нет?

Фотографии, высланные Вами в музей, ещё не перефотографировали. Как только фотограф выполнит наш заказ, мы вам вышлем.

Погода у нас всё время стояла теплая, но последние дни шли дожди и даже был град.

Как только подсохнет, я пойду в Кузнецк, в Байдаевку (Фески) посмотреть, что ещё можно заснять из старинного для нашего музея.

Отрывок из «Бедность не порок» ставились 4 раза. Последний раз выступали в Клубе алюминщиков на вечере работников просвещения. На заключительном вечере в Доме учителя мне выдали от гороно и горкома учителей Почётную грамоту за активное участие в развитии худож<ожественной> самодеятельности в ДРП и подарок. Я играл Африкана Саввича Коршунова.

Хотя сейчас стало холодно, но зато быстро и цветы распускается. Кандык, медунки – отцвели. Цветут огоньки. В природе всё идёт своим чередом. Быстро пролетит и лето. В августе, думаю, поехать в Сочи, покататься в море.

Желаю Вам здоровья, успехов в работе и полного удовлетворения в своей деятельности.

Привет от всех сотрудников музея.

Ваш К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 14 июня 1962 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Получил Ваше письмо от 1 июня. Спасибо!

Хочется поздравить Вас и музей с обновлением его внешнего вида и с

открытием нового, летнего сезона! Всегда приятно читать, что музей ваш усиленно посещается новокузнецкой публикой. Веселее работать в учреждении, привлекающем столько внимания. Это не раз испытывал и я в яснополянском музее.

Рад я очень и за дом Достоевского, который, как это видно, превращается в настоящий дом-музей. Очень жалею, что не могу послать в дом Достоевского своей статьи «Ф.М.Достоевский в Кузнецке», напечатанной в XXIII иллюстрированном приложении к газете «Сибирская Жизнь» (Томск), № 221 от 10 октября 1904 г. Это была первая статья о пребывании Ф.М.Достоевского в нашем городе. У меня оригинала её тоже нет, но недавно один молодой человек из Ленинграда заказал для меня в Государственной публичной библиотеке имени М.Е.Салтыкова-Щедрина фотографическую копию этой статьи, которую я и получил, отпечатанную почему-то в виде негатива: чёрное – белым и белое – чёрным. Я уже крепко наклеил эту копию в книгу с газетными вырезками, так что и её не могу Вам послать.

Но я советую дому-музею Достоевского обратиться к дирекции Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде с просьбой изготовить за счёт музея для него фотокопию номера иллюстрированного приложения к «Сибирской жизни» с этой статьёй. Номер этот – библиографическая редкость, а в статье есть имена и подробности, которых я нигде больше не встречал.

Приятно, что был передан Кемеровским радио какой-то отрывок из моих воспоминаний, но в целом воспоминания не будут напечатаны: план издания на 1963 г. уже утверждён, нет бумаги и пр. Вот на что ссылается издание. Но, может быть, ему не понравилось то, что я сохраняю хорошие воспоминания о Кузнецке, о Томске? О начальной школе, о гимназии? Так или иначе, но рукопись я уже получил обратно.

Новая подробность по делу о продвижении пьесы, именно – запоздавшее письмо к моему знакомому москвичу и знатоку театра Ю.И.Малашеву от директора или бывшего директора МХАТа А.В.Солодовникова. Я подумал, что Вам с Вашим интересом к театру, может быть, любопытно будет пробежать это «философическое» письмо, и посылаю Вам его копию.

Сердечно поздравляю Вас с успехом на общественном и театральном поприще, с получением Почётной грамоты и с (верю – прекрасным) выполнением трудной роли в «Бедности не порок».

Погода у нас нехорошая, холодная.

Лечу растяжение связки в колене правой ноги.

Сердечно приветствую Вас, Полину Васильевну и всех сотрудников музея!

Ваш Вал. Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 5 июля 1962 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Простите, что я долго Вам не отвечал. Но у нас в музее Полина Васильевна ушла в отпуск. Все научные сотрудники занялись собирательской работой и в музее не бывают – ходят по заводам. Экскурсовод у нас в декретном отпуске, так что в музее из научных сотрудников остался я один, и директора замещает зав. фондами – Лидия Николаевна.

Я уже несколько раз принимался Вам ответить, но приходит экскурсия, и меня отрывают. А вечерами я не занимаюсь, т.к. у меня глаза быстро утомляются.

Очень Вам благодарен, Валентин Фёдорович, за сообщение, что мы можем достать фотокопию Вашей статьи о Достоевском, напечатанной в XXIII иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» № 221 от 10 октября 1904 г. Постараемся достать из Ленинграда фотокопии.

С большим интересом ознакомился с отзывом А.В.Солодовникова о Вашей пьесе «Астапово». В этом отзыве, прежде всего, виден режиссёр-администратор, который хорошо знаком с директивами и, прежде всего, боится «как бы чего не вышло». Резковато будет сказать, что мне это напоминает известную фразу из «Горе от ума»: «О, боже, что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!» Конечно, Солодовников опасается не княгини – теперь их нет, он опасается авторитетных людей, но всё-таки опасается и оглядывается. Вдруг он одобрит безоговорочно и попадёт впросак. А если он разойдётся с общепринятым авторитетом, то подорвёт и свой авторитет.

Вот это-то обстоятельство и привело к тому, что наши театры потеряли своё индивидуальное лицо. Теперь парикмахеры не стригут «под бобрик», но в наше время – стригли, и Вы знаете как, иногда ровно ставили этот «бобрик». Вот так получилось у нас и с театрами. Все прилично, ровно оказались подстриженными «под бобрик».

Верно, последние годы я оторвался от театра, но до работы в музее следил за появлением новых пьес и новых постановок и видел, как скуден репертуар театров.

Московский малый театр (театр Островского), Московский художественный театр (театр Чехова А.П.), театр передвижников и др. – все они имели своё особое лицо, и Вы бы не спутали Малый театр с Художественным и т.д.

В каждом театре и режиссура, и репертуар, и манера игры артистов были специфичны, и каждый в своей области создавал шедевры постановок. Ну, а теперь?

Я уже сказал выше – все прилично подстрижены «под бобрик», но, ког-

да смотришь постановки, то скучно и тоскливо.

Отсутствие широты и глубины взгляда, оглядывание – «как бы чего не вышло», боязнь выйти из канонизированных рамок привели к тому, что определённого лица у театров я не увидел. Я приведу пример. Года 3-4 назад я был в Москве. Сначала я попал в театр Советской армии, где ставилась пьеса «Дипломаты» (автора не помню). Пьеса обстановка: есть сцена – бал у дипломатического представителя. Много труда потратили режиссёры, артисты, декораторы, но смотреть нечего. Проще было прочитать газетную заметку о шпионах, фашистах и т.п. Публика дремала, и многие ушли, не досмотрев пьесу. Эта пьеса давно снята с репертуара.

В Малом театре я посмотрел пьесу «Московский характер». Это была одна из лучших в то время современных пьес, и шла она как в центре, так и на периферии. Однако не смотря на участие лучших сил Московского академического малого театра на меня эта постановка не произвела хорошего впечатления. Так же она могла пройти и в театре Советской армии.

Все соответствовало хорошо отредактированной газетной заметке, только ни интересной завязки, ни хода действия и развязки, таких, чтоб целесообразно было тратить 3 часа в театре – я не нашёл. (Эта пьеса теперь уже тоже снята с постановки).

В Художественном театре мне повезло. Я видел пьесу Островского «Последняя жертва». Хотя эта пьеса была старая, да и постановка старая, но я удовольствием её посмотрел.

Я даже нашёл, что если бы не костюмы времён Островского, то это самая современная пьеса. Такие типы, как главный герой пьесы – теперь очень распространены, и такие женщины, которые верят прощельгам, что они его спасают, что они несут последнюю жертву и спасут любимого – теперь тоже есть. Типов времён Островского у нас ещё очень много. Не знаю, как с Вашей точки зрения, но я постоянно наталкиваюсь на таких типов. Приведу пример. Года 3 тому назад я прочитал в газете «Правда» статью одного профессора. Шла защита диссертаций. Один молодой человек написал неважную работу. Члены комиссии стали указывать на отрицательные стороны работы молодого учёного. Тогда встаёт академик Лысенко и даёт отповедь критикам диссертации и самым главным аргументом в защиту обсуждаемой работы он выставляет довод: «Я сам его консультировал. Он под моим руководством писал эту работу, а потому она заслуживает одобрения». Я не ручаюсь за точность приведённых мною слов Лысенко, но смысл всего я передаю правильно.

Ну, разве эти аргументы Лысенко не напоминают слов Тита Титыча Брускова «Я сам всё знаю» и т.п. или слова Арины из «Бедность не порок» – «Сам приехал» (все встают). Раз сказал «Сам», значит, так и должно быть. Хотя «Сам» может сказать глупость.

И вот я сразу увидел настоящее лицо Лысенко. Я знаю, что он сделал

много ценного в области яровизации сельскохозяйственных культур, но по сути своего человеческого достоинства он переживает период Островского, т. е. не попал ещё на грань XX столетия. Ни звание академика, ни даже пост препод-вателя> академии не реабилитируют его.

Я внимательно посмотрел на его портрет, когда нынче он был помещен в газете. И когда я взгляделся, то вижу, что и его лицо соответствует его внутреннему содержанию. Жёсткое, самодовольное выражение, я бы сказал, лицо Подхалюзина¹, сделавшегося миллиардером, а главное, жестокость.

Конечно, если бы наши драматурги могли в своих пьесах отразить вот эту черту, характерную для самодуров Островского, но развивающуюся уже в середине XX столетия в период строительства социализма, то это бы оживило современные пьесы, но пока я ещё не видел таких пьес.

Что касается «революционного понимания возможностей выхода из тупика» для Л.Н.Толстого как прототипа героя трагедии, то Вы совершенно правы, что такая пьеса ничего общего не имеет с «Астапово», а это новая пьеса. А потом, ведь, революционное разрешение не исчерпывает всю глубину вопроса. Революция – это 1-й этап, 1-я ступень, дающая возможность приступить к разрешению вопроса, но данный вопрос она ещё не решает. Но... я и так утомил Вас этими соображениями. Прощу простить.

Ещё Михаил Александрович Слободский, преподаватель литературы, приучил нас смотреть в «корень вещей», и, хотя мы не философы, но умеем, как нам кажется, рассмотреть и в старых мехах драгоценную каплю янтарного вина и в прекрасно отделанной из драгоценных материалов шкатулке – плесень. Внешность и футляр ещё мало говорят о внутреннем содержании.

В каждом из нас есть и Хлестаков, и Обломов, и самодур, но в разной степени. В наших новых условиях Обломовым уже быть трудно, но для хлестаковщины и самодурства – широкое поле. Тут и революция оказалась бессильной. Нужен ещё большой период, когда мы это изживём.

На этом кончаю.

Привет Вам от всех сотрудников музея.

Я недавно был в Кузнецке. Старые дома около Народного дома снесли. Жизнь под горой на ул. Картавской, Зелёной и др. напоминает прошлое. Но у Трофимовых уже все электрич<еские> приборы: и грелка, и прибор для массажа. Электрификация входит в быт.

Привет от кузнецан. Желаю здоровья и творческих успехов².

Ваш К.Воронин.

1) Подхалюзин – центральный персонаж комедии А.Н.Островского «Свои люди – сочтёмся».

2) Рукой Вал.Булгакова на полях надпись: «Умница!»

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 31 июля 1962 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Простите, что так долго не могли снять копии с присланных Вами фотографий. Письмо я Вам уже послал, а фотографии высылаю только сегодня. Пользуясь Вашим любезным сообщением, что мы можем Вам выслать копии, мы для музея оставили подлинники, но один подлинник высылаем Вам («Чествование Вас в г. Туле в Педагогическом институте им. Л.Н.Толстого»), так как копия получилась несколько расплывчатой.

В настоящее время в музее многие в отпуске. Полина Васильевна будет отдыхать до 1-ого сентября.

Я получаю отпуск с 4-го августа и собираюсь поехать в Крым. Билеты по жел<езной> дороге уже достал. От нас ходит поезд «Новокузнецк-Симферополь». Еду я с женой «диким способом», т.е. без путёвок, и как там мы устроимся – неизвестно, но, думаю, что где-нибудь приземлимся.

От Симферополя поедем на автобусе через Алушту в сторону Алупки. Если будет возможно, то остановимся в Мисхоре.

В отпуске я буду до 10 сентября. Если будете писать мне во время моего отпуска, то лучше пишите на домашний адрес: Новокузнецк, Кемер<овская> обл<ась>, ул. Кирова, д. № 5, подъезд 4-й, комната 21. Мне. Когда устроюсь в кв<артирой> в Крыму, то Вам напишу.

Погода у нас нынче в Новокузнецке стоит жаркая, и только последние дни были дожди, а в Москве, да и у Вас, наверное, нынче низкая температура.

Посылаю Вам один огонёк, который напомнит Вам наш Кузнецк, и Вы увидите, что цветы у нас есть, хотя воздух загазирован основательно.

В воскресенье проходил по ул. Луначарского в Старом Кузнецке. Ваш бывший дом стоит всё так же, как и Вы его видели во время приезда в Кузнецк, но у соседнего дома садика нет, забора нет, и он очень дряхлый.

На горе за рвом крепости идёт гидросмыв, выравнивается площадка вдоль правого берега р. Томи, по полотну идут жел<езно>дор<ожные> поезда – так что ландшафт Кузнецка резко меняется.

Желаю Вам и всей Вашей семье доброго здоровья и счастья.

К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 29 сентября 1962 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Давно уже я получил два Ваши письма, но, занятый срочной литер<атурной> работой (подготовкой рукописи книги «О Толстом. Воспоминания и рассказы» для Тульского изд<ательст>ва и переделкой пьесы), всё не мог собраться ответить. К тому же поджидал Вашего возвращения домой из Ваших путешествий. Первое Ваше письмо – статью о театре прочёл с особым интересом и совершенно согласен со всеми Вашими суждениями. Конечно, воздух свободы нужен и беллетристу, и театру, иначе они родят заморышей.

Спасибо за прекрасные копии моих фотографий. Ваш фотограф чудесно работает, и я даже имею дерзость надеяться, ч<то> когда-нибудь я получу от Вас фотографию (хоть маленькую), показывающую, как портрет худ. Антипова висит в вашем музее. С удовольствием бы оплатил все расходы, но, боюсь, что Вы мне этого не позволите. Спасибо и за цветочек-огонёк, кот<орый> я (обладая целым «букетом» огоньков) послал в Москву, брату Вениамину, очень ему порадовавшемуся и вспомнившему даже о своём, нашем детстве. Вы – чуткий человек и знаете, чем можно порадовать старого патриота-кузнечанина.

Все упоминания о Старом Кузнецке в Вашем письме читал с нежным чувством. И гидросмыв на горе за крепостью, и сноска старого дома у Народного дома, и ассортимент «модерных» домашних приборов у Трофимовых, и судьба нашего дома, и погода – всё меня интересует, всё хоть на какие-то дюймы приближает меня к родному и уже навеки потерянному городу. Душа наполовину живёт именно в нём, а не только в Тульской области.

Вы не написали только о том, как сошло Ваше путешествие. Где Вы жили в Крыму? В Мисхоре? (Я хорошо помню его – ещё по 1922 году). Что видели ещё интересного? Я всё лето просидел в Ясной Поляне. Из окна моей комнаты в нашей новой квартире открывается чудесный широкий вид на ясно-полянские леса, поля и огороды – и это с успехом заменяет мне любой курорт.

Часто посещают меня посетители дома Льва Николаевича – русские и иностранцы: чехи, индийцы, китаец (секретарь Кит<айского> Союза писателей Чэнь-Бай-чэнь). Художники, литераторы...

Сейчас как раз решается в Туле судьба и моей книги, и моей пьесы, поэтому о них и о своих занятиях напишу Вам немного попозже, – скажем, в ответ на Ваше следующее письмо.

Здоровье в общем в порядке. Доживаю 76-й год, а чувствую себя душевно, по крайней мере, приблизительно так же, как в 40. Хвала Создателю!

Всякой весточке от Вас буду рад. Прошу передать мой сердечный привет и поздравление к наступающему 45-летию Великого Октября Полине Васильевне и всем сотрудникам и сотрудницам музея, короче, всему вашему симпатичному, культурному и просвещенному музею! Кланяйтесь также уважаемой Агнии Константиновне в Томск. Жму Вашу руку.

Будьте здоровы и счастливы!

Ваш Вал.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Крым, 2 октября 1962 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Уже неделя, как я опять приступил к работе в музее. Я Вам писал, что отпуск буду проводить в Крыму – в Мисхоре. Жел<езная> дорога в Крым от нас идёт теперь за Уралом через Куйбышев, Саратов, Волгоград, через Таманский полуостров к Керченскому проливу. Дальше поезд заходит на паром, и весь состав перевозится через пролив в Крым. Таким образом, мы без пересадки ехали от Новокузнецка до Симферополя. В одном купе с нами попутчики тоже ехали в Мисхор. В Симферополе вокзал забит отдыхающими. Нам удалось поужинать в ресторане, а затем мы расположились ночевать за стоянкой машин у вокзала. На землю расстелили старые газеты и улеглись. Я всю ночь не спал, а спутники подремали до 5 час. утра. Утром на троллейбусе поехали в Ялту. В Ялте сели на моторку и часов в 10 утра мы были в Мисхоре.

Мисхор расположен ступеньками к подножью г. Ай-Петри. Мы стали искать квартиру, обходили все домики по склонам горы, но квартир нет. Наши спутники расстроенные вечером уехали в Ялту, а я ещё 2-й раз отправился искать пристанище.

Мучала жажда. В Мисхоре нет питьевой воды. На водоёмах надпись: «Воду пить нельзя». В ларьках и магазинах нет фруктовой воды. Наконец я достал бутылку тёплой минеральной воды и напился. Это дало мне возможность подняться на верхнее «Севастопольское шоссе» и там я нашёл на террасе одной квартиры свободные койки. Наше местожительство оказалось высоким. По шоссе до берега моря – 1,5 км, но по горным тропинкам я спускался к морю за 18 мин. В Мисхоре – прекрасный парк. Утром мы спускались вниз и целый день проводили у моря и в парке. Я загорал, купался, а домой возвращались вечером. Так мы прожили в Мисхоре 26 дней. На катере ездил в Алупку и Ялту. Алупка более благоустроена, чем Мисхор. Замечателен дворец кн<язя> Воронцова, построенный в стиле средневековья и восточной экзотики. В этом дворце теперь музей и картинная галерея. Ялта плоха тем, что там негде купаться. На пляже огромными буквами написано: «Купаться нельзя – сточные воды». Отдыхающие в Ялте уезжают купаться на «Золотой пляж». В Мисхоре я жил растительной жизнью: утром занимался гимнастикой, спускался к морю, лежал на солнце, купался, отдыхал под соснами на берегу моря. Читал только газету. Подниматься вечером в гору было трудно, но всё это я проделывал ежедневно. Никому не писал, так как после приезда в Новокузнецк мне опять не повезло. Был северный холодный ветер, а я рассчитывал на закалённость своего организма, ходил без головного убора и получил грипп. Верно, грипп я перенёс на ногах и даже прочитал несколько лекций помимо своей ежедневной работы, однако грипп затянулся. Только сегодня (2 октября) я вошёл в нормальную колею. Вот почему и это письмо (начатое 23

сент<ября>) мне не удалось своевременно закончить. Мне интересно: получили Вы, Валентин Фёдорович, копии снимков с ваших фотокарточек, которые я выслал Вам перед отъездом в отпуск? Погода у нас в г. Новокузнецке сырая и холодная. 1-ого окт<ября> выпал снег, но растаял. В Кузнецке я не был ещё, т.к. по приезде всё время прихварывал. Как ни крепись, а годы своё берут. Приходится быть осторожным. А то всё ещё иногда мы думаем, что закончили среднюю школу и получили аттестат зрелости – всё нипочём. Однако приходится натягивать шапку и тёплое пальто. Так я сегодня и сделал: надел шапку, пальто и побаиваюсь, как бы не было последствий гриппа. Как у Вас здоровье? Творческие успехи? В музее у нас заканчивается период отпусков. В конце октября вернётся и зав<едующая> отделом природы Ода Николаевна¹. Желаю Вам и Вашей супруге доброго здоровья. Пишите. Если позволит здоровье, то думаю нынче поставить «Скупого рыцаря» А.С.Пушкина.

Всего доброго. Привет от Полины Васильевны и сотрудников музея.
2.10.1962

К.Воронин.

1) Ода Николаевна Жукова (в замужестве – Баронская) (род. 1934), из семьи кадрового военного. Закончила естественно-географический факультет Сталинского педагогического института. С августа 1959 г. – научный сотрудник Сталинского (Новокузнецкого) краеведческого музея, заведующая отделом природы. Впоследствии продолжила музейную деятельность в Кемеровском областном краеведческом музее. В 1984 г. первой среди музейных работников Кузбасса удостоилась почётного звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 8 октября 1962 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Вчера получил Ваше послекрымское письмо (от 2 окт<ября>) – оно, конечно, разминулось с моим большим письмом, посланном с неделю тому назад. В нем я, м<жду> пр<очим>, извещал Вас – с признательностью – о получении прекрасных копий моих фотографий.

С интересом прочёл о Вашей поездке на Юг. Однако и пришлось же Вам помучиться – и от недостатков маршрута, и из-за бытовых сюрпризов: «воду пить нельзя», «купаться (в Ялте!) нельзя – сточные воды» и т.д., и т.д. За красавицу Ялту, первейший курорт, особенно обидно: наши головотяпы ухи-

.....

трились даже море залить сточными водами и лишить отдыхающих главной радости – купанья!.. И неужели нет на них никакой управы?..

Благодаря присутствию духа и самодисциплине Вы всё-таки загорели, поправились. Радуюсь за Вас. Но берегите здоровье и без шапки в холодную погоду... чуть, было, не сказал «не форсите!» Но к Вам это не подходит. Скажу лучше просто: не выходите. Для нашего брата, 70-летних, конечно, другие законы, чем для пижонов в 15-20 лет. Вот так-то!

В самом деле, дорогой К<онстантин> А<лександрович>, берегите себя – и ради дела, и ради тех, кто Вас любит.

У меня пока по сравнению с тем, что писал в прошлом письме, никаких новостей нет. Поэтому кончаю письмо.

Сердечно приветствую Вас и весь прекрасный коллектив Вашего замечательного музея! Привет кузнецким горам, крепости и моей бедной, тоже страдающей от «сточных вод», но по-прежнему широкой и быстрой красавице Томи!

Ваши земляк Вал.Булгаков.

P.S. Будьте добры передать Полине Васильевне прилагаемую карточку.

*Из письма Валентина Ф.Булгакова – Агнии Александровне Ворониной-Храповой, сестре К.А.Воронина
Ясная Поляна, 9 ноября 1962 г.*

< ... >

Время от времени я переписываюсь с Вашим умницей-братцем Константином Александровичем, и эта переписка, полная вестей из Кузнецка, доставляет мне большое удовольствие. Жаль, если К<онстантин> А<лександрович>, как он мне сообщал, скоро выйдет на пенсию и покинет Краеведческий музей. Он – его душа.

...Гляжу в окно – и опять вспоминаю Сибирь: всё – бело! (сегодня – впервые).

Ещё раз искренно приветствую Вас и повторяю все лучшие пожелания!

Ваши Вал.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 13 ноября 1962 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Простите, что давно не писал.

Журнал «Искусство» № 8 с Вашей статьёй «Из встреч с М.В.Нестеро-

.....

.....

вым», Толстовский сборник со статьёй «Каким я его помню» и 4 фотографии мы получили.

Жизнь в музее идёт по-прежнему. Я нынче себя перегрузил. Помимо работы в музее и лекций согласился принять участие в постановке пьесы Симоннова «История одной любви». Роль старика-полярника большая, и репетиции затягиваются до 3-х часов.

Здоровье моё сносное, кроме глаз. Газеты читаю через лупу, и глаза быстро утомляются. С большим удовольствием прочитал Ваши воспоминания о Толстом Л.Н. и Нестерове М.В. В молодости мы не любили читать последний том произведений какого-нибудь писателя, т<ак> к<ак> там обычно помещались письма, заметки и т.д. Теперь воспоминания, письма читаешь с большим вниманием, т<ак> к<ак> это сама жизнь, а воспоминания о 1900-х – 1917-х годах для нас в особенности интересны, так как они связаны с целым рядом событий нашей гимназической и студенческой жизни, т.е. с нашей молодостью.

Все работники музея теперь съехались и на своих местах, а то – кто был в отпуске, кто – в командировке. Полина Васильевна хлопочет о расширении помещения музея. Рядом с нами находится помещение Дома учителя. Для учителей площадь мала, а если же добавить нам, то мы можем расширить площадь экспозиции.

Погода у нас к празднику установилась зимняя. Идешь по улице – всё бело, луна и мороз градусов на – 25. Очень напоминает декабрьскую погоду. В Кузнецке я ещё не был в подгорной части. С фотографом договорился о том, чтобы он заснял уголок экспозиции, посвящённый Вам вместе с портретом Антипова. Больше новостей нет. Желаю Вам здоровья, бодрости и успехов во всех начинаниях.

Ваши К.Воронин.

Ваши письма (о встречах) получил. Спасибо. *К.В.*

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 20 ноября 1962 г.*

Дорогой Константин Александрович, сегодня получил Ваше письмо и сразу отвечаю, п<отому> ч<то> тороплюсь передать маленькую просьбу: если будете посылать мне снимок посвящённой яснополянцу экспозиции, то пришлите, пожалуйста, лишний (2-й) экз<емпляр>: для художника П.С.Антипова, которому, конечно, будет интересно и приятно посмотреть, как его работа завешена в музее. Заранее от него и от себя Вас и музей благодарю.

Ужаснулся я Вашим морозам: 25°! А у нас сейчас сыро, и все тротуары мокрые, выпавший снег весь стоял.

.....

Желаю Вам успеха в «Истории (только в истории) одной любви».

Хвалю за неухающую энергию. Шлю сердеч<ный> привет! *Ваш В.Б.*

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 2 января 1963 г.*

С Новым Годом, дорогой Константин Александрович! Из холодной Ясной Поляны шлю Вам в морозную Сибирь самые тёплые пожелания! И прежде всего – хорошо сыграть Вашу большую роль (о которой мне пишет даже Агния Александровна) в предстоящем спектакле!

В самом деле, очень я восхищаюсь Вашей неухающей приверженностью к театру, тем более, что и сам... неблагополучен (хотя уже и не в качестве актёра) по этой части. Кстати сказать, свой «величайший актёрский триумф» я пережил тоже в дорогом Кузнецке в сохранившемся до сих пор каменном здании (бывшем Шукшиных) бывшего Общественного собрания на Базарной площади: будучи 16-летним мальчиком, в 1902 году я исполнил здесь ни более и ни менее, как роль Жадова в «Доходном месте». «Весь Кузнецк» был в полном восхищении... Томский «Митя»¹ никак не идёт в сравнение с этим спектаклем. В «Мите» я и сам собою был не совсем доволен. Комично, между прочим, что, желая придать изящный вид кисти руки, я всё судорожно кривил пальцы. Это было замечено в публике и, конечно, особой славы мне не принесло. В «Жадове» я ещё не был таким модником...

Получил я фотографии уголка музея с антиповским портретом. Горячо благодарю Вас и музей за Вашу любезность. Два экземпляра из четырёх обязательно пошло художнику в Крым.

Я уже забыл работу П.С.Антипова, а теперь, посмотревши на фото, подумал, что я мог бы сказать о портрете то же, что А.П.Чехов сказал когда-то о его портрете работы художника Браз²: «есть в нём что-то не моё и не хватает чего-то моего». Впрочем, «натуре», как её ни изобразили, лучше помалкивать. Со стороны никогда на себя не взглянешь.

О своих делах не пишу. Всё пока в состоянии производства, но – не окончания и не завершения. Пьеса? Смешно! Режиссёр манит и договором, и гонораром, и началом работ по постановке, а сам всё требует новых изменений и дополнений. Что мог и считал полезным, я сделал. А теперь поставил точку. Проглотит режиссёр или, раскланявшись, ретируется совсем – не знаю. И даже не интересуюсь! Так он мне надоел. Во всяком случае, жду от него окончательного ответа, о котором со временем Вам сообщу.

Здоровье – неплохо, но в удобной и просторной квартире оч<ень> холодно. «Спасаемся» с женой в тёплой, отогреваемой газом кухне.

Всего, всего хорошего!

Сердечно Ваш Вал.Булгаков.

Искренний привет всем, всем в музее!

1) Митя является одним из центральных персонажей пьесы «Бедность не порок» Островского.

2) Осип (Иосиф) Эммануилович Браз (1873–1936) – художник, ученик И.Е.Репина. В 1897 г. П.М.Третьяков заказал ему портрет А.П.Чехова. Художник писал портрет 2 раза: в Мелихове в 1897 году и в Ницце в 1898 году. Первый портрет не понравился ни Чехову, ни художнику. Будучи в Мелихове, Браз с удовольствием писал окрестности, чеховскую усадьбу. Второй портрет, написанный в Ницце, находится сейчас в Третьяковской галерее.

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, 13 февраля 1963 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Податель этого письма Влад<имир> Иос<ифович> Чимлер любезно согласился передать Вам две мои книжки о защищённых в А<кадемии> п<едагогических> н<аук> диссертациях с 1944 по 1961 г. включ<ительно> – для Краеведческого музея и для Центральной библиотеки г. Новокузнецка.

Так как с 10-го марта я ухожу на пенсию, в связи с чем буду располагать своим временем более свободно, прошу не стесняться затруднять меня своими просьбами по Вашим московским заданиям.

Словом – «готовый» к услугам – Вен.Булгаков.

P. S. Желаю Вам доброго здоровья и душевной доброты!

Всего-всего счастливого!

В.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 3 марта 1963 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Сейчас написал письмо Вашему брату Вениамину Фёдоровичу. Он прислал нам в музей свой труд – каталог диссертаций, защищённых в институтах Академии педагогических наук РСФСР за 1944 – 1961 гг.

Оказывается, с 10 марта он уходит на пенсию. Года идут. Время летит. Я всё также работаю в музее, читаю лекции. На днях из области прислали мне благодарственную грамоту за лекционную работу. Спектакль до сих пор не по-

ставили. Репетиции идут не в полном составе, и это тормозит. Черновую работу закончили, и теперь будут «прогоны» всей пьесы. Если не поставим к 15 марта, то будет скандал, так как 18 марта я должен уехать в командировку в г. Минск (Белоруссия), где будет сессия Академии наук по археологическим вопросам и куда посылает меня музей. Сессия будет с 25 марта по 3 апреля. Вернусь числа 12 апреля, а без меня спектакль не может пойти, т.к. дублёра нет. Хотелось бы, чтоб работа была закончена и увидела свет. Перерыв в 3 недели может расхолодить участвующих, и всё сорвётся. Мы работаем с осени <19>62 г., но отрывками, работа затянулась.

Погода у нас тёплая. Даже в декабре были оттепели, а сейчас мокро.

Строительство продолжается. Закончили новый вокзал. Обещают 1-го Мая открыть новый драмтеатр. Против Христорожественска (теперь – Островская площадка) через р. Томь – новый широкий мост для машин и пешеходов. Город растянулся от Антоновской площадки (напротив с. Ильинского) до Фесков (теперь Байдаевки). Жителей – 460 тысяч человек и скоро будет ½ миллиона.

Старый Кузнецк новое строительство поджимает. Новые дома дошли до больницы (старой). Площадь, ул. Достоевского, Зелёная, Картасская, Одесская (под горой) и ул. Луначарского (где Ваш дом) до горы стоят, как и раньше. К востоку от крепости гора застроена индивидуальными домиками.

Воздух загрязнён, т<ак> к<ак> очистные сооружения строятся плохо. Обещают улучшить как воздух, так и воду, но пока чистоты воздуха нет.

Заходили на днях Трофимовы. Они здоровы. Живут всё также. Просил у них бронзовый подсвечник, но им жалко расстаться со стариной. Хотя пользуются они всеми электрическими приборами, но и с подсвечником расстаться не хочется. Щипцы для снятия нагара свечи я достал, а вот подсвечника нет. Мне хотелось показать в экспозиции, каково было раньше освещение у кузнечан.

Будьте здоровы. Как сейчас у Вас дела с отоплением? Скоро уже и солнышко будет нагревать. Привет от всех сотрудников музея. Сейчас все ушли на избирательный участок.

Желаю бодрости духа, успехов во всех начинаниях.

Привет Вашей семье.

Ваши К.Воронин.

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, 5 апреля 1963 г.*

Дорогой Константин Александрович, хочу сообщить Вам, что письмо Ваше от 23 марта получил и понял, что Дмитровский проспект мы называем здесь Дмитровское шоссе, ибо оно идет – это шоссе – на г. Дмитров.

Морозы февральские, мартовские и апрельские продолжают по сей день – 5-е апреля, а снегу в Москве – горы! Жду Вас к себе 26-го, 27-го, 28-го и т.д. апреля на Ленинском проспекте д. 18, кв. 11 (7-й этаж).

Спасибо за письмецо! Будьте здоровы! Привет сотрудникам музея!

С приветом Вен.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Москва, 27 апреля 1963 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Поздравляю Вас с праздником 1-го Мая. Желаю здоровья, успехов в работе и полного благополучия. Был в городе Минске (БССР) на сессии Академии наук. Возвращаюсь домой и задержался в Москве. Зайду к Вениамину Фёдоровичу. 30 апреля еду домой.

Праздник буду в дороге. Желаю Вам за лето хорошо отдохнуть и укрепить здоровье на многие годы. Всего доброго.

Привет Вашей супруге.

К.Воронин

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Поезд № 90 «Москва-Новокузнецк», 30 апреля 1963 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Сейчас выехал из Москвы. Вчера был у Вениамина Фёдоровича. Еду из Минска, где была сессия Академии наук, и в Москве был проездом.

Поздравляю Вас и Вашу супругу с праздником 1-го Мая. Уже цветут фиалки и сирень. Желаю Вам здоровья и полного благополучия.

К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 12 мая 1963 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Сердечно благодарю Вас за обе поздравительные с 1-м Мая открытки – из Москвы и из поезда № 90 Москва – Новокузнецк!

Поздравляю и с светлым праздником Весны, и с прибытием в наш родной город!

Вена писал, что читал Вам моё письмо к нему – о Вас, так что мне не нужно повторять, какое удовольствие доставляют мне все Ваши письма и как вообще я ценю нашу близкую и искреннюю дружбу на далёком расстоянии более 3000 километров.

Ваша подвижность и способность к далёким поездкам удивляют и восхищают меня и даже вызывают некоторую зависть: ведь всего-то Вы года на 2 – 3 младше меня, а между тем бодрости и сил сохранили, кажется, значительно больше. Для меня такие поездки: Новокузнецк-Минск-Москва-Новокузнецк стали уже невозможны¹. А Вы одолеваете их, по-видимому, легко!

Пойдёт ли теперь снова Ваш спектакль? «Пойдёт ли», т.е. удастся ли Вам возобновить усилия по его подготовке?

В истории пресловутой моей драмы разорвалась бомба: пал главный режиссёр Тульского Драматического Театра т. Шейн! Пал, т.е. совсем уволён. Занятно, что в последнем письме он высказал сожаление, что наша «совместная работа» по подготовке спектакля не закончилась, и выразил желание, чтобы с новым режиссером (т. Лоховским из Тамбова) драма моя всё-таки пошла в Туле.

Запоздалые сожаления и пожелания человека, который сам затянул без меры окончательное решение о проведении в здешнем театре моей пьесы!..

Из-за отсутствия бумаги откладывается с 1-го на 4-й квартал года выход моей книги «О Толстом» в Туле.

Из редакции «Искусства» сообщают, что в № 4 (апрель) пойдёт мой очерк о скульпторе Меркурове, но, «по сложившимся обстоятельствам» (?), редакция отказывается от дальнейшего печатания других очерков. Что это за «сложившиеся обстоятельства», остаётся для меня неразгаданной загадкой. Будь я в Москве, может быть, и узнал бы, в чём дело, а в письме, должно быть, не напишут.

Автор должен приучаться к послушанию, смирению и терпению!.. Нелегко!..

Старайтесь дольше не выходить в отставку. Сердечно кланяйтесь директору и всем, ещё помнящим меня, сотрудницам и сотрудникам музея!

Обнимаю. Ваш Вал.Булгаков.

1) В оригинале в письме рукой Вал.Булгакова нарисована небольшая условная карта путешествия К.А.Воронина.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 1 июля 1963 г.*

Дорогой Константин Александрович, в час по столовой ложке выходят в свет мои писания. Сейчас в № 4 (апрельском!) жур<нала> «Искусство» вышел мой очерк «Большой скульптор» – о С.Д.Меркурове. Хочу оповестить музей и Вас, что на днях я вышло для музея зак<азной> бандеролью этот номер.

Как живёте? Как здоровье? Я почему-то чувствую себя хорошо, помолодевшим лет на 5. Только что ездил даже в один детский лагерь и выступал с рассказом о Л<ьве> Н<иколаевиче> перед 300 ребятами.

Приветствую Кузнецк, музей (т.е. дирекцию и сотрудников) и Вас.

Ваш В.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 3 июля 1963 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Давно я Вам не мог собраться написать. Дело в том, что после поездки в Минск, когда я вернулся в Новокузнецк, у нас в музее началась собирательская работа, и все сотрудники вместе с директором пошли по заводам и новостройкам, а в музее остался я один. Помимо этого сейчас начались отпуска, и некоторые сотрудники уходят в отпуск. После работы ещё трясут мои старые кости, и мне приходится ездить с художественной самодеятельностью Дома учителя. Ездили в Абашево, в Байдаевку (Фески) и выступали в городе.

У нас нынче проводился 1-й всекузбасский музыкальный фестиваль. Дом учителя получил 1-ую премию и звание лауреата кузбасского фестиваля.

Спектакль, который готовили целую зиму, так у нас и не состоялся. Режиссёр (артист гортеатра) был занят, и теперь, если постановку мы возобновим, то поставим зимой.

На днях ходил по бывшему Кузнецку и обошёл как Нагорную, так и Подгорную части. На ул. Луначарского Ваш дом стоит, как и прежде, но соседний дом (в сторону собора) совсем дряхлый – крыльца нет, террасы – нет, садика – нет. Я в этом доме жил в 1918 г., но от него почти ничего не осталось – это дряхлый обрубок. Дома около старой больницы снесены, и строятся вместо них каменные корпуса.

На площади бывшие магазины ещё стоят, и эта часть города ещё сохранила старый облик. Под горой – ул. Достоевского, Зелёная (теперь – Полосухина), Картасская – не изменились: там строительство новых домов не производится. Домик Достоевского отремонтирован, но ещё просушивается, и экспозиции там нет.

Теперь вплотную подошло строительство новых домов к центру старого Кузнецка, так что о былом скоро будет говорить только экспозиция нашего музея. Сейчас в нашем городе уже 460 тысяч жителей, а когда закончится строительство Зап<адно>-Сиб<ирского> з<аво>да, то у нас будет больше полмиллиона человек.

Город Новокузнецк благоустраивается. Есть новый вокзал, в день строителя (в августе) должны открыть новый театр, улицы озеленяются. Однако всё ещё плохо с очистными сооружениями. Воздух и вода загрязняются. В городе недостаток кислорода, загазованность и копоть-пыль. Дышать трудно. Когда ветер с завода, то невозможно дышать. У меня отпуск будет в сентябре, и я постараюсь уехать на юг, чтоб подышать свежим воздухом.

Наша молодёжь (научные сотрудники) часто хворают, а одна – Ода Николаевна – очень просила меня написать Вам её большую просьбу. Дело в том, что здоровье её пошатнулось, и она очень бы хотела перебраться в центральную часть. Нет ли возможности получить работу в Туле или около Тулы? Она закончила пединститут в 1958 г., работала преподавательницей биологии и географии в школе и вот уже 4-й год работает в нашем музее научным сотрудником (заведует отделом природы). Музеев не так много, и устроиться музейным работником нелегко, но она может быть учительницей и первое время даже не претендует на готовую квартиру. Ей крайне необходимо изменить климатические условия и устроится там, где почище воздух.

Если Вы сможете узнать, не требуется ли работник на культурном фронте в пределах Вашего окружения до г. Тулы (учителя биологии и географии; музейного работника), то сообщите нам на имя моё или Оды Николаевны Жуковой. Она одинока, а потому ей легче устроиться на новом месте, чем семейной.

Полина Васильевна уходит в отпуск. Мне намечается командировка в г. Бийск. Бийск для нас имеет большое значение, так как раньше наши города были связаны. Да и Ваш папа – Фёдор Алексеевич Булгаков – был смотрителем училищ Кузнецкого и Бийского уездов. На днях мне говорили, что ограда на кузнецком кладбище построена на средства, пожертвованные бийской богачкой (миллионершей) Морозовой. Некоторые кузнечане говорят, что Морозова пожертвовала деньги и на строительство кузнецкого Народного дома.

У Морозовых в Бийске своих детей не было, и они много жертвовали, в особенности на церкви. В частности, она пожертвовала 10 тыс. томской гимназии на церковь. Администрация гимназии на эти 10 тыс. построила в актовом зале иконостас, и, таким образом, получила церковь, но зато гимназия не имела актового зала, и нам приходилось во время вечеров убирать кровати в спальне и устраивать там зал. Администрация гимназии не сообразила, что им надо было построить на эти 10 тыс. отдельно церковь, а если бы не хватило денег, то Морозова могла дать ещё 50 тысяч: в гимназии был бы и актальный зал, и церковь. Морозовы оставили 8 миллионов наследства, и всё это потом поделили их родственники. В Бийске есть музей, и мне хочется познакомиться

с материалами музея.

У меня сохранилась афиша 1898 г., когда папа ставил в Бийске пьесу «Блестящая партия».

Будьте здоровы. Привет Вашей семье.

Ваш К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 29 июля 1963 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Спасибо Вам за Ваше письмо от 3 июля, за воспоминания о Бийске и сведения о Кузнецке, а также за приложение – свежие, душистые огоньки! Всё мне было интересно.

Сейчас я хочу хоть два слова написать о проекте перевода в наши края О.Н.Жуковой. Дело это не так легко, как может казаться с первого взгляда. В Яснополянском музее вакансий нет, да от нового кандидата потребовали бы и специальной (литературно-научной) подготовки. Кроме того, в музее – новый, оч<ень> неприятный директор, к<оторо>го все чураются и к<оторый> на все просьбы предпочитает отвечать «нет», а не «да». К сожалению, в отпуску его заместитель, с к<оторы>м я мог бы поговорить и обязательно поговорю о т. Жуковой, как только он возобновит работу.

Школы в Тульской области вообще переполнены учителями*. На несчастье (не думайте, что я лгу!) в Яснопол<янской> сред<ней> школе тоже новый и крайне неприятный директор, с к<оторы>м у меня, кроме шапочного знакомства, нет ничего общего. Но завуч школы, заслуженная учительница, оч<ень> приятный человек и друг нашей семьи. С ней я обязательно поговорю о т. Жуковой. Но сейчас, к сожалению, и она в отпуску – далеко, на Кавказе. Придётся ждать её возвращения, недели через две...

* Прим. Вал.Булгакова: «Только что приехавшая из г. Новомосковска старшая дочь Таня сообщила, что ни в Новомосковске, ни в Туле, ни в других больших городах области не прописывают ввиду переполнения людьми этого города и жилищного кризиса. Школы в Новомосковске нуждаются в учителях и... не могут их пригласить. (Потому что не прописанных не назначают, а в прописке всем отказывают). Города эти считаются близко лежащими от Москвы, а в Москве тоже никого не про-писывают».

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 3 июля 1963 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Получил Ваше письмо от 29 июля с/г. Я уже сообщал Вам, что № 4 журн<ала> «Искусство» со статьёй о С.Д.Меркурове мы получили. Очень благодарен Вам, что Вы исчерпывающе ответили на вопрос о возможности найти работу в центре и окружении Тулы, и ваш ответ мы получили.

Что касается вопросов и дополнительных сведений об Оде Николаевне, то должен сказать следующее: она молода, ей 28 лет, года 4, как она окончила пединститут. После окончания пединститута работала в школе, но так как теперь очень сложные вопросы с дисциплиной, а она довольно вспыльчива, то в школе она проработала год и ушла на работу в музей. Она окончила биолого-географический факультет и у нас в музее заведует отделом природы. Но я не сказал бы, что она очень любит наблюдать и изучать природу. Верно, дирекция у нас делает упор на советский период и часто направляет работников всех отделов по сбору материалов по бригадам коммунистического труда и по материалам строительства новых заводов. Вот и сегодня Ода Николаевна и Анна Ник<олаевна> уехали в Прокопьевск к Герою Соц<илистического> Труда, а Алла Ивановна ушла на алюминиевый з<аво>д. Полина Васильевна и завфондами уехали в Москву. Так что в музее, кроме технич<еского> персонала, остался я и экскурсовод – Наталья Яковлевна. Однако, если человек целеустремлён и любит природу, он найдёт время хотя бы собрать гербарий цветущих растений, но за всё время, как у нас увеличился штат в музее, единственные цветы, которые засушены – это изготовленный мною букет огоньков, который я выслал Вам, и отдельные цветочки, посылаемые мною Вам. В музее цветущих растений нет, и никто их не собирает. Ода Николаевна – единственная дочка в семье. Родители обеспечены, а потому она несколько избалована. Работать она может, но ей нужен хороший руководитель. Ещё студенткой на последнем курсе она вышла замуж, но теперь уже года как 1½, как развелась. Детей у неё нет. В отношении здоровья Оды Николаевны нужно сказать следующее. У неё камни в почках, и бывают резкие боли, так что её не раз скорая помощь увозила в больницу. Она уже 1 раз ездила лечиться в Трусковец и нынче собирается с 20 августа поехать лечиться. Врачи ей сказали, что в нашем городе Новокузнецке кислородная недостаточность, а потому целый ряд болезней развиваются в связи с загрязнённостью воздуха и недостатком кислорода, в особенности болезни, связанные с неправильным обменом веществ. Ей рекомендовали переменить место жительства. Родители её живут в Кемерово, и воздух там несколько не лучше нашего, вот почему она хотела бы перебраться в более отдалённые места. Она просила меня через Вас узнать, нельзя ли найти место около Тулы и Москвы. Вы нам ответили, и я Вам очень благодарен. Из всего вышеизложенного видно, что определённой целенаправленности в её трудовых усилиях нет, она избалована и самолюбива, но работать может, в особенности под умелым и настойчивым руководством. Вот моё мнение об Оде Николаевне. Особые наклонности и какие-либо таланты она пока не проявила, но задания выполняет добросовестно.

Сегодня в музее была экскурсия из Венгерской нар<одной> респ<ублики>. Пришлось с ними провести экскурсию по музею, но меня не предупредили, что это ансамбль артистов, а так как они торопились, то я ничего не рассказал им о нашей худож<ественной> самодеятельности и зарождении народного театра.

Кстати, сегодня у нас в новом театре проходило торжественное заседание и отмечался День строителя. Я слышал по радио выступления во время торжест<енного> заседания. Все подчёркивали, что здание и оборудование театра прекрасное. Внутри театра всё закончено и сдано на отлично, но площадь перед театром ещё благоустраивается, и к концу августа весь комплекс площади будет закончен. С осени сезон драмтеатра нашего начнётся в новом здании. Сейчас в театре идёт худож<ественная> самодеятельность Клуба строителей.

Я это письмо начал писать в музее, а заканчиваю дома. Сейчас 10 час. вечера. Пойду на почту, опущу письмо и дам телеграмму сыну в Абазу (Красн<оярский> край). Дело в том, что я узнал, что он в отпуск пойдёт в сентябре, и у меня отпуск в сентябре. Если он согласится лететь на самолёте, то мы с ним 5 сент<ября> отправимся в Гудауты на Кавказ. Это около Сухуми за Адлером. Говорят, это хорошее место. Надо позагорать и покупаться в море, а то у нас в сентябре уже будет холодно.

Всего доброго, Валентин Фёдорович. Вениамину Фёдоровичу в Москву я не так давно написал письмо. Желаю доброго здоровья и успехов в творческой работе. Привет всей Вашей семье.

Ваш К.Воронин.

P.S. Когда побываю в театре, то опишу Вам его подробнее.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 17 августа 1963 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Сегодня получил Ваше обстоятельное письмо от 10 августа, а между тем дня за два – за три до того вернулась из отпуска заслуженная учительница М.К.Кукульская, завуч Яснополянской школы, и я уже успел поднять перед ней вопрос о кандидатуре т. О.Н.Жуковой в преподавательницы географии. К большому моему сожалению, я узнал, что преподаватель географии в школе уже имеется, как и вообще все учительские места уже заняты, и для Оды Николаевны исключено устройство в школе. Тов. Кукульская сказала, что по вопросу об устройстве О<ды> Н<иколаев>ны в школе она переговорила и с директором школы, и они могли только кон<стати>ровать, что не могут пойти навстречу желанию т. Жуковой вступить в преподавательский состав в школе.

Тов. Кукульская советует О<де> Н<иколаев>не обратиться с прошением

по почте прямо в Отдел народного образования (г. Тула, угол Красноармейской и Ленинской улиц). Дело в том, что в каком-либо из районных городов Тульской области, а ещё скорее, в каком-либо селе может оказаться нужда как раз в преподавателе географии, и, может быть, облоно пожелает вступить по этому поводу в переписку с О<дой> Н<иколаев>ной. Конечно, можно попытаться это сделать. (Необходимо, разумеется, приложить копию документа об образовании и пр.).

Но мне лично кажется, что дело это не очень верное, а, главное, что переселение из родных мест в такие далёкие края, в неопределённые условия будет для О<ды> Н<иколаев>ны нелегко. Если в Новокузнецке наблюдается, по Вашим словам, «кислородная недостаточность», то почему бы О<де> Н<иколаев>не не попытаться устроиться в к<аком>-н<ибудь> другом небольшом городе той же Кемеровской (или другой сибирской) области, где такой недостаточности не наблюдается? Это, конечно, было бы для неё много легче осуществить, чем намерение устроиться в перенаселённых центральных (Тульской, Московской) областях европ<ейской> России. И связь с родителями не была бы потеряна.

Но, конечно, вопрос этот она должна решить сама.

Сотрудники Ясноп<олянского> музея, с к<оторы>ми я мог бы поговорить о т. Жуковой, ещё не съехались, но скажу наперёд, что на возможность нашей сибирячке устроиться в здешнем музее (где все научные сотрудники – филологи) у меня ещё меньше надежды, чем было насчёт устройства в школе. Вот как обстоит вопрос... Жа-лею, что не могу дать более удовлетворительного, положительного ответа на Ваш вопрос об устройстве О.Н.Жуковой на работу в наших местах.

Спасибо Вам за сведения о новом Новокузнецком театре, а также за письмо моему братцу – старика, кузнецкого патриота, оно, конечно, порадовало.

Желаю счастливого пути на Кавказ! Гудауты я знаю. Там имеется прекрасная роща замечательных, долгоигольных (вымерших в других местах) сосен. Берег моря, с которого видны налево вдали высокие ледяные вершины, оч<ень> красив. Купанье должно быть прекрасное (говорю уверенно, хотя сам в Гудаутах ни разу не купался).

Я живу в работе. Мои литературные дела со скоростью улиты продвигаются вперёд. (Вчера просматривал с редактором Тул<ьского> изд<ательст>ва мою книгу). Но об этом напишу Вам позже, когда обнаружатся твёрдые результаты.

Хворал. Вышел маленький камешек из почки. Неделю лежал в больнице. Теперь здоров и опять – у письменного стола.

Душевно Вас приветствую!

Ваш Вал. Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Сочи, 4 октября 1963 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Пишу Вам из Сочи. День сегодня прекрасный. Сажу на скамейке около памятника Пушкина А.С. Кругом бегают ребятишки из соседнего детского сада, а в нескольких метрах от памятника – море. Солнце клонится к закату, и море спокойное. Воздух чистый, но над морем вдали – дымка.

В этом году я порядочно попутешествовал. Был в Мисхоре, в г. Бийске и Горно-Алтайске, а отдыхать полетел в г. Гудауты.

Полёт из Н<ово>сибирска до Адлера был не совсем удачным. Самолёт вылетел с опозданием на 5 часов, потом он делал посадку в Омске, Куйбышеве и Ростове. Ночью самолёт в горы не полетел, и нам предложили в Ростове ночевать в гостинице и только на следующий день я попал утром в Адлер.

До 11 часов ждал на станции электричку и только к 3 часам дня я попал в Гудауты.

Город Гудауты тихий, небольшой. Есть прекрасный естественный пляж. Отдыхать там хорошо, но с питанием дело обстоит неважно. В столовых всё однообразно, а в магазинах ни сыру, ни колбасы, ни яиц – ничего нет. А если и бывает, то редко и – очереди. Кондитерских изделий нет. Так что борщ и харчо надоели, а закусок, кроме консервов, не достать.

Фрукты на рынке есть. Прожил я с 7ого по 30-е сентября в Гудаутах. Так как я 2 раза купался и много ходил, то оказалось, что на 3,5 кг я похудел, а так как я ежедневно занимаюсь гимнастикой по системе чека Прошека¹, то моя талия стала, как у осы, и многие дамы, которые стараются похудеть, могли бы мне позавидовать. 30-го я переехал в Сочи. День был ненастный, и на море шторм в 5 баллов. 1-го октября было холодно, но со 2-го октября установилась замечательная погода.

Так как в Сочи много всяких «забегаловок» где есть сосиски, кефир да и столовых уйма, то здесь я, хоть и продолжаю ежедневно купаться, загорать и заниматься гимнастикой, но килограммы, думаю, прибавить усиленным питанием. На 11-е октября я купил билет на самолёт по направлению на Ташкент, а там на автобусе в г. Алмалык (50 км от Ташкента) – к сыну Виктору.

В Алмалыке проживу дней 10-14-ть и буду возвращаться «к пенатам своим, к брегам благовонным Алфея»². Верно наш «Алфей» уже не то, что прежде: вода загрязнена, да и воздух не прельщает. Но я хотел бы проработать до 75 лет, а там уже и на покой. Осталось ещё 3 года работы.

Перед своим отъездом из Новокузнецка я составил план выставки для домика Достоевского. Дело в том, что Дом Достоевского отреставрировали, и там будет библиотека, а мы делаем экспозицию и будем проводить там бесе-

ды и лекции. Экспозиция будет размещаться там, где раньше было холодные сети. Теперь эта комната утеплена, и там будет экспозиция, а в комнатах, где жила Исаева, будет библиотека и читальный зал. В день моего отъезда из Новокузнецка утром с нашим художником мы должны были поехать в Кузнецк и разместить экспозицию, но наш художник не вышел, и все материалы, план экспозиции я оставил Полине Васильевне, чтобы, как только художник выйдет на работу, то согласно моему плану всё разместил.

С Вашей статьи о Достоевском в «Сибирской жизни» мы ещё сделали фотокопии, и одна фотокопия вошла в экспозицию. Как только приеду в Новокузнецк, всё осмотру – так ли там всё сделали.

К вам, Валентин Фёдорович, просьба и это просьба и Полины Васильевны. Нам нужны для экспозиции в музее лично Вам принадлежащие вещи. Автографы, статьи, фотографии – всё это Вы нам любезно дали. Но нам нужны ещё вещи. Хорошо, если бы это были вещи 1909-1910 годов, когда вы жили в Ясной поляне, и был жив Лев Николаевич, но, конечно, это не обязательно. Ваш чернильный набор, ручка, которой Вы пользовались, записная книжка. Наконец, тужурка.

Помните, тогда появились френчи, и Вы даже снимались во френче. Полина Васильевна говорит, что костюм, плащ, пальто – всё музейные вещи³.

Для музея нужен не только плоскостной материал, но, главное, вещи. Вы сами подумайте, Валентин Фёдорович, что нам прислать. Вы музейный работник и знаете лучше нас, что нам надо. Очень обяжете, если выполните нашу просьбу. Мы ждем расширения музея, а это даст нам возможность и улучшить экспозицию.

Напишите по этому вопросу в Алмалык, чтобы я по приезде в Новокузнецк мог бы уже сообщить Ваши соображения.

Полина Васильевна даже проектировала дать мне командировку в Ясную Поляну к Вам. Но в связи с финансами в музее вряд ли это удастся.

Я пробуду в Алмалыке числа до 23-го октября. К этому времени, я думаю, успею от Вас получить письмо. Адрес: Узбекистан, г. Алмалык, Ташкентской обл. Квартал 99, переулок Гоголя, дом № 1 Воронину Виктору для Константина Александровича.

Всего доброго.

Вот и солнце опустилось к морю. Сейчас будет закат. Небо ясное и около солнца приняло оранжевый цвет, бирюзово-голубоватое море неясной полускокой отделяется от всё более краснеющего небосклона. Вот солнце постепенно начинает приобретать оранжево-малиновый оттенок. Уже половина солнца за горизонтом. Внизу тёмно-малиновый оттенок. Осталось чуть-чуть. Виден малиновый серп. Серпик всё меньше и меньше, небольшая точка и остаётся нежно-розовая полоса неба, постепенно переходящая в дымку в бирюзово-голубое море. Лицо Пушкина как раз смотрит на закат. Наступает вечер. Иду на почту.

Ваш К.Воронин.

1) Иосиф Прошек – чешский оккультист, создавший в начале XX в. систему «волевой гимнастики психофизических движений». Система Прошека была ориентирована на индивидуальный тренинг, была проста в освоении, не требовала никаких отягощений и спортивных снарядов, а также ставила перед тренирующимися задачу одновременного и равного развития силы мышц и силы воли.

2) Ироничная отсылка к строфе из стихотворения В.А.Жуковского «Теон и Эсхин» (1814). Алфей – самая крупная река на греческом полуострове Пелопоннес.

3) На полях рукой Вал.Булгакова карандашом сделана помета: «ха-ха!».

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 11 октября 1963 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Отвечаю на Ваше письмо с некоторым опозданием. У меня сейчас довольно тревожное и занятое время. Тяжело больна моя жена: септический эндокардит, очаговый нефрит и пр. Более месяца она пролежала в тульской и яснополянской больницах. Сейчас – дома, но со дня на день, как только освободится место в яснополянской больнице, переселится туда... не меньше, чем на один месяц. В связи с этим прибавилось, конечно, хлопот и забот, и многое в моей работе отстает.

Меня трогает Ваше и Полины Васильевны внимание ко мне. Как «музейный» человек, я понимаю и согласен, что только плоскостное в музее не удовлетворяет. Но, исходя из того, что надо же иметь скромность, отношусь скептически к Вашим планам, особенно в отношении того, что Вы желаете получить и одежду (sic!): френч, шапку и пр. Что-нибудь подобное могло бы – допустим – произойти после моей смерти, но никак не сейчас, тем более, что я звездой первой величины не являюсь.

Что касается вещей из эпохи Льва Николаевича, то, конечно, ничего у меня не сохранилось.

Мне хочется сделать подарок вашему музею и родному городу, и, может быть, лучше всего будет, если я подарю Вам, хоть и не сразу, несколько предметов с моего письменного стола. Сейчас, если хотите, я мог бы прислать Вам большой, красивый бокал из карельской березы, который преподнесла мне в день 75-летия группа литературоведов-исследователей Толстого. Могу запаковать в ящик и прислать, а МОИ НАСЛЕДНИКИ (жена или дети) передадут Вам: 1) красивый резной жёлтый хрустальный (или стеклянный?) бокал для ручек и карандашей,

2) мраморный пресс-подставку для авторучки с серебряной дощечкой с надписью «В.Ф.Б-ву с глубоким уважением. Тульские писатели. 25.11.61 г.», 3) плоский пресс дубового дерева с металлической дощечкой с рельефным портретом Л.Н.Толстого и с надписью: «В.Ф.Б-ву в день его 75-летия с признательностью за многолетний труд на поприще русской культуры. От тульских художников. 25 ноября 1961 года», 4) если хотите, также стеклянный пресс гранёного стекла с вделанным внутрь его портретом президента Чехословацкой республики Масарика (чехословацкое изделие), нож для разрезания бумаги, простое деревянное пресс-папье и, м<ожет> б<ыть>, ещё что подберётся... Вот, напишите, подойдёт ли Вам всё это.

М<ожет> б<ыть>, подберётся что-нибудь ещё и из «плоского», но это уже другая статья.

Вы покоряете пространство на расстоянии от Новокузнецка до Алма-тыка. Восхищаюсь Вашей энергией и смелостью.

Радуюсь, что перед вашим музеем стоит интересная перспектива расширения и что дом Достоевского обращается в настоящий дом-музей. Моя статья о Достоевском интересна для вашего музея уже потому, что она – дело КУЗ-НЕЧАНИНА, доказавшего, что граждане нашего города и в 1904 году не были равнодушны к судьбе дома.

Сейчас я деятельно подготавливаю тульскую книгу, которая дополняется и уже НАБИРАЕТСЯ. С пьесой, вновь мною исправленной согласно рекоменда-циям МОЕЙ СТАРШЕЙ ДОЧЕРИ – ТЕАТРАЛКИ ТАНИ, дело ползком, медленно, но продвигается вперед.

Сердечно приветствую Вас, Виктора Константиновича с его семьёй, а по возвращении Вашем в Кузнецк также Полину Васильевну, Анну Николаевну и всех сотрудников Краеведческого музея!

Крепко жму руку!

Ваш В. Булгаков.

P.S. Прилагаю газет<ную> вырезку о празднестве в Ясной Поляне. В.Б.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новосибирск-Новокузнецк, октябрь 1963 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович! Ваше письмо в г. Алма-тык от 11 октября с<его> г<ода> получил. Очень удручён, узнав, что Ваша жена больна. В наши годы очень ощутима болезнь, так как мы острее переживаем всякое заболева-ние. Я до нынешнего года не болел и не лечился. А тут в Алма-тыке пришлось делать уколы и парафиновые прогревания левого плеча, так как, простыв в Гор-но-Алтайске, я стал чувствовать боль, которая не проходила 3 месяца, и я решил полечиться. Женя (жена Виктора) сказала, что, хотя у Вашей жены и тяжёлое

заболевание (Женя врач), но теперь есть средства для борьбы с этой болезнью, и мы надеемся, что всё обойдётся благополучно.

Ваше предложение выслать нам в музей подарок, преподнесённый Вам к дню 75-тилетия, мы можем только одобрить, так как это будет для нас ценный экспонат, а Ваше обещание завещать Новокузнецкому музею целый ряд и дру-гих дорогих для Вас предметов, мы можем только приветствовать.

Все мы желаем Вам и всей Вашей семье долгих и долгих лет жизни и даже думаем, что Вы ещё раз посетите наш город, так Вам близкий и родной.

Ответ на Ваше письмо я даю уже из Новосибирска – я возвращаюсь в Новокузнецк. В Алма-тыке никак не мог собраться, да ещё пришлось там пережить большую неприятность. Дело в том, что все работники научно-иссле-довательского института были направлены на сбор хлопка, в том числе и мой сын. Выехал весь институт во главе с директором, и вот какой там произошёл случай. Часть молодёжи из присланных на сбор хлопка пошла на площадку, где танцевали. Местная молодёжь во время танцев обратила внимание на одну девушку, и некоторые стали к ней приставать. Товарищи по работе, окружив её, беседуя и танцуя с ней, не дали возможности хулиганствующим парням причи-нить ей неприятность. Когда решили вернуться с площадки, то сели в автомо-биль и хотели поехать, но часть хулиганно настроенных парней стали окружать автомобиль и хотели его задержать, но шофёр оттолкнул одного из парней и поехал. В автомобиль полетели камни, но сидевшие в автомобиле благополучно доехали домой. Все были уже в отведённых квартирах и собирались спать. Все институтские были размещены в нескольких домах. Вдруг в тот дом, около кото-рого стоял автомобиль, заходят двое местных жителей и говорят, что им нужен шофёр отвезти больного, но шофёра в комнате не было. Как раз в этот момент он входит, и тот, который говорил, что нужно отвезти больного, даёт ему удар по голове. Шофёр падает. На ударившего бросаются товарищи шофёра. Свалка. Директору удаётся выскочить из комнаты, но оказывается, дом окружён хули-ганствующими. Одной девушке удаётся добежать до соседнего дома и крикнуть: «Нас избивают!». Все институтские ребята бросились на помощь к товарищам, но, так как было темно, то окружавшие 1-й дом подбегавших стали избивать дрекольем, заготовленным заранее. Получилось настоящее побоище, так как от ударов дубинками по голове многие падали. В результате этого побоища были нанесены раны по голове, и некоторых в тяжёлом состоянии увезли в больницу.

Всех посланных на уборку хлопка в данный колхоз отозвали и пере-везли в другой колхоз, ну а пострадавшие и сейчас лежат в больнице. Инсти-тутским удалось одного из нападавших связать, и, когда началось следствие, то оказалось, что парни, пристававшие к девушке и старавшиеся даже задержать автомобиль, решили наказать шофёра, который, оттолкнув парня, увёз инсти-тутских и не дал возможности похулиганить парням. Они достали палки, дошли до места размещения институтских работников, окружили дом, около которо-го увидели автомобиль, и хотели вызвать обманом шофёра, но не выдержали и

ударил шофёра в комнате. Драка началась в доме, где помещался директор института. Даже его ударили. Когда подбежал мой сын, то и его ударили в висок, разбили ему очки, и он оказался почти слепым – ничего не видит, так как у него очки (– 6). В общем, когда он приехал домой, то 3 ночи я слышал его стоны – при каждом движении он чувствовал боль. Хорошо, что ему не проломили череп, и он отделался синяками на теле и опухолью у виска. Кости не повреждены.

Идёт следствие, но тем, кто получил тяжёлые контузии по голове, от этого не легче. Ведь от ударов по голове последствия могут быть тяжёлые и даже через несколько лет. Двое сотрудников лежат в больнице в тяжёлом состоянии, и как знать, чем это всё кончится для их здоровья. Хорошо ещё, что устроившие нападение не рассчитали свои силы. Они не предполагали, что приехавших много и что они дадут отпор. Они хотели разделаться, главным образом, с шофёром и небольшой группой ребят и надеялись, сделав своё кровавое дело, скрыться под покровом тёмной ночи. Но оказалось, что одного из хулиганов связали и задержали, и клубок преступления раскручивается. Группа хулиганов была немалая – не меньше 30 человек, и среди них, как это ни странно, учитель и фельдшер.

Вот чем было омрачено моё пребывание в Алмалыке, и я не писал Вам ответ на Ваше письмо. Начал писать Вам в Новосибирске и кончаю уже в Новокузнецке.

Ваш К.Воронин.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 2 ноября 1963 г.*

Вчера 1/XI я вернулся домой и вышел на работу. Музей готовится к празднику Великого Октября. Была приборка (санитарный день) и натерли паркет.

Полина Васильевна очень довольна, что Вы изъявили согласие дать нам «вещественный материал» для экспозиции.

Валентин Фёдорович! Поздравляю Вас и всю Вашу семью с праздником Октябрьской социалистической революции и желаю Вам, прежде всего, здоровья, успехов в работе и полного благополучия. Желаю, чтоб Ваша супруга поскорее выздоровела и многие, многие годы совместно с Вами продолжала свой жизненный путь в полном здравии.

Пока я ещё нигде не был и ничего о Кузнецке сообщить не могу. Мой сын Виктор и его жена Женя просили меня передать Вам искреннюю благодарность за посланный им привет и они желают скорого выздоровления Вашей жене. Всего доброго.

Ваш К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 10 ноября 1963 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Получил Ваше алмалыкско-новокузнецкое письмо.

Сердечно благодарю за поздравление с праздником! Поздравляю и Вас! (Хотя мысленно включал Вас в число сотрудников музея, к<оторы>м послал общий привет).

Рад, что Вы отдохнули. Рад, что одобряете (и Вы, и П<олина> В<асильевна>) моё решение, чтобы Вам выслали ряд вещей с моего письменного стола, когда ни эти вещи, ни самый стол будут мне уже не нужны.

Сейчас, т.е. в ближайшем будущем, предполагаю выслать: художественный бокал из карельской берёзы (дар «юбиляру» в 1961 г.), прекрасную скульптуру в 2½ вершка вышиною, имеющую отношение к старому Кузнецку, и маленькую художественную деревянную коробочку (подаренную мне слушателями-единомышленниками одной моей лекции в Австрии) – коробочку (dose), в которой я храню искусственную бородку, подклеивавшуюся мне при исполнении мною роли советского посла в Париже в фильме Чиаурели «Клятва».

Список этих вещей приложу. Вышлю также копию завещательного распоряжения о передаче в ваш музей вещей с моего письменного стола.

Я жив-здоров. Ожидаю в близком будущем выхода моей книги «О Толстом», которая уже набрана и которую, разумеется, я вам пошлю. На днях пришлю ещё книжку доцента Тульского пединститута Н. Милонова¹, в которой найдёте сведения обо мне.

Прилагаю копию письма выдающейся артистки Тульского драматического театра им. М.Горького т. В.С.Шевыревой о решении Художественного совета и нового главного режиссёра этого театра С.С.Лаврова включить мою пьесу «Путь в Астапово» в репертуар театра. (Пойдёт она, впрочем, не раньше весны 1964 г.). Вы – театрал, как и я, почему и позволяю себе поделиться с Вами своей радостью.

Жена всё хворает. Это – главный мой интерес сейчас, и служение ей – главное занятие.

Пожалуй, ей несколько легче. Но, всяком случае, свойственного ей мужества и бодрого настроения она не теряет. Стоял вопрос о перевозке её в Москву для нового исследования и, может быть, операции, но и она, и я от этого отказались. Для операции, по нашему мнению, нет оснований, а страданий она и без того испытала достаточно.

Жена читала Ваше большое письмо, сердечно благодарит Вас за добрые пожелания и шлёт Вам искренний привет!

Сердечно приветствует Вас, Полину Васильевну и всех сотрудников му-

зая!

Душевно Ваш Вал. Булгаков.

P.S. Потасовка в Алмалыке – замечательна!

1) Речь идёт о книге литературоведа и педагога Н.А.Милонова «Писатели Тульского края», вышедшей в 1963 г.

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, 30 ноября 1963 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Поздравляю Вас с праздником Конституции СССР и желаю долгих и здоровых лет жизни!

Хочу сообщить Вам, что я бандеролью посылаю в дар лично Вам книжку Милонова о тульских писателях. Эту книжку я получил от брата Вали и я написал ему, что я уже имею эту книжку от самого автора и прошу разрешить мне послать её в Новокузнецкий краеведческий музей. Брат ответил мне, что он сам уже послал в ваш музей книжку Милонова, а потому рекомендует мне подарить её лично Вам.

Вот почему я сделал надпись на книжке, что дарю её Вам, именно я, а не Валя, так как она принадлежит мне, как подарок от брата. Но, в сущности, эта книжка пересылается Вам в Новокузнецк через Москву от Валентина Булгакова, о коем даются в книжке сведения.

С приветом В.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 20 декабря 1963 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Поздравляю Вас с супругой с Новым годом. Желаю вам доброго здоровья, полного благополучия и успехов во всех начинаниях.

Высланную Вами на музей книжку Милонова получили. Очень рад, что Вашу пьесу «Путь в Астапово» включают в репертуар тульского театра. После того как она пройдёт в тульской театре, неплохо будет и на родине автора, то есть у нас в Новокузнецке её поставить.

У нас должны были проводить областное совещание музейных работников. Всех известили, всю работу провернули и даже расставили стулья, но вдруг телеграмма из области: совещание откладывается до особого распоряжения, а от некоторых музеев (напр<имер>, из Гурьевска) уже приехали представители.

Погода нынче у нас тёплая – только сейчас земля покрылась снегом, а то всё были оттепели.

Привет и пожелания доброго здоровья шлют Вам Полина Васильевна и все сотрудники музея.

Ваш К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 27 декабря 1963 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Сердечно поздравляю Вас, Полину Васильевну и всех сотрудников краеведческого музея и шлю искренние пожелания здоровья, успехов в трудах и всякого счастья! (Пишу на открытке, имеющей отношение к биографии нашего «кузнечанина» Ф.М.Достоевского, – подарена она мне племянником капитаном третьего ранга Алёшей Булгаковым, гостившим у нас). Рад слышать, что все вы там, в дорогом нашем сибирском городе – живы, здоровы. Слава богу, здоров и я, хотя и заметно для себя самого старею. Счастлив, что наконец выздоравливает от своей болезни (холецистит, железистая анемия и пр.) моя жена, лечившаяся с августа месяца поочерёдно в яснополянской, тульской и московской больницах. Занят литер<атурным> трудом. Проверил корректуру книги в 300 стр., которые надеюсь прислать Вам в феврале, но с театром тянут, пожалуй, «вытянуть не могут» (это не хуже, чем с Вашим обл<астным> совещанием муз<ейных> работников). Обнимаю Вас!

Ваш Вал.Булгаков.

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, конец декабря 1963 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Спасибо за поздравления с Новым 1964-м годом и за добрые пожелания от Вас и всех других сотрудников музея.

В свою очередь, я поздравляю Вас и всех сотрудников музея с наступающим Новым годом и желаю всем Вам доброго здоровья и всяких радостей жизни!

Ваш музей и весь Ваш Новокузнецк построен на той земле, где я, брат Валя и ещё десяток кузнецких ребятишек в 1899-м, 1900-м годах бегали голышами, переплывали Томь в июне и июле – в жаркий солнечный день!

Я помню, как я и другие ребятишки, чуть ли не на полкилометра углублялись в кустарники и болотца, и кто-то кричал: «Медведь идёт на нас, медведь!». Мы, как дикари, с визгом и криками кинулись обратно, и река Томь

спасала нас от воображаемого зверя. Конечно, никакого медведя мы не видели, переплывали об-ратно Томь.

Вот почему и вспоминаются:

«Родного неба милый свет,
родимые потоки,
златые игры первых лет
и первых лет уроки!»¹

Будьте здоровы.

С тов<арическим> приветом всему коллективу музея.

1) Несколько искажённая строфа из стихотворения В.А.Жуковского «Родного неба милый свет...» (1809 г.).

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 21 апреля 1964 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Шлю вам горячий привет из вашего родного города. Желая вам здоровья и плодотворной работы. В сутолоке повседневных забот мне не удавалось написать Вам. С большой горечью узнал из письма сестры Агньюши, что ваша супруга скончалась. Какое горе! Но что ж делать? Это удел всех нас. Наши годы такие, что невольно думаешь о конце. Мне хотелось бы умереть так, как папа. Весной 1928 года мама, папа и брат Сима, жившие в Томске, числа 20 мая пошли погулять в Университетскую рощу, там они зашли в ботанический сад и купили небольшую сосёнку, чтобы унести на кладбище (около женского монастыря – Преображенское кладбище) и посадить её на могилке моего младшего брата Мити. Когда все вернулись домой из сада, то мама поставила самовар, брат сел за стол и стал рисовать, а папа ходил по комнате. Вдруг папа закашлялся, подошёл к умывальнику и увидел, что у него пошла горлом кровь. Брат подбежал, папа стал опускаться на пол, мама подложила ему под голову подушку и он, ничего не сказав, умер. Я тогда работал в Железнодорожной школе, на станции Канск Енисейский. Когда я приехал в Томск, мы папу похоронили на Преображенском кладбище в нашей оградке и посадили ту сосёнку, которую он сам нёс из ботанического сада. Смерть папы была неожиданная, но зато без мучений, без болезней. Верно, у него был склероз, и, говорят врачи, лопнул сосуд. Утром даже не думали о смерти: разговаривали, гуляли, а через несколько часов – смерть. Я тоже хочу умереть внезапно и без болезней.

А мой брат Сима умер в 1942 г. в Барнауле. Он работал на меланжевом комбинате инженером по безопасности. В его бумагах сохранилось заявление,

где он просил администрацию завода отпустить его в Томск к матери (она жила одна в Томске), где для него будут более благоприятные условия, и жить он будет вместе с матерью, но его не отпустили, а в феврале 42 г. он, перебегая с места аварии в расстёгнутом полушубке, простыл и от крупозного воспаления легких 28/II умер. Я ездил на его похороны, но, к сожалению, похоронить мне его не удалось. Дело в том, что в больнице сообщили, чтобы тело не хоронили до моего приезда. Когда я приехал в Барнаул, то с завода была комиссия по похоронам, сделали памятник, выгравировали надпись, приготовили гроб. Но когда я с членом комиссии приехал к ледянке, где хранились трупы умерших в больнице, то трупа моего брата не оказалось. Его похоронили где-то в общей могиле и неизвестно где. Так и не состоялись похороны. Когда я вернулся в Томск, то, чтоб не огорчать маму, не сказал ей, что похороны не состоялись, а она была больна. В разговорах мама часто выказывала желание поехать в Барнаул и побывать на могиле Симы, но когда наступило лето и пошли пароходы, мама умерла. Маму похоронили уже на новом кладбище (ближе к Басандайке). Преображенское кладбище (где был похоронен папа) ликвидировали и все могилы сравняли и там строят завод. Так что мамина могила ещё существует, а других могил нет. В Томске все кладбища ликвидировали. На Воскресенской горе, где было много мраморных памятников и даже целые мраморные часовни – всё ликвидировано. Ещё при нас там валялись только обломки мрамора. Кладбища около мужского Алексеевского монастыря и у женского монастыря – ликвидированы. Тело Потанина перенесено в университетскую рощу¹. Так что могила Потанина сохранилась. У нас в Кузнецке, где было кладбище, теперь находится Сад алюминщиков. Устроены танцплощадки и аттракционы: карусели и др. У многих кузнецчан на кладбище похоронены отцы, матери, братья, там похоронен и основатель нашего музея Ярославцев, первый секретарь комсомольской организации Аня Рожкова, умершая в 1920 г. Но могил их нет, и возлагать цветы в их память некуда. У меня тоже на этом кладбище похоронена в 1920 г. моя первая дочка Таня. Я и могилу рыл сам. Теперь уже ничто не напоминает о том, что когда-то в этом саду было кладбище. Звучит музыка, на танцплощадке танцуют пары, кружится карусель. Но если пройти в северо-западную часть сада, то там можно набрести на большую глыбу, на которой сохранилось несколько еле заметных слов: «Моей верной жене»... Вот и всё, что может напомнить о существовании здесь вечного покоя.

Простите, Валентин Фёдорович, что я так подробно остановился на мрачных картинах, невольно воскресших в моей памяти. Когда я ещё учился, а потом студентом служил на Томской жел<езной> дороге агентом по сопровождению масляных поездов, то, бывая в разных городах, любил заходить на кладбище. Ведь кладбище – это своеобразная история города или поселка. Я любил читать надписи, часто наивные, но всегда трогательные. Останавливали внимание и заброшенные могилки – провалившиеся, беспризорные, без креста и надписи, они навевали много дум, как «не сжатая полоса», которая напоминает о том, кто её посеял. Если бы у нас в Кузнецке сохранилось кладбище, то

.....

многие даты можно было точно установить по надписям на крестах и плитах. Ведь архивы Кузнецка не сохранились. Но что ж?! Много ещё у нас невежества и головотяпства.

Дорогой Валентин Фёдорович!

Желаю вам бодрости духа. Тяжела утра, постигшая вас. Понимаю и соболезную Вам. Недалеко то время, когда и нам суждено будет перешагнуть последнюю черту. Лично я не страшусь смерти. Может быть, потому что не хвораю, возможно, когда она приблизится и будет уже неизбежна, я буду хвататься за жизнь, но сейчас она мне кажется такой же необходимой, как сон.

Всего доброго. Привет Вам и соболезнования по поводу смерти Вашей супруги шлют Вам все сотрудники музея. О наших музейных делах я напишу Вам в следующем письме.

Наступает 1-е Мая. Поздравляю Вас с этим весенним праздником. Пусть живительные лучи солнца, запах сырой земли и пробивающейся зелени, дуновение весеннего ветерка и воспоминание о днях молодости дадут вам умиротворение и тяжёлое горе превратят в грусть.

Ваш К.Воронин.

1) Рукой Вал.Булгакова приписана фраза «Куда девали могилу Фёдора Кузьмича?»

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 28 апреля 1964 г.*

Дорогой Вениамин Фёдорович!

Поздравляю Вас с праздником 1-ого Мая. Желаю здоровья, полного благополучия и успехов во всех Ваших начинаниях. Весна нынче запоздала. Только три дня, как тронулся лёд на Томи. Если наступит тёплая погода, то ждём большой воды. Вдоль левого берега у нас сооружается дамба, чтобы не заливало, но эту дамбу ещё нужно закрепить, и вряд ли она нынче сможет нас оградить от воды. Каменные дома уже начинают подступать к берегу Кондомы. Это у нас новый район города. Там проходит проспект Лумумбы, и нынче туда проведи трамвай.

Кузнецк ещё сохраняется в подгорной части. Там нового строительства нет, а стоят ещё старые домики с огородами и многим из них по 150 лет. Нового там только электрический свет да радиоприёмники. Улицы грязные, без асфальта и панелей, и как только туда попадаешь, то и вспоминается старый Кузнецк. Только воздух уже не тот. Куда бы ни пошёл – везде чувствуешь газ. Со всех сторон мы окружены заводами, и все они копят. Улавливание газов не налажено, и приходится дышать отравленным воздухом. Ждём, что в будущем будет лучше.

.....

.....

Всего доброго. Сотрудники музея шлют Вам поздравления и пожелания здоровья.

К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 11 мая 1964 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Моё сердечное поздравления по поводу наступления светлого праздника Весны! Благодарю и Вас за поздравления и добрые пожелания!

Простите, не сразу отвечал. Как раз посыпались десятки писем с поздравлениями, и я хотел пропустить эту (да простят мне мои личные корреспонденты!) «вермишель», чтобы взяться за письма серьёзные. А Ваше как раз относилось к серьёзным. Кроме того, были хлопоты с печатающейся в Туле книгой и пр.

Ваше письмо-исследование о некрополях в Томске и Кузнецке, рассказ о кончине незабвенного Александра Иоанниковича прочёл с большим интересом. Парк-кладбище в Кузнецке я посетил в 1959 г. – помню даже глыбу камня с оборванной надписью... На этом кладбище похоронены: мой отец Фёдор Алексеевич, его первая жена Вера Архиповна, вторая – Настасия Фёдоровна (из сибирских «иногородцев»), дети его от первой жены младенец Михаил и Ольга, 17-летняя дочь от второй жены Елены, простудившаяся на пожаре и скончавшаяся от скоротечной чахотки, и, наконец, трое моих братьев-младенцев (сыновей моей матери – третьей жены отца) Вячеслав, Владимир и Сергей. Семья была старинная, многодетная... Теперь надо всеми ними прогуливаются и танцуют «старокузнецане»... Мамы похоронена, как и Ваш отец, на кладбище женского монастыря в Томске, ныне тоже упразднённом.

На кузнецком кладбище были могилы: первого мужа первой жены Достоевского – корчемного заседателя Исаева (эпиграфия – в моей статье 1904 года «Ф.М.Достоевский в Кузнецке»), польских повстанцев 1864 года, винского начальника графа Ростопчина (потомка московского), петербургского студента-юриста, кузнецанина родом, нашего товарища детства Яши Панова, его старшего брата Саши с надписью на белом мраморном памятнике с фигурой преклонённого ангела:

«Его смерть была ужасна,
Его волны поглотили,
Но, как божие творенье,
Снова в землю возвратили».

Помню могилу с перечислением чинов и орденов покойника на большой чугунной плите... Всё это детские впечатления, а систематически нашего

.....

некрополя никто, к сожалению, не обследовал. Теперь же эта возможность исчезла навсегда.

Трогательно было познакомиться с подробностями о конце А<лександра> И<оанникиевича>, как и кончине Вашей мамы, кот<оры>х я так хорошо знал и так хорошо помню. Спасибо Вам, что написали об этом!

Интересно мне было также узнать о перенесении останков Г.Н.Потанина в Университетскую рощу. Тут им лежать – всё вспомнит тот или иной из молодых питомцев университета о замечательном учёном и путешественнике по Монголии!

А что сделали с могилой старца Фёдора Кузьмича в Томске?

Сердечно благодарю Вас и помнящих меня сотрудников музея за выражение соболезнования по поводу кончины моей жены! Знаю, что надлежало бы помириться с этой кончиной, но... не могу!

Ещё в январе написано мною обращение к дочерям, которое я приложу к своему завещанию и в котором я прошу их переслать Новокузнецкому музею после моей смерти (до смерти это было бы неприлично) ряд моих вещей, по желанию музея. Посылаю Вам это обращение с просьбой вычеркнуть из него то, что не подходит, не нужно музею, и затем переслать мне обратно это обращение (м<ожет> б<ыть>, снявши для себя его копию).

И ещё вот какой вопрос ест у меня к Вам. У меня хранится ряд отцовских, старинных документов: о его рождении, образовании, формулярный список о службе, «высочайшие грамоты» о пожаловании орденов и пр. Не понадобится ли этот материал для архива музея или для отдела дореволюционного Кузнецка в Вашем музее? Напишите, пожалуйста! Мы с братом готовимся уже к самому большому путешествию, а дети и внуки – люди новые, бурно живущие интересами своего века, и им эти документы уже не нужны. Вы как раз пишете, что архивы кузнецкие сгорели, и пополнять отдел старого быта Вам трудно, – так вот, не пригодятся ли мои крохи.

Надеюсь скоро послать Вам и музею мою книгу «О Толстом», которая после всех проволочек, наконец-то, печатается (напечатано 7 из 17 печатных листов).

Живу я тихо-мирно. Работаю над книгой «Друзья Толстого» (45 портретов). Много читаю. На днях участвовал в приёме 30 индийцев (в том числе членов инд<ийского> посольства в Москве). Участвовал в торжеств<енном> обеде, говорил речь.

Сегодня только прочёл статью В.Лазарева в «Советской России» от 8 мая «Ясная жемчужина» с кое-какими упоминаниями о себе. (Загляните в газету, если попадетсЯ этот номер).

Здоров. (Точнее: сейчас идёт полоса здоровья, которой ничто не мешает в одно прекрасное утро превратиться в полосу нездоровья).

Как-то Вы себя чувствуете? Собираетесь ли с теплом опять отправиться в какое-нибудь далёкое путешествие? На этот счет Вы – молодец! Как здоровье Вашей супруги? Жалко, что я с ней при посещении Новокузнецка не познакомился.

Как здоровье Полины Васильевны? Остальных сотрудников музея? Наверное, и в среде этих самоотверженных солдат на культурном фронте нередкость всякие «события» и тревожения личного характера, не видные нам со стороны! К их делу и жизненной задаче я всегда относился и отношусь с особым уважением. Пожалуйста, передайте всем моё поздравление со вступлением в период радостного летнего бытия и искреннее пожелания успеха в делах и доброго здоровья! Сердечно приветствую Вас и Вашу семью! Искренно благодарю за постоянную доброту ко мне!

Всего, всего лучшего!

Ваш друг Вал.Булгаков.

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, 12 мая 1964 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Спасибо Вам за поздравительное письмо, за пожелания здоровья и успехов во всех начинаниях.

Прошу принять и моё запоздалое поздравление с Первомаем! Желаю Вам ещё не один десяток раз пережить наступление весны и весеннего праздника!

Спасибо за все сведения о родной Томи и о родном городе! Конечно, грустно, что Вы живёте в окружении заводами, которые у Вас там «коптят»... В Москве 1897 года было 900 тыс. жителей, а в Кузнецке уже сегодня больше половины этой Москвы! По-видимому, дорастёт Кузнецк и до этой старой Москвы, преодолет при всеобщей электрификации свой дым и газ и будет «здоровым» городом... и это не за горами!

Да, уж очень далеко ушёл этот Кузнецк от города моего детства – от 1890-х годов, когда в нём было 3 тысячи жителей. И жизнь теперь у Вас другая, и люди все другие!

Я, было, хотел припомнить облик, жизнь и «дух» Кузнецка моих детских лет, но в памяти моей остались только «видимость» и «внешность», а глубины жизни города я так и не смог восстановить, ибо мне было десять лет, когда я стал учиться в Томске. Пусть эту кузнецкую провинциальную эпоху с печатью чеховской патриархальности запишет – воссоздаст мой брат, родившийся в Кузнецке в 1886 году.

Вот почему я порешил лишь написать воспоминания о своём далёком

детстве, где главное внимание обращено на свои детские переживания в семье отставного педагога отца. История моих детских дней, быть может, перегружена «психологизмом», зато она вышла более правдивой, чем если бы она была насыщена довольно шатким «историзмом».

Словом, машинописный экземпляр своего «Далёкого детства» я скоро вышлю вашему музею – для хранения, прочтения – «на правах рукописи».

Ещё раз спасибо за письмо! Будьте здоровы и счастливы! Спасибо сотрудникам музея за поздравления! Привет директору музея Полине Васильевне!

Всего Вам доброго!

С приветом Вен.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 9 июня 1964 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Простите, что я задержал с ответом на ваше письмо от 11-го мая.

Всё, что перечислено в Вашей «просьбе к дочерям-наследницам», очень ценно для музея. Все эти вещи дадут возможность в будущем в экспозиции музея поместить письменный стол, на котором разместить все эти вещи. Будет хорошо, если Вы ещё пришлёте нам фотоснимок Вашего рабочего уголка, т.е. ту часть комнаты, где стоит Ваш письменный стол. Это может пригодиться будущим работникам музея, которые будут строить экспозицию уже в новом здании музея, каковое несомненно будет построено. Ведь наш город скоро будет иметь полмиллиона населения (сейчас 475 тысяч), а в будущем не менее 1 мил. 100 тысяч человек. (Генеральный план строительства рассчитан на 1 мил. 100 тыс. человек). Нам нужно отдельное здание для музея и с садом, где можно будет разместить все породы деревьев нашей тайги, где есть не только кедры, пихта, но и липовая роща. А сколько кустарников и ягодников: рябина, калина, шиповник и др.

Между тем сообщаю о своей поездке на сессию отделений истории Академии наук и института этнографии. В зале выступлений было тесно, все шумели и разговаривали. Из зала стали кричать: «Поставьте громкоговоритель!» Председательствующий Рыбаков через некоторое время сообщил: «В клубе громкоговорителя нет, и единственное, что можно сделать, чтоб слышать докладчика – это соблюдать тишину!»

Однако за пределами зала шум продолжался и докладчика – не слышно (не хотел бы я быть на месте докладчика А.М.Беленицкого).

На сцене с правой стороны был поставлен эпидиаскоп для демонстрации снимков, и по полу к нему шли провода. Так как зал не вмещал всех желающих, то на сцену набилось публики и среди неё журналисты с фотоаппаратами,

из зала кричат: уберите со сцены журналистов, они только мешают – ничего не видно! Вдруг раздаётся взрыв. Что произошло – неизвестно, но председательствующий стал удалять со сцены публику, опасаясь, что в проводах, лежащих на полу, может быть замыкание. Наконец в конце зала кричат: «Поднимите ей голову! Поднимите!» Оказывается, от духоты одна женщина упала в обморок. Её пронесли через единственный проход около меня. Председательствующий объявил, что эпидиаскоп не действует, и докладчик не может показать фотоснимки. Вот в этой обстановке, наконец, выносят закрытые скульптуры, и Герасимов начинает своё выступление. Герасимов сообщил, что собственно он будет делать не доклад, а только пояснения к тому фильму, который засняли во время вскрытия гробниц Ивана Грозного и его сыновей из Копино-Шуйского. Это нас выручило, так как нужно было не слушать, а смотреть.

Так как я стоял в центре зала в проходе, то мне было всё хорошо видно. Потом были открыты скульптуры, сделанные Герасимовым. Все эти материалы теперь уже опубликованы, и я не буду о них говорить. Когда Герасимов сказал последнее слово своих пояснений, председательствующий Рыбаков вскочил и объявил, что сессия закончена, он, видимо, ждал не дождался, когда можно объявить сессию закрытой. Ни заключительного слова по сессии, ни утверждения резолюции, ни сообщений – ничего не было, то есть фактически итога сессии не подведено. Академики растерялись. Они, видимо, не попадали в тяжёлое положение и не сумели из него выйти. Председательствующий после первого доклада не догадался объявить, что благодаря переполнению зала нужно его проверить и из зала просить всех выйти, а потом после перерыва в дверях поставить контроль. В первую очередь пропустить всех приехавших на сессию, а, когда они займут места, на свободные пропустить студентов. А то получилось так, что молодёжь сидела на местах, а приехавшие за тысячи километров стояли на ногах. Я простоял четыре часа. Директор Армавирского музея возмущалась: «Я женщина 50 лет, стою на ногах, а рядом сидит студент и не думает уступить!»

< ... >¹

1) Окончание письма отсутствует.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 25 июля 1964 г.¹*

Дорогой Константин Александрович, простите, что так долго не отвечал на оба Ваши последние письма: одно – с рассказом о том, как протекала сессия отделений истории АН и института этнографии АН, и второе – с приложением статьи «Аптеке – 100 лет». Описание сессии, где Вы выстояли 4 часа, замечательно! Статья о кузнецкой аптеке, к сожалению, полна вымыслов, непроверен-

ных рассказов и легковесных предположений (напр<имер>, об открытии аптеки 100 лет тому назад «польским ссыльным» Кохановским и др.). Я сообщу Вам более точные сведения об аптеке, начиная приблизительно с 1895 года (т.е. с того времени, когда мне было лет 10) и до 1959 г. (когда мы с братом Вениамином посетили Кузнецк). Как аптечное дело было устроено до этого раньше, сказать не могу.

В период моего детства единственная, частная кузнецкая аптека, принадлежавшая аптекарю-еврею (забыл фамилию, вроде, «Альтшуллер» или именно Альтшуллер), находилась в доме владельца на б<ывшей> Соборной ул. (ныне ул. Луначарского), в 3-м или 4-м доме налево от дома Булгаковых. Дом был продолговат и выходил в улицу узким концом, с парадным крыльцом в 3-4 ступеньки. На двух окнах, налево и направо от крыльца, стояли огромные (декоративные) пузатые бутылки – помнится, красная и зелёная. По поручению матери я ходил в аптеку за пудрой, ватой, мятными лепёшками, а на пасхе – за душистым «розовым маслом» для теста. В ребячьем возрасте я, мои братья и товарищи собирали в склянки в топольнике, с листов молодой тополиной поросли, испанских мушек и сбывали их за копейки аптекарю.

Если не ошибаюсь, дом описанной аптеки погиб от пожара.

Мой отец скончался в Кузнецке в 1896 году. Приблизительно в 1900 году «мы», т.е. моя мать, я и два брата продали наш дом на Соборной ул<ице> приехавшему из Томска (или через Томск) аптекарю Кохановскому*, после чего моя мать Т.Н.Булгакова с младшим братом Вениамином и малолетней дочерью Надеждой переехали на жительство в Томск, где я и старший брат Николай жили в пансионе Томской классической гимназии.

Только с этого времени или даже несколько позже аптекарь Кохановский поселился и действовал в Кузнецке. Совершенно фантастично сопоставление его имени с польскими повстанцами 1863г., некоторые из которых были захоронены на Кузнецком кладбище (ныне – парке!) Совершенно неправильно также утверждение о том, будто бы в доме Кохановского найдены были этикетки его аптеки, датированные 1891-92 годами: в 1891-92 гг. мы, Булгаковы, занимали ещё сами весь дом. (Помню, как в 1893 г. – впервые в семилетнем возрасте, познав, что существует летосчисление, я наблюдал одни похороны из окна нашего дома). Разве это были этикетки к<акой>-н<ибудь> другой аптеки, в другом городе, где Кохановский работал до переезда в Кузнецк. Не уследил, когда именно Кохановский перестал быть владельцем аптеки. Очевидно, с окончанием гражданской войны и с установлением в Кузнецке Советской власти. С тех пор непрерывно до нашего времени в нашем доме помещалась и помещается правительственная аптека. Она оборудована гораздо лучше, чем старая аптека Альтшуллера. Между прочим, в 1959 г. меня поразил великолепный склад в глубоком подвале на месте прежнего парадного крыльца: такого подвала в нашем доме не было. Кто создал его, Кохановский или советское управление аптекой, сказать не могу.

Кстати, совершенно непорученными сохранились в нашем бывшем доме только две комнаты, выходящие окнами на двор: столовая и кабинет отца. Остальные комнаты несколько расширены, главным образом, за счёт просторной тёмной «кладовой» (а, в сущности, продолжением детской), помещавшейся в середине дома. (Какое-то своеобразное, отцовское или архитекторское ухищрение!)

Не посетуйте, дорогой К<онстантин> А<лександрович>, что так долго остановился на вопросе об аптеке – привлекает невольно всё родное! Делайте с моими поправками к статье что угодно.

Рад, что до Вас дошла моя книга «О Толстом». (О ней поступают ко мне со всех сторон оч<ень> хорошие отзывы). Рад, что и Полина Васильевна по возвращении из отпуска найдет свой экз<емпляр> этой книги. Третий экз<емпляр> я послал на днях специально для библиотеки краеведческого музея (в дополнение к имеющейся у вас коллекции моих работ).

Рад, что Краеведческий музей утверждает список того, что мои дочери в своё время должны будут переслать в музей. Оч<ень> интересно то, что Вы пишете о планах расширения музея и... города. Особенно заинтересовал меня план проведения трамвая (!), за рекой, в Сосновку. В эту Сосновку однажды я шёл по склонам заречных холмов, переправившись через реку на пароме из Монастыря (Христорождественского), и любовался издали красивым видом Старого Кузнецка, с линией белых каменных домов и зданиями собора и Богородской церкви.

Отцовские документы как-нибудь соберу и пришлю. (К сожалению, писем и суеты всякой, и работы серьёзной слишком много – всё не соберусь! Но собраться надо).

Огромный рост Новокузнецка (а заодно и Старого Кузнецка) немного пугает меня. Конечно, Старый Кузнецк потонет в новостройке, как уже потонули отдельные участки, вроде кладбища и др. Конечно, я желаю всякого роста городу, но всё же, когда узнаю, что не только улицы Москвы, но и нашего бывшего «воздушного курорта» Кузнецка пробензинены, да вспомню о загрязнённой Томи, так грустно становится на душе. Не научились ещё строители жалеть природу – и этого жалко. Я знаю и совершенно согласен с Вами, что Кузнецк (особенно в связи с возведением второго металлургического завода в районе с. Ильинского) станет миллионным городом. Что ж, видно, судьба его такая!

Я живу в общем благополучно, хоть и одиноко. Много работаю, читаю. Не могу прибавить – «гуляю», потому что сил на долгое гулянье и на большие прогулки уже не хватает.

Но, слава богу, что хоть здоровье ещё держится. Брат Вена путешествовал этим летом в Псков, в пушкинское Михайловское, а вот мне лечащий врач отказал в выдаче «курортной карты» для поездки в «дом творчества» С<оюза> П<исателей> Makeевку за Москвой, считая, что поездка была бы мне не по си-

лам. (Он нашёл кое-какие ухудшения в состоянии сердца и нетяжёлой почечной болезни). Выходит, что и к вам в Кузнецк я не мог бы уже приехать... Унывать, конечно, не надо!

Дружески обнимаю Вас и прошу передать такой же дружеский привет Полине Васильевне и всему синклиту вашего прекрасного музея! А в Алмалыке – сыну с семейством!

Искренно Ваши Вал.Булгаков.

* Прим. Вал.Булгакова: «Продавала, конечно, мать, но и мы, несовершеннолетние, должны были поставить наши подписи на каком-то документе в связи с продажей дома. Старый аптекарь, очевидно, покинул город».

1) Рукой Вал.Булгакова приписано: «Пошлю письмо, наверное, 1-го августа».

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Алмалык, 17 сентября 1964 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Простите меня, что я так долго Вам не писал. Ваше письмо я получил в тот же день, как приехал в Алмалык, т.е. 4-го августа. Большое спасибо за внимание ко мне, но время летит так, что я оказался в долгу перед Вами: больше месяца прошло, а я всё не мог собраться ответить.

Алмалык – это новый город: есть законченные кварталы, а между ними пустые места, есть асфальтированные улицы с древесными насаждениями и цветами, а есть улицы и площади, где слой пыли на четверть. Дождей здесь нет, и окружающий район, где я живу, утопает в пыли. Как раз от пыльной площади начинается улица небольших коттеджей с садиками и д. №1 – усадьба, в которой живёт сын. Прекрасная квартира из 3-х комнат со всеми удобствами, веранда и сад. Для того чтобы не задыхаться в пыли, мы ежедневно 2 раза в день из водопроводной колонки в саду поливаем всю усадьбу и улицу, а когда приехал я, то ещё стал обмывать из шланга все деревья в саду и около дома. Жена сына Женя уехала в Ташкент в Институт усовершенствования врачей на 2 месяца для повышения своей квалификации, и мы на всю усадьбу остались 3-е: Виктор (сын), Лёша (внук) и я.

Виктор с 8-ми утра уходит на работу, Лёша идет в школу, и хозяйничать остаюсь я. Надо накормить собаку, кошку и приготовить обед. После того как все уйдут, я ежедневно занимаюсь гимнастикой по системе Прошека (чеха). Система Прошека у меня сохранилась со студенческих лет, но если в обычные дни мне не всегда удаётся проделать все упражнения, то в дни отдыха и отпуска я регулярно проделываю все упражнения – на это уходит 30-40 минут. Потом я

завтракаю и после того, как поставлю на плиту суп, беру раскладушку, ставлю в саду и принимаю солнечные ванны. Начинаю я лежать на солнце (с 10-12 минут), но скоро довожу солнечный сеанс до 1 часа 30 минут.

Теперь некоторые врачи считают долгое пребывание на солнце вредным (радиация) и даже, говорят, это отражается не только на сердце, но и вызывает рак. Однако я ежегодно провожу солнечные сеансы и пока не чувствую вредного влияния солнца. Раньше я даже лежал на солнце по 2 часа (переворачиваясь с боку на бок), теперь дозу несколько уменьшил. После окончания солнечных ванн я немного отдохну в тени и заканчиваю приготовление обеда. Потом наливаю ванну холодной воды и купаюсь в ледяной воде минут 5-6. После того как вытрусю полотенцем начинаю делать растирания по методу Мюллера (с поправками, в области дыхания по Прошеку).

Все эти процедуры и хозяйственные заботы по приготовлению обеда заканчиваются как раз к обеду.

Приходит сын, внук, и мы обедаем.

Потом мытьё посуды и подготовка ужина. Вечером поливка усадьбы и сада – это занимает часа полтора-два. Отнимает время и телевизор. Последние новости и художественные фильмы. Ужин, телевизор и спать!

1) Продолжение см. в следующем письме К.А.Воронина за 4.10.1964 (публикуется ниже).

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 4 октября 1964 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Так мне и не удалось закончить своё письмо в Алмалыке. Выехал я из Алмалыка в Ташкент 20 сент<ября>, так как самолёт вылетает рано: в 5 ч<а-сов> 20 мин<ут> утра местного времени. Как только я собираюсь в дорогу, то всегда нервничаю. Сын говорит: «И чего ты беспокоишься – билет у тебя в кармане, вылетает самолёт утром: успеешь!». Но я как только поеду, обязательно что-нибудь произойдёт: когда я выехал из Новокузнецка и расположился на своём месте плацкартного вагона – приходит девушка, и у неё оказался билет на это же место № 3, а мне проводница предложила место № 8 (верхнее). Когда я в Ташкенте дождался 4-х часов утра, пошёл в камеру хранения, взял вещи и подошёл получать посадочный талон на самолёт, то мне сказали, что самолёт сегодня (21/IX) не полетит, теперь изменили расписание, и самолёт в Новосибирск будет летать не каждый день – самолёт полетит завтра 22/IX. Почему же в Алмалыке пробили билет на 21-е и сказали, что самолёт летает ежедневно? Почему вы заранее не сообщили об изменении расписания? Оказывается, они

«забыли сообщить» в Алмалык. Как это Вам нравится? Одна девушка благодаря этому изменению должна была ждать четверга (а дело было в понедельник) для полёта в Кемерово, т.е. 3-е суток. Всем нам лозунг из огненных букв: «Берегите время – пользуйтесь самолётами» показался иронией. Таким образом с билетом на 21/IX в 4 часа утра невыспавшийся я побрёл устраиваться в гостиницу, чтобы выспаться, и только 22-го утром я вылетел в Новосибирск.

Так что не всегда верьте билету, лежащему у Вас в кармане. В Новосибирске я был в Академгородке. Место замечательное: кругом бор, и все корпуса расположены между деревьями. Имеется пляж на Обском море. День 24 сент<ября> был тёплым, и я искупался в этом море. 24 сент<ября> был последний тёплый день – дальше начались холода. И вот я сейчас опять в музее, а моё письмо с описанием мелочей и треволнений нашей жизни слишком затянулось. Вы простите меня, дорогой Валентин Фёдорович, но я подробно остановился так на разных процедурах и распорядке дня потому, что сейчас много пишут о долголетию, и я на практике своей жизни проверяю эффективность некоторых советов врачей и вижу, что занятия физкультурой, холодные ванны, растирания – всё это несомненно на пользу организму, но достаточно небрежности чиновника из Аэрофлота... Время летит, все мы стареем, и никакая физкультура не может остановить бег времени. Прочитав первую часть моего письма, Вы видите, что наряду с освоением новых мест, постройкой новых городов, прекрасных квартир и т.п. мы все живём очень нервной жизнью. Путешествовать интересно, но иногда Вы попадаете в такую ситуацию, что не рад своей поездке, а, если слабое сердце, то можно и умереть. Вот почему ваши врачи не советуют Вам ездить, и они правы. У нас в Н<ово->Кузнецке перестраивают мост через р.Томь (где проходил трамвай) – его расширяют. Сейчас установлена паромная переправа в этом месте, но мост против Островской площадки (Христорождественска) – новый, широкий и действует.

Надо будет мне съездить в Кузнецк. Я запланировал диораму центральной части г. Кузнецка с базарной площадью. Вид с юга. На первом плане: церковь Одигитриевской божией матери (Богородская), казначейство, школа, дом Васильевых, городское училище и Народный дом. Дальше – площадь базарная и вдали на горе Кузн<ецкая> крепость (тюрьма).

Если мы сделаем эту диораму, то хотя бы у нас в музее можно будет посмотреть старый Кузнецк. Строительство подбирается к центральной части Кузнецка, и скоро только у нас в музее можно будет посмотреть Кузнецк. Полина Васильевна завтра уезжает в Ростов на совещание музейных работников. Оде Николаевна должны на днях делать операцию: у неё камень в почках, и бывают частые приступы болей. Она сейчас в Кемерово у родителей, там ей будут делать операцию. Так что она вернётся в музей месяца через 1½. Остальные все вернулись на свои места.

Во время моего отпуска произошло событие.

В музей сообщили, что в Кузнецке во время рытья погребов один граж-

данин натолкнулся на металлич<еский> гроб. Собралась милиция, сбежались граждане и сообщили в музей. Наша сотрудница Алла Ивановна со своим мужем – студентом СМИ¹ – поехали в Кузнецк. Когда они подошли к месту находки, толпа стала увеличиваться. Кто-то пустил слух, что в гробу есть много золота – все бросились смотреть к яме и чуть не столкнули Аллу Ивановну в яму. Наконец краном гроб вынули и решили его отправить в музей. Директор был в отпуску, а оставшиеся не знали, что делать с гробом. Поставили этот гроб в комнату «истории Кузнецка» и завесили дверь, но на другой день поднялся запах, и, наконец, с трудом этот гроб из музея увезли в ледянку.

Конечно, это захоронение было конца XIX-го или начало XX столетия. Этот гроб выкопали в р<айо>не около бывшего Казначейства и садика Одигитриевской церкви.

Не было ли при Вас случая захоронения старосты церкви или настоятеля Одигитриевской церкви? Это было обычное захоронение, и ничего особенного, кроме металлич<еского> гроба, не обнаружили. Возможно, человек лечился...

<...>²

1) СМИ – расположенный в Новокузнецке Сибирский металлургический институт. Ныне Сибирский государственный индустриальный университет.

2) Окончание письма отсутствует.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 25 октября 1964 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Дирекция и сотрудники Новокузнецкого краеведческого музея поздравляют Вас с праздником Великого Октября и желают Вам здоровья, успехов в работе и полного благополучия.

Ваш К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 2 ноября 1964 г.*

Спасибо Вам, милый Константин Александрович (чуть, было, не написал: Костя!), за Ваш талантливый рассказ – письмо об Алмалыке, его прогрессе и изынах, о Вашем алмалыкском быте – физкультуре, создании микроклимата на собственном дворе, о Вашей хозяйственной деятельности (до изготовления обеда для кошки и собаки включительно), обилии фруктов (позавидовал!) среди

пыли – глубокой, как снег, о Вашей обратной дороге с необыкновенными приключениями, об Академгородке (во второй раз позавидовал: Обское море и бор!), о товарище, потерявшем ботинки и, наконец, о «благополучном» возвращении (с потерей только 50 % здоровья, накопленного за время каникул) в наш благословенный Кузнецк!

Всё, всё мне было интересно, забавно, поучительно (напр<имер>: «не путешествуйте!») – и я ещё и ещё раз Вас благодарю!

Впрочем, благодарность относится и ко всему дальнейшему содержанию Вашего письма: к изложению аптечной истории, к интереснейшему проекту диорамы старого (т.е. «моего») Кузнецка и, наконец, к рассказу о находке таинственного, однако пахнувшего гроба и о его живых приключениях вокруг да около музея!

Впрочем, тайну гроба я Вам открою: в садике при Богородской церкви, перед алтарем, а, значит, поближе к казначейству со времён моего школьного детства была одна-единственная могила – священника названной церкви о. Евгения Тюменцева, 6 февраля 1857 г. венчавшего в Богородской, Одигитриевской тож, церкви Ф.М.Достоевского с Мар<ией> Дм<итриевной> Исаевой (рожд<ённой> Де-Констан<т>). К сожалению, не могу указать года смерти священника¹. Гроб с его телом, вероятно, и был найден на месте погребения домишки, построенного на церковной земле нынче <уже после> сожжения храма лесной бандой в 1919 (?) году.

Скажу два слова о себе. У меня всё последнее время радостное сознание, что «ударила по сердцам» моя книжка «О Толстом». Я получил 135 писем от читателей, в разных газетах появилось пока до 10 рецензий – и все оценивают книгу положительно (нет, больше того!). Иногда успех бывает для автора неожиданным. Таким он был в этом случае и для меня.

Сейчас кончаю работу (или собственно проверяю уже написанное) над книгой «Друзья Толстого (45 портретов)». Тульское (ныне называющееся «Приокское») изд<ательст>во готово её выпустить тоже. И в ней я даю много-много сведений о гениальном человеке из Ясной Поляны.

Живу, «не путешествуя», а, следовательно, сохраняя и нервную систему в порядке.

На могиле жены поставил чёрную гранитную стелу с золочёной надписью. Духовно не расстаюсь с долголетней подругой жизни.

Одинокую и трудовую мою жизнь нарушают охотники за автографами и экскурсии учителей, студентов, школьников. Иногда – с напряжением – принимаю в своей квартире от 12 до 18 человек. Или для большего количества слушателей говорю в автобусах, поскольку живу дов<ольно> далеко от музея.

С любовью вспоминаю о Вас, об обоих Кузнецках и обо всех вас! Сердечно приветствую Вашего сына с семьёй, милого В.О.Болдырева, уважаемую Полину Васильевну и всех сотрудников музея, а также новый мост, пушки, крепость...

и всё кузнецкое!

Письмо Ваше посылаю брату Вене для прочтения.
Прилагаю копию письма К.А.Федина о моей книге.
Желаю много радости и всего, всего лучшего!
Ваш душевно Вал.Булгаков.

1) Священник Е.И.Тюменцев скончался 21 августа 1893 г. и действительно был погребён в ограде Одигитриевской церкви (ГАКО.Ф. 60. Оп. 1. Д. 738. Л. 50, 51).

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 24 декабря 1964 г¹.*

Дорогой Константин Александрович.

С большим удовольствием читал Ваше длинное, в 17 стр<аниц>, письмо из Алмалыка-Кузнецка. Это целая повесть. Особенно замечательно описаны Ваше пребывание в Алмалыке и обратный путь на родину: «микrokлимат», пыль – глубокая, как снег, «маленькое» непредвиденное опоздание самолёта, пассажир, потерявший ботинки, и пр. Но какой Вы молодец: столько физически работали, умели отдыхать, да ещё гимнастику по двум «системам» проделывали. К сожалению, я уступаю Вам и в труде, и в физич<еских> упражнениях вообще – уступаю и запоздало – завидую! (В самом деле, что уж тут за гимнастика в 78 лет!)...

Обратимся теперь к кузнецким делам:

Хорошо, что Вы разъяснили дело с аптекой, а то ползёт-ползёт и, того и гляди, застынет навсегда легенда.

1. Оч<ень> хорошо Вы задумали диораму старого Кузнецка. У Вас не упомянут только собор. А он должен рисоваться вдали, в конце улицы Достоевского.

2. О гробе. Я скажу Вам совершенно определённо, кто был захоронен в этом гробу, именно в середине Богородской церкви, в том конце её (с алтарём), кот<орый> был ближе к казначейству. Это – гроб священника Евгения Тюменцева, венчавшего в 1857 году Ф.М.Достоевского. Эта была единственная могила около церкви. Я знал её и не раз читал надпись на кресте ещё в школьные годы (1894–1896), учась в донные сохранившемся здании бывшего приходского училища, тут же за несколько шагов от ограды, окружавшей церковь. Школу построил в 1894 г. городской староста Степан Егорыч Попов. Наверху было женское 3-хклассное училище, внизу – 3-хклассное мужское. В перемену мы часто выбегали на площадку перед школой и я, бывало, подходил к прозрачной

(с жердочками) ограде церкви, разглядывал могилу и читал надпись: священник <Евг<ений> Тюменцев и пр. Года смерти о. Тюменцева, к сожалению, не запомнил.

Два слова о здании гимназии. Я посетил его в 1959 году. Нижний этаж (внутри) выглядел так, как будто я вышел в него 8-летним мальчиком после перемены. Оно сохранилось на 100%. Я был глубоко тронут. Брат Вена испытал то же впечатление.

Кстати, Вен<имин> Фёд<орович> сейчас оч<ень> болен: поджелудочная железа и пр. Была операция. Не порадуете ли его весточкой с родины? Адрес Вы знаете: Ленинский проспект, д. 18, кв. 11. Мне что-то не понравилось, что тон его писем стал особенно нежен, как при прощании.

3. Надеюсь скоро выбрать время и послать в музей документы отца.

Перехожу на частные темы.

Сейчас я занят окончательным просмотром и дополнениями рукописи книги «Друзья Толстого (45 портретов)». Это, вероятно, тоже выйдет в Приокском изд<ательств>е в Туле.

Моя книга «О Толстом» выйдет дополнительно ещё в 50000 экземпляров. Надо сказать, что они пользуются исключительным успехом. Писатели, литературоведы, простые граждане – все довольны и пишут мне о своём впечатлении. Вам, дорогой друг, надо обязательно прочесть эту книгу. Т<ак> к<ак> музейский экземпляр выложен в витрине, то я пришлю лишний экземпляр лично для Вас. Прочтите хотя бы последние главы: «Уход и смерть Л. Н. Толстого», «В кругу семьи Толстого». Найдёте в них много нового для Вас.

Живу одиноко в своей квартире. Удивляюсь, что в общем здоров и не хвораю. На днях принимал у себя 16 тульских студентов.

Сердечно приветствую Вас и весь музей!

Ваш друг Вал. Булгаков.

P.S. Представьте, что написал всё это письмо при свечке. Электричество испортилось. В.Б.

1) Содержание письма в некоторой степени повторяет предыдущее, но вносит новые подробности.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 26 декабря 1964 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Поздравляю Вас с Новым годом! Желаю здоровья, полного благополучия и творческих успехов. Много лет утекло, но, как только зимние каникулы и Новый год, невольно вспоминается наша гимназия и пансион. Вся лестница

убрана пихтами, а иногда хвойными гирляндами. Вечером звонок на чай, и мы по коридору и лестнице спускаемся вниз в столовую. Каждому хочется побежать вперёд, но «Петруха» (воспитатель Пётр Матвеевич) идёт впереди и никого не пускает. Смолистый запах хвои – по всему зданию. После чая некоторые проберутся в спальню «для старших». Лампочка чуть светит из-за зелёного абажура. И ТУТ В СПАЛЬНЕ НАЧИНАЮТСЯ РАЗНЫЕ РАССКАЗЫ. Однако если Петруха узнает, что в спальне идут дебаты, да ещё и некоторые развалились на кроватях, то обязательно всех выгонит в занятую, а любителей полежать стащит за ноги и ладонью нашлёпает. Мне ещё вспоминается, когда в пансионе дежурил Павел Митрофанович Киркус. Если наступали морозы свыше 30 градусов, то утром Павел Митрофанович или, как его звали ребята, «Павлуха» ходил между кроватями, дёргал за одеяло и говорил: «Сегодня мороз, мороз ... вставайте!» Ребята иногда ещё в одном белье бежали по верхнему коридору к лестнице и смотрели на градусник. Раздавались весёлые голоса: «Не учиться, не учиться». Скорее одевались и ставили внизу у входных дверей в гимназию пост на случай, чтоб пришедший из дома ученик не раздевался, а немножко погрешись, уходил домой. И никогда так быстро не вскакивали с постели и торопливо не одевались, как в мороз. Всё это теперь далёкое прошлое. Я очень рад, дорогой Валентин Фёдорович, что моё последнее письмо о летнем отдыхе Вам доставило удовольствие, а я, по правде сказать, когда его кончил, не хотел уже посылать: чуть не 15 страниц о всяких мелочах, но потом всё-таки послал и очень доволен, что оно Вас не утомило.

Очень благодарен за сообщение <про> о.Евгения Тюменцева, похороненного в ограде Одигитриевской церкви. Но есть ещё одно сообщение жителя Кузнецка – Кудашкина. Он одно время был псаломщиком в Богородской церкви. Он написал мне, что у о.Николая Рудичева, последнего священника Одигитриевской церкви, был сын, который учился в Томской духовной семинарии. В начале 20 века (в 1908–1909 гг., точно не помнит) сын о. Николая в Томске умер. О.Николай хлопотал, чтоб архиерей разрешил сына похоронить в Кузнецке около церкви, где о.Николай был настоятелем. Разрешение дали, и из Томска в металлическом гробе тело сына привезли в Кузнецк. Кудашкин говорит, что он сам видел, как были похороны, и могила находилась в северо-восточной стороне церковной ограды, т.е. ближе к казначейству. Видимо, могила о.Тюменцева и могила сына о.Николая находились в одной стороне. Я думаю, что когда хоронили о.Тюменцева, его положили в обычный гроб, так как он умер в Кузнецке. А вот везти тело из другого города в обычном гробу не разрешали и потому привозили в металлическом гробу. Вероятно, тот гроб, который обнаружили нынче осенью, был тот, в котором хоронили сына о.Николая. Это подтверждает и то обстоятельство, что останки издавали запах. После захоронения в 1909–1910 гг. прошло всего 54 года. В общем теперь если нам задают вопрос об этом таинственном гробе, то мы даём ответ. А мне уже в Кузнецке, когда я читал лекцию, задавали такой вопрос. Вспомнив о.Николая, я хочу рассказать Вам о его трагической судьбе. Когда я приехал в Кузнецк 1918 г., о.Николай был

преподавателем закона божьего в Высшем начальном училище (бывшее Уездное и Городское) и настоятелем Одигитриевской церкви. У него было несколько дочерей помимо сына, и все они были учительницами. В 1919 г. я женился 26 ноября. Венчал нас о.Николай в Богородице-Одигитриевской церкви. Это был последний день перед рождественским постом, когда можно было венчать. Я стоял на том же месте, где в 1857 стоял Достоевский, перед тем же алтарем. А через две недели в Кузнецке был отряд анархистов Рогова, все церкви были сожжены, священники убиты. Кудашкин мне рассказал, что он шёл по улице Базарной (теперь – Ленина) и увидел, что около забора лежит о.Николай, язык у него отрезан, и идёт кровь. Подбежал ещё роговец и ударил его в спину штыком.

Через несколько дней все трупы были свезены в «Поганный лог». Трупов было ок<оло> 300. Так закончилась жизнь последнего настоятеля Богородице-Одигитриевской церкви о.Николая Рудичева, а моя свадьба в этой церкви была последней. Священника убили, а церковь сожгли, а теперь и кирпичи уже убрали. Стоит только одна листовница от садика церкви, а у меня сохранилась церковное брачное свидетельство, выданное мне под датой 1.12.1919 г. и подписанное о.Николаем Рудичевым. Это последнее брачное свидетельство, выданное этой церковью, и я оставлю его в нашем краеведческом музее. Много горя принесли роговцы Кузнецку, и много ценных документов погибло в церквях и сожжённых архивах.

Вместе с Вами, Валентин Фёдорович, я радуюсь широкому и сердечному успеху Вашего труда «О Толстом». Очень тронут тем, что Вы благодаря своей любезности прислали мне отзыв К.Федина, и несомненно каждый, кто читает Вашу книгу, в том числе и я, разделяет те чувства и мысли, которые высказал Конст<антин> А.Федин.

Если Вас часто отрывают от работы любители автографов, то нам в музее часто приходится отрывать от обработки собранных материалов и всякой «писанины» для проведения экскурсий и консультаций. Я собрал значительный материал о возникновении народного театра в Кузнецке в 1920 г. Дело в том, что раньше постоянного театра и труппы в Кузнецке не было. Ставили спектакли и проводились вечера с благотворительной целью любителями драматического искусства от случая к случаю. А в 1920 в Кузнецк приехал артист Яров И.Д., и с 1920 г. в Народном доме стал работать постоянный драматический кружок (из любителей), но с квалифицированным артистом-режиссёром. Эта группа любителей под руководством Ярова И.Д. каждую субботу и воскресенье ставила спектакль. Таким образом, в течение месяца проводилось до 8 постановок. Все революционные праздники, торжественные заседания, съезды сопровождались вечером с постановкой. Эта работа проводилась с того времени не случайно, а регулярно и круглый год. Костюмы, обстановка давались жителями Кузнецка. Всё делали сами. Никакой костюмерной, парикмахерского цеха, бутафорского – не было. Это было творчество жителей всего города. То есть детище самого народа – Народный театр. И ставили классический репертуар: «Ревизор», «Же-

нитьба», «Без вины виноватые», «Бедность не порок» и т.п. Из современного материала были миниатюры, и в 1926 году ставили «Яд» Луначарского. Материал собран, но обработать некогда, а у меня катаракта усиливается, и зрение ухудшается. Вечерами я стараюсь не читать.

В Кемерово к 50-летию советской власти будет издан трёхтомник истории Кузбасса. Я читал первый том, и там о Кузнецке говорится, что никакой работы в Народном доме в Кузнецке не проводилось. Мне хочется подготовить лекцию о возникновении Народного театра и художественной самодеятельности в Кузнецке в 1920–1923 гг. Хотелось бы затронуть и предысторию, то есть любительские спектакли до революции, увеселения Кузнецка: ярмарки, качели, канатоходцы, фокусники. Мне говорили, что в Кузнецке циркачи выступали в амбаре около городской управы по ул. Достоевского, где стояли пожарные машины. Пожарные машины из амбара выкатывали, а в амбаре делали помост и выступали артисты. В Ваше время было это в Кузнецке? Помню я, как Вы рассказывали, что в бывшем общественном собрании (на берегу у Топольников) выступали любители, и одна только замечательно талантливо играла. Если у Вас, Валентин Фёдорович, выберется время, то черкните мне кратко – какие Вы помните увеселения кузнецан во время Вашей жизни в Кузнецке. Скоро и мне, вероятно, придётся уходить на пенсию, и если я не оставлю не вполне обработанный, но собранный материал о культурной жизни Кузнецка, то так и останется белое место: до революции в Кузнецке никакой культурной работы не проводилось. А я знаю, что в Бийске, где папа и мама были учителями, проводилась интересная работа. Папа ставил хор и отрывки из оперы «Иван Сусанин». Ставились пьесы Островского, Гоголя, Потехина и др. Проводились вечера с ариями опер Чайковского, Глинки и др., не говоря уже о романах Варламова и народных песен. Но в Бийском музее об этом ничего не знают, и никаких материалов нет. Я им оставил афишу 1898 г., где папа, мама и др.<угие> любители принимали участие в постановке пьесы «Блестящая партия». Так и у нас в Кузнецке всё начинают со строительства завода КМК и Новокузнецка, а о старом Кузнецке мало что известно.

Хоть я Вам и написал, что у нас нет времени для «писанины» – всё время заняты, однако опять разошёлся и намазал 12 страниц, но это объясняется тем, что я сегодня устроил «забастовку». Объявил, чтобы мне не мешали писать письмо и не отрывали меня на экскурсии.

Всего доброго, привет от сотрудников музея. Оде Николаевне сделали операцию (вынули камень из почки), и она уже поправляется. С 1-ого января она выйдет на работу (Ода Николаевна с сентября месяца не работала).

Ваш К.Воронин.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 24 апреля 1965 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Поздравляю Вас с праздником весны -1-е Мая. Желаю здоровья, успехов в работе и полного благополучия. Я перед Вами виноват, что долго не писал, но ряд событий и работ задержали меня. Напишу подробное письмо. Получили из Москвы от Вениамина Фёдоровича книгу в переплёте «Далёкое детство» о жизни в Кузнецке. 22 главы. Я ещё не читал, но всё о Кузнецке для нас ценно. Желаю счастья.

Ваш К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 1 мая 1965 г.*

Дорогой Константин Александрович, сердечно поздравляю Вас с светлым днём 1-го Мая и шлю пожелания доброго здоровья, успеха и неустойчивости в трудах и всего хорошего!

Интересно Ваше сообщение о «Далёком детстве» брата Вениамина. Я знал, что он писал свои воспоминания, но до сих пор их не читал. Теперь к нему пристану с требованием познакомиться с рукописью. Будьте счастливы!

Душевно Ваш Вал.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 5 мая 1965 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Наконец-то я собрался Вам написать. Дело в том, что помимо подготовки к Дню Победы, к дню 45-летия комсомола в нашем городе, 1-ому Мая и другим датам нужно ещё собрать необходимый материал по культуре г. Кузнецка, а тут ещё бесконечные консультации по разным вопросам. С местной газетой у нас никак не налаживаются нормальные отношения. Напечатают они какую-нибудь ерунду, вроде «100-летие аптеки, организованной повстанцем от 1863 г. (в Польше)». Мы, конечно, опровергаем – они с нами соглашаются, но опровержения не поместят. Напечатали в газете статью о нашем председателе Кузнецкого исполкома 1918 г. Петракове одного учёного Погребного, а он прочитал книгу Лебедева изд<ания> 1957 г. о кровавых событиях на Лене 1912 г., где Лебедев по ошибке под портретом Баташева поставил фамилию Петухов (наш председатель, участник Ленских событий, имел фамилию Петухов, а в Кузнецке он работал (после Ленских событий) под фамилией Петраков). И вот Погребной под

портретом Баташева поставил фамилию Петраков. Да и вся статья содержит ряд ошибок. Лебедев в 1962 г. выпустил 2-е издание своего труда (к 50-летию Ленских событий), и так как я уже с ним был знаком, бывал у него в Москве и дал ему фотографию Петухова-Петракова, которая имеется у нас в музее, то во 2-м издании Лебедев исправил свою ошибку и поместил наш портрет Петухова-Петракова и сделал оговорку, что в 1-ом издании были ошибки. Но «учёный» Погребной не удосужился прочитать 2-е издание Лебедева (хотя прошло уже 3 года с момента выхода в свет) и ляпнул статью в нашей газете с портретом Баташева. Многие знают лично в Кузнецке Петухова-Петракова и возмутились.

Я написал хорошую статью, в которой досталось порядочно этому учёному. Газета согласилась с этим, что допустила ошибку, но статью мою не поместили и даже не дали справку, что в статье есть ошибки. Я, конечно, мог послать свою статью в центр, т<ак> к<ак> местная газета её не поместила и ошибки не исправила, но работа отвлекла и сделать этого мне не удалось. Были и ещё статьи, с которыми редакция соглашается, но не печатает.

Между прочим, я написал хорошую статью, небольшую, но, по-моему, очень нужную для наших горожан об издании Тульским издательством Вашей книги «Толстом». В ней я упомянул, что первые 30 тыс<яч> экземпляров быстро разошлись, что ещё будет выпущено 50 тыс<яч> экземпляров, взял небольшую выдержку из письма Федина, копию которого Вы мне присылали. Но, к сожалению, и эту мою статью не поместили.

В общем, отношения с печатью у нас плохо налаживаются. А тут последнее время я занялся процессом жены. 5/II жена заболела (гипертония) и легла в больницу. Она работает завучем в младших классах шк<олы> № 1 и ведёт класс. И вот 17/II издаётся приказ о том, что завучем назначается другая преподавательница. 22 марта жена выходит из больницы, и ей не говорят, что она уже не завуч. 23 марта она ещё работает, но простывает и болеет до 5 апреля.

Когда она начала работать, то та учительница, которая назначена завучем, начинает требовать от неё планы – жена ничего не понимает. Наконец когда она увидела ведомость зарплат за март месяц, то видит, что зарплата ей начислена только за класс, а <как> зав<едующей> учебной частью – ничего не начислено. Она возмутилась, что во время её болезни совершили такую несправедливость. Подала заявление в местком. 7 апреля появился новый приказ, где её восстановили, чтобы правильно уплатить за время болезни. Но ни 8-го, ни 9-го этот приказ не показывают. Когда 10-го было заседание месткома, то молодые учителя – члены месткома – вместо того, чтобы беспристрастно решить вопрос, встали на сторону директора, нарушившего трудовой закон, и дело дошло до того, что жена заявила: «Тут правды не найдешь!» Тогда члены месткома закричали: «Она нас оскорбила! Какое имеет она право!»

В общем, после этого заседания она вернулась домой и слегла, а врач запретила ей даже шевелиться, т<ак> к<ак> в прошлом году у неё был лёгкий удар, а при настоящем положении может быть очень большой. И вот только

3-ого мая она вышла на работу. Но всё это не зря. Я добился того, что 1-й приказ был отменён, бюллетень и зарплату оплатят правильно, но нервы потрепали порядочно. Я ходил на ряд заседаний, в том числе и на бурное заседание месткома, с которого увёз жену больной.

Это называется чуткое, внимательное отношение к человеку. Осталось работать в школе до пенсии один год. 15 лет она работала в этой школе учителем и 5 лет завучем, и вот сейчас принесли 3-й приказ: за неимением соответствующего образования (она закончила педагогическое училище и всё время преподавала в младших классах и была завучем в младших классах). Таким образом, имеются три приказа:

1-й от 17/III (когда она была в больнице) – её освободили от обязанностей завуча;

2-й от 7/IV – когда её восстановили в должности завуча, так как испугались ответить за незаконный приказ.

И вот, когда она опять пришла в школу, – 3-й приказ от 5/V, что с 3/V она за отсутствием соответствующего образования освобождается от заведующей учебной частью и остаётся только учительницей.

5 лет была завучем, и за 3 недели до конца учебного года оказалось, что образования не находится. Вот такие у нас дела. Такое чуткое отношение. А жена на Доске Почёта и в книге лучших работников школы.

Вениамин Фёдорович прислал нам целую переплетённую книгу, где он описывает своё детство в Кузнецке. Читая о жизни в Кузнецке Вашей семьи, я невольно вспоминаю и нашу учительскую семью в Томске. Нас ребят было 7 человек, но 2-е умерли. Очень много в наших семьях было общего, даже в том, что Ваш папа играл в карты, и наш папа иногда проигрывал в Общественном собрании всю зарплату и утром уже являлся домой без копейки. Хорошо, что мама наша была энергичная и находчивая. Все воспоминания Вениамина Фёдоровича пронизаны аллегорической дымкой, да это и понятно. Для всех нас дни невозвратимого детства покрыты дымкой прекрасного далёка. Он, наверное, посылал Вам прочитать свои воспоминания. Теперь будем ждать от него воспоминаний дней юности.

Мне остаётся работать в музее год-полтора, так как я думаю уходить на пенсию по старости. Начинаю уставать, да и зрение у меня плохое. Надо будет всё, что я собрал, подытожить и привести порядок, чтобы в будущем всем было легко разобраться в том, что останется после меня в музее.

Погода стоит тёплая. Томь разливается. Опять наступает лето. У вас скоро в Ясной Поляне всё зацветёт. Смотрел кинокартину «Три сестры» по А.П. Чехову. Как это всё понятно нам, но как это многим из молодежи далеко и не понятно.

Наступает День Победы над фашисткой Германией, но что творится на мировой арене: кровь, кровь, кровь. И это всё под маской культуры, демократии

и т.д. Что же ещё ждёт нас на закате наших дней?

Ну вот, пока и всё, дорогой Валентин Фёдорович. Желаю Вам доброго здоровья, успехов в работе и полного благополучия.

Ваш К.Воронин.

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, 11 мая 1965 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Благодарю Вас за поздравление с Первомаем!

А я поздравляю, хотя и с запозданием, и с Первомаем и с Днём Победы 9-го Мая!

Желаю крепкого здоровья и бодрости, долгих лет жизни на процветание Вашего музея!

Да, не только, по-видимому, мы, люди, уходили из жизни, но – целые города... «Скоро от Кузнецка останутся только воспоминания», – пишете Вы... Некоторые сведения о городе можно будет узнать из моих воспоминаний № 2, то есть из повести «Годы отрочества», с 1896-го года по 1903-й год, когда я учился в приходском училище и приезжал на лето в Кузнецк из Томской гимназии.

Но цель моя – вспомнить наши детские-отроческие годы, так как обрисовать быт взрослых или жизнь города Кузнецка подробно мне трудно. Да и продолжающееся недомогание после моих болезней мешает работать головой и пером.

Но я упорно постараюсь дать для Вашего музея и эту вторую часть воспоминаний.

А Вам и всем сотрудникам музея шлю самые сердечные поздравления здоровья и успехов в вашей культурной работе и всего-все-го счастливого!

С товарищеским приветом

Вен.Булгаков.

P. S. Если удосужитесь, напишите мне о том, как растёт гигант индустрии в бывшем селе Ильинском и как поживает улица Луначарского с нашим домиком?

В.Б.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 18 мая 1965 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Отвечаю на письмо Ваше от 5 мая – о скверных правах газет (по посторонним сообщениям не печатающих хороших и нужных статей), о бюрокра-

тизме, отсутствии товарищества и о несправедливости в школе, и могу только сочувствовать Вам и Вашей супруге в Вашем огорчении и огорчаться сам. Но знаю – пока переплывёшь житейское море, много натерпишься! Иной раз хочется своему близкому посоветовать: плюнь на все эти непорядки, не расстраивайся и иди своим путём! За супругу Вашу радуюсь, что она хоть своё учительство (самое главное!) уберегла, и это очень хорошо, это главное, а о завучестве лучше забыть, тем более, что это оч^{ень} трудная и, кажется, плохо оплачиваемая должность!...

За Вас, как литератора, конечно, оч^{ень} страдаю, но помочь не могу. А сколько и мне приходилось страдать. Ведь целый ряд своих работ я опубликовал чуть ли не с 50-летним опозданием, а оч^{ень} многие и до сих пор лежат в рукописях!

Кстати, массовое издание книги «О Толстом» начн^т осуществляться только во 2-м полугодии, п^{отому} ч^{то} нет бумаги: она поступает в изд^{ательст}во, обычно, только во 2-м полугодии.

Рукопись «Друзья Толстого (45 портретов)» представлена в редакцию «Приокского изд^{ательст}ва» и, кажется, находит признание.

В одно ленинградское изд^{ательст}во послал рукопись книги «Встречи с художниками» (все – с художниками большого ранга).

А вот с пьесой «Путь в Астапово», написанной в 30-х гг., волянка продолжается до сих пор.

Так или иначе всё-таки работаю, пишу, чтобы использовать короткое время (полгода? год? 2 года?), остающиеся до разлуки с миром.

Книги (воспоминаний) своего брата не читал, но, конечно, прочту.

Наконец-то собрал и посылаю Вам для Краеведческого музея старинные (начиная с 1824 года!) документы моего отца и приложил ещё 4 документа о моём поступлении в 1-й класс Томской гимназии (среди этих «документов» имеется, главное, свидетельство о моём обучении в 1-м классе Кузнецкого уездного училища).

М^{ожет} б^{ыть}, присылка эта хоть немножко Вас, как душу Кузнецкого музея, порадует и развлечёт.

Прилагаю и формальную бумажку на имя директора музея П.В.Кононовой о передаче музею бумаг из нашего «семейного архива». Это – кусочек старого Кузнецка. Пусть он в Кузнецке и хранится.

Сердечно приветствую Вас, дорогой Константин Александрович, и шлю Вам и Вашей супруге, а также всему коллективу музея доброго здоровья, успеха в трудах и всего, всего лучшего!

Душевно Ваш Вал.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 5 июня 1965 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Очень Вам благодарны за присланные документы Вашего отца Фёдора Алексеевича Булгакова, штатного смотрителя кузнецких училищ (1824–1883), и лично Ваши документы о поступлении в Томскую губернскую классическую гимназию. Все эти документы для музея имеют большое значение. Даже внешнее оформление этих документов очень интересно. А оценки семинарии: «довольно хорошо», «довольно изрядно», «весьма порядочно», «очень хорошо», «поведение – честное». Даже для нас это далёкая история, а для молодёжи? Но главное в том, что эти все документы связаны с людьми нашего Кузнецка. Томская гимназия – это уже ближе, в особенности для меня. Директора Муретова я помню хорошо. У нас в Н^{ово}-кузнецке была жара, сейчас дождь. В Москве гораздо холоднее.

Начинаются отпуска. Я буду отдыхать в сентябре и поеду в Алма-лык к сыну. Стал уставать и на будущий год в это время уйду на постоянный отдых по старости. Нужно будет за этот год закончить все музейные дела. На днях пойду с фотографом в Старый Кузнецк. Сделаем снимки исторических памятников и некоторых старых домов.

Очень опечалился, когда прочитал в «Литературной газете» от 15 мая №58 статью «Природа и мы»: оказывается, около Ясной Поляны поставили химический комбинат, и теперь погибают деревья в аллеях Ясной Поляны. Мы думали, что только у нас такое головоунытие: окружили со всех сторон трубами, и мы задыхаемся, а разговоры об очистке воздуха и воды остаются – разговариваем без дел. Оказывается, и около Вас такое же безобразие. Теперь ведь и комбинат не уберёшь. Такая же вещь и около Байкала – уникального озера. Отравленная вода по Томи дошла до Оби. Так что осётры, стерлядь, нельмы и другие рыбы будут погибать. Верно, я читал, что теперь изобрели искусственную икру осетра, стерляди и кеты и она не уступает настоящей. Я икру не ем, но всё искусственное не считаю полноценным и не завидую тем, кто в будущем будет пользоваться только заменителями. Предпочитаю лён, хлопок и шерсть натуральные, так же как и мёд, ягоды. Мы уже только мечтаем о гречневой каше, которая у нас давным-давно исчезла и не бывает, а конопляное масло, которое ели с картофелем, молодёжь даже никогда не видела и не пробовала. А о нашей рыбе мы и не мечтаем. Говорят, старикам всегда не нравится настоящее и они смотрят на прошлое, но разве чистый воздух, лес, трава и прозрачная вода хуже дезинфицированной и пахнущей медикаментами? Жаль, что в Ясной Поляне появляется отравляющий газ.

Всего доброго, Валентин Фёдорович!

Полина Васильевна просила Вас поблагодарить за присланные доку-

менты и пожелать Вам крепкого здоровья. Сотрудники музея шлют Вам горячий привет. Желаю здоровья и успехов в работе.

Ваш К.Воронин.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Вороницу
Ясная Поляна, 3 июля 1965 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Брат Вена пишет мне о Вашем интересе к вопросу о том, был ли уже в 1903 году Народный дом на площадке против здания быв<шего> Уездного училища. Отвечаю: не был.

В последний раз я был в Кузнецке в 1914 году, и мне кажется, что и тогда ещё Нар<одного> дома не было. (Но возможно, что я просто не заглянул на эту площадь и что именно потому Нар<одного> дома в старые годы и не помню).

Ещё одно слово. Когда я писал, что брат Вениамин вместе со мной посылает Вам бумаги отца, то я имел в виду именно те бумаги, которые Вы уже получили. А других отцовских бумаг у него нет.

Пишу – и не знаю, захватит ли Вас эта весточка дома: не полетели ли опять архаическими путями к сыну в гости?

Я занимаюсь понемногу (поскольку здоровье и силы позволяют) литературной работой. Большое событие в моей жизни: ленинградское изд<ательств>во «Художник РСФСР» приняло к изданию мою книгу «Встречи с художниками».

Прилагаю оказавшуюся лишней для меня копию рецензии ст<аршего> науч<ного> сотрудника Гос<ударственного> музея Л.Н.Толстого в Москве А.И.Шпермана (автора книги «Толстой и Восток») на мою книгу «Друзья Толстого (45 портретов)». Книга закончена мною и находится на рассмотрении «Приокского издательства» в Туле.

Шлю сердечный привет, желаю доброго здоровья и всего хорошего! Шлю сердечный привет также Полине Васильевне, Анне Николаевне и всем сотрудникам музея!

Ваш Вал.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 15 августа 1965 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Давно Вам не писал. У нас в музее все ушли в отпуск, и мы оставались

только вдвоём с Одой Николаевной (кроме техничек). Полина Васильевна, Анна Николаевна, заведующая фондами Побожия, Свирская, художник, Алла Ивановна и даже столяр – все в отпуске. Теперь начинают возвращаться. Вернулась Полина Васильевна и Анна Николаевна. И скоро (к концу августа) приступят к работе все, а мы уже готовимся к отдыху. 17 августа уходит Одна Николаевна, а я ухожу с 4-го сентября. Ещё не решил, куда направлюсь. У сына в Алмалыке хорошо, но воздух в городе пыльный (микроклимат в садике очень по размерам не большой), а мне хочется подышать свежим воздухом и, возможно, направлюсь в Сочи. Там и воздух морской и можно купаться. Помимо этого в Сочи удобно с питанием. Возможно, ещё проеду в Сухуми – там тоже хорошо. Путёвок нам не дают, а диким способом едешь туда, где знаешь что устроишься. Замечательное место – Гагры, но я там не жил и не знаю условий жизни «диких». У нас хотя нынче и жарко, но чувствуется осень – уже желтеют листья и ночами прохладно. Я нынче за всё лето только один раз искупался. Делали съёмки в Кузнецке и после работы искупались в Томи около Топольников, где когда-то купались с Вами. Вот и всё, а лето у нас кончается, и можно покупаться только на юге.

На днях было заседание по охране исторических памятников. В связи с тем, что в центре стали этому вопросу уделять больше внимания, и у нас зашевелились, думаем, что из всех мемориальных домиков выселят жильцов и устроят общественное место культуры (библиотеки, уголки пионеров и т.п.), а мы сделаем там соответствующую экспозицию. Даже думают восстановить стену крепости и надвратную церковь. Проект реконструкции крепости у нас давно составлен архитекторами, но денег нет. Теперь думают хотя бы по частям восстанавливать, привлекая к этому заводы и тресты. В конце августа должно быть заседание горсовета по этому вопросу.

В «Комсомольской правде» № 175 от 28.06.1965 г. хорошие отклики на статью «Отечество». Я только из этих статей узнал, что от издания сочинений Тургенева и Л.Н.Толстого и др<угих> классиков отчисляется процент дохода в пользу лит<ературного> фонда на содержание дома творчества писателей в Коктебеле. Усадьбы Тургенева и др<угих> классиков разрушаются за отсутствием средств, а современные писатели получают дотацию в виде процента с издания старых классиков на современный дом творчества. Совершенно прав тов. Л.Афонин, когда ставит вопрос об отчислении этого процента на нужды восстановления и содержания усадеб классиков. Можно взять и не 1%, а 5%, и 10%. Вот и будет разрешён вопрос о деньгах на мемориальные памятники и усадьбы. Хороша и статья «Одних обещаний мало», где говорится: «пора бы встряхнуться и Министерству культуры СССР».

Мы на местах уже десятилетие волнуемся, беспокоимся, доказываем воспитательное значение памятных мест и исторических мемориальных памятников, но наши строители при проектировке даже не посмотрят где и какой находится памятник: им лишь бы всё снести и построить новый квартал. Теперь, когда заговорили в центре, и нам на местах легче выступать. Около Народного

дома должна пройти автострада, и его даже думали убрать, ну, а теперь должны крепко обдумать, как его сохранить. Народный дом построен около 1905 г., но точно я никак не могу установить. Живы люди, которые видели постройку и брали щепки на строительство, но в каком году? Или 1905, 1906, 1907? Сквер около Народного дома создан в 1912 году. Это было первое древонасаждение под руководством лесничего. На каждом дереве была бирочка с фамилией посадившего и ухаживающего за ним. Сажали деревья ученики Городского училища, некоторые потом в 1918 году учились у меня в гимназии.

Большое спасибо за весточку о себе и за сообщение. Рад за Ваши успехи. Будем ждать выхода в свет книги «Друзья Толстого» и «Встречи с художниками».

Выпущено ли 2-е издание Вашей книги «О Толстом»? Вы сообщали, что 2-е издание будет в количестве 50 тыс.<яч> экземпляров. Если это издание выпущено, то когда? Нынче в ноябре исполняется 55 лет со дня смерти Льва Николаевича Толстого. Надо будет напомнить не только кузнечанам, но и томичам, что юношеские годы секретаря Льва Николаевича прожил в Томске. Не только молодёжь, но и очень многие томичи этого не знают, так как город вырос в несколько раз, а Вы окончили гимназию в 1906 г. – это почти 60 лет тому назад. Во время отпуска я напишу небольшую статью в томскую газету. Когда куплю билет на место своего отдыха, то сообщу Вам свой адрес. Моё путешествие будет месяца полтора. Сегодня 15 августа, и через 2 недели я уже буду собираться в дорогу.

Всего доброго, а главное – здоровья. Привет от Полины Васильевны, Анны Николаевны, Оды Николаевны и всех сотрудников музея.

Ваш К.Воронин.

P.S. Очень интересен отзыв о Вашей книге «Друзья Толстого».

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 17 октября 1965 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Я всё поджидал весточки о Вашем возвращении в Новокузнецк из Вашего путешествия. Но не получивши, решил, что по времени Вы должны уже обязательно быть дома, и поэтому пишу Вам.

Предполагаю, что Вы были (как и собирались) в Сочи и надеюсь, что провели в этом чудном южном и приморском городе свои «каникулы» счастливо и с пользой для здоровья.

Очень интересно всё что Вы пишете об оживлении в кругах любителей старины. Сюрпризом было для меня Ваше сообщение о том, что готов проект

реставрации крепости и крепостной церкви. Крепость – древнейший и оч<ень> эффектный (украшающий город) памятник старины, и восстановление его в историч<еском> виде было бы оч<ень> важно.

Любопытно, что когда я (уже покинув Кузнецк) навещал его изредка в позднейшие годы (1902 – 1914, равно как и в 1959), я всегда находил один дефект в крепостном сооружении, как видно, «нарочно», «в поучение потомкам» сохранившийся – это глубокая выщерблина в углу стены, в углу правом, если смотреть снизу, из города. Казалось бы, не так трудно привезти возик дикого камня и щебня и заделать выщербину, но почему-то наш город на это «не решился». Интересно, существует ли до сих пор эта выщербина?

Вы хотите «напомнить» обо мне томичам. Но в таком случае им следовало бы напомнить также об окончившем Томскую гимназию (с золотой медалью) в 1906 г. сыне профессора-медика Томского унив<ерсите>та, ныне – московском композиторе, авторе опер «Бэла» и «Дикая Бара», а также многих романсов и инструм<ентальных> сочинений (10 сонат и пр.), профессоре Москов<ской> консерватории, лауреате Госуд<арственной> (б<ывшей> Сталинской) премии, заслуженном деятеле искусств и докторе искусствоведческих наук Анатолии Николаевиче Александрове (род<ился> в 1888 г.).

Заметили ли Вы – читали ли Вы в № 5 журнала «Художник РСФСР» (Москва) статью худ<ожника> Е.З. Романова «Спасённая коллекция» (это – об истории и судьбе учреждённого мною Русского культ<урно>-истор<ического> музея в г. Збраславе у Праги, в Чехословакии)? Найдете в гор<одской> библиотеке или у кого-нибудь из художников это № и прочтите статью.

Вы спрашиваете, когда выйдут мои книги «Встречи с художниками» и 2-е изд<ание> «О Толстом». О первой ничего не могу сказать, а 2-е издание набрано, прокорректировано, но печатание задерживается из-за ... недостатка бумаги. Книга «Друзья Толстого» принципиально одобрена в «Приоксом изд-ве» (Тула), но сейчас проходит «рецензионные» испытания. Словом, и читателям и автору надо запастись терпением! Вот сейчас лежит передо мною и красуется великолепное отпечатанное издание моей книги «Л.Толстой в последний год его жизни», вышедшая в 1963 г. в Милане под названием «Уход и смерть Л. Толстого». Издатель Чино дель Дука. (Это – второе итал<ьянское> издание. Первое вышло в Foligno в 1930 г.).

Я получил от брата Вены ряд вновь найденных им интересных отцовских документов, которые, по условию с ним, скоро пошлю Вам для Вашего музея. В бумагах есть и документы моей матери, а также две любопытные бумаги, касающиеся старшего брата Николая. Можно ли это тоже послать Вам?

Много (иногда любопытных) документов моей жены, но ... она родилась в Вологде, школы проходила в Москве, учительствовала в Тамбов<ской> обл<асти>, в Москве и за границей, и не только в Кузнецке, но и в Сибири вообще никогда не бывала, и думаю, что документы её к Вашему музею не подойдут.

Последнее время я выступал в Туле и в Ясной Поляне (в связи с ежегодным в наших местах чествованием дня рождения Л.Н.Толстого – 9 сентября) с тремя публичными докладами. М^{ожет} б^{ыть}, один из них появится в московской печати – тогда пришлю.

Здоровье моё – не очень устойчивое здоровье человека, которому через 1 месяц исполнится 79 лет. Главное, напрасно и чрезмерно утомляюсь при ходьбе. Но всё же сколько могу ещё работаю.

Шлю Вам, супруге Вашей, уважаемой Полине Васильевне, Алле Николаевне и всем, ещё помнящим меня сотрудникам вашего (хотел бы сказать «нашего») дорогого музея!

Напишите, как поправили здоровье и как Вам леталось и жилось на каникулах.

Душевно Ваш Вал.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, ноябрь 1965 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Только что приехал в Новокузнецк. Зашёл в музей и получил Ваше письмо. Подробнее напишу позднее. В Сочи был 30 дней, в Алмалыке – 20 дней и 3 дня в Новосибирске.

Поздравляю с праздником. Желая здоровья, творческих успехов, полного благополучия.

К.Воронин.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 25 ноября 1965 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Сегодня день Вашего рождения, и мы поздравляем Вас с этим знаменательным днём. Желаем Вам здоровья, полного благополучия и успехов в творческой работе.

Наш музей только второй день открылся после ремонта, а ремонт начался перед моим отпуском 4-го сентября, нам пришлось восстанавливать экспозицию и последние недели мы все работали на ногах, что для меня уже утомительно. Я уехал в отпуск 4-го сентября и с 8 сентября по 8 октября прожил в Сочи. Жил я в районе Бзугу за дендрарием, на территории опытно-показательной станции и ежедневно на автобусе ездил в Новое Сочи – это западная часть Сочи за «Ривьерой». Пляж Нового Сочи – прекрасный, широкий горизонт, и нет

мостков для катеров, что не загорживает море. Самое главное, на Новом Сочи меньше загорающих, и вы можете выбрать любое место. Я лежал всегда около моря, и иногда волны заставляли меня отодвинуть одежду, чтобы она не оказалась в воде. Вставал в 7 часов утра, занимался гимнастикой и в 8 отправлялся на пляж, завтракал в столовой и с 9.30 до 2 часов был на пляже. В 2½ обедал и отправлялся в обратный путь. С пляжа ½ километра нужно подниматься в гору, но есть скамеечка, на которой можно отдохнуть, потом на автобусе до «Платановой аллеи» (центр Сочи) и там не торопясь бродил по скверам, заходил на Морской вокзал и постепенно добирался до остановки «Светлана», а там, спустившись к морю, отдыхал в сквере около летнего театра и после 6 часов вечера, пройдя по набережной, второй раз купался в море. Таким образом я провёл в Сочи целый месяц с небольшими изменениями в режиме дня. Но старость – есть старость, перед отъездом из Сочи я пошёл в баню, вымылся и принял холодный душ. Утром просыпаюсь и не могу разогнуть спины. С трудом уложил всё в чемодан, добрался до автобуса и доехал до Морского вокзала, где стоит машина на аэродром в Адлер. Когда я прилетел в Ташкент – меня встретил сын, и через 2 часа мы были в Алмалыке, но спина меня угнетала: с трудом разгибаюсь, ну, думаю, теперь уже до конца будет эта болезнь. Мне уже 74 года (Вам на будущий год 80 лет, а мне в декабре будущего года будет 75 лет). Но вот дня через 3 чувствую, что спина стала нормальная. Боли нет, и я ожил. Оказывается, это для меня не окончательная болезнь, а предупреждение не забывать свои годы и после жары не обливаться холодной водой. Что же, надо это учесть.

В Алмалыке я прожил 20 дней. Из Ташкента на самолёте добрался до Новосибирска. Пробыл три дня в Новосибирске и 30 октября вернулся «к пенатам своим, к брегам благовонным Алфея». Я думал, что ремонт уже кончился и явлюсь на готовенькое (как говорила Полина Васильевна), но оказалось, что и ремонт не кончился, а экспозиция ещё и не строилась.

Теперь у нас опять начнётся поток экскурсий и лекций. Готовимся к 50-летию советской власти. Надо пополнить фотовыставки.

Есть постановление о ремонте исторических памятников. Создаётся «Общество по охране исторических и культурных памятников». В настоящее время в стене крепости не выщерблина, а весь угол висит¹. Постановление обязывает хозяйственную часть заводов помочь в реставрации памятников, в том числе и Кузн^{ецкой} крепости.

Полина Васильевна завтра едет в Кемерово.

Очень Вам благодарен за все сообщения о Вашей литературной работе и рад, что Вы имеете возможность полюбоваться прекрасным изданием вашего труда в Италии. Постараюсь достать и прочитать статью художника Романова «Спасённая коллекция», помещенную в номере 5 журнала «Художник РСФСР». Но с глазами у меня плохо, газет без лупы я уже не могу читать, да и очков для чтения я ещё не подобрал. Был у врача, получил рецепт (+3), но они мне не годятся – надо сходить к специалисту-окулисту и подобрать очки точнее, всё

как-то не удаётся. Для дали мне нужны (-1, -1,5), но ни в Сочи, ни у нас стёкол таких нет. На днях схожу в магазин. Может быть, пришли.

Дорогой Валентин Фёдорович! Ко мне заходил преподаватель пед<а-гогического> института Бирман Юрий Евсеевич и интересовался вопросом о пребывании декабристов в г. Кузнецке. Вопрос интересный, но у нас в музее все занимались больше советским периодом, и о пребывании декабристов в Кузнецке никаких материалов нет. Некоторые упоминания имеются, что на кладбище была могила декабриста, но больше мы ничего не знаем. Есть ли какая литература с материалами о пребывании декабристов в Кузнецке? Конечно, если бы этот вопрос изучался у нас, то в Томском губ<ернском> управлении (в архиве), можно было бы найти материалы.

Я в разговоре с Бирманом упомянул, что Вы говорили, рассказывая о кладбище кузнецком, что там была могила декабриста, он этим заинтересовался и хотел Вам написать письмо. Вопрос о декабристах для музея очень интересен, и если Вы можете дать нам какие-нибудь сведения об этом, то напишите нам и если есть в литературе указания на пребывания в г. Кузнецке, то назовите нам эту литературу. Нужно, чтобы эти сведения концентрировались в музее, и если кто заинтересуется, он может их использовать.

В отношении документов Вашего отца и матери, которые жили в Кузнецке, конечно, они нужны, тем более, что у нас документов жителей г. Кузнецка почти нет, а нам нужно их собирать. Вениамину Фёдоровичу я на днях напишу.

В настоящее время мне много нужно писать, но вечерами я писать не могу (из-за глаз), а днём в музее нам не дают писать посетители. В связи с юбилеем 50-летия сов<етской> власти во всех школах занимаются историческими памятниками и историей города, а у нас в городе более 100 школ, а ещё техникумы и вузы. В воскресный день у нас бывает до 1000 чел<овек>, и мы должны им проводить экскурсии.

Здоровье у меня сносное (кроме глаз), но у жены летом был инфаркт миокарда. Она теперь не работает. Ей дали II-ую категорию по ВТЭКе. Дома она ходит и занимается домашними делами, но на улице почти не бывает. Только иногда выходит, но гулять не может – задыхается. Я могу благодарить судьбу, что у меня пока всё в порядке. Сердце, печень, селезёнка, почки и т.д. не болят. Хожу я быстро, но к вечеру устаю. Гимнастикой занимаюсь ежедневно и когда не смогу проделывать все упражнения по Прошкеу, то, значит, нужно готовиться к последнему этапу пути, так как врачи не помогут.

Сейчас у нас в музее тишина, народу мало, а сотрудники ушли по делам, и я спокойно могу писать. Это редкий случай, обычно у нас в музее толчея. Только что похвастался, что могу писать, и меня оторвали и пришлось провести экскурсию и консультации (1,5 часа оторвали).

Вернулись сотрудники и посетители. На этом кончаю. Зима у нас никак

не установится: выпадет снег – кругом бело – и вдруг оттепель, лужи, гололедица. Сегодня опять сыро.

Всего доброго, Валентин Фёдорович! Желаю здоровья и здоровья, остальное всё приложится – было бы здоровье. В молодости мы многое не ценим, не замечаем своего богатства, хотя хрестоматийным был такой рассказ: «Руку за 10 тыс<яч> продашь? – Нет. – Ногу за 10 тыс<яч> продашь? – Нет. – А глаз за 10 тыс<яч> продашь? – Нет». Вот и выходит, что ты – богач, но не ценишь этого. Здоровье мы не чувствуем, а как только начинает ныть и побаливать где-либо, мы сразу чувствуем и готовы отдать многое, лишь бы не было боли. Я все надежды возлагаю на гимнастику, чистый воздух и воду. И когда я этого не смогу делать, то, значит, наступает конец. Такова жизнь. Ещё раз всего доброго. Простите за длинную писанину.

Ваш К.Воронин.

1) В этом месте К.А.Воронин сделал небольшой рисунок фрагмента угла крепости с надписью «выбоина».

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, конец декабря 1965 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Поздравляю Вас с Новым годом, желаю здоровья, творческих успехов и полного благополучия.

Я Вам уже написал о том, где я проводил отпуск и ответил на поставленные вопросы, но не так давно я получил письмо из Томска от сестры Агнюши (как мы её все называли) и она беспокоится о том, что я не ответил на Ваше письмо. Когда Вы писали в Томск, то я писал Вам, и когда в Томск пришло Ваше письмо, то Вы, вероятно, получили моё письмо.

У нас в Новокузнецке наступили 40-градусные морозы, а в Москве в декабре ещё шли дожди, да и у Вас в Ясной Поляне, наверное, было сыро. Нам, сибирякам, морозы нравятся. Когда бежишь по скрипучему снегу и даже продрогнешь, то сильнее чувствуешь тепло комнаты. Жаль, что теперь только паровое отопление, и искра горящих поленьев, синие огоньки над потухающими углями печи или камина ушли в прошлое. А помните, как в пансионе в скрипучие морозы каждый пользовался моментом постоять около камина, подбросить берёзовых дров и посмотреть на пламя, а потом и на тлеющие угли. Хотя камин был не совсем в удобном месте (уборная), тем не менее, около него даже собиралась компания, и шли интересные рассказы, а некоторые не съедали 4 куска сахара, которые нам давали, копили оставшиеся кусочки и потом в жестяной банке топили этот сахар на углях камина, изготавливая «тянучки» (разливали

поджаренный сахар в бумажные формочки). Эти самодельные «тянучки» находили очень вкусными. Запах хвои и ёлок теперь тоже уходит в прошлое, так как появляются искусственные пластмассовые ёлки.

В музее у нас идёт подготовка к 50-летию советской власти, в особенности много работы по советскому периоду.

На днях организовалось «Общество по охране памятников истории и культуры». Завтра уезжают в Кемерово Полина Васильевна и Анна Николаевна на областное совещание этого Общества.

Ко мне заходил преподаватель (кафедра литературы пед<агогического> института) Бирман Юрий Евсеевич и интересовался декабристами – в связи с 140-летием декабрьского восстания. Я, забыв что Вы мне писали о могилах на кузнецком кладбище поляков-повстанцев, сказал, что Вы упоминали о могиле декабриста, и он написал Вам об этом письмо. На днях он мне сказал, что получил от Вас письмо и что я ошибочно сказал о могиле декабриста. В этом моя вина. Начинаю многое забывать, хотя прошлое помню хорошо. Здоровье моё сносное, но в прошлом году упал на правый локоть, и до сих пор плечо болит. Хотя кость цела и не было трещины. Читаю лекции, веду экскурсии, и на это уходит почти всё время. У нас в музее бывает много посетителей, которые отыскивают по самым разнообразным вопросам. Сейчас к нам зашла художница Ананина – она думает рисовать натюрморт шорских одежд и вещей быта. Я узнал, что они выписывают журнал «Художник РСФСР» и у них есть номер 5, где помещена статья Романова «Спасённая коллекция». Так что я её достану и прочту.

Время летит. Опять кончается год, и хотя я нынче регулярно занимался гимнастикой, в Сочи 2 раза в день купался в море, но годы берут своё. Я стал уставать, и морские купания не вылечили мою ушибленную руку. Верно, когда я читаю лекции, голос мой звучит ещё твёрдо и громко, и мне никто не даст моих 74 года, но я вижу, что пора завершиться в своей работе, подводить итоги, чтобы все собранное было закончено в своей обработке.

Всего доброго, Валентин Фёдорович, желаю встретить Новый год в полном здравии и в полном благополучии. Привет от сотрудников музея. Встретитесь в Новый год со своими родными, передайте им поздравления и пожелания счастья от нас – сибиряков.

Ваш К.Воронин.

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, конец декабря 1965 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Спасибо Вам за новогоднее поздравление!

Поздравляю Вас и дирекцию музея и сотрудников с Новым 1966-м годом и желаю всем вам крепкого здоровья и всего счастливого, удачного, радостного, доброго!!!

Брат Валентин изучает мои документы об отце, матери, деде... Их – бумага – примерно около 10-ти, и все документы попадут, конечно, в архив вашего музея. А моему «писательству» о годах отрочества мешают то зубы, то колени, то домашние дела...

А пока – с сердечным приветом – остаюсь Вен.Булгаков.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Ясная Поляна, 16 января 1966 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Сердечное спасибо за поздравление с Новым годом!

Я поздравляю весь ваш музей в целом, теперь поздравляю Вас в особицу и от души желаю здоровья и долголетия!

Ваши 74 года – иллюзия! Вы и внешне кажетесь человеком не старше 50 лет, и по огромной энергии и бодрости духа Вам можно (или было можно в 1959 г.) дать не больше. А та же энергия – я это вижу с радостью – отражается до сего времени в Ваших письмах.

Таким и оставайтесь: живи до 80 лет, а, по возможности, и дальше.

Получил я оба Ваши письма: от 25/ХІ и от конца декабря (без обозначения числа). Снова читал интересное описание путешествия на юг, прочёл сообщение о Бирмане (которому я писал), мнение о документах моих родителей (всё не могу собраться упаковать и послать новую партию), сообщение о жизни музея, о здоровье Вашей супруги и Вашем и пр.

Пожалуйста, не забывайте сообщать, как чувствует себя Ваша жена. Я от души желаю облегчения её положения и, во всяком случае, возвращения бодрости и душевного спокойствия. Это тоже важно для борьбы с недугом.

У Вас лично я вижу пока неистраченные запасы этой бодрости. Берегите их, живите ими! Обязательно вылечите до конца и ушибленную руку.

Я в свои 79 держусь как будто прилично. Читаю, работаю литературно, отвечаю на письма, принимаю посетителей (часто незнакомых). Но... уже не хожу в столовую (очень далеко и подчас непроходимо – снежно!), и обеды мне приносят. К сожалению (потеряв надзор милой жены), манкирую прогулками и даже не каждый день выхожу на улицу. Это, конечно, очень нехорошо. Когда я прочёл в последнем Вашем письме, что «мы не умеем беречь здоровья», совесть сказала мне: это – о тебе.

Надо исправиться. И я постараюсь исправиться. Недаром мне хочется иметь в запасе ещё лет 5, чтобы окончить свои дела.

Сегодня послал в Москву статью «Встреча и переписка с Ромэном Ролланом». Думаю, что к юбилею 100-летия со дня рождения Р.Роллана 29 января она будет опубликовать (где? – ещё нельзя сказать).

В «Литературной» России» считается принятой моя статья «Л.Н.Толстой и помещик Кондратов», но срок её опубликования из-за множества накопившегося в редакции материала ещё не определён. С печатаньем вообще беда! Это тоже одна из областей, о которой можно сказать: «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается!»

Ну, пока до-свиданья, дорогой ... Костя! (В самом деле, не перейти ли нам, старым сибирским друзьям, на «ты»? Ведь многое и с давних-давних пор нас соединяет).

Привет! Твой Вал.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 13 марта 1966 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Давно собираюсь написать, но суета музейной работы отвлекает.

3 юбилея приближаются:

- 1) 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции;
- 2) 40-летие со времени открытия нашего музея;
- 3) 350-летие г. Кузнецка.

К этим датам мы готовимся, но жаль, что руководящие органы в лице отделов культуры обычно начинают заниматься юбилейными датами за 1 год. Мы уже 10 лет тому назад, к 40-летию советской власти ставили вопрос, что необходимы открытки с видами нашего города, открытки, рисующие нашу природу, альбомчики или набор открыток борцов за советскую власть в нашем городе, первые комсомольцы, писатели и общественные деятели, жившие в нашем городе. Тогда в 40-летие установления советской власти мы говорили, что хватились поздно и нужно хотя бы к 50-летию установления советской власти всё это осуществить. Но вот прошло 10 лет, как я начал работать в музее, а воз и ныне там. На днях было совещание в исполкоме всех культработников, и я опять сказал: «Теперь уже опоздали, чтоб к 50-летию были осуществлены те мероприятия, которые были намечены к 40-летию, и было бы хорошо, если их осуществим к 75-летию установления советской власти». Раздался смехок, но я сказал серьёзно. Дело в том, что наши магазины ежегодно ремонтируются, на стенах создают мозаику из стёкол – «Бой быков», «Хоровод девушек» – тратят огромные деньги на украшательство, а дома культуры, такие как музей

и библиотеки, не имеют копейки на оборудование. У нас в музее стоят витрины-«гробы», как я их назвал, ещё поставленные основателями нашего музея, но заменить их нельзя, так как у музея на оборудование денег нет. А почему в верхах не издать закон, чтоб магазины не занимались украшательством, зря не тратили на это деньги – достаточно, если в магазинах будет безукоризненно чисто побелено и всегда гигиенично, а «излишние» деньги отчислять на культурные учреждения. Разве в нашем плановом хозяйстве это невозможно сделать?

Указал я и на то, что 10 лет тому назад наш основной исторический дом – Народный дом (теперь кинотеатр им. Калинина) – хотели перестроить. А в этом здании шла борьба за установление советской власти, в нескольких метрах от Народного дома был убит Талдыкин и ранен Медведев – члены Совдепа. На здании есть мемориальная доска, здание находится на учёте как исторический памятник. И вот когда мы написали об этом статью, то местная газета не поместила.

О том, что нужно изломать и перестроить Народный дом – напечатали, а наше опровержение, что его нельзя ломать – не напечатали. Дело дошло до области. Ломать Народный дом не стали, он сохранился. Но наши предложения создать там к 50-летию филиал музея по материалам установления советской власти в Кузнецке даже не было опубликовано. О всём этом я сказал на последнем совещании культработников города. Но всё это глас вопиющего в пустыне, так как за те 10 лет, как я работаю в музее, переменялось 5 человек заведующих отделом культуры исполкома. 1-й зав^{едующий} был бывший артист оперетки и работу театров и клубов он знал, затем была женщина из отдела кадров, она к нам в музей заходила раза 2 в год и даже членские взносы в профсоюз не захотела уплатить за год, потом был зав^{едующий} отд^{елом} культуры – бывший прокурор Зарихович, потом бывший директор клуба и теперь опять новый человек. В среднем каждые 2 года – новый человек, а потому понятно, что зав^{едующий} не знает, что делалось в культ^{урных} учреждениях 3-4 года тому назад, а тем более 10 лет назад.

Хочу познакомить тебя, дорогой друг, с одним мероприятием, проведённым на днях. В газете «Комсомолец Кузбасса» был опубликован проект памятника комсомольцам Кузбасса, погибшим во время гражданской и отечественной войн. Я написал своё мнение об этом проекте, сотрудники музея со мной согласились, мы подписали статью и послали в редакцию. Когда Ода Николаевна передала в редакцию наш материал, там сказали, что на наше письмо они будут опираться и отклонять проект памятника, но, я думаю, что целиком они не напечатают, так как проект памятника уже одобрен обкомом. Ну, а раз начальство ободрило, то оно не любит сознаваться в своих ошибках, а потому пождём-посмотрим, что будет (прилагаю проект памятника и критику на него).¹

1) Окончание письма отсутствует.

*Валентин Ф.Булгаков – К.А.Вороницу
Ясная Поляна, 14 марта 1966 г.*

Дорогой Константин Александрович.

Послал вашему музею 1) вторую партию отцовских, материнских и ст<аршего> брата Николая документов и 2) итальянское издание моей книги «Л.Толстой в последний год его жизни», озаглавленной по-итальянски: «Уход и смерть Л.Толстого». Оч<ень> интересно итальянское предисловие к книге. У меня есть перевод. М<ожет> б<ыть>, я Вам пришлю копию. Надеюсь, что и книгу и родительские документы музей получил. Просьба: сделайте (за меня) надпись на протекции (брата Николая о поступлении в юнкерское училище), что его заявление о лояльности не сочинено им, а представляет только общую, обязательную форму для всех, поступающих в юнкер<ские> училища. Я хотел, но забыл подписать.

Сейчас пишу и пишу: в Москве опять поднят вопрос о пьесе; исправляю окончательно «Друзей Толстого», исполняя советы рецензентов; переписывать с Ленинградом об издании «Встреч с художниками», ищем совместно портреты; в Туле обсуждаем подробности 2-го издания книги «О Толстом». Так что занят и занят. Но старых (в том числе и сибирских) друзей не забываю. Здоровье, в общем, сносно. Позволяет работать. Навещают дорогие мои дочери и разные случайные посетители. Сам никуда не езжу.

Крепко жму Вашу руку! Поклон Вам и музейским! В.Булгаков.

*К.А.Воронин – Валентину Ф.Булгакову
Новокузнецк, 27 марта 1966 г.*

Дорогой Валентин Фёдорович!

Давно начал отвечать и не могу закончить. Суета сует и всяческая суета отвлекают. А у нас в музее всех нервирует то, что до сих пор нет полных штатов. Более половины сотрудников существуют на привлечённые средства. И директор заявляет: «Не будете обслуживать массу, не будете организовывать экскурсии, мне придётся многих уволить – денег нет».

И вот все сотрудники и зав<едующая> фондами ходят по школам и организуют экскурсии. Экскурсии, консультации, лекции отнимают всё время. А обрабатывать собранный материал и тем более писать – некогда. Вечерами я стараюсь не читать, так как глаза у меня сдают (катаракта), а делать в музее мешают бесконечные посетители и телефон. Только вчера мне удалось осмотреть присланные документы. Они нам очень пригодились. Даже такой документ, как описание дома – очень интересен. Из него можно точно узнать и название ули-

цы. Одни её называли «Соборной», другие – «Успенской», «Успенская».

На брачном свидетельстве есть подпись Н.Рудичева, он позднее был настоятелем Борогодско-Одигитриевской церкви (в которой венчался Достоевский) и был убит в 1919 г. роговцами. Он был и преподавателем Закона Божьего в Высшем начальном училище.

На свидетельстве об окончании Томской гимназии Татьяны Никифоровны есть подпись священника> Антонина Мисюрева, который и в наше время преподавал в гимназии. Невольно вспомнил и Лукшо, который в класс ходил в подряснике, а в табеле имел много двоек, но неизменно по Закону Божию имеет отметку «пят»ь. В общем нам, встречавшимся с некоторыми лицами, упоминаемыми в документах, невольно вспоминается прошлое очень ярко, выпукло, а тем, кто будет работать после нас с документами, в будущем они дадут точные сведения.

На днях получили и прекрасно изданную в Италии книгу (в Милане) «La fuga e la morte di Leone Tolstoj». Это ещё один экспонат в витрину.

Дорогой друг! Здоровье моё сносное, сегодня проделал весь цикл упражнений по Прошеку. Когда я регулярно провожу зарядку, то считаю, что день незря прошёл для укрепления здоровья, но не каждый день удаётся это сделать. Иногда день-два пропускаешь, а если запустить на долгое время, то тогда надо начинать всё снова постепенно, т<ак> к<ак> отвыкнув, большое напряжение вызовет боли, да и, возможно, совсем не сможешь их выполнять, тогда придётся переходить на лекарства. А пока у меня лучшее лекарство – гимнастика.

Вячеслав Олимпиевич Болдырев к нам в музей не ходит. Он живёт в старом Кузнецке, дальше клуба алюминщиков (около которого мы когда-то фотографировались) и по состоянию здоровья далеко не отлучается. Я к нему заходил – он бодр и всем интересуется, но года (скоро 80 лет) сказываются.

27.03.1966 всё время отнимают посетители. Завтра должны были поехать в Прокопьевск на совещание музейных работников Кемеровской области, но совещание перенесли на начало апреля месяца. В Прокопьевске теперь есть краеведческий музей, но я ещё там ни разу не был.

У нас в Новокузнецке установилась тёплая погода, кругом лужи. Вчера я провалился и зачерпнул своими ботинками холодной воды. Обошлось благополучно – даже нет насморка. В нашем музее не хватает 2-х работников: Ода Николаевна вышла замуж и уехала в Кемерово и работает сейчас в областном музее, Алла Иванова была в декретном отпуске и до сих пор не работает, т<ак> к<ак> не с кем оставить ребёнка.

Сейчас весенние каникулы, и у нас в музее много учащихся. Жизнь идёт своим чередом. Я начинаю уставать, но мне хочется закончить начатые мною мероприятия по собирательской работе. С тем, чтоб в музее всё осталось в обработанном виде. Думаю, что года полтора я ещё поработаю, а там уйду на пенсию по старости.

.....

Меня утомляет то, что приходится сталкиваться с людьми которые никак не могут понять что $2 \times 2 = 4$: говоришь, показываешь документы, убеждаешь, наконец, соглашаются, что $2 \times 2 = 4$, но достаточно начальству вышестоящему посомневаться и начинается всё снова. Это напоминает персонажа из пьесы Чехова А.П. «Юбилей». Посетительнице объясняют, что она попала в коммерческое учреждение – банк, а муж работал в госуд<арственном> учреждении, и ей нужно обратиться туда, где он работал, она соглашается, но потом спрашивает: «А когда вы мне дадите 25 рублей?» И опять начинают объяснять ей всё снова. Так и у нас. Разница только в том, что у Чехова малоразвитая, простая женщина, а у нас претендуют люди на высокую культуру, а напоминают Пошлѣпкину¹, которая «сама себя сечёт». Всё это утомляет.

Все документы и книгу мы получили.

Пользуюсь твоим предложением, дорогой Валентин, и перехожу на ты. Желаю здоровья и успехов в работе. Костя В.

P.S. Так я подписывался, когда был в Томской гимназии.

1) Речь идёт о персонаже комедии Н.В.Гоголя «Ревизор» слесарше Пошлѣпкиной. Однако К.А.Воронин несколько ошибается: «сама себя высекла» другая героиня пьесы – унтер-офицерская вдова Иванова.

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, 28 сентября 1966 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Спасибо Вам за письмо с извещением о том, что две рукописных книги моих «Годы отрочества» дошли до музея, и, значит, моё обещание выполнено... Пользуйтесь моими рукописями, как найдёте нужным...

А теперь я хочу сообщить Вам о том, что сегодня я выслал в музей бандеролью 4 номера газет Москвы и Тулы, в которых вы познакомитесь с некрологами и заметками о том, что 22-го сентября 1966 года в Ясной Поляне скончался мой брат Валя, почти 80-ти лет от роду (25-го ноября 1966 года ему было бы 80 лет).

Сообщаю Вам всё о болезни, смерти и похоронах Вали...

Целую ночь 16-го августа мой брат Валентин Фёдорович Булгаков сидел за письменным столом и так переутомил себя, что утром 17-го августа у него наступил тромбоз (закупорка) сосудов головного мозга; этот тромбоз вызвал парез левой ноги и паралич левой руки.

Больного положили в яснополянскую больницу, и он проболел с этим месяц, у него даже наступило некоторое улучшение: появились движения в ноге, в мелких суставах, в коленном и тазобедренном. Но рука оставалась па-

.....

.....

рализованной. Общее самочувствие было хорошее, сознание ясное, настроение бодрое... больной хотел и надеялся жить и работать... Но болезнь обострилась, наступил повторный тяжѣлый тромбоз сосудов мозга к жизненно-важным центрам: речевому, двигательному и дыхательному.

Это случилось 17-ого сентября. Состояние здоровья быстро ухудшалось, наступил отѣк лёгких, стало очень затруднённым дыхание, и 22-ого сентября в 11 ч. 50 м. утра от гипоксии (недостаточности кислородного питания организма) наступила смерть.

23-го сентября покойный был положен в гроб, а утром 24-го сентября гроб с телом привезли на территорию Музея-усадьбы и поставили в просторную комнату «Дома Волконского». Никакой «гражданской панихиды» не было. До 3-х часов дня доступ был открыт для всех желающих; делегации приносили венки живых и искусственных цветов – всего было 11 венков: 1) «Дорогому Валентину Фёдоровичу Булгакову – старейшему литератору России от Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР». 2) «Дорогому Валентину Фёдоровичу Булгакову от Тульского отделения союза писателей РСФСР»; 3) «От Музея-усадьбы Ясная Поляна»; 4) «От Государственного музея Льва Толстого в Москве»; 5) «От учителей и учащихся Яснополянской школы»; 6) «От Управления культуры»; 7) «Незабвенному Валентину Фёдоровичу Булгакову от коллектива управления печати»; 8) «От коллектива комбайностроителей». 9) «От коллектива Тульского государственного педагогического института»; 10) «От дочери Татьяны и её семьи» 11) «От дочери Ольги и её семьи».

В 3 часа дня гроб с телом был вынесен на руках из Музея-усадьбы и поставлен на открытый грузовик. Сотни людей, родных, знакомых, друзей, яснополянских жителей и др. провожали гроб до конца деревни, а затем часть провожающих прошли, а частично и доехали два километра на автобусе и машинах до кладбища села Кочаки. Здесь похоронен отец, мать, жена и дети Л.Н. Толстого и другие его родственники.

Перед опусканием гроба в могилу был проведѣн митинг, посвящённый жизни и работе Вал<ентина> Фѣд<оровича> Булгакова. Выступили четыре человека, после чего гроб был опущен в могилу, засыпан землѣй, и сверху покрыт множеством букетов и 11-ю венками. В 6 часов вечера проводившие покойного в последний путь разошлись по домам.

Вот и всё моё описание этих горестных событий последних дней жизни моего брата в Ясной Поляне. Пусть моё письмо хранится в архиве краеведческого музея как память о личном секретаре Льва Толстого.

Прошу принять мои пожелания здоровья и бодрости, дорогой Константин Александрович!

Всего Вам доброго и счастливого!

С сердечным приветом – Ваш Вен.Булгаков.

.....

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, 11 января 1967 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Ваше письмо от 27 декабря я получил 8 января. Спасибо Вам за поздравления с Новым годом и пожелания здоровья! Прошу принять от меня поздравления с Новым годом и пожелания здоровья, всего радостного и счастливого!

По вопросу литературного наследия брата Валентина могу только сообщить вот что: распоряжаются судьбой наследия брата его дочери Татьяна и Ольга, которые в сентябре 1966 года сообщили мне, что все рукописи брата будут сданы в Московский литературный архив. В этом архиве, значит, будут храниться обширнейшие рукописные и машинописные работы брата и несколько тысяч писем к нему. Я просмотрел одну или две тетради брата о Кузнецке из его огромной автобиографии, носящей заглавие «Как прожита жизнь». Я полагаю, что Вам удастся познакомиться с этой работой брата, особенно если у Вас будет документ от Новокузнецкого краеведческого музея. Впрочем, о подробностях сдачи рукописного наследия брата в этот архив и о составе всего сданного прошу обращаться к дочерям Валентина. Я стою в стороне от всего этого дела.

Когда будете в Москве, обязательно заходите ко мне, может быть, вместе съездим к Ольге Валентиновне Пономаревой (Перво-майская ул., дом 104, кв. 10) за всеми указаниями об архивных материалах брата.

Сам едва ли соберусь в Кузнецк, хотя моё здоровье ещё довольно сносно.

Вот историю 350-летия города Кузнецка хотя бы «в музейно-экскурсионном» изложении мне очень хотелось бы прочесть! Но эта мечта осуществится, когда Вы будете здесь, и я узнаю эту историю хотя бы вкратце от Вас.

Ваша сибирская зима делает всех вас героями в моих глазах, так как 47° мороза в Москве заставили бы меня сидеть безвыходно в квартире. А сейчас даже 15° мороза вызывают у меня стариковское ворчание на «мать-природу». А, бывало, я в Томске при 45° мороза ходил по городу в простых ботинках с галошами, то есть тогда у меня за спиной было только 16-18 лет, а сейчас мне... 78 лет!

Прошу передать мой привет и поздравления с Новым годом всем сотрудникам музея, а особенно – кого я помню: уважаемым Полине Васильевне и Анне Николаевне!

Вам и всем сотрудникам желаю доброго здоровья и всего радостного и счастливого!

С горячим приветом Вен.Булгаков.

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, 14 октября 1969 г.*

Дорогой Константин Александрович!

На Ваш вопрос о книгах моего брата Валентина (последних лет его жизни) даю Вам самую точную справку: 15-го мая 1965 года мой брат написал мне в письме, что в этот день – 15 го мая – он послал в Ленинград в издательство «Художник РСФСР» заявку на издание книги «Встречи с художниками». В этой книге, сообщил мне в своём письме брат, он написал «о 16-ти художниках большого ранга». В этом же письме от 15 го мая 1965 года брат Валентин написал мне так: «книгу «Друзья Толстого» уже сдал в Приокское издательство. Может быть, появится в 1966-м году». Вот об этой-то книге брата некая Розанова, рецензент Госиздата, написала, что автор книги является «толстовцем», чем и задержала издание книги. Брат Валентин был возмущён этой цензурской ерундой Розановой и готовил ответ Розановой; он писал ночь напролёт, волновался и к утру надорвал свой мозг, у брата выявился паралич одной стороны тела, а потом в больнице у брата оказался паралич другой стороны тела: отнялись обе руки и обе ноги. Болезнь ухудшалась, и у брата отказались работать мозговые центры речи и, наконец, дыхания. И 22 сентября 1966 года брат скончался.

В письме от 31 августа 1965 года брат писал мне, что 1-е издание книги его «О Толстом» уже разошлось и что готов уже набор 2-го издания этой книги, но, как писал брат, «дело задерживается из-за недостатка бумаги».

В одном из писем, датированном 1966-м годом, брат между прочим признавался, что ему бы очень хотелось дожить до выхода в свет именно книги «Друзья Толстого» с её 45-ю портретами окружения Толстого. Этой книги я пока не видел, но есть твёрдый слух, что её всё-таки издадут.

Вот пока всё, что я могу сообщить Вам, Константин Александрович, о выходе в свет этих книг моего брата. На вторую часть Вашего письма буду отвечать особо. А пока – пожелаю Вам доброго здоровья, счастливых лет жизни и всего радостного! Всем сотрудникам музея желаю здоровья, счастья и всего-всего доброго!

С дружеским приветом Ваш В.Булгаков.

*Вениамин Ф.Булгаков – К.А.Воронину
Москва, 10 ноября 1974 г.*

Дорогой Константин Александрович!

Спасибо Вам за поздравление с праздником Октября! И я поздравляю Вас с этим праздником 57-го Октября, который я праздную в 57-й раз!

Да, годы идут без остановок, и я 14-го ноября сего года буду говорить,

.....

что мне исполнилось 85 лет и 8 месяцев! Из них я проработал в Гос<ударствен-
ном> музее Толстого 18 лет + в Академии пед<агогических> наук 16½ лет и в
средних школах – 16 лет. Остальное ушло на детство, на учёбу, на войну и про-
чее. А сейчас у меня в глазах глаукома + сердечная недостаточность со стенокар-
дией. Сажу дома; хожу только в магазины за продуктами, одним словом – ста-
рость-дряхлость. Читаю, смотрю телевизор, слушаю радиопередачи.

Спасибо Вам, дорогой Константин Александрович, что вспомнили обо
мне и прислали мне поздравление с праздником!

Желаю Вам крепкого здоровья, успехов в работе и всего-всего доброго и
радостного!

Прошу передать моё поздравление с праздником Великого Октября
всем сотрудникам вашего музея! Всем вам радостей и счастья!

С сердечным приветом остаюсь старый кузнечанин В.Булгаков.

*Н.Булгакова – К.А.Воронину
Москва, 18 января 1977 г.*

Уважаемый тов. Воронин!

С большим прискорбием должна Вам сообщить, что Вениамин Фёдоро-
вич скончался в июле <19>76 года на 87-м году жизни после продолжительной
болезни от сердечной недостаточности. Последние два месяца он лежал, так во
сне и умер. Н.Булгакова.

P.S. Раньше не могла написать, не знала Вашего адреса. Н.Б.

.....

Москва, 20 июня 1959 г. суббота.

Едем с братом Веной в Сибирь, в Кузнецк. Это была его инициатива. Без него я бы уже не решился. А так – двум старикам вместе – дело пойдёт.

Выехал из Ясной Поляны в 10³/₄ ч<аса> утра, а из Тулы в Москву 11³/₄ ч<аса> дня, со случайной машиной – зелёной «Волгой». Летели как сумасшедшие и через 3 часа были в Москве. Грандиозность и шумливость столицы – поразительны.

Пообедал в народной столовой на Серпуховской пл<ощади> и, чтоб поскорее выбраться из этого ада ревущих <так!> улиц и площадей, нанял извозчицью машину и за 4 рубля долетел до Ленинского проспекта, 18. Вена, к счастью, оказался дома. Мельком видел его милого зятя Игоря Кирпичникова, вскоре взвалившего на плечи рюкзак и отправившегося на «вылет», с ночлегом, с друзьями – сослуживцами по атомному делу.

Обо всём (и о Кузнецке) поговорили с Веной, напились чаю, отдохнули, читая последние газеты, вечером скромно поужинали и легли спать.

Впрочем, о сне это я пишу авансом: пока мы ещё сидим за столом. Я написал открытку жене, причём писал, какой Вена добрый и хороший: уступил мне своё прекрасное место внизу в вагоне № 9, а для себя надеется выменять за моё, боковое место в вагоне № 10, такое же в 9-м вагоне. Вена прочёл и приписал: «Письмецо прочёл с удовольствием. Будем придерживаться в путешествии принципа: “Все за одного и один за всех”... Пока сыты, бодрь, веселы. Будь здорова!» Такой мой брат.

...Когда я летел в машине, я думал: «Я счастлив, что еду в Кузнецк... Счастлив именно так, как я был счастлив, когда в 1906 году, по окончании гимназии, впервые ехал в Москву. Тогда я стремился из сибирского города, Томска, в Москву, теперь, наоборот, стремлюсь из столицы в родной сибирский город – Кузнецк. Начало и конец жизни. Как всё перевернулось!.. И какой богатый опыт накоплен между этими началом и концом!..

Поездка в Кузнецк – это мечта последних 45 лет моей жизни (после последнего, однодневного посещения родного и любимого города в 1914 году). То, что я сейчас «нахожусь в путешествии» в Кузнецк, что я, м<ожет> б<ыть>, увижу его, это – чудо, чудо моей жизни. Спасибо Вене за его смелую, хоть и стариковскую инициативу.

< ... >

25 июня 1959 г.

Ночью проехали Ленинск-Кузнецкий, Белово, утром – Прокопьевск, центр рудной промышленности. Поезд летит всё время по узким долинам, переходя из одной в другую. По сторонам – острые вершины, то искусственные, то природные. По склонам лепятся рабочие хижинки. Все, даже самомалейшие участки земли разработаны под огороды.

Всё это, в конце концов, надоедает, кажется однообразным. Мучит нетерпенье, и хочется проскочить поскорее к Сталинску – к Сталинску, за которым прячется (на другом берегу р<еки> Томи) Старый Кузнецк.

Наконец, в час<ов> приехали. Переходим по высоким и длинным мосткам в город. Шёл дождь, и на вокзале и перед вокзалом страшно грязно.

Трамваи забиты рабочими, отправляющимися на работы. Некоторое расстояние прошли, с багажом, в город пешком. Нам неверно был указан дом, где будто бы помещается гостиница. Никакой гостиницы там не оказалось. Улица «столичного» вида, с многоэтажными домами. Оставив меня с чемоданами у низенькой цементной решётки скверика, Вена с одним из наших случайных спутников отправился дальше на поиски гостиницы, кот<орая>, как я судил на основании слов Вениного товарища, находилась где-то недалеко.

То присаживаясь на узенькую верхнюю раму решётки, то прогуливаясь около чемоданов, я поджидал Вену и разглядывал

.....

проходящих: всё это были, по большей части, скромно одетые люди труда. Вот подошла девушка с книгой в руках к решётке. Положила широкую книгу на узкую раму решётки и села на книгу, взятую, очевидно, из какой-то библиотеки. Потом к девушке радостно присоединился молодой человек с двумя клоками молодых усов под носом и с расплывающейся по лицу глупейшей улыбкой. Он сначала жал руки девушке, потом стал прижимать её к себе (причём она не сопротивлялась), затем стал хватать её за живот, за плечи и т.д. Трое ребят лет по 15, разинув рты, любовались его манипуляциями...

Я прождал больше 1½ часов и думал даже, не случилось ли с Веной к<акое>-н<ибудь> несчастье и не придётся ли мне разыскивать его через милицию. Но он всё же явился. Гостиницу нашёл. Оказалась она оч<ень> далеко. Отправились к остановке трамвая, но, стоя в ожидании вагона, получили предложение от проезжавшего мимо «казённого» ауто <так!> воспользоваться его услугами. Были рады – и через несколько минут оказались в «Гостинице Кузн<ецкого> Металлургич<еского> Комбината», в Верхней колонии. Сняли номерок (34) с двумя постелями, за 20 р<ублей> в сутки. Окно комнаты обращено прямо на завод. Перед нами высятся 19 высоких труб, а всего из окна видны, как я установил через день, 42 трубы. Заводские свистки разных тонов, гул и шум свободно идут к нам через окно в течение полных суток.

В гостинице имелся душ с холодной водой. Мы сейчас же им воспользовались. И затем... отправились в вожделенный Старый Кузнецк Кузнецк просто, по старой, более привычной и дорогой нам терминологии. Как? – с тем же шофёром, которого нам поистине «Бог послал» посреди улицы и который довёз нас до гостиницы. Говорю «Бог послал», п<отому> ч<то> такси в Сталинске нет или, если есть, то ничтожно мало, так что даже около вокзала, в момент прихода москов<ского> поезда, не ждало ни одного автомобиля.

Дорога из Нового в Старый Кузнецк – отвратительна. Выбоина на выбоине. Через реку переехали по новому (для нас) мосту. Рядом, несколько выше по течению, высился другой мост, желез-

.....

.....

нодорожный, мы тоже видели его в первый раз.

Выехали (по условию) прямо к собору или, вернее, бывшему собору, а ныне – хлебозаводу. Обеих башен нет. Общая крыша. Чёрная железная труба, безостановочно выбрасывающая дым. Здание, конечно, «обезображено», но и в этом виде оно сохранило какую-то особую монументальность. И глядя на его высокие стены, на высокие, закруглённые сверху окна, на весь состав нескольких соединённых корпусов, видишь, что это – не простой частный дом, а сооружение благородное, и проникаешься уважением к архитектору и архитектуре.

Каменные столпы ограды, ворота – прежние, но железные решётки заменены деревянными щитами.

Хлебозавод... Но почему не библиотека, не дворец культуры?..

Впрочем, Кузнецк шагает вперёд семимильными шагами, и тут есть такой дворец культуры (Алюминиевого завода), подобный которому трудно найти и в Москве.

От собора, оглянувшись вокруг и то находя следы прошлого (напр<имер>, дом б<ывший> Родионовых на углу), то не находя их (часовня, стоявшая рядом с собором, исчезла), мы понемногу прошли «нашу», быв<шую> Соборную, улицу, от собора, ныне хлебозавода, вплоть до быв<шего> кладбища, ныне городского парка. Улица эта теперь называется улицей Луначарского. (Дорогой Анатолий Васильевич, вот где мы снова встретились с вами!) Задачей нашей опять-таки было: установить, что уцелело на этой улице и что исчезло. Я иногда за тысячи километров от Кузнецка видел во сне начало этой улицы и маленький продолговатый старый домик, тоже Родионовых, направо. Он стоит. Затем мы убедились, что стоят на улице, хотя и страшно постарели и обветшали, дома: Медниковой, Емельяновой, дом, где жили Адамовичи, дом Годомского, дом Недорезовых, дома о<тца> протоиерея (фамилию и имя забыл), Гудович, Суховольского, Савельева и других. От последнего, тоже сохранившегося, домика Тюшёвых построен вновь длинный ряд домов до нового кладбища.

.....

Наш дом... Он стоит рядом с домом б<ывшим> Годомского на углу улицы, от которой идёт дорожка на гору, к крепости (обычная дорога всех наших прогулок в горы – за цветами, грибами, камышом и прочим). Архитектура испорчена или, выражаясь совсем вежливо, изменена. Старое парадное крыльцо уничтожено. Новое «вставлено» в середину зала вместо центрального из трёх окон. «Коридор», т<о> е<сть> большие сени, через которые вело в дом старое парадное крыльцо, обращён в новую комнату.

Дом стал кривой, такой:

Направо – оч<ень> плохие, т<о> е<сть> «какие-попалочные», бесформенные, дощатые ворота (вместо прежних, красивых), налево – забор внутреннего садика, куда выходили одно окно маминной комнаты и два (особо трогающие меня) окна нашей детской. Окна эти сохранились. Наружного палисадника и деревьев перед домом (кроме двух, посаженных, очевидно, позднее), а также огромной ели в левом углу внутреннего садика не сохранилось.

Над домом вывеска: «Аптека».

Вошли в дом. Заведующая аптекой Лидия Георг<иевна> Ластова. С её любезного разрешения осматриваем все комнаты. Отмечу, что характерно. В зале и гостиной сохранилось старое подобие паркета (веточкой), – только покрашены полы не розовой, а грязно-красной краской. Новые пузатые угловые печи с грубыми рельефными украшениями в деревенском духе сделаны кем-то позже, – у нас их не было: печи были изящны и благородно-просты. Сохранились вполне: кабинет папы, столовая и детская. Гостиная соединена с маминной комнатой и с тёмной «кладовкой».

Братья Булгаковы в Сталинском (Новокузнецком) краеведческом музее.

На фото стоят: К.А.Воронин, Вен. Булгаков, сидят: В.О.Болдырев, Вал. Булгаков

Трёхэтажный амбар, да и все другие амбары, к<оторы>е я видел ещё в 1914 г., разрушены. Двор совершенно потерял свой старый вид. Новые постройки на нём – не наши.

Под быв<шим> коридором вырыт подвал, к<оторо>го раньше не было. Подполье в детской сохранилось.

Быв<шая> крепость на горе с развалинами церкви хорошо видна (как и раньше) из дома и с усадьбы. По верху горы расположено множество новых домов.

Осмотр дома глубоко тронул и меня, и Вену. Оч<ень> благодарили аптекаршу и её сотрудницу за любезность. Пробраться дальше, к кладбищу, было оч<ень> трудно. Ровная прежде, как скатерть, улица наша обратилась в непролазное болото и была полна (как и нынешняя улица Достоевского) тем, что Вена остроумно назвал «грязевыми ваннами», т<о> е<сть> глубокими, грязными водомоинами. Правда, шёл дождь, но дело было не только в дожде. Улица не замощена, а нынешний транспорт, гл<авным> обр<а>зом>, тяжёлые грузовики, рвёт, корёжит и обращает её в трясину. Мы зачерпывали грязь – Вена – калошей, я – ботинком. Вспотели,

пока добрались до места, где был вход на кладбище. Увы, в новой решётке вход отсутствовал.

Обошли б<ывшее> кладбище, нынешний парк, справа. На ул<ице> Ленина нашли вход. Надпись: «Открыто до 4 ч<асов> дня» (почему только до 4<-х>, непонятно). Глядим на часы: 3 ч<а-са> 40 м<инут>. А вход закрывает: цепь, замок. Решили не сдаваться и добиться входа в парк. Заметили через решётку в глубине парка какую-то женщину. Маним к себе, требуем входа, я ссылаюсь на своё членство в С<оюзе> П<исателей> СССР. «Скажу директору». Приходит директор, тоже женщина. Любезно пропускает, отперев замок.

Парк, как все советские, – неплохие парки. Портреты вождей. Раковина для оркестра. Эстрада для концертов. Скамьи. Фонтанчик воды для питья.

Обошли. Вспомнили расположение могил. Приблизительно определили место папиной могилы. Грустно постояли, снявши шляпы. Церкви, конечно, нет (её, как и Богородскую, как и Нагорную церкви, сожгли «роговцы» в 1919 г<оду>). Два тяжёлых камня, бывшие надгробия (один с остатками надписи), валялись на траве: тяжело было вывозить.

Недалеко от парка б<ывший> дом Красимовича (второй, новейший) и остатки его пивоваренного завода. Вспомнились: милый кроткий мальчик Буня, красавица Зося с двумя длинными косами.

Поразила нас стройностью и красотой ул<ица> Ленина, на которую обращён вход в парк. Длинная линия огромных, многоэтажных домов уходит далеко за город – там и туда, где раньше тянулись лишь некультивированные кустарники да дорогая нам, детям, дорога к Св<ятому> колодцу с красной и белой смородиной в кустах по сторонам, да где расположены были городские свалки – с навозом и всякой дрянью. На этой улице непосредственно за парком-кладбищем расположен огромный и великолепный белый дворец дома культуры Алюминиевого завода. Такой дворец мог бы быть украшением любой улицы и в Москве, и в Ленинграде.

На трамвае проехали мы к быв<шей> Базарной площади, которую обегали под проливным дождём и, наконец, не выдержав этого испытания, спрятались в сохранившемся здании бывшего казначейства, ныне – почте... Воспоминание о старике-казначее поляке Антоне Флориан<овиче> Адамовиче и его детях...

(Не продолжал).

На др<угой> день – объезд Кузнецка на машине «от музея» с К.А.Ворониным:

у реки... купанье...

Топольник

в домике Достоевского

в нашем б<ывшем> доме.

поездка на Алюм<иниевый> завод

(Вена хотел видеть конец новой улицы)

снимались у Дворца культуры

дети! – снимались и с ними...

угощал всех обедом в ресторане «Томь» (!).

На 3-й день Вена один ходил на гору.

Ждали 2 или 3 дня срока отъезда (с трудом нашли билеты). Накануне отъезда (3-го или 4-го июля) – моя лекция о Т<олстом> в библиотеке.

Ночлег у милейшего П.В.Заварыкина.

Отъезд. Проводы: Заварыкины все, завед<ующий> библиотекой и др<угие>.

*Вениамин,
Валентин
Булгаковы и
К.А.Воронин на
скамье у Дворца
алюминщиков.*

Вениамин, Валентин Булгаковы у здания бывшей церковно-приходской школы на ул. Зелёной (ул. Полосухина).

Братья Булгаковы и К.А.Воронин среди пионеров пионерского клуба им. А.Гайдара.

Валентин и Вениамин Булгаковы у домика Ф.М.Достоевского.

БОЖИЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

Аттестатъ.

суб сев, бывши
управа
не

ученика *Т. Булакова* класса Кузнецкаго **СВИ** № 189 *78*

Мѣсяцы.	Воспитаніе	Русск. языкъ	Арифметика	Геомерія	Географія	Исторія	Черченіе	Греч.
Августъ	—	—	—	—	—	—	—	—
Сентябрь	—	—	—	—	—	—	—	—
Октябрь	4	3	—	—	—	—	—	—
Ноябрь	4	3	—	—	—	—	—	—
Декабрь	4	3	—	—	—	—	—	—
Январь	4	3	—	4	—	—	—	—
Февраль	—	—	—	—	3	3	3	—
Мартъ	4	4	3	—	—	—	—	—
Апрѣль	—	—	—	—	—	—	—	—
Май	4	4	4	—	—	—	—	—
	4	4	4	—	—	—	—	—
	4	4	4	—	—	—	—	—
	4	4	4	—	—	—	—	—
	4	4	4	—	—	—	—	—

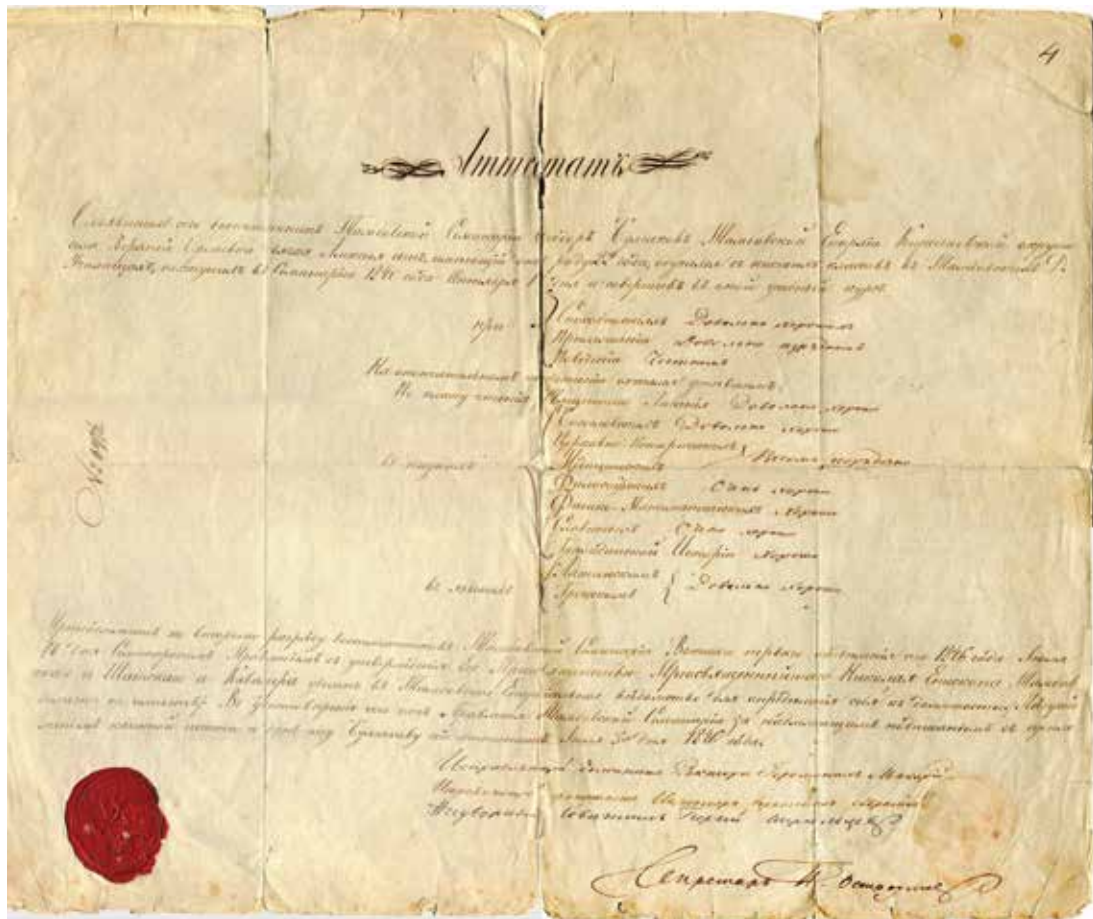
Писанный Наставникъ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКУМЕНТЫ
СЕМЬИ БУЛГАКОВЫХ

В ФОНДАХ
НОВОКУЗНЕЦКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

Аттестат Ф.А.Булгакова
об окончании Тамбовской
семинарии. 30 июля 1846 г.

Свидетельство Ф.А.Булгакова
о присвоении ему звания домашнего
учителя русского языка. 4 апреля 1853 г.

На обороте надписи: «Свидетельство предъявлено 6 апреля 1853 г. и <осподин> Булгаков поступил
учителем в дом тамбовского 2-й гильдии купца Мефодия Серебренникова, в чём и удостоверяю.
Директор училищ Ф.Мещерин (подпись)».

На обороте рукой Вал.Ф.Булгакова сделана запись: «В свидетельстве указано, что мой отец Фёдор
Алексеевич Булгаков был сыном дьячка. Но от старшей дочери моего отца от первого брака, Арафены
Фёдоровны Казанцевой, рожд-енной Булгаковой, поддерживавшей связи с тамбовской родней отца,
мне известно, что мой дед дьячок Алексей Алексеевич, как и его отец, а мой прадед Алексей дослужился
до сана священника. Вал.Булгаков. Ясная Поляна, 25 февр. 1965 года».

2

Увольнительный вид.

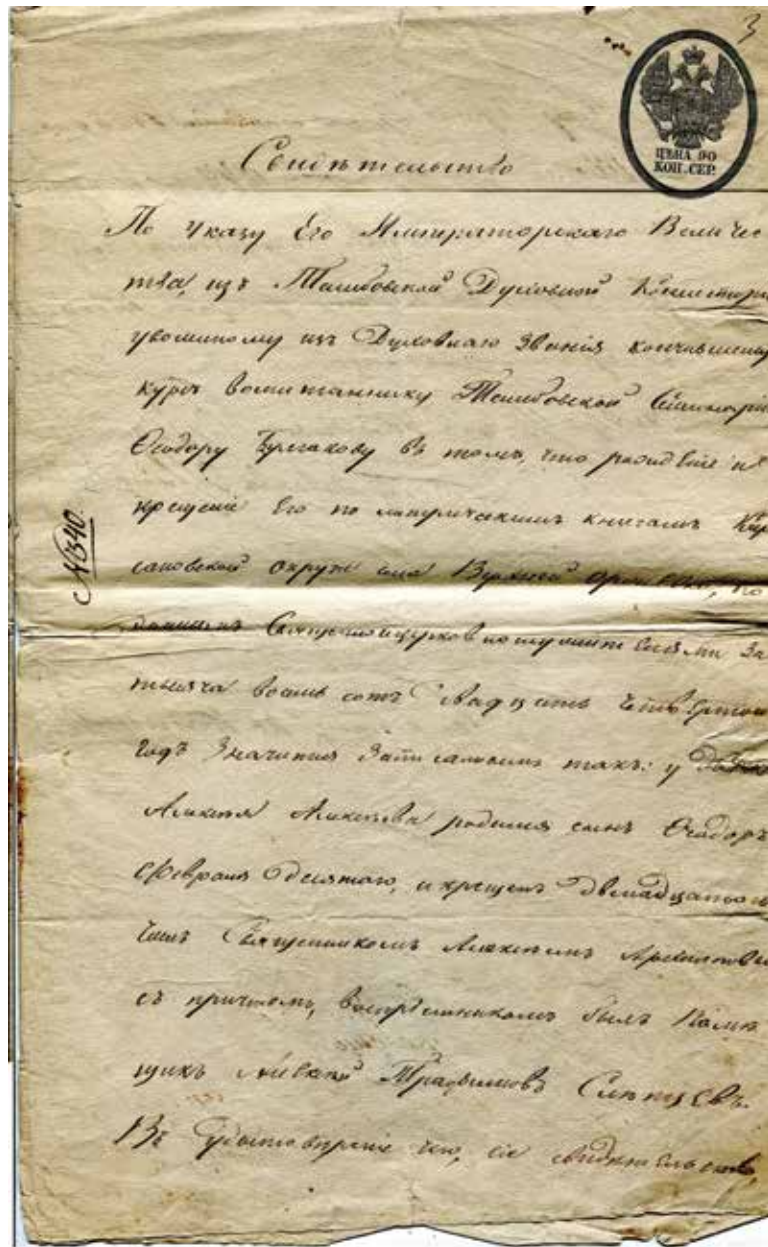
По Высочайшему повелению
из Монашеской Духовной Академии,
Константинопольского Патриархата
Святейшего Синода Булгакову, в том,
что он согласно его прошению, в сви-
детельствование Монашеского Су-
премного Патриархата, по указу
Святейшего Правительствующего
Синода, от 2. числа месяца Января
года 11397го уволен из Духов-
ного звания в Светский. Во
удостоверение чего, сей грамотой
сего вида, ему Булгакову,
на семомъ 200 ст. В. Д. Василье
такого 3. числа, сего года, Грам-
мотой под № 22, за № 11397, 11398

Увольнительный вид
(перевод из духовного звания в светское)
Ф.А.Булгакова. 15 декабря 1849 г.

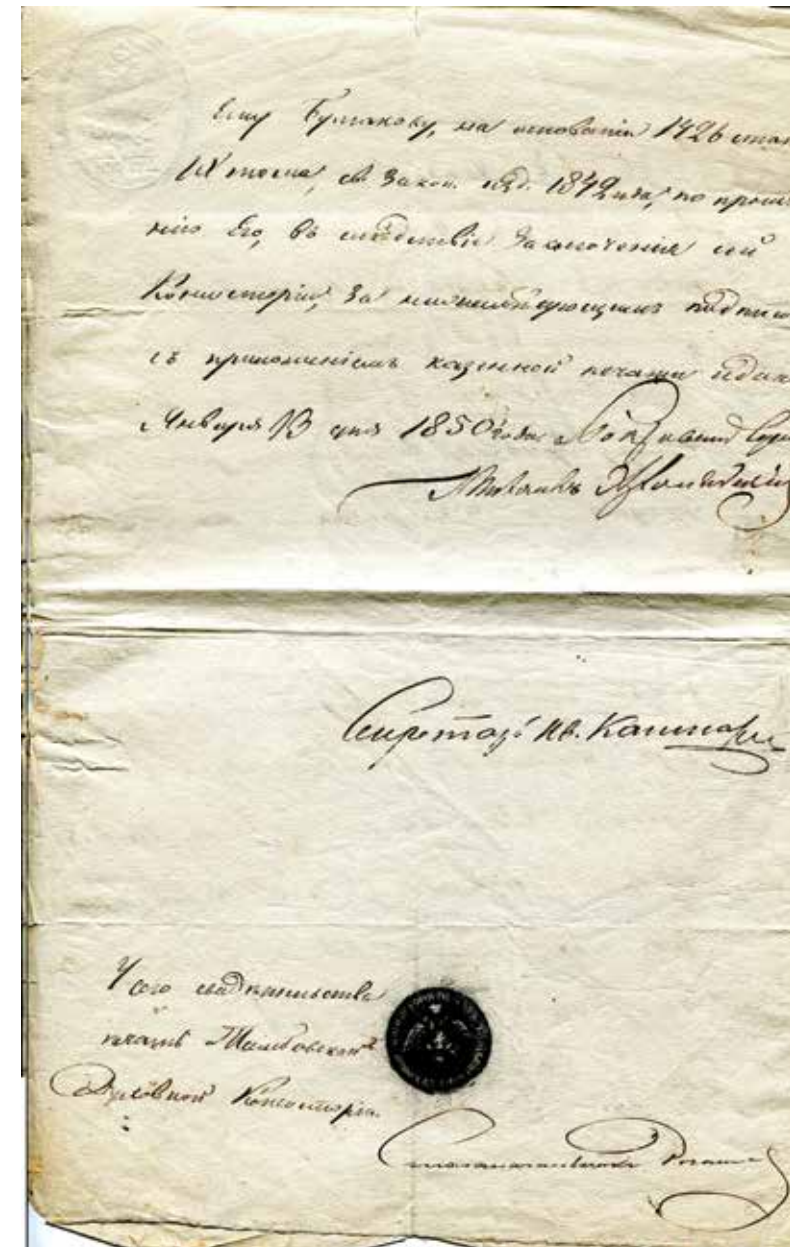
подписанная и со приложением
каждой печати и Давид.
Декабря 15. 1849. Давид.
Синодальный Секретарь
Синодальный Секретарь
Синодальный Секретарь

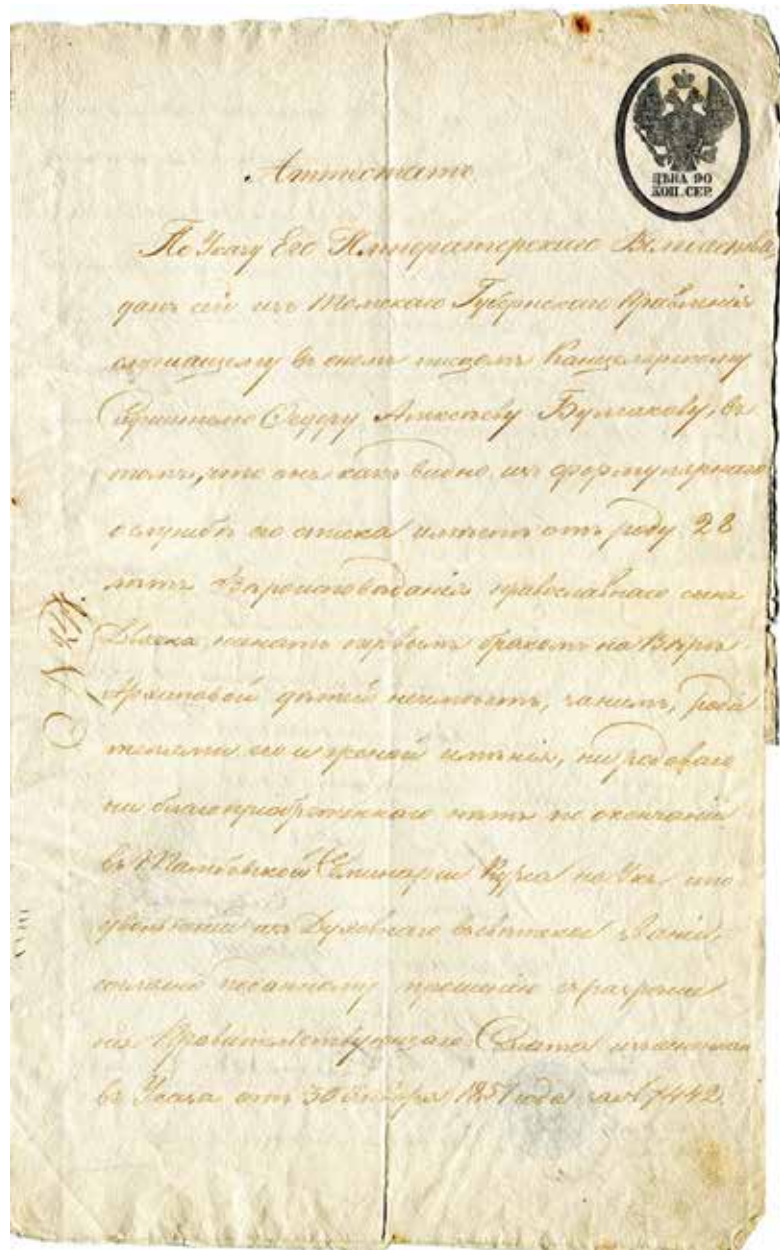
Секретарь в. Каминский

Сего удостоверяющего
виду, по Высочайшему
повелению, Монашеского
Синода Духовной Ака-
демии, в том, что он
Синодальный Секретарь
Синодальный Секретарь

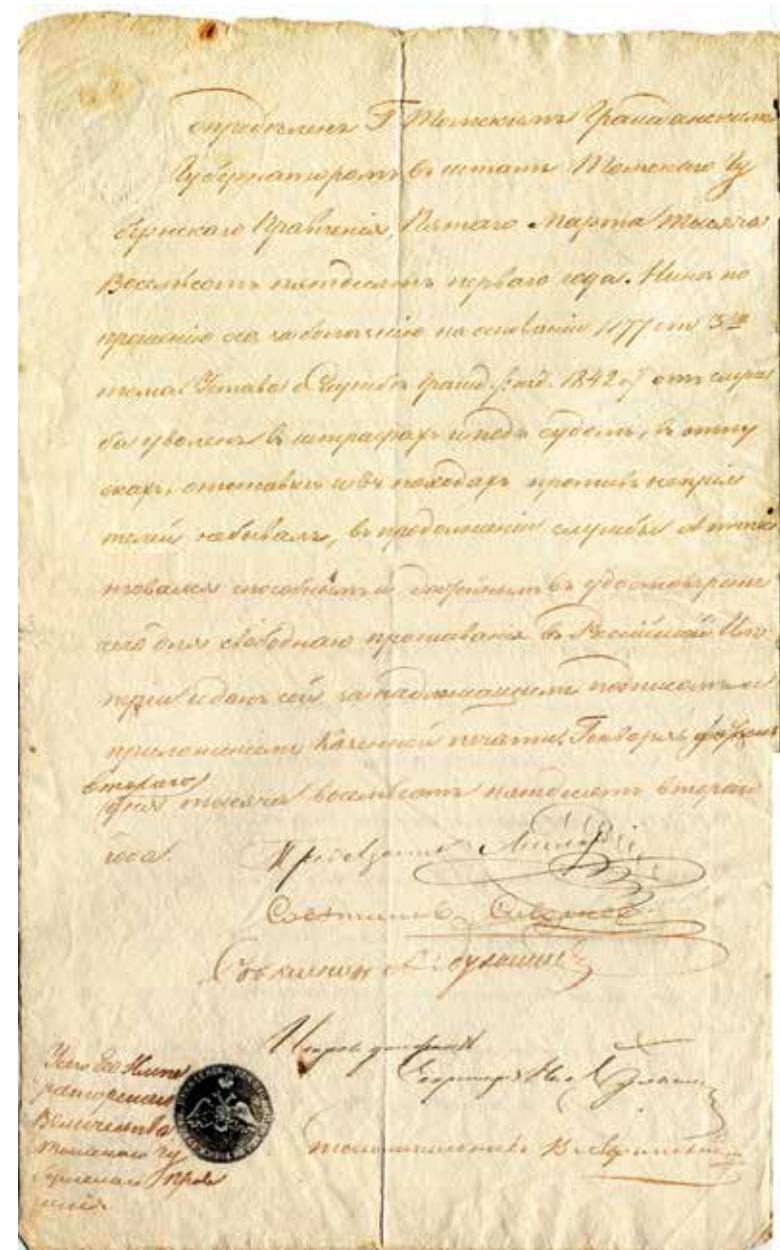

Свидетельство, выданное Тамбовской духовной консисторией
Ф.А.Булгакову с подтверждением его даты рождения и крещения.
13 января 1850 г. Гербовая бумага с водяными знаками.

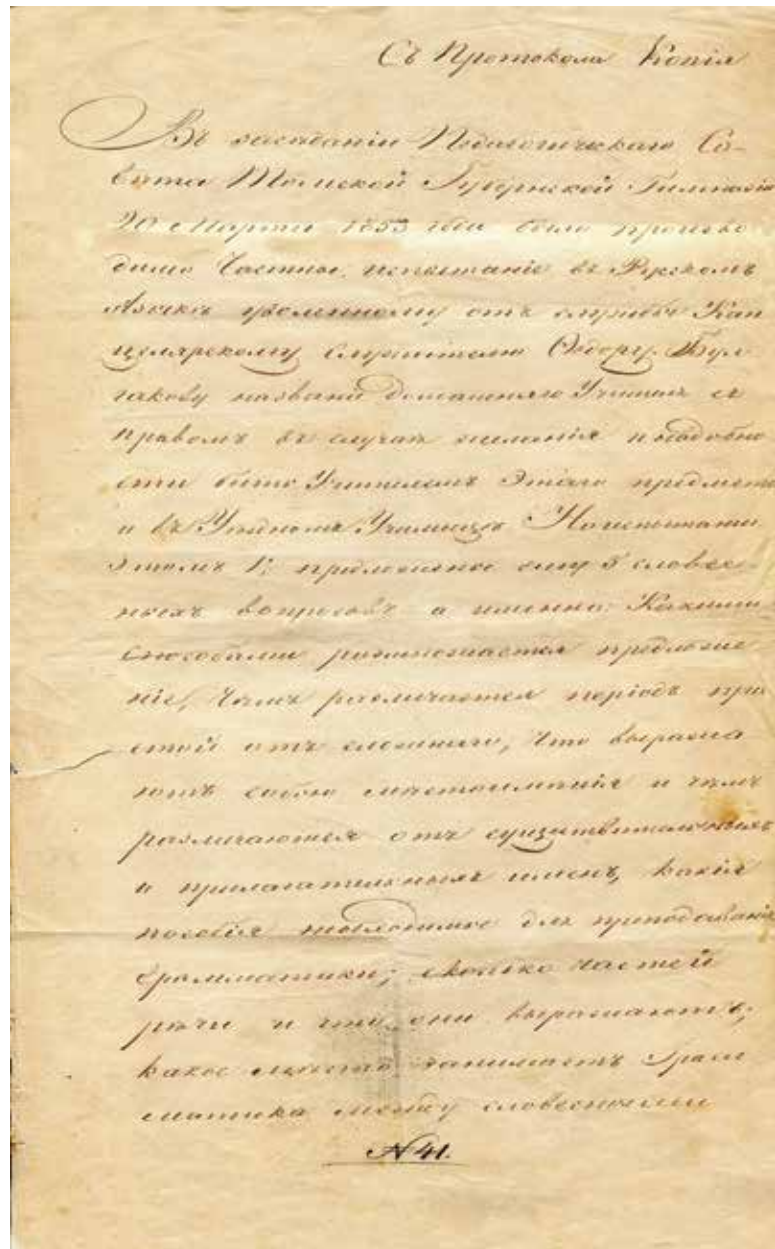

Аттестат Ф.А.Булгакова. 2 января 1852 г.
Гербовая бумага с водяными знаками.

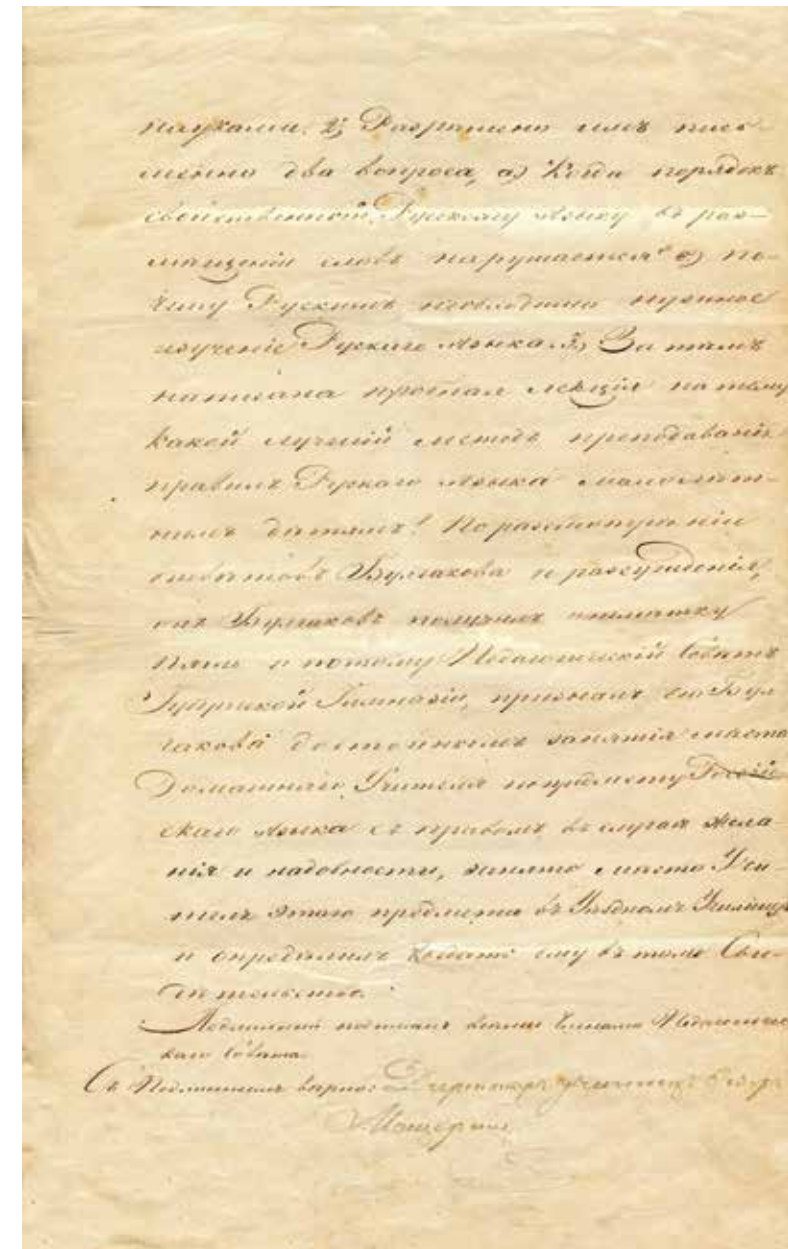

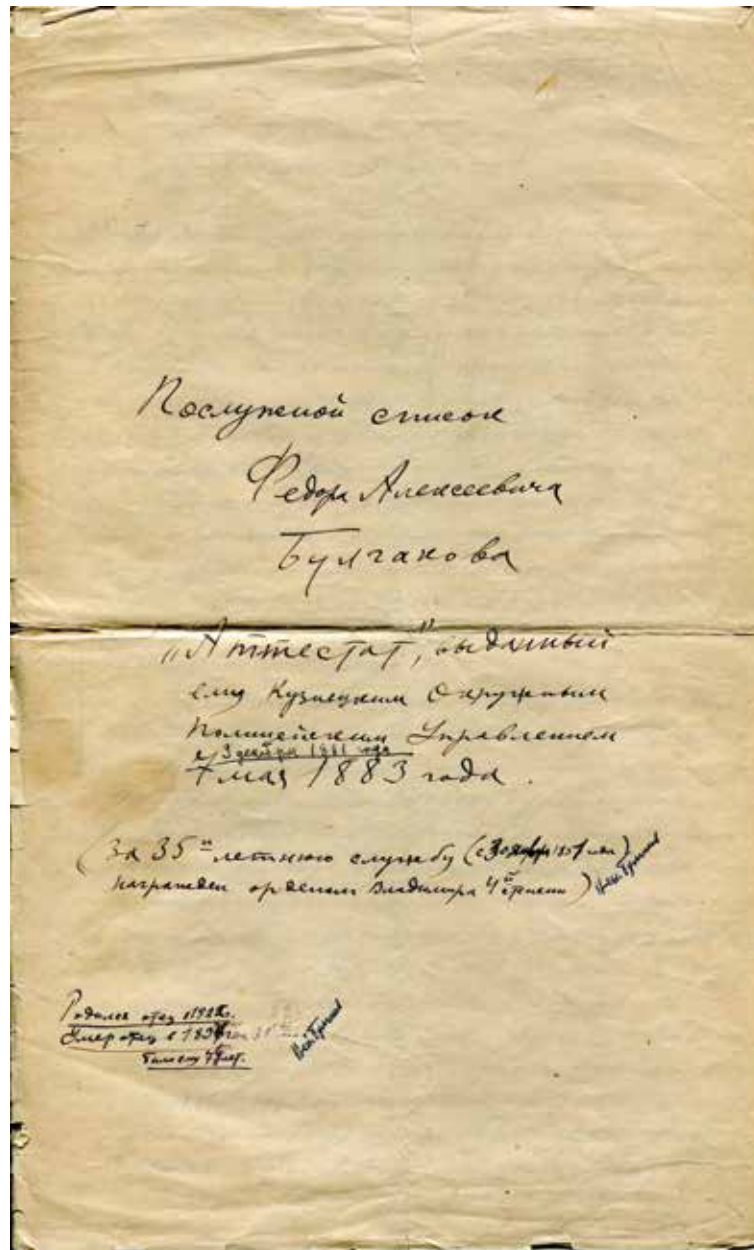
Монахъ Григорій Гривини
Сидорова Анисимову Булгакову
Гурьевою Архангельской дистриктѣ
Митрою Гурьевою

Митрою Гурьевою
Сидорова Анисимову Булгакову
Гурьевою Архангельской дистриктѣ
Митрою Гурьевою

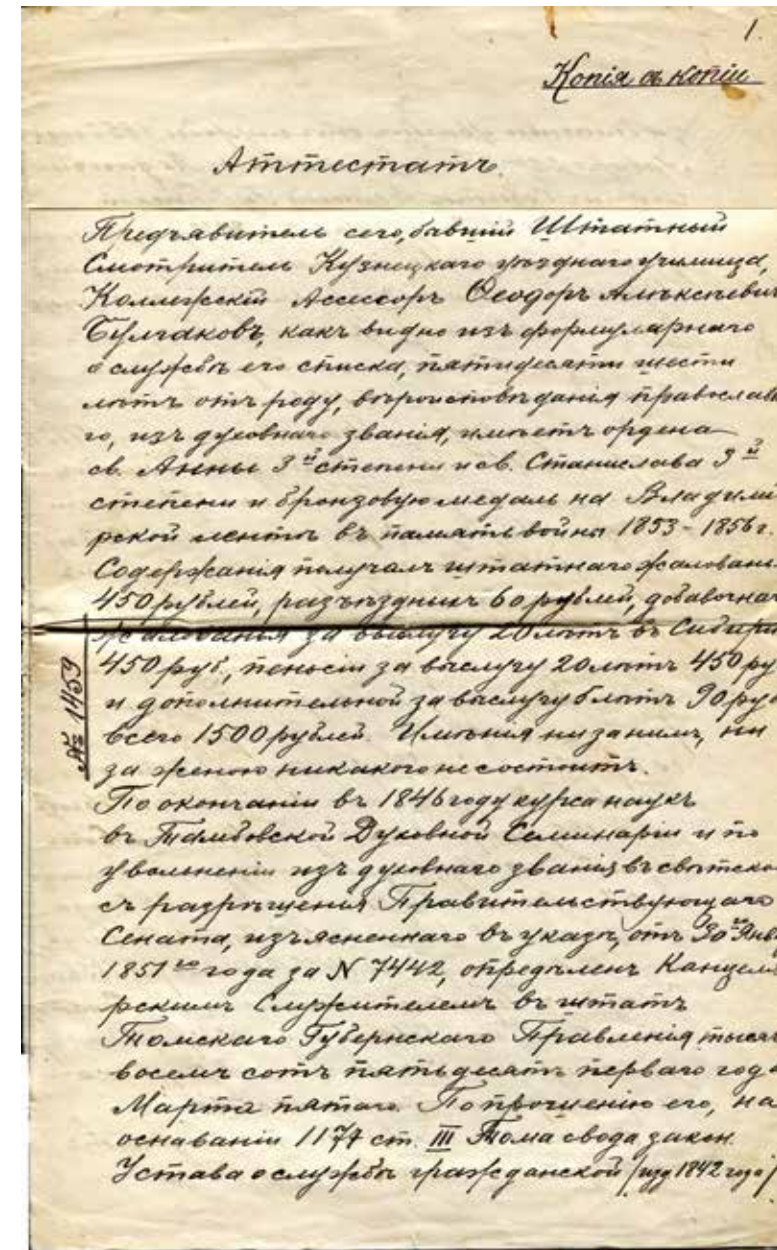

Протокол педагогического совета Томской губернской гимназии
о признании Ф.А.Булгакова достойным занятия места
домашнего учителя русского языка. 20 марта 1853 г.

«Аттестат» (послужной список) Ф.А.Булгакова.
3 декабря 1881 г. (с последующими дополнениями).
Копия от 1 февраля 1913 г.

за должным образом отъездом 1852 года
Анваря 22го. По испрошению въ Педагогиче-
скаго Совета Томской Губернской
Гимназии 1853 года Марта 20го дня, признан
достоинным званія домашняго учителя
Русскаго языка, съ правами замѣнить мѣсто
учителя иного предмета въ уездномъ
училищѣ, и получивъ на первое званіе
свидѣтельство за № 1623 отъ Губернскаго
учрежденія заведеній Томской губернии 1853
Апреля 4го. Поступивъ домашнимъ
учителемъ въ дѣль Томскаго 2го училища
Князя Александра Сергѣевича 1853 года
Апреля 6го. Домашнимъ учителемъ
находился по 1854. Ноября 8. Определенъ
учителемъ Русскаго языка въ Кузнецкое
уездное училище Томской губернии
съ выдачею ему же въ зачетъ третяго
жалованья 1854 года Ноября 8го.
По предписанію Директора училищъ
Томской губернии, отъ 3го Апреля 1856 года
за № 125, исправленъ дашенности Симо-
нроуменія Кузнецкаго уезднаго училища
съ 24го Апреля по 31го Августа 1856 года
Томске съ 13го Июня по 2го Июля 1857 года
и съ 18го Сентября по 14го Октября 1858 года.
Указомъ Правительствующаго Сената
отъ 28го Июня 1860 года за № 6700, произведе-
на въ высшую степень въ чинъ Губернскаго
Секретаря со старшинствомъ
съ числа восьмисотъ пятнадцати
четвертаго года. Ноября восьмью.

«Аттестат» (послужной список) Ф.А.Булгакова.
3 декабря 1881 г. (с последующими дополненіями).
Копия от 1 февраля 1913 г.

По распоряженію Т. Генерала Губернатора
Западной Сибири, изданнымъ въ предпи-
саніи Директора училищъ Томской
губернии, отъ 22го Октября 1860 года
за № 719, опредѣленъ исправляющимъ
дашенности Штатнаго Симоуменія
Кузнецкаго училища 1860 года Октября 6.
При исправленіи дашенности Штатнаго
Симоуменія исправленъ дашенности
учителя Русскаго языка съ 6го Октября
1860 по 15го Апреля 1861 года. За 5^ю ступенью
деятельности и усердію служебъ въ клас-
сной дашенности въ Сибири произведе-
на въ чинъ прибавка къ получаемому
жалованью одна четверть оклада
съ 8го Октября 1861 года по 8го Октября
1864 года. Указомъ Правительствующаго
Сената, отъ 17го Августа 1861 года
за № 7186, произведенъ за выслугу летъ
въ чинъ Камерскаго Секретаря со
старшинствомъ съ 1857 года Ноября 8.
На основаніи Высочайшаго
манифеста 26го Августа 1856 года
получилъ при предписаніи Директора
училищъ Томской губернии, отъ
18го Апреля за № 224, медалью произведе-
на на Владимирской степени
въ память войны 1853-1856 г.г.
1862 года Апреля 18. Указомъ Прави-
тельствующаго Сената, отъ
20го Октября 1863 года за № 255, про-
изведенъ за выслугу летъ въ чинъ

Министрального Совѣтника со старши-
 нствомъ съ 1860г. Января 8. Указомъ
 Правительствующаго Сената, отъ
 7 Октября 1865 года за № 240 произведенъ
 въ Камерскіе Ассесоры со старшинствомъ
 съ 1863 года Января 8. За прослуженіе
 10 лѣтъ въ классной должности
 въ Сибирѣ производилась ему при-
 давка къ штатному жалованью
 половина оклада съ 1864 года Января 8.
 По распоряженію Г. Генералъ-
 Губернатора Западной Сибирѣ
 иркутскому въ предписаніи Испол-
 няющаго должность Директора
 Иркутск. Губернскаго иркутск. отъ
 21 Августа 1866 года за № 100, за заслуги
 и по случаю смерти утверждена въ
 должности Штатнаго Селотришля
 Кузнецкаго уезднаго 1866 года Августа 28.
 За прослуженіе 5 лѣтъ въ классныхъ
 должностяхъ въ Сибирѣ производилась
 ему придавка къ штатному жалова-
 нью три четверти оклада съ 1869 года
 Января 8. Согласно удостовѣренію Начи-
 нателя Г. г. Министровъ Всемилос-
 стивѣнне повсѣмъ орденами
 св. Станислава 3^{ей} степени при гра-
 мотѣ за № 1204 1871 года Января 29.
 Приказомъ Г. Предсѣдателя Исполнющаго
 въ Совѣтѣ Главнаго Управленія
 Западной Сибирѣ, отъ 9 Декабря
 1874 года за № 84, за выслугого срока

«Аттестатъ» (послужной списокъ) Ф.А.Булгакова.
 3 декабря 1881 г. (с последующими дополненіями).
 Копія от 1 февраля 1913 г.

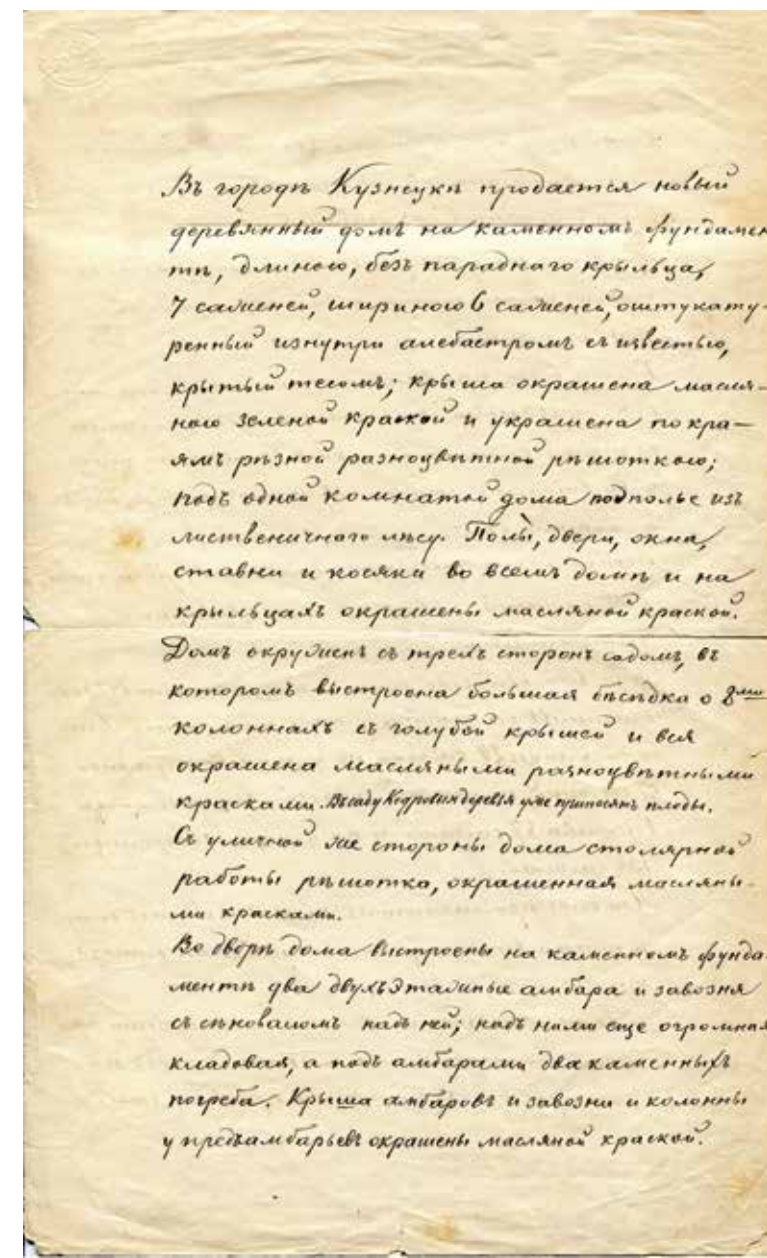
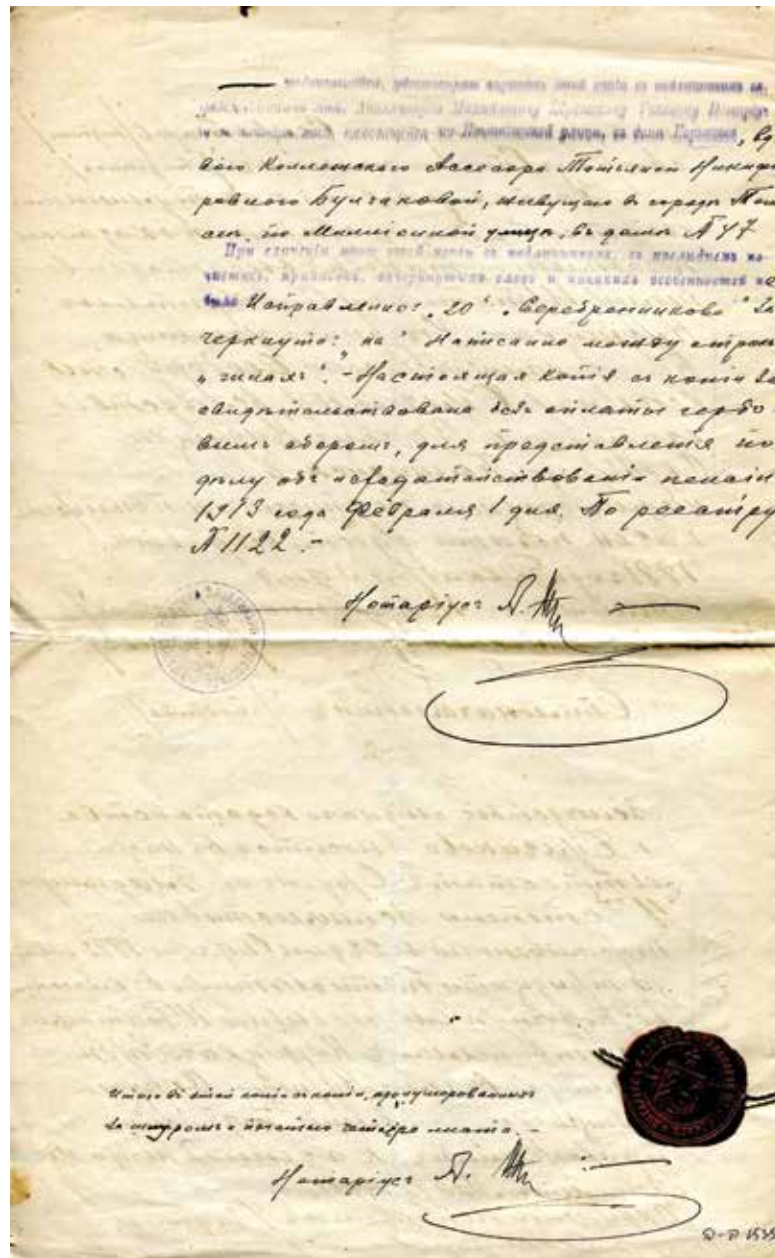
на пенсію, оставленъ на службѣ еще
 на 5 лѣтъ, считая срокъ съ 1874 года
 Марта 28. За выслугу по учебному
 ведомству въ Сибирѣ 25 лѣтъ
 Г. Товарищемъ Министра Народнаго
 Просвѣщенія назначена ему пенсія
 по 450 руб. въ годъ 1874 года Марта 28.
 За прослуженіе 20 лѣтъ въ классныхъ
 должностяхъ въ Сибирѣ производилась
 ему придавка къ штатному жало-
 ванью по 450 руб. въ годъ съ 1874 года
 Января 8. По повелѣнію Императора
 Г. г. Министровъ Всемилосудивѣнне
 повсѣмъ орденами св. Анны
 3^{ей} степени при грамотѣ отъ 16го
 Марта 1877 года за № 1915-1877 года
 Марта 4 Предписаніемъ отъ 22го
 Июня 1879 года за № 876 Г. Генералъ-
 Губернатора Западной Сибирѣ оста-
 вленъ на службѣ за выслугою 25 лѣтъ,
 еще на 2 года, съ 1879 года Марта 28.
 За выслугу по учебному ведомству
 въ Сибирѣ 25 лѣтъ Г. Товарищемъ
 Министра Народнаго Просвѣщенія
 назначена ему въ добавокъ къ прои-
 зводимому на службѣ пенсіи одна
 пятая часть оклада по 90 руб. въ годъ,
 съ 1879 года Марта 28. Приказомъ
 Г. Генералъ-Губернатора Западной
 Сибирѣ отъ 10 Октября 1881 года за
 № 44 оставленъ на службѣ за выслу-
 гою срока еще на четыре года

сх 1881 года Марта 22. Ссылка в отставку
деся наградными чинами с 22 Января
1852 года по 8^е Января 1854 года.
Въ походе при штурмовых, похвально-
достоинств и въ отпусках не воевал.
Приказом Т. Губернатора Губернатору
Западной Сибирии отъ 1го Августа
1881 года да № 92 отменен отъ службы
за выслуженого срока съ тѣмъ же воевал
сотнъ восемьдесятъ первого года
Тамъ тридцати пяти летъ. Женатъ
второй бракомъ на доброй
Анастасии Александровны, дочери
отъ первого брака дои Агриппы
родившися 21го Июня 1852, которая
никогда въ замужество; отъ
второго брака дои Силы родившися
17 Января 1848 года и Елены
родившися 28 Июня 1881 года. Жена
и дети отъ второго брака наследуютъ
при немъ и все отъ происхождения
православнаго.
Въ удостовѣреніи чего и данъ ему,
Булгакову, сей аттестатъ за на-
длежащими подписями, съ прило-
жениемъ казенной печати.
Т. Русскъ. Января 10 дня 1881 года.
Подписаны подписями:
Директора Томской гимназии и училища
Томской губернии Стасий Соболевскій
и Бор. Сидоровскій и Ч. д. Губернатора
Булгаковъ и Ан. Губернаторскій. Со под-

«Аттестат» (послужной список) Ф.А.Булгакова.
3 декабря 1881 г. (с последующими дополнениями).
Копия от 1 февраля 1913 г.

4
лишнихъ вторно. Секретарь / подписи /
Степановъ / подписи /
Настоящая копія съ подписанными
аттестатъ отъ него вложена и оказалась
правильною такою выдана въ
мелку Штабному Сибирскому
Курьеру Каю Уздному училища,
Комиссару Ассессору Федору Алек-
сандровичу Булгакову, въ удостовѣ-
реніе его просьбы. Въ г. Кургане
Окружного Томского Управленія
надлежащими подписями и печатью
каждъ полагать удостовѣрять.
1881 года Декабря 3 дня.
Подписаны Исправника / подписи /
Секретаря / подписи /
Степановъ / подписи /
Въ удостовѣреніе ризнаго казеннаго
1. Булгакова вносится въ наградный
аттестатъ Орденъ св. Владиміра
4го степеніи Вселичестіи вѣнзла
показанный въ 28 дн Января 1882 года
за тридцати пяти летъ службы въ классномъ
безпроторно вырѣду вѣнзла Штабнаго
Сибирскому Курьеру Каю Уздному
училища, въ г. Кургане Окружного
Томского Управленія, подписанными и
приложенными казенной печатью удо-
стовѣреніи Мая 7 дн 1883 года.
Подписаны / подписи /
Секретаря / подписи /

«Аттестат» (послужной список) Ф.А.Булгакова.
3 декабря 1881 г. (с последующими дополнениями).
Копия от 1 февраля 1913 г.

Кроме того, при доме еще два одноэтажных амбара, конюшни, заводы, турпалата, баня с туалетом и комнатой для одевания и скотный двор.

При доме на углу усадьбы большой флигель с тремя комнатами и курьей, индюком и петом с птицей.

Кроме того при главном доме есть еще старинный деревянный двухэтажный дом, но только с тремя комнатами как в нынешнем так и во втором этаже. При нем: амбар, баня и скотный двор.

Ограда около главного дома и огорода вынесена 60^м сажению повал из камня, вышинаю выше сажению.

Под всей усадьбой дома имеется земли 1429 квадратных сажению; а длины по главной Земской улице 24 сажению, по улице Телеграфной 57 сажению, по улице соседней — Колятовской и Троицкой 57 сажению и по улице Агапоровской 13½ сажению.

При сем прилагаются: план и фасад дому и план ветвей ступенчатой при доме колодези.

Сам этот со всеми означенными при нем постройками и землем под ними продается, вследствие крайней нужды

Рукописное объявление Ф.А.Булгакова о продаже
собственного дома и усадьбы в Кузнецке.
8 ноября 1888 г.

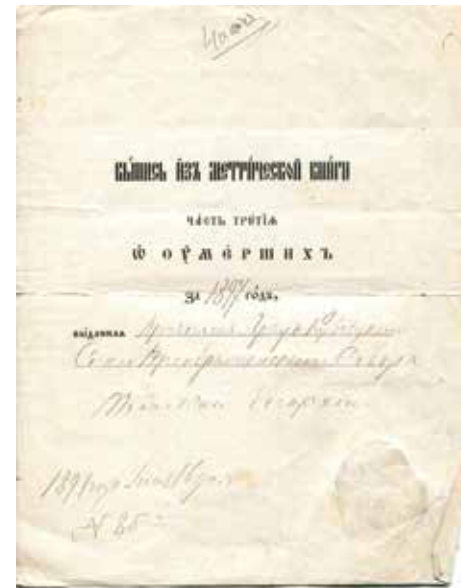
дешевости, за пять тысяч рублей, хотя и стоит она до шести тысяч рублей, не считая моих многолетних трудов и хлопот при его постройке и при посадке и поливке деревьев.

Командир Александр Осодор Алексеевич Булгаков.

1888 г.

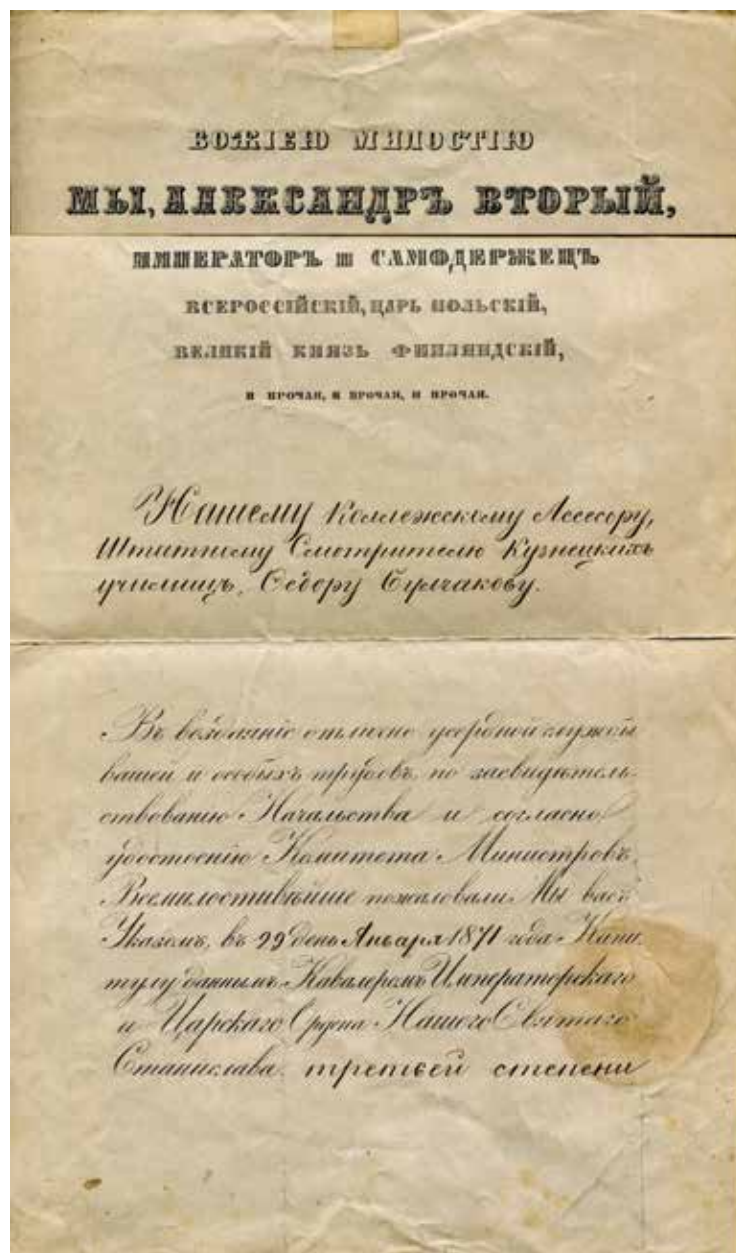

Метрическая выпись
о бракосочетании
Ф.А.Булгакова с Т.Н.Булгаковой
(урождённой Исаковой).
Выдана 16 июня 1897 г.

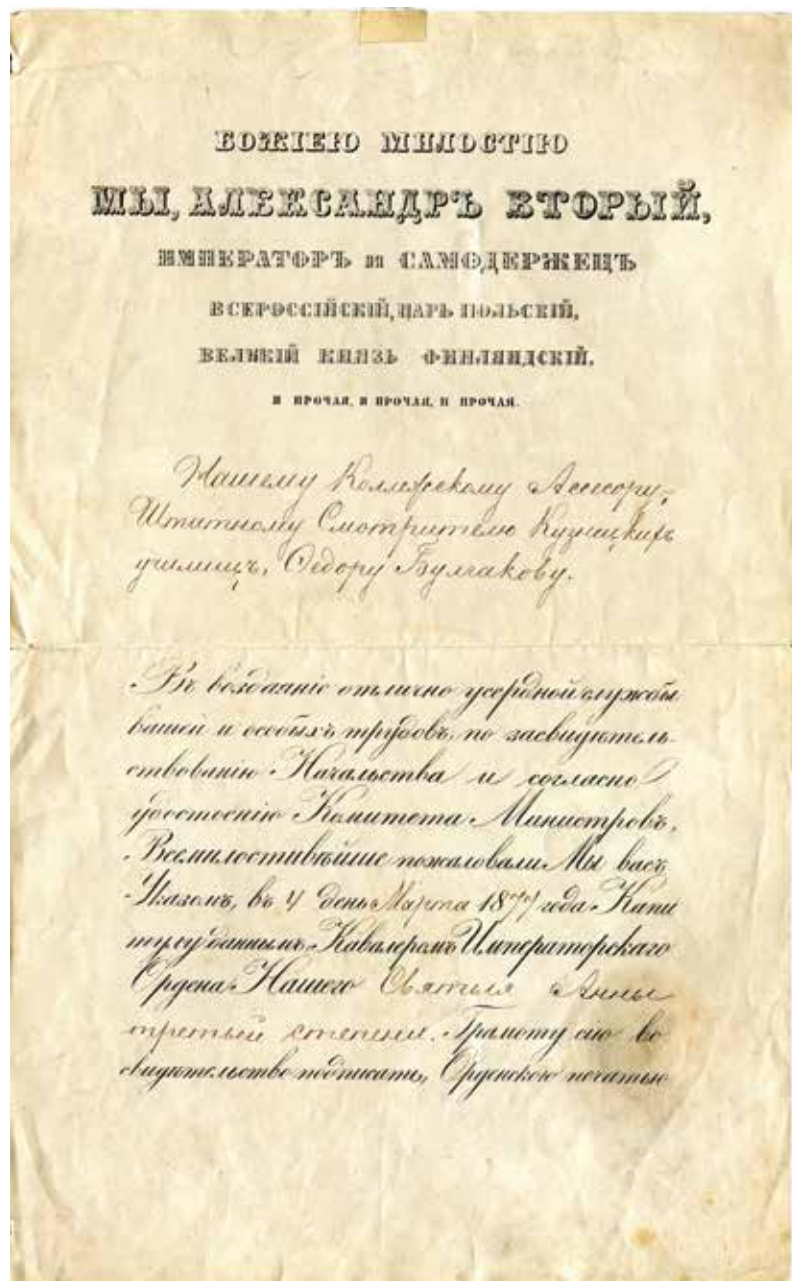
Метрическая выпись
о смерти Ф.А.Булгакова.
Выдана 16 июня 1897 г.

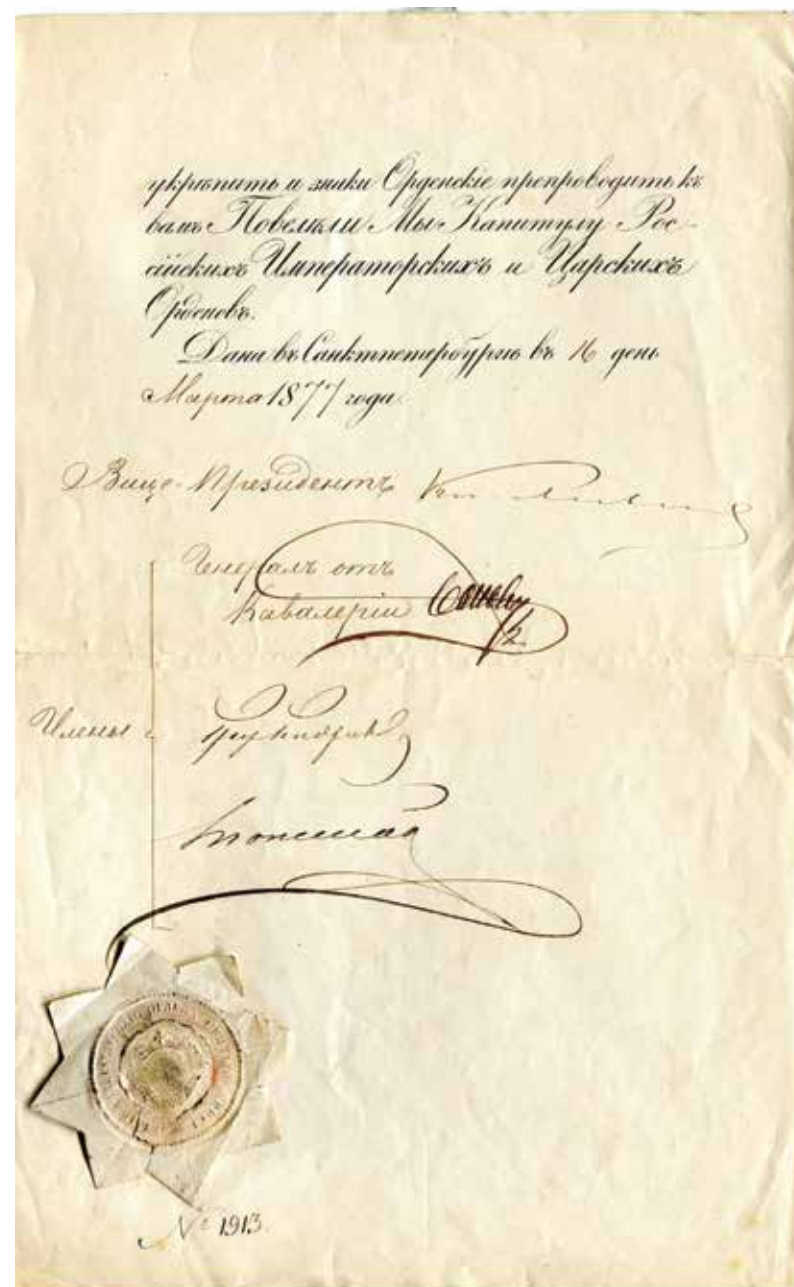

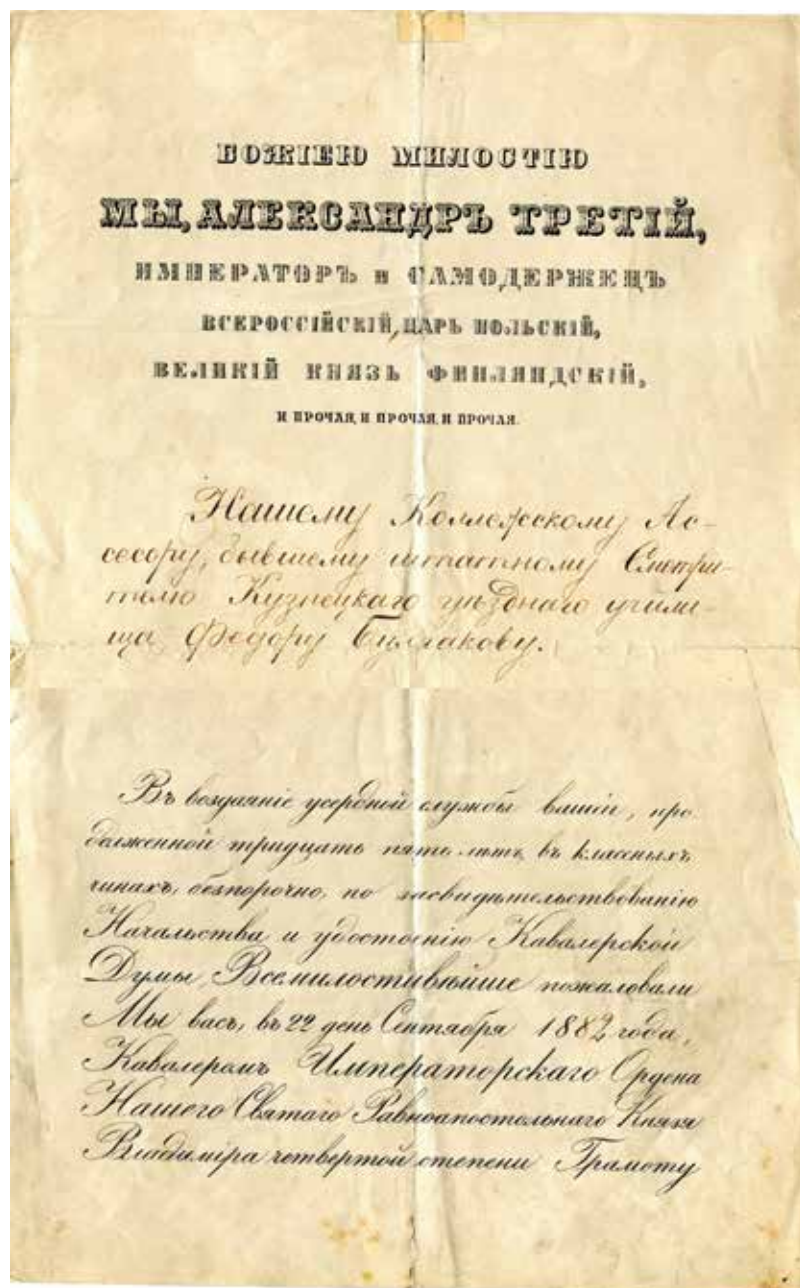
Грамота Ф.А.Булгакова о награждении его орденом
Св. Станислава 3-й степени.
10 февраля 1871 г.

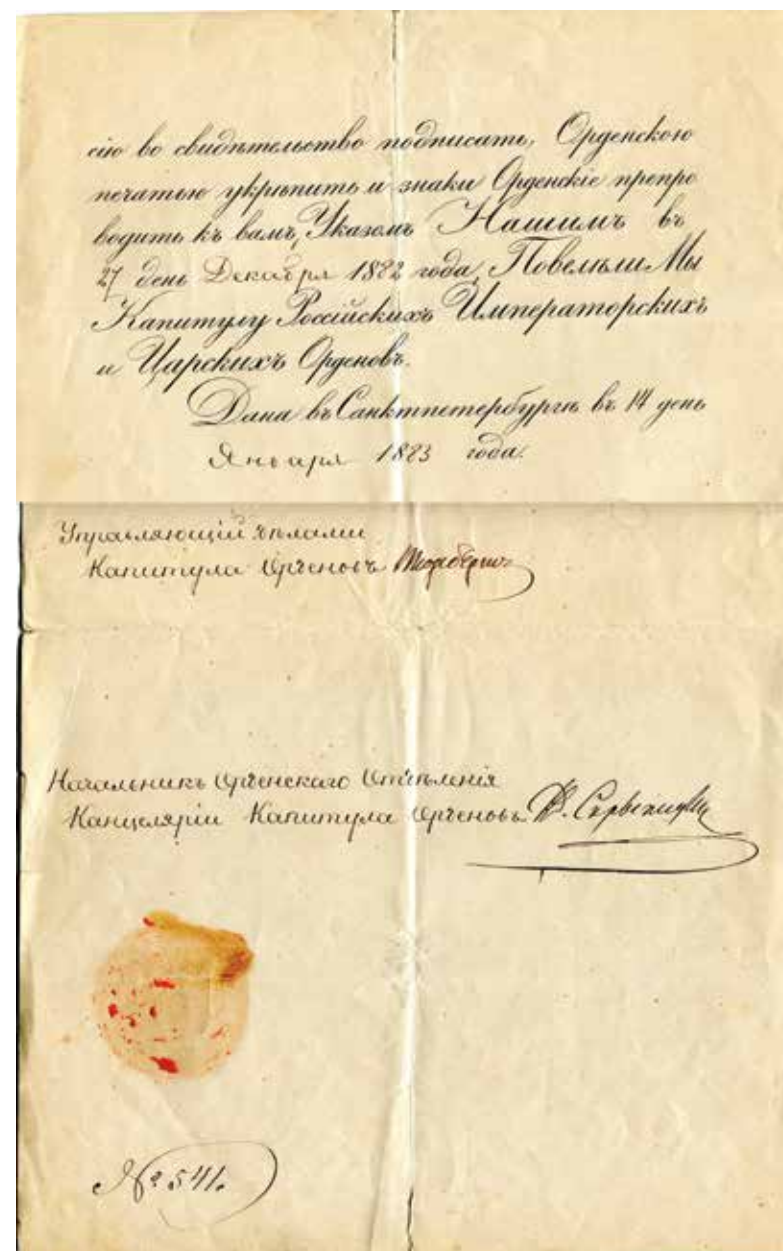

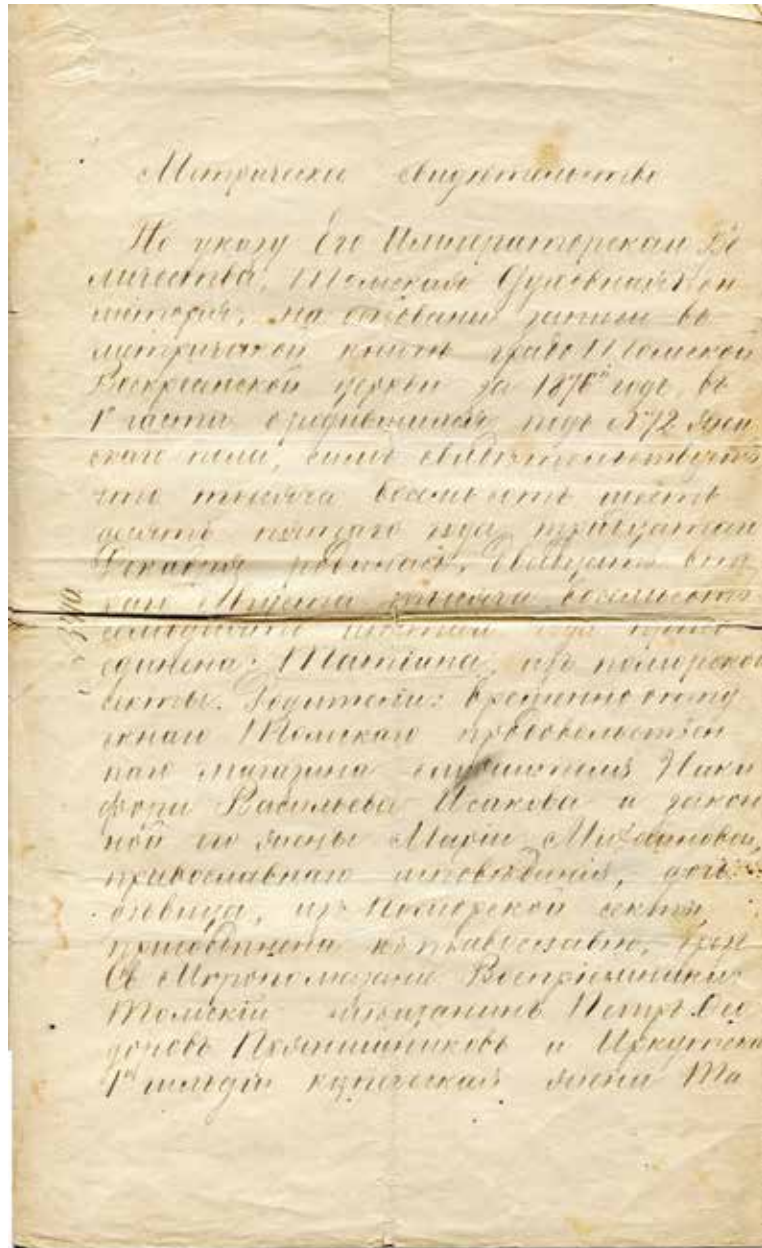
Грамота Ф.А.Булгакова о награждении
 его орденом Св. Анны 3-й степени.
 16 марта 1877 г.

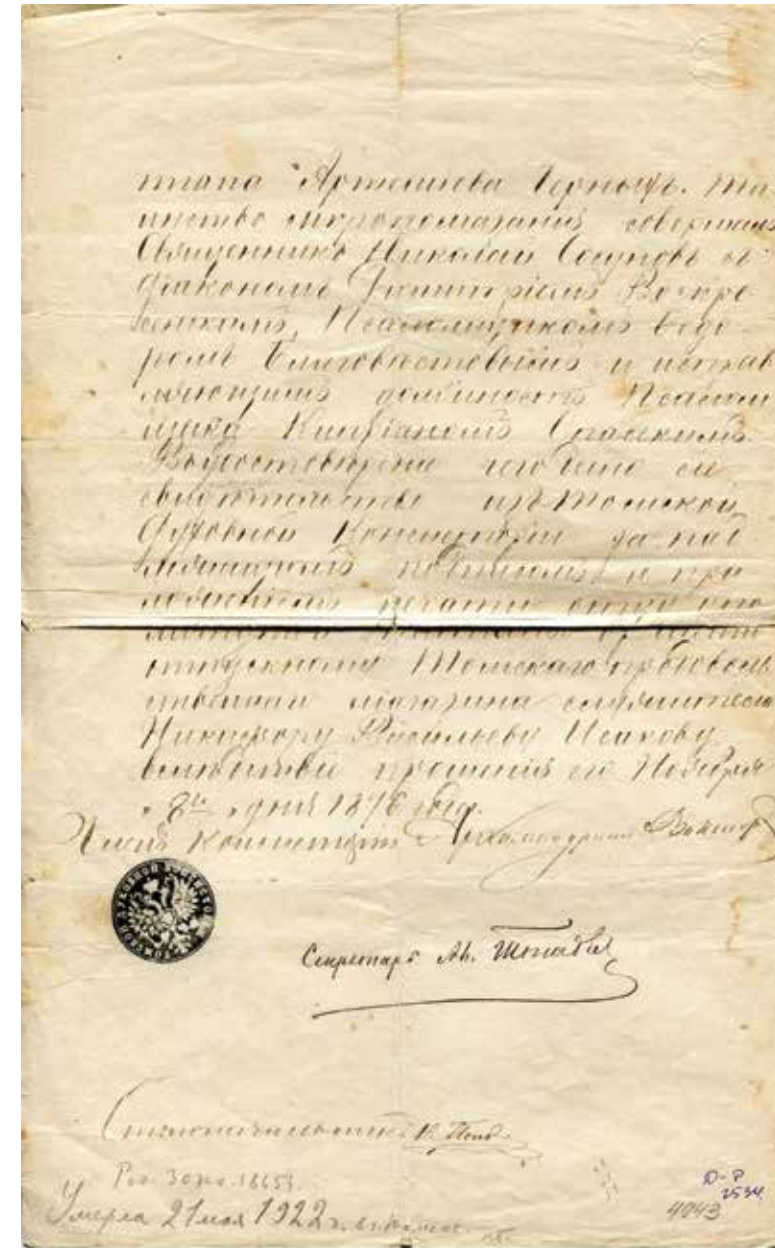

Грамота Ф.А. Булгакова о награждении
его орденом Св. Владимира 4-й степени.
14 января 1883 г.

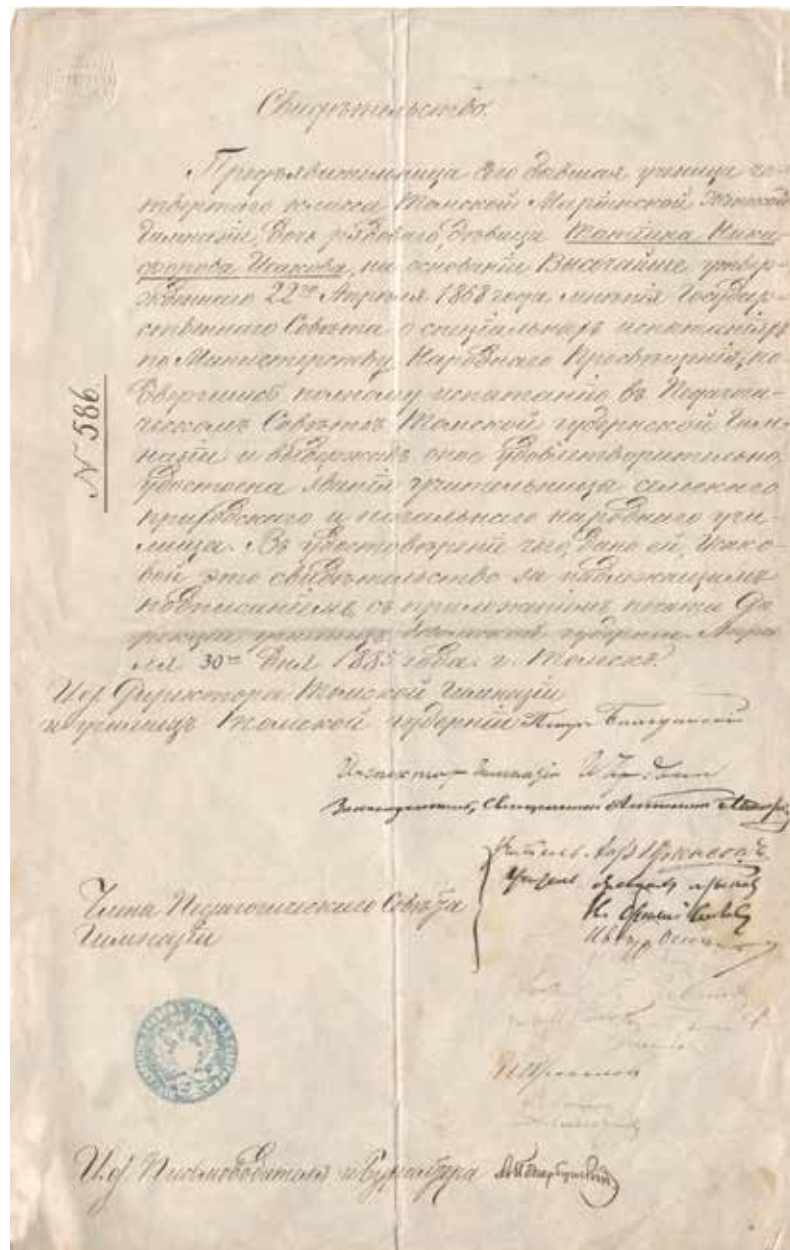

Метрическое свидетельство о приобщении
к православию Т.Н.Исаковой (Булгаковой).
8 ноября 1876 г.

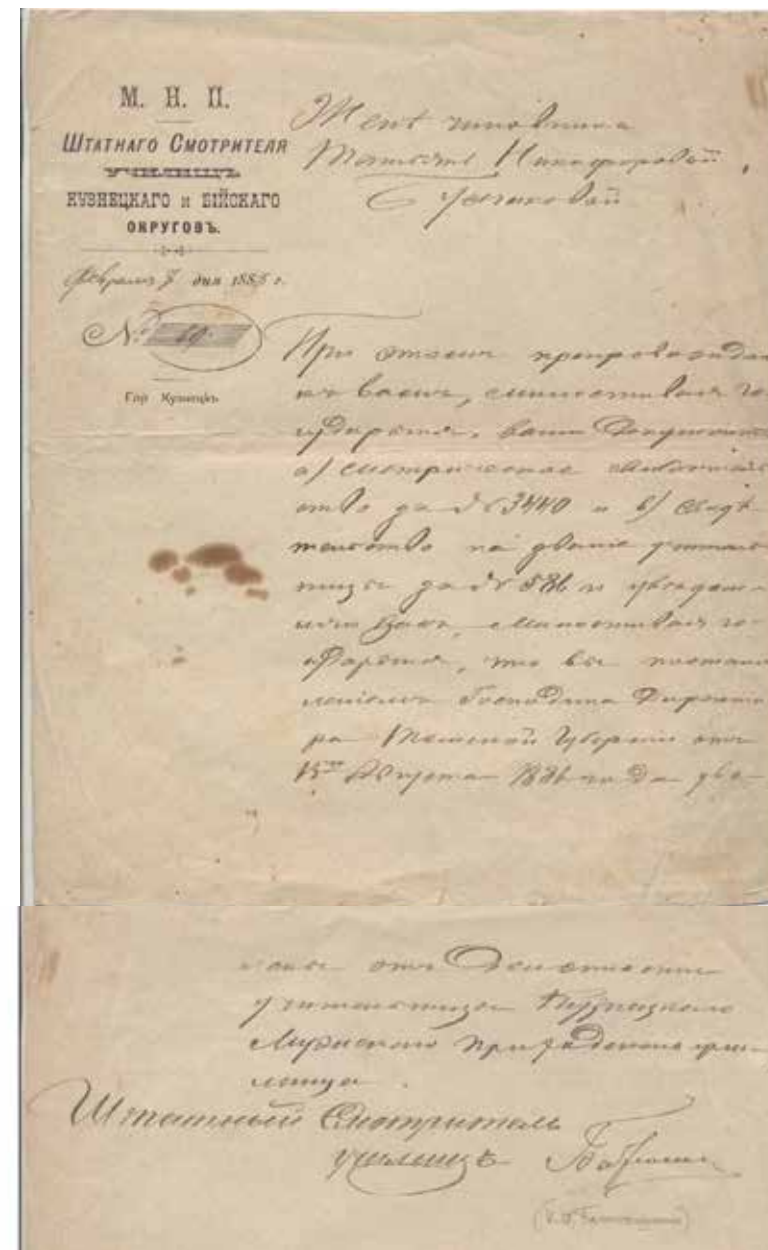
Секретарь А. Монахов
У. По. 3022. 1876.
Год 2122. 1922. 1876.

0-9
2534
1876

Свидетельство о присвоении звания
учительницы на имя Т.Н.Исаковой (Булгаковой).
30 апреля 1885 г.

На обороте рукою Вал.Ф.Булгакова сделана запись:
«Из подписавшихся состояли учителями Томской
гимназии при мне ещё (1898я – 1906): протоиерей
Антонин Мисюрев, Н.А.Бриллиантов, Ив.М.Курочкин,
П.М.Вяткин, И.Прасолов, Н.Лалетин».

Уведомление Т.Н.Булгаковой об увольнении её
от должности учительницы Кузнецкого мужского приходского училища.
7 февраля 1887 г.

Свидетельство.

1879 года февраля 27 дня. Вспомогательный
 уездный С. Машковской Губернской зем.
 ст. Спешная комиссия 1879 г. Машковск. Ок.
 суровое, и вольной повинности. Милост.
 енною сего числа свидетелем было
 до сведения вверенной и ответственности
 по сему делу свидетелем при
 яван Никифора Васильева Исакова,
 на свидании ~~с~~ ~~судьями~~ ~~Машковск. ст.~~
 семей 40 лет, мужского пола,
 сироты, вдовца, замароманен
 арван праван шкелом селенский,
 вепиенне камузи самуудманом
 сии свидетелем вверенной праван при
 яван, а по сему по сему делу

И

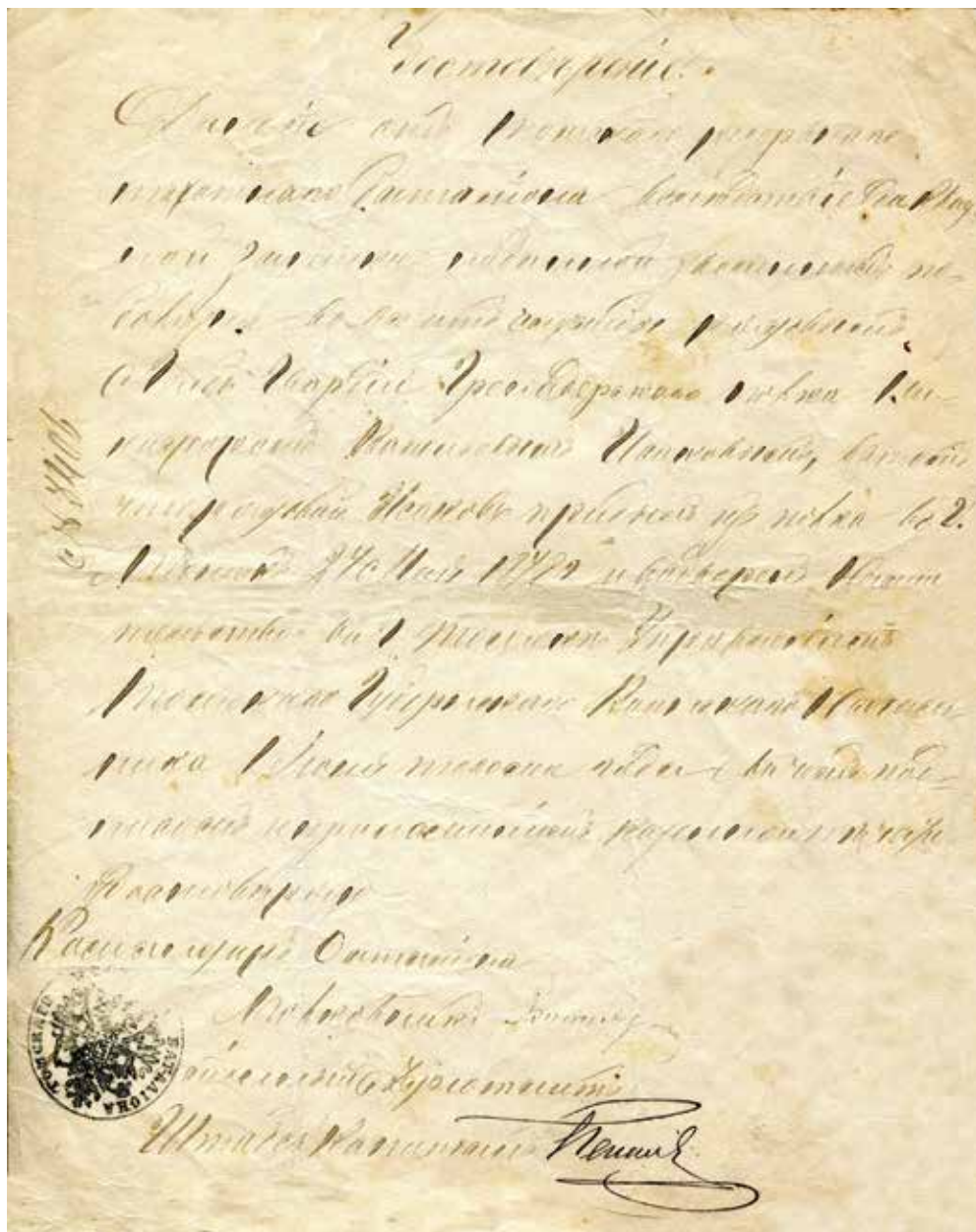
2-8 1879.

Свидетельство Никифора Исакова
 о признании его инвалидом.
 27 февраля 1879 г.

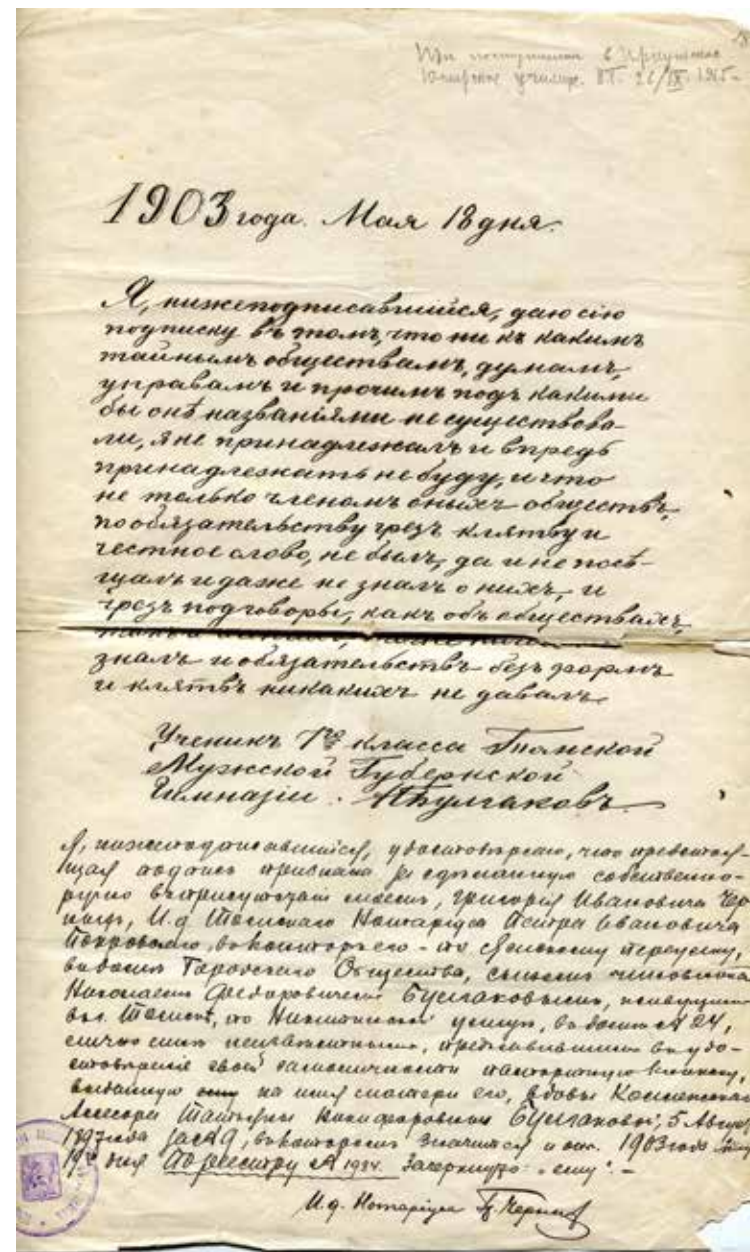
Исаков. свидетелем.

Крестьянин...
 Клеп. Исаков, Никол. Гр. Гр.
 Суровое и вольной повинности
 11.9.1879. Суровое и вольной повинности

Удостоверение об увольнении от воинской службы
Н.В.Исакова с разрешением проживания ему в г. Томске.
1 июня 1848 г.

Моя собственная и личная
подпись уполном. № 26/18 1903

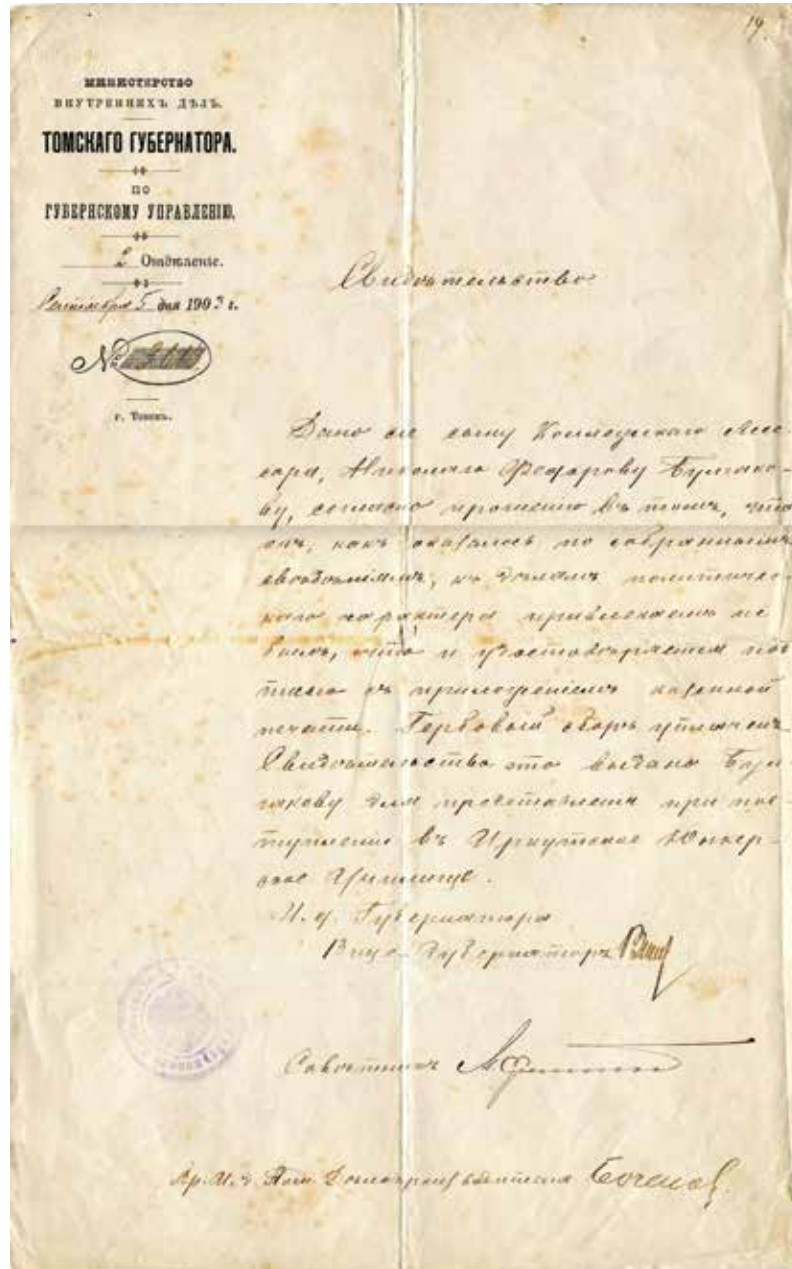
1903 года. Мая 18 дня.

Я, нижеподписавшийся, даю сие
поукину в том, что ни на какия
тайныя общества, журналы,
управы и прочия подь какия
бы сиб названы не существова-
ли, ни принадлежал и впрелд
принадлежат не буду, и что
не только членам оных обществ,
по обязанности чрез клямбу и
честное слово, не был, да и не по-
щаль и даме не знал о них, и
чрез подговоры, или оь обществах,
тако же и оь членах оных
знал и обязанности без зорья
и клямбу клявшихся не давал.

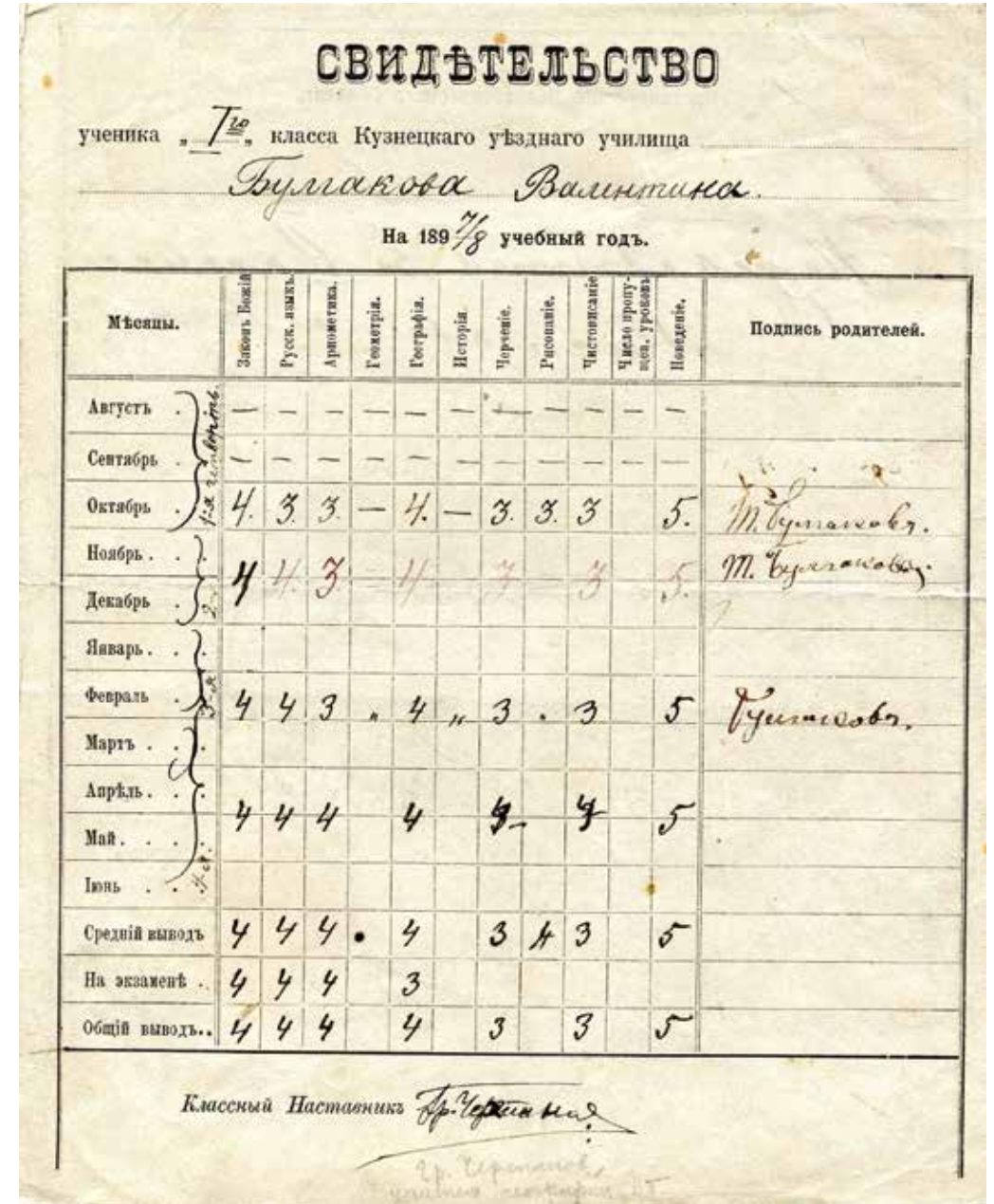
Ученик IV класса Томской
Мужской Губернской
Школы. Н. Булгаков

Я, нижеподписавшийся, участвовавший, как председа-
тель одного из отделов в единично собранном
руко в призывном комитете, призыве Исакова Го-
лицы, и о Исакова Николы Федоровича в качестве
председателя в комитете - во исполнение поручения,
былою Таровичю Обществом, сменил членом
Николаем Александровичем Булгаковым, именуем-
ым Исаков, во Исаковом комитете, в комитете
сего сего не принадлежал, представляющим в удо-
стоверении оном на имя Исакова сего, дабы Комитетом
Александровичем Булгаковым Булгаковым, 5 августа
1903 года г. Томск, в качестве члена сего, в комитете
№ 26/18 по поручению А. 1903. Завершено: сию -
М. Ф. Котарина Ф. Карин

Подписка Николая Булгакова
о несостоянии его в тайных организациях.
8 мая 1903 г.

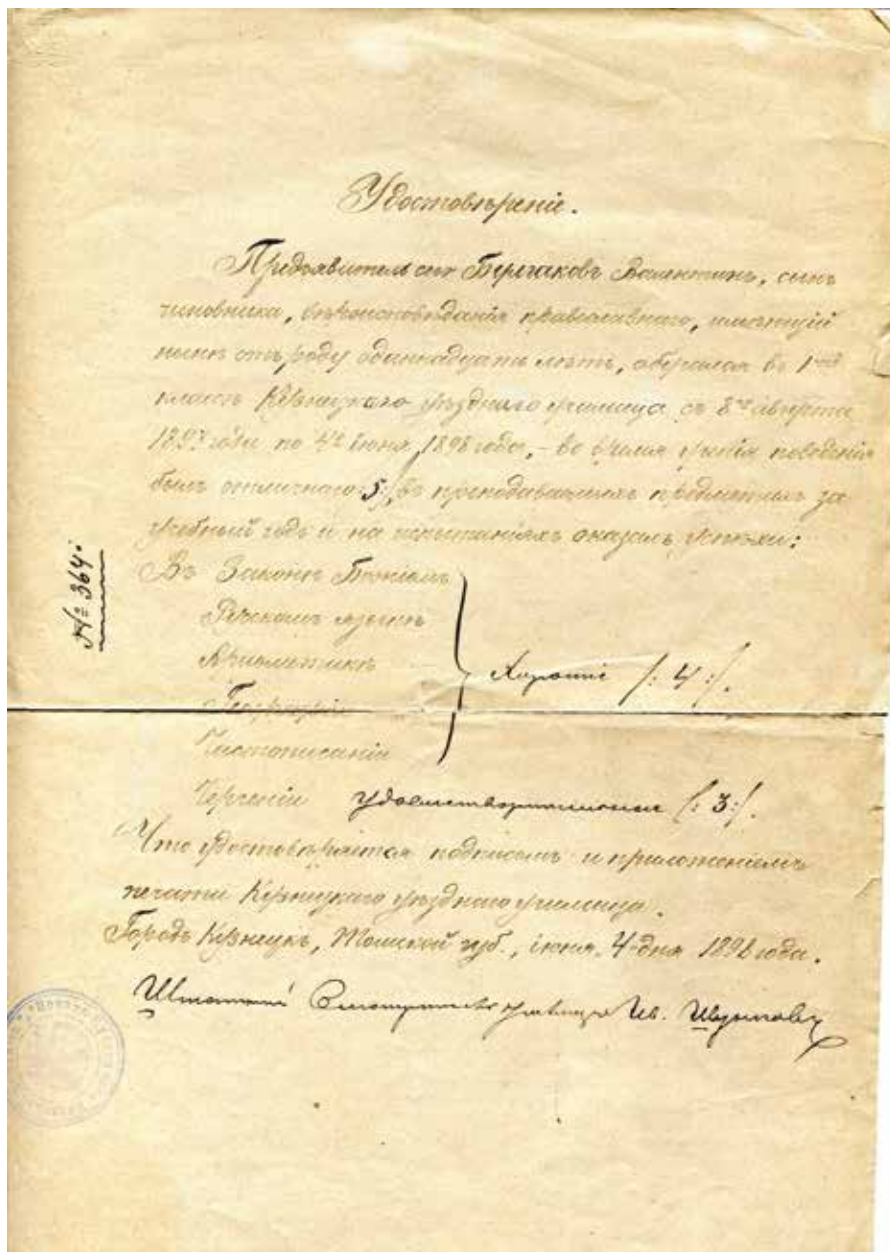

Свидетельство о политической благонадёжности Николая Булгакова. 5 сентября 1903 г.

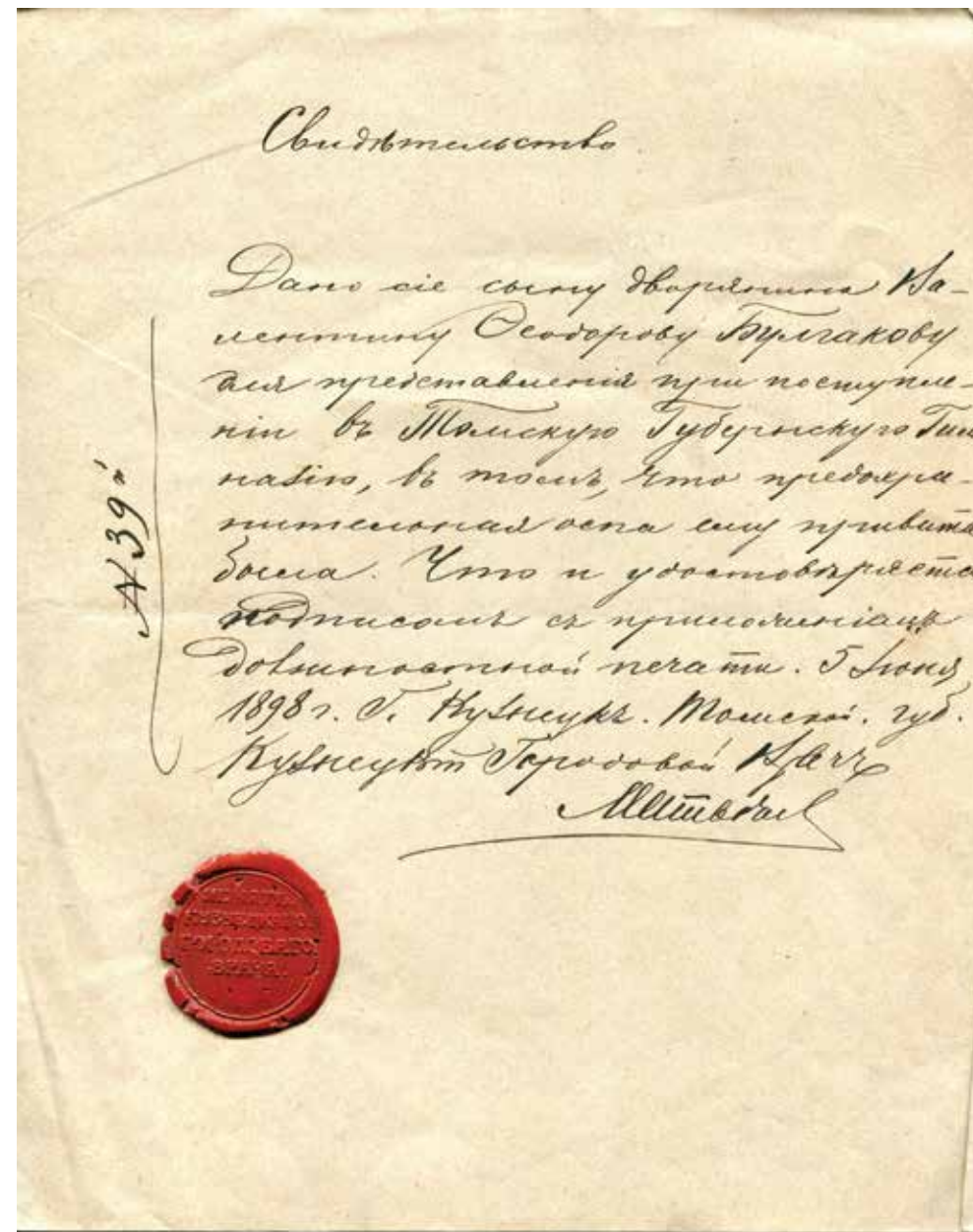

Свидетельство ученика I класса Кузынецкого уездного училища Валентина Булгакова с оценками за 1897-98 гг.

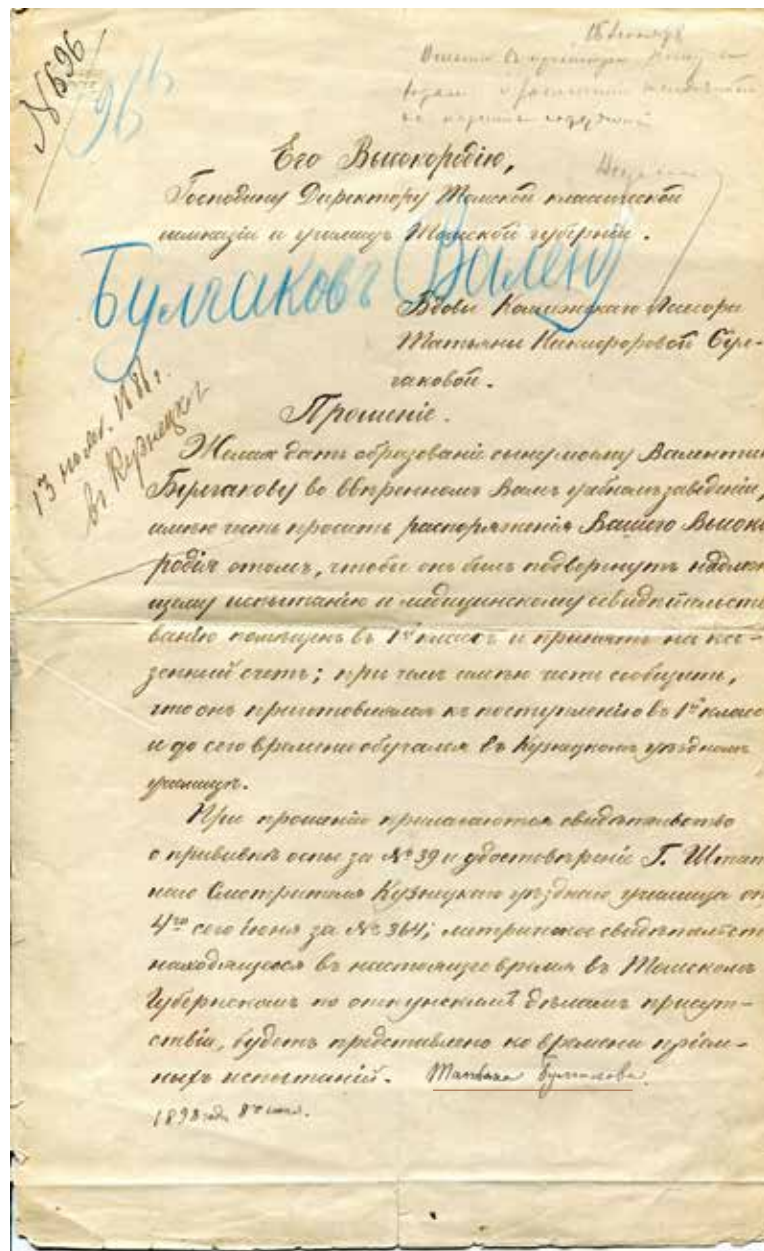
На обороте надпись: «Постановление Педагогического Совета: переводится во II класс. Наставник (подпись)»

Удостоверение Валентина Булгакова
 об окончании 1-го класса Кузнецкого
 уездного училища. 4 июля 1898 г.

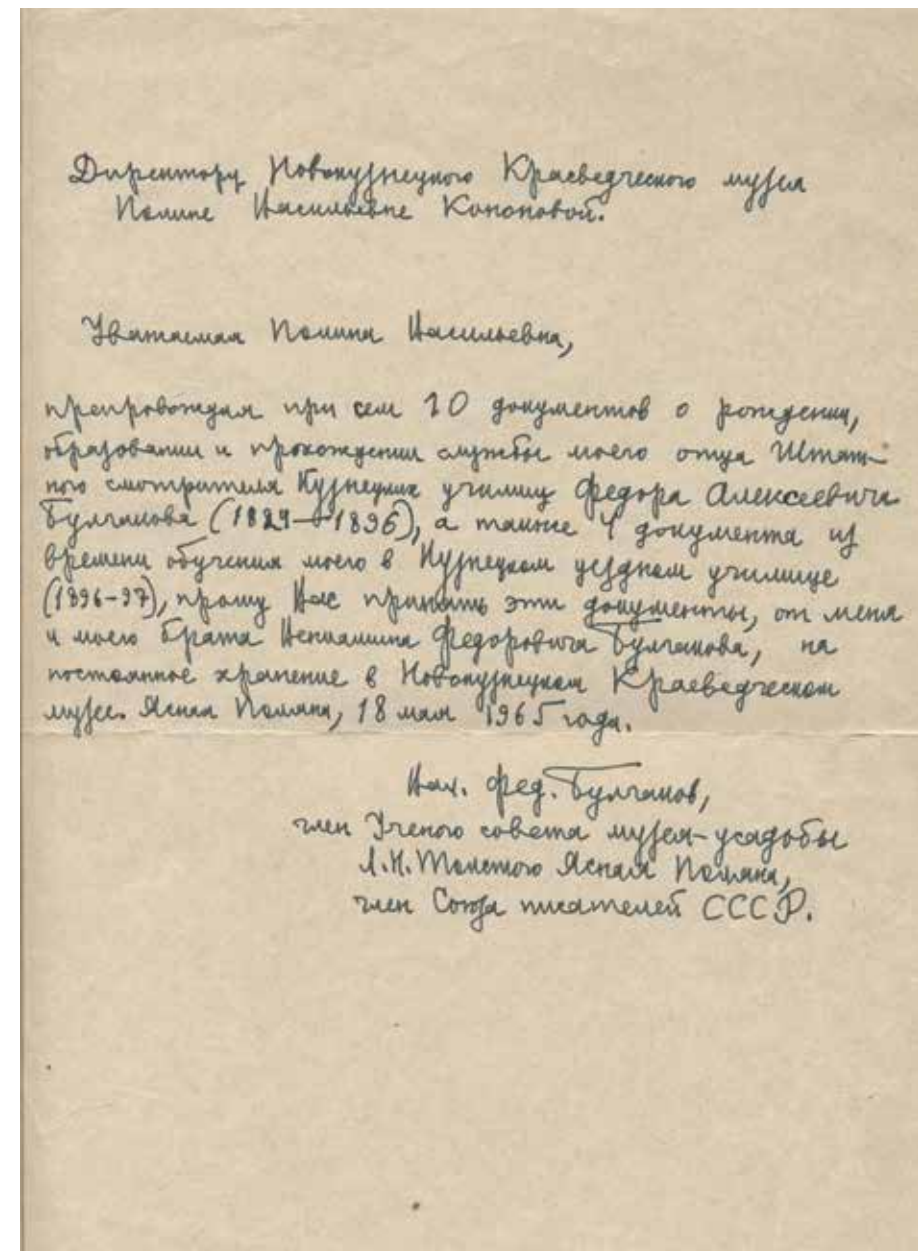

Свидетельство медицинское Вал.Ф.Булгакова
 о прививке ему предохранительной оспы.
 5 июля 1898 г.

Прошение Т.Н.Булаковой на имя директора Томской губернской гимназии о принятии её сына Валентина в это учебное заведение 8 июля 1898 г.

На обороте запись рукой Вал.Ф.Булакова: «Примечание»: надпись наверху прошения (карандашом) – резолюция директора гимназии Виктора Петровича Щенетева».

Письмо Вал.Ф.Булакова о передаче семейных документов в фонды музея.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПУБЛИКАЦИИ
ВАЛ.Ф.БУЛГАКОВА
О КУЗНЕЦКЕ
В СИБИРСКОЙ
ПРЕССЕ

г. Кузнецк, Томск<ой> губ<ернии>.

Уже несколько лет тому назад возник у нас вопрос о постройке народного дома. Теперь, кажется, мысль эта осуществится в самом непродолжительном времени, так как на средства, ассигнованные губернским комитетом попечительства о народной трезвости, уже приобретены необходимые материалы: лес, камень и т.п.

Как слышно, к постройке приступят даже нынешней осенью. Дело только в том, что расходятся мнения относительно выбора места под постройку: одни советуют строить на Соборной площади – в центре города, где сгруппированы лучшие здания, другие – на площади около городского училища. Но нам думается, что, во всяком случае, это обстоятельство будет улажено и не помешает скорейшему началу работ. План дома очень хорош: сцена – с уборными, с отдельными помещениями для декораций, для бутафорских принадлежностей, довольно вместительный, в два света, зал для публики, фойе, чайные, помещение для библиотеки, читальня и др.

На днях местными любителями драматического искусства устроен был в помещении общественного собрания спектакль в пользу городской общественной библиотеки. Поставили известную комедию Островского «Доходное место». Однако, ни серьёзный выбор пьесы, ни симпатичная цель спектакля не привлекли многочисленной публики. Впрочем, билеты последних рядов и галереи были раскуплены, а первые ряды, на которые, главным образом, и рассчитывали, почти пустовали.

Интересно, в самом деле, отношение наших интеллигентов к подобного рода предприятиям, хотя бы в данном случае: все кричат, что в библиотеке нечего читать, негодуют на то, что там не выписывают совершенно периодических изданий, а между тем, когда является возможность общими силами помочь этому, сделать доброе дело, большая часть этих «негодующих» и

пальцем не двинет.

Или уж просвещенные кузнечане, не желая смотреть любителей, дожидаются, не наедет ли в Кузнецк Сара Бернар, или они жалеют истратить на общественное дело лишнюю копейку, или уж так сильно развилась страсть к карточной игре, что не позволяет им отлучиться от зелёного сукна даже на несколько часов, – бог знает; только в пользу библиотеки достаются лишь около 35 руб. Скажем, что спектакль благодаря умелой режиссёрской распорядительности старой нашей любительницы К.А.Адамович, сошёл вполне удачно.

Сообщаем теперешние цены на некоторые продукты: мука пшеничная – 75-90 коп. за пуд, ржаная – 40-50 к<оп.> за пуд, масло – 10-11 р<уб.>, мясо – 6 к<оп.> фунт, овёс – 40-50 к<оп.> пуд, крупчатка 1-го с<орта> – 11 р<уб.> куль, 2-го – 10 р<уб.>

Урожая у нас ждут замечательного; опасаются только, чтобы не было инеев и чересчур сильных ливней; травы также везде хороши.

В настоящее время четырьмя командированными из Казанска и Красноярска офицерами производится в уезде военно-конская перепись.

Кузнецк, 9 июля 1903 г.

В.Булг<аков>

Опуб.: Сибирская жизнь. Томск, 1903 г. 19 июля (№ 156). С. 2.

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ В КУЗНЕЦКЕ

В этом маленьком городке Томской губ<ернии> Ф.М. провёл всего лишь несколько недель, но здесь совершилось важное событие в его жизни, именно женитьба на Марии Дмитриевне Исаевой.

Нынешним летом мне удалось собрать в Кузнецке кое-какие сведения о самом писателе, а также о его невесте. Я пользовался при этом воспоминаниями некоторых старожилов и, кроме того, в архиве церкви, где происходило венчание, нашёл интересный документ – «выпись» из так называемого «брачного обыска»¹. Полагая, что для всех, кому дорого имя покойного Фёд<ора> Мих<айловича>, будет небезынтересно познакомиться с лишней страничкой из его жизни, я решил собранные материалы предать печати.

С М<арией> Дм<итриевной> Исаевой Ф.М. познакомился ещё в Семипалатинске, когда, отбыв срок каторжных работ и прослужив четыре года солдатом в тамошнем сибирском линейном № 7 батальоне, он был, наконец, сделан прапорщиком. Муж Исаевой был чиновником особых поручений при каком-то важном лице. Он в то время вёл безобразную жизнь, злоупотребляя спиртными напитками.

Переведённый вскоре в Кузнецк корчемным заседателем², Исаев скончался здесь в мучениях, оставив жену и двух малолетних детей без всяких средств к жизни³. Ф.М., извещённый о смерти Исаева, немедленно выслал Марье Дмитриевне значительную сумму денег, которую, говорят, сам достал с трудом. Тогда же он начал хлопотать о приёме её старшего сына на казённый счет в учебное заведение. Много помогала Исаевой жена местного исправника, богача и хлебосола, Анна Николаевна Катанаева. Она ценила в М.Д. её воспитанность, ум и высокую образованность. Большой поддержкой являлись для семейства Исаевых деньги, которые М.Д. зарабатывала частными уроками.

Между прочим, она преподавала французский язык учителю местного приходского училища Вергунову. Он, говорят, был неравнодушен к М.Д. и также, как Достоевский, всеми средствами старался

облегчить её тяжёлое положение⁴. Известно даже, что Ф.М. ревновал М.Д. к Вергунову, но потом вполне убедившись, что она его любит, взял отпуск и поехал из Семипалатинска в Кузнецк.

Здесь он остановился у Исаевых, которые в то время квартировали в небольшом домике портного Дмитриева. Домик этот, изображённый на прилагаемом рисунке, помещается на Полицейской улице, три года тому назад переименованной, впрочем, в улицу Достоевского. Он состоит из двух маленьких комнат, коридорчика, передней и кухни. Недавно обшили его тёсом.

Брак был решён. Но требовались издержки, а между тем средства как жениха, так и невесты были крайне ограничены. Начались соображения, откуда достать денег. Тут явилась на помощь опять А. Н. Катанаева: она упростила бракосочетающихся все труды и хлопоты по устройству свадьбы предоставить ей. Весть о том, что на Исаевой женится какой-то приезжий офицер-писатель и что свадьбу эту устраивает Катанаева, быстро облетела весь город, так что 6 февраля 1857 года, в день, назначенный для бракосочетания, Одигитриевская церковь оказалась наполненной народом.

В самом деле, благодаря участию Катанаевой, свадьба вышла весьма пышная. Вот что рассказывает Т.М.Темезева, которая присутствовала в церкви. «За народом едва можно было протолкаться вперёд... Конечно, присутствовало в церкви и всё лучшее кузнецкое общество – Анна Николаевна всех пригласила. Дамы были все разнаряжены... В церкви – полное освящение. Сначала, как водится, приехал жених. Конечно, внимание всех на него обратилось. И я смотрю с любопытством, хоть мне и было только лет 16, но я слышала, что он не простой человек, – писатель... Он, помню, был уже не молодой, лет тридцати восьми⁵; довольно высокий, выше, пожалуй, среднего роста... Лицо имел серьёзное. Одет он был в военную форму, хорошо, и вообще был мужчина видный.

Жениха сопровождали два шафера: учитель Вергунов и чиновник таможенного ведомства Сапожников. Скоро прибыла и невеста, также с двумя шаферами, один из них был сам исправник Иван Миронович Катанаев. Худенькая, стройная и высокая, Марья Дмитриевна одета была очень нарядно и красиво, – хотя и вдовушка...

Венчал священник о. Евгений Тюменцев в сослужении с дьяконом (по «брачному обыску» – о. Петром Углянским). Были и певчие. После совершения таинства молодые и гости отправились на вечер в дом, кажется, Катанаевых. Я не была там...»

Почти то же сообщил о свадьбе другой очевидец, Д.И.Окороков⁶. Он был лично знаком с Ф.М. и часто встречался с ним на вечерах, которые устраивались ещё до свадьбы у Катанаевых. Д. присутствовал на них вместе с невестой. По словам Окорокова, он всегда бывал в очень весёлом расположении духа, шутил, смеялся. Это общение должно для нас быть особенно интересным. Как известно, вообще Ф.М. отличался характером необщительным, даже мрачным.

Очевидно, здесь, в Кузнецке, под влиянием близости любимого существа, вдали от служебных обязанностей, от места неприятных тяжёлых воспоминаний, Ф.М. чувствовал себя, если не вполне счастливым, но удовлетворённым более или менее. Этим и можно объяснить его хорошее расположение духа, о котором говорит и на котором, нужно прибавить, прямо настаивает Окороков. Когда устраивались карты, Ф.М. не отказывался принимать участия, случалось ему, как другим, выигрывать и проигрывать, сам Окороков не раз играл с ним.

Нередко видели Ф.М. в его военном плаще, гуляющим по улицам города вместе с Марией Дмитриевной⁷.

Посещал он часто венчавшего его священника о. Евгения Тюменцева, которому после прислал в подарок свою автобиографию⁸.

В этих посещениях знакомых, прогулках, вечерах, картах проходило время, срок отпуска, данного Д-му, истекал. Скоро он, вместе с женою, действительно покинул Кузнецк. Перед самым отъездом была на могилу Исаева, где стоял лишь деревянный крест⁹, положена чугунная плита, изготовленная по распоряжению М.Д. Я был на кладбище, отыскал могилу¹⁰ и прочёл эпитафию. Мне кажется, едва ли Ф.М. и его жена предпринимали что-нибудь тогда, не посоветовавшись предварительно, а если так, то мы имеем основание предполагать, что Ф.М. участвовал в составлении этой эпитафии или, по крайней мере, видел и одобрил её. Она не длинна и я позволю себе её привести:

«Аз есмь воскресение и живот, веруй в Мя имать живот вечный». Здесь покоится тело Александра Ивановича Исаева. Он умер 4 августа 1855 года».

Примечания В.Ф.Булгакова к статье:

- 1) Самый «обыск» с автографами Ф.М.Достоевского, его жены и др. затерялся неизвестно где.
- 2) «Выпись» из «брачного обыска».
- 3) Свидетельство Т.М.Темезевой, дочери чиновника, и вдовы штабс-капитана М.В.Темновой.
- 4) Темезева Т.М.
- 5) Ф.М. было тогда 34 года, невесте – 29 (по «брачному обыску»).
- 6) О. проживает в с. Бочаты, за 100 вёрст от Кузнецка. Я заезжал к нему на обратном пути в Томск.
- 7) М.В.Темнова.
- 8) Е.Е.Васильева (дочь Тюменцева). Книга утеряна.
- 9) Д.В.Корчуганов.
- 10) Согласно указаниям Т.М.Темезевой.

Опуб.: Сибирская жизнь: XXIII иллюстр. прил. к № 221. Томск, 1904 г.

10 октября. С. 1. (ил. на с. 1–2).

**НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ КАРТИНЫ г. ВУЧИЧЕВИЧА
«ДОМИК ДОСТОЕВСКОГО В КУЗНЕЦКЕ»**

На днях я посетил выставку картин г. Вучичевича, где моё внимание привлекла между прочим картина «Домик Достоевского в Кузнецке». Сам прожив несколько лет в Кузнецке и отлично зная домик Достоевского, я был поражён тем, что изобразил на своей картине г. Вучичевич. Вместо узкой улицы представлена на картине огромная площадь, вернее, какой-то пустырь, за которым виднеются дома и неведомый лесок; перед домами изображена церковь, в действительности стоящая на горе далеко за ними. Впереди на левой стороне картины находится и самый «домик», где жил Достоевский; только это дряхлое строение выглядит таким новым, крепким, даже окрашено в серо-зелёный цвет! В саду около домика нарисованы совершенно другие породы деревьев чем те, какие находятся там на самом деле.

Моё недоумение было велико. Наконец я понял, что г. Вучичевич, как это ни странно, рисовал вид Кузнецка не с натуры, и даже, взглядевшись пристальнее, узнал, что оригиналом для картины служил единственный довольно неудачный снимок с домика Достоевского, помещённый нынче осенью в «Иллюстрированном» приложении к «Сибирской» жизни».

Тогда лишь мне стало ясно, почему г. Вучичевич середину улицы изобразил... заросшей травой, а около строений нарисовал светло-жёлтый, глинистый грунт: дело в том, что на фотографии грязная середина улицы, предназначенная для езды, вышла темнее мест, усыпанных галькой и представляющих тротуары для пешеходов. Картина г. Вучичевича – курьёз, какие редко встречаются. Но этого мало.

Для профессионального художника, «экспонента Императорской Академии Художеств», как именует себя г. Вучичевич, непорочно выставлять картину, нарисованную именно не с натуры. Только неопытные ученики да любители прибегают к вспомогательным средствам живописи – фотографиям, только им дозволяется ко-

пировать, а художник переносит на полотно лишь то, что является непосредственно его взору, иначе картина лишается оригинальности, и мы имеем дело уже не с искусством, а с ремеслом. У истинного художника каждая картина – плод вдохновения его красотами ли природы или яркостью и идейностью жанровой сцены; так неужели г. Вучичевича вдохновила эта серенькая, размазанная на плохой газетной бумаге картинка, по своему содержанию ровно ничего для художника не представляющая?!

Выставив свою картину, г. Вучичевич поступил слишком смело и по-детски наивно: с одной стороны, он должен был знать, что ведь не в Колах же, в самом деле, устраивает он выставку и что в Томске есть много любителей и ценителей живописи, с другой, как было не понять, что он этим лишь набросит тень на свою репутацию как художника и заставит подозревать, что и другие сюжеты для своих картин он брал из каких-нибудь иллюстрированных журналов для домашнего чтения.

Наконец, зачем вводить в обман публику, объявляя о «сибирских видах»: разве, в самом деле, Кузнецк изображён на картине? Если уж так необходимо было г. Вучичевичу поместить этот вид на выставку, то пусть бы он лучше подписал «Вечер в Малороссии» или что-нибудь в этом роде, тем более что на картине представлена заря!

Если, таким образом, встать на точку зрения г. Вучичевича, то выставки можно устраивать, пожалуй, и очень легко: стоит перерисовать как можно больше картинок из журналов и – готово... Только тогда уж не надо принимать в расчёт, что такая выставка теряет всякое значение.

Булгаков.

P.S. В № 53 «Сибирской» Жизни» г-жа Базанова называла картину «Домик Достоевского» «интересным историческим сюжетом». Если б она знала, как исторически верно передан г-м Вучичевичем этот исторический сюжет!

Опуб.: Сибирский вестник. Томск, 1905 г. 19 марта (№ 62). С. 2.

.....

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

– 7 –

ВАЛ.Ф.БУЛГАКОВ. ДЕТСТВО В КУЗНЕЦКЕ

– 15 –

ВЕН.Ф.БУЛГАКОВ. В ТОМ ДАВНЕМ КУЗНЕЦКЕ

– 183 –

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ

– 579 –

АВТОБИОГРАФИЯ В.Ф.БУЛГАКОВА 1911 Г.

– 601 –

ПЕРЕПИСКА ВАЛ.Ф.БУЛГАКОВА
И ВЕН.Ф.БУЛГАКОВА С НОВОКУЗНЕЦКИМ
КРАЕВЕДЧЕСКИМ МУЗЕЕМ
И ЕГО СОТРУДНИКОМ К.А.ВОРОНИНЫМ

– 619 –

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ВАЛ.Ф.БУЛГАКОВА
О ПОСЕЩЕНИИ НОВОКУЗНЕЦКА
(СТАЛИНСКА)

ВМЕСТЕ С БРАТОМ В 1959 Г.

– 747 –

ДОКУМЕНТЫ СЕМЬИ
БУЛГАКОВЫХ В ФОНДАХ
НОВОКУЗНЕЦКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

– 759 –

ПУБЛИКАЦИИ ВАЛ.Ф.БУЛГАКОВА
О КУЗНЕЦКЕ В СИБИРСКОЙ ПРЕССЕ

– 805 –

.....

